

Анатолий Уткин

Мировая холодная война

Аннотация

С точки зрения западного мира, Россия была хороша, сражаясь против Германии в фактическом одиночестве, защищая от нацистского варварства цивилизацию, но недостаточно привлекательна при обустройстве нового мира. В Восточной Европе американцы усмотрели опасность того, что они назвали советским экспансионизмом. Однако было ясно, что именно война окончательно и бесповоротно уничтожила традиционные восточно-европейские политические и экономические структуры, и ничто не могло изменить этот факт, ибо не Советский Союз, а лидеры «старого порядка» в Восточной Европе сделали данный коллапс неизбежным. Ради силового противостояния Москве Америка не только разрушила в конце 1940-х годов союз времен войны, но и пошла на крайние меры: заново вооружила Германию, создала Североатлантический союз, постаралась осуществить контроль над мировым экономическим развитием.

«Холодная война» была величайшей трагедией XX века — об этом книга.

Анатолий УТКИН МИРОВАЯ ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

ВВЕДЕНИЕ

Холодная война была сложным процессом, частью которого была психология, различное восприятие мира, иная мыслительная парадигма. Это была ошибка колоссальных пропорций, и сделали эту ошибку в Москве не более, чем создали ее в Вашингтоне. В данной книге мы пытаемся разобраться в причине этой ошибки, стоившей миру огромного напряжения и затрат, как минимум, десяти триллионов долларов за период 1945— 1991 гг.

Президент Рузвельт после нападения Германии на Россию написал адмиралу Леги, что «это означает освобождение Европы от нацистского доминирования. В то же время я не думаю, что нам следует беспокоиться о какой-либо возможности русского доминирования».

Но под влиянием победившего в «холодной войне» Запада само это явление — холодная война — подается как результат вторжения России во внешний для нее мир, как попытку Москвы завладеть контрольными позициями во второй половине 1940-х годов как в Европе, так и в Азии. Ничего не может быть дальше от правды, чем такое изображение периода, последовавшего сразу же после окончания второй мировой войны.

В поисках фундаментальных источников холодной войны мы должны обратить первостепенное внимание на интересы и позиции наций-государств, являющихся базовым фактором международной системы. Как определяет историк Ф.Н. Хинсли, «международная система независимых стран не может просто отставить свою первостепенную обеспокоенность в отношении интересов своего общества, конкурирующего с другими государствами». Этот императив приложим к государствам черпающим свое вдохновение из марксизма равным способом, как и к государствам, построенным на учении Локка — или на божьем промысле.

Прежде всего следует сказать, что любой серьезный историк неизбежно по ходу анализа Второй мировой войны делает вывод, что колоссальный конфликт создавал грандиозный силовой вакуум в Европе, и у всех наблюдателей исчезали сомнения в том, что мощь России и ее потенциал становились первостепенными факторами складывающейся в результате войны международной системы. Так, в частности, полагал американский президент Рузвельт. Он считал, что Россия более не может рассматриваться как аутсайдер мировой политики. В контексте ведущейся войны было ясно, что главным среди всех наземных фронтов является Восточный фронт. Через год после начала германского вторжения в СССР президент Рузвельт объявил, что «русская выдержка является главной силой союза».

Принятие на себя Советским Союзом основной ноши битвы с немцами конкретно означало возможность разительного уменьшения американских потерь. Русские заведомо брали на себя главную людскую ношу, а Америка тем временен окончательно выходила из кризиса и поразительно увеличивала военное производство. В сложившейся ситуации президент Рузвельт считал Советский Союз не неким социалистическим авангардом, а геополитическим фактором, имеющим свои интересы. Политика Москвы скорее похожа на политику царской России. Рузвельт подчеркивал важность государственных императивов, а не роль идеологии. Он считал ложным постулат, что жесткая внутренняя политика неизбежно ведет к жесткой внешней политике. Не видя в России революционный авангард, Рузвельт создал так называемую «ялтинскую аксиому» — Великий военный союз мог продолжать действовать и после окончания Второй мировой войны, подчиняясь обоюдодоприемлемым нормам поведения. Рузвельт знал, что после окончания войны СССР будет поглощен задачами восстановления и будет отчаянно нуждаться во внешней помощи, ценя при этом стабильность, порядок, мир. Самый выдающийся президент США в XX веке считал предотвращение взаимного недоверия одной из главных своих задач.

ФДР постоянно настаивал на увеличении объема поставок по ленд-лизу и ускорении этих поставок. Он настаивал на высоком уровне постоянных контактов. После визита Гарри Гопкинса в Москву в июле 1941 г. Сталин все более виделся в Белом доме как реалист и рациональный политик. В Тегеране и Ялте это мнение укрепилось. «Одним из фундаментальных положений политики Рузвельта, — пишет американский историк Д. Ергин, — было признание жизненной важности того, что Соединенные Штаты должны иметь реалистичную оценку советской мощи и создаваемой им сферы влияния и отдавать „должное“ потребностям безопасности Сталина. Сферы влияния были не предметом фривольного выбора, но скорее основными данными системы международных отношений».

Но Рузвельту приходилось разговаривать на двух разных языках. Со Сталиным он говорил на языке политического реализма, а в США взывал к вильсоновскому мировому идеализму. С русскими он говорил на языке Великого Союза, основываясь на реальностях международной

политики. В своей собственной стране он излагал свою программу на идеалистическом вильсоновском языке, получавшем все более широкое распространение. Смесь реальполитик и вильсонизма могла породить горючую смесь. 1 января 1945 г. Рузвельт сказал слова, важность которых трудно переоценить. «Оккупирующие силы владеют властью на территориях, где присутствуют их армии и каждый знает, что другие не могут изменить эту ситуацию. Русские владеют силой в Восточной Европе. Практично использовать нашу силу только с целью несколько улучшить ситуацию». Что же касается всемирной организации, то «единодушие практически является строго необходимым». Мир такой, какой он есть. Россия определяет свою безопасность по своим границам. Спорить с ней по некоторым вопросам не только безнадежно, но и опасно пытаться подчинить русских американской воле.

Довольно рано Рузвельт пришел к умозаключению, что новые советские границы включают в себя часть польской территории, Бессарабию, балтийские государства и часть Финляндии. Он знал теперь, что российское влияние проникнет глубже в Европу. В таких обстоятельствах было бы бесполезным противостоять непосредственным целям Сталина, поскольку в его силах было завладеть этими землями при любых обстоятельствах. Лучше было постараться смягчить характер советского влияния. «Единственным практическим курсом было бы попытаться улучшить ситуацию в целом». В том же духе Рузвельт пришел к умозаключению, что «мир нужно видеть таким, какой он есть; Россия обеспечит интересы своей безопасности вокруг своих границ. По некоторым вопросам было бы не только бессмысленно, но и, собственно, опасно принуждать Россию следовать американской воле».

«Двуязычие» было характерно и для Черчилля, чье сознание буквально делилось надвое. Это было заметно для непосредственного окружения. Лорд Галифакс в 1942 г.: «Не могу не восхититься быстрыми переменами фронта Уинстона в отношении России. За предложение Идена найти компромисс со Сталиным он назвал его всеми словами от собаки до свиньи, а сейчас предлагает президенту сделать подобное же предложение Сталину». После встречи в Москве в 1944 г. доктор Моран заметил, что премьер-министр «кажется раздвоенным между двумя линиями действий... В один час он готов просить президента создать общий фронт против коммунизма, а в течение следующего часа он готов просить Сталина о дружбе. Иногда эти линии сменяют друг друга с поразительной быстротой».

Мы видим как два главных политика XX века в конце концов приходят к выводу, что Россия нуждается в «поясе безопасности». И в страшной войне, когда в руках немцев были мощности, производившие до войны 45 процентов валового национального продукта, 47 процентов используемых сельскохозяйственных земель, она, восстав из пепла, положив в полях цвет своего юношества, заслужила эту зону своего преобладания.

Впрочем, советское руководство в роковой час своей истории, находясь на грани национального выживания, было готово и на другой вариант. Теряющая жизненные силы Россия просила о помощи и взамен готова была пойти практически на все, включая передачу контроля своим западным союзникам над Восточной Европой. 13 сентября 1941 г. Сталин предложил премьер-министру Черчиллю «расположить 25-30 дивизий на советской земле». Если Лондон беспокоился о послевоенной карте, о зонах влияния в послевоенной Европе, то не было лучшей возможности самим войти на Балканы и в Польшу. Но следовало сделать кровавый вклад в общую победу, защитить свою империю, сохранить молодое поколение — и Черчилль не пошел по пути, который помог бы ему лучше спать в 1945 г.

Оба западных союзника предпочли издали наблюдать за битвой под Москвой. Не о выживании думали в Вашингтоне и Лондоне, а о перспективах, которые начал обещать остановленный блицкриг. Не только об удовлетворении первым поражением Гитлера говорят пожелтевшие документы того февраля 1942 г. Государственный секретарь США Корделл Хэлл пишет президенту Рузвельту: «Нет сомнения в том, что советское правительство имеет огромные амбиции в Европе и на каком-то этапе Соединенным Штатам и Великобритании придется выразить свое несогласие с этими требованиями. Предпочтительным было бы занять твердую позицию уже сейчас». Макиавелли восхитился бы хладнокровием своих последователей.

Впереди еще Харьков, Сталинград, Прохоровка, Днепр, Припять — а стратеги, охраняемые двумя океанами, задумались над судьбами Европы.

Пытаясь оценить «будущего Сталина», некоторые западные деятели искали свои критерии. Скажем, для государственного секретаря Корделла Хэлла и военного министра Генри Стимсона важным было отношение московских коммунистов к религии. Послабления 1943 г. их в этом плане воодушевили. В сентябре 1943 г. Сталин восстановил Священный Синод православной церкви. В годы войны традиционная партийная пропаганда изменилась — говорили о славянских победах, а не о достоинствах марксизма. Офицерский корпус обрел вид и значимость традиционные для «докоммунистической» России.

Для другой группы западных наблюдателей поверхностных изменений было недостаточно. Более жестких взглядов придерживаются специалисты государственного департамента, которые советуют заранее вести в отношении СССР более жесткий курс — воспротивиться использованию Советами коммунистических партий в соответствующих странах.

Окончание войны подорвало связующую нить великой коалиции — ненависть к германским и японским агрессорам. Осталось ли нечто, что могло спасти великий военный союз на долгие мирные времена, в процессе строительства нового мира? С неделями и месяцами второй половины 1945 г. становилось ясно, что один из членов коалиции — Соединенные Штаты — решил идти собственным путем, реализуя свое видение мира будущего. Вашингтон поставил перед собой весьма амбициозные задачи: остановить сдвиг мировых сил влево, вернуть состояние дел в мире максимально близко к довоенному, ворваться на рынки освобожденных от влияния Германии и Японии государств, сделать ООН инструментом строгих полицейских акций. Кто стоял на пути, не желая взять на себя роль сателлита? Только одна страна Советский Союз, возвышавшийся в новой мощи между руин Германии и Японии.

И если Советский Союз принес максимум жертв на алтарь общей победы, то Соединенные Штаты пожертвовали в только что закончившейся войне значительно меньше. Их территория не пострадала, а молодое поколение вернулось домой к невиданным высотам благосостояния. Редко в мировой истории одна страна получала такое неслыханное могущество на фоне обессиленной Западной Европы, лежащей в ядерном пепле Японии и рухнувшего социального порядка в Восточной Европе. Всякое равновесие разрушилось, США просто доминировали. Три цели стояли перед новым Вашингтоном как перед самопровозглашенным центром мира: проблема самостоятельности большого и победоносного Советского Союза; создание плотины на пути левых сил в мире с сохранением базовых основ прежнего порядка; замена западноевропейского колониализма новой международной системой, базирующейся на Организации Объединенных наций.

Важно то, что вожди новой, послевоенной Америки отчетливо представляли себе степень невероятного могущества своей страны, способного, как им казалось взять историю под уздцы. СССР вышел победителем, но какой ценой? Способен ли он обойтись без помощи благожелательного опекуна?

Со Второй мировой войной на дно истории ушел Старый порядок — евроцентрический мир с колониальной системой. Вперед вышли два государства, менее значительные при Старом порядке — Соединенные Штаты (незначительно вовлеченные в мировое соотношение сил) и СССР, практически исключенный из мировой системы в период между двумя войнами. СССР и США имели довольно мало в плане общих традиций, у них не было даже общего политического словаря. Они смотрели на себя как на естественные конкурирующие модели для всего человечества.

Холодная война не была предопределена, она родилась из специфической дипломатии отчуждившихся друг от друга сторон. При этом многие серьезные, реалистично настроенные американцы верили, что «русские могут работать вместе» с Западом. Но на капитанском мостике американской дипломатии решили иначе. В пику СССР встали три элемента американского самосознания:

- Вильсонизм, идеология либерального интернационализма, основа американской внешней

политики в XX веке — явила собой стремление спроецировать американские ценности на мировую политику; вильсонизм стремился ликвидировать прежнюю основу мировой политики — баланс сил, раздел мира на сферы влияния и т. п., а вместо нее спроецировать на мир американские ценности — ценности либерального общества, основанного на широком локковском консенсусе, обеспеченном общими ценностями. США будут работать в рамках Старого порядка только с целью реформировать его. Вильсоновская программа искала средний путь между реакцией и революцией, она включала в себя национальное самоопределение, представительное правление, лигу наций, развал прежних империй, непризнание революционных перемен, сохранение демократических свобод и гражданских прав, ослабление гонки вооружений, веру в «просвещенное мировое общественное мнение, мир, открытый для торговли».

• Своеобразная интерпретация советских целей. Она вышла из долговременной аналитической работы 1920-х — 1930-х годов. Основой представления СССР стал образ этой страны как мирового революционного центра, отрицающего возможности сосуществования, мессиански направленного на мировое могущество. Теоретики такого пошиба концентрировались до признания Америкой Советского Союза в латвийской столице Риге; поэтому такая интерпретация получила название «рижской аксиомы»; именно рижская аксиома заложила основание антикоммунистического консенсуса в 1945—1949 годах. Один из апологетов «рижской аксиомы» — Чарльз Болен пишет в 1949 г.: «Я убедил себя и всех тех, кто целенаправленно работает над проблемами отношений с Советским Союзом, что причины противоречий между Советским Союзом и несоветским миром проистекают из характера и природы советского государства, его доктрин, а вовсе не из-за ленд-лиза или займов». Взгляды подобного рода исключали возможность дипломатического разрешения проблем, они делали такие попытки опасными, ибо противостояние в холодной войне представлялось как генетически предопределенное революционным, мессианским характером Советского Союза.

Американские лидеры, которые полностью приняли «рижскую аксиому» оказались жертвами ложного представления об объеме и интенсивности советского вызова, интерпретации характера советских целей; они неправомочно потеряли веру в дипломатию — новая американская доктрина «национальной безопасности» вела к ложному представлению о неотвратимо нависшей военной опасности Соединенным Штатам. Такая доктрина явила собой экспансивную интерпретацию потребностей американской национальной безопасности — главного элемента американского отношения к внешнему миру. Если американские интересы оказывались касающимися всего мира, то проявление любой советской активности за пределами границ СССР виделось угрозой Америке. При этом любая форма компромисса представлялась умиротворением — дурным словом после 1938 г.

Нам важно отметить, что еще до начала Второй мировой войны среди американских дипломатов возобладала «рижская аксиома», а ведь именно этим дипломатам в 1943-1949 гг. придется решать судьбы мира, судьбы «холодной войны».

Эти дипломаты, которым предстоит решать судьбу «холодной войны», начали изучать русский язык, культуру и историю в 1928 г. У молодых американских дипломатов было за спиной прекрасное образование: Джордж Кеннан учился в Берлине, а Чарльз Болен и другие расширили свое образование в Париже. Они вращались в примечательных кругах интеллигентов-иммигрантов, получая знания о России и все более утверждаясь в негативном отношении к России после 1917 г. Дж. Кеннан напишет в мемуарах: «Никогда — ни тогда, ни в какой-либо момент в будущем — я не рассматривал Советский Союз достойным союзником или сотрудничающей державой, нынешней или в будущем, для моей страны». И этим знатокам России доверили выбор курса в решающий момент, когда Россия вышла из унижения поражений и отступлений, когда она в 1945 г. стала сверхдержавой.

Не все они видели в послереволюционной Советской России только культурное падение. Первый посол США в Москве Уильям Буллит докладывает в Вашингтон, что советские лидеры — «разумные, софистичные, энергичные» люди, которых нельзя убедить «потратить их время на

обычную дипломатическую рутину... Они чрезвычайно склонны к контактам с обладателями первоклассного интеллекта, с людьми большого калибра как личности. Они, в частности, были восхищены молодым Кеннаном, который был со мной». Сталин сказал послу: «Если вы пожелаете увидеть меня в любое время дня и ночи, дайте мне только знать, и мы встретимся». Буллит сообщил президенту Рузвельту, что Сталин выглядел «как пожилой цыган с непостижимыми для меня корнями и эмоциями». Буллит восхищен «великолепным лбом» Молотова, который напоминал ему «первоклассного французского ученого, сдержанность, мягкость и интеллигентность». Кеннан пишет с теплым чувством: «По правде говоря это было удивительно восхитительное время... пример того, чем советско-американские отношения могли быть в иных обстоятельствах... Большинство из нас вспоминает эти дни как высшую точку своей жизни». Посол Буллит: «Любое обобщение в адрес России может иметь лишь мимолетную ценность».

Но «медовый месяц» длился недолго. Смягчение противоречий на Дальнем Востоке лишило американо-советские отношения потенциала военно-стратегического союза, а споры о долгах осложнили и личные контакты. Посол Буллит перестал восхищаться гостеприимством советского правительства в начале 1935 г. Буллит воспринял как личное оскорбление приглашение на конгресс коммунистического интернационала летом 1935 г. представителей Американской Коммунистической партии. Буллит стал требовать от Вашингтона разрыва дипломатических отношений. В марте 1936 г. Буллит пишет: «Россия — хорошая страна для сосен, сенбернаров, полярных медведей. Что до меня, то я мечтаю о возвращении». Летом 1936 г. Буллит стал послом в Париже. Теперь он называет Сталина Филиппом Македонским, готовым захватить все греческие (западноевропейские) города, «Афины и Спарту, Францию и Германию». Смелое умозаключение.

В Восточной Европе, более чем в каком-либо другом регионе американцы усмотрели опасность того, что они назвали советским экспансионизмом. Между тем для непредубежденного наблюдателя было достаточно ясно, что именно «война окончательно и бесповоротно уничтожила традиционные восточноевропейские политические и экономические структуры, и ничто, что Советский Союз мог сделать, не в силах было изменить этого факта, ибо не Советский Союз, а лидеры „старого порядка“ в Восточной Европе сделали этот коллапс неизбежным. Русские могли работать в новых структурных ограничениях самыми различными способами, но они не могли выйти за пределы новой реальности. Более осведомленные, чем кто-либо относительно своей слабости в случае конфликта с Соединенными Штатами, русские пошли достаточно консервативным и осторожным путем повсюду, где могли найти местные некоммунистические группы, согласные на отказ от традиционной политики санитарного кордона и анти-большевизма. Они были готовы ограничить воинственных левых и правых, и, принимая во внимание политическую многоликость региона, они питали не больше, но и не меньше уважения к нерожденной еще функциональной демократии в Восточной Европе, чем американцы и англичане продемонстрировали в Италии, Греции или Бельгии. Ибо ни американцы, ни англичане, ни русские не желали позволить демократии возобладать где-либо в Европе за счет важнейших стратегических и экономических интересов... Русские не намеревались большевизировать в 1945 г. Восточную Европу, если — но только если — они могли найти альтернативу».

Склонность советской стороны к компромиссу сказалась прежде всего в практике Единого фронта, в составе которого Россия фактически заставляла прислушивающиеся к ее мнению левые партии подчиняться вождям гораздо более широких коалиций, часто традиционным консервативным деятелям. Задачей Москвы в годы войны было не создание максимального числа социалистических стран, а предотвращение возвращения в власти в восточноевропейских столицах горячих приверженцев отсекновения России от Запада, приверженцев *cordon sanitaire*, сторонников замыкания России в Евразию.

Если бы это было не так и Сталин стремился бы распространить социализм на всю Евразию, то он, как минимум, готовил бы соответствующие правительства для потенциальных

кандидатов от Норвегии до Турции. Между тем все правительства с которыми он в конечном счете имел дело, выпестовывались независимо или в совсем других местах. Показателен пример Эдварда Бенеша. Не был «старой заготовкой» Болеслав Берут, не говоря уже о послевоенных министрах венгерского, румынского, болгарского и прочих правительств.

Америка же предвосхищала полуколониальное место восточноевропейцам, положение зависимых от западноевропейского центра стран, участника мирового разделения труда на положении поставщика самых примитивных продуктов и сырья. Свобода и демократия были своего рода «вторым эшелон» соблазна; первым был допуск на рынки развитых стран. И так, Китаю, Корее, Индокитаю и Восточной Европе предлагался все тот же «Старый порядок» колониализма и зависимости всего мира от финансового и технологического треугольника Нью-Йорк — Лондон — Париж. То, что «старый порядок» уже совершил самоубийство в Восточной Европе и Восточной Азии, практически не принималось вашингтонскими стратегами во внимание. Лишь интервенция извне спасла капиталистический порядок в ряде оккупированных стран. Американцы и англичане создали прецедент в Италии в 1947 г. На виду у всего мира американцы уничтожили совместный характер Союзных контрольных комиссий в надежде на то, что мощь Запада сдержит революционные перемены и создаст контролируемую Западом демократию.

Именно нежелание видеть полный крах старого, довоенного порядка, а также стремление ограничить сферу влияния Советского Союза в послевоенном мире заставило Соединенные Штаты отказаться от подлинно простого, сурового и жесткого мира с Германией и Японией. К концу войны влиятельная часть американской элиты пришла к той точке зрения, что полный крах Германии и Японии послужит на пользу только России. Влиятельные американские политики пришли к той точке зрения, что остаточная германская и японская мощь могут понадобиться для уравновешения советской мощи. «В этом смысле Вторая мировая война стала казаться американскому правительству трагической ошибкой, потому что империалистические Германия и Япония стали казаться предпочтительнее в качестве „спутников в будущем, чем СССР“.

* * *

Можно сказать, что «холодная война» родилась из противоречия, которое создатель Организации Объединенных наций президент Рузвельт старательно стремился не замечать. С одной стороны, новая международная организация должна была идти по вильсоновскому пути и решать свои проблемы на «общем собрании», на Генеральной Ассамблее. С другой стороны, основные проблемы мира обязаны были решать Великие Державы (Совет безопасности ООН). Противостояние между двумя этими фактически противоположными подходами в ходе Второй мировой войны как бы камуфлировалось. Но с наступлением мира оно стало очевидным противоречие этих двух подходов. Мощь, а не «коллективный разум» стали основой решения спорных проблем, это и породило «холодную войну».

Мир был возможен лишь в случае согласия великих держав. Рузвельт, мастер компромисса, верил в это согласие. В марте 1943 г. он говорит, что «союзные державы на 95 процентов вместе. Хотелось бы, чтобы некоторые люди забили этот факт в свои трубки и курили именно этот табак».

Американское руководство так и не могло найти общий язык с советскими дипломатами. Ради истины мы должны признать, что различия между Советским Союзом и Соединенными Штатами были весьма значительными в видении внешнего мира, в опыте, традициях, обычаях, контактах. Часть этих различий видна в отчете военного министра Стимсона с новым послом Советского Союза в Соединенных Штатах А.А. Громыко. Исключения подчеркивали правило. Военный министр встречает нового советского посла в США А.А. Громыко. «Удивительно, но у нас сложились весьма хорошие человеческие отношения с ним — впервые такие отношения с одним из русских. Я достал мою русскую карту... и спросил его, где он жил; он указал мне на место в северо-западной части России, ныне оккупированной нацистами. Его глаза наполнились

слезами, когда он сказал мне, что ничего не слышал о своих родственниках и не знал, живы ли они. Я сказал ему, что надеюсь, что старая столица — Киев не будет разрушена, но он сказал, что не надеется на это. Это был молодой человек и он казался мне более человечным, чем многие другие советские».

* * *

Был ли Советский Союз с его специфической идеологией и политической системой причиной распада мира победителей на блоки и начала «холодной войны»? Чем больше мы узнаем о процессе возвышения США, тем значительнее сомнения в такой «демонизации» Советской России. Трудно не согласиться с, возможно, лучшим западным исследователем современной данного вопроса Дж. Л. Геддисом: «Не многие историки готовы отрицать сегодня, что Соединенные Штаты были намерены доминировать на международной арене после второй мировой войны задолго до того, как Советский Союз превратился в антагониста». Именно революционный переход прежде изоляционистских Соединенных Штатов в державу, проявляющую активность по всем азимутам, столкнули их со всеми, кто не был готов передоверить Вашингтону свою выстраданную безопасность. Представляя исследовательский центр «РЭНД корпорейшн, американский аналитик „ К. Лейн не без основания утверждает, что „Советский Союз был значительно меньшим, чем это подавалось ранее, фактором в определении американской политики. На самом же деле после второй мировой войны творцы американской политики стремились создать ведомый Соединенными Штатами мир, основанный на превосходстве американской политической, военной и экономической мощи, а также на американских ценностях“ Несогласие огромного мира с абсолютным доминированием США и повело мировое сообщество к «холодной войне».

Более трезво ныне смотрят на «холодную войну» американские исследователи. К примеру, Джон Холловэй с большим основанием утверждает, что «нет доказательных свидетельств того, что атомная бомба удержала Советский союз от вторжения в Западную Европу в первые четыре года после войны. Соединенные Штаты не имели достаточно атомных бомб в первые послевоенные годы, чтобы быть в состоянии препятствовать советской оккупации Западной Европы, причем Советский Союз знал об этом. Нет и доказательств, что Сталин намеревался вторгнуться в Западную Европу, разве в случае большой войны; а его политика вообще свидетельствует, что он стремился избежать такой войны, и не только потому, что Соединенные Штаты обладали атомной бомбой».

Резюмируем. В конце второй мировой войны в Вашингтоне утвердились несколько аксиом. Первая. Европа после периода 1914-1945 гг. ослабла радикально и надолго. Центр мира переместился за океан, и США не должны бездарно повторить отход от глобализма, выразившийся в отказе от поддержки президента Вудро Вильсона в 1919 г. На этот раз американцы утвердятся на всех континентах и предложат свои решения основных спорных проблем от Филиппин до Греции. Новый американский интервенционизм получит массовую поддержку в США.

Второе. США заполнят вакуум, образовавшийся после крушения Германии и Японии. В Европе американскими сателлитами станут союзники и жертвы Германии. Поражение же Японии выдвинет вперед в Азии сателлита американцев Чан Кайши и всех потенциальных партнеров воинственного Токио по «великой азиатской сфере процветания». Тихий океан превратится в американское озеро, а окружающие народы будут получать от американцев все — начиная с конституции, и кончая долей американского рынка.

Третья аксиома: Россия, ощутившая благоприятные стороны ленд-лиза, будет смиренно ждать помощи и в более широком смысле. Она будет строить свою безопасность на основе дружественности Америки, у нее не будет альтернативы следованию в фарватере США по всему периметру советских границ. Ослабленная чудовищными испытаниями Москва вынуждена будет пойти на любые уступки при решении германского вопроса, на Балканах, в Польше, на

Дальнем Востоке. А иначе ей не видать экономической помощи при восстановлении страны, не получить весомой доли репараций из Германии. Она лишится полностью влияния в таких странах как Иран и не получит прежде обещанной помощи в турецких проливах.

Четвертая аксиома. Атомное могущество нивелирует любые попытки подорванных войной великих держав восстановить долю мирового баланса. Отсталой стране, такой как Россия, понадобятся многие десятилетия для создания своего «абсолютного» оружия, русским не под силу пройти путь американской науки 1939-1945 гг., требующий чудовищной концентрации ресурсов и адекватных научных кадров. Атомная бомба станет неоспоримым аргументом американской дипломатии, тем «козырным тузом», который поможет Америке во всех спорных вопросах.

Такой анализ послевоенного мира оказался упрощенным. Предлагать американские рецепты развития по всему миру окажется накладно и, как покажет Вьетнам, невозможно даже для такого гиганта как Америка. Без согласия США великий Китай пошел своим путем в 1949 г., Индия в 1950-е годы, колониальные народы в ходе деколонизации 1960-х годов. В заполнении германо-японского вакуума примут участие другие народы, для которых американские решения не выглядели оптимальными. Цена экономической помощи, Россия все же не соблазнится обменом ее на независимость. Народы ценят собственные традиции и презирают жалкий конформизм — в чем и убедилась могучая Америка на примере с Россией. Атомное оружие оказалось эффективным как научное изобретение, но не показало ожидаемой эффективности в дипломатических дебатах.

С точки зрения западного мира, Россия была хороша, сражаясь против Германии в фактическом одиночестве, защищая несчитанными жизнями своих сыновей цивилизацию от нацистского варварства, но недостаточно хороша при обустройстве нового мира. И все же в 1947 и 1948 годах еще не было признаков наращивания вооруженных сил. Осенью 1947 г. Москва учредила Комитет по информации, возглавляемый Молотовым, для координации и оценки данных иностранной разведки. Это было ответом на создание в этом году ЦРУ.

Двойной стандарт, когда свои интересы священны, а чужие едва ли не бессмысленны, породил «холодную войну». Ради силового противостояния Москве Америка не только разрушила в конце 1940-х годов союз военного времени, но пошла на немислимые в военные годы меры: заново вооружила Германию, создала Североатлантический союз, постаралась осуществить контроль над мировым экономическим развитием.

Именно России (а не противостоящей стороне) пришлось новыми своими новыми жертвами через сорок лет придется ликвидировать барьеры между двумя мирами, подписав в 1990 г. Договор об обычных вооружениях (лишавший ее безусловного превосходства на европейском театре), распустит Организацию варшавского договора, уничтожит Совет экономической взаимопомощи, запретит коммунизм, сломает «железный занавес», объединит Германию, чтобы снова — на рубеже XX и XXI веков — убедиться в том, что не коммунизм, а геополитические интересы превалят в американском мышлении, воссоздавшем «железный занавес» и расколовшем Европу теперь уже по менее благоприятным для поверженной России границам. США попросту снова распространили свой военный союз до российских границ на западе и на юге. Если бы с Америкой поступили подобным образом, то ее обвинения в коварстве просто не знали бы предела

ГЛАВА ПЕРВАЯ ОБЛАКО НА ГОРИЗОНТЕ

Союз

Летом 1941 г. сложились предпосылки для формирования второго (после 1914 г.) союза России с Западом. Во многом этому способствовал тот факт, что британское правительство возглавлял Черчилль, который ни при каких обстоятельствах не был согласен на компромисс с

Гитлером. 22 июня 1941 г. он сказал слова, которые, будучи обращенными к Москве, заложили основу великой коалиции: «Отныне у нас одна цель, одна единственная — уничтожение нацистского режима. Мы никогда не начнем переговоров с Гитлером. Мы окажем любую возможную помощь России и русскому народу». После Пирл-Харбора Америка встала в строй антигитлеровской коалиции.

Россия оправдала надежды западных союзников. 16 декабря 1941 года Черчилль писал Рузвельту, что германские «потери в России являются первостепенным фактором в войне. А впереди немцев ждет зимняя бойня».

Союз складывался медленно по нескольким причинам. Во-первых, Сталин органически не доверял Западу, а Запад в свою очередь не доверял режиму, который считал искусственным и в устойчивости которого сомневался. Когда западные союзники подписали в августе 1941 года Атлантическую хартию (о правилах поведения в мире), советский посол в Лондоне И. Майский возмущенно выговаривал министру иностранных дел Идену: «Англия и США ведут себя так, словно всемогущий Бог призвал их судить дела остального грешного мира, включая и мою страну». Сталин назвал Атлантическую хартию алгеброй, в то время как он предпочел бы практическую арифметику. У союзников должны быть общие цели, в противном случае «союз просто не состоится».

Во-вторых, ведущие английские и американские эксперты в основной своей массе разделяли точку зрения немцев относительно того, что сопротивление России в 1941 г. будет недолгим. Согласно британским официальным оценкам середины июня 1941 г., немецкие армии достигнут Кавказа в конце августа или в крайнем случае в начале сентября.

Но совместную борьбу надо было начать, не откладывая. 19 июля 1941 г. Сталин послал первое личное письмо У. Черчиллю. Оценивая в последствии обширную переписку со Сталиным, Черчилль заметил, что отношения с советским руководством складывались далеко не просто, так как велика была разница в политических и культурных взглядах: в переписке «было слишком много упреков». Тем не менее Черчилль воздал должное своему союзнику: «Сила советского правительства, твердость русского народа, неисчерпаемые запасы русской мощи, огромные возможности страны, жесткость русской зимы были теми факторами, которые в конечном счете сокрушили гитлеровские армии».

Третьим (после личностных различий лидеров и враждебного прошлого) препятствием были стратегические соображения. Они были различными у СССР и двух главных держав Запада — Великобритании и США. Уже в декабре 1941 г. Черчилль писал министру иностранных дел Идену в Москву: «Никто не может предсказать, каким сложится баланс сил и где будут стоять победоносные армии в конце войны. Вероятно, однако, что Соединенные Штаты и Британия, не истощив своих сил, будут наиболее вооруженным и экономически самым мощным блоком, который когда-либо видел мир, а Советский Союз будет нуждаться в нашей помощи значительно больше, чем мы в его». Такова была оптимистическая для Запада картина будущего. Не исключалась и пессимистическая картина. Например, в беседе с издателем «Таймс» Баррингтон-Уордом в марте 1943 г. Черчилль изложил концепцию создания в Европе конфедерации малых стран: «Я не хочу однажды остаться один на один с медведем». Именно в свете этого видения Запад хотел использовать до конца силы Советской Армии, а высадку союзнических войск в Западной Европе осуществить лишь на этапе коллапса либо СССР, либо Германии.

Четвертым препятствием в формировании союза были культурные и прочие различия. Ф. Рузвельт полагал, что, хотя Сталин возглавляет «очень отсталый народ», но Россия — огромная страна, и будущий мир можно построить только в союзе с ней. Черчилль считал, как и после Первой мировой войны, что «гранды» современного мира могут обеспечить свои интересы посредством союза наций в организации, охватывающей все страны. Предполагалось создание мировой организации, в которой крупнейшие державы-победительницы имели бы особый статус. Но сохранится ли равенство среди главных победителей.

Увы, это было не так. В ходе войны достаточно быстро изменялось и соотношение сил

среди стран Запада. Соединенные Штаты выходят на передовые, главенствующие позиции, а лидером Запада становится президент Рузвельт. Это лихорадило внутриз западные отношения, сказывалось и на отношениях Запада с восточным союзником из-за видения ситуации Британией: в случае победоносного исхода войны Соединенные Штаты будут стремиться вытеснить Британию с доминирующих позиций в Европе, Азии, Африке и Австралии. В то же время США постараются найти общий интерес с СССР. Чтобы предотвратить это, Британия лавировала, стремясь противопоставить союзников друг другу. К примеру, Черчилль весной 1942 г. был склонен сблизиться с Россией, поскольку осознал значимость советско-германского фронта и важность того, чтобы Россия выстояла и была сохранена в составе коалиции, а в начале лета он как бы начал сомневаться в способности СССР выстоять и все более подчеркивал стратегическую значимость США, военная промышленность которых методично наращивала свои мощности.

Менялась также и американская точка зрения. Если в 1939 г. Ф. Рузвельт «возлагал» на Англию задачу «спасения цивилизации», то в 1942 г. он и его помощники уже предусматривали главенство в дуэте Соединенных Штатов. Англичане, находясь под прицелом гитлеровцев, приветствовали принятие Америкой роли мировой державы, но они осознавали неизбежность того, что рост могущества США, принятие ими на себя безусловного лидерства на Западе будет происходить, в частности, за счет западноевропейских союзников.

В то же время произошло обретение Россией веры в свои возможности. В конце концов Россия победила в первую очередь потому, что создала такую военно-индустриальную машину, которая превзошла германскую. Помощь союзников была очень существенной, но не решающей: более 90% военной продукции Россия произвела сама, многократно превзойдя по основным военно-промышленным показателям Германию. Оказалось, что Россия способна на глобальное соревнование с Западом, если ее танки и самолеты оказались качественно лучше западных образцов. К тому же благополучные западные союзники России не учли, что любая страна, потерявшая более десятой части своего населения, должна испытать национальный шок, стать болезненно восприимчивой, чувствительной в отношении зарубежного воздействия.

Самым большим — пятым препятствием на пути создания союза России с Западом была неравномерность военных усилий. Известие о том, что в 1942 г. настоящий второй фронт не будет открыт, явилось, по мнению британского премьера, подлинным «шоком» для Сталина. Британский посол А. Керр, так оценивал решение своего правительства о переносе на будущее открытия второго фронта в Европе: «Мы не представляем себе того напряжения, которое испытывают русские. Советская Армия и в целом русское руководство — боятся, что мы создадим гигантскую армию, которая сможет однажды повернуть свой фронт и занять общую с Германией позицию против России». Посол счел нужным сказать Черчиллю, что в Британии «высказываются мнения, которые прямо или косвенно поддерживают это опасение русских». Да и сам Черчилль полагал, что две крупнейшие континентальные державы, борясь и ослабляя друг друга, действуют — с точки зрения интересов Запада — в «нужном направлении». Часть американской элиты предлагала позволить немцам и русским использовать друг против друга свои лучшие силы. Провозглашая на словах решимость быстро открыть второй фронт, президент США Рузвельт на обсуждениях 1942-1943 гг., когда вопрос ставился конкретно, соглашался с тем, что следовало из долгих и красноречивых выступлений Черчилля: не делать окончательных обязательных выводов, не сокращать возможностей выбора, который еще многократно предоставит война.

Не открыв фронта на европейском Западе, союзники нарушили договоренности в критический для СССР момент, когда немцы захватили Севастополь, вошли в Ростов, вышли к порогу Кавказа и подошли к Сталинграду. Это оказало большое влияние на советско-западные отношения. Телеграмма Сталина Черчиллю от 23 июля 1942 г. заканчивалась суровым упреком: «Вопрос о создании второго фронта в Европе не был воспринят с той серьезностью, которой он заслуживает. Полностью принимая во внимание нынешнее состояние дел на советско-германском фронте, я должен указать наиболее серьезным образом, что советское

правительство не может согласиться с откладыванием второго фронта».

Последствиями этого была пятидесятилетняя холодная война — гигантская трата средств и ресурсов в свете нежелания Запада принять Россию в западный лагерь, вследствие нежелания России стать подчиненным членом западного лагеря.

Вопрос о «втором фронте»

В мае 1942 г. нарком иностранных дел В.М. Молотов совершил перелет в Лондон и Вашингтон, где ему было обещано открытие «второго фронта» в текущем году. Уместно и благородно, Москва благодарила своих союзников. Как оказалось, рано — еще два года Россия ценой огромной крови будет сражаться с 80 процентами колоссальной мощи Германии и переломит, после Сталинграда, Курска и «Багратиона» ход мировой войны. Британия, в отличие от Первой мировой войны, сбережет свое молодое поколение, а Америка с невероятной силой ворвется в созданный ослаблением Европы мировой вакуум.

Интеллектуальная задача предвидеть русские намерения стала актуальной весной 1943 г. — когда стало ясно, что СССР выстоит и — поразительно — победит. Мы видим этот первый всплеск беспокойства, изумления и ожидания впервые столь очевидным во время визита в Вашингтон министра иностранных дел Британии Энтони Идена. Все, с кем он встречался и говорил, словно забыли о Гитлере и микадо; все они говорили о Сталине. Какими будут русские, когда судьба отпустит их после Сталинграда и Курска в вольное плавание великой мировой державы?

Рузвельт спросил мнение Идена о т.н. «тезисе Буллита», содержащемся в пространном меморандуме, исходящем из «рижской аксиомы», который Буллит послал в Белый дом несколькими неделями ранее. Буллит предсказывал, что русские постараются коммунизировать всю Европу в том случае, если США и Британия не сумеют блокировать «поток красных амёб в Европу». Иден ответил, что определенный ответ на этот вопрос невозможен. Но, «если даже эти страхи окажутся оправданными, мы не должны делать ситуацию еще худшей». Иден согласился с Рузвельтом в том, что в любом случае лучше полагаться на тезис, противоположный тезису Буллита — найти систему работы с русскими, чем против них. Рузвельт также думал, что прямолинейных ответов на такие вопросы не бывает. Он полагал, что советские цели и методы в значительной мере определяются собственными оценками Сталина американских и британских намерений и возможностей.

Иден заверил Рузвельта, что русские определенно вернут себе прибалтийские провинции. Президент сказал, что это может вызвать американское противодействие. Облако на горизонте обозначилось довольно отчетливо.

Государственный секретарь Корделл Хэлл так обобщает встречу с Иденом: «Мы оба пришли к согласию в определении огромной важности определения возможного будущего России и ее курса в отношении Европы и в мировых делах в целом. Я спросил его мнение о возможном курсе России — в дополнение к прежней изоляции — после приобретения ею дополнительной территории вдоль ее европейских границ, учитывая при этом ее высокую степень вооруженности; что было бы в ее интересах, экономических и прочих — стать частью мира и взять на себя всю ответственность, проводя здравую практическую политику международного сотрудничества в важнейших вопросах».

Рузвельт же считал, что мир будущего следует строить на соотношении реальной силы. Вскоре после отбытия Идена Рузвельт приоткрыл окно в мир своего анализа, пригласив журналиста Форреста Дэвиса на уик-энд в Белый дом. Его статья, предварительно проверенная президентом, появилась в «Сатэрдэй Ивнинг Пост» весной 1943 г. Мир будущего, писал Дэвис, должен был основываться на «факторе мощи» Версальская система рухнула из-за пренебрежения к этому фактору, ввиду того, что „Лига наций“ была идеалистической мечтой, не имеющей под собой твердого основания. Требуется „хладнокровная реалистическая техника“. На этот раз США будут участвовать в мировом соотношении сил. И мощным фактором будет Россия. „С

ослабленной Германией и Францией в руинах Россия становится единственной первоклассной военной державой на континенте“.

Мнения

Западные союзники делились своими оценками той страны, которая в данный момент сдерживала основную мощь Германии, той стране, от выживания которой зависело будущее и англосаксонского мира. Президент и премьер-министр обратились к анализу положения третьего из главных участников складывающейся коалиции — России. Разведка и радио сообщали о жестоких боях на советско-германском фронте, об отступлении немцев под Москвой. Рузвельт сказал, что Сталин возглавляет «очень отсталый народ», и это многое объясняет. Но Россия — огромная страна и мир будущего можно построить только в союзе с ней.

Черчилль вспомнил те дни, когда руководил английской интервенцией и белые армии вплотную подошли к Туле. «Я прощу их теперь, — сказал Черчилль, — в пропорции к числу убитых ими гуннов». «Простят ли они вас?» — откликнулся на слова Черчилля Гопкинс. «В пропорции к числу танков, которые я пошлю», — ответил Черчилль. В действиях Черчилля уже на этом этапе видно долговременное стратегическое планирование. Он сообщал Идену, находившемуся в тот момент в Москве: «Никто не может предсказать, каким сложится баланс сил и где будут стоять победоносные армии в конце войны. Вероятно, однако, что Соединенные Штаты и Британия, не истощив своих сил, будут наиболее вооруженным и экономически самым мощным блоком, который когда-либо видел мир, а Советский Союз будет нуждаться в нашей помощи значительно больше, чем мы в его». Черчилль поручил Идену обсудить со Сталиным возможность посылки английских войск на Кавказ и не исключал для себя участия английских дивизий в боевых действиях на юге советско-германского фронта.

Черчилль, как и после первой мировой войны, считал что «гранды» современного мира могут обеспечить свои интересы посредством союза наций в организации глобального охвата — идея, чрезвычайно близкая и Рузвельту. Этой организацией предстояло стать ООН. Вечером первого дня 1942 года президент Рузвельт, премьер-министр Черчилль, посол СССР М. М. Литвинов и китайский посол Т. Сунг подписали в кабинете Рузвельта документ под названием «Декларация Объединенных Наций». Так складывалась антигитлеровская коалиция. Название «Объединенные нации» пришло к Рузвельту когда он вкатился в покои Черчилля на коляске, а премьер-министр, только что принявший душ, нашел, что новое название более впечатляющим чем «Ассоциированные нации». Черчилль тотчас же извлек из своей бездонной памяти строки Байрона, воспевшего «меч объединенных наций будущего».

На том этапе Черчилль был согласен обсуждать мировую стратегию лишь с Рузвельтом. Такое состояние дел в выработке союзнической стратегии не устраивало многих. Пожалуй первыми это выразили китайцы. Генералиссимус Чан Кайши получил звание верховного главнокомандующего союзными войсками на китайском фронте, и он немедленно выразил желание участвовать в выработке большой союзной стратегии. Напрасные усилия. С точки зрения статуса наиболее привилегированного союзника у Англии в США не было конкурентов. Когда правительство Чан Кайши попыталось превратить дуумвират и триумвират, эти «поползновения» были отвергнуты на том основании, что, находясь в отдаленном и плохо связанном с внешним миром регионе, Китай не может быть членом клуба, главной задачей которого является мировое распределение ресурсов. Созданные в Вашингтоне органы не пошли на включение в свое число и других Объединенных наций, в частности Советского Союза.

Сталин при польской делегации прибывшей в Москву делегации генерала Сикорского отчитал генерала Панфилова за плохое снабжение польских войск. На обеде в честь польской делегации он почти дружески уговаривает польских генералов, уводящих из России столь нужные в данный момент дивизии, созданные из прежде заключенных в советских лагерях поляков воинские части, которые могли бы усилить советский фронт: «Мы вместе определим нашу новую общую границу еще до мирной конференции... Давайте пока прекратим обсуждать

этот вопрос. Не беспокойтесь, мы не обидим вас... Я пожилой человек и у меня есть опыт. Я знаю, что, если вы выходите в Персию, вы уже никогда не вернетесь. Я вижу, что у Англии большие планы и она нуждается в польских солдатах».

Жесткость польских генералов в конечном счете его раздражила. «Получается, что русские могут лишь угнетать поляков и не могут сделать им ничего хорошего. Тогда убирайтесь! Мы справимся и без вас... Мы решим свои проблемы сами. Мы отвоюем Польшу и вернем ее вам». Что касается английских планов в отношении польских воинских частей, то Сталин почти пророчески предупредил поляков еще 3 декабря: «Завтра японцы нанесут удар и поляки будут умирать в Сингапуре». После этого Сталин довольно неожиданно развернул острие своего гнева против англичан и стал убеждать присутствующих, что лучшими летчиками являются славяне — «молодая раса, еще не утомленная... Немцы сильны, но славяне сокрушат их». Сталин не согласился с утверждением Сикорского, что «французы — конченый народ». Уход поляков через Каспий не мог не огорчать Сталина, внутренне он явно испытывал горькие чувства. Позже Сикорский скажет Черчиллю, Сталин уже подозревал в уходе столь необходимых на советско-германском фронте поляков «интриги англо-американцев».

Еще более отчетливо стало ощущаться зарождение будущих противоречий во время визита в Москву британского министра иностранных дел Идена в середине декабря. Британский Форин-оффис уже был обеспокоен опасениями советского руководства в отношении особых отношений Британии с США. Мы впервые в ходе войны видим достаточно жесткого в отношении союзников Сталина. Он потребовал от Лондона объявления войны Финляндии, Румынии и Венгрии, равно как более четкого определения целей войны и послевоенных планов. Одновременно и черчиллевское руководство проявило первые опасения. В Лондоне уже бродили слухи о будущих советских базах в Норвегии, Финляндии и Прибалтике, ревизии конвенции Монтрё (о Босфоре и Дарданеллах), требовании выхода к Персидскому заливу. Посол Майский старался развеять эти ранние тревоги, смягчить тяжелые впечатления, он напоминал сталинскую самооценку, данную в беседах с поляками: «Я грубый».

На декабрь 1941 года приходится и первое важное проявление союзнической солидарности. Прибывший в Мурманск на крейсере «Кент» вместе с советским послом в Британии Майским британский министр иностранных дел Антони Иден заранее подготовил для Сталина меморандум, который должен был ослабить опасения Сталина в отношении возможности англо-американского «сговора». Британия и Россия будут вместе сражаться до любого конца.

Сталин показал Майскому два заранее заготовленных проекта документов. В первом англичанам предлагалось советско-английский Договор 1941 года продлить на послевоенное время. По предлагаемым условиям второго документа Югославия, Австрия, Чехословакия и Греция восстанавливались в предвоенных границах. Право стать независимым государством предлагалось Баварии. Пруссия теряла Рейнланд на западе и восточную свою часть на востоке. Литва (в составе СССР) получала немецкие земли к северу от Немана. Если Франция не восстанавливала свои силы, Британия получала право содержать базы Булони и в Дюнкерке, а также вооруженные силы в Бельгии, Нидерландах, Норвегии и Швеции. За Советским Союзом сохранялись границы 1941 года, граница с Польшей проходила по «линии Керзона».

Советско-британские переговоры начались в Кремле во второй половине дня 16 декабря 1941 года — битва под Москвой была в самом разгаре. Вышеназванные документы Сталин извлек на свет в начале второго заседания, предложив Идену добавить «небольшой документ» к англо-советскому заявлению о принципах послевоенного мироустройства. Майский замер: переговоры теперь обязаны были вестись не об отвлеченных принципах, а о совершенно конкретных территориях. Иден сразу же затребовал консультаций с Лондоном. На третьем заседании, в ночь с 17 на 18 декабря, когда почти слышны были раскаты дальней артиллерийской перестрелки, Сталин попросил внесения ясности в существенный для СССР вопрос. Многозначительным выглядело то, что первый западный союзник — Британия, даже будучи безусловно зависима от СССР в смертельной и бескомпромиссной борьбе на двух океанах и двух

театрах военных действий, не пошла на признание довоенного статус кво. Трудно назвать удивительным то, что позиция Британии заставила Сталина задуматься о степени ее лояльности союзу. О степени надежности западных союзников.

И не зря. Он не знал тогда о посланном в феврале 1942 г. государственным секретарем Корделом Хэллом меморандуме президенту Рузвельту, главная мысль которого сводилась к фразе: «Нет сомнения в том, что советское правительство имеет огромные амбиции в отношении Европы и на каком-то этапе Соединенным Штатам и Великобритании придется выразить свое несогласие». В марте 1942 года американцы и англичане по предложению Ф. Рузвельта разграничили сферы ответственности — мир делился на три зоны. В районе Тихого океана стратегическую ответственность брали на себя США Ближний Восток и Индийский океан — Англия; Атлантика и Европа — совместное руководство. В Вашингтоне под председательством Ф. Рузвельта (заместитель Г. Гопкинс) был создан Совет по делам ведения войны на Тихом океане, куда вошли представители девяти стран.

Западные союзники

Рузвельт надеялся, что его советский союзник выстоит, но при всем этом готовился к худшему. Военный министр Стимсон и генерал Маршалл представили президенту план действий на случай коллапса советско-германского фронта. Согласно идеям автора этого плана — Эйзенхауэра, западные союзники должны быстро подготовить 48 дивизий и 5800 самолетов на случай необходимости в экстренных действиях на европейском континенте до 1 апреля 1943 г. Если же события потребуют более быстрого вмешательства, то предлагались массированные воздушные налеты и рейды на европейское побережье Атлантики.

Рузвельт надеялся, что его советский союзник выстоит, но готовился к худшему.

Стимсон и Маршалл представили президенту план действий на случай коллапса советско-германского фронта — подготовить 48 дивизий и 5800 самолетов на случай необходимости в экстренной высадке на европейском континенте до 1 апреля 1943 года. Если же советский фронт не выдержит уже в 1942 году, то предлагались массированные воздушные налеты союзной авиации и рейды командос на европейское побережье Атлантики. В случае краха СССР предполагалось вторгнуться на европейский континент осенью 1942 г., задействовав от восемнадцати до двадцати одной дивизии. Первого апреля 1942 года военный министр Стимсон и председатель объединенного комитета начальников штабов Маршалл предстали со своими планами перед президентом. Все трое пришли к твердому заключению, что главной задачей на данный момент является материальная поддержка Советского Союза — стратегическая обстановка требовала экстренной помощи в снабжении. На операцию с целью отвлечения части главных сил немцев на восточном фронте американские и английские стратеги пока не шли. Возможно, кто-то цинично наблюдал за взаимоистощением двух континентальных гигантов, другие опасались провала импровизированной операции.

Для согласования стратегической линии с англичанами Рузвельт послал в Лондон своего ближайшего советника Гарри Гопкинса и генерала Маршалла для отстаивания той мысли, что «необходимо создание фронта, который ослабил бы напряжение, оказываемое на русских. Наши народы достаточно мудры, чтобы видеть, что русские сегодня убивают больше немцев и уничтожают больше их материальных ресурсов, чем наши страны взятые вместе. Эта цель должна быть главной».

Начиная с 1942 года главным экономическим рычагом Рузвельта становится ленд-лиз. Белый дом уже ощутил значимость этого орудия американской внешней политики и внутреннего роста. Президент Рузвельт убедился и в том, что англичане оказались для России ненадежными союзниками. «Они обещали предоставить в распоряжение русских две дивизии и не предоставили вовсе. Они обещали им помощь на Кавказе. И не оказали ее. Все обещания, данные англичанами русским, оказались невыполненными... Единственная причина, почему мы до сих пор ладили с русскими, заключается в том, что мы пока выполняли свои обязательства». Не

совсем. Согласно советско-американским договоренностям, США должны были поставить к 1 апреля 1942 года 42 тысячи тонн стальной проволоки, а поставили лишь 7 тысяч; нержавеющей стали — 22 тысячи тонн вместо 120 тысяч, холодного проката — 19 тысяч тонн вместо 48 тысяч и т. п.

Английский же премьер имел перед собой очень отличную от советской шкалу приоритетов. Он стремился к успеху на европейской периферии, выступал за относительно небольшие операции, предполагал полностью задействовать силы Советской Армии, чтобы самим вмешаться в события на этапе резкого ослабления немцев. При всем понимании того, где решалась судьба войны, Черчилль ни на минуту не забывал о своей миссии охранителя имперской мощи. Премьер-министр думал о том, как предотвратить отход от Британской империи четырехсотмиллионной Индии, как уберечь путь в Индию через Ближний Восток, как сохранить жизнеспособность империи. Его видение будущего предполагало сохранение главных имперских путей (в частности, защиту Египта), действия на европейской периферии, относительно небольшие операции, использование до конца сил Советской Армии и высадку в Западной Европе лишь на этапе коллапса либо СССР, либо Германии.

Отныне сдерживать процесс падения веса Британии должна была более искусная, чем прежде, дипломатия, гибкая и маневрирующая между США и СССР. Черчилль говорит о необходимости добиться доверия Сталина. Он отозвал посла сэра Стаффорда Крипса, не вызывавшего симпатии Кремля, потребовал более пунктуального соблюдения поставок восточному союзнику и сообщил Идену (6 марта), что готов встретиться со Сталиным в Тегеране, Астрахани или любом другом месте. Готовясь к такой встрече, 7 марта Черчилль говорит о необходимости начала планирования «второго фронта» и сообщает Сталину, что квоты военных поставок в Россию не подлежат сокращению. В этот же день он пишет Рузвельту, что «не может отрицать за Россией права на границы, которые она имела к моменту нападения Германии».

Тем временем Япония впервые за пять столетий крушила боевые силы лидеров Запада — Соединенные Штаты, Британию, Францию (в Индокитае), Голландию в Индонезии. Лондон находился в шоке, а в Вашингтоне пока ставили самые скромные задачи: «Удержать то, что мы имеем». Западные страны в Азии отступали. Следовало компенсировать поражения на океанах продвижением на грани современной науки.

Именно весной 1942 г. американские ученые увидели реальные перспективы в атомном проекте. Девятого марта В. Буш обнадежил Рузвельта: «То, что мы создаем, очевидно, гораздо более эффективно, чем мы предполагали в октябре прошлого года». В Америке соизмеряли возможности германского продвижения в этой сфере с тем, что становилось известным о прогрессе англичан. А их прогресс был в 1941-1942 годах существенным. В марте 1942 года В. Буш впервые обозначил окончание работ 1944 годом. Рузвельт потребовал, чтобы программа «продвигалась вперед не только по собственной внутренней логике, но и учитывая фактор времени. Это чрезвычайно существенно». Теперь и в узком кругу американского руководства говорили о необходимости сделать атомное оружие фактором уже в ходе текущих боевых действий.

Степень осведомленности русских

Анализ атомной гонки, когда американцы были уверены в недостижимости своего технологического уровня, требует минимальной предыстории, объясняющей позицию Советского Союза. Россия не была слаборазвитой страной в области ядерной физики. Еще в далеком 1910 году академик В.И. Вернадский доложил Российской Академии наук об открытии явления радиоактивности, обещающем «новые источники атомной энергии, превосходящие в миллионы раз все источники энергии, какие только человеческое воображение способно представить». Геологи Российской Академии в том же году нашли месторождение урановой руды («Верблюжье горло») в Ферганской долине. Первые граммы радия советский радиохимик

В.Г. Хлопин извлек из «Верблюжьего горла» в 1921 г. В основанном годом ранее Физико-техническом институте (Физтех) в Петрограде академик Иоффе взял на себя теоретическую сторону исследования проблемы расщепления ядра. Вернадский создает в 1922 г. в Петрограде Институт радия.

Большевицкая власть взяла на себя поддержку новой отрасли науки, имея в виду прикладную значимость исследований. Она же придала идейное обоснование масштабным усилиям по модернизации страны. В середине жесточайшей войны с крестьянством, представлявшей собой гражданскую войну и насильственную модернизацию — в жестоком октябре 1931 года Сталин произнес слова, для многих в СССР ставшие символом веры. «Тех, кто отстает, бьют. Мы не хотим быть битыми. Нет, мы не хотим быть битыми. Старую Россию били из-за ее отсталости. Ее били монгольские ханы, ее били турецкие беи, ее били шведские феодалы, ее били польско-литовские паны, ее били англо-французские капиталисты, ее били японские бароны, ее били все — из-за ее отсталости. Из-за военной отсталости, из-за культурной отсталости, из-за сельскохозяйственной отсталости. Ее били, потому что это было выгодно и проходило безнаказанно. Вы помните слова дореволюционной песни: „Ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь“. Мы отстали от развитых стран на срок от пятидесяти до ста лет. Мы должны преодолеть отставание в течение десяти лет. Либо мы совершим это, либо нас сокрушат».

Много лет спустя академик Иоффе вспоминал: «Я пошел к Серго Орджоникидзе, который был председателем Высшего Совета Национальной Экономики, изложил перед ним проблему и буквально через десять минут ушел из кабинета с подписанным им приказом выдать мне сумму, которую я просил для института (радия. — А.У.).» Возглавлять новую программу Иоффе назначил И.В. Курчатов. В 1934 г. Курчатовым был построен второй в мире (после Беркли, США) циклотрон. В это время П. Капица уже был любимцем Э. Резерфорда, Л. Ландау изучал физику в Германии вместе с венгром Э.Теллером (который создаст в США водородную бомбу), а Ю. Харитон защищал диссертацию в Кавендише (Англия). Пораженный увиденным им на обратном пути в обратившейся к реваншу нацистской Германии, Харитон создает в лаборатории взрывчатых веществ в Институте физической химии. С огромным риском эти, получившие западный опыт ученые переживут страшное время «великих чисток» второй половины 30-х годов. В апреле 1938 г., навестив «немецкого шпиона» Ландау в тюрьме, Капица представил Молотову и Сталину ультиматум: если Ландау не будет освобожден немедленно, то он, Капица, покидает все свои посты. Ландау был освобожден.

Возможно, этот удивительный поворот событий объясняется сведениями, сообщенными французским ядерным физиком Жолио-Кюри своему коллеге Иоффе: немецкие радиохимики открыли фундаментально новую ядерную реакцию, бомбардируя уран нейтронами. Академик Флеров вспомнит много позже: «В воздухе запахло ядерным порошком». Уже в 1940 г. Флеров наблюдал за спонтанным распадом урана и думал о регулируемой реакции. «Мы немедленно сделали расчеты ядерной реакции, — вспоминает Харитон, — и вскоре поняли, на бумаге, по крайней мере, что цепная реакция возможна, реакция, которая может высвободить неограниченный объем энергии». Для создания атомной бомбы необходим стал изотоп урана U235. Непосредственно проблемой ядерного распада Курчатов начал заниматься в ленинградском Физико-техническом институте в начале 1939 г.

Читая специальную западную литературу, советские ядерные физики хотели знать, идет ли еще кто-нибудь той же дорогой. И если идет, то какие видит для себя перспективы? Неудивительно, что американское «Физическое обозрение» за апрель 1940 года было прочитано с пристальным вниманием: физики из Чикагского университета поместили статью об эффективности использования «тяжелой воды» в качестве среды, отражающей нейтроны. Харитон, Зельдович, Курчатов, Флеров пришли к выводу, что (вспоминает Харитон), «следует продолжать работать с материалом».

Весной 1940 г. преподававший русскую историю в Иельском университете Г.В. Вернадский прислал своему отцу — академику В.И. Вернадскому статью из «Нью-Йорк Таймс»

об исследованиях в области ядерной энергии. Последовало письмо В.И.Вернадского в Академию наук. Это было нечто вроде советского варианта письма Эйнштейна президенту Рузвельту. Результатом явилось создание Специального комитета по проблемам урана. В него вошли Хлопин, Вернадский, Ферсман, Иоффе, Капица, Курчатов, Харитон, решившие изучить путь, ведущий к контролируемой ядерной реакции, к созданию атомного реактора. В октябре 1940 г. создавались три новых циклотрона — два в Ленинграде и один в Москве. Ферсман был направлен в Среднюю Азию за ураном. Курчатов в ноябре 1940 г. сделал обзор осуществляемых в мире усилий на этом направлении и перечислил материалы и оборудование, в которых нуждалась советская ядерная физика. Отвечая на вопрос о возможности создания ядерной бомбы, он уверенно ответил утвердительно, но сказал, что она будет стоить примерно столько, сколько стоит гидроэлектростанция. Очевидец передает атмосферу дебатов: «Ситуация во время выступления Курчатова сложилась драматическая. Заседание происходило в помещении Коммунистической Академии на Волхонке, в большом зале с амфитеатром, переполненном участниками (Всесоюзной конференции). По мере выступления волнение аудитории продолжало расти и к окончанию у всех создалось впечатление, что мы находимся на пороге великого события. Когда Курчатов завершил свое выступление и вместе с председательствующим на собрании Хлопиным вышел в прилегающую к президиуму комнату, Иоффе, Семенов, Лейпунский, Харитон и другие, один за другим, двинулись туда. Дискуссия по докладу Курчатова продолжалась и в холле... Перерыв был отложен.»

Идея уже стала частью национальной стратегии выживания. Полагая, что бомба будет создана из урана U235, группа Курчатова изучала различные способы обогащения урана — газовая диффузия, избирательно обогащая уран, работая в скоростной центрифуге. Резиденты НКВД за рубежом получили задание следить за процессами изучения ядерной реакции. В фокусе была германская научная сцена. Г. Флеров вспоминает: «Нам казалось, что, если кто-нибудь и способен создать ядерную бомбу, то это будут не американцы, не англичане, не французы, а немцы. У немцев превосходная химическая промышленность; у них есть технология производства металлического урана; они производят эксперименты по отделению урановых изотопов на центрифуге. И, в конце концов, у немцев есть тяжелая вода и запасы урана. Нашим первым впечатлением было то, что немцы способны осуществить этот проект. Было ясно, какими будут последствия их успеха.»

В сентябре 1939 г. личный секретарь министра без портфеля лорда Хэнки Джон Кейнкросс передал советской разведке информацию об англо-американском атомном проекте — анализ встречи Британского уранового комитета 16 сентября и «Доклад Комитета по использованию урана для создания бомбы», предполагавших возможность создания урановой бомбы в течение двух лет. Фирма «Виккерс» и «Империзл Кемикал Индастриз» уже готовили необходимое оборудование. Критическая масса урана будет где-то между 10 и 43 килограммами. (Харитон и Зельдович теперь могли узнать, что метод газовой диффузии, оставленный ими, назван англичанами самым перспективным). Британский физик Клаус Фукс пришел к выводу: «Когда я узнал цель работы, я решил информировать русских». В том же месяце сведения о ядерном проекте начали поступать из Нью-Йорка.

Это означало, что великий прорыв в науке осуществленный в США в 1942-1945 гг. не был сюрпризом для России, которая входила в «холодную войну» достаточно хорошо зная о революции в ядерной физике.

Весной 1942 г. на южном берегу Таганрогской бухты Азовского моря было найдено тело германского офицера, в записной книжке которого содержался список материалов, необходимых для создания атомной бомбы и вычисления о выходе энергии, освобождающейся при критической массе урана-235. Специалисты по взрывчатым веществам не рекомендовали России имитировать немцев и идти по этому пути — страна находилась в невероятно трудном положении. Что толку браться за проект, который даст результат через десятилетие?

Но советская разведка говорила об интенсивных секретных работах на Западе. Англичане тоже были в сложном геополитическом положении, но они 20 сентября 1941 г. решили строить

«завод для изготовления урановых бомб». Сталин получил сведения об атомных проектах на Западе в марте 1942 г. Иммигрант из Германии Клаус Фукс был британскими ядерщиками привлечен к оценке немецких усилий в атомной области. Он сообщил в Москву, что немцы фактически зашли в тупик, но США и Британия уже строят промышленные объекты по созданию атомных бомб.

А в апреле 1942 г. мобилизованный в армию советский физик — лейтенант Флеров написал Сталину письмо: «В военной технике произойдет настоящая революция». Решение урановой проблемы нельзя откладывать на послевоенное время. «Очень желательно собрать совещание с Вашим присутствием». Сталин вызвал несколько специалистов. Флеров в июле 1942 г. был переведен с Юго-Западного фронта в Москву. В середине сентября в Москву вызвали Курчатова, назначенного руководителем проекта.

Курчатов проехал по погруженной в военные усилия стране и выбрал известных ему специалистов. Он вернулся в назначенную ему как место исследований Казань в тот самый день — 2 декабря 1942 г., когда Энрико Ферми получил цепную ядерную реакцию в Чикаго. Молотов представил его Сталину. Курчатов «получил всяческую поддержку, и мы на него стали ориентироваться. Он организовал группу, и получилось хорошо». Шла Сталинградская битва, судьба России была волоске от гибели. Но уже контрастступление в Сталинграде было провидчески названо «Уран».

Неравномерность усилий

Что может сделать Великобритания для России, которая истекает кровью на фронте шириной 2 тыс. миль на Востоке? Пока лишь осуществляя бомбардировки Германии. Но бомбардировки не решают исхода войны. Во время ужина с Гопкинсом и Маршаллом 14 апреля 1942 г. британский премьер Черчилль признал, что наиболее эффективным способом помощи русским была бы высадка в Северной Франции. Но Британию сдерживают два обстоятельства — оборона Индии и оборона Ближнего Востока: «Мы можем потерять армию в 600 тысяч человек и весь человеческий резервуар Индии. Нельзя допустить также падения Австралии».

Максимально возможное: операция «Юпитер» — высадка британских войск с Северной Норвегии в качестве помощи России в тот решающий час. На севере Норвегии находилось примерно 70 германских бомбардировщиков и около сотни истребителей. Они базировались на двух аэродромах, их защищали 10 или 12 тыс. солдат. При всем желании трудно представить себе эту высадку альтернативой второму фронту во Франции. Этого не нужно было аргументировать, это было ясно всем посвященным. Ход мышления Черчилля говорит о том, что на решающем этапе войны он как азартный игрок сделал «пас» тогда, когда от него требовались самые большие ставки. Ужас наступлений 1916-1917 гг. явственно витал над ним. Теперь он хотел предоставить эту участь другим. Услышав изложение сдерживающих Британию мотивов, Гопкинс резюмировал: «Каждая страна сражается за свои собственные интересы». Неравномерность усилий создала предпосылки — тогда еще очень далекое отчуждение «холодной войны».

Россия уже год сражалась один на один с Германией и ее союзниками. Если отказать России отстранено и категорично, Восточный фронт может пасть. Президент Рузвельт посчитал необходимым обсудить проблему с народным комиссаром иностранных дел В.М. Молотовым. Тот не мешкая прибыл в Лондон, прежде всего имея в виду заключение договора с Великобританией о дружбе и военном сотрудничестве. Сталин телеграфировал Черчиллю: «Я уверен, что данный договор будет иметь величайшее значение для укрепления дружественных отношений между нашими двумя странами и Соединенными Штатами». Это был хороший момент для сплочения всей антигитлеровской коалиции. Для СССР в данной ситуации речь шла о национальном выживании и безусловно важнейшим фактором помощи был и двусторонний договор, но более всего — открытие второго фронта в 1942 г. Благодарность за такую помощь была бы бесценным основанием для послевоенного сотрудничества. Речь шла об отвлечении с

Восточного фронта, по меньшей мере, 40 германских дивизий. Словесно Черчилль был деловит. Сделаны приготовления для высадки в районе французских городов, Шербура и Бреста. Поражение русской армии было бы для человечества величайшей трагедией. Лично он не верит в такой исход.

23 мая Черчилль информирует Сталина: «Мы дали Молотову полный и искренний отчет о наших планах и о наших ресурсах. Что касается предложения заключить советско-английский договор, — писал Черчилль, — то он (Молотов) объяснит вам наши трудности, исходящие из того, что мы не можем не учитывать наших прежних соглашений с Польшей, позиции нашего и американского общественного мнения». В час, когда колебались весы истории, Британия не согласилась даже подписать союзнический договор. Обидится ли Россия? В этот сложный момент Москва сочла возможным предоставить Черчиллю новый вариант договора, в котором уже не было пунктов, касающихся прибалтийских государств и Польши. Договор, в конечном счете, был подписан и, как сказал Черчилль, «мы теперь союзники и друзья на 20 лет».

27 мая начальники штабов снова обсуждали возможность высадки на континенте в августе или сентябре 1942 г. Генералы были настроены скептически, один из них сказал, что атака будет возможна и необходима «только в случае, если мораль германских войск рухнет». И здесь стимулированное премьером мнение свелось к тому, что Англия перенапрягла свои силы, и крупномасштабная операция в Европе может быть осуществлена лишь за счет ослабления общих имперских позиций, ослабления положения Англии в ряду великих держав. Черчилль желал сохранить силы для сохранения имперских позиций в мире, он не желал расходования сил на том поле битвы, где Германия и Россия ослабляли друг друга.

В Лондоне Молотов ощутил внутреннее нежелание Черчилля приступить к решающим операциям на континенте в текущем году.

На этом этапе Черчилль старался закрыть глаза на порождаемые им опасности. Он прятал свои опасения за энтузиазмом в плане фантастических проектов, которыми он пытался прикрыть бездействие на решающем участке — во Франции (операции в Северной Норвегии, высадка двух дивизий неподалеку от германских аэродромов). Генералы, сидевшие за столом, понимали сложности британской дипломатии в свете отказа открыть второй фронт. Один из них, (а именно, Брук) заявил на штабном совещании 1 июня 1942 г., что, «если дела пойдут очень плохо для русских, необходимо предпринять отчаянную авантюру — быструю высадку десанта во Франции, которая могла бы продлиться неделю или две, с тем, чтобы отвлечь силы немцев». Черчилль и его генералы внимательно слушали представителей военной разведки, которые предупредили 1 июня, что между августом и сентябрем 1942 г. на Восточном фронте возможен резкий поворот к худшему для союзников.

Основным способом помощи истекающему в приволжских степях союзнику стали массированные бомбардировки Германии. 30 мая 1942 г. британские военно-воздушные силы впервые совершили налет силою более 1 тысячи бомбардировщиков. Но в ходе операций британской бомбардировочной авиации против Германии пришлось убедиться, что удары с воздуха не всемогущи. Техника бомбометания была еще таковой, что бомбы падали на расстоянии многих километров от цели. К тому же многие бомбардировщики становились жертвой германских истребителей, и полеты пришлось перенести на ночное время — что опять же не способствовало точности попадания. Только две трети бомбардировщиков находили свои цели, и из них лишь одна треть бросала бомбы в радиусе ближе пяти миль. Это означало, что бомбометание не явилось достаточно эффективным методом борьбы.

В Вашингтон Молотов прибыл 29 мая 1942 г. далеко не в лучшем настроении — советские войска терпели поражение в Крыму и под Харьковом. Советская сторона не могла не испытывать неудовлетворения по поводу затяжек в американских военных поставках. Возвратившаяся из поездки Элеонора Рузвельт, как она пишет, с самого начала ощутила симпатию к Молотову: «Он был открытым, теплым человеком». Обслуживающий ужин для Молотова, Рузвельта и Гопкинса слуга президента Алонцо Филдс вспоминает, что Молотов выглядел «как умная сова... Однажды во время разговора его глаза начали бросать вокруг себя молнии и он, словно лиса, начал

готовиться к прыжку». Столь нужный и ценный Рузвельтом персональный контакт установить оказалось непросто. Первая официальная встреча, на которой присутствовали посол Литвинов, госсекретарь Хэлл, Гопкинс и два переводчика, была далекой от сердечности. Главная идея Молотова была очевидна: четкое определение даты открытия второго фронта в Европе.

Помимо прочего, Рузвельт хотел понять Молотова как человека. Президент начал с идеи выработки советско-германской договоренности по поводу обращения с военнопленными обеих сторон. Учитывая официальное отношение советского руководства к попавшим в плен офицерам и солдатам как к предателям, это была едва ли удачная тема. Молотов абсолютно исключил для своего правительства официальные переговоры с Берлином по вопросу о военнопленных. Рузвельт упомянул об американских солдатах в японском плену, умирающих от голода.

Вечером Рузвельт широкими мазками нарисовал картину послевоенного мира, в котором произойдет всеобщее разоружение. Германия и Япония окажутся под эффективным контролем. Мир будет обеспечен минимум на двадцать пять лет, и уж, по меньшей мере, на время жизни поколения Рузвельта — Сталина — Черчилля. Опасность возникновения нового агрессора будет пресекаться совместными действиями США, Советского Союза, Англии и, вероятно, Китая, чье вместе взятое население превысит миллиард человек. Беспомощную Лигу Наций заменит организация, во главе которой встанут четыре указанных «полицейских». Рузвельт развивал также тему распада колониальной системы. Прежние колонии будут взяты под международную опеку, а затем, подготовленные к самоуправлению, получают независимость.

Атмосфера переговоров несколько потеплела. Будущий посол в СССР Чарльз Болен пишет, что «осознание ноши русских создало у нас комплекс вины в отношениях с ними». Молотов не намеревался питать иллюзии — он дал жесткую и реалистическую оценку положения на советско-германском фронте: сдача Харькова, отступление к Волге, неизбежная потеря Крымского полуострова. Предстоящим летом Германия могла здесь бросить в бой столько сил, что возможность поражения Советской армии исключить нельзя. Стратегическое положение Германии укрепилось за счет захвата Украины, являющейся житницей и источником сырьевых ресурсов. На Кавказе немцы могут захватить месторождения нефти. Надежда для советской стороны заключалась в том, что американцы и англичане создадут второй фронт и отвлекут в 1942 г. примерно сорок немецких дивизий. В этом случае СССР смог бы или нанести Германии в 1942 г. поражение, или сместить общий баланс таким образом, чтобы открылась подобная перспектива. Если потерять время, то к 1943 г. Германия извлечет выгоды из своего господства в большей части Европы, и задача СССР — и союзников — усложнится многократно.

Рузвельт предпочел, чтобы Молотов услышал ответ от более прямолинейных в существе дела военных. Полагает ли генерал Маршалл, что президент США может пообещать советскому руководству открытие Второго фронта в текущем году? Начальник штаба американской армии ответил утвердительно. Тогда, минуя оговорки, президент США попросил передать главе советского правительства, что можно ожидать открытия второго фронта «в данном году». Лицо Молотова выразило очевидное удовлетворение. А у Рузвельта возникло ощущение, что лед между ним и Молотовым тронулся. Это было серьезное обещание, данное в самой серьезной обстановке, и никакие дополнительные комментарии генерала Маршалла и адмирала Кинга о сложности концентрации войск не могли наложить тень на, безусловно, данное обещание.

Во время обеда Рузвельт провозгласил тост за мастерское руководство страной, осуществляемое Сталиным, с которым президент надеялся встретиться. Во всех этих славословиях над присутствующими витало важнейшее: США пообещали вступить в борьбу в Европе в текущем году. Рузвельт не предоставил разъяснений, как, где, когда, какими силами это будет осуществлено, но он дал исключительное двусмысленное обещание. По тону обсуждений и комментариев, военных каждый читатель документов может прийти к заключению, что речь шла о высадке через Ла-Манш, а наиболее вероятным временем виделись август-сентябрь 1942 г.

Президент сократил поставки Советскому Союзу на две трети, мотивируя свое решение необходимостью быстрого и полного снабжения Англии в качестве предпосылки создания второго фронта. Рузвельт сказал Молотову, что подготовка к открытию второго фронта заставит

США сократить поставки по ленд-лизу с 4,1 до 2,5 миллиона тонн грузов в 1943 г. Рузвельт отметил, что каждый транспорт, отправляющийся в Англию, приближает открытие второго фронта. Оправдывая свою репутацию скептика, Молотов задал вопрос, оказавшийся пророческим: «Что будет, если США сократят свои поставки Советскому Союзу и при этом так и не откроют второй фронт?» Рузвельт сказал, что американские штабные офицеры уже обсуждают практические вопросы высадки на континенте. Не ограничившись личным приватным обещанием, данным в ходе секретных переговоров, президент включил его в публично оглашенное коммюнике: «В ходе переговоров было достигнуто полное понимание в отношении неотложных задач создания второго фронта в 1942 г.». Нужно ли говорить, что советский представитель покидал Вашингтон в приподнятом настроении.

Возвратившись из США в Англию, Молотов 9 июня 1942 г. показал Черчиллю советско-американское коммюнике, в котором говорилось об «исключительно важной задаче создания второго фронта в Европе в 1942 г.». Иден записал в дневнике, что англичане начали готовить почву для отступления. Черчилль вручил Молотову памятную записку, в которой объяснялось, что проблема десантных судов не разрешена и это делает высадку на континенте в 1942 г. проблематичной. Черчилль обещал послать на советский фронт самолеты, танки и другое военное оборудование на этот раз дорогой через Персию, «а не через опасный норвежский путь»; обещал бомбить «германские города и индустрию, а также объекты оккупированной Франции». Черчилль с несвойственной ему мелочностью подсчитывал в этой записке, сколько немецких войск прямо или косвенно отвлекают на себя англичане: 2 германские дивизии в Ливии и 33 дивизии, оккупирующие Западную Европу.

Прибыв в Москву, Молотов огласил коммюнике с обещанием Америки на сессии Верховного Совета СССР.

Но уже скоро стали проявлять себя опасения Черчилля в отношении нового внешнеполитического курса Рузвельта. Американский президент, становясь главнокомандующим величайшей армии (мобилизуемой в эти месяцы), руководствовался собственной стратегией и вовсе не намеревался в каждом конкретном случае советоваться с имперским Лондоном. Генерал Брук, ближайший к Черчиллю военный в это время, записал беседу с премьер-министром по поводу предстоящего визита: «Он считает, что Рузвельт немного сошел со своих рельс, и что хорошие переговоры с ним абсолютно необходимы».

Между тем ситуация на южном фланге советско-германского фронта все больше настораживала западных союзников. В письме военного министра Стимсона (одобренного начальниками штабов) от 19 июня 1942 г., обсуждалась возможность поражения СССР. В Африке в этот день Роммель двумя колоннами танков направился к египетской границе, а в Китае японские войска начали наступление против Чан Кайши. Но оба главных деятеля Запада наблюдали, прежде всего, за началом наступательной операции немцев на советско-германском фронте. Встревоженный Рузвельт приказал высшим военным руководителям — Стимсону, Ноксу, Маршаллу, Кингу, сделать что-нибудь для помощи русским. Если Советская армия начнет общее отступление в июле, то возникнет угроза сдачи немцам Москвы, Ленинграда и Кавказа уже в августе. Президент желал знать, что могут сделать вооруженные силы США для «оттягивания» германских дивизий с русского фронта. Вопрос приобретал критическое звучание. «Если русские продержатся до декабря, союзники будут иметь преимущественные шансы выиграть войну, если же они „свернутся“, шансов на победу будет меньше половины». Выбор встал между высадкой в Европе, высадкой в Северной Африке в начале сентября, и посылкой американских войск на помощь англичанам в Египет и Ливию.

Союзники ослабляют помощь

В арктических морях конвой PQ-16 повел транспортные суда в советские гавани и подвергся налету 260 германских самолетов. Потеряв в холодных водах семь кораблей, конвой прибыл в Мурманск и Архангельск. 23 марта британское командование, не разглашая источника

своей информации (это была расшифрованная «Энигма») сообщило в Москву детали, цели и средства летнего наступления вермахта. Но Лондон надолго приостановил движение северных конвоев. Лишь в июньские дни в полярных морях решилась судьба печально известного конвоя PQ-17, который перевозил 200 тысяч тонн военных припасов из Исландии в Архангельск с 27 июня 1942 г. С торговыми судами шел 21 корабль сопровождения, включая 6 эсминцев и 2 подводные лодки. (Им в помощь были приданы 2 британских и 2 американских крейсера. Впервые был образован совместный англо-американский эскорт). 4 июля первый торговый корабль был потоплен торпедами германских самолетов. Первый лорд адмиралтейства адмирал Дадли Паунд отдал приказ кораблям эскорта возвратиться в безопасные порты. Грузовые корабли оказались предоставленными ярости немецких подводных лодок и самолетов. Из всего груза военных материалов только 70 тысяч тонн были доставлены в Мурманск, лишь одиннадцать кораблей достигли Архангельска. Черчилль, узнав об этих потерях, написал Рузвельту, что судьба конвоя PQ-17 усложняет сообщение с Россией.

Черчилль отказался посылать суда в Россию. «Верьте мне, — писал Черчилль Сталину, — не существует ничего, что бы мы и американцы не пытались сделать для помощи вам в вашей великой борьбе. Президент и я безостановочно изыскиваем средства, чтобы преодолеть препятствия, которые география, морские воды и вражеские воздушные силы ставят между нами». Прекращение помощи было суровым ударом — ведь корабли топили в те дни, когда Германия начала свое летнее наступление против Советского Союза. Советское руководство полагало, что главная помощь России должна была последовать в виде незамедлительной англо-американской высадки в Европе.

Нужно сказать, что в этот сложный для всех союзников час ее восточный союзник не препятствовал наращиванию английских усилий по охране имперских путей. Сталин не выразил несогласия с пожеланием послать в Египет 3 дивизии поляков и согласился на переадресование 40 американских бомбардировщиков, находившихся на пути в СССР, на египетский фронт англичан. В течение нескольких дней английская армия в Египте была усилена до такой степени, что теперь уже вдвое превосходила войска Роммеля, и появились значительные основания полагать, что Каир выстоит.

Как это ни горько звучит, не открыв фронта на европейском Западе, союзники нарушили свое слово в критический для СССР момент. Немцы, захватив Севастополь, приступили к своей главной на 1942 г. операции против СССР. При этом Запад резко сократил военные поставки Советскому Союзу, объясняя это подготовкой к высадке в Европе, потребностями открытия второго фронта. (Именно тогда Сталин в ярости ответил Черчиллю, что войны без потерь не ведутся, что Советский Союз несет неизмеримо большие потери). И вот, в наихудший для существования России и для союзнической солидарности момент — 14 июля 1942 года — Черчилль, получив поддержку американцев, взял на себя тяжесть сообщения решения об отсрочке открытия второго фронта Сталину.

Тот ответил через 9 дней. Во-первых, напоминалось в советском ответе, «британское правительство отказывается продолжать посылку военных материалов в Советский Союз северным путем, во-вторых, несмотря на совместное коммюнике, относительно создания второго фронта в 1942 г., британское правительство отложило его до 1943 г.». Телеграмма Сталина от 23 июля завершалась горьким упреком: «Вопрос о создании второго фронта в Европе не был воспринят с той серьезностью, которой он заслуживает. Полностью принимая во внимание нынешнее состояние дел на советско-германском фронте, я должен указать наиболее серьезным образом, что советское правительство не может согласиться с откладыванием второго фронта». Произошло очевидное нарушение союзнических договоренностей. Недоверие советской стороны к западным союзникам получило дополнительные основания.

Наиболее доверенное лицо президента Рузвельта тех лет — Гарри Гопкинс писал в июне 1942 г.: «Мы попросту не можем организовать мир вдвоем с англичанами, не включая русских как полноправных партнеров». В этих нескольких фразах основа стратегического замысла Рузвельта. В мире будущего не обойтись без СССР, эта страна будет играть слишком большую

роль, чтобы игнорировать ее на мировой арене. Меньше, чем на равный статус, русские не согласятся. Важно сделать так, чтобы США имели достаточное сдерживающее СССР и позволяющее преобладать в мире влияние. Его можно достичь за счет двух факторов: поддержки клонящейся к дезинтеграции Британской империи и опоры в Азии на Китай как на противовес Советскому Союзу.

Для наиболее дальновидных политиков и тогда было ясно, что принесение в жертву Советского Союза означало его эвентуальное ожесточение и подозрительность в отношении западных союзников, покинувших Россию в критический момент ее истории. Эта точка зрения была понятна и ряду английских дипломатов в Москве, которые осознавали, чем может, в конечном счете, обернуться для англичан ожесточение их восточного союзника. Иден показал Черчиллю телеграмму от нового английского посла в Москве сэра Арчибальда Кера, в которой говорилось, что ухудшение англо-советских отношений чревато долговременными негативными последствиями и поэтому желательно как можно скорее организовать встречу премьер-министра и Сталина. В своем дневнике Иден записал, что «получив телеграмму, Уинстон подскочил с места». Другой старинный друг Черчилля — А. Кадоган предупреждал, что главная опасность подстерегает Англию тогда, когда «русские почувствуют отчуждение».

Черчилль предложил Сталину встретиться в Астрахани или в любом другом месте: «Мы могли бы вместе обозреть события войны и принять совместные решения». По получении этой телеграммы Сталин официально пригласил Черчилля в Советский Союз. Наиболее удобным местом была названа Москва, поскольку ни члены правительства, ни Генеральный штаб не могли покинуть столицу в момент исключительного напряжения военных усилий. Черчилль быстро согласился — речь шла о жизненных интересах Великобритании, следовало избежать отчуждения России.

Чтобы на высотном самолете пересечь всю горящую Европу, Черчилля в Фарнборо проверили на способность переносить большую высоту — в специальной камере имитировали высоту примерно 5 тыс. метров. После испытания у Черчилля измерили кровяное давление и пришли к заключению, что у 67-летнего Черчилля оно в норме. В Москву Черчилль решил взять только двух своих помощников — генерала Брука и сэра Александра Кадогана. В ночь на 1 августа 1942 г. неотопливаемый четырехмоторный бомбардировщик «Либерейтор» взял курс на восток. Сосредоточиваясь на мыслях о русском союзнике, Черчилль весьма отчетливо понимал, что едет к Сталину практически в положении просителя. Для создания более благоприятной обстановки Черчилль, во-первых, потребовал от адмиралтейства подготовить конвои в Архангельск и Мурманск в сентябре 1942 г. Во-вторых, Черчилль решил ослабить свою ответственность за неосуществление обещания открытия второго фронта, переложив часть этой ответственности на американцев. Он попросил Рузвельта позволить Гарриману — восходящей звезде американской дипломатии — сопровождать его в Москве.

Он видел место, где Волга впадает в Каспийское море, по течению Волги самолет летел в направлении Москвы. Внизу, именно по курсу самолета, германские войска продвигались к Кавказу, севернее они вышли в районе Сталинграда к Волге. Позже Черчилль вспоминал: «В ходе этой моей миссии я размышлял о мрачном большевистском государстве, которое я когда-то пытался задушить в колыбели и которое до тех пор, пока не появился Гитлер, я считал смертельным врагом цивилизованной свободы. Что же являлось моей обязанностью сказать им сейчас?» А сказать ему предстояло следующее: хотя Советскому Союзу приходится в одиночестве сражаться с основной массой германских войск, Запад в эти решающие месяцы не поможет Советскому Союзу. Оценивая свою миссию, Черчилль применил такую метафору: «Это было вроде того как везти большой кусок льда на Северный полюс».

Нарком иностранных дел Молотов и начальник Генерального штаба маршал Шапошников встретили Черчилля в аэропорту. На государственной вилле N 2 премьера поразила исключительная роскошь обстановки и подчеркнутое внимание окружающих. «Меня провели через столовую, где стоял стол, уставленный деликатесами, а затем, через большую комнату приемов, в спальню и ванную комнату одинаково огромных размеров. Яркие электрические

лампы подчеркивали белизну стен, холодная и горячая вода были в моем распоряжении». Но потомок герцогов не привык к простому — готовить собственными руками ванны и раздеваться самому. А в государстве рабочих и крестьян услуги такого рода не было. Больших трудов стоило премьеру овладеть русской системой смешения горячей и холодной воды. Ситуацию сгладил ужин «непревзойденной роскоши».

На следующее утро он телеграфировал военному кабинету, что «первые два часа были мрачными и неинтересными». Сталин, «откинувшись и пыхтя трубкой, полузакрыв глаза и извергая поток оскорблений», обрисовал ситуацию на Южном фронте как неблагоприятную и сообщил о том, что немцы «прилагают огромные усилия, чтобы вырваться к Баку и Сталинграду». Стороны зашли почти в тупик. Сталин, не подбирая слов, обрушился на трусость осторожных людей. Словами Черчилля: «Мы достигли такой точки, перейдя которую, государственные деятели уже не могут вести переговоры».

Сталин вручил Черчиллю и Гарриману памятную записку, в которой напоминалось, что решение открыть второй фронт было окончательно подтверждено во время визита Молотова в Вашингтон, что советское командование планировало операции летом и осенью 1942 г. исходя из определенности открытия второго фронта. Американцы и англичане фактически нанесли удар в спину своему главному союзнику, поглощенному невероятным напряжением войны. Черчилль пытался оправдать отказ западных союзников от высадки во Франции, а Сталин говорил о том, какие это может повлечь за собой последствия.

Оживление интереса Сталина Черчилль отметил лишь тогда, когда премьер-министр обрисовал ему основные черты предстоящей операции «Торч» — высадки в Северной Африке 250 тысяч англо-американских войск. Западные союзники намерены были захватить все побережье французской Северной Африки. Сталин начал довольно детально расспрашивать о приготовлениях к этой операции. В этом месте Гарриман вмешался в беседу и сказал, что президент Рузвельт полностью одобряет операцию «Торч». Американские войска находятся в процессе активной подготовки. Черчилль нарисовал на листке бумаги крокодила и пытался объяснить при помощи своего рисунка, что западные союзники намерены атаковать мягкое подбрюшье крокодила, а не бить по панцирю. «Если мы захватим Северную Африку, Гитлер должен будет бросить свои военно-воздушные силы в этот регион, иначе он рискует потерять своих союзников, к примеру, Италию. Операция окажет воздействие на Турцию и на всю Южную Европу. Мы победим в этом году в Северной Африке и нанесем смертельную рану Гитлеру в следующем году». Он и Рузвельт внимательно следят за ситуацией на советско-германском фронте и готовы прийти на помощь, если опасность будет угрожать Каспийскому морю и Кавказу. Сюда можно будет послать мощные англо-американские военно-воздушные силы. Антигитлеровской коалиции, — говорил Черчилль, — «помогает нейтралитет Турции и Кавказские горы, которые прикрывают нефтяные поля Абадана, потеря которых была бы смертельна для позиций Англии в Индии и на Ближнем Востоке».

Черчилль мобилизовал все свое красноречие. Поток феноменальных фраз лился безостановочно, а премьер, ускоряя темп, лишь спрашивал переводчика, сумел ли тот донести суть. Сталин рассмеялся: «Не важно, что вы говорите, важно, как вы говорите». И все же Черчилль ушел подавленным. Вторая их встреча, состоялась спустя несколько часов, явилась, пожалуй, низшей точкой в отношениях двух стран за период войны. Сталин сказал Черчиллю, что, стоя перед неизбежным, он так или иначе вынужден принять англо-американское решение об отказе от высадки на континенте в 1942 г. Он произнес немало горьких слов по поводу англичан, которые не желают сражаться с немцами, и в одном месте Черчилль вынужден был перебить его, сказав, что он «извиняет эту ремарку только учитывая исключительное мужество русских войск».

Совершенно неожиданно для Черчилля (самолет для отлета из Москвы был уже готов) Сталин в конце второй беседы пригласил поужинать вместе с ним: «Почему бы нам не зайти в мою квартиру в Кремле?» Он повел Черчилля через многие ходы и выходы, пока, находясь в пределах Кремля, они не зашли в квартиру Сталина. «Он показал мне свои комнаты, которые

были довольно скромными. Вскоре прибыл Молотов, и они расселись с двумя переводчиками.

Этот поздний ужин продолжался более семи часов. Было очевидно, что он импровизирован, поскольку еда прибывала по мере течения времени. Молотов был в своем лучшем настроении, а Сталин старался сделать так, чтобы за столом не скучали. Он попросил Черчилля прислать дополнительное число грузовиков — в Советском Союзе налажен выпуск достаточного числа танков, но с грузовиками большие сложности. Промышленность выпускает 2 тысяч грузовиков в месяц, а необходимы 25 тысяч. Черчилль пообещал сказать помощь (скоро на фронте увидели американские «Студебеккеры»). Черчилль обрисовал диспозицию основных британских вооруженных сил. По расположению британских войск было ясно, какое значение придавалось Ближнему Востоку и Индии — на них приходилась половина контингента британских войск.

Черчилль сказал, что в начале 1938 года — еще до Мюнхенского соглашения у него возник план создания союза трех великих государств: Великобритании, Соединенных Штатов Америки и Советского Союза, которые могли тогда повести за собой мир и предотвратить войну. Сталин ответил, что он всегда надеялся на подобную коалицию, хотя при правительстве Чемберлена ее создание было невозможным. Черчилль, в общем и целом чувствительный человек, спросил, простил ли его Сталин за интервенцию, на что последовало утешающее: «Все это в прошлом. Не мне прощать. Бог простит». Он вспомнил визит в Москву британской делегации в 1939 г. Английские и французские военные представители не могли ответить на простой вопрос: какие силы они выставят в случае конфликта против Германии на Западе. Черчилль напомнил, что он был вне правительства в течение 11 лет, и что всегда предупреждал об опасности германского реваншизма. Да, западные делегации в 1939 г. не имели достаточных полномочий.

Черчилль сказал, что успех западных союзников в Северной Африке заставит немцев оккупировать побережье Франции (равно как Сицилию и Италию), что отвлечет их самолеты и войска. Сталин предложил Черчиллю обмениваться информацией о военных изобретениях. Он говорил о последних достижениях советской артиллерии, информация о них могла помочь англичанам. В нужный момент Черчилль поблагодарил Сталина за то, что тот позволил передать сорок американских бомбардировщиков типа «Бостон», направлявшихся в Россию, командованию английских войск в Каире. Сталин как бы отмахнулся: «Это были американские самолеты, вот когда я вам дам русские самолеты, вы меня и поблагодарите». Черчилля волновала степень укрепленности перевалов на Кавказе, могут ли немцы пробиться сквозь них. Сталин сказал, что здесь находится примерно 25 дивизий и что перевалы, конечно, укреплены. Нужно удержаться примерно еще 2 месяца, после этого снега сделают горы непроходимыми. Черчиллю было важно то, что Сталин не выражал никакого сомнения в том, что Россия будет продолжать сражаться и в конечном счете союзники победят. Сталин еще раз заверил Черчилля в том, что Красная армия выстоит и немцы не выйдут к Каспийскому морю, им не удастся захватить нефтяные месторождения вокруг Баку и они ни в коем случае не выйдут к английской зоне влияния через Турцию и Иран. Развернув карту, он сказал: «Мы остановим их здесь, они не пересекут горы». Сталин намекнул премьеру, что у него есть план контрнаступления в больших масштабах, но попросил держать эту информацию в самом большом секрете.

В ударе был Кадоган, замещавший от Форин-оффиса Идена. Пытаясь спасти дух солидарности, этот аристократ провозгласил тост: «Смерть и проклятье немцам!» Это имело успех. Фотографии на память. Сталин провожает до автомобиля. На следующий день Черчилль написал Эттли: «Мне кажется, что я установил личные отношения, на которые так надеялся».

На обратном пути, высадившись в Тегеране, Черчилль телеграфировал Сталину: «Я очень рад, что побывал в Москве, во-первых, потому, что моей обязанностью было рассказать вам то, что я вам рассказал, во-вторых, потому, что я чувствую, что наши контакты будут играть важную роль в нашем общем деле». Черчилль посчитал необходимым тотчас сообщить президенту Рузвельту о реакции Сталина на сообщение о том, что высадка в Европе откладывается: «Они проглотили эту горькую пилюлю». Теперь Черчилль убеждал Рузвельта в том, что «Россия не позволит западным союзникам потерпеть поражение или быть выбитыми из войны».

Расшифровка кода «Энигма» позволяла Черчиллю знать, сколько войск имел Гитлер в Восточной и Западной части Европы, маршруты перемещения германских войск и кораблей, и многое другое. Тотчас по возвращении из Москвы в Лондон Черчилль получил чрезвычайно важные сведения о том, что германское командование не планирует перенаправить центр наступления со Сталинграда на кавказское направление.

Уверенность Запада

Когда 15 декабря 1942 г. посол Великобритании Керр, вернувшись из Москвы, узнал о планах британского командования на 1943 год, он буквально впал в отчаяние. По мнению Керра, «мы не представляем себе того напряжения, в котором находятся русские. Советская армия и в целом русское руководство боится, что мы создадим гигантскую армию, которая сможет однажды повернуть свой фронт и займет общую с Германией позицию против России». Фантастичен ли такой поворот событий? Посол посчитал нужным сказать Черчиллю, что в «Британии высказываются мнения, которые прямо или косвенно поддерживают это опасение русских». Известие о том, что и в 1943 г. не будет открыт настоящий второй фронт, станет подлинным «шоком» для Сталина. «Невозможно предсказать, какими будут результаты этого». Но аргументы Керра не заставили Черчилля пообещать предпочтение в 1943 г. высадки во Франции (как это было обещано Сталину) проведению средиземноморской стратегии (как рекомендовали начальники британских штабов). Полагая, что две крупнейшие континентальные державы, борясь и ослабляя друг друга, действуют в «нужном направлении», премьер-министр поставил во главу угла задачу сохранения основы вооруженных сил и скрепления связей британской империи в наиболее уязвимом месте — Средиземноморье.

Историческая истина вынуждает сказать, что в этот самый суровый для СССР час его союзники — американцы и англичане — застыли в выжидательной позиции. Стало ясно, что обещанный второй фронт в Европе открыт не будет не только в текущем, но и в следующем году. Уэнделл Уилки, возглавлявший республиканскую партию политический соперник Рузвельта, говорил тогда в Москве, что невыполнение решения об открытии второго фронта порождает «страшный риск». И, заметим, начинает делать возможной «холодную войну».

Второго декабря 1942 г. физики лаборатории Чикагского университета осуществили первую в мире управляемую ядерную реакцию. Центр тяжести в американских исследованиях начинает смещаться с теоретических и лабораторных исследований к опытно-конструкторским работам. Президент Рузвельт очертил совокупность специальных мер, направленных на сохранение секретности расширяющихся работ. В США создавалась сложная система прикрытия крупного научно-промышленного проекта. Руководитель проекта — генерал Гроувз предпринял необычные даже для военного времени меры безопасности.

Рузвельт и его окружение не были уверены, сможет ли атомное оружие быть использованным в ходе текущей войны. Но они полагали, что получают, могущественный инструмент воздействия на послевоенный мир, получают новый фактор международных отношений. Будущую ядерную дипломатию Рузвельт обсуждал, собственно, не с американцами, а с англичанином Черчиллем. Складывается впечатление, что, в ответ на согласие Черчилля быть младшим партнером коалиции, Рузвельт согласился на первых порах приобщать английского союзника к атомным секретам.

Но Черчилль сомневался: что будет, если первым в атомной гонке окажется СССР? Вермахт еще контролировал две трети Европы, а Черчилль уже поставил вопрос: «Что мы желаем иметь между белыми снегами России и белыми скалами Дувра?» Западные союзники все более склонялись к мысли, что лишь ядерное оружие может дать надежный ответ. Посмотрим, от кого хранились секреты. Цитируем генерала Гроувза: «Через две недели после того, как я взял на себя руководство проектом, у меня навсегда исчезли иллюзии в отношении того, что Россия является нашим врагом, и проект осуществлялся именно на этой основе». В ходе осуществленного позже сенатского расследования генерал Гроувз рассказал о том, что президент

Рузвельт был полностью осведомлен об информационной блокаде своего главного военного союзника.

Гроувз не знал, что и Россия следит за проектом «Манхэттен». В феврале 1943 г. Курчатов сидел у Молотова в Кремле, поглощенный обзором английских исследований в урановом проекте. От руки Курчатов пишет, что прочитанное имеет «громадное значение для нашего государства и науки... Эти материалы позволили определить основные направления собственных исследований, обойти многие трудоемкие фазы разработки проблемы». Две памятные записки, написанные И.В. Курчатовым в марте 1943 г. сыграли ключевую роль в советском атомном проекте. Он еще не знал об успехе Ферми в Чикаго. В записках отсутствует злорадство, в них скорее восхищение западным продвижением, это спокойная оценка ситуации. Курчатов и не дает место горечи замедлению советских работ в связи с войной.

Открылась перспективность газовой диффузии и цепной реакции в смеси урана и тяжелой воды. Повторить английский опыт Курчатов пока не мог, в СССР пока было около трех килограммов тяжелой воды. Ядерный реактор Курчатов еще называет «котлом». Общий вывод Курчатова: наиболее перспективный путь к атомной бомбе — плутониевый. Это — поворотный момент. Первые советские циклотроны намечены на 1944 г. Курчатов приводит список лабораторий в Соединенных Штатах, список начинается с лаборатории в Беркли. Государственный комитет обороны приступил к советскому атомному проекту 12 апреля 1943 г. — создается в рамках Академии наук т.н. «лаборатория № 2». В гостинице «Москва» (столь бездумно разрушенной в 2004 г.) впервые встретились те, кому предстоит реализовать указанный проект. Правительство дало Наркомату цветной металлургии задание как можно скорее получить 100 тонн чистого урана. Советское правительство послало в вашингтонское управление по ленд-лизу запрос на 10 килограммов металлического урана. Генерал Гроувз удовлетворил запрос из опасения, что отказ привлечет бы внимание СССР к американскому проекту.

В сентябре 1943 г. И.В. Курчатов был избран академиком — Молотов «выбил» дополнительное место. Всех обрадовала находка на заводе «Электросила» 75-тонного электромагнита — всего в трех километрах от линии фронта.

Трудно отделаться от впечатления, что американская помощь на этом этапе ликвидировала бы многие элементы, ведшие к «холодной войне».

В декабре 1943 г. в Соединенные Штаты в качестве члена английской группы специалистов прибыл иммигрант из Германии Клаус Фукс и в течение девяти месяцев участвовал в разработке теории процесса газодиффузионного разделения изотопов, одновременно находясь в контакте с НКГБ. Теперь Курчатов знал, что в США для выделения плутония поставили на метод газовой диффузии. Именно в 1943 г. Курчатов собрал группу физиков и инженеров для работы непосредственно над конструкцией бомбы. Возглавил эту группу Ю. Харитон. По воспоминаниям Харитона Курчатов сказал ему: «Нельзя упускать время, победа будет за нами, а мы должны заботиться и о будущей безопасности страны». 39-девятилетний Харитон был всего на год моложе Курчатова.

Рузвельт размышляет

В выработке своей дипломатической линии по отношению к СССР Рузвельт в 1943 году немало советовался с прежним послом США в СССР У. Буллитом. Тот убеждал президента, что Сталин постарается воспользоваться занятостью Америки Японией и приложит усилия, чтобы получить доминирующие позиции в Европе после поражения Германии. Чтобы предотвратить такой ход событий, Буллит рекомендовал президенту встретиться со Сталиным в июне 1943 года в Вашингтоне или на Аляске и предупредить Сталина, что если СССР не даст обещание начать войну против Японии сразу же после поражения Германии и воздержится от аннексий европейских стран, не распустит Коминтерн, то Соединенные Штаты должны будут сместить фокус своего внимания с Европы и, оставив СССР в практически единоличном противоборстве с

Германией, обратиться к Тихому океану. В этом случае следует уменьшить помощь Советскому Союзу и не упоминать о займах на восстановление. Как запасной Буллит рассматривал вариант вторжения на Балканы, чтобы преградить русским путь в Центральную Европу.

Рузвельт 5 мая 1943 г. направил в Москву бывшего посла Дж. Дэвиса, который привез в Москву личное письмо президента с предложением о встрече ради более близкого знакомства двух руководителей. Лучшее время — лето 1943 г., место — где-нибудь посередине между Москвой и Вашингтоном. В Хартуме летом жарко, а в Рейкьявик не пригласить Черчилля было бы неудобно. Наиболее подходящим местом виделись окрестности Берингова пролива, причем Рузвельт был согласен и на Аляску, и на Чукотку. Встреча должна подготовить (сообщал Дэвис Сталину) союзников к возможному кризису Германии предстоящей зимой. Она предполагает «характер простого визита, она будет неформальной». Рузвельт возьмет с собой лишь Гарри Гопкинса, переводчика и стенографиста. Это будет то, что американцы называют «встречей умов». Ее участники не имеют обязательств выработать какой-либо итоговый документ.

Позже Рузвельт объяснял Черчиллю, что хотел таким образом избежать «коллизий» по поводу отложенного в критической обстановке «второго фронта», хотел добиться обязательств СССР вступить в войну с Японией, выяснить характер советско-китайских отношений, советские планы относительно Польши, Финляндии и Балкан. Рузвельт надеялся узнать планы Сталина «о послевоенном будущем, его надежды и амбиции настолько полно, насколько это возможно». Разумеется, самой тяжелой психологической задачей для Рузвельта было бы сообщить Сталину о том, что высадка в Европе откладывалась на неопределенное время. Для дискуссий по этому и многим другим вопросам Рузвельту на данный момент хотелось видеть не англичан, а именно советское руководство.

ГЛАВА ВТОРАЯ ПЕРВЫЙ ПОВЕРЖЕННЫЙ ПРОТИВНИК

В октябре 1943 г. Москву посетил министр финансов США Дональд Нильсон. Принимали его Сталин и Молотов. Нильсон сказал, что маховик американской экономики раскручивается невероятно, создавая дополнительные мощности. После окончания войны Америка выйдет в мирный период, владея первой экономикой мира, экономикой на подъеме. В то же время Россия чрезвычайно нуждается в индустриальной и сельскохозяйственной продукции. Оба советских руководителя закивали головами и Сталин достал список первостепенно необходимых товаров. Оба они видели сложность в кредитовании — найдутся ли свободные средства для помощи союзнику военных лет. Нильсон предложил американские кредиты. Пусть совместная комиссия определит необходимую сумму. Сталин не только согласился, но поразил американцев, сидевших за столом «исключительным интересом к американским предложениям». Если бы события пошли таким путем, то о «холодной войне» не было бы и речи.

Италия: первый опыт оккупации

Размышляя над будущим союзнических отношений, генерал Эйзенхауэр в феврале 1943 г. предсказал особую значимость взаимодействия антигитлеровской коалиции в Италии: «Здесь неизбежно будет создан прецедент далекоидущего по объему и важности взаимодействия, которое послужит примером для дальнейшего сотрудничества в Европе». Время испытания союзнической лояльности наступило 25 июля 1943 г. Большой фашистский совет сместил Муссолини и поставил во главе правительства «победителя Абиссинии» — маршала Пьетро Бадольо, который немедленно послал своих представителей к западным союзникам.

Рузвельт вместе с Розенманом и Шервудом работал в своей летней резиденции Шангри-Ла над очередным радиообращением к стране, когда из Белого дома сообщили о низвержении Муссолини, что привело Рузвельта в эйфорическое состояние. Но с ощущением легкости

крушения одного из лидеров «оси» пришла и проблема: следовало ли (и как) иметь дело с заговорщиками, сместившими Муссолини? Существовало данное полгода назад обещание требовать именно безоговорочной капитуляции. Рузвельт обрушился на прессу, обличавшую короля и придворных интриганов, совершивших дворцовый переворот. Но от этих упреков не исчезал насущный вопрос: будет ли Рузвельт, один из лидеров великой коалиции, иметь дело с королем, который долгие годы успешно сотрудничал с Муссолини, будет ли Рузвельт, высоко вознесший мораль «четырех свобод», иметь дело с назначенным королем премьер-министром маршалом Бадольо, известным как кровавый завоеватель Эфиопии? Все мысли президента были связаны с дипломатическим оформлением крушения Италии. 28 июля 1943 г. Рузвельт выступил с очередным радиообращением к стране. «Первая трещина в блоке стран „оси“ — преступный фашистский режим в Италии развалился. Пиратская философия фашистов и нацистов не выдерживает противостояния». Итальянский флот направился из Генуи в североафриканские порты под контроль союзников.

Черчилль не пережил подобных колебаний. Он пишет Рузвельту 31 июля 1943 г.: «Моя позиция заключается в том, что теперь, когда Муссолини и фашисты ушли, я готов взаимодействовать с любой итальянской властью, которая приносит пользу». 3 сентября 1943 г. западные союзники высадились на итальянском сапоге, имея в кармане тайное соглашение с Бадольо. При этом в Италии Черчилль и Рузвельт решили поставить третьего партнера по великой антигитлеровской коалиции — Советский Союз в положение стороны, не принимающей непосредственного участия в решении судьбы повергнутого противника. Читатель, запомни это решение.

Сталин поддержал прагматичную линию Вашингтона и Лондона в Италии. Чтобы не осложнять положения своих союзников, он не стал выступать против итальянской монархии. Но его интересовало, как США и Британия намереваются управлять первой освобождаемой страной. У Сталина не было сомнений в том, что СССР имеет полное право занять свое место в Союзной контрольной комиссии по Италии. 22 августа Сталин обратил внимание Черчилля и Рузвельта на то, что «Великобритания и Соединенные Штаты заключают соглашения», а Советский Союз «представлен просто как пассивный наблюдатель... такое положение является неприемлемым и мы не потерпим такой ситуации». По мнению Сталина, следовало создать военно-политическую комиссию из представителей Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов для рассмотрения вопросов, касающихся всех государств, которые пойдут на разрыв отношений с Германией. «Я предлагаю создать такую комиссию, а Сицилию избрать местом ее пребывания». Черчилль почти с негодованием отверг это предложение, представив его едва ли не вмешательством в чисто западные дела. Он пожалеет о своей самонадеянности.

Возникает то, что вырастет в «холодную войну». Сталина абсолютно не устраивала та пассивная роль, которую западные союзники предназначали России в ходе итальянского урегулирования. 24 августа он объявил союзникам, что роль «пассивного наблюдателя» для него «нетерпима». Иден и Кадоган пытались убедить Черчилля, что тот не может вначале осуждать Сталина за то, что тот отстранился от дел, а затем за то, что тот «грубо присоединяется к вечеринке». Стремление СССР участвовать в обсуждении капитуляции Италии было воспринято Черчиллем и Рузвельтом как указание на то, что Советский Союз, увидев «свет в конце тоннеля» после битвы на Орловско-Курской дуге, стал более требовательным членом коалиции, само утверждающейся державой будущего. Несомненно, Черчилль катализировал эти настроения Рузвельта летом 1943 г. В конце июня Черчилль говорил послу Гарриману, что Сталин желает открытия «второго фронта» в Западной Европе для того, чтобы предотвратить появление американцев и англичан на Балканах.

Даже Антони Иден полагал, что телеграмма Сталина была «не столь уж плохой», хотя Черчилль повторял свои возмущенные комментарии. После более зрелого размышления вечером 24 августа Черчилль сказал, что предвидит «кровавые последствия в будущем». И слово «кровавые» он употребил в прямом смысле. Сталин «неестественный человек, нужно ждать тяжелых последствий». Черчилль телеграфировал Эттли 25 августа 1943 г. «Черное пятно в

нынешнее время — это возрастающая настойчивость Советской России».

Черчилль акцентировал опасения Рузвельта в отношении возможностей нежелательной внутренней эволюции Италии: крушение фашистских структур власти может привести к социальному взрыву, к укреплению позиций итальянских коммунистов. Черчилль делал вывод: никто не стоит в Италии между монархистами и коммунистами, в стране образовалась опасная поляризация социальных сил. В письме Рузвельту он доказывал: «Если у нас нет возможности немедленно атаковать Германию через Балканы, заставляя тем самым немцев уйти из Италии, мы должны как можно скорее совершить высадку в самой Италии». В это время новое итальянское правительство начало устанавливать тайные контакты с союзниками. Рузвельт и Черчилль поручили Эйзенхауэру принять капитуляцию на значительно более жестких, чем предлагал Бадольо, условиях. Последовал ультиматум, который правительство Бадольо приняло. Эйзенхауэр объявил об этом только 8 августа, когда его войска были уже полностью готовы к высадке в Салерно.

Впервые мы видим вождей нацистской Германии думающими о реальных попытках раскола антигитлеровской коалиции. «Я спросил фюрера, — пишет Геббельс в дневнике 10 сентября 1943 г., — можно ли что-нибудь решить со Сталиным в ближайшем будущем или в перспективе. Он ответил, что ... легче иметь дело с англичанами, чем с Советами. В определенный момент, считает фюрер, англичане образумятся... Англичане не хотят допустить большевизации Европы, ни при каких обстоятельствах... Как только они осознают это, у них останется выбор лишь между большевизмом и некоторым потеплением по отношению к национал-социализму. Сам Черчилль — старый противник большевизма, и его сотрудничество с Москвой — всего-навсего преходящий момент». Вечером 23 сентября Геббельс обедал с Гитлером. «Я спросил фюрера, готов ли он вести переговоры с Черчиллем?»

Черчилль предложил Рузвельту пересмотреть общую стратегию в свете поражения Италии. После взятия Неаполя и Рима следует закрепиться на самом узком месте «сапога» и обратиться к другим фронтам. Одна из альтернатив — Балканы. «Мы оба, — говорил Черчилль, — остро ощущаем огромную важность балканской ситуации», надо послать «часть наших войск на средиземноморском театре для действий к северу и северо-востоку от портов Далмации».

Между августом и ноябрем 1943 г. советская сторона выдвинула ряд предложений по формированию Политико-военной комиссии и по проведению в Италии некоторых реформ. Вопрос о союзническом взаимодействии встал в практическую плоскость в ноябре, когда в Союзный Совет прибыл заместитель наркома иностранных дел Вышинский вместе с двумя высокопоставленными военными помощниками. Для определения статуса советской стороны западные чиновники из Италии обратились в Вашингтон и Лондон. После внутренних совещаний американская сторона приняла так называемую «британскую формулу». Согласно этой формуле, советское представительство по делам Италии должно было иметь «косметическое значение» в Союзной контрольной комиссии, но должно быть исключено из конкретного процесса управления. Вышинский, доказывая Корделлу Хэллу, должен быть исключен из Контрольной комиссии, ему следует дать роль «офицера по связи».

Обмен дипломатическими представительствами между Москвой и Римом в марте 1944 г. с новым итальянским правительством чрезвычайно беспокоил американцев и англичан. Почему Москва решила признать Бадольо? Американский поверенный в делах в Алжире Селден Чепин шлет такое объяснение государственному секретарю Корделлу Хэллу: «Дипломатическое признание отражает советскую обеспокоенность барьером, которым для Советов является Союзная контрольная комиссия и Совещательный комитет». Чепин был прав — когда посол Гарриман пожаловался Вышинскому на «несдержанность в признании», тот ответил именно в том духе, что западные союзники препятствуют полнокровному участию России в решении итальянских проблем.

Несмотря на все выражения «сквозь зубы», американцы были вынуждены между собой признать правомочность советских жалоб, легитимность советских жалоб. Некоторое (короткое) время американцы размышляли над возможностью расширить русские полномочия в

Контрольной комиссии, но недолго; их представление о своем всевластии в Италии не позволяло им делиться государственными контрольными полномочиями. Более того, находящийся в ключевой точке — в Москве — посол Гарриман выразил свое беспокойство «русским самоуправством» госсекретарю Хэллу: «Советам следует понять, что они совершили ошибку, которая. Если она будет иметь продолжение, помешает общему сотрудничеству. Мы уже прошли очень долгий путь, а Советы только учатся как вести себя в цивилизованном мировом сообществе. Мы можем достигнуть эффективных результатов только в том случае, если займем твердую позицию тогда, когда русские будут делать ошибочные шаги... А если мы не проявим твердости? ... С каждым новым эпизодом мы будем видеть все более жесткую советскую политику, они будут выступать как мировые нарушители спокойствия».

Американская сторона постаралась жестко поставить Бадольо на место. Итальянский премьер может действовать только через Союзную комиссию. Западные союзники также призвали и Москву действовать не через двусторонние межправительственные контакты с итальянским правительством, а через Совецательный Комитет. Хотя все знали — и сейчас мы знаем определенно — что советские дипломаты и генералы были поставлены западным игнорированием в самое неловкое положение. СССР едва ли мог проводить свою политику в условиях практического остракизма. И все же Молотов посчитал необходимым информировать Гарримана, что советское правительство не намерено посредством дипломатического признания вторгаться в дипломатические и внутренние проблемы Италии.

Более того. Посол СССР в США А.А. Громыко 19 марта 1944 г. сообщил госсекретарю Хэллу, что любые советские действия будут производиться через посредство командующего союзными войсками на данном театре военных действий. В меморандуме Громыко говорилось о том, что несогласие между «двумя антинацистскими центрами» — правым правительством Бадольо и левыми силами вокруг Комитета национального освобождения ослабляют общие усилия в борьбе с Германией. Нет сомнения, что Вашингтон и Лондон тоже пытались консолидировать антифашистские итальянские силы, но у них не было имевшегося у Москвы преимущества — хороших отношений с итальянскими левыми. 26 марта 1944 г. в Италию прибыл из Москвы (после двадцати лет пребывания в советской столице) талантливый глава итальянских коммунистов Пальмиро Тольятти. И в этой ситуации, если бы Москва решила пойти своим путем, она имела бы все шансы на успех. Но, ценя, прежде всего, союзническую солидарность, Россия не стала действовать вопреки пожеланиям своих западных союзников.

Этот эпизод показателен. В нем зерна «холодной войны» уже посеяны, хотя и не проросли. Западные союзники самым откровенным образом оттирают огромную европейскую Россию от участия в делах страны, непосредственно участвовавшей в войне с ней. Американцы и англичане грубым образом исключили Москву из процесса принятия в Италии самых важных решений. Сталину было самым непосредственным образом указано, что Италия входит в сферу западных интересов. Читатель, запомни этот эпизод.

Советская Россия постепенно — после своих колоссальных усилий — выходила к своим предвоенным границам, неся на себе ношу боев с 80 процентами вермахта. 4 января советские войска вышли к польской границе, а 2 апреля — к румынской. И именно тогда, нарушившие свое обещание западные державы грубо и беспардонно постарались исключить Россию из итальянской политической палитры. Между сентябрем 1943 г. и мартом 1944 г. Союзная контрольная комиссия была западным рычагом, препятствующим участию крупнейшей континентальной державы в решении судьбы Италии. Когда первый заместитель наркома иностранных дел Вышинский посетил в январе 1944 г. Совецательный комитет в Алжире, он задал, по существу лишь один вопрос: почему так много деятелей прежнего — фашистского режима остается на своих прежних высоких постах? Но СССР не оказывал при этом давления. А американцы придерживались линии на сохранения всех, кто обещает стабильность. То есть способствовали структуре Бадольо, доставшейся от Муссолини. Рузвельт на данном этапе поддерживал короля и маршала Бадольо, вызывая бесчисленные стенания Комитета национального освобождения: правительство Бадольо назначает на самые важные посты в армии

и полиции бывших фашистов.

Не нужно много фантазии, чтобы представить себе решимость Москвы самой, без колеблющихся (в 1942, 1943, как верить в 1944?) союзников решающей судьбу войны на европейском театре военных действий. Россия признала де Голля и Бадольо, она могла оказывать воздействие на мощные в Западной Европе левые силы. Что делает Сталин? 14 апреля 1944 г. советское правительство выступает с призывом к антифашистским силам найти платформу единства. Тольятти отказывается от предложения сделать коммуниста военным министром. И король и Бадольо превозносят Тольятти (руководящего самой организованной силой страны), и американский верховный представитель президента Роберт Мэрфи высоко ценит склонность подчинить социальные проблемы антифашистской борьбе.

4 июня 1944 г. союзные войска входят в Рим. Правый деятель Бономи сменяет маршала Бадольо на посту главы правительства. Черчилль был возмущен внезапным смещением Бадольо и не нашел ничего лучшего, как обратиться за помощью к Сталину. Сталин ценил такие личные просьбы и он фактически присоединился к Черчиллю, задавая итальянским политикам вопрос о правомочности свершившегося дворцового переворота. Но американцы поддержали Бономи как премьера и Сфорца в качестве министра иностранных дел. Посол Чепин пишет государственному секретарю Хэллу 10 июня 1944 г.: «Сфорца, кажется, всегда понимал нашу позицию и я верю, что мы можем полностью на него положиться». Американцы приобретают при итальянском правительстве главенствующее влияние, укрепленное обещаниями экономической помощи. Премьер Бономи говорит американскому представителю при Совещательном комитете Александру Кирку, что «Италия следует советам Соединенных Штатов более, чем каким бы ни было другим».

Англичане не выносили Сфорца: «Интриган высшего калибра», а Иден отказывался вести с ним переписку.

После этого Россия как бы окончательно отходит от итальянских дел. Но западные союзники имели время порассуждать над тем, какой прецедент они создали. Значение преимущества в военной оккупации было продемонстрировано западными державами; оставалось ждать, как отреагируют на этот прецедент США и Британия в Восточной Европе.

Так в Италии. А в Румынии?

Стремление СССР участвовать в обсуждении капитуляции Италии, сколь ни здравым оно выглядело в дальнейшем, тогда было воспринято Рузвельтом как ясное указание на то, что Советский Союз, увидя «свет в конце туннеля» после битвы на Орловско-Курской дуге, стал более требовательным членом коалиции и более самоутверждающей себя державой будущего. Несомненно, Черчилль катализировал эти настроения Рузвельта летом 1943 года, когда оба они взяли на себя ответственность за еще одну годичную отсрочку открытия «второго фронта». В конце июня Черчилль говорил послу Гарриману, что Сталин желает открытия «второго фронта» в Западной Европе для того, чтобы предотвратить появление американцев и англичан на Балканах. И во время «Квадранта» британский премьер еще раз попытался привлечь Рузвельта к более активной балканской политике.

Во все большей степени Рузвельт ощущал недовольство советского руководства тем, что, принимая на себя основную тяжесть войны, СССР не участвовал в важнейших дипломатических переговорах, на которых американцы и англичане решали в свою пользу вопросы послевоенного устройства. В конце августа 1943 года Сталин написал Рузвельту: «До сих пор все было так: США и Британия достигают соглашения между собой, в то время как СССР информируют о соглашении между двумя державами, как третью, пассивно наблюдающую сторону». Особенно возмутило Сталина то, как западные союзники определили судьбу Италии. Было ясно, что англосаксы намерены решать главные мировые вопросы, не привлекая того союзника, который вносил основную плату в мировой битве. Скорее всего, у Рузвельта в эти дни, недели и месяцы были большие сомнения в том, не переиграл ли он. Отзыв Литвинова из Вашингтона (и Майского

из Лондона) говорил о серьезности, с какой в Москве воспринимали обращение с СССР как с союзником второго сорта.

Еще один вопрос вставал во всем объеме. Война началась для СССР с вторжения немцев по проторенной дороге, по которой прежде шли французы, поляки, шведы. И даже в самое отчаянное время, в конце 1941 года, советское руководство думало о будущих западных границах страны. Оно обратилось к американскому правительству, которое в свете пирл-харборского опыта могло бы понять СССР как жертву агрессии. Важнейший знак — тогда Рузвельт не ответил на письмо Сталина. Что должны были думать в Кремле об американских союзниках? А ведь от Вашингтона просили лишь фиксировать статус кво анте. Прекращение помощи в 1943 г. усилило негативные стороны восприятия союзника. В Москве теперь могли резонно полагать, что американцев и англичан в определенной мере устраивает ослабление России, теряющей цвет нации, мобилизующей последние ресурсы.

Именно тогда, в тревожные дни накануне сражения на Курской дуге, союз дал трещины, сказавшиеся в дальнейшем. Факт отзыва после Литвинова из Вашингтона и отказ от встречи с Рузвельтом говорили о наступившем в Москве разочаровании. Вашингтон и Лондон в своем долгосрочном планировании допустили существенную ошибку. Они довели дело в советско-западных отношениях до той точки, когда идея «четырёх полицейских», тесного союза США с СССР, Англией и Китаем оказалась подорванной. Нельзя было — без последствий для себя — оставлять Советский Союз вести войну на истощение в течение полных двух лет, с 1942 по 1944 год. Нельзя было думать о двух-трех миллионах избирателей, игнорируя легитимные нужды безопасности великой державы. Встретить Советскую Армию на советских границах — это стало казаться Черчиллю (и, отчасти, Рузвельту) политически привлекательным. Мы видим влияние подобных идей в дискуссии с Объединенным комитетом начальников штабов 10 августа 1943 года: президент выказал явный интерес к Балканам, куда, по его словам, англичане хотя попасть раньше русских. Хотя он не верит, что русские желают установить свой контроль над этим регионом, «в любом случае глупо строить военную стратегию, основанную на азартной игре в отношении политических результатов».

Создавался союз, защищенный готовящимся «сверхоружием», для осуществления западного варианта послевоенного устройства. Обе стороны наметили стратегию дальнейшего ведения войны против стран «оси». Было решено в начале лета 1944 г. начать вторжение в Западную Европу. Были очерчены контуры итальянской кампании. На фоне советско-американского отчуждения лета 1943 г., когда англичане и американцы копили и сохраняли силы, а СССР сражался за национальное выживание на Курской дуге, согласие в межатлантических и, прежде всего, атомных делах говорит о строе мыслей Черчилля и Рузвельта.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ ТЕГЕРАН

Рузвельта исключительно интересовали впечатления от встреч в Москве Дж. Дэвиса, который именно в это время возвращается в Вашингтон. Он просил бывшего посла наиболее тщательным образом восстановить подробности бесед со Сталиным. Огорчило посла более всего то, что Сталин не видел особого различия между американской позицией и английской, он полагал, что стоит перед единым западным фронтом. Исходя из этого, Сталин не проявил энтузиазма в отношении сепаратной встречи с Рузвельтом. На предположение Дэвиса о том, что СССР и США, в лице их лидеров, могут найти общий язык, «выиграть и войну и мир», Сталин лаконично ответил: «Я в этом не уверен». Дэвису, по его словам, понадобилось немало времени и усилий, чтобы смягчить напряженность в их беседах. Сталин не принимал североафриканские операции или бомбардировки Германии в качестве эквивалента «второго фронта». Дальнейшее откладывание открытия «второго фронта» поставит Советский Союз летом 1943 г. в очень

тяжелое положение. Оно (Сталин сделал акцент на этом) повлияет на ведение Советским Союзом войны и на послевоенное устройство мира.

Вскоре Рузвельт получил личное послание Сталина: результат массированного германского наступления летом 1943 г. будет зависеть от операций союзников в Европе. Но в конечном счете перспектива достижения двусторонней советско-американской договоренности приобрела привлекательность, и Сталин согласился встретиться с Рузвельтом в Фейрбенксе (Аляска) в июле или августе 1943 г., однако просил понять, что не в состоянии назвать точную дату встречи ввиду существующих исключительных обстоятельств. И он не пойдет на встречу, если она будет использована как предлог для откладывания высадки на европейском континенте. Сталин говорил это, еще не зная об итогах конференции «Трайидент», еще надеясь на открытие «второго фронта» в августе-сентябре 1943 г.

Лишь после отъезда Дэвиса из Москвы Сталин получил горькое сообщение от Рузвельта об еще одном крупном — на год — откладывании открытия «второго фронта». Накануне сражения на Курской дуге союзники отказали Москве в самой необходимой помощи. Прочитав написанный Маршаллом отчет о конференции, где как бы, между прочим, сообщалось о переносе высадки во Франции на весну 1944 г., Сталин, едва сдерживая ярость, прислал письмо 11 июня 1943 г., в котором отмечал, что данное решение создает для Советского Союза исключительные трудности. Это решение «оставляет Советскую Армию, которая сражается не только за свою страну, но также и за всех союзников, делать свое дело в одиночестве, почти одной рукой против врага, который все еще очень силен и опасен». Советский народ и его армия соответствующим образом расценивают поведение союзников. О возможности двусторонней встречи в послании не говорилось ничего.

Практически первый раз в ходе войны президент Рузвельт попал в ситуацию, когда его радужное восприятие грядущего, особенно характерное для него с середины 1942 г., столкнулось с менее обнадеживающей перспективой. Рузвельт не без основания ожидал, что теперь советская сторона может снова ужесточить свою позицию, предложения о советско-американской договоренности повиснут в воздухе. Советские руководители не видели смысла заниматься сомнительным проектированием будущего, когда СССР предлагалось пробиться к нему через схватку с вермахтом, а Соединенные Штаты в это время наращивали индустриальные мощности.

Америка поворачивается к Европе

Не только несправедливое распределение военного бремени начало разделять США и СССР в 1943 г. Все большую значимость в двусторонних отношениях стал приобретать «польский вопрос». В США жило несколько миллионов поляков (они традиционно голосовали за демократов), американское правительство уже несколько лет поддерживало польское правительство в эмиграции, находившееся в Лондоне. Но их поддержка по требованию президента Рузвельта не распространялась пока на проблему будущих границ Польши и СССР. Рузвельт понимал, что этот взрывоопасный вопрос может разорвать и без того тонкую ткань советско-американского сотрудничества.

Как часть выхода из сложного положения Рузвельт продолжал настаивать на реализации идеи двусторонней советско-американской встречи. На ней, он надеялся, будет достигнуто «внутреннее понимание», невозможное на трехсторонних переговорах. На этот раз Сталин отбросил деликатность. «Речь идет не только о недоумении Советского правительства, но и о сохранении доверия к союзникам, доверия, которое ныне поставлено под жестокий удар... Это вопрос спасения миллионов жизней на оккупированных территориях Западной Европы и России и об уменьшении огромных жертв Советской Армии, по сравнению с которыми жертвы англо-американских армий незначительны». После этого письма Черчилль, ранее возражавший против сепаратной советско-американской встречи, изменил мнение и стал даже подталкивать Рузвельта к ней. Между тем Сталин отозвал послов из Вашингтона и Лондона. Наступило резкое похолодание союзнических отношений. Первый порыв «холодной войны».

Американцы предлагали Советскому Союзу заплатить страшную цену. Зная о степени напряжение на советско-германском фронте, они хладнокровно смотрели на миллионные жертвы СССР. Первоначально Америка обещала открыть второй фронт в 1942 году, а теперь без особых извинений перенесла свои планы на неопределенное будущее. Могло ли это не сказаться на искренности, на прочности союза, которому предстояло не только победить в войне, но и стать основой послевоенного урегулирования? Что, очевидно, также действовало на советское руководство — это с легкостью излагаемые мотивы о миллионах избирателей польского происхождения, в то время как миллионы советских людей находились на грани гибели.

Еще один вопрос вставал во всем объеме. Война началась для СССР вторжением немцев по проторенной дороге, по которой прежде шли французы, поляки, шведы. И даже в самое отчаянное время, в конце 1941 года, советское руководство думало о будущих западных границах страны. Оно обратилось к американскому правительству, которое в свете пирл-харборского опыта могло бы понять СССР как жертву агрессии. Важнейший знак — тогда Рузвельт не ответил на письмо Сталина. Что должны были думать в Кремле об американских союзниках? А ведь от Вашингтона просили лишь фиксировать статус кво анте. Прекращение помощи в 1943 году усилило негативные стороны восприятия союзника. В Москве теперь могли резонно полагать, что американцев в определенной мере устраивает ослабление России, теряющей цвет нации, мобилизующей последние ресурсы.

Именно тогда, в тревожные дни накануне сражения на Курской дуге, союз дал трещины, сказавшиеся в дальнейшем. Факт отъезда после Литвинова из Вашингтона и отказ от встречи с Рузвельтом говорили о наступившем в Москве разочаровании. Президент в своем долгосрочном планировании допустил существенную ошибку. Он довел дело в советско-американских отношениях до той точки, когда идея «четырех полицейских», тесного союза США с СССР, Англией и Китаем оказалась подорванной. Нельзя было — без последствий для себя — заставлять Советский Союз вести войну на истощение в течение полных двух лет, с 1942 по 1944 год. Нельзя было думать о двух-трех миллионах избирателей, игнорируя легитимные нужды безопасности великой державы. Встретить Советскую Армию на советских границах — это стало казаться Рузвельту политически привлекательным. Мы видим влияние подобных идей в дискуссии с объединенным комитетом начальников штабов 10 августа 1943 года: президент выказал явный интерес к Балканам, куда, по его словам, англичане хотя попасть раньше русских. Хотя он не верит, что русские желают установить свой контроль над этим регионом, «в любом случае глупо строить военную стратегию, основанную на азартной игре в отношении политических результатов».

Рузвельт в этот момент сделал не очень достойную попытку доказать Черчиллю, что идея двусторонней встречи исходила не от него, а от Сталина. Американская дипломатия переживала тяжелое время, когда, надеясь получить после завершения конфликта весь мир, она оттолкнула двух главных своих союзников. Следовало поправить дело, под угрозой оказались самые замечательные послевоенные планы.

Война многое изменила в Америке. В частности, она привела к росту централизации в правительственном аппарате. Нужды войны требовали единоначалия. О высокой степени централизации и секретности планирования говорят ближайшие сотрудники президента. Президент занимал уникальную позицию, никто не мог его дублировать, и никто не был в состоянии поделить его прерогативы.

Весь период между августом и октябрём Рузвельт упорно искал своей вариант решения итальянской проблемы. Монархия как таковая его не интересовала, он готов был низложить Виктора-Эммануила II, но его волновала степень американского влияния на страну ныне и в будущем.

Пройдет несколько месяцев, и ситуация изменится после тегеранской встречи «большой тройки». Но сейчас, глядя на биполярный мир, Рузвельт не был уверен в возможности прочного контакта с СССР, и поэтому он откровенен в своей геополитической игре. Эта откровенность, вероятно, достигла своего пика в последний день работы англо-американской конференции

«Квадрант» — 24 августа 1943 г. Из Москвы было получено послание, в котором выражалось недовольство по поводу закулисных переговоров Запада с итальянцами. Неприглашение восточного союзника не увеличивало его доверия к Западу. Сталин писал, что назрела необходимость организовать трехстороннюю военно-политическую комиссию для проведения всех переговоров, связанных с вопросами капитуляции Италии. Хватит обращаться с Советским Союзом «как с пассивным третьим наблюдателем. Я должен сказать вам, то такая ситуация более нетерпима. Я предлагаю создать такую комиссию и определить Сицилию в качестве места ее размещения». Подобное «посягательство» выглядит с объективной точки зрения разумным. В скором времени Запад будет требовать своего участия в процессе капитуляции Румынии. Но сейчас, получив послание Сталина, Черчилль пришел в ярость. Теперь он предвидел «кровавые последствия в будущем».

Конференция «Квадрант» интересна для исследователей дипломатической стратегии Рузвельта тем, что на ней стало видно растущее внимание американской внешней политики к европейским проблемам. Рузвельт впервые начинает реально беспокоиться о том, что в Европе, если постоянно откладывать прямое вторжение, можно и опоздать. Президент решительно настаивает на концентрации войск в Англии. Он задумывается над разработкой экстренных планов в случае неожиданного ослабления Германии. Он без обиняков впервые указывает, что «войска Объединенных наций должны быть готовы войти в Берлин не позднее русских».

Рузвельт, пожалуй, также впервые здесь всерьез говорит об операциях на Балканах. Что будут делать западные союзники, если немцы примут решение отступить к оборонительным рубежам по течению Дуная? Президент сам отвечает на свой вопрос: «Самым безотлагательным делом является подготовка нами балканских дивизий, особенно состоящих из греков и югославов, действующий в своих странах». У президента были большие сомнения не в отношении принципиальной возможности появления западных союзников на Балканах, а в отношении конкретных возможностей реализовать этот замысел. С его точки зрения, такая операция отвлекла бы западных союзников от действий на центральном — «берлинском» — направлении. Гораздо удобнее было бы положиться на вооруженные Западом местные дивизии. И нет сомнения, что президент говорил в данном случае о получении этими дружественными «балканскими» дивизиями контроля на Балканах именно до прихода Советской Армии.

В Квебеке Рузвельт был необычно откровенен: возникает ощущение ситуации «карты на стол». Осознавая, что в результате войны две страны — США и СССР станут сильнейшими, он начинает думать вслух о двух полюсах и о роли в послевоенном мире прочих великих держав. Так, в новом ракурсе он говорит Черчиллю, Идену и Макензи Кингу (премьер-министру Канады) о том, что нуждается в Китае «как в буферном государстве между Россией и Америкой». Президент без обиняков заявляет также о том, что подобная буферная зона ему нужна в Европе. Это новый нюанс дипломатической стратегии Рузвельта. Он занял более определенную позицию ввиду того, что обозначились основные элементы грядущего мирового политического уравнения. Ясно, что дни Германии и Японии сочтены, что Советский Союз победоносно выходит в Центральную Европу, что контакты с СССР напряжены из-за саботажа Западом открытия «второго фронта», что США могут еще долго быть заняты Японией, в то время как СССР пока не дал обязательства выступить на Дальнем Востоке и мог бы иметь возможность после победы над Германией развязать себе руки в Европе.

Стремление СССР участвовать в обсуждении капитуляции Италии, сколь ни здравым оно выглядело в дальнейшем, тогда было воспринято Рузвельтом как ясное указание на то, что Советский Союз, увидя «свет в конце туннеля» после битвы на Орловско-Курской дуге, стал более требовательным членом коалиции и более самоутверждающей себя державой будущего. Несомненно, Черчилль катализировал эти настроения Рузвельта летом 1943 года, когда оба они взяли на себя ответственность за еще одну годичную отсрочку открытия «второго фронта». В конце июня Черчилль говорил послу Гарриману, что Сталин желает открытия «второго фронта» в Западной Европе для того, чтобы предотвратить появление американцев и англичан на Балканах. И во время «Квадранта» британский премьер еще раз попытался привлечь Рузвельта к

более активной балканской политике.

Девятого августа, когда Италия подписала капитуляцию и англо-американцы начали там высадку, Черчилль предложил Рузвельту пересмотреть общую стратегию в свете поражения Италии. После взятия Неаполя и Рима следует закрепиться на самом узком месте «сапога» и обратиться к другим фронтам. В этом случае одной из альтернатив были Балканы. «Мы оба, — говорил Черчилль, — остро ощущаем огромную важность балканской ситуации», надо послать «часть наших войск на средиземноморском театре для действий к северу и северо-востоку от портов Далмации». Одновременно предлагались действия возле Додеканезских островов в Эгейском море.

Рузвельт, не считал на данном этапе и в данной военной конъюнктуре политически выгодным выдвижение американских войск на Балканы. Это отвлекало силы с «берлинского» направления (в случае внезапного ослабления Германии). К тому же подготовка удара в гористой местности требовала значительного времени. Существеннее всего: в Москве интерес США и Англии именно к Балканам поймут однозначно. В отношениях «великой тройки» трещина появится раньше времени. Поэтому Рузвельт пока не соглашался на прямой поворот западных союзников с Апеннин на Балканы.

Беседуя в Квебеке, за три месяца до компромиссной Тегеранской конференции, Рузвельт и Черчилль обозначили свою жесткость в вопросе о ядерном оружии. Они заключили между собой соглашение о взаимном сотрудничестве, более интересное тем, что в нем не было сказано, чем тем, что было. Исключение Советского Союза из числа «приобщенных» не могло не иметь далеко идущих последствий. Обещание в 1943 году расширить обмен информацией с Лондоном при одновременном запрете всех возможных обсуждений этого вопроса с СССР говорило о том, на кого прежде всего будут полагаться американцы при строительстве послевоенного мира.

На фоне советско-американского отчуждения лета 1943 г., когда США копили силы, а СССР сражался за национальное выживание на Курской дуге, американско-английское согласие в атомных делах говорит о строе мыслей президента. Создавался союз, защищенный готовящимся «сверхоружием», для осуществления западного варианта послевоенного устройства. «Если Россия выйдет из войны приближаясь к овладению атомной бомбой и выявит намерения расширенного контроля в европейской зоне, Англия могла бы эффективно противостоять ее планам», — полагали американцы в Квебеке.

Во все большей степени Рузвельт ощущал недовольство советского руководства тем, что, принимая на себя основную тяжесть войны, СССР не участвовал в важнейших дипломатических переговорах, на которых американцы и англичане решали в свою пользу вопросы послевоенного устройства. В конце августа 1943 г. Сталин написал Рузвельту: «До сих пор все было так: США и Британия достигают соглашения между собой, в то время как СССР информируют о соглашении между двумя державами, как третью, пассивно наблюдающую сторону». Особенно возмутило Сталина то, как западные союзники определили судьбу Италии. Было ясно, что англосаксы намерены решать главные мировые вопросы не привлекая того союзника, который вносил основную плату в мировой битве. Скорее всего, у Рузвельта в эти дни, недели и месяцы были большие сомнения в том, не переиграл ли он. Отзыв Литвинова из Вашингтона (и Майского из Лондона) говорил о серьезности, с какой в Москве воспринимали обращение с СССР как с союзником второго сорта. Если США могут с такой легкостью игнорировать СССР в период важности его для своей безопасности, то почему нельзя представить, что Вашингтон на определенном этапе пойдет на сепаратный сговор с Гитлером (или с кем-нибудь из его преемников), как уже произошло в случае с итальянским перемирием, когда Америка посчитала Бадольо достойным партнером вне зависимости от того, что о нем говорят и думают другие. Разве на фоне этой сделки фантастичным было представить компромисс на Западе в условиях продолжающейся борьбы на Востоке? Среди военных уже звучали голоса, убеждавшие президента, что Советский Союз неумолимо преследует свои собственные интересы и пора американскому руководству взглянуть на дело трезво: интересы США и СССР диаметрально противоположны, СССР понимает лишь язык силы, США должны обеспечить (теми или иными

путями) на момент окончания войны максимально благоприятное для себя соотношение мировых сил. Антирусскую позицию стали разделять видные дипломаты. С их точки зрения, СССР уже сделал свое дело, два года он сдерживал нацистов, значительно обескровил рейх, теперь нужно опасаться его собственного возвышения.

Америка становится гигантом

К лету 1943 г. министерство финансов США определило, что за годы войны американцы отложили наличными и в облигациях семьдесят миллиардов долларов. (Напомним, что СССР получил помощь по ленд-лизу в размере одиннадцати миллиардов долларов — в семь раз меньше. А на восстановление экономики советское руководство просило у США 6 миллиардов долларов). Теперь антигитлеровская коалиция производила военной продукции в три раза больше, чем страны «оси». Поток военной продукции через Атлантику значительно превысил потопляемый немцами тоннаж. Битва за Атлантику была выиграна. Военное производство США в 1943 г. превысило показатели годичной давности на 83 процента. «Мы все еще далеки от достижения наших главных целей в войне... Достижение этих целей потребует еще большей концентрации нашей национальной энергии, нашей изобретательности и искусства».

В октябре 1943 г. Рузвельт представил конгрессу программу помощи возвращающимся с фронта военным в получении образования — т.н. «Билль о правах солдата», который впоследствии позволил миллионам простых американцев получить образование, что, в конечном счете, изменило лицо Америки. На срок от года до четырех давалась гарантия от безработицы, специальные кредиты, особые права на лечение. Президент назначил Бернарда Баруха ответственным за решение послевоенных проблем.

Американская пресса не знала степени причастности Рузвельта к процессу охлаждения отношений с СССР и критиковала главным образом государственный департамент. Авторитетный военный обозреватель Дрю Пирсон заявил в печати, что глава госдепартамента Корделл Хэлл «давно известен своими антирусскими настроениями». Выступая по радио, этот же обозреватель обрушился на главных помощников Хэлла, на ведущих лиц госдепартамента: «Адольф Берль, Джимми Данн, Брекенридж Лонг хотели бы на самом деле, чтобы Россия подверглась как можно более обильным кровопусканиям — и русские знают это». Государственному секретарю пришлось приглашать советского поверенного в делах А.А. Громыко для опровержения обвинений. Хотя все требования формальной дружественности были соблюдены, в отношениях двух величайших стран антигитлеровской коалиции царил жестокое похолодание. Летние битвы 1943 г. в центре России Советская Армия вела собственными силами. Определенное увеличение материальных поставок по ленд-лизу не могло служить достаточным прикрытием хладнокровного калькулирования Белого дома.

Первой по времени задачей американцев в Европе в сентябре 1943 г. стало выведение из войны Италии и ее оккупация. Рузвельт потребовал от главнокомандующего союзными войсками в регионе — генерала Эйзенхауэра добиться от нового итальянского правительства, возглавляемого фельдмаршалом Бадольо безоговорочной капитуляции (обещая негласно при этом мягкое обращение в процессе оккупации страны). Но итальянцы (как и американцы) недооценили реакции Берлина. Немецкая военная машина уже разворачивалась против неверного союзника. Части вермахта стали окружать итальянскую столицу, король вместе с Бадольо бежал в Бриндизи, поближе к союзным штыкам. Люфтваффе планомерно уничтожала итальянский флот, остатки которого устремились в сторону Мальты. Немецкие парашютисты во главе со Скорцени освободили Муссолини, и состоялась «трогательная» встреча фашистского дуче и нацистского фюрера.

Началась массированная высадка союзных войск, но расчеты на итальянскую покорность и германское смятение оправдались не полностью. Вместо триумфального подъема вверх по «итальянскому сапогу» наблюдались мучительные движения завязших в локальных боях англо-американских войск.

Рузвельт в конце августа 1943 года размышлял, не слишком ли далеко он зашел в отчуждении с главным воюющим союзником. В беседе с главой католической церкви в Америке — кардиналом Спелманом Рузвельт говорит, что Черчилль — неисправимый романтик, а они со Сталиным — реалисты. Лучше заведомо согласится на советскую разграничительную линию в восточной Польше, Прибалтике, Бесарабии, Финляндии. «Лучше согласиться с ними великодушно... А что мы можем сделать?» Воевать с Россией Америка и Британия не намерены. Рузвельт, собственно, был готов, что при определенных обстоятельствах зоной влияния России станет Венгрия, Австрия, Хорватия. Рузвельт был очень впечатлен производительностью военной индустрии России. «Русское военное производство столь велико, что американская помощь, за исключение грузовиков, едва ощутима». В начале сентября он убедил Аверелла Гарримана переехать в качестве посла из Лондона в Москву, сделав его своим полномочным представителем при советском правительстве. В наставительной беседе с Гарриманом Рузвельт выдвинул задачу обсудить с советским руководством послевоенные планы сторон. Возникла идея личного обсуждения этих вопросов со Сталиным. В послании, направленном в Москву 4 сентября 1943 г. Рузвельт снова предлагает встретиться в Северной Африке после 15 ноября.

Происходит своеобразное тектоническое смещение. Немцы остановлены под Курском. Возникает передышка и — впервые — благоприятные перспективы для продвижения на Запад. В этой ситуации, говоря уже не с позиции слабости, советское руководство ответило на американское предложение о встрече согласием. Тому было много причин, но важнейшие — опасение негативных результатов напряженного состояния коалиционных отношений (1), явное стремление прервать традицию англосаксонских союзников решать основные вопросы между собой (2). Ответ Сталина поступил к Рузвельту 8 сентября. В нем содержалось предложение встретиться «большой тройке» в Иране в ноябре — декабре 1943 г.

На столе Рузвельта лежал датированный октябрем 1943 г. доклад начальника ОСС (Отдела стратегических служб) У. Донована, в котором давалась определенно оптимистическая оценка советских намерений в Европе. Американская разведка считала, что СССР склонен к договоренностям, не питает сепаратных намерений, может быть лояльным партнером.

После несомненного успеха «разведки боем» на московской конференции, где Соединенные Штаты представлял госсекретарь Хэлл, Рузвельт хотел лично удостовериться, что дела на важнейшем участке его дипломатической борьбы идут в нужном направлении. Рузвельт постарался изменить место встречи (Сталин предлагал Тегеран): Каир или Багдад были для Рузвельта предпочтительнее. В переписке он ссылаясь на необходимость быть ближе к Вашингтону, когда там происходит сессия конгресса, напоминал, что ему приходится покрывать расстояние в десять раз большее, чем Сталину. Двадцать первого октября Рузвельт прощупал, как будет действовать жесткий подход: «Я не могу выехать в Тегеран». Президент предложил встретиться в Басре, на берегу Персидского залива. «Если вы, я и мистер Черчилль не сумеют ныне договориться из-за нескольких сот миль, это обернется трагедией для будущих поколений». В конечном счете, решающим оказалось то обстоятельство, что Рузвельт, обдумывающий мировую диспозицию сил и готовящий дипломатический ответ на вопросы столь обещающего для Америки завтрашнего дня, оказался больше заинтересованным во встрече и потому уступил советской стороне.

Восьмого ноября телеграмма Рузвельта уведомила Сталина, что географические маневры окончены, и президент направляется в Тегеран.

На этом этапе осуществления союзнической дипломатии у Рузвельта появилась довольно любопытная идея совместного с СССР военного планирования. Будучи не уверен о переговорах в Тегеране, он предложил Черчиллю устроить встречу вдвоем в Северной Африке и пригласить туда Молотова вместе с советской военной миссией, делегированной советским генштабом. Именно этого Черчилль боялся более всего. До сего момента лишь англичане были допущены на высшие военные советы американцев, они были привилегированными ближайшими союзниками и не желали терять своего положения ни сейчас, ни в грядущие годы. Черчилль категорически выступил против «идеи приглашения советского военного представителя для участия в

заседаниях наших объединенных штабов... Этот представитель заблокирует все наши дискуссии... 1944 год полон потенциальных опасностей. Крупные противоречия могут проявиться между нами, и мы можем взять неверный поворот. Или мы снова пойдем к компромиссу и рухнем между двумя стульями. Единственная надежда заключается в созданном климате доверительности между нами... Если этот климат исчезнет, я полон отчаяния за ближайшее будущее».

Рузвельт, не желая отчуждения англичан в момент ключевых встреч с русскими, отошел от идеи военных консультаций, хотя, нет сомнения, они были бы тогда очень полезными в любом случае. Ситуация на фронтах требовала такой координации. Военная необходимость вошла в противоречие с дипломатической стратегией (в данном случае англичан). Рузвельт сожалел о неудавшемся попытке. Он говорил в эти дни, что присутствие русского генерала на совещаниях было бы лучшим способом укрепить доверие советской стороны к союзникам на решающей фазе войны и дипломатии. «Они бы больше не чувствовали, что их обводят вокруг пальца».

Итак, наблюдая в Гайд-парке за великой осенней грустью природы, президент в начале ноября 1943 г. получил давно ожидавшееся согласие Сталина на встречу в Тегеране. Он тут же наметил встретиться в Каире с Чан Кайши, а затем вместе с Черчиллем отправиться в Тегеран. В холодный и дождливый день 11 ноября 1943 года президент сел на борт яхты «Потомак» — первое звено пути в Тегеран. «Он отбыл, — писала Элеонора дочери, — вместе с адмиралом Леги, адмиралом Брауном, генералом Уотсоном, доктором Макинтайром и Гопкинсом. Мне ненавистна сама мысль об отъезде отца, но я думаю, что они сделают много хорошего».

Линкор «Айова», отправился через Атлантику, имея на борту многочисленный аппарат штабных офицеров. Линейный корабль пересекал океан, олицетворяя собой новое могущество Соединенных Штатов Америки. Рузвельт, нет сомнения, думал, что это будущее в его руках. Ему нужно было следить за активизировавшейся дипломатией японцев, не позволить им прибрать к рукам Китай, на который президент возлагал столько надежд.

Союз англосаксов

Обдумывая свою политику в послевоенный период, Черчилль в сентябре 1943 г. все более открыто начинает говорить о союзе англоязычных народов, о том, что Великобритания и Соединенные Штаты разделяют общую концепцию того, что «справедливо и достойно». Обе страны стремятся к «честной игре», разделяют «чувство беспристрастной справедливости и, прежде всего, любовь к личной свободе». Черчилль всячески превозносит «божий дар общего языка» — бесценное орудие для создания нового мира. Он говорит в эти дни даже об образовании общего гражданства между Соединенными Штатами и Великобританией. «Мне хотелось бы верить, что англичане и американцы будут свободно пересекать океан, не думая, что они иностранцы, приезжая друг к другу». Такой союз открыл бы безбрежные перспективы для «расширения того пространства, где говорят на нашем языке».

Черчилль предложил сохранить объединенный англо-американский комитет начальников штабов после войны «ну, скажем, еще на 10 лет». (Черчилль объяснял Эттли, Идену и Объединенному комитету начальников штабов, что это «его самая любимая идея»). Сохранение объединенного комитета штабов дало бы обеим странам «огромные преимущества». Предусматривался обмен офицерами в военных колледжах, система совместной подготовки войск, обмен новыми видами оружия, результатами новых исследований, «общее использование военных баз, фактическое взаимосплетение двух стран». В третий раз в своей жизни сталкиваясь с проблемой нарушения европейского баланса в ущерб Британии, Черчилль полагал, что делу может помочь лишь привлечение крупнейшей неевропейской страны.

В телефонном разговоре 10 сентября 1943 г. с Иденом, Черчилль сказал, что «наши отношения с русскими развивались бы лучше, если бы вначале мы сумели обеспечить тесные связи в американской стороной. Очень важно для нас не позволить русским пытаться каким-либо образом сыграть на противоречиях с Соединенными Штатами». Черчилль отмечал растущее

влияние побед СССР на расстановку сил, возникающую в Италии, где западные союзники пока не владеют контролем над всей ситуацией. Но более всего Черчилль считал в этом смысле взрывоопасной зону Балкан. Здесь он предвидел возможность быстрых и резких перемен в Венгрии, Румынии и Болгарии, «которые открывают доступ к Дарданеллам и Босфору для русских».

Атмосфера секретности, которая окутала Белый дом, особенно касалась атомного проекта. Доклады ее руководителя В. Буша к Рузвельту шли в одном экземпляре и никогда не «оседали» в архивах Белого дома. Президент не рассказывал о «Манхеттене» даже государственному секретарю. Он лично заботился о том, чтобы работа в трех ключевых лабораториях — в Оак-Ридже, Хэнфорде и Лос-Аламосе была полностью изолирована от внешнего мира. И хотя в атомном проекте приняло участие огромное число лиц — более полутора тысяч — на «официальную поверхность» в Вашингтоне эта тайна «не всплывала» никоим образом. Нужно отметить широкое распространение практики, в общем и целом не характерной прежде для общественной жизни США: тщательная цензура переписки, подслушивание телефонных звонков, запрет даже намека домашним на характер производимой работы, повсеместное использование личной охраны, кодирование имен. Колоссальный по объему работ проект «Манхеттен» финансировался настолько хитроумным способом из разных статей военных ассигнований, что не вызвал подозрения у самых внимательных исследователей бюджета. Только в феврале 1944 года, когда дело было уже поставлено на поток, Стимсон, Маршалл и Буш обрисовали потенциальные возможности нового оружия лидерам конгресса — Рейберну, Маккормику и Мартину.

На конференции министров иностранных дел в Москве в октябре 1943 г. государственный секретарь Хэлл постарался оказать нажим на Москву по двум вопросам: экспорт коммунизма и подавление религии внутри России. По обоим пунктам Молотов преимущественно молчал, как бы давая понять, что Россия готова на значительные перемены. И она ценит дружбу своих западных союзников. Коммунистический Интернационал канул в прошлое, в России появился новый гимн, с амвонов церковью призывали к борьбе за отечество. Хэлл видел удовлетворявшие его признаки

Обобщая происходящее, посол Гарриман пришел к заключению, что в наиболее важной сфере — военной — русские показали себя склонными к сотрудничеству, но они настаивают на необходимости иметь дружественную Польшу и навсегда прервать традицию «санитарного кордона» на своих западных границах. Русские будут стремиться сформировать дружеские отношения с государствами, с которыми они граничат на западе. Но Гарриман предлагал не обольщаться; он оценивал отношение России к восточноевропейским странам как «жесткое».

Не щадя себя наша страна бросила все на дело национального выживания. В столице Урала Свердловске были собраны представители семидесяти семи научных институтов с целью создания Государственного научного плана. Специальные комитеты ученых были сделаны ответственными за различные участки общенародных военных усилий — производство танков, самолетов, артиллерии и так далее. Геологи отправились в самые девственные районы огромной страны, чтобы обеспечить индустрию ископаемыми, чтобы компенсировать потери в европейской части. Такие гении как самолетостроитель Туполев работали на Родину даже в местах не столь отдаленных. Жизнь была тяжела. Крайнее напряжение войны, мобилизация всех мужчин, перевод всех средств на военные нужды понизили и без того невысокий жизненный уровень. Еще 13 февраля 1942 года Верховный Совет СССР принял закон о мобилизации всего трудоспособного населения. Отпуска были отменены, была введена 66-часовая рабочая неделя.

Стала ощутимой союзническая поддержка. Как отмечают на Западе (в данном случае англичанин А. Кларк), «русские предпочитали свое собственное оружие, которое было почти в каждом случае лучше того, которое им предлагали союзники». Исключение составляли транспортные самолеты «Дакота», бомбардировщики «Митчел», истребители «Мустанг». Но все же советская сторона более всего ценила поставку товаров — одежды, питания, радиоустановок, пакетов первой медицинской помощи. Но наибольшее впечатление и пользу производили

грузовики «Студебеккер» и вседорожные джипы «Виллис».

Тегеранская конференция

После многочасового полета президент Рузвельт впервые в жизни попал в расположение Советской Армии. «Священная корова» совершила посадку на советском аэродроме в нескольких километрах от Тегерана, «в огромной равнине, с Тегераном и снежными пиками на севере... Огромная нищета кругом». Лишь одну ночь провел Рузвельт в американской легации. Сообщения о заговоре против «большой тройки» были переданы советскими представителями через посла Гарримана, и Сталин предложил Рузвельту, во избежание опасных разъездов по ночному Тегерану, остановиться на территории советского посольства.

Позднее Рузвельт объяснял Ф. Перкинс, что он остановился на территории советского посольства в Тегеране именно желая возбудить «их доверие», утвердить «их уверенность» в американском союзнике. Рузвельт говорил, что провел жизнь в постоянных попытках поладить с людьми. И до сих пор это ему удавалось. Сталин не может отличаться чем-то принципиально особенным. Даже если он не убедит его стать хорошим демократом, он сумеет выработать рабочие отношения. Сталин поселился в небольшом доме. Черчилль жил в английской легации по соседству. Сталин, умевший, когда он этого хотел, произвести впечатление, приложил в случае с Рузвельтом немалые усилия. Окружавшие президента вспоминают о невысоком человеке, широкие плечи которого забывали забыть о его росте. Сталин в общении с Рузвельтом был весь внимание, но его безусловный такт ничем не напоминал подобострастие Чан Кайши.

Встреча Рузвельта со Сталиным произошла довольно неожиданно для президента. Он был в спальне, когда Сталин направился к центральному зданию посольства. Президента выкатили в большую гостиную, а в двери медленно входил невысокого роста человек в наглухо застегнутом кителе. По воспоминаниям телохранителя Майкла Рейли «первая встреча с ним производила шокирующее впечатление. Хотя он был низкого роста, но производил впечатление крупного человека». Горчичного цвета военная форма блистала благодаря только что введенным в Советской Армии погонам. Позднее Рузвельт рассказывал сыну Эллиоту: «Он казался очень уверенным в себе».

Трудно было представить себе двух более разных людей. Сталин был очень невысокого роста, одет был в защитного цвета китель с орденом Ленина на груди, лицо в оспинах, копна седеющих волос, поврежденная левая рука. Рузвельт — в синем костюме, в инвалидном кресле, львиной прической и неизбежной улыбкой. Контраст едва ли мог быть большим.

Что могло бы предотвратить «холодную войну»

После первых рукопожатий началась полуторачасовая беседа. Уже в ней Рузвельт постарался очертить контуры той политики, которая ему казалась оптимальной для двух величайших стран. Во-первых, он постарался довести до Сталина свое мнение, что европейские метрополии потеряли мандат истории на владычество над половиной мира. Он говорил конкретно о необходимости вывести Индокитай из-под французского владения, осуществить в Индии реформы «сверху донизу» («нечто вроде советской системы» — на что Сталин ответил, что «это означало бы революцию»). Во-вторых, Рузвельт указал, что хотел бы видеть Китай сильным. Эти два обстоятельства уже круто меняли предвоенный мир. Рузвельт воспринял реакцию Сталина как понимание своей линии.

Рузвельт предложил обсудить общую военную стратегию. Сталин говорил о переводимых с запада на восток германских дивизиях. Рузвельт, рассчитывая на «Оверлорд» — высадку в Нормандии, пообещал оттянуть с советско-германского фронта 30-40 дивизий. Рузвельт постоянно имел в виду вопрос вступления СССР в войну против Японии. Он настолько ценил эту возможность, что категорически запретил своим военным поднимать данную проблему первыми. Сам же он обсуждал со Сталиным лишь отдаленные аспекты борьбы с Японией:

наступление в Бирме, дискуссии с Чан Кайши в Каире. На этом раннем этапе Сталин не выказал желания поставить все точки над *i*, и Рузвельт отнесся к его сдержанности с пониманием. В Тегеране оба лидера — Рузвельт и Сталин — ощущали растущую мощь своих держав.

Сталин бережно относился к достигнутому, как ему казалось, пониманию с американцами. Поэтому он, как бы не замечая «югославских авантюр» Рузвельта, резко выступил против Черчилля и его идей удара по «мягкому подбрюшью». Совместными усилиями американская и советская делегации преодолели «балканский уклон» Черчилля.

На первой пленарной встрече Рузвельт сделал обзор состояния дел на фронтах «с американской точки зрения», и предпочел начать с Тихого океана. После характеристики американской стратегии в войне против Японии он обратился к «более важному», по его словам, европейскому театру военных действий. После полутора лет дискуссий западные союзники приняли в Квебеке решение помочь советскому фронту посредством высадки во Франции не позднее мая 1944 г. Обещание открыть «второй фронт» до 1 мая 1944 года президент все же считал нужным обусловить успехом операций в Италии и в Восточном Средиземноморье. Неудачи здесь могли заставить отложить операцию «Оверлорд» на срок от одного до двух месяцев. Рузвельт указал, что США прилагают большие усилия и в североатлантической зоне, и в тихоокеанской. Он как бы косвенно оправдывал факт невыполнения Америкой ее конкретного обещания перед Советским Союзом. Затем президент поднял близкую ему в последние дни тему укрепления Китая — того «четвертого», который не присутствовал на этом высшем уровне.

В своем выступлении Сталин заявил, что занятость на германском фронте не позволяет Советскому Союзу присоединиться к войне против Японии, но это будет сделано после победы над Германией. Что касается Европы, то оптимальным способом возобладания антигитлеровских сил было бы движение союзных армий со стороны Северной Франции к Германии. Италия как плацдарм наступления на Германию не годится, а Балканы в этом плане лишь немного лучше. Сталин спросил, кто будет главнокомандующим союзными войсками во Франции и, узнав, что назначения на этот пост еще не состоялось, выразил скепсис по поводу успеха всей операции. Рузвельт нагнулся к адмиралу Леги: «Этот чертов большевик пытается заставить меня назначить главнокомандующего. Я не могу ему сказать, потому что еще не принял окончательного решения».

Черчилль, самый красноречивый среди присутствующих, заметил, что за круглым столом заседания сосредоточена невиданная еще в мире мощь. Черчилль был прав по существу, но эта мощь распределялась между тремя участниками уже неравномерно. По мере того как Советская Армия в жестоких боях поворачивала движение войны на запад, СССР становился одной из двух (наряду с США) величайших мировых сил. В то же время происходило относительное ослабление Британии.

На конференции сложилась такая ситуация, когда американская и советская делегации, выразив желание окружить Германию с двух сторон и найдя еще утром первого дня понимание в вопросе о судьбе колониальных владений, выступили против тенденций, олицетворявшихся Черчиллем. Премьер-министр понимал, что ведет арьергардные бои от лица всего западноевропейского центра силы, и он постарался использовать даже минимальные дипломатические возможности. Черчилль не желал идти напролом, он кротко согласился с тем, что высадка во Франции начнется в условленный срок. Но до означенной даты еще полгода. Следовало подумать о находящихся в руках возможностях. Месяц-два применительно к «Оверлорду» не меняют общего стратегического положения, но за это время можно многого добиться на юге Европы. На уме у Черчилля был нажим на Турцию с целью побудить ее вступить в войну против Германии, укрепление югославского плацдарма на Балканах.

Не может пройти незамеченным и то обстоятельство, что Рузвельт демонстративно принимал сторону Сталина при его спорах с Черчиллем. Видя Сталина мрачным, Рузвельт начинал проходиться по поводу Черчилля, его сигар, его привычек. «Уинстон стал красным, и чем больше он становился таковым, тем больше Сталин смеялся. Наконец, Сталин разразился глубоким и глухим смехом, и впервые за три дня я увидел свет, — так рассказывал президент о

тегеранской встрече Ф. Перкинс. — ...В этот день он смеялся и подошел ко мне и пожал мне руку. С этого времени мы наладили личные отношения. Лед тронулся...»

Сталин бережно относился к достигнутому, как ему казалось, пониманию с американцами, резко выступил против Черчилля и его идей удара по «мягкому подбрюшью». С советской точки зрения, Турция не выступит на стороне союзников. Слабейшим местом германской зоны влияния была Франция, именно там и следовало прилагать основные усилия. Американская и советская делегации совместно преодолели «балканский уклон» Черчилля. Но, нужно сказать, что и у англичан, столь подозрительных в этом отношении, не возникло опасений по поводу советской политики на Балканах. По возвращении из Тегерана командующий британским генеральным штабом генерал Брук сказал военному кабинету об «очевидном отсутствии интереса у СССР к этому региону». Сталин сказал, что его страна наполовину не заселена, у русских много дел у себя дома и у него нет желания постараться овладеть Европой. Черчиллю он напомнил время борьбы того с коммунизмом. Пусть премьер не беспокоиться, теперь-то русские знают, как трудно установить коммунистический режим.

Лидеры трех величайших стран, решив главный насущный вопрос, могли немного заглянуть в будущее. Рузвельт высказал заинтересованность в послевоенной оккупации части Европы американскими войсками. Географически его интересы простирались на северо-западную Германию, Норвегию и Данию. Видимо, Рузвельт полагал, что эти страны и области наиболее стабильны политически, наиболее важны стратегически и послужат плацдармом для расширения американской зоны (порты Северной Атлантики, кратчайший путь из США, возможность продвижения на уязвимый европейский юг). Рузвельт рассчитывал иметь в Европе оккупационные силы размером около миллиона человек. Сколько времени они будут там стоять, было неизвестно. Пока Рузвельт говорил об одном-двух годах. Если в Европе возникнет угроза миру, то США вышлют к ее берегам корабли и самолеты, а СССР и Англия выставят контингент сухопутных войск.

Наедине со Сталиным Черчилль предложил обсудить, что «может случиться с миром после войны». Сталин ответил, что «прежде всего, следует обсудить худшее, что могло бы случиться» — он боится германского национализма, и необходимо сделать все, чтобы предотвратить развитие этого явления. «Мы должны создать сильную организацию, чтобы предотвратить развязывание Германией новой войны». Черчилль спросил, как скоро Германия может восстановить свои силы? На что Сталин ответил, «возможно, примерно за 15-20 лет. Немцы, — сказал Сталин, — способные люди, они могут быстро восстановить свою экономику». Черчилль ответил, что немцам должны быть навязаны определенные условия: «Мы должны запретить им развитие авиации, как гражданской, так и военной. И мы должны уничтожить всю систему генерального штаба». И еще: 1) — разоружение; 2) предотвращение перевооружения; 3) наблюдение за германскими заводами; 4) запрет на развитие Германией авиации и 5) территориальные изменения долговременного характера.

Сталин ответил, что «Германия попытается восстановить свой потенциал, используя соседние страны». Комментарий Черчилля: «Решение этого вопроса зависит от Великобритании, Соединенных Штатов и Советского Союза, от того, смогут ли они укрепить свою дружбу и наблюдать за Германией в своих общих интересах». На этот раз Пруссия должна быть изолирована и уменьшена в размере, а Бавария, Австрия и Венгрия должны сформировать широкую конфедерацию. С Пруссией следует поступить жестко и так, чтобы другие части рейха не хотели идти на сближение с ней. Одним из средств предотвращения германской агрессии будет разделение функций между союзниками: «Россия будет владеть сухопутной армией, а на Великобританию и Соединенные Штаты падает ответственность содержать военно-морские и воздушные силы». Эти три державы будут опекунами мира на земле. Если они не преуспеют в этой своей миссии, то в мире возможно воцарение столетнего хаоса.

По мнению Черчилля, после окончания войны в Европе, «которая может завершиться уже в 1944 г., Советский Союз станет сильнейшей континентальной державой, и на него на сотни лет падет огромная ответственность за любое решение, принимаемое в Европе». Западные же

союзники будут контролировать другие регионы, господствуя на морях. Впервые мы видим, что Черчилль допускает преобладающее положение одной державы — в данном случае Советского Союза — в европейском регионе. Долго ли он будет держаться этой точки зрения? Ближайшее же будущее покажет, что недолго.

Специалисты госдепартамента тем временем исследовали «линию Керзона» и пришли к собственному выводу, что к востоку от нее живет в основном польское население. Относительно «Дунайской конфедерации» у госдепартамента на этом этапе четкого мнения не было. Общая американская линия заключалась в том, чтобы проблемы границ отложить до полного окончания войны. В целом Рузвельт хотел иметь советско-польскую границу «несколько к востоку от линии Керзона».

Рузвельта, беседуя отдельно со Сталиным, выдвинул идею создания на самом высоком уровне послевоенной организации, в верхнем эшелоне которой находились бы «четверо полицейских», трое из которых присутствовали в Тегеране, а четвертым был бы Китай. Не маскируя своих суждения, Сталин сразу же высказал сомнения. Открытое выделение четырех гегемонов исторического развития не понравится всему остальному миру. Европейские нации, для которых эта идея означает утрату ими положениями центра мирового влияния, сразу же выступают против. Сталин заявил, что европейские государства, к примеру, безусловно воспротивятся контролю над их делами китайцев. Сталин: чтобы заставить Западную Европу принять своего рода «опеку» четырех великих держав, американцам придется держать здесь войска. Но американский конгресс, как и прежде, может похоронить эту идею. Что касается Китая, то, с его, Сталина точки зрения, американцы выдают желаемое за действительное. Китай еще слишком слаб, децентрализован, экономически зависим, и мировая роль может оказаться ему не по силам. Рузвельт не согласился с такими суждениями о Китае. Видимо, общая схема была ему слишком дорога. «Китай представляет собой нацию в 400 миллионов человек, и лучше иметь ее другом, чем потенциальным источником несчастий».

Не лучше ли создать региональные комитеты? Рузвельт скептически отнесся к такому дроблению — оно могло привести к возникновению региональных блоков. Рузвельт описал способ, как будет сохраняться мир. «Америка будет посылать в Европу самолеты и корабли, а Англия и Советский Союз выставят в случае возникновения угрозы миру наземные армии». Западноевропейские «великие» страны потеряют свои колонии, и после войны станут средними по величине индустриальными государствами. Сомнения и опасения Рузвельта вызывала Франция — Соединенным Штатам «наверное придется держать несколько дивизий во Франции».

Выходом из истории как лабиринта войн является лишь всемирная организация. В нее вошли бы тридцать пять — сорок государств, которые периодически собирались бы в разных местах и выработывали бы рекомендации по актуальным вопросам. Исполнительный комитет, в который входили бы четыре великих державы, уполномочен решать все вопросы, кроме военных. Лишь «четыре полисмена» имели бы полномочия «воздействовать немедленно на любую угрозу миру».

Сталин, идя навстречу, ответил, что идея всемирной организации, в конечном счете, кажется ему привлекательней, чем сумма региональных группировок. На чем Сталин твердо стоял — так это на том, что против возможности агрессии со стороны Германии и Японии в будущем следует создать эффективные контрольные механизмы. Рузвельт полностью поддержал своего собеседника. Части старых колониальных империй — Индокитай и Новая Каледония, представляющая угрозу Австралии, а также (Дакар, который, «будучи в ненадежных руках, представляет угрозу Америке»), должны быть взяты под опеку заинтересованных стран.

По двум главным вопросам (Западная Европа и Китай) взгляды Рузвельта и Сталина были ближе друг к другу, чем к позиции Черчилля. И это обусловило определенное отчуждение американцев и англичан, сближение СССР и США на частично антианглийской платформе. Стало ясно, что две великие новые силы пришли на смену старым европейским державам. Интуиция говорила ему, что за столом происходит могучее дипломатическое смещение сил,

СССР и США постепенно занимают единые позиции по основным мировым вопросам.

Сталин высоко оценил американскую помощь: «Я хочу рассказать вам, что, с русской точки зрения, президент и народ Соединенных Штатов сделали для победы в войне. Самое главное в этой войне — машины. Соединенные Штаты показали, что они способны создавать от восьми до десяти тысяч самолетов в месяц. Россия может производить, самое большое, три тысячи самолетов в месяц. Англия производит от трех до трех с половиной тысяч... Именно поэтому Соединенные Штаты можно назвать страной машин. Не имея этих машин через систему ленд-лиза, мы проиграли бы эту войну». Это был первый — и самый красноречивый случай официальной благодарности советского руководства за поставки по ленд-лизу. Ко времени Тегерана Соединенные Штаты снабжали Советскую армию двумя третями имеющейся у нее автомобильной техники и, значительным числом самолетов. США в 1943 г. предоставили СССР более пяти тысяч истребителей, много нефти и автопокрышек. Тринадцать миллионов советских солдат (американские оценки) получили от Америки зимнюю обувь и униформу, миллионы тонн продовольствия. При этом следует учесть, что двенадцать процентов американских кораблей с грузами для России были потоплены немцами.

Нет никаких сомнений в том, что шаг Сталина был своевременным и эффективным. Рузвельт не мог не оценить расчисленного прямодушия своего восточного партнера, прямо заявившего (единственный, но важный раз), что без помощи по ленд-лизу, победы на советско-германском фронте были бы невозможны. Ни тогда, ни сейчас, нельзя умалить значение того, что благодаря «студебеккерам», «виллисам» и «доджам» Красная Армия стала много мобильнее, что американские истребители пришли в нужный час. Нельзя также не оценить хода Сталина, сумевшего использовать благодарность в дипломатической игре.

Рузвельт убеждал Черчилля: «Именно потому, что русские — простые люди, было бы ошибкой полагать, что они слепы и не видят того, что находится перед их глазами». Речь шла о том, что русские, разумеется, замечают все оговорки, направленные на затягивание открытия «второго фронта». Произошедшее объективное сближение Сталина с Рузвельтом вело к определенному отстранению Черчилля от решения крупнейших вопросов мировой политики, и он очень остро это обстоятельство ощущал.

Рузвельт чрезвычайно откровенно описал способ, как будет сохраняться мир. «Америка будет посылать в Европу самолеты и корабли, а Англия и Советский Союз выставят в случае возникновения угрозы миру наземные армии... Есть два метода обращаться с возможной угрозой миру. В первом случае речь идет о революции или перевороте в небольшой стране; тогда можно будет применить метод карантина, закрыв все границы данного государства и введя эмбарго. Во втором случае, если угроза будет более серьезной, четыре великие державы, действуя как полицейские, пошлют ультиматум угрожающей другим нациям, а, если это не подействует, начнут бомбардировку и вторжение в данную страну».

Рузвельт полагал, что западноевропейские «великие» страны потеряют свои колонии и после войны станут тем, чем они являются — средними по величине индустриальными государствами. (Президент настолько был уверен в их упадке, что осенью 1943 года даже сомневался в необходимости военными силами утвердиться в прежнем центре мирового могущества). В Тегеране Рузвельт сказал Сталину, что США «очень бы не хотели» поддерживать военное присутствие в послевоенной Европе. Сомнения и опасения Рузвельта вызывала лишь Франция, и он откровенно говорил о том, что Соединенным Штатам «наверное, определенно придется держать несколько дивизий во Франции».

Сталин заявил, что малые страны будут противиться руководству больших. Европейские государства, к примеру, безусловно, воспротивятся контролю над их делами китайцев. Не лучше ли создать региональные комитеты? Рузвельт скептически отнесся к такому дроблению — оно могло привести к возникновению региональных блоков. Выходом из истории как лабиринта войн является лишь всемирная организация. При этом Рузвельт был предельно обходителен и никоим образом не подталкивал партнера к изменению взглядов. В последний день конференции он сказал Сталину, что все соображения относительно всемирной организации являются сугубо

предварительными и подлежат дальнейшему обсуждению. И тогда же Сталин, идя навстречу, ответил, что идея всемирной организации, в конечном счете, кажется ему привлекательней, чем сумма региональных группирований.

На чем Сталин твердо стоял — так это на том, что против возможности агрессии со стороны Германии и Японии в будущем следует создать эффективные контрольные механизмы. Рузвельт полностью поддержал своего собеседника. Он предложил, чтобы части старых колониальных империй — Индокитай и Новая Каледония, представляющая угрозу Австралии, а также (Дакар, который, «будучи в ненадежных руках, представляет угрозу Америке»), были взяты под опеку заинтересованных стран.

Стараясь продемонстрировать внимание к проблемам, беспокоящим Советский Союз, Рузвельт предложил взять места входа в Балтийское море «под некую форму опеки, возможно международного характера, поблизости от Кильского канала, для того, чтобы обеспечить мореплавание по всем направлениям». Во время общей дискуссии, когда Черчилль в одном из своих пассажей выразил надежду «увидеть русский флот, как военный, так и торговый, на всех морях мира», Рузвельт еще раз обратился к идее интернационализации ключевых пунктов Балтийского моря. Он предложил превратить старые ганзейские города — Гамбург, Бремен и Любек, как и Кильский канал, в свободную зону. На Дальнем Востоке Рузвельт предложил сделать международным порт Дайрен (Дальний) и даже сказал, что китайцы не будут против этого возражать. Черчилль подвел итог: «Нации, которые будут править миром после войны, должны быть удовлетворены и не иметь территориальных или других амбиций... Опасны голодные и амбициозные страны, ведущие же страны мира должны занять позиции богатых и счастливых».

Как бы ни различались взгляды Рузвельта и Сталина, но по двум главным вопросам (Западная Европа и Китай) они были ближе друг к другу, чем к позиции Черчилля. И это обусловило определенное отчуждение американцев и англичан, сближение СССР и США на частично антианглийской платформе. Особенно отчетливо это проявилось на третий день конференции. Именно тогда, 30 ноября 1943 года — в день рождения Черчилля, — стало ясно, что две великие новые силы пришли на смену старым европейским державам. В словесных схватках Рузвельта и Сталина по поводу второго фронта, наказания германских военных преступников все больше ощущалось сближение американской и советской позиций. Черчилль прятал за очками лихорадочный блеск глаз, он пускался в пространные словесные экскурсы, он демонстрировал неутомимость и красноречие, он прибег к церемониальным зрелищам, передав Сталину от короля Георга VI «меч Сталинграда». Интуиция говорила ему, что за столом происходит могучее дипломатическое смещение сил, СССР и США постепенно занимают единые позиции по основным мировым вопросам.

Во время празднования дня рождения Черчилля виновник торжества восхвалял Рузвельта и рассыпался в комплиментах Сталину. Рузвельт поднял бокал за доблесть Красной Армии. Рузвельт желал показать Сталину, что он не собирается отрезать русских от Восточной Европы. В конце первой сессии, после очередного словесного столкновения Черчилля и Сталина, Рузвельт выступил однозначно против откладывания «Оверлорда» посредством средиземноморских операций. Ту же идею он эмфатически подчеркнул на следующий день, в начале второй пленарной сессии конференции. Оставленный американцами, Черчилль был прижат к стене вопросом Сталина: «Верит ли премьер в „Оверлорд“ или говорит это лишь для успокоения русских?» Англичане не имели выбора; 30 ноября Черчилль официально поддержал высадку в Северной Франции в мае 1944 г.

В Тегеране и Рузвельт и Черчилль одобрили намерение Советского Союза произвести изменения границы между СССР и Польшей. Черчилль это сделал в первый же день встречи, вечером. Рузвельт тогда выждал паузу. Но в последний день конференции он абсолютно недвусмысленно заявил Сталину, что одобрил бы перенос восточной польской границы на запад, а западной польской границы — до реки Одер. Правда, Рузвельт сделал оговорку, что потребность в голосах польских избирателей на президентских выборах 1944 г. не позволяет ему

принять «никакое решение здесь, в Тегеране, или наступающей зимой» по поводу польских границ.

Сталин при этом вынул карту старой линии Керзона с территориальными обозначениями, указанными в телеграмме, посланной в 1920 г. лидерами Антанты. Отмеченные названия городов указывали, какой видела границу между Польшей и Россией далеко не дружелюбно настроенная в отношении русских Антанта в 1920 г. На это премьер-министр сказал, что «ему нравится эта карта, и он скажет полякам, что, если они не примут предлагаемой границы, то будут дураками. Он напомнит им, что, если бы не Красная Армия, они были бы полностью уничтожены. Он скажет, что им предоставляется прекрасное место для жизни — более 500 км в каждую сторону от середины страны». Рузвельт заявил Сталину, что одобрил бы перенос восточной польской границы на запад, а западной польской границы — до реки Одер.

Склонившись над картами, Черчилль и Сталин обозначили то, что Черчилль назвал «хорошим местом для жизни поляков», их новые границы. Рузвельт фактически присоединился к их выводам. Именно как достижение компромисса воспринимал Рузвельт советско-американское понимание на конференции по всем основным вопросам. Эта идея отражена в едином коммюнике и во всех последующих комментариях президента.

Это был первый — и самый красноречивый случай официальной благодарности советского руководства за поставки по ленд-лизу. Ко времени Тегерана Соединенные Штаты снабжали Советскую армию двумя третями имеющейся у нее автомобильной техники и, по американским оценкам, половиной (явное преувеличение. — А. У.) ее самолетов. США в 1943 году предоставили СССР более пяти тысяч истребителей, много нефти и автопокрышек. Тринадцать миллионов советских солдат (американские оценки) получили от Америки зимнюю обувь и униформу, миллионы тонн продовольствия. При этом следует учесть, то двенадцать процентов американских кораблей с грузами для России были потоплены немцами.

Нет никаких сомнений в том, что шаг Сталина был своевременным и эффективным. Рузвельт не мог не оценить рассчитанного прямодушия своего восточного партнера, прямо заявившего (единственный, но важный раз), что без помощи по ленд-лизу, победы на советско-германском фронте были бы невозможны. Ни тогда, ни сейчас, нельзя умалить значение того, что благодаря «студебеккерам» и «виллисам» Красная Армия стала много мобильнее, что американские истребители пришли в нужный час. Нельзя также не оценить хода Сталина, сумевшего использовать благодарность в дипломатической игре.

В два часа ночи Рузвельт попросил о чести сказать последний тост. «У каждого из нас своя собственная философия, собственные обычаи и образ жизни. Но мы доказали здесь, в Тегеране, что отличные друг от друга идеалы наших наций могут быть совмещены в единое гармоничное целое в ходе движения вместе к благополучию всего мира, увлекая нас к общему благу».

На следующий день Рузвельт заговорил с англичанами незнакомым до сих пор тоном. «Уинстон сегодня капризен, он встал не с той ноги». Президент прошелся по привычкам Черчилля, а к Сталину обратился «дядюшка Джо». Англичане с трудом переносили этот новый климат в переговорах.

Впервые на совещаниях «большой тройки» Рузвельт начинает предавать гласности свои идеи относительно будущего Германии. Он определил позиции в этом вопросе в своем выступлении перед Объединенным комитетом начальников штабов в Каире. Там он обрисовал раздел Германии на три отдельных независимых друг от друга государства. Южное германское государство должно было включать в себя все немецкие территории к югу от реки Майн. Отдельное государство образовывалось на северо-западе Германии, включая в себя Гамбург, Бремен, Ганновер — и на восток до Берлина. Северо-восточное государство состояло бы из «Пруссии, Померании и южных областей». В Тегеране Рузвельт изменил эту схему. Он предложил Сталину и Черчиллю создать уже пять отдельных государств на немецкой земле плюс два особых самоуправляемых региона (один — Киль и Гамбург, второй — Рур и Саар), находящихся под международным контролем.

Протоколы Тегерана позволяют сказать следующее: здесь наметилось подлинное

советско-американское понимание в отношении того, что Германию надлежит поставить в положение, при котором она перестанет быть возмутителем европейского мира и источником агрессии. Рузвельт показал понимание опасений СССР в отношении Германии как державы, дважды в XX веке ставившей под угрозу существование России. Этот момент более всего способствовал советско-американскому сближению на данном этапе.

Второй важнейший момент касался «польского вопроса».

Через несколько часов после утреннего заседания второго дня Рузвельт пригласил Сталина на двустороннюю встречу. Рузвельт попытался найти решение проблемы, которая самым очевидным образом разделяла две великие державы. Он сказал Сталину, что приближаются очередные президентские выборы и он собирается баллотироваться на третий срок. В США живут около семи миллионов американцев польского происхождения, их голоса для победы демократической партии крайне необходимы. Как практичный политик, он будет драться за эти голоса. Лично он, Рузвельт, согласен со Сталиным, что польское государство должно быть восстановлено и что его восточные предвоенные границы должны быть отодвинуты на запад, а западные перемещены вплоть до Одера, но обстоятельства избирательной борьбы не позволяют ему открыто высказываться по вопросу о границах. Сталин ответил, что понимает проблему президента.

Рузвельт решил пойти по второму кругу, по той же схеме, но уже говоря о литовцах, латышах и эстонцах. Американцы считают важнейшим право этих народов на самоопределение. Он лично полагает, что жители названных республик на выборах выскажутся за присоединение к СССР. Сталин ответил, что прибалтийские республики не имели никакой автономии в царской России, которая была союзницей Англии и Соединенных Штатов, и никто не поднимал тогда подобного вопроса. Он не понимает, почему союзники это делают сейчас. Идя примирительным курсом, Рузвельт сказал, что общественность в США попросту не знает и не понимает этой проблемы. Сталин заметил, что публику следовало бы просветить. Вечером, затрагивая самые чувствительные струны, Рузвельт выразил надежду, что СССР восстановит дипломатические отношения с лондонским правительством поляков.

Важно подчеркнуть, что «подкупающим» Сталина обстоятельством было то, что Рузвельт не ставил «польский вопрос» во главу угла. В данном случае надо вернуться на несколько недель назад, когда Рузвельт так объяснял свое отношение к претензиям лондонского комитета поляков. «Я сказал: вы что, думаете они (русские. — А. У.) останутся, чтобы сделать приятное вам или нам в этом вопросе? Вы что, ожидаете, что Великобритания и мы объявим войну „дяде Джо“, если они пересекут вашу старую границу? Даже если бы мы хотели этого, Россия могла бы выставить армию вдвое больше наших объединенных сил, и у нас просто не было бы шансов вмешаться в эту ситуацию. Что еще важнее, я не уверен, что честный плебисцит, если он здесь возможен, показал бы, что эти восточные провинции не предпочтут возвратиться к России. Да, я действительно полагаю, что границы 1941 года являются столь же справедливыми, как и любые другие».

Дело не ограничилось внутренними обсуждениями. В Тегеране и Рузвельт и Черчилль одобрили намерение Советского Союза произвести изменения границы между СССР и Польшей. Черчилль это сделал в первый же день встречи, вечером. Рузвельт тогда выждал паузу. Но в последний день конференции он абсолютно недвусмысленно заявил Сталину, что одобрил бы перенос восточной польской границы на запад, а западной польской границы — до реки Одер. Правда, Рузвельт сделал оговорку, что потребность в голосах польских избирателей на президентских выборах 1944 года не позволяет ему принять «никакое решение здесь, в Тегеране, или наступающей зимой» по поводу польских границ. Склонившись над картами, Черчилль и Сталин обозначили то, что Черчилль назвал «хорошим местом для жизни поляков», их новые границы. Рузвельт фактически присоединился к их выводам.

Именно как достижение компромисса воспринимал Рузвельт советско-американское понимание на конференции по всем основным вопросам. Эта идея отражена в едином коммюнике и во всех последующих комментариях президента. И когда Рузвельт 3 декабря

вылетел из Тегерана в Каир, он был доволен: его план продвижения к искомому послевоенному миру реализуется. Он установил рабочие отношения с СССР, он нащупал возможности компромисса по польскому вопросу, он нашел в СССР понимание относительно будущей роли Китая, Западной Европы, проектов построения иного, отличного от предвоенного, мира. Обещание СССР выступить против Японии облегчало выполнение азиатских планов Америки. Дела шли желаемым образом.

Лорд Исмей записал, что «Рузвельт явственно был доминирующей фигурой конференции. Он выглядел воплощением здоровья, находился в лучшей своей форме, говорил веско, примирительно и несколько покровительственно... Черчилль, наоборот, страдал от безжалостной простуды, раздражался бронхиальным кашлем, хотя, когда это было нужно, его ум триумфально побеждал материю, и он достойно вносил свою лепту». Сталина Исмей описывает как поглощенного в себя, как бы отрешенного от происходящего. В блокноте он рисовал странные волчьи головы.

У присутствующих все больше складывалось впечатление, что в Тегеран Рузвельт прибыл ради сближения со Сталиным: «Я сделал все, что он просил меня сделать. Я остановился в его посольстве; приходил на его обеды, был представлен его министрам и генералам. Он был корректным, сдержанным, торжественным, неулыбчивым... Тогда я начал говорить со Сталиным доверительно. Прикрывая рот ладонью, я сказал ему: „Уинстон сегодня не в себе, он встал с левой ноги. Легкая улыбка прошла по глазам Сталина, и я решил, что вступил на нужную тропу... Я начал отмечать все британские черты Черчилля, образ Джона Булля, его сигары, его манеры. Румянец стал проявляться на лице Уинстона, и чем больше он краснел, тем охотнее Сталин улыбался. Наконец Сталин разразился глубоким, идущим от сердца смехом, и впервые за три дня я увидел свет в конце туннеля“.

Полагаем, не будет ошибкой сказать, что в ходе тегеранской встречи «большой тройки» Рузвельт сделал коррективы в своей стратегической схеме «четырёх полицейских» и расклада сил внутри четырехугольника. Сущность этих корректив заключалась в выводе президента о возможности тесных и взаимовыгодных советско — американских отношений в будущем. Мир, в котором США и СССР станут друзьями, определенно виделся как более стабильный, более упорядоченный. Две сверхмощные державы, найдя общий язык, самым надежным образом гарантировали бы мир от войны.

Рузвельт, ощущал успех, он покинул Тегеран будучи убежденным, что его стратегическая линия в мировой дипломатии начала реализовываться в самых существенных своих аспектах. Теперь, в свете тегеранских договоренностей, он гораздо меньше опасался американских изоляционистов (страх перед которыми, порожденный в 1919-1921 и 1935 годах, постоянно его преследовал), он верил, что сумеет убедить конгресс и общественность в необходимости выхода США на мировые позиции. На пути домой Рузвельт сообщил супруге 9 декабря 1943 года: «В целом мы добились успеха».

Первые опасения

В феврале 1944 г. госсекретарь Хэлл основываясь на мнениях своих подчиненных предупреждает о грядущих сложностях в отношениях с русскими ввиду «советской решимости в одностороннем порядке решать проблемы, встающие в Восточной Европе... Если дело будет так же продолжаться и далее, то мы увидим отсутствие предрасположенности Советского правительства играть конструктивную роль как полноправный член семьи наций... Это принесет непоправимый ущерб всему международному сотрудничеству». В начале марта 1944 г. госсекретарь буквально пугает советского посла в Вашингтоне, говоря о «растущей враждебности к России из-за ряда в сущности малых дел, которые, однако, можно интерпретировать как стремление к односторонним действиям».

«Холодная война» первой пришла в сознание британского премьера. Черчилль начал рисовать своим британским спутникам апокалиптическое будущее: «Миру предстоит

гигантская, еще более кровавая война. Я не буду в ней участвовать. Мне хотелось бы заснуть на миллион лет». Как избежать новой опасности? Британия должна иметь превосходство в воздухе. «Если мы будем иметь мощные военно-воздушные силы, никто не рискнет атаковать нас, поскольку Москва будет так же близка по отношению к нам, как Берлин сейчас».

Черчилль выступил против схем президента. Он явно боялся оставить СССР сильнейшей европейской страной, его предложения были направлены на то, чтобы сделать Германию мощным крупным государством. Черчилль «шел на уступку» в том, что Пруссию следует изолировать от остальной Германии. Но Бавария, Баден-Баден, Вюртемберг, Палатинат и Саксония должны войти во вновь образуемую конфедерацию «дунайских государств». Не было сомнений в том, что подобное «дунайское государство» явилось бы мощной силой, а германский элемент в нем, безусловно, доминировал бы. Сталин немедленно указал на это. Черчилль тотчас же высказал свои опасения по поводу Европы, где Советскому Союзу противостояли бы лишь малые и слабые государства. В наступившей пикантной паузе президент Рузвельт произвел своего рода революцию, когда заявил, что «согласен с маршалом... Германия была менее опасной для цивилизации, когда состояла из 107 провинций». Разумеется, что эта поддержка Рузвельта была высоко оценена Сталиным. Все же трехстороннего согласия по поводу будущего Германии в Тегеране достигнуто не было, и дело решили передать в Европейскую совещательную комиссию, основанную во время московской конференции.

Рузвельт так объяснял свое отношение к претензиям лондонского комитета поляков. «Я сказал: вы что, думаете они (русские. — А. У.) остановятся, чтобы сделать приятное вам или нам в этом вопросе? Вы что, ожидаете, что Великобритания и мы объявим войну „дяде Джо“, если они пересекут вашу старую границу? Даже если бы мы хотели этого, Россия могла бы выставить армию вдвое больше наших объединенных сил, и у нас просто не было бы шансов вмешаться в эту ситуацию. Что еще важнее, я не уверен, что честный плебисцит, если он здесь возможен, показал бы, что эти восточные провинции не предпочтут возвратиться к России. Да, я действительно полагаю, что границы 1941 г. являются столь же справедливыми, как и любые другие»).

Через несколько часов после утреннего заседания второго дня Рузвельт пригласил Сталина на двустороннюю встречу. Рузвельт попытался найти решение проблемы, которая самым очевидным образом разделяла две великие державы. Он сказал Сталину, что приближаются очередные президентские выборы и он собирается баллотироваться на третий срок. В США живут около семи миллионов американцев польского происхождения, их голоса для победы демократической партии крайне необходимы. Как практичный политик, он будет драться за эти голоса. Лично он, Рузвельт, согласен со Сталиным, что польское государство должно быть восстановлено и что его восточные предвоенные границы должны быть отодвинуты на запад, а западные перемещены вплоть до Одера, но обстоятельства избирательной борьбы не позволяют ему открыто высказываться по вопросу о границах. Сталин ответил, что понимает проблему президента.

Эта беседа Рузвельта со Сталиным на второй день конференции была, пожалуй, самым важным эпизодом тегеранской встречи. Президент поднял вопрос о создании всемирной организации. В нее вошли бы тридцать пять — сорок государств, которые периодически собирались бы в разных местах и выработывали бы рекомендации по актуальным вопросам. Исполнительный комитет, в который входили бы четыре великих державы, уполномочен решать все вопросы, кроме военных. Лишь «четыре полисмена» имели бы полномочия «воздействовать немедленно на любую угрозу миру». Не маскируя своих суждений, Сталин высказался по поводу тех пунктов плана президента, которые казались ему сомнительными. Открытое выделение четырех гегемонов исторического развития может не понравиться всему остальному миру. Сталин говорил, что западноевропейские нации, для которых эта идея означает утрату ими положения центра мирового влияния, сразу же выступят против.

Чтобы заставить Западную Европу принять своего рода «опеку» четырех великих держав, американцам придется держать здесь войска. На этот счет есть сомнения, американский

конгресс, как и прежде, может похоронить эту идею. (В этом месте Рузвельт нашел нужным согласиться: да, его схема, пожалуй, потребует наличия американских войск в Европе, а убедить американский конгресс в этом будет непросто.) Что касается Китая, то, с его, Сталина точки зрения, американцы выдают желаемое за действительное. Китай еще слишком слаб, децентрализован, экономически зависим и мировая роль может оказаться ему не по силам. Рузвельт не согласился с такими суждениями о Китае. Видимо, общая схема была ему слишком дорога. И в описываемых беседах он старался показать, что исходит из чистого реализма: «Китай представляет собой нацию в 400 миллионов человек, и лучше иметь ее другом, чем потенциальным источником несчастий».

Рузвельт и Сталин солидарно осудили прогнивший политический строй Франции. Рузвельт сказал, что следовало бы запретить вхождение в будущее французское правительство любого лица старше сорока лет. Сталин показал всем присутствующим, что германская проблема беспокоит СССР более всего, здесь должно быть найдено надежное решение. Возникло недоразумение, когда Рузвельт предложил международную опеку над выходом Германии к Балтийскому морю: Сталин понял так, что американцы хотят опеки над балтийскими государствами, и категорически возразил. Чтобы пятно непонимания не омрачило общий ход дискуссий, в процессе которых президент хотел добиться рабочего контакта с СССР, Рузвельт предложил перерыв — была уже глубокая ночь. Это желание Рузвельта найти общий язык со Сталиным наводило на Черчилля черную меланхолию. (Уже тогда начал зарождаться миф об «уставшем» президенте. Что это было не так, показало следующее утро, когда Рузвельт, очевидно для всех, находился в своей лучшей боевой форме).

В это утро Черчилль попытался укрепить «западный фронт» — он послал Рузвельту приглашение позавтракать вместе. С точки зрения Рузвельта, это было бы одиозной демонстрацией западного сговора перед самыми существенными переговорами с советской стороной, и он категорически отказался. Более того, после завтрака Рузвельт уединился именно со Сталиным и Молотовым.

Относительно поляков Сталин сказал Черчиллю, что согласен с переносом польской границы на запад вплоть до Одера. Но этого будет недостаточно, так как безопасность и сохранность пересмотренных границ будут зависеть от хороших отношений между двумя странами, а это маловероятно, если иметь в виду лондонских поляков, которых никто переделать не сможет. Сталин согласился исправить «линию Керзона» в пользу Польши, там, где имеется скопление польского населения. Черчилль отныне полагал, что польское правительство, получающее компенсацию от Германии (две трети Восточной Пруссии и Силезия) согласится на компромисс. Он будет уговаривать лондонских поляков.

Сталин при этом никак не одобрил идеи «Дунайской конфедерации» или чего-либо похожего — уж слишком это напоминало «cordon sanitaire».

Рузвельт решил пойти по второму кругу, по той же схеме, но уже говоря о литовцах, латышах и эстонцах. Американцы считают важнейшим право этих народов на самоопределение. Он лично полагает, что жители названных республик на выборах выскажутся за присоединение к СССР. Сталин ответил, что прибалтийские республики не имели никакой автономии в царской России, которая была союзницей Англии и Соединенных Штатов, и никто не поднимал тогда подобного вопроса. Он не понимает, почему союзники это делают сейчас. Идя примирительным курсом, Рузвельт сказал, что общественность в США попросту не знает и не понимает этой проблемы. Сталин заметил, что публику следовало бы просветить. Вечером, затрагивая самые чувствительные струны, Рузвельт выразил надежду, что СССР восстановит дипломатические отношения с лондонским правительством поляков.

Важно подчеркнуть, что «подкупающим» Сталина обстоятельством было то, что Рузвельт не ставил «польский вопрос» во главу угла. В данном случае надо вернуться назад к тому времени, когда Рузвельт так объяснял свое отношение к претензиям лондонского комитета поляков. «Я сказал: вы что, думаете они (русские. — А. У.) остановятся, чтобы сделать приятное вам или нам в этом вопросе? Вы что, ожидаете, что Великобритания и мы объявим войну „даде

Джо“, если они пересекут вашу старую границу? Даже если бы мы хотели этого, Россия могла бы выставить армию вдвое больше наших объединенных сил, и у нас просто не было бы шансов вмешаться в эту ситуацию. Что еще важнее, я не уверен, что честный плебисцит, если он здесь возможен, показал бы, что эти восточные провинции не предпочтут возвратиться к России. Да, я действительно полагаю, что границы 1941 г. являются столь же справедливыми, как и любые другие».

А вот лондонские поляки резко осуждали Декларацию Четырех наций Московской конференции министров иностранных дел (довольно невинную по тексту) и госсекретарю Хэллу пришлось их приструнить. И при этом следует все же добавить (это мнение и западных исследователей), что «Рузвельт и государственный департамент терпели довольно грубые угрозы со стороны поляков, наступательные по духу. Поляки обращались прежде всего к польской общине в США. На локальном уровне избиратели-поляки на протяжении 1943 г. лоббировали таких критически важных сенаторов как А. Ванденберг из обильно населенного поляками Мичигана».

При этом соображения американской стороны нередко носили сугубо стратегический характер. Так население Львова содержало только 35 процентов поляков, но рядом была скалатская нефть и американцы хотели, чтобы у новой Польши она была.

Далек был от оптимизма Черчилль. Идену, Морану и послу в Москве Керру он сказал после Тегерана: «Может быть еще одна кровавая война. Мне не хотелось бы видеть ее. Я хотел бы проспать. Я хотел бы спать на протяжении миллиарда лет». Его врач отметил охватившую премьера — и столь нехарактерную для него — черную меланхолию.

Вскоре после Тегеранской конференции Черчилль сказал леди Вайолет Бонэм-Картер, что «впервые в жизни я понял, какая мы маленькая нация. Я сидел с огромным русским медведем по одну сторону от меня и с огромным американским бизоном по другую; между этими двумя гигантами сидел маленький английский осел». Несмотря на явное физическое истощение, Черчилль после Тегерана решил посетить в Италии генерала Г. Александера. «Он может быть нашей последней надеждой на спасение. Мы должны что-то делать с этими проклятыми русскими».

После Тегерана

Прибыв из Тегерана в Баку, Сталин переоделся в простую солдатскую шинель и фуражку без знаков отличия. Его поезд остановился на станции Сталинград, и Сталин осмотрел руины города. Трудно сказать, что было у него на уме, одно можно сказать уверенно, западным союзникам он доверял лишь частично. Но у него появилось новое чувство, основанное на том, что советская армия наносит поражения вермахту даже тогда, когда львиная доля его состава сражается на советско-германском фронте. Он сказал Жукову следующее: «Рузвельт дал мне свое слово, что во Франции в 1944 г. будут проведены активные действия. Я верю, что он сдержит свое слово. Но, если даже и не сдержит, наших собственных сил достаточно для завершения победы над нацистской Германией». Это был новый язык, он стал возможен только после Курска и Днепра.

Идейная установка Рузвельта после Тегерана была противоположна тому, что выше уже называлось «рижской аксиомой» — предположению, что СССР руководствуется идеей победы коммунизма во всей Европе. Рузвельт выработал собственное представление о сути советской внешней политики. Он исходил из того, что СССР готов к коллективному сотрудничеству в послевоенном мире, что он может быть лояльным партнером и американским интересам соответствует достичь этого партнерства.

У президента уже не возникало желания вызывать для закрытых бесед Чан Кайши, он был гораздо более холоден и менее уступчив с англичанами. Китайцы не получают всей обещанной прежде помощи. А вот подготовка высадки во Франции, которая даст американцам контроль над Западной и Центральной Европой, должна быть ускорена. В Чунцине Чан Кайши почувствовал,

что его акции падают. Это видно из телеграммы генералиссимуса высокому американскому покровителю во время второй каирской конференции англо-американцев. Чан Кайши писал, что союзники оставляют Китай беззащитным перед механизированной мощью Японии.

Жесткость Рузвельта в Каире (на обратном пути из Тегерана) выразилась, помимо прочего, в том, что он в одностороннем порядке принял решение о назначении главнокомандующего войсками союзников на Западе. Им будет генерал Эйзенхауэр. И когда президент и премьер-министр подъехали к Сфинксу, смотревшему на них «с высоты сорока столетий», они напряженно молчали. Рузвельт молчал, когда Черчилль говорил о размножающихся как мухи русских, которые превзойдут по численности белое население Англии и Соединенных Штатов.

Ближайшие сотрудники свидетельствуют, что возвратившийся накануне Рождества 1943 г. президент Рузвельт, проделавший 17442 мили пути, никогда не выглядел более удовлетворенным и уверенным в себе. (Черчилль почти умирал от пневмонии, а Рузвельт оживленно делился впечатлениями). Он был доволен тем, что семьдесят процентов участников опросов одобряли характер ведения им войны.

И речь Рузвельта в сочельник по радио дышала невиданным еще оптимизмом. Он объявил, что поручил Эйзенхауэру атаковать противника «с нашей стороны компаса» навстречу победоносным войскам русских. Рузвельт сообщил американскому народу, что нашел общий язык с маршалом Сталиным. «Я полагаю, что мы найдем общую линию поведения с ним и русским народом». В этом выступлении президент заверил американцев, что они «могут смотреть в будущее с подлинной, обоснованной уверенностью», что «мир на земле, добрая воля в отношении народов могут быть утверждены и обеспечены... В Каире и Тегеране мы посвятили свои усилия выработке планов по созданию такого мира, который единственно может быть оправданием всех жертв войны».

Заметим, помимо прочего, что на Рождество 1944 г., когда Ленинград терял последнее дыхание, американские покупки на шестьдесят процентов превысили уровень лет «самых жирных коров» — уровень поздних двадцатых годов. Американская индустрия не только поставила феноменальное количество техники, но и развернула невиданный выпуск потребительских товаров.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ БАЛКАНЫ

Стояла весна 1944 г. В апреле курчатовская «лаборатория №2» — 74 человека — получила собственное помещение. В Соединенных Штатах был запрошен уран, но он не дошел до Курчатова. Геологи стали обращать внимание на Ферганскую долину. Курчатов пишет Берии: «Вокруг этой проблемы за границей создана невиданная по масштабу в истории мировой науки концентрация научных и инженерно-технических сил, уже добившихся ценнейших результатов» (выделено Курчатовым).

Союз Запада?

В мае 1944 г. Объединенный комитет начальников штабов рассматривал возможность создания западного блока государств, возглавляемых Соединенными Штатами. И генералы отвергли эту идею. Причиной была совершенно очевидная боязнь того, что Советский Союз в ответ создаст блок зависимых от него государств Восточной Европы. То был первый намек на возможность создания того, что станет Североатлантическим союзом. И Рузвельт и Черчилль пока проявляли чрезвычайную осторожность. Уинстон Черчилль пишет 25 ноября 1944 г., что он «не пришел еще к определенной точке зрения» по вопросу о западном блоке. В период очевидного сближения британский премьер хотел напомнить своему восточному союзнику о том, что в Западной Европе может появиться новая могучая сила. И в общем ряду здесь будут

стоять Соединенные Штаты.

Нет никаких сомнений в том, что подобные проекции на будущее чрезвычайно интересовали Москву. В результате британский премьер Кларк Керр навестил Молотова и постарался успокоить его: англичане, мол, планируют создать западноевропейский блок для того, чтобы как-то сбалансировать русскую и американскую мощь; речь может идти о взаимной обороне.

Волнение Москвы видно и в вопросах советских представителей Шарлю де Голлю, посетившему Москву в декабре 1944 г. Но глава временного правительства Франции предпочел не распространяться.

Черчилль не желал строить мир будущего на неких нематериальных субстанциях. Доверие — в его понимании — должно было основываться на силе. В поисках нового места Британии Черчилль обратился к возможностям современной военной технологии.

Продолжение атомного сотрудничества США с Англией и отказ от работы в этой области с СССР обещало реализацию плана о превосходстве двух «полицейских» Запада над двумя «полицейскими» Востока. Этот курс имел достоинство уже наигранной схемы, она, казалось, гарантировала двум западным державам доминирование на мировой арене на годы вперед. Но у этого курса были и свои недостатки, свои опасности. Столь очевидная демонстрация солидарности англосаксов бесспорно могла насторожить СССР. Однако Черчилль и Рузвельт неукоснительно шли своим курсом: 13 июня 1944 г. ими подписывается Соглашения и Декларации о доверии, в которой особо говорилось о том, что США и Великобритания будут сотрудничать исключительно друг с другом в деле овладения контролем над запасами урана и тория во время и после войны.

Вопрос об атомном сотрудничестве был подвергнут наиболее интенсивному обсуждению 18 сентября 1944 года (уже после второй конференции в Квебеке) на встрече Рузвельта и Черчилля в Гайд-парке. Они сошлись на том, что монополия на атомное оружие будет значительным активом США и Англии в геополитическом соперничестве, которое может возникнуть у них с Советским союзом. Это обсуждение зафиксировано в памятной записке от 19 сентября 1944 года. В последнем параграфе ее говорится о мерах, которые должны быть приняты, чтобы «избежать утечки информации, особенно к русским». Нильс Бор, сторонник поделиться секретами с Москвой, был охарактеризован как опасный заблуждающийся ученый, способный передать военные секреты русским. Неизвестно, был ли инициатором такой оценки Черчилль (как утверждают американские источники), но фактом является обоюдное согласие двух сторон. Главный вывод меморандума звучал так: «Предложение об информировании мира относительно данного проекта... неприемлемо».

Нет сомнения в том, что Черчилль в 1944 году сделал приобщение Англии к ядерному проекту одной из гарантий сохранения Англией положения великой державы. Он добился того, что в указанной памятной записке США обещали «полностью сотрудничать в развитии атомного проекта в военных и мирных целях после поражения Японии». Черчилль с триумфом пишет в Лондон, что ему удалось добиться искомой договоренности. Англия попадала в атомный клуб, она, как предполагалось, получит доступ к сверхоружию, она одна стала избранным партнером США. Через десять дней после подписания меморандума Рузвельт писал К. Хэллу: «Нужно удержать Британию от полного банкротства в конце войны. Я не хотел бы, чтобы Британская империя попала в финансовый коллапс, а Германия в то же время восстановила бы свой военный арсенал». Атомное оружие должно было предотвратить такое развитие событий. Вооруженная атомным оружием Англия будет подлинным надзирателем над Европой, освобождая Америке простор для мировой инициативы.

Когда президент Рузвельт призвал 22 сентября 1944 года для беседы в Белый дом В. Буша, «он указал, — пишет Буш, — на необходимость сохранения сильной Британской империи и рассуждал о методах, какими это может быть достигнуто». У Буша, по его словам, после полуторачасовой беседы сложилось впечатление, что президент намерен сохранить американо-английскую монополию после войны.

Россия выходит к границам

А великий фронт от Балтики до Карпат бурно перемещался в июле — августе. В течение двух фантастических недель пять центральных фронтов прошли почти полтысячи километров, ослабив свой порыв только перед самой Варшавой. Западные специалисты спрашивают, почему Советский Союз не завершил войну в 1944 г.? Ведь преимущество в танках было один к трем, в артиллерии — один к шести, в численности пехоты — один к четырем. Одним из объяснений служит то, что предстояло вначале решить проблему Балкан. Именно сюда переместился центр наступательных усилий Советской армии — наступила очередь южан. Здесь был создан новый — 4-й Украинский фронт численностью в восемнадцать дивизий во главе с генералом Петровым для выхода через Карпаты в Венгрию. Перед Петровым поставили задачу осуществлять связь между Коневым и двумя фронтами, которым были поручены балканские проблемы (Малиновский и Толбухин).

Эти фронты представляли собой огромную силу в миллион солдат, тридцать восемь советских дивизий. На этом пятисоткилометровом фронте Ставка требовала выхода на западный берег реки Прут. Малиновский намеревался выйти в Молдавию и Северную Румынию ударом между румынскими и германскими войсками с целью окружить немцев в районе Кишинев-Яссы. Оба фронта провели набор среди жителей, остававшихся в оккупации. Этот набор дал Малиновскому 265 тысяч рекрутов, а Толбухину — 80 тысяч молодых ребят, прошедших почти три года в немецкой оккупации. Теперь их учили «достоинству поведения советского человека на иностранной территории». Эта территория была рядом.

А здесь король Михай видел единственный шанс в том, чтобы договориться с русскими (румынские дипломаты встречались и с американцами). Румыны обещали немедленно интернировать немцев и присоединиться к антигитлеровской коалиции. Для них было важно сделать это раньше венгров, тогда можно было рассчитывать на Трансильванию. Короля «подгоняла» дивизия имени Тудора Владимиреску, составленная в основном из румынских военнопленных в России и воевавшая, как помнит читатель, на советской стороне.

23 августа было решающим днем. Король Михай арестовал братьев Антонеску вместе с руководителем германской военной миссии генералом Хансеном и провозгласил выход Румынии из военного союза с Германией. Новое румынское правительство возглавил генерал Санаеску, а король Михай обратился по радио к нации и всему миру. Германский посол покончил жизнь самоубийством. Для Советской армии открывались двери в Чехословакию, Венгрию, Болгарию, Югославию. Ни Карпаты, ни Дунай теперь не могли быть барьером на пути продвижения советских войск. Ставка разрешила Малиновскому и Толбухину использовать добровольно сдавшиеся румынские части против венгров и немцев.

Бухарестская пресса была удивлена молодостью советских солдат и их технической оснащенностью. Лишь остатки семи германских дивизий оказывали сопротивление в Северной Румынии. В Москве Ставка готовила двум победоносным фронтам новые боевые задания. Малиновский — на Венгрию, Толбухин — на Болгарию. Под их командованием теперь были новые союзные войска — вчерашний противник — румынские части. У Малиновского теперь были дополнительные 20 дивизий, неадекватно вооруженных, но хорошо знающих территорию проходимой 2-м Украинским фронтом страны и весьма небезразличную к боевым действиям на территории Трансильвании.

Румыния была наиболее важной страной для России и для Запада. Во внешней политике Румынии после первой мировой войны были «две константы» — приверженность «санитарному кордону» против России и ориентация на одну из великих держав. Румынские попытки сблизиться с западными союзниками начались в 1944 г. Вашингтон постарался воспользоваться ими, стремясь оценить свои возможности здесь. Американцы шли своей излюбленной дорогой. В марте 1944 г. госдепартамент США предложил заморозить все дискуссии о территориальных проблемах, касающиеся Румынии и подтвердить желание сохранить Румынию как независимую

страну. Американцы довольно жестко отвергли британское предложение предоставить Румынию России. Политические эксперты госдепартамента буквально возмутились и предложили США и Британии «сохранить свой интерес к этой стране и приложить к Румынии общие принципы ведения войны». Румыния уже определилась в своих новых дипломатических увертюрах и, начиная с марта 1944 г., Бухарест начал выдвигать самые различные мирные предложения, обращаясь исключительно к англо-американцам, к их политическим и военным представителям. Цель была более чем ясна — избежать прямого контакта с Россией.

Компартия здесь никогда не владела большим влиянием. Почти все политические партии были в очень большой мервители, прибывших управлять — в составе Союзной Контрольной комиссии первой поверженной страной. Что должна была думать Россия ее военно-политическое руководство, которое именно в это время вытолкнули из Италии? Именно в конце марта 1944 г. Объединенный комитет начальников штабов пришел к откровенному выводу, что русское участие в сдаче Италии и последующем управлении ею оказалось «непрактичным», отчего русских представителей попросили не вмешиваться в чужие дела. И именно тогда возникает румынская проблема. Но история имеет свою иронию и вскоре предстояло обсуждение вопросов, касающихся выхода из войны Финляндии. Об этом Черчиллю сообщил его собственный Форин Офис 23 августа 1944 г. 2 апреля 1944 г. советские войска пересекают границу СССР с Румынией и издают прокламацию о том, что они «не преследуют цели овладения какой-либо частью румынской территории или смены существующего социального порядка». Обратим внимание на следующее. Советские власти имели в виду предвоенную границу СССР и Румынии; но стоило Лондону выразить свое неудовольствие, как русская стороны прекратила действия в таком толковании. И Лондон, и Вашингтон были удивлены склонностью российской стороны к компромиссу, ее чувствительностью к западным проявлениям неудовольствия, к западным пожеланиям. Антонеску же и король Михай не переставали пугать западные державы угрозой «славянизации» Румынии, «ничем не ограниченным приходом коммунизма в Юго-Восточную Европу», нарушением общеевропейского баланса сил. Михай и Антонеску с готовностью обещали участие Румынии в Балканской федерации, обещали завязать самые тесные связи с Западом. С собственно советским командованием они не связывались. Но это были уже силы прошедшего дня. В середине августа Советская армия пробилась через германскую линию обороны, и в Румынии поднялся политический вихрь. В Бухаресте возникли четыре группы антифашистского сопротивления (одна коммунистическая). Они вышвырнули пособников немцев и взяли в свои руки управление страной. Бои прекратились 23 августа 1944 г. и через несколько дней были оговорены условия перемирия, за основу которых были взяты апрельские предложения советской стороны — несколько смягченные. Уменьшена была сумма репараций и создана свободная зона для правительства. Вопрос об участии западных держав в управлении низвергнутой Румынией встал в конкретную плоскость. После Италии прошел всего лишь год, и роли поменялись: теперь уже западные союзники будут требовать от России участия в румынских делах. В основном Москва им ответит по прочувствованному ею итальянскому сценарию. Ради американского реализма нужно признать, что государственный департамент уже на ранней стадии пришел к заключению, что русские воспользуются итальянским прецедентом и постараются принять капитуляцию Румынии от лица всех союзников. Ибо «их силы вынесли основную тяжесть борьбы». Все же западные союзники (прежде всего американцы) питали надежду, что Россия предоставит им часть «дополнительных» возможностей. Черчилль лично отметил в конце сентября 1944 г. умеренность требований русских. СССР потребовал выплаты на протяжении шестилетнего периода 300 млн. долл., восстановления румынской гражданской администрации на расстоянии от 50 до ста километров за линией фронта — предполагая здесь верховный военный контроль СССР, Москва пообещала Бухаресту значительную долю Трансильвании (отданной немцами Венгрии). Американская сторона стала пристрастной там, где русские были особенно чувствительны — репарации. Румынская армия принесла Советскому Союзу неисчислимый вред и Россия готова была показать свое благородство: она просила не более одной пятой причиненного ущерба. Черчилль считал эти условия мягкими, но

посол США в СССР Аверелл Гарриман думал иначе. С его точки зрения, запрашивая такую сумму, Россия брала в свои руки контроль над румынской экономикой. Госсекретарь Гарриман дуил больше не о малозначительной экономически Румынии, а о колоссе Германии. Сколько русские запросят там? Он потребовал от посла Гарримана: «Объясните им ясно, что американское правительство не считает русские действия в Румынии прецедентом для дальнейших действий в схожей области». Хэлл думал о Болгарии и Венгрии, но более всего — о Германии.

Читатель, посмотри, как зарождается «холодная война». Обрати внимание на настойчивость западных держав, которой они не позволяли в течение года в Италии. 6 сентября 1944 г. послы США и Британии — Гарриман и Кларк Керк решили прояснить ситуацию с наркомом иностранных дел В.М. Молотовым. Гарриман заявил, что Соединенные Штаты хотели бы иметь своего политического представителя в Румынии. Молотов ответил, что для этого будет создана Контрольная Комиссия по Румынии. Но, добавил Молотов, «он хотел бы избежать недоразумений: Контрольная Комиссия по Румынии будет действовать тем же образом, что и Контрольная Комиссия по Италии». Исходя из этого, Гарриман докладывает, что «кажется ясным — Советское правительство во время ведения военных операций намеревается придерживаться жесткой линии в румынских делах». Хэлл надеялся, что в Румынии русские будут вести себя щедрее, чем западные союзники в Италии. Англичане были менее мирно настроены; они отказались подписать перемирие, пока не оговорят точные функции контрольной комиссии. Какая строгость. В Италии англичане не ощущали необходимости поддержать статус своего восточного союзника. Охлаждая пыл англичан, Молотов сказал, что исполнительные функции будут принадлежать русским — равно как они принадлежали англичанам и американцам в Италии. Гарриман: «Он сказал, что задача других представителей будет аналогичной позиции советского представителя в Союзной Контрольной Комиссии по Италии». Русская сторона начала оформление именно такого же числа представителей во всех подкомиссиях, которые она имела в Италии. И, как и в Италии, только один представитель имел право обращаться непосредственно к румынам. Американцы, пока молча, выражая свое недовольство, пошли на создание структур, родоначальниками которых они были сами в Италии. Но появившееся у них раздражение обильно окрасило их оценки происходящего в Румынии, оценки поведения советских представителей в первой управляемой ими стране. Непонимание в Румынии в отдельных вопросах родилось из полностью противоположного опыта и взаимонепонимания.

Для советского офицера представить себе, что румынские нефтяные месторождения, снабжавшие всю немецкую армию, на самом деле принадлежат американским и английским владельцам, было просто невыносимо. Если эти владельцы позволили колоссальной военной машине Германии воевать используя свою нефть — то уже за одно это они должны быть наказаны. Такова была логика любого советского офицера, воспитанного вовсе не на принципах святости частной собственности. Когда американские и британские бомбардировщики бомбили нефтяные месторождения в Плоешти, они никак не разбирали, чью собственность они уничтожают. Пришедшие русские войска тоже нуждались в бензине, а уничтоженная гитлеровцами нефтяная промышленность СССР нуждалась в нефтяном оборудовании — часть которого советские части изъяли как репарации у румын. Тем с большим изумлением слушал Вышинский американского поверенного в делах Джорджа Кеннана: «Я сказал, что ожидал возвращения этой собственности в прежнем состоянии и немедленно, как только советские военные власти в Румынии будут проинструктированы относительно частной собственности американских граждан и американских компаний. В заключение я сказал ему, что это дело имеет самое важное значение.... Я выразил искреннюю личную надежду на сохранение не только частной собственности американцев, но и в целом относительно американо-русского сотрудничества в бывших странах сателлитах». Советское руководство — на высоком и на низком уровне — было в своего рода шоке. Еще дымились крематории концлагерей, тысячами солдат наполнялись братские могилы, а американские дипломаты стали играть в невиданную

стерильность. В священность той собственности, которая только что помогала убивать и русских и их союзников. Заметим: полное слияние национальных интересов и частных интересов отдельных владельцев — стало законом и правилом для политики США в Восточной Европе, и это было неожиданно для Москвы. Советские власти заявили, что «права американцев и англичан ненарушимы», но этим властям было нелегко представить себе, что последует за этим заявлением. Для американского руководства не менее интересной, чем судьба американской частной собственности в Румынии были выводы из текущего анализа поведения советских властей. Русские больше заинтересованы в ведении военных действий, чем в «социализации» Румынии. Москва не склонна передавать власть местной коммунистической партии и вполне удовлетворена рабочими отношениями с Крестьянской и Либеральной партиями. Американская разведка (ОСС) сделала вывод, что «местным коммунистам не дано благословение Советского Союза. На данном этапе это успокаивало Вашингтон. 4 ноября 1944 г. произошла реорганизация румынского кабинета министров; поименованные две партии получили десять министерских постов из семнадцати. Известный антикоммунист возглавил критически важное министерство внутренних дел. Американская разведка докладывала, что возглавлявший советскую администрацию Вышинский обещал королю Михаю всяческую поддержку, делал ставку на националиста-генерала Радеску. К удовлетворению короля он обещал „не делать Румынию коммунистическим государством“; жаждал от Румынии „поведения дружественного соседа“, чем вдохновил короля. Но в Контрольной комиссии американцы и англичане продолжали пребывать в состоянии изоляции — ровно так, как советские представители чувствовали себя в Италии. Опальные политики жаловались союзным представителям на политическое влияние Советов (особенно лидер предвоенной Крестьянской партии Юлиу Маню) и старались противопоставить западных союзников России. Их красочные антироссийские доклады в изобилии пребывали в госдепартамент. Но разведка и дипломаты пока не видели оснований для жесткого выяснения отношений с Москвой. Ситуация в Болгарии в значительной мере напоминала румынскую.

5 сентября СССР объявил войну Болгарии, и через четыре дня София затребовала перемирия с Россией (очень популярной в народе) и объявила войну Германии. Болгары стремились наладить двусторонние отношения с Москвой наилучшим образом — советские войска уже входили в страну. В организованном 10 сентября правительстве треть мест занимали коммунисты, но две трети были настроены, найти приемлемый модус вивенди на прежней социальной основе. Как и можно было предположить, Контрольная комиссия работала по «итальянскому» ранжиру, повторяя опыт Румынии. Советские войска вошли в Софию в конце сентября, объявив себя не победителями, а спасителями. Англичане практически открыто признавали главенство советских генералов Контрольной комиссии. Возможно, ошибкой англичан было требовать репарации в пользу Греции — это еще более оттолкнуло болгар в русскую сторону. В отличие от Румынии, Коммунистическая партия Болгарии была мощной силой, особенно в македонской части Болгарии. Американский представитель Мейнард Барнс вначале панически сообщал о всевластии русских в «Отечественном фронте», но затем несколько успокоился и теперь уже убеждал Вашингтон, что «кажется, что русские оказывают сдерживающее влияние на болгарских коммунистов, во многом потому, что болгарские коммунисты мало напоминают коммунистов 1917 года». Барнс, как и многие союзные дипломаты в балканских странах, чувствовал себя изолированным и видел свою задачу в сдерживании коммунистов. Изоляция делала его чрезвычайно восприимчивым к слухам, переполнявшим Софию. Его донесения обосновывают главную идею: коммунистическая Болгария практически неизбежна, хотя доказательства пока были сугубо теоретическими. Нетрудно также сделать вывод, что в 1944 г. американцы не проявляли особого интереса к Болгарии.

В Венгрию, последнюю союзницу Германии, советские войска вошли в конце октября 1944 г. О венгерском руководстве никто на Западе не мог сказать ничего хорошего — верное немцам, яростно антисемитское, жестко антикоммунистическое, реакционное по своей внутренней

политике, полуфеодальное по земельной собственности, самое близкое к нацистам среди всех немецких союзников. Уже в сентябре 1944 г. Будапешт отчаянно пытался сдаться англо-американцам и, лишь потерпев поражение на этом дипломатическом направлении, обратился к наступающей Советской армии. Американцы испытывали к Венгрии интерес больший, чем к Румынии и Болгарии — во многом в свете значительной собственности здесь компании «Стандарт ойл оф Нью-Джерси». Это во-первых. А во-вторых, американская дипломатия хотела именно в Будапеште сломать «итальянский стереотип» в Восточной Европе, когда США выступали вторичной силой — за спиной СССР в Контрольной комиссии. Государственный секретарь К. Хэлл поручил послу в Москве Гарриману уведомить русских о значительных экономических интересах американцев в Венгрии (но не пожелал уведомить, что в 1941 г. он блокировал попытки «Стандарт ойл» продать свою венгерскую собственность «И.Г. Фарбениндустри»).

СССР потребовал от Венгрии 400 млн. долл. репараций, но затем, не без давления американцев, понизил эту сумму до 300 млн. (с выплатой в течение шести лет). Американское стремление «забыть об Италии», при всей энергии американских дипломатов, не имело особого успеха. В середине октября 1944 г. Хэлл потребовал от Гарримана уведомить русских о необходимости равенства в Контрольной комиссии — («Мы не считаем, что Советский Союз имеет некие особые права в Венгрии»). Но русская сторона отвергла эти притязания — вплоть до ограничения прав перемещения американцев по Венгрии. И в данном случае Москва в точности копировала итальянские ограничения, которые ей были представлены западными союзниками. Это ухудшило общую атмосферу в отношениях между союзниками. При этом американская дипломатия никоим образом не думала о предоставлении России особых (или равных) полномочий во Франции, Бельгии, Греции.

В Ялте государственный департамент потребовал, чтобы «после сдачи Германии, Соединенные Штаты хотели бы видеть Контрольные комиссии подлинно трехсторонними, когда все три великих союзника имели бы одинаковые права». Ни слова об Италии или о какой-либо другой западной стране — только о Румынии, Болгарии, Венгрии. На горизонте брезжит заря «холодной войны». Читатель, постарайся понять логику обеих сторон.

Сложнее обстояло дело в Югославии, где англичане прилагали все силы, чтобы оторвать Тито от русских, американцы так и не нашли своего фаворита (и впали в своего рода пассивность); партизаны Тито стремились избежать необратимой зависимости. Англичане были убеждены, что Тито прежде всего националист, а его коммунистические убеждения имеют второстепенную ценность. Черчилль так говорил членам палаты общин в феврале 1944 г.: «Коммунистический элемент лежал в начале, но по мере того, как движение разрасталось, идеологическая строгость уступила место и вперед вышла националистическая концепция». Черчилль ликовал от того, что Интеллидженс Сервис не обнаружила связей югославских партизан Советской армии. Маклин работал вместе с сыном Черчилля и он информировал британское руководство, что только 5 процентов армии Тито представляют собой коммунистов. Сам Тито, по его мнению, был популярным националистом, и его не возможно было сделать простой пешкой в руках Советов. Маклин настаивал на том, чтобы Тито получил помощь — тогда он точно устремится к независимости и не будет игрушкой в руках русских. В результате англичане весь 1944 г. осуществляли действенную помощь Тито, одновременно окзывая влияние на короля с целью ослабления Михайловича и его реакционного правительства. Король Павел фактически не имел выбора и отошел от Михайловича в мае 1944 г.

На все это без малейшего одобрения смотрели американцы. Они отдали здесь главенство англичанам и почти безучастно наблюдали за ослаблением Михайловича, который вначале был их фаворитом. Американская миссия держалась за Михайловича по простой причине: она не доверяла Тито. В этом сходились и американские дипломаты и разведчики — ОСС. Американцы не опасались короля и Михайловича, но опасались коммунистических привязанностей Тито. Это был относительно короткий период времени. Когда американцы сознательно отдали инициативу на Балканах англичанам и русским: «Как русские, так и англичане в отличие от нас имеют

интерес на Балканах и в средиземноморском бассейне, куда мы стараемся не подключаться». Примечательным было то, что и Михайлович и лондонское эмигрантское правительство повинуюсь собственным инстинктам, полагали, что Америка стоит на их стороне. А Мэрфи (возглавлявший от американцев все службы) поневоле соглашался с англичанином Маклином в том, что основная часть населения поддерживает Тито и у того навыки самостоятельности. Нужно только ему помочь. Но в госдепартаменте чаще чем в Форин оффисе рассматривали вариант, когда Тито обращается за поддержкой к Москве. Американцы постепенно становились жестче. Они стали в лицо говорить англичанам, что поддержка Тито — это их концепция, а не обще западная.

В июле 1944 г. государственный департамент стал настаивать на продолжении сбрасывании припасов отрядам Михайловича, способным сдержать вхождение Тито в Сербию. Американцы начали поддерживать чисто сербские отряды в пику движению Тито. Меморандум госдепартамента Хэллу: «Мы не поддерживаем планов поддержки Тито за счет сербов». Весной 1944 г. германское наступление прижало партизан Тито к морю, и он вынужден был скрываться под британской защитой на острове Вис. В своем ослабленном состоянии Тито был вынужден пойти навстречу англичанам и 7 июля создать совместное с эмигрантами правительство. Лондон ликовал, а Вашингтон был далек от торжеств: «Тито находится под полным контролем англичан». Американцы явно не желали господства англичан на южных Балканах. Именно поэтому они продолжали оказывать поддержку сербам Михайловича — вплоть до того момента, когда уже всем стало ясно, что Михайлович перестал быть козырной картой в югославской игре. В середине августа 1944 г. премьер Черчилль встретился с Тито в Неаполе с целью определить послевоенное соотношение сил и взаимные обязательства. Тито пообещал «не вводить коммунизм», но оставил Черчилля с новыми сомнениями относительно правильности его балканской политики. Макмиллан и Маклин убедили его не рвать с Тито и позволить тому идти своим независимым курсом. Сомнения Черчилля усилились еще более, когда он узнал, что Тито тайно летал в Москву. Тито не мог не навестить Москву — его отношения с Россией были в полном беспорядке, а ведь именно Красная армия приближалась к Белграду. Но и Москва не могла быть равнодушна к автору идеи Балканской федерации, которая для начала включала бы в себя Югославию, Албанию и Болгарию (возможно и присоединившуюся Македонию). Сталин едва ли хотел, чтобы Тито был своего рода распорядителем на Балканах. В Тегеране, когда Иден посоветовал русским послать своих представителей к Тито, Молотов ответил, что «возможно лучше было бы послать представителей к Михайловичу».

В середине 1944 г. Тито посылает в Москву своего соратника Милована Джиласа. Сталин просил югославов не напугать англичан на Балканах возможностью победы коммунизма. Он даже просил партизан Тито снять с пилоток красные звезды. Тито отправился в Москву, когда далее ждать было нельзя — Красная армия выходила к югославской границе. И встреча оказалась провалом, когда Сталин посоветовал Тито поддержать короля Петра. «Кровь бросилась мне в лицо», — вспоминает Тито. Сербская буржуазия слишком влиятельна. Крестьянский национализм Тито не был вовсе тем, за что его принимали американцы — за продолжение русского империализма. Это было значительное недоразумение. Вопреки всем сталинским советам Тито хотел немедленного утверждения своей власти — он был победителем, и у него были могучие союзники, которые, однако, вовсе его не контролировали. Он был самым воинственным и автономным коммунистическим лидером в Восточной Европе и совсем не хотел быть чьим-то сателлитом. И он хотел в 1944-1945 годах сотрудничать с Западом. Всего этого в Вашингтоне не понимали. Но это весьма отчетливо чувствовали в Кремле.

Итак, в Восточной Европе сложилась весьма непростая обстановка. На севере финны поняли, что Красная армия не будет штурмовать Хельсинки. На юге югославские коммунисты пошли своим курсом, и сказать, что Москва их контролировала было бы неверной оценкой ситуации. Румыния увидела свой вариант итальянской формулы. Бенеш и все чехи увидели, что Сталин не против сотрудничества с Западом, если тот не занимает крайние антирусские позиции. И если это укрепляет безопасность России. Но на Западе предпочли усомниться. Польша

поднимала всеобщую температуру и никто не знал «окончательным» ли является примирительный курс Сталина? Какой будет экономическая схема взаимодействия региона? И нужно помнить, что во всем регионе правящие круги терпели фиаско, образовывая колоссальный общественно-политико-экономический вакуум? Не попытается ли Россия его заполнить? В этой ситуации Черчилль попытался «вдвоем» со Сталиным решить проблему контроля над регионом.

Среди широких кругов англичан стали распространяться настроения, что худшее уже позади, что война преодолела водораздел между поражением и победой. Чувствуя требуемую от лидера обязанность указать «маяк впереди», Черчилль 25 марта 1944 г. — впервые после более чем годичного перерыва — начал готовить большую речь для радио. Черчилль постарался сказать лучшие слова о Сталине (хотя за скобками здесь уже накопилось много горючего материала): «Его власть позволила осуществить контроль над многомиллионными армиями на фронте в две тысячи миль, осуществить контроль и единство на Востоке, что оказалось благом для России и союзников». Но основная часть речи была посвящена будущему, послевоенным реформам в образовании, сельском хозяйстве, «энергичному оживлению здоровой деревенской жизни», обеспечению жильем, трудовой занятости. Думая о будущем, не следует расслабляться. «Час наших величайших усилий приближается, он потребует от нашего народа, от парламента, прессы, от всех классов тех же сильных нервов, той же самой упругости общественной ткани, которая позволила нам выстоять в те дни, когда мы в одиночестве ожидали блица... Мы можем стать объектом новых форм нападения. Британия выстоит. Она никогда не теряла уверенность в себе и не отступала. И когда будет дан знак, все содружество жаждущих мести наций обрушится на врага и прикончит жесточайшую тиранию, которая когда-либо вставала на пути человечества». Англичане ощущали выход на арену новых проблем обостренно. Предметом их раздумий все чаще становилась Восточная Европа.

В конце мая 1944 г. английский посол Галифакс выдвинул перед госсекретарем Хэллом предложение: англичане постараются договориться с русскими по поводу раздела сфер влияния на Балканах. Галифакс сообщал, что Лондону желательно обеспечить преобладание в Греции за счет предоставления СССР «свободы рук» там, где Запад все равно не имел рычагов влияния — в Румынии. Хэлл был против договоренностей, которые ставили под вопрос «универсальный» характер приложения американской мощи к послевоенному миру. Черчилль постарался смягчить «суровый реализм» предлагаемой англичанами сделки. Речь, мол, идет лишь о сугубо временном соглашении. Но Рузвельту, во-первых, не нравились сделки, в которых ему отводилась роль свидетеля, а, во-вторых (и это в данном случае главное), он не желал преждевременного дробления мира на зоны влияния. Экономическое и военное могущество Америки обещало гораздо большее. Рузвельт ответил Черчиллю, что понимает его мотивы, но боится, что «временный» раздел может превратиться на Балканах в «постоянный». Защищая свою позицию, Черчилль начал убеждать Рузвельта в том, что данная сделка безусловно выгодна Западу. Ведь западные союзники все равно никак не могут воздействовать на внутреннюю ситуацию в Румынии. Получить же Грецию как гарантированную зону своего влияния означало бы обеспечить себе надежный плацдарм на Балканах. С определенной «неохотой» Рузвельт написал Черчиллю, что такое соглашение можно было бы заключить, но лишь на трехмесячный срок, «давая при этом ясно понять, что речь не идет об установлении каких-либо послевоенных зон влияния».

Весной 1944 г. еще более отчетливо обозначились различия в английском и американском подходе к Югославии. Черчилль решил опереться на силы, находящиеся под командованием Тито. И он был буквально взбешен, узнав, что американцы именно в этот момент — в начале апреля 1944 г. начали помогать сопернику Тито — Михайловичу. 6 апреля Черчилль послал телеграмму Рузвельту, в которой говорилось, что действия американцев «повсюду на Балканах прямо противоположны действиям Британии». Это было тяжелое время для Черчилля, он не мог найти необходимый баланс в отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом. С американцами зрели противоречия на Балканах. СССР Черчилль косвенно ожесточил тем, что в месяцы, предшествовавшие высадке в Нормандии, заостренно поставил проблему лояльности

коммунистов и сочувствующих им, занимающих правительственные должности. Накануне высадки в Бретани отношения Черчилля и Сталина приобрели особую напряженность. 4 мая 1944 г. Черчилль записал: «Очевидно, что мы приближаемся к окончательному выяснению отношений с русскими, к выяснению сущности их коммунистических интриг в Италии, Югославии и Греции». Дело зашло так далеко, что премьер-министр предложил кабинету рассмотреть возможность отзыва британского посла из Москвы «для консультаций». Американцы в это время уже отзывали своего посла Гарримана. «Я не думаю, — писал Черчилль, — что русским понравится ситуация, когда в Москве не будет ни британского, ни американского посла». У него было немало оснований для пессимистических оценок будущего. В начале мая 1944 г. он делится своими страхами с Иденом: «Я боюсь, что в мире зарождается новая опасность. Русские опьянены победой и нет тех препятствий, нет тех пределов, до которых они не могли бы пойти. Правда, на этот раз мы и американцы будем хорошо вооружены». Со времени высадки в Нормандии (6 июня 1944 г.) начинается прискорбный для Черчилля процесс ослабления союзнической значимости Британии в коалиции. И стратегически и политически американское влияние на Западе становится преобладающим. Именно в это время Черчилль, подчиняясь чувству реализма, назвал себя «лейтенантом» Рузвельта. Заметим, что Черчилль охарактеризовал себя так будучи в пике формы, демонстрируя чудеса продуктивности, жизненной силы, неутомимости, быстроты решений, полностью владея военной и дипломатической машиной страны. В 1940 г. он был независимым лидером своей страны. К 1943 г. он был одним из трех равных, а после 1944 г. — младшим партнером в коалиции. 13 сентября 1944 г. на первом пленарном заседании «Октагона» (так он назвал вторую конференцию в Квебеке) Черчилль поставил вопрос о «сдерживании» СССР в Европе в практическую плоскость. Он указал Рузвельту на «опасное распространение русского влияния» на Балканах. Обстоятельства капитуляции Румынии и Болгарии делали постановку этого вопроса безотлагательной. Следовало усилить давление на немцев в Италии, выйти к Триесту и Фиуме с дальним прицелом в Вену. Рузвельт с пониманием слушал Черчилля. Принимая австрийского эрцгерцога Отто, он сказал: «Нашей главной задачей становится не допустить коммунистов в Венгрию и Австрию». Рузвельт одобрил план Черчилля дислоцировать английские войска в Греции. Официальная стенограмма конференции зафиксировала его аргументы в пользу того, чтобы «достичь Вены как можно быстрее и самым легким путем. Если это окажется невозможным, нам все же следует укрепиться в Истрии и мы должны оккупировать Триест и Фиуме. Движение правого фланга союзнических войск в Европе могло бы хотя бы в некоторой мере блокировать расширение зоны влияния русских на Балканах». Рузвельт подписал инструкцию, предписывающую генералу Г. Вильсону, в случае неожиданного краха Германии, оккупировать четыремя дивизиями Австрию. Рузвельт и Черчилль не скрывали, что их действия несут политическую нагрузку. В Лондон Черчилль направляет телеграмму, что с радостью воспринял реакцию американцев, которые, как оказалось, также готовы начать движение в направлении Вены, если война будет продолжаться достаточно долго. «Я испытал облегчение, встретив со стороны американцев понимание наших идей». Думая о будущем взаимоотношений с Советским Союзом на этапе, когда стало ясно, что Советская Армия выигрывает войну,

Черчилль почти что колебался между надеждой и отчаянием. Периодически его речи звучали весьма оптимистически. Так, выступая перед палатой общин 24 мая 1944 г., он сказал:

«Глубокие перемены произошли в Советской России. Троцкистская форма коммунизма полностью выметена из страны. Победа русских армий приведет к гигантскому укреплению мощи русского государства и несомненному расширению его кругозора. Религиозная сторона русской жизни теперь переживает удивительное возрождение».

Согласие Молотова на предоставление Франции западной сфере влияния, конечное американо-английское согласие на «итальянскую формулу» в Румынии, растущее американское

влияние на Дальнем Востоке, фактическое образование западноевропейского блока создавало новую международную обстановку. Не следовало упускать «вожжи истории» — и Черчилль был самым быстрым среди тех, кто видел мировые перемены. Более всего с весны 1944 г. его мучило укрепление левых сил в Греции и Италии. Что будет с Балканами, и, главное, какие силы заполнят вакуум в Германии? Черчилль делится самыми сокровенными мыслями с врачом Мораном. В мае 1944 г. английское руководство обсуждало проблемы взаимоотношений с СССР в беседах с новым советским послом в Лондоне Ф. Т. Гусевым. Впервые вопрос был поставлен *quid pro quo*: согласится ли Россия не посягать на британские интересы в Греции, если Британия признает зоной предпочтительных интересов Румынию? Русский ответ последовал 18 мая и он был положительным. Гусев спросил только Идена, достигнута ли у англичан договоренность по этому поводу с американцами? Для англичан это был непростой вопрос. Тем не менее британская дипломатия должна была смотреть реальности в глаза — Советская армия выходила на Балканы. 8 июня Лондон помянул в своих дискуссиях Болгарию и Югославию. Британцы не могли согласиться с «отсутствующей» дипломатией Вашингтона. Британский посол в Вашингтоне лорд Галифакс, рискуя многим, позволил себе напомнить государственному секретарю Хэллу, что «мы следуем за руководящей линией Соединенных Штатов в Южной Америке так далеко, насколько это только возможно». Он желает остановить большевизм. Он желает проделать эксперимент. Рузвельт ответил Черчиллю согласием только тогда, когда тот обозначил свой эксперимент строгими временными рамками — три л Черчиллю согласием только тогда, когда тот обозначил свой эксперимент строгими временными рамками — три месяца.

Со своей стороны посол Громыко 1 июля 1944 г. запросил мнение государственного секретаря Хэлла по поводу советско-британской предполагаемой договоренности. 15 июля Хэлл ответил, что США готовы поддержать «временное» соглашение такого рода. Советские дипломаты дали понять, что без одобрения США подобные соглашения не имеют реальной силы. Но Черчилль верил в свою звезду и летом 1944 г. был очень активен в выработке всевозможных схем, главной целью которых вывести из-под объективного русского влияния максимум возможного. Речь шла о союзах вокруг Польши, Балканской конфедерации, Дунайской конфедерации. В Тегеране Сталин сказал, что приветствует любые схемы, кроме тех, целью которых является замкнуть Советский Союз подальше от основных мировых дорог. *Cordon sanitaire* был для СССР неприемлем.

В августе 1944 г. Сталин настаивал на создании Европейской политико-военной комиссии для выработки единой союзнической политики. Советский посол в Лондоне И. Майский долго беседовал с Иденом на эту тему: «Возможно создание сфер влияния, сфер сотрудничества. Если Запад исключит Россию из средиземноморских и французских дел, то России ничего не останется, как вести себя подобным же образом на Востоке Европы».

Стремясь увидеть Сталина и решить с ним вопросы, касающиеся Восточной Европы, Черчилль посчитал необходимым сделать публичными самые лестные оценки советских военных усилий. Сталин «отверг авантюризм Троцкого в 1920-е годы, когда Россия была слаба; он безжалостно дисциплинировал крестьянство и рабочих чтобы сделать Россию сильной; он ликвидировал своих военных вождей; у него не было иллюзий относительно ценности британских обещаний после напущенных обязательств открыть второй фронт, он полагался лишь на собственные ресурсы. Британия имела престиж, она имела уважаемого лидера, но Сталин знал, что Британия больше не правит судьбами капиталистического мира и у него не было иллюзий относительно отношения Черчилля к большевизму. Любое соглашение, которое исключало Соединенные Штаты мало чего стоило».

Делая 28 сентября 1944 г. в палате общин оценку сложившейся ситуации на фронтах, он сказал, что британские и американские союзники «никогда не должны забывать о неизмеримых услугах, которые Россия оказала в общем деле. Выстояв в течение долгих лет страданий, она сумела выбить жизнь из германского военного монстра». Россия, — добавил Черчилль, — «сдерживала и уничтожила большую часть противостоящих нам сил, чем все те, кто сражается с немцами на Западе. И она за эти долгие годы заплатила огромную цену. Именно на нее упала

основная тяжесть борьбы в наземных сражениях. Будущее мира и, конечно же, будущее Европы зависит от сердечности, доверия и понимания ассоциации народов Британской империи, Соединенных Штатов и Советской России».

По ряду причин (Суэц, Средиземноморье, Италия и Франция, Мадагаскар и Пиренеи, проливы и Турция, Балканы) Лондон был исключительно заинтересован в господстве в Греции. Эти проблемы нужно было решать, и Черчилль с Иденом буквально загнали Сталина в угол: с недельным предупреждением они прибыли в советскую столицу. Впервые столь очевидно разгневанный Рузвельт сообщает (после продолжительных обсуждений с Гопкинсом) Сталину, что все политические и военные вопросы, которые англичане собираются обсуждать с Кремлем, представляют прямой интерес для Белого дома; только личное согласие Рузвельта способно привязать США к тем или иным решениям. Посол Гарриман будет присутствовать на всех обсуждениях, но он не полномочен высказываться за США.

Подчеркнув свое понимание растущего значения России, Черчилль вылетел в Москву. 9 октября 1944 г. он разместился на даче Молотова, которая находилась примерно в 45 минутах езды от центра города. Вечером Черчилль направился на автомобиле в Кремль на встречу со Сталиным. Во время этой первой встречи, в десять часов вечера 9 октября 1944 г. Черчилль пообещал, что «будет поддерживать установление такой границы с Польшей, которая зафиксирована в Тегеране... Эта граница необходима для безопасности и будущего России, что бы там ни говорили лондонские поляки». Это решение уже поддержано британским военным кабинетом. Как пишет Г. Колко, Черчилль был благодарен русским «чьи колоссальные человеческие жертвы — одни лишь они — сделали возможным возвращение Британии в Европу».

Желая получить компенсацию, Черчилль обратился к Сталину со словами, что «Британия должна быть ведущей средиземноморской державой», и он надеется, что «маршал Сталин позволит ему иметь решающее право при определении положения Греции. Подобным же образом маршал Сталин будет иметь решающее слово в отношении Румынии. Лучше было бы объяснить стратегические пожелания великих держав дипломатическими терминами и „не использовать фразы „разделение сфер влияния“, так как американцы могут быть шокированы. Но до тех пор, пока он и маршал Сталин понимают друг друга, можно будет объяснить всю ситуацию американскому президенту“.

Сталин ответил, что Рузвельт, по-видимому, потребует «слишком многого для Соединенных Штатов, оставляя слишком мало для Советского Союза и Великобритании, которые, в конце концов, имеют договор о взаимопомощи». Согласно собственным записям Черчилля об этом моменте переговоров со Сталиным, он поставил вопрос так: «Давайте решим наши проблемы на Балканах. Ваша армия находится в Румынии и Болгарии, у нас в этих странах имеются интересы, миссии и агенты. Давайте не сталкиваться в мелких вопросах».

Момент (пишет Черчилль) «представился удобным для дела и я сказал, „Давайте решим наши проблемы на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас здесь есть свои интересы, миссии и агенты. Предотвратим столкновения по незначительным вопросам. Там, где дело касается Британии и России, как бы вы отнеслись к тому, чтобы иметь девяностопроцентное преобладание в Румынии, позволив в то же время нам иметь девяностопроцентное превосходство в Греции, а в Югославии пусть соотношение будет пятьдесят на пятьдесят“.

Черчилль взял лист бумаги и написал на нем следующее:

«Румыния — Россия — 90%, другие страны — 10%;

Болгария — Россия — 75%, другие страны — 25%;

Югославия — 50-50; Греция — Великобритания — 90%, другие страны — 10%»; Венгрия — 50 — 50 %; Болгария — Россия — 75 %, другие — 25 %.

Сталин изучил написанную Черчиллем страницу, кивнул, поставил синим карандашом галочку, и возвратил калькуляцию автору.

Как вспоминал Черчилль, в душе у него пронесся вихрь сомнений. Он даже думал, не

обратить ли все в шутку. «Последовала долгая тишина. Исписанная карандашом бумага лежала в центре стола. Наконец я спросил Сталина, „может быть, он считает циничным, что мы так легко обращаемся с судьбах миллионов людей? Давайте сожжем эту бумагу“. „Нет, возьмите ее себе“, сказал Сталин. С точки зрения Сталина, для англичан это было серьезное решение, „ведь Средиземное море еще не было в их руках“.

Черчилль не упоминает в мемуарах о том, что, когда на следующий день Черчилль прислал текст этих переговоров, советские чиновники тщательно вымарали всяческие упоминания о процентах. Но Сталин, как вспоминает Гарриман, был предельно сердечным и обходительным. Он самым мягким образом воспринимал то, что говорил ему Черчилль: «Если мы правильно решим эти проблемы, мы, возможно, предотвратим несколько гражданских войн». Вчерашнее соглашение поможет остановить социальное движение влево. У Англии есть определенные обстоятельства перед монархиями Греции и Югославии. «Помимо институционального вопроса в этих странах существует идеологическое противоречие между тоталитарной формой правления и той формой, которую мы называем свободным представительством, контролируем свободными выборами. Мы очень рады тому, что вы высказались против попыток изменений существующей системы этих балканских стран посредством силы либо коммунистической пропаганды».

Сталин действительно должен был быть в добром расположении духа, чтобы согласиться с черчиллевскими характеристиками предвоенных клерикальных и пронацистских диктатур демократиями, основанными на всеобщем избирательном праве.

В качестве компенсации Черчилль заявил, что «англичане не намерены преграждать Советской России доступ к тепловодным портам. Мы больше не следуем политике Дизраэли или лорда Керзона. Мы не собираемся останавливать русских». Сталин сравнил интерес России в черноморских проливах с заинтересованностью Британии в Суэце и Гибралтаре, с интересом США в Панаме. «Россия находится в уязвимом положении». Черчилль еще раз подчеркнул, что, по его мнению, у России «справедливые и моральные претензии». Сталин попросил Черчилля запомнить их беседу, придет время и СССР поднимет эту международную проблему. (В Ялте и Черчилль и Рузвельт согласились с тем, что конвенция в Монтре, регулирующая статус проливов, должна быть пересмотрена в пользу СССР. В Потсдаме все три великие страны подтвердили эту свою позицию. Но когда СССР потребовал выполнения этого союзнического решения, и Англия и США не сдержали своего слова).

Русские старались показать, что они предпочитают практическую арифметику. Начальник штаба Черчилля генерал Исмей пишет, что «в Москве мы были приняты еще более тепло, чем во время визита Идена в прошлом году». Никогда не обедавший в иностранных посольствах Сталин посетил обед в британском посольстве, поехал вместе с Черчиллем в Большой театр и в промозглый дождливый день приехал в аэропорт провожать английскую делегацию. Исмей: «Я не буду утверждать, что лучше понимаю русский характер, чем в начале войны, но я полагаю, что, если мы и американцы не завоюем и сохраним их дружбы, останется не так много надежд на сохранение мира в мире». Черчилль заверил Сталина, что он может объяснить состоявшуюся договоренность Рузвельту.

Рузвельт, вполне очевидно, ревниво отнесся к встрече Черчилля со Сталиным в октябре 1944 г. Он попросил премьера позволить послу Гарриману присутствовать на всех важнейших беседах. Но обстановка предвыборной борьбы в США диктовала осторожность, и Рузвельт запретил Гарриману подписывать какой бы то ни было документ, каким бы общим он ни был. Чарльз Болен предсказывал, что результатами советско-британской договоренности могут быть «первоклассная британско-советская ссора из-за европейских проблем или... раздел Европы на сферы влияния на базе силовой политики». И то и другое, предупреждал Болен, «было бы большим несчастьем».

Уже тогда становилось ясно, что президент ждал окончания предвыборной стихии, когда трое глав великих держав смогут встретиться с глазу на глаз. Пока же он телеграфировал Сталину: «Идет глобальная война, и нет буквально ни одного военного или политического

вопроса, в котором Соединенные Штаты не были бы заинтересованы... Моим твердым убеждением является то, что решение до сих пор незакрытых вопросов может быть найдено только нами тремя вместе». Это придавало визиту Черчилля в Москву характер предварительной «разведки боем». Еще более важно следующее. Рузвельт начинал воспринимать Британию как младшего партнера в Великой коалиции. И он не хотел (как сказал Гопкинс Галифаксу), «оказаться вытолкнутым на заднее место».

В начале 1945 г. посол Галифакс пишет Черчиллю: «Беда с этими ребятами (американцами. — А.У.) заключается в том, что они являются жертвами ярлыков: „Силовая политика“, „Сферы влияния“, „Баланс сил“ и др. Как будто когда-то существовало соглашение под названием „Доктрина Монро!“ Они действительно переплюнули всех, когда осуществили покупку Луизианы!»

Старый западноевропейский центр

Постаравшись обезопасить подходы к Суэцкому каналу, Черчилль принялся за укрепление связей с потрясенными войной западноевропейскими метрополиями. Он и Антони Иден прибыли во французскую столицу 10 ноября. Исход войны уже не вызывал сомнений. В головах политиков она уже окончилась. Предстояло послевоенное переустройство мира. И две старейшие колониальные державы ощутили общность судеб.

«На этот раз, — с удовлетворением отмечал де Голль, — речь шла о деловых вопросах, а не о чувствах». Рассматривалась возможность франко-британского сотрудничества в урегулировании мировых проблем. Де Голль обратился к Черчиллю: «Вы видите, Франция поднимается. Но какой бы ни была моя вера в нее, я знаю, что она не сразу возвратит свою прежнюю мощь. Вы, англичане, оканчиваете эту войну в ореоле славы. Однако, как бы это ни было несправедливым, ваше положение рискует ухудшиться из-за ваших жертв и затрат, из-за центробежных сил, существующих в Содружестве Наций и, прежде всего, из-за возвышения Америки и России, а в будущем и Китая! Итак, обе наши страны встречают новый мир ослабленными. И на кого сможет рассчитывать каждая из наших стран, действуя в одиночку? Если же, напротив, они придут к согласию и вместе встретят трудности завтрашнего дня, их вес будет достаточным, чтобы не допустить ничего такого, с чем они не согласны. Общая воля — вот что должно лежать в основании союза, который мы вам предлагаем». Ответ Черчилля: «Сегодня я предлагаю вам заключить с нами принципиальный союз. Но в политике, так же как и в стратегии, лучше идти за сильнейшими, чем против них... Американцы обладают неисчерпаемыми ресурсами. Но они не всегда ими пользуются сознательно. Я, естественно, старался использовать их в интересах моей страны. Я установил тесные личные отношения с президентом Рузвельтом. Я старался направить события в желаемом направлении». Таким образом, Черчилль в принципе согласен на союз, но с оговоркой: Британия должна считаться в американской мощью. Последним обстоятельством — желанием сохранить особые отношения с Соединенными Штатами объясняется многое в британской политике и в военные и послевоенные годы. Но в ноябре 1944 г. фактом стало образование тайного фронта старых колониальных держав.

Рузвельт в эту пору (последние месяцы 1944 г.) видел опасность открытого блокирования с дискредитированными в Европе правыми силами. Когда Черчилль проинформировал итальянского премьера Бономи о неприемлемости введения в кабинет графа Сфорцы (ставшего одним из символов антифашистской борьбы для буржуазных либералов), президент Рузвельт дал указание своему послу в Италии Вайнанту выразить сожаление по поводу действий англичан. Черчилль возмутился, всеобщность претензий американцев начала его раздражать. Он заявил, по существу, что американцы слишком много на себя берут, что именно англичанам «вручено командование в Средиземноморье», подобно тому, как американцы владеют командованием во Франции.

Дипломатическая стратегия президента Рузвельта не предполагала деления мира на зоны

особой ответственности отдельных великих держав. Рузвельт хотел держать эти зоны открытыми, он верил, что сработают экономические факторы. Прежний «реальполитик», классическую дипломатию нескольких суверенных центров, окруженных зоной особого влияния, он считал устаревшей системой. Более того, он считал, что попытки восстановления таких зон по существу «загоняют» США в их Западное полушарие, а вот на это Рузвельт не был согласен. Потому-то госдепартамент получил распоряжение пойти на резкий антианглийский шаг: опубликовать обзор деятельности английской дипломатии в итальянском вопросе. Открылись своекорыстные дипломатические махинации Лондона. Британский премьер пришел в ярость. Никогда — ни до, ни после — переписка двух величайших буржуазных дипломатов своей эпохи не отличалась такой враждебностью.

Буквально выходя из себя, Черчилль, со всей силой своего красноречия, напомнил Рузвельту о его заигрывании с Дарланом, о всех одиозных случаях беспринципного оппортунизма и «священного эгоизма». Риторика, однако, уже мало действовала на ветерана американской политической арены. Слова должны были отразить реальное, а не мифическое соотношение сил. Рузвельт, отдыхая в Уорм-Спрингсе, с железной настойчивостью напомнил Черчиллю, что он никогда не соглашался на предоставление целых регионов под исключительную опеку Лондона. В данном конкретном случае особенно. Итальянский премьер-министр получил письмо Рузвельта, в котором говорилось о том, что Италия является «зоной совместной англо-американской ответственности», и что американская сторона не допустит односторонних действий своего партнера. В сходной же манере Рузвельт не поддержал на этом этапе односторонних действий англичан в соседней Греции.

Черчилль был готов удовлетвориться положением меньшего партнера, но он буквально приходил в бешенство, когда «некоторые недалекие американцы» пытались отучить его от проклятия века — геополитики. Особенно острым стал для Черчилля этот вопрос в начале 1945 г., когда американская пресса морализировала по поводу английской политики в Греции. «Что такое силовая политика? — вопрошал английский премьер своих американских критиков. — Является ли обладание военно-морским флотом вдвое большим любого другого в мире силовой политикой? Является ли обладание величайшими военно-воздушными силами в мире, с базами во всех концах земли силовой политикой?» А лорд Галифакс заметил об американцах, что «беда с этими людьми в том, что они в такой большой степени являются жертвами ярлыков типа силовая политика, сферы влияния, баланс сил и т.д. Как будто когда-либо было заключено такое международное соглашение как „доктрина Монро“».

Со своей стороны, когда американские газеты опубликовали текст приказа Черчилля расстреливать в случае необходимости «коммунистических мятежников» (именно те силы, которые, прежде всего, освободили Грецию и были лучшими борцами против германских оккупантов), Рузвельт был обязан убедить общественность, что это было сделано без согласия американского правительства. Через несколько дней Рузвельт пишет Черчиллю послание, выражающее полное неодобрение действий англичан в Греции. В письме содержалась недвусмысленная угроза: «Попытка поступить таким образом даст вам только временные преимущества, но в конечном счете нанесет ущерб основам наших взаимоотношений». Склонность Черчилля решать возникающие проблемы обращением к оружию вызывала у Рузвельта чувство, что, если СССР и Китай начнут решать свои внешние проблемы подобным образом, то США. При всей их мощи, могут оказаться изолированными.

ГЛАВА ПЯТАЯ ПОЛЬША

Польша была в центре того развития, которое породило холодную войну. И причины были не исторические, не общая горькая память о 1612, 1772, 1796, 1830, 1863, 1920-1921 гг. Главное для Сталина было то, как поляки видели свое будущее.

Первая особенность стратегического видения зарубежных поляков заключалась в том, что они — следуя линии Йозефа Пилсудского — верили в возможность превращения Польши в великую державу, которая остановит движение в Европу России и одновременно сдержит с востока Германию. (Невероятная самоуверенность, буквально погребенная в 1939 г.). Этот революционер-социалист стал просто олицетворением польского посягательства на место в мире, которого ни демография, ни материальные или военные способности Польши фактически не позволяли.

Если нет собственного потенциала, следует воспользоваться чужим. Польша демонстрировала это качество во всем объеме. До 1934 г. она ориентировалась на Францию, а потом (1934) заключила — первой — договор с нацистской Германией, значительно осложняя расклад сил в Европе, Варшава бросилась на беззащитную после Мюнхена Чехословакию и отняла у нее Тешинскую область. Поражение 1939 г. лондонские поляки старались «забыть», ведь появляется фантастическая возможность: Германия и Россия обескровливают друг друга. Если в этой ситуации сориентироваться на растущую Америку, то у уничтоженной Польши возникает новый шанс.

Лондонские поляки

Лондонское правительство премьер-министра Сикорского достаточно отчетливо — к концу 1942 г. — понимало, что на востоке встает исполин исключительной силы, и в одиночку антироссийское правительство в Варшаве не будет балансиром. Требовалось привлечение внешних сил. Лондонские поляки начали обдумывать возможности создания некоей «федерации», «блока», «союза» государств, стоящих на западной границе будущего Советского Союза. Важным для Сикорского и его людей было согласие на участие в этом блоке Турции — Анкара дала такое согласие в конце 1942 г. Но для поляков важнее всего было заручиться поддержкой Соединенных Штатов. Сикорский начинал рисовать президенту Рузвельту новую Польшу в качестве старого «cordon sanitaire» уже в марте 1941 г. Но Америка была еще вне основных военных процессов, и Рузвельт промолчал.

Во второй раз Сикорский объяснял потенциальную роль Польши Рузвельту в марте 1943 г. Рузвельт был обычной своей дипломатической форме — улыбочивый, не говорящий ни да, ни нет. Но важно то, что американский президент никак не благословил мелкое блокостроительство в Восточной Европе

В январе 1943 г., в час Сталинграда, когда с востока забрезжило, польский премьер-министр Сикорский вылетел в Соединенные Штаты. Он рисует первому заместителю государственного секретаря Самнеру Уэллесу картину видимой им послевоенной Восточной Европы. «Польша будет якорем на севере, а Турция будет якорем на юге». Сикорский говорит на языке, которым тогда в Антигитлеровской коалиции еще не пользовались: «Конфедерация будет служить валом на пути русского империализма».

Несколько позже, в том же марте 1943 г. польский посол в США Ян Цехановский вручил государственному департаменту специальный документ, содержащий своеобразный анализ «противоречивости русской ментальности». Сталин (говорилось в документе), руководствуется «крестьянской логикой». Только твердость западных держав способна остановить русских в их завышенных пограничных требованиях. Неудачным для поляков было то, что они, в своем самомнении, позволили утечку информации, и теперь в Москве знали, как советских руководителей представляют американцам.

Официальный орган лондонского правительства писал в марте 1943 г. (Россия напряглась перед Орловско-Курской дугой): «Война еще не окончена. В соотношении сил еще произойдут большие перемены... Последнее слово будет не за Россией... Важную роль в определении карты этой части Европы будет играть Польша и ее англосаксонские союзники... Обратите внимание на заявление, сделанное генералом Сикорским после его возвращения из Вашингтона, где он скоординировал принципы нашей внешней политики со взглядами президента Рузвельта».

Безответственная болтовня поляков возмутила министра иностранных дел Идена. Указания на англосаксонское превосходство заставили его предупредить американцев и попросить их утихомирить поляков «которые должны нести часть ответственности за нынешнее состояние своих отношений с русскими».

К октябрю 1943 г. поляки уже категорически требовали от американского и британского правительств гарантии целостности польской предвоенной территории. «Чтобы гарантировать это, американо-британские войска ... должны быть размещены на территории Польши для предотвращения польско-советских трений».

Сикорский постоянно встречался с представителями малых восточноевропейских стран (прежде всего, балканских). Официально все звучало как создание «антигерманского» кордона, но прикрытием антисоветской дипломатии это было слабым. Лондонские поляки были очень недовольны подписанием в декабре 1943 г. советско-чехословацкого договора — ведь Праге поляки отводили очень важное место в своих геополитических схемах. В Кремле очень интересовались проектами лондонского правительства поляков и спрашивали об их планировании у самых близких им западных союзников — англичан. Но министр иностранных дел Иден жаловался на то, что «русские уже все знают».

Поляки оказывали давление самого разного рода. Они постоянно говорили об опасности русского империализма, они сознательно не объясняли, как они будут использовать огромную партизанскую Армию Крайову. Много раз задававшиеся на протяжении 1943 г. вопросы относительно АК не находили ответа. Лондонское правительство поляков полагало, что таким образом оно увеличивает значимость своих вооруженных сил. Но в ведущих западных столицах крепло мнение, что только с очевидной санкции Москвы генерал Сикорский сможет использовать сотни тысяч своих партизан. А лондонские поляки подходили к проблеме с другой стороны: Армия Крайова может выступить против немцев «чтобы предвосхитить вхождение русских». Это были рискованные обещания. Руководство АК убеждало в том, что ее силы позволяют ей рассчитывать на всеобщее восстание в момент вхождения на территорию Польши Советской армии. В марте 1943 г. лидеры АК даже намекают, что возможно не избежать и столкновения с советскими войсками, разъединяя отступающих немцев и наступающих русских. Иден и Хэлл были предупреждены относительно возможной «необходимости отчаянной самообороны» против России.

В США жили 6 млн. поляков и обычно они голосовали за демократов. Когда 4 июля 1943 г. генерал Сикорский погиб в авиакатастрофе, то наследовавший ему в качестве премьер-министра Станислав Миколайчик прямо заявил госсекретарю Хэллу для передачи президенту Рузвельту, отправлявшемуся для встречи со Сталиным в Тегеран: «Решения, принятые без полной консультации с польским правительством, на которое надеется все польское подполье, приведет к серьезному кризису... Это будет иметь отклик среди американцев польского происхождения».

Катынь обострила советско-польские отношения. 13 апреля 1943 г. германское радио сообщило о жертвах Катыни. В советско-польских отношениях назрел невиданный скандал. Поведение обеих сторон стало уязвимым. Послушаем Г. Колко: «Учитывая обостренный характер польско-советских отношений, поляки были полностью осведомлены, что их предложение передать дело Международному красному кресту вызовет окончательный разрыв отношений с русскими. Сикорский лично в частном порядке признался Гарриману 1 мая 1943 г., что поляки сделали грубую ошибку. Ошибкой было рассчитывать на симпатизирующий полякам отклик англо-американской дипломатии, русский ответ можно было предсказать. В текущий момент войны, учитывая недовольство русских задержкой с открытием второго фронта, грубый непрофессионализм лондонских поляков привел англо-американских дипломатов в ужас. Они отчаянно и безнадежно пытались уменьшить ущерб в последующие месяцы развития польско-советских отношений, продолжающих ухудшаться. Оказавшиеся сторонниками особого типа дипломатии, поляки продемонстрировали грубость и вызвали всеобщее отчуждение».

Миллионы поляков погибли в нацистских концлагерях — и не было особых откликов лондонских поляков. И о них говорили много меньше, чем о трагических жертвах того

взаимоозверения, которое характерно для польско-российских отношений в XX в. В Варшавском гетто погибли во время восстания 50 тысяч евреев, а лондонское правительство было более чем сдержанным. В Катыни в результате жестокой расправы НКВД погибли несколько тысяч польских офицеров, но, как пишет Бур-Комаровский, это были «элита польской нации», то есть родственники и друзья лондонских эмигрантов. Это не служит извинением, но все же добавим, что Катынь была уникальным случаем и не имела ничего похожего в других местах Восточной Европы. В то время как немцы уничтожали невиданное число своих жертв. Отметим также, что гораздо большее (чем численность катынских жертв) число поляков, вооруженных Советским Союзом и отправленным через Каспий — по их желанию — на британский Ближний Восток.

«Второй фронт» открыт

Черчилль пишет Сталину 6-го июня 1944 г.: «Все началось хорошо. Мины, препятствия и наземные барьеры в основном преодолены. Высадка воздушного десанта была очень успешной... Высадка пехоты происходит быстро... Погода предсказывается умеренная». Сталин отвечает: «Летнее наступление советских войск, о начале которого достигнуто соглашение на Тегеранской конференции, начнется в середине июня на одном из важнейших секторов фронта. Общее наступление будет развиваться по стадиям с последовательным вовлечением армий в наступательные действия. Между концом июня и началом июля операции превратятся в общее наступление советских войск. Я буду держать вас в курсе событий».

Немногочисленные московские рестораны были полны, первый тост — «За второй фронт!» «Правда» поместила портрет генерала Эйзенхауэра и его краткую биографию. Теперь Германия начинала ощущать свое проклятье Первой мировой войны — боевые действия на двух фронтах. Только тогда Россия не выдержала и пришла в Брест. На этот раз она вынесла на своих могучих плечах всю страшную тяжесть войны трех неповторимых лет между июнем 1941 и июнем 1944 годов. Возникающий Западный фронт Эйзенхауэра знал, что далеко, на европейском Востоке его поддерживает лучшая армия мира, взявшая на себя львиную долю общего бремени. На Восточном фронте немцы держали 228 дивизий, а на западном — 58 дивизий, из которых лишь пятнадцать дивизий оказались в непосредственной близости от мест высадки в Нормандии.

С таким могучим союзником следовало ладить. Двадцатого января 1944 г. Черчилль на встрече с лидерами поляков в Лондоне посоветовал им «принять „линию Керзона“ за основу для дискуссий», поскольку им обещаны немецкие территории на западе — вплоть до Одера. Черчилль выступал в непривычной роли адвоката Советского Союза. Потребности обеспечения безопасности СССР от еще одного сокрушительного германского наступления, объяснял Черчилль, а также «огромные жертвы и достижения русских армий» в процессе освобождения Польши, дают русским право на пересмотр польских границ.

И американская сторона проявила деликатность. 17 июня 1944 г. президент Рузвельт лично написал Сталину (как некое извинение), что визит премьер-министра эмиграционного правительства Миколайчика «никоим образом не связан с какими-либо попытками с моей стороны вмешаться в спор между польским и советским правительствами. Я должен уверить вас, что не создается никаких планов или предложений, затрагивающих польско-советские отношения». Написано это было десять дней спустя после высадки в Нормандии, где уже полторы сотни тысяч солдат закрепляли плацдарм и более всего нуждались в летнем наступлении Советской Армии.

Но уже в июне Рузвельт встретился с премьером правительства лондонских поляков С. Миколайчиком. Президент сознательно дал в честь Миколайчика «государственный обед», подчеркивая его легитимные права и американскую поддержку. Неизбежно обсуждалась проблема будущих границ Польши. ФДР находился как бы между двух огней. При всей демонстрации близости к «польскому лобби» в США, Рузвельт пока не хотел жестко привязывать себя к вопросу, который был политическим динамитом для всей антигитлеровской коалиции. Он сказал Миколайчику, что провел утро, изучая карты Польши. Это было сложным

делом, так как на протяжении последних трех столетий Польша включала в себя значительную часть России, а также части Германии и Чехословакии. Сложно, повторил президент, определить подлинную карту Польши.

Советские войска в июле 1944 г. вышли к советско-польской границе на широком пространстве. Это ставило проблему Польши на первый план военной дипломатии. Понимая, что в ближайшее время именно Советской Армии придется освобождать Польшу, Рузвельт постарался достичь компромисса со своим главным союзником еще на ранней стадии. Он обратился к Сталину с просьбой принять Миколайчика в Москве, но не получил отклика. Советское руководство определило польский лондонский комитет как «эфемерный» и объявило о своем намерении признать ту польскую организацию, которая начала укрепляться на собственно польской территории — Польский комитет национального освобождения. Сталин соглашался принять Миколайчика, если тот обратится к нему через посредство указанного комитета. Проблема Восточной Европы встала отныне в ряд наиболее существенных для союзнической дипломатии.

3 августа премьер Миколайчик встретился в Кремле со Сталиным и попросил «помочь нашим частям, сражающимся в Варшаве» (началось Варшавское восстание), на что получил ответ: «Я отдам необходимые приказы». При этом Сталин не скрыл своего скептицизма: «Мне сказали, что польское правительство приказало этим частям (Армия Крайова. — А.У.) вышвырнуть немцев из Варшавы. Как же они могут сделать это; их силы недостаточны для выполнения этой задачи. Фактически эти люди не сражаются с немцами, они прячутся в лесах, неспособные ни на что другое». Миколайчик опять требовал Львова и Вильнюса, даже в этих суровых условиях он не считал возможным принять решение, которые позже одобрили даже западные союзники. Лондонским полякам даже в этой ситуации удобнее было предъявлять претензии, непропорциональные здравому смыслу. Сталин представил договоренность о «линии Керзона» как «исторический документ, хорошо известный каждому; нет смысла спорить по его поводу, ведь не мы его создали, и в то время никто не спрашивал нашего мнения».

Что же касается варшавского восстания, то 5-го августа, в присутствии генерала Зимерского, представлявшего лондонское правительство поляков, Сталин отдал приказ генералу Рокоссовскому подготовить фланговые удары с севера и юга с целью освобождения Варшавы. Для поляка — маршала Рокоссовского восстание в Варшаве это был шок. «Эта новость привела нас в состояние огромной обеспокоенности». Фронтальная разведка пыталась определить масштабы событий в Варшаве. Английский историк Эриксон говорит, что «взятие Варшавы требовало полномасштабной наступательной операции в то время, когда армии правого фланга Рокоссовского, находящиеся почти на пределе своих физических возможностей, починаясь (ранее отданным. — А.У.) приказам Ставки выйти к реке Нарев, двигались в противоположном от Варшавы направлении, а левый фланг находился в чрезвычайно ослабленном состоянии — его линии снабжения отстали на 480 километров». По мысли Рокоссовского, видевшего дым над Варшавой, единственным способом помочь восставшим — это ускорить приход со стороны Беловежской Пуши 65-й армии Батова и 70-й армии Романенко.

Восставшие просили западных союзников выбросить в район восстания польскую парашютную бригаду, но те в этой просьбе отказали. Несколько раз Черчилль посылал самолеты с боеприпасами из Южной Италии, но, в общем и целом, такая помощь оказалась неэффективной. Немцы педантично уничтожали Варшаву, улица за улицей. К концу августа генерал Бур-Комаровский признает, что опорные пункты города находятся в германских руках, и что Варшава стала городом-призраком. Сталин 22 августа отказался сотрудничать с лондонским польским правительством, склонным, по его мнению, к авантюрам.

25 августа Черчилль просит Сталина и не находит ответа. Тогда он обращается к Рузвельту с предложением послать к Варшаве самолеты, имея в виду их последующую посадку на территории, контролируемой Советской армией. «Я не могу себе представить, что они (русские) их задержат». Но Рузвельт не был готов к подобным односторонним действиям. Именно в это время шли переговоры о будущей помощи СССР на Дальнем Востоке. «Я не считаю

соответствующими интересам ведения данной войны, имея в виду ее долговременную перспективу, присоединиться к предлагаемому вами посланию Дядюшке Джо.». Западные союзники не продемонстрировали единства.

А тем временем не связанный с Лондоном Польский Национальный совет 18 августа 1944 г. провозгласил Люблин временной столицей Польши.

В Москве раздраженный Сталин слушал Жукова и Рокоссовского, предлагающих дать 1-му Белорусскому фронту время на отдых, а затем ударить в юго-западном направлении — между Варшавой и Модлином. Сталин попросил двадцать минут на размышления. Он не был уверен в предложенном направлении, но потребовал наступать. Варшава продолжала дымиться перед советскими войсками.

Экономика

На Западе столкнулись две линии. Американцы хотели быстрее взять под свой контроль германский силовой центр, англичане стремились прежде обеспечить позиции в Восточной Европе. Рузвельт немало энергии потратил на отстаивание идеи высадки в Южной Франции (обещание Советскому Союзу в Тегеране) против желания Черчилля проникнуть в Центральную Европу через северную Югославию. Упорство президента и постоянно растущая мощь Америки возобладали. Рузвельт испытывал чувство удовлетворения от того, что уже в сентябре южный и северный десанты англо-американцев во Франции сомкнулись.

Как пишет американский историк Г. Колко, «если отбросить риторику, удобные ссылки на необходимость „открытых дверей“ в международной экономике означали американское экономическое превосходство, часто монопольный контроль над многими из критически важных сырьевых материалов, на владении которыми основывается современная промышленная мощь... Соперничество между Соединенными Штатами и Британией из-за нефти и по поводу послевоенных мировых экономических структур ускорило неизбежное ослабление Британии во время войны и создало вакуум в мировой мощи, который американцы быстро и с удовлетворением заполняли на Ближнем Востоке и в Латинской Америке. Новая роль не была ни спонтанной, ни случайной, она была принята с энергией и желанием, что англичане восприняли как американский эквивалент тех самых сфер влияния и блоков, в создании которых Вашингтон обвинял Англию. Уничтожение британской мощи в огромных районах мира, вхождение в эти районы Америки несло с собой огромную политическую и глобальную ответственность, что неизбежно для тех, кто желает завладеть доходами в мировых масштабах, и это новое бремя было в такой же степени побочным продуктом американского стремления к мировой экономической экспансии, в какой оно было ответом на подъем левых сил повсюду и, в меньшей степени, на рост русской мощи... Именно этот круг экономических и политических целей, избранных Соединенными Штатами в конце второй мировой войны, противопоставил их Советскому Союзу, подъему левых сил и Британии как партнеру-сопернику по защите мирового капитализма».

Организация экономической помощи (УНРРА) получила от конгресса большие фонды для инвестиций в пораженные войной страны. Изучались возможности создания международной гражданской авиации, которой открыты были бы все небеса. Формировалась консолидированная система управления мировыми финансами, международное валютное агентство. В министерстве финансов был разработан проект создания фонда экономической стабилизации Объединенных наций на основе глобальной либерализации торговли, пересмотра валютной системы, построенной на универсальности доллара. Вызрела идея основания Банка реконструкции и развития с колоссальными финансовыми возможностями. Решающий шаг был сделан в Бреттон-Вудсе (штат Нью-Хемпшир) в июле 1944 г. Американцам нужно было открыть мировые рынки для свободного торгового обмена — именно тогда индустрия и сельское хозяйство США получили бы возможность глобального воздействия. Приветствуя конференцию, Рузвельт писал: «Торговля является жизненно важным кровообращением свободного общества. Мы должны

следить за тем, чтобы артерии, по которым идет этот кровоток, не были закупорены снова».

Победа на английском фронте давала Вашингтону все шансы экономического доминирования в глобальном масштабе. Полученная от США помощь по ленд-лизу (33 миллиарда долларов) уже был показателем слабости Англии, а в дальнейшем она просила новых займов. Давая очередные 3,8 млрд. долл., американцы добились от англичан обещания демонтировать имперские торговые барьеры. На конференции в Бреттон-Вудсе был создан Международный валютный фонд и Мировой банк. Мировой банк владел активами в 7,6 миллиарда долларов и правом предоставлять займы на вдвое большую сумму. Международный валютный фонд (МВФ) владел 7,3 миллиарда долларов, предназначенных для стабилизации основных мировых валют, для расширения мировой торговли. Финансист Б. Барух сказал в начале 1945 г.: «Если мы сможем прекратить субсидирование рабочей силы (что предполагала прежняя — „закрытая“ система отдельных торговых блоков. — А.У.) и жестокое соперничество на экспортных рынках... мы будем иметь самый долгий период процветания».

США как самый крупный вкладчик будут иметь в Мировом банке и в МВФ треть распорядительных голосов. Оба этих международных агентства возглавили американцы. Все валютные операции обоих ведомств осуществлялись в национальной валюте США. Оба международных агентства должны были разместиться в Вашингтоне. Одним из каналов воздействия увилась непосредственная материальная помощь жертвам войны.

Оценить Россию: Польша

Из Вашингтона поступил запрос к послу Гарриману с просьбой дать оценку мировой стратегии СССР. Гарриман в тщательно обдуманном ответе сообщил своему президенту следующее. Сталин следует одновременно по двум курсам — дружественность к Западу и недоверие к нему. Эта страна отчаянно нуждается в мире. Нет сомнения, что Москва хотела бы продолжения тесных союзных отношений с Америкой и после войны. Но испытания военных лет сделали русских подозрительными. Они осознают свои слабости. Они уже заглянули в бездну национального краха. И поэтому, если встанет вопрос об обеспечении их безопасности, они готовы приложить любые усилия, они готовы на все. Гарриман указывал, что прежний опыт диктует советскому руководству необходимость идти на любые меры, если они увеличивают безопасность страны. Практически это означало, что СССР способен на односторонние действия. Никакой авторитет международной организации не может иметь преобладающего влияния там, где речь идет о выживании. Видимо, этим будет руководствоваться Москва в отношениях с странами-соседями. Конкретный совет посла сводился к тому, что к политике русских нужно отнестись с пониманием и в то же время «твердо противостоять им там, где они неправы».

В более мрачном настроении Черчилль говорил о «грядущих реках крови».

В польском вопросе советскую сторону более всего беспокоила будущая граница между новой Польшей и Советским Союзом. Сталин поднял вопрос о международном признании по т.н. «линии Керзона» уже в декабре 1941 г., во время визита Антони Идена в Москву. Как оказалось, англичан больше беспокоили не требования Кремля, а невероятная по неистребимой гордыне позиция лондонских поляков. По крайней мере, это было мнение Черчилля и Идена; с их точки зрения — это было лучшее, на что могла рассчитывать Польша после окончания войны.

Перед тем как отбыть на совещание министров иностранных дел в Москве, министр иностранных дел Иден в октябре 1943 г. призвал к себе премьера лондонского правительства Миколайчика. Иден был серьезен. Чем прохладнее и жестче польское правительство будет вести себя в контактах с советским правительством, тем сильнее станет желание последнего навязать в Польше свою волю — Миколайчик словно этого не понимал. Польский премьер предоставил меморандум: лондонское правительство готово заново установить дипломатические отношения с Россией при том условии, что СССР не поднимет вопроса о границе, а «правительства США и Британии выразят Польше свою поддержку». Поляки были не только против «даже временной

оккупации польской территории Красной армией, но и против оккупации части любой другой восточноевропейской или южноевропейской страны». Сильные слова для потерпевшей сокрушительное поражение страны, полностью оккупированной немцами и способной быть освобожденной только Красной армией. Получалось так, что лондонские поляки предпочитали германскую оккупацию советскому освобождению. При всем желании такую позицию Запад одобрить (в условиях, когда судьба войны зависела преимущественно от Красной армии) не мог.

Наиболее ожесточенное выяснение польско-британских отношений произошло в Москве в октябре 1944 г. Важным эпизодом пребывания Черчилля в Москве была встреча между Сталиным и главой лондонского правительства поляков Миколайчиком. Оба представителя великих держав стояли за «линию Керзона». Это обеспечило ожесточение в частных беседах Черчилля с Миколайчиком.

Миколайчик. Я не настолько лишен патриотических чувств, чтобы отдать половину Польши.

Черчилль. Что вы имеете в виду, говоря о патриотических чувствах? Двадцать пять лет назад мы восстановили Польшу, хотя в первой мировой войне больше поляков воевало против нас, чем за нас. Теперь мы снова предотвращаем ваше падения в историческое небытие, но вы, как оказалось, не согласны играть в одной команде с нами. Вы — сумасшедшие люди.

Миколайчик. Это решение ничего не меняет.

Черчилль. Если вы не признаете данную границу, вы выйдете из политики навсегда. Русские пройдут через границу и ликвидируют ваших людей. Вы на грани исчезновения.

Иден. Если вы согласитесь с «линией Керзона», вы сможете договориться с русскими обо всем. И вы получите гарантию от нас.

Черчилль. Польша получит гарантию трех великих держав...

Миколайчик. Мы потеряем все.

Черчилль. Вы потеряете Припятские болота и пять миллионов человек. Украинцы — не поляки... Вы не правительство, если не можете принять такое решение. Вы — жестокие люди, желающие взорвать Европу. Оставляю вас со своими собственными проблемами. У вас нет чувства ответственности. Вы не думаете о будущем Европы, у вас в голове только ваши жалкие интересы. Видимо, Люблинское правительство может работать лучше. Оно станет настоящим правительством. Ваше неисправимое «либерум вето» мешает всем. Это трусость с вашей стороны... Если вы хотите завоевать Россию, мы предоставляем вам эту возможность. Я чувствую себя как в сумасшедшем доме. Не уверен, что британское правительство будет продолжать признавать вас». Американский посол Гарриман тоже посоветовал Миколайчику найти подход к люблинскому правительству.

31 декабря 1944 г. Люблинский комитет объявил себя польским правительством. Это произошло на фоне нового формирования в Лондоне жестко антирусского кабинета Арцишевского. 4 января 1945 г. Москва признала Люблинский комитет в качестве Временного правительства Польши. А ответ Арцишевский угрожал началом военных действий против России. Армия Крайова приготовилась к партизанской войне в тылу Красной армии. В то же время западные державы не признавали люблинское правительство. Тень «холодной войны» пала на земли, служившие главной дорогой между Россией и Западом.

Китай

Американцам никогда не нравился китайский национализм. В 1911 г. они поддерживали тиранический режим Юань Шикая против более националистически настроенного гоминдана во главе с Сунь Ятсеном. Но неудержимая японская экспансия помирила Вашингтон с гоминданом, который возглавил в середине 1920-х годов Чан Кайши — слабый и прозападный.

Китай с 1931 г. сражался с японцами, устремившимися на континент. В китайскую армию были мобилизованы примерно три миллиона крестьянских парней. Они с трудом воспринимали современную войну и, в отличие от коммунистических дивизий Мао Цзэдуна, они в своей борьбе

не были мотивированы. Дважды в год по селам пробегал ураган — очередная мобилизация, от которой можно было откупиться. Ну а чем был китайский коммунизм? Смесью национализма и крестьянского радикализма. Под контролем коммунистов к концу войны находились примерно пятая часть китайского населения.

Относительно связей китайского коммунизма с русским можно сказать, что они ослабли после пика соперничества Сталина с Троцким. В ходе этой борьбы Сталин советовал китайским товарищам сотрудничать с гоминданом, что в конечном счете привело к кровавой ликвидации городских партийных организаций коммунистов гоминдановцами. После 1938 г. основной линией коммунистического движения стал весьма отчетливый национализм. России китайские коммунисты не боялись — Москва была завязана на европейском театре и не демонстрировала намерений усилиться в Китае.

Что же касается русских коммунистов, то они слабого Китая не боялись, но Китая, становящегося плацдармом японских авантюр, прояпонского Китая — в Москве боялись чрезвычайно. В Москве опасались, что коммунистическая партия Китая нажимом с севера ослабит центральное правительство Чан Кайши, и тем самым косвенно окажет услугу наступающим японцам. Москва приостановила помощь Мао Цзэду. В последние два месяца 1939 г. оружие, поступающее через Рангун центральному китайскому правительству, было русского производства и происхождения. СССР оказал Чан Кайши очень значительную помощь. Москва предоставила центральному китайскому правительству оружия на весьма большую сумму — 250 млн. долл. Часть российских займов, возможно, пошла на борьбу Чан Кайши с Мао Цзэдуном, но Россию интересовало сдерживание японского наступления. Летом 1940 г. советский посол в Вашингтоне говорит, что «наши отношения с Китаем очень хороши, очень дружественны».

Кем был Чан Кайши? Из лидера страны он превратился в главу клики, склонной обогащаться даже за счет общественного благополучия. Череда американских послов при Чан Кайши видела его недостатки, но она видела и желание лидера самой населенной страны мира найти модус вивенди с западными демократическими державами. Американцев всегда подкупала мысль, что они стоят на пороге потенциально самого большого рынка в мире. И все же коррумпированность этого режима, его абсолютная продажность сбивала с толку самых больших поклонников Поднебесной.

Кроме президента Рузвельта. Одной из особенностей стратегического видения Рузвельта была вера в боевой потенциал чанкайшистского Китая. Президент спрашивал Черчилля, какой будет мощь пятисот миллионов китайцев, если они достигнут уровня развития Японии и получат доступ к современному оружию? Черчилль в мощь Китая верил гораздо меньше. Но Рузвельт хотел превращения китайского фронта — далекого и труднодоступного — в один из главных фронтов войны. Уже в декабре 1941 г. Рузвельт обещает Чан Кайши значительную помощь.

На конференции «Аркадия» американский президент убедил Черчилля сделать Чан Кайши верховным главнокомандующим союзных сил в Китае, Таиланде и Индокитае, создать связи между штабом Чан Кайши и союзными штабами в Индии и юго-западной части Тихого океана. Президент Рузвельт назначил американского генерала Дж. Стилуэла командующим американскими войсками в Китае, Индии и Бирме, а также начальником штаба при Чан Кайши. Здесь виден дальний прицел: опираться в Азии на Китай, сковать динамизм Японии, создать противовес СССР в Евразии. Уезжающему в Китай Стилуэлу Рузвельт сказал: «Передайте Чан Кайши, что мы намерены возратить Китаю все потерянные им территории». В начале 1942 г. китайцы в Чунцине получили заем в 50 миллионов долларов. Рузвельт принял решение о создании воздушного моста, ведущего к практически окруженному союзнику.

Летом 1942 г. президент Рузвельт много думал об исторической перспективе. Наиболее доверенное лицо президента — Гарри Гопкинс писал в июне 1942 г.: «Мы попросту не можем организовать мир вдвоем с англичанами, не включая русских как полноправных партнеров. Если ситуация позволит, я бы включил в это число и китайцев». Это основа стратегического замысла Рузвельта. В мире будущего не обойтись без СССР, эта страна будет играть слишком большую

роль, чтобы игнорировать ее на мировой арене. Меньшее, чем на равный статус, русские не согласятся. Важно сделать так, чтобы США имели достаточное сдерживающее СССР и позволяющее преобладать в мире влияние. Его можно достичь за счет двух факторов: поддержки клонящейся к дезинтеграции Британской империи и опоры в Азии на Китай как на противовес Советскому Союзу.

Осенью 1943 г. китайский посол Сун в Москве стремился получить официальные советские заверения в том, что Россия не переключится на идейно более близких коммунистов. В ноябре Сун говорит американскому послу Гарриману, что русские желают видеть сильный Китай под руководством либерализовавшего свой режим Чан Кайши, где коммунисты получают возможность для легальной деятельности. Посетивший в это время Сталина Дэвис говорит, что советское руководство не желало изменять статус кво на Дальнем Востоке и не посягало на изменение границ. В 1943-1945 гг. советская пресса практически игнорировала существование китайских коммунистов. Отношения между Москвой и Чунчином были весьма приличными. Чан видел хрупкость своей политической системы и желал получить помощь как с западной, так и с русской стороны..

Следует отметить, что главный американский военный представитель Ведемейер ненавидел эту погрязшую в коррупции систему. Чан Кайши не казался ему национальным героем. Он не понимал, почему президент Рузвельт всячески опекает этого китайского лидера.

Вашингтон в конечном счете пришел к выводу, что без помощи Китай не сможет отринуть японцев. Американское руководство приложило все возможные силы, чтобы подтолкнуть Россию к войне на Дальнем Востоке. Желаемое сбылось 30 октября 1943 г., когда Сталин, во время встречи с Корделом Хэллом (и по своей собственной инициативе) попросил информировать президента Рузвельта о том, что после победы над Германией. В ответ Сталин «не попросил ничего». Сталин повторил свое обещание в Тегеране. Наиболее позитивно реагировал штаб американской армии и Объединенный комитет начальников штабов, убежденные, что один лишь американский флот не сможет освободить Китай от японцев. В феврале 1944 г. Гарриман с неприсущей ему прямолинейностью спросил у Сталина, когда можно ожидать выступления на Дальнем Востоке Советской армии? Но Сталин уклончиво ответил, что его войска еще недостаточно сильны на Дальнем Востоке; преждевременное наступление может лишить смысла всю операцию. Весной 1944 г. желание как можно скорее увидеть Советскую армию на антияпонском фронте выразил премьер Черчилль и военный министр правительства Чан Кайши Хо Ингчин.

В марте 1944 г. Чан Кайши признался Рузвельту, что единственное, на что он способен — это попытаться удержать линию обороны от японского наступления. «и попытаться „приготовить Китай к тому дню — возможно он не так и далек — когда союзные наземные и морские силы помогут консолидировать антияпонский оплот на континенте“. Желание избежать боевых действий против японцев на огромных китайских равнинах стало едва ли не главным желанием американских генералов на этом театре военных действий. Потому-то американцы и предпочитали скорее сражаться остров за островом на Тихом океане, чем на далеком китайском фронте. Здесь, на материке японцев могла сокрушить только Красная армия. В этом и заключалась причина постоянного стремления американцев втянуть Россию в войну против Японии.

В начале июня 1944 г. Гарриман обсуждал проблему Китая со Сталиным и Молотовым. Русская сторона жаловалась на то, что Чан не сражается с японскими армиями, а направляет острие своих действий против китайских коммунистов. Сталин: «Китайские коммунисты — не настоящие коммунисты, они маргариновые коммунисты». Но они настоящие патриоты. Прибывшему в Москву Хэрли (август 1944 г.) Молотов сказал, что Россия не вмешивается во внутренние дела Китая. Хэрли пишет, что Молотов был «прямым и откровенным».

К середине 1944 г. в США утвердилась уверенность в том, что грядущее сулит Соединенным Штатам полное доминирование в бассейне Тихого океана. Даже дипломаты не скрывали своих эмоций. Дальневосточный отдел госдепартамента США стал подчеркивать, что

США «имеют на Тихом океане более протяженную линию побережья, чем кто бы то ни было. Американская торговля со странами региона и внутри Тихого океана больше, чем у какой-либо другой державы. У США более широко разветвленные культурные интересы на Тихом океане, чем у любой другой державы». Столичная «Вашингтон таймс геральд» заметила: «Мы можем восстановить части британской, голландской, французской и португальской империй на наших собственных условиях». Вице-президент США Г.Уоллес заявил, что Америка «вступает в эру Тихого океана».

21 июля 1944 г. американская морская пехота высадилась на Гуаме. В отчаянной двадцатидневной битве, когда наступающей стороной стали американцы, погибли более двух тысяч их солдат и 18 с половиной тысяч японцев. Следующей океанской целью был остров Тиниан. Впервые американские солдаты увидели сцены массового самоубийства японцев. С высоты несколько десятков метров японцы бросались в море, сидящие в пещерах убивали друг друга гранатами.

Объединенный комитет начальников штабов считал, что война против Японии продлится от двенадцати до восемнадцати месяцев после поражения Германии. От лица Объединенного комитета начальников штабов генерал Маршалл в августе 1944 г. подчеркнул «неисчислимую важность для Соединенных Штатов вступления России в войну против Японии» ввиду того «Китай обладает слишком малой военной силой», а Англия, занятая, прежде всего, в Европе, не может собрать на Дальнем Востоке достаточных сил». Как бы поощряя Россию, Маршалл сказал, что «крушение Японии сделает Россию доминирующей военной силой в континентальной Северо-Восточной Азии».

Черчилль осенью 1944 г. стал требовать от советского руководства точной даты вступления в войну против Японии. Но американские военные — обычно чрезвычайно консервативная группа — стали предупреждать об излишнем давлении на СССР. Американские генералы более всего хотели предотвратить возвращение основных японских армий из Китая и Кореи назад на японские острова, где они встретили бы американцев. Уже одним фактом своего присутствия дивизии Красной армии сдерживали возвращение японцев на архипелаг. Даже ничего не делая, русские спасали американскую кровь. Но, конечно же. «мы желаем как можно раннего вступления России в наступательные действия».

Американцы настолько хотели заручиться военной помощи России, что фактически давали ей карт-бланш в Европе. Вот что говорит военный министр Генри Стимсон: «Желателен был бы глобальный *quid pro quo*. За помощь Америке и признание ее позиций на Дальнем Востоке Соединенным Штатам следует признать принцип „буферной зоны“ в Восточной Европе». Американцы решительно не хотели воевать в Китае. Читатель, запомни этот призыв.

При этом американцы боялись чрезвычайного усиления России в Китае. Чтобы избежать этого, они предприняли попытку наладить сепаратные отношения с Мао Цзэдуном, с китайскими коммунистами, противостоявшими режиму Чан Кайши на севере Китая. Политический советник генерала Стилуэла — Джон Дэвис уже в июне 1943 г. предлагал послать в коммунистический район Китая американскую военную миссию. Дэвис повторил свое предложение в начале 1944 г. — пока сами коммунисты благожелательно смотрят на сближение с американцами. Иначе они полностью уйдут к русским. Но Чан Кайши категорически отказал президенту Рузвельту, когда тот предложил распространить ленд-лиз на коммунистический север. В результате американцы только весной 1944 г. приступили к реализации плана распространения американского влияния на китайский север. Государственный департамент: «Отдавать Китай русским нельзя». Под большим американским давлением, считая американские деньги, Чан Кайши согласился на американский визит в Янань, пещерную столицу коммунистического Севера.

Прием представлявшего госдепартамент Джона Сервиса в Янани в конце августа 1944 г. был максимально сердечным. Состоялось знаменитое интервью Сервиса с Мао Цзэдуном. Лидер китайских коммунистов выразил желание всеми возможными способами избежать гражданской войны, но только Соединенные Штаты могут заставить Чан Кайши остановить движение к гражданской войне. Гражданская война «не неизбежна, но возможна». Только американцы могут

освободить Китай от японцев. Армия Мао Цзэдуна может оказать существенную помощь. Такой ход событий ослабит значимость русской помощи — в ходе войны и потом. Мао Цзэдун приветствовал американские инвестиции. «И мы не можем позволить себе риск ссориться с вами».

Но американское руководство определенно скептически отнеслось к интервью Сервиса, как к излишне восторженному. Все же американское руководство плотно связало свою судьбу с Чан Кайши. Для официального Вашингтона Мао Цзэдун не был альтернативой многолетнему главе гоминдана. Чан Кайши понимал это и использовал эти обстоятельства. В конце августа 1944 г. Чан Кайши пишет государственному секретарю Хэллу: «Китай (мы) должен получить всю поддержку и симпатию правительства Соединенных Штатов по вопросам отношения к китайским коммунистам... Требование принять требования коммунистов равнозначно требованию безоговорочной капитуляции Китая той части политического спектра, которая находится под иностранным влиянием (Советского Союза)». Чан Кайши сумел сделать так, что американскому руководству нужно было делать жесткий выбор между известным ему (и зависимым) Чан Кайши и относительно малоизвестной величиной — лидером компартии Китая, о чьих связях с Россией было достаточно хорошо известно.

Чрезвычайно скептически относились к китайской политике Вашингтона англичане. Там признавали, что Китай — американская зона влияния, но не разделяли веры в подъем Чан Кайши. Черчилль писал Идену в августе 1944 г.: «То, что Китай может стать одной из четырех мировых сил — абсолютный фарс... Я сказал президенту, что обещаю быть в меру вежливым с этим американским наваждением, но я не согласен принимать участия в столь сомнительном деле».

Стратегия в Азии

Как уже говорилось, вечером 27 октября 1943 г. во время обеда Сталин сказал государственному секретарю Хэллу, что Россия «вступит в войну и сокрушит противника на Дальнем Востоке после поражения Германии». В своих мемуарах Хэлл фиксирует свой восторг. На финальном банкете сидящий рядом с госсекретарем Сталин сказал, что Россия после войны не собирается прятаться в скорлупу изоляции, что вызвало полное одобрение Хэлла.

Глава гоминдана постарался поднять ставки. Во время встречи в Каире в ноябре 1943 г. Чан Кайши пообещал Рузвельту «поддерживать американские желания относительно тихоокеанских баз и предложил ему несколько баз на континенте. Они обсуждали судьбу Кореи, Индокитая, Таиланда; Рузвельт пообещал Чунцину экономическую помощь после окончания войны. Соединенные Штаты при таком раскладе сил после войны становились самой мощной силой на Дальнем Востоке; Китай при этом становился главным помощником и клиентом Америки.

Начиная с июня 1944 г. госсекретарь Хэлл начинает настаивать на том, чтобы предоставить Китаю место постоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных наций. Госсекретарь Хэлл пишет по этому поводу следующее: «Я сам полагаю, что у Китая пятьдесят на пятьдесят шансов занять место великой державы. Но если оттолкнуть его сейчас, то не останется ни одного шанса, а китайское правительство может просто раствориться. В этом случае реалистично было бы предположить, что Советы смогут взять на себя ответственность за всю складывающуюся ситуацию». Чан Кайши очень хорошо знал, что его могущество покоится на этом страхе. Цинизм Чан Кайши и его окружения впечатляет до сих пор. Верхушка гоминдана наживалась на американских деньгах даже тогда, когда исторически Китай устремлялся в тупик. Но в Чунцине знали, что американское руководство твердо верит, что с уничтоженной Японией, ослабленным Советским Союзом и полностью зависимым Китаем Америка превратит Тихий океан в свое озеро.

Все жалобы генерала Стилуэла на коррупцию в Чунцине разбивались об эту футурологию, об это видение столь благоприятного для США будущего. В определенном смысле это была большая азартная игра, и Вашингтон был уверен, что не потерпит в ней поражения. Личная неприязнь не должна быть преградой: в конце октября 1944 г. в Чунцин главным проводником

курса Рузвельта прибыл генерал Ведемейер. Его задачей было — опираясь на чанкайшистский Китай добиться американского доминирования в Азии, улучшить личные отношения с Чан Кайши. Но военная разведка уже намекала ему, что успешное продвижение японцев, возможно, согласовано с китайским лидером.

Идея привлечь китайских коммунистов к боевым действиям против японцев не утратила своей привлекательности. В начале ноября 1944 г. генерал Херли вылетел в Янань, к китайским коммунистам. Итогом дружественных встреч стала программа из пяти пунктов: объединение военных усилий коалиция политических партий в масштабах всего огромного Китая. Ликование американцев продолжалось только до тех пор, пока они не начали показывать договоренность деятелям гоминдановского режима. Посол в США Сунг назвал документ программой захвата коммунистами власти в стране. Чан Кайши и вовсе отказался всерьез рассматривать союз с коммунистами. Пусть они сдадутся на его милость.

В конце 1944 г. Чан Кайши решил сблизиться со Сталиным и запросил о возможности визита в Москву. Американцы сразу же забеспокоились, и 15 декабря посол Гарриман запросил Сталина о русских целях на Дальнем Востоке. Сталин упомянул уже то, что обсуждалось в Тегеране: южная часть Сахалина, Курильские острова (со всем этим Рузвельт согласился в Тегеране). Сталин хотел бы также получить в аренду Китайско-Восточную железную дорогу; он хотел бы также китайского признания русского влияния над Внешней Монголией и аренду над Порт-Артуром и Дальним. Гарриман заметил, что на последнее Рузвельт своего согласия не давал. Сталин ответил, что окончательное обсуждение этих вопросов еще предстоит. Все вышесказанное фактически означало для американцев, что Сталин предвидел в будущем относительно слабый Китай — значит он ориентировался на Чан Кайши. Вашингтон в этом отношении был удовлетворен. «русские хотят иметь дружественный Китай». Сталин ни разу не упомянул о китайских коммунистах. Это подвигло Хэрли убеждать Чан Кайши, что Сталин не считает китайских коммунистов вообще коммунистами. В изображении Хэрли русская политика в Китае выглядела так:

- Россия не поддерживает коммунистической партии Китая;
- Россия стремится предотвратить гражданскую войну в Китае;
- Россия желает сближения с Китаем.

Было очевидно, что Чан Кайши нуждается в Советском Союзе. Как минимум, по двум причинам. В 1944 г. стало ясно, что американцы не собираются наносить по Японии удар с китайской стороны — ослабить японское давление могла лишь Советская армия; хорошие отношения с Москвой (полагал Чан Кайши) гарантировали его режим от коммунистической оппозиции.

ГЛАВА ШЕСТАЯ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Американское планирование

Президент Рузвельт был известен тем, что решал проблемы по мере их поступления; избыточное теоретизирование не было его особенностью. Цели США во второй мировой войне публично были выражены лишь единожды — во время встречи с Черчиллем в августе 1941 г. в бухте Арджентия: самоопределение, свободная торговля, отказ от территориальных приращений, свобода морей, разоружение, «свобода от страха и нужды». Рузвельт говорил конгрессу в январе 1943 г., что его целью является «достойный и продолжительный мир». Примерно было ясно, что США не уйдут в кокон изоляционизма.

Как пишет американский историк Г. Колко, «если отбросить риторику, удобные ссылки на необходимость „открытых дверей“ в международной экономике означали американское экономическое превосходство, часто монопольный контроль над многими из критически важных

сырьевых материалов, на владении которыми основывается современная промышленная мощь... Соперничество между Соединенными Штатами и Британией из-за нефти и по поводу послевоенных мировых экономических структур ускорило неизбежное ослабление Британии во время войны и создало вакуум в мировой мощи, который американцы быстро и с удовлетворением заполняли на Ближнем Востоке и в Латинской Америке. Новая роль не была ни спонтанной, ни случайной, она была принята с энергией и желанием, что англичане восприняли как американский эквивалент тех самых сфер влияния и блоков, в создании которых Вашингтон обвинял Англию. Уничтожение британской мощи в огромных районах мира, вхождение в эти районы Америки несло с собой огромную политическую и глобальную ответственность, что неизбежно для тех, кто желает завладеть доходами в мировых масштабах, и это новое бремя было в такой же степени побочным продуктом американского стремления к мировой экономической экспансии, в какой оно было ответом на подъем левых сил повсюду и, в меньшей степени, на рост русской мощи... Именно этот круг экономических и политических целей, избранных Соединенными Штатами в конце второй мировой войны, противопоставил их Советскому Союзу, подъему левых сил и Британии как партнеру-сопернику по защите мирового капитализма».

Первый этап внутреннего планирования приходится на 1941 — 1943 г. Более ясными становятся экономические цели, менее ясны пока военно-политические ориентиры. Самая важная характерная особенность: американцы не предвидели социального подъема, революций и т.п. в Европе и Азии. Они полагали, что ситуация в общем и целом контролируется ими и не следует впадать в паранойю. Крушение «старого порядка» виделось им поступью прогресса, а не сейсмической катастрофой перестройки мира. За планирование отвечал государственный департамент, его идеологи играли роль прорицателей. Во главе этой интеллектуальной подготовки к регламентации послевоенного мира стоял государственный секретарь Корделл Хэлл.

Нередко его изображают как малую величину при великом президенте, это не так. Рузвельт в это сумасшедшее, бурное время нуждался в советах из многих мест; он умел манипулировать людьми. Ему нужны были люди с идеями. Хэлл сумел превратить весьма склонный к апатии государственный департамент в живой планирующий организм державы, восходящей на вершину глобального могущества. При нем начались постоянные дискуссии, выделялись талантливые аналитики, обретали простор оригинальные генерализаторы.

Тогда еще не было ЦРУ, а военное ведомство не являлось стабильной огромной силой, каковой оно является сейчас. Опыт и знания встречались с оригинальностью мысли только среди повидавших мир опытных дипломатов. Осенью 1944 г. Хэлл «освобождается» от конкурента — близкого к президенту Самнера Уэллеса. Теперь именно Хэлл становится главным «практикующим» стратегом американской внешней политики. Хэлл вышел из великой школы Вудро Вильсона, первым увидевшего шанс для Соединенных Штатов определить условия мирового развития. Задачей номер один была мировая свобода торговли. Вот что Хэлл пишет об этом в мемуарах: «К 1916 году я обрел философию, которой руководствовался все двенадцать лет пребывания на посту государственного секретаря... С тех пор ничем не ограниченная торговля несла с собой мир; высокие тарифы, торговые барьеры и нечестная экономическая конкуренция несут с собой войну. Разумеется, здесь задействовано еще много факторов, но если мы освободим торговлю от дискриминации и искусственных препятствий, делающих государства смертельно завистливыми по отношению друг к другу, жизненные условия будут улучшаться и гасить источники, порождающие войну — только тогда мы получим шанс на продолжительный мир».

Раскол мира на торговые блоки вызвал вторую мировую войну. Следует создать гарантии от повтора. Нацизм он воспринимал как германское желание овладеть сырьевыми материалами. Послевоенный мир будет построен «на программе торговых соглашений как краеугольный камень строительства либерального мира». В мае 1941 г. Хэлл огласил «несколько простых принципов» американской политики, которые Соединенные Штаты не отставляли все 1940-е

годы: «Миром должны править недискриминационные коммерческие отношения... Доступ к сырьевым запасам должен быть открыт всем нациям без исключения... Международная финансовая система должна быть реформирована таким образом, чтобы доступ к капиталу был открыт для всех стран, чтобы торговля объединяла страны». Следующие четыре года были временем конкретной разработки этих принципов.

Рационально построенная мировая экономика — вот единственная панацея от мировых бед. Публично Корделл Хэлл изложил свою внешнеполитическую в июле 1942 г. Один за другим госсекретарь Хэлл, влиятельный вице-президент Генри Уоллес, военный министр Генри Стимсон, ближайший советник президента Гарри Гопкинс и сам президент Франклин Рузвельт стали на эту платформу ликвидации экономических барьеров и всемирных организаций. Будущее требует американского лидерства в мировой экономике, «все противоположное сводится к экономическому национализму». (Даже союзники — Англия и др. — видели в последнем опасность американской гегемонии).

Корделл Хэлл работал упорно и неутомимо. К своему уходу из государственного департамента в ноябре 1944 г. он уже проложил основополагающие рельсы послевоенного устройства мира. Модель уже существовало, ее следовало только наполнять содержанием. Сменивший его на посту государственного секретаря Эдвард Стетпинниус был президентом «Ю.С. Стил», вице-президентом «Дженерал Моторз», сыном партнера Дж. П. Моргана — и идеи многолетнего мирного могущества США на основе доступа американской экономики ко всем мировым рынкам — были ему более чем близки. Идеи Организации Объединенных наций были ему хорошо знакомы и он, улыбочивый и моложавый мультимиллионер, разделял их всем сердцем.

Всю эту плеяду более всего страшила мировая депрессия, которая омрачила их мир, начиная с 1929 г., и вызвала к жизни японский милитаризм и германский фашизм. Сделать все, чтобы мир не делился заново на торговые блоки — вот задача Хэлла, Стетпинниуса и Бирнса, возглавивших американскую дипломатию на крутом историческом повороте. Эта группа опиралась на фактический консенсус в Вашингтоне: объединить мир одним рынком. Сделать войну нерациональной. Позволить американскому могуществу проявить себя на всех рынках мира.

Одним из наиболее влиятельных сенаторов в Капитолии этого времени был сенатор Артур Ванденберг — главный оратор республиканской партии по вопросам внешней политики. В его штате жило много поляков и финнов, что частично объясняет его хорошо всем известное отношение к России. Его «коньком» была политика СССР в Восточной Европе. Ванденберг был известным сторонником могучих военно-морских и военно-воздушных сил США в послевоенном мире. Именно ему госсекретарь Хэлл одному из первых показал в 1944 г. проект создания ООН и экономических организаций, чье создание планировалось в Думбартон-Оксе. Именно Ванденберг произнес наилучший комплимент Организации Объединенных наций: «Поразительная вещь, — пишет Ванденберг в дневнике, — до какой степени консервативным является план создания этой всемирной организации... Я был приятно поражен, до какой степени Хэлл взялся охранять американские интересы». Ванденберг фактически возглавил «комитет восьми» сенаторов, созданный исполнительной властью, чтобы не повторить фиаско Вудро Вильсона после первой мировой войны. Он хотел использовать механизм ООН для контроля над Советским Союзом — о чем и говорил совершенно открыто.

На самом раннем этапе обсуждения плана создания ООН Соединенные Штаты выдвинули вопрос о создании американских военных баз в наиболее важных с геополитической точки зрения местах. Филиппины часто цитировались как модель. В 1943-1944 гг. в Вашингтоне шли ожесточенные споры о том, как получить во владение мировую цепь баз — на море и военно-воздушных, особенно на Тихом океане. Чан Кайши заранее обещал базы в Китае (в Тегеране Сталин во время обсуждения этой темы промолчал).

В ООН предполагалось членство 44 государств, из которых 23 твердо следовали в американском фарватере. Ванденберг требовал «откровенного разговора со Сталиным». Тот б

ноября 1944 г. провозгласил, что «способом разрешать противоречия между тремя великими державами является сохранять единство интересов».

Не все разделяли американскую схему. Возглавивший «Свободную Францию» генерал де Голль полагал, что после войны в Европе будут лишь две мощные страны — Россия и Франция. Англичане удалятся на свои острова, а американцы спрячутся за Атлантикой. Союз Парижа и Москвы будет подлинной осью Европы. «Мы не можем зависеть от помощи Великобритании или Соединенных Штатов». У беседовавшего с генералом Гарримана сложилось впечатление, что де Голль готов вместе со Сталиным «играть» против Америки.

Советская пресса впервые критически отозвалась о возможности создания западноевропейского блока. Русские впервые сделали ясным, что создание любых блоков рассматривается ими с подозрением.

Краеугольные камни

Организация экономической помощи (УНРРА) получила от конгресса большие фонды для инвестиций в пораженные войной страны. Изучались возможности создания международной гражданской авиации, которой открыты были бы все небеса. Формировалась консолидированная система управления мировыми финансами, международное валютное агентство. В министерстве финансов был разработан проект создания фонда экономической стабилизации Объединенных наций на основе глобальной либерализации торговли, пересмотра валютной системы, построенной на универсальности доллара. Вызрела идея основания Банка реконструкции и развития с колоссальными финансовыми возможностями. Решающий шаг был сделан в Бреттон-Вудсе (штат Нью-Хемпшир) в июле 1944 г. Американцам нужно было открыть мировые рынки для свободного торгового обмена — именно тогда индустрия и сельское хозяйство США получили бы возможность глобального воздействия. Приветствуя конференцию, Рузвельт писал: «Торговля является жизненно важным кровообращением свободного общества. Мы должны следить за тем, чтобы артерии, по которым идет этот кровоток, не были закупорены снова».

Рузвельт считал, что ключом к успеху экономического «открытия мира» является ликвидация имперских преференций Англии. Утверждая в Атлантической хартии «свободный доступ» ко всем рынкам, Черчилль постарался впоследствии выхолостить этот принцип. Но в Белом доме хватало решимости. Вместе с Англией на США приходилось более половины мирового торгового обмена. Победа на английском фронте давала Вашингтону все шансы экономического доминирования в глобальном масштабе. Полученная от США помощь по ленд-лизу (33 миллиарда долларов) уже был показателем слабости Англии, а в дальнейшем она просила новых займов. Давая очередные 3,8 миллиарда долларов, американцы добились от англичан обещания демонтировать имперские торговые барьеры. Президент сумел «приобщить» к зоне свободного перемещения капиталов и товаров вторую по величине — Французскую империю. Предоставляя в 1945 г. правительству генерала де Голля заем в один миллиард долларов, американцы в обмен заставили французов сократить правительственные субсидии, пресечь валютные манипуляции и открыть зону франка для американских товаров.

Америка видела, как нуждаются в займах ее жестоко пострадавшие в войне союзники — СССР и Англия. Американская делегация пообещала советской делегации, возглавляемой Молотовым, значительную долю будущих займов. На конференции в Бреттон-Вудсе был создан Международный валютный фонд и Мировой банк. Мировой банк владел активами в 7,6 млрд. долл. и правом предоставлять займы на вдвое большую сумму. Международный валютный фонд (МВФ) владел 7,3 млрд. долл., предназначенных для стабилизации основных мировых валют, для расширения мировой торговли, для «ликвидации препятствий на пути мировой торговли». Финансист Б. Барух сказал в начале 1945 г.: «Если мы сможем прекратить субсидирование рабочей силы (что предполагала прежняя — „закрытая“ система отдельных торговых блоков. — А.У.) и жестокое соперничество на экспортных рынках... мы будем иметь самый долгий период процветания». Теоретик Хэлла Герберт Фейс прямо утверждал, что «Соединенные Штаты не

могут пассивно смотреть на использование капитала для целей. Которые могут не совпадать с американскими. Капитал — это одна из форм мощи... Ее следует использовать для ограничения самостоятельных решений других стран».

США как самый крупный вкладчик будут иметь в Мировом банке и в МВФ треть распорядительных голосов. Оба этих международных агентства возглавили американцы. Все валютные операции обоих ведомств осуществлялись в национальной валюте США. Оба международных агентства должны были разместиться в Вашингтоне. Одним из каналов воздействия увилась непосредственная материальная помощь жертвам войны. План ее оказания был подготовлен в 1943 г. четырьмя странами — Соединенными Штатами, Советским Союзом, Англией и Китаем. США обязывались предоставить три четверти помощи, это автоматически ставило их во главе программы.

В те самые месяцы, когда специалисты и оборудование требовались на фронтах, американцы построили в Саудовской Аравии огромный аэропорт Дахран. Прежние владельцы региона — англичане — обеспокоились, прежде всего, за свое влияние в Иране и Ираке (Саудовская Аравия уже частично была «списана» в свете американского финансово-политического вторжения в нее). Президенту Рузвельту пришлось успокаивать их в этом отношении. Черчилль, который всегда предпочитал раздел сфер влияния, выразил признательность Рузвельту: «Большое вам спасибо за уверения в том, что вы не имеете виды на наши нефтяные поля в Иране и Ираке. Позвольте мне отблагодарить вас самыми надежными уверениями в том, что мы не будем зариться на ваши интересы и собственность в Саудовской Аравии». На Тихом океане американцы стали осуществлять контроль над принадлежавшими прежде Японии Каролинскими, Маршалловыми и Марианскими островами, где представители США сразу же показали, что здесь возникает новый «редут» Америки. Следует особо отметить, что Рузвельт уже в 1944 г. пришел к твердому выводу: в оккупированной Японии США будут обладать всей полнотой власти, не деля ее ни с кем из союзников.

Восприимчивость советской стороны в вопросе о займах (вполне понятно, что разрушенному хозяйству страны они были чрезвычайно нужны) вызвала радужные надежды Рузвельта в отношении того, что это поможет ему решить «русский вопрос». Размышляя по данному поводу, министр финансов Моргантау поделился с президентом: «Есть два типа людей. Одни (подобно Идену) верят в то, что мы должны сотрудничать с русскими и что мы должны доверять России ради мира на земле. Позицию других иллюстрирует замечание мистера Черчилля, который сказал: „Что мы собираемся иметь между белыми снегами России и белыми скалами Дувра?“». Рузвельт отозвался так: „Очень хорошо обрисованные позиции. Я принадлежу к той же школе, что и Иден“.

Рузвельт сфокусировал свое внимание на организации, которая заменит Лигу Наций. 21 августа 1944 г. министры иностранных дел союзных держав в пригороде Вашингтона Думбартон-Оксе создали контуры мировой организации, сердцевинной которой был назван Совет Безопасности, каждый из членов имел право на «вето». Общественные опросы свидетельствовали, что две трети американского населения выступали за такую организацию, за то, чтобы она имела собственные вооруженные силы. Дело защиты вильсоновской идеи о выходе США в океан мировой политики, создании всемирной организации взяли на себя известные американские историки и политологи — Д. Перкинс, Д. Флеминг, Дж. Шотвел. Ф. Рузвельт писал в эти дни 1944 г.: «Почти все интеллектуалы сейчас с нами». У. Липпман в книге «Военные цели США» указывал, что в будущем мире будут «три орбиты» — атлантическая, русская и китайская. Задача Вашингтона — нахождение прочных рабочих отношений с Москвой. Чтобы избежать тупика в вопросе о вето великих держав в Совете безопасности, Рузвельт в начале сентября 1944 г. решил обсудить спорные вопросы с главой советской делегации А.А. Громыко. Сталин в письме от 14 сентября 1944 г. утверждал, что предубеждения против СССР делают право вето абсолютно необходимым для самообороны Советского Союза.

Вторая встреча в Квебеке

Думбартонокские обсуждения еще продолжались, когда Рузвельт и Черчилль договорились о седьмой встрече военного времени, на этот раз они встретились 11 сентября 1944 г. (во второй раз) в Квебеке. Премьер с тростью вышел из вагона, а Рузвельт встречал его как старого друга. Лорд Исмей пишет, что это было скорее похоже на «встречу дружной семьи, начинающей совместный отпуск, чем на встречу степенных лидеров военного времени на важной конференции... Видеть их вместе было сплошным удовольствием».

На первом заседании (13 сентября 1944 года) царил оптимизм: союзные войска вошли в Бельгию, а затем вышли на «линию Зигфрида». Некоторые военные полагали, что война может завершиться к концу года. Союзники обсуждали возможности союзных войск в отношении Триеста, Истрии, продвижения в направлении Вены. Рузвельт подписал инструкцию генералу Г. Вильсону: в случае неожиданного краха Германии оккупировать четыремя дивизиями Австрию. Рузвельт говорит своему помощнику о «необходимости сохранения Британской империи сильной». Рузвельт хотел выработки жесткой политики в отношении Германии. «Мы должны быть твердыми в отношении Германии, я имею в виду немецкий народ, а не только нацистов. Мы должны либо кастрировать немцев, либо обращаться с ними таким образом, чтобы они не могли воспроизводить население, которое хотело бы продолжать свой прежний путь». Рузвельт отверг как неудовлетворительный план обращения с Германией, предложенный американскими военными. «У меня складывается впечатление, что Германия не должна быть восстановлена подобно Нидерландам и Бельгии... Каждый в Германии должен понять, что на этот раз они являются поверженной нацией».

Рузвельт склонялся к идее Моргантау о демонтаже индустриальной мощи Германии — он гарантировал бы, по меньшей мере, двадцатилетнюю гегемонию в Западной Европе Англии, развеял бы страхи Советского Союза перед германской мощью и перед Западом в целом (страх перед тем, что Соединенные Штаты или Англия могут восстановить германское могущество в своих целях). Рузвельт сказал помощнику Черчилля лорду Червеллу, что это избавит Британию от германской конкуренции. Сам Черчилль после колебаний пришел к выводу: «В конце концов, дело касается будущего моего народа, а когда мне нужно выбирать между моим народом и германским народом, я предпочту свой народ». Рузвельт и Черчилль договорились подписать меморандум, призывающий «превратить Германию в страну преимущественно сельскохозяйственную и крестьянскую по характеру посредством уничтожения военной промышленности в Руре и Сааре». Моргантау был взволнован. Приглашенный на коктейль в апартаменты Рузвельта, он вышел в высшей степени удовлетворенным: «Мы никогда не разговаривали так душевно с времен его губернаторства. Это был яркий эпизод моей карьеры в правительстве».

Скептически отнесся к плану Моргантау Г. Стимсон. В первые дни сентября 1944 года он задавал Рузвельту сложные вопросы: деиндустриализация Германии выбросит на улицу примерно тридцать миллионов человек, что делать с ними? Нарушится внутренний механизм европейской экономики, налаженный за последние восемьдесят лет. Поколебленный, Рузвельт еще не занял окончательной позиции. Он колебался между двумя вышеозначенными курсами. Рузвельт указал, что план Моргантау противоречит требованиям Советского Союза о репарациях. В то же время президент согласился с тем, что Европа не нуждается в сверхмощном германском индустриальном ядре, и высказался за «сельскохозяйственную Германию». В конечном счете Рузвельт отклонил идею занятия на текущем этапе четкой позиции в отношении Германии. Очевидно, что он решил действовать по обстоятельствам, не лишаясь заранее возможных козырей. Двадцатого октября он говорит Хэллу, что «ненавидит составлять планы в отношении еще не завоеванной страны». Эти планы будут зависеть от того, «что мы найдем в Германии».

Рузвельт определенно ужесточил политику в отношении европейских метрополий в целом. Он сократил обещанную помощь Британии по ленд-лизу — только 5,5 миллиарда долларов в период между поражением Германии и Японии — на 20 процентов меньше запрошенного

англичанами. Рузвельт ревниво отнесся к встрече Черчилля со Сталиным в октябре 1944 года. Он просил премьера позволить послу Гарриману присутствовать на всех важнейших беседах. В то же время Рузвельт запретил своему послу подписывать какой бы то ни было документ, даже самый общий. Уже тогда становилось ясно, что президент ждал встречи глав великих держав с глазу на глаз. Пока же он телеграфировал Сталину: «Идет глобальная война, и нет буквально ни одного вопроса военного или политического, в котором Соединенные Штаты не были бы заинтересованы... Моим твердым убеждением является то, что решение до сих пор незакрытых вопросов может быть найдено только совместно».

Блажен, кто верует

5 января 1945 г. Молотов выдвинул американцам запрос на 6 млрд. долл. на послевоенное восстановление Советского Союза (выплата в течение тридцати лет под 2,5 процента годовых). Посол Гарриман принял эту памятную записку со словами, что эта схема должна пройти становящийся все более прижимистым конгресс. Советская сторона предложила рассматривать проблему советских долгов в контексте общесоюзных отношений. Гарриман посоветовал государственному секретарю Стеттиниусу следующее: «Мое честное мнение сводится к тому, что вопрос о кредите должен быть привязан к общим дипломатическим отношениям с Советским Союзом; в определенное время русским следует дать знать, что наше желание тесного сотрудничества с ними в решении их огромных проблем реконструкции будет зависеть от их поведения в международных делах (курсив мой. — А.У.). Я полагаю, что и программа ленд-лиза должна быть в конечном счете решена таким же образом». Главный администратор ленд-лиза Л. Кроули поддержал точку зрения Гарримана. Госдепартамент заставил «Нью-Йорк таймс» не печатать сообщение о просьбе советской стороны. Америка желала полностью воспользоваться своими рычагами воздействия на Советский Союз. Встал вопрос о контроле над Советской Россией. С началом Ялтинской конференции советской стороне было дано знать, что его западные союзники вовсе не намерены помогать в восстановлении СССР, если Москва полностью не войдет в фарватер американской политики.

Стать сателлитом или искать другие возможности? Вопрос был задан стране, которая побеждала величайшую военную силу современности. Стране, которая, единственной в мире, никогда не была зависимой от Запада территорией.

Гарриман сообщал из Москвы, что русские обеспокоены тем, чтобы надежно гарантировать свою безопасность в Европе. Моргентау сказал Рузвельту: «Россия боится того, что мы и англичане собираемся заключить „мягкий“ мир с Германией и восстановить ее как будущий противовес России». В свете этого демонтаж германской мощи виделся логическим ответом, удовлетворяющим и англичан, и русских. Присутствие США становится не маргинальным, а ключевым фактором европейской ситуации. Премьер Черчилль перевел вопрос о «сдерживании» СССР в Европе в практическую плоскость. Он указывает Рузвельту на «опасное распространение русского влияния» на Балканах — обстоятельства капитуляции Румынии и Болгарии дают ему для этого основания. Рузвельт начал в определенной степени разделять опасения Черчилля. Принимая австрийского эрцгерцога Отто, он сказал: «Нашей главной задачей становится не допустить коммунистов в Венгрию и Австрию».

Американцы задумываются

В Москве за дело объяснения курса русских берутся посол Аверелл Гарриман и его заместитель Джордж Кеннан. Гарриман еще благодушествует, он предсказывает, что русские будут стараться поддерживать хорошие отношения с Западом — но не за счет своих основных интересов. Кеннан нравится в Вашингтоне литературной силой своих посланий. Начиная с сентября 1944 г. он отправляет в американскую столицу весьма пессимистические оценки советских намерений. Исходя из его анализа, складывалось впечатление, что западные

концепции международного сотрудничества представляются русским «странными», ибо их усилия в Восточной и Центральной Европе «направлены только на одну цель: мощь. Какую форму примет эта мощь, какими методами она будет достигнута — все это второстепенные вопросы. Москва безразлична к тому, „коммунизирован“ ли данный район. При прочих равных обстоятельствах Москва предпочла бы видеть его коммунизированным, хотя даже это спорно. Но главное во всем этом — усиление влияния Москвы». Источники такого поведения и оправдание его никогда не исследовались Кеннаном в деталях. Вместо этого Кеннан приводил примеры «противоречивости», «ксенофобии». Мистическая русская душа в его изображении стремилась к «жесткому полицейскому режиму», не склонному к международному сотрудничеству.

В Вашингтоне на самом политическом вершине возникает группа политиков, чрезвычайно обеспокоенных ростом влияния Кремля как независимой политической силы в мире. Одним из вождей «бдительных» становится министр военно-морского флота Джеймс Форрестол, утверждавший безграничность русских амбиций. В конгрессе сенатор Ванденберг потребовал жесткости. Теперь в Вашингтоне сплетали воедино балканских коммунистов, польских левых, уступчивых центристов в Бухаресте, готовностью к дружбе Бенеша с единой волей коммунистического Кремля. В октябре 1944 г. посол Гарриман начинает утверждать, что ухудшение экономического положения в странах Восточной Европы играет на руку Москве, так как приводит к власти дружественные ей элементы. Гарриман склоняется к мысли, что советская экспансия «фактически необорима». Посол «далек от оптимизма» относительно подлинных договоренностей с Россией. Одновременно Кеннан указывает на скорость, с которой советские власти судили пособников немцев — они расчищают дорогу к власти своим сторонникам. И все же Гарриман считает, что Россия будет стремиться к союзу с Западом. «Я полагаю, что мы должны спокойно, но твердо указать им, что мы не согласны с их подходом. Мой опыт говорит, что в этом случае Сталин стремиться к сближению». В Польше и Югославии Россия пойдет на встречу Америке.

Анализ подобного рода вызвал у президента Рузвельта серьезное беспокойство и с середины сентября 1944 г. Белый дом начинает искать возможность личной встречи со Сталиным. Президентские выборы вынудили отложить встречу, но после впечатляющей победы Рузвельт устремился к Тегерану.

Сталин постарался объяснить логику своего поведения 6 ноября 1944 г.: Когда речь заходит о признании очередного правительства, политика Советского Союза становится на рельсы «делового подхода». Является ли данная нация антигерманской? Если да, то СССР признает ее. Сталин принимал все, что помогало ведению войны, и если короли помогали больше, чем партизаны и армии Сопротивления, он ясно давал знать, что готов сотрудничать. По его мнению, «альянс между Советским Союзом, Великобританией и Соединенными Штатами основан не на случайных, краткосрочных соображениях, но на продолжительных и жизненно важных интересах».

Можно ли было верить Сталину? В зыбком мире между двумя мировыми войнами было много перемен политического курса. Не Сталин, а хозяева Польши первыми (1934 г.) подписали соглашение с Гитлером — что потом — до Сталина — сделали французы и англичане — в Мюнхене, в 1938 Сталин, как пишет американский историк, «хотел бы сотрудничать — но среди равных, ибо Россия гордо верила, что заслужила это право на огромных кровавых полях Европы. Я не нашел доказательств того, что американские лидеры серьезно анализировали подобные вопросы, а еще меньше ассимилировали ответы с практической политикой. Никто не сформулировал более широкой интерпретации восточноевропейских событий, которые показали бы, что Советы основывали свою политику на плюралистических, неидеологических ответах, всегда окрашенных местным колоритом, который русские не всегда контролировали. Американские лидеры не понимали, что стратегия Народного фронта, воспринятая коммунистами, давала Старому режиму шанс на выживание. Тщательное исследование русской политики требует досконального изучения успехов Бенеша, рациональной стороны его

политики. Требуется внимательного исследования провала лондонских поляков, индифферентности русских в отношении социального строя нейтральной Финляндии. Сталин провозгласил, что он желает видеть дружественные и независимые государства на русских границах».

Экономической целью Америки во второй мировой войне было, цитируя самих американских специалистов, спасение капитализма как у себя дома, так и во внешнем мире. Заведующий Отделом экономических проблем государственного департамента Гарри С. Хокинс заявил в апреле 1944 г.: «Глядя на происходящее с чисто эгоистической точки зрения, следует сказать, что торговая кооперация поможет, прежде всего, нам. Как вы знаете, мы в нашей стране осуществили гигантский рост производства, мы планируем производить еще больше после окончания войны и внутренний американский рынок не может бесконечно поглощать эту продукцию. Мы будем исключительно нуждаться в бесконечно растущих внешних рынках». Велись и подсчеты. Чтобы дать работу трем миллионам трудящихся в индустрии, нужны были инвестиции в 10 млрд. долл. Администрация внешнеэкономических отношений нуждалась в рынке в 14 млрд. долл. сразу же после окончания войны. Прodelав кругосветное путешествие, вице-президент Генри Уоллес в июле 1944 г. заявил, что «судьба принадлежит американским бизнесменам будущего, которые понимают, что новая американская граница протянулась от Миннеаполиса до Средней Азии». Государственный департамент планировал ежегодные американские инвестиции за пределы США — только со стороны частного бизнеса — в 3 млрд. долл. ежегодно. Заведующий отделом экономических проблем военного времени государственного департамента Ч. Тафт предупреждал в мае 1944 г.: «Наши запасы металлов тают и в конечном счете иссякнут и наши запасы нефти. Самое существенное для нашей промышленности придется завозить из-за рубежа и через какие-нибудь 50 лет мы — как англичане сегодня — будем вынуждены увеличивать свой экспорт, чтобы платить за жизненно необходимое для нашей жизни. Экспорт готовых товаров нужно наладить заранее». Поразительна была идентификация американских интересов с «интересами всего мира» — в сотнях и тысячах речей ответственных государственных деятелей США, обращенных к послевоенному будущему.

Политические цели? Скажем прямо: уже в конце 1944 г. Соединенные Штаты и Великобритания вмешивались во внутренние дела всех основных западноевропейских наций с целью сдержать левые силы. «И хотя Соединенные Штаты вместе с Британией правили на Западе железной рукой, в Восточной Европе они призывали к свободным выборам и самоуправлению. Но предвоенный опыт убеждал русских, что Запад желает создать антисоветский блок. Примерная демократия никогда не существовала в Восточной Европе за исключением Чехословакии; американские планировщики игнорировали национальные вопросы восточной Европы — во многом потому, что не имели ответов на эти вопросы. ...80 процентов экспорта Восточной Европы в 1938 г. состояло из сырьевых материалов и все шло на Запад. Разговор о восстановлении стабильности, нормальной торговли и реинтеграции Восточной Европы в мировую экономику означал полуколониальные экономические отношения этого региона с остальным миром».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ ЯДЕРНЫЙ ФАКТОР

К концу 1941 г. объем поступившей по данной проблеме информации из Британии, Франции, Германии и Америки был уже так велик, что потребовалось свести его воедино и обобщающее донесение KZ-4 за № 1 поступило Сталину. Тот передал доклад Молотову, а Молотов познакомил с ним комиссара химической промышленности М.Г. Первухина. Молотов выразил обеспокоенность тем, что другие страны «могут достичь значительных результатов в этой области, поэтому, если мы не продолжим нашу работу, мы можем серьезно отстать... Вы

должны поговорить с учеными, которые заняты в этой области».

Ядерные и прочие секреты

1942 г. был решающим для уранового проекта. Курчатов был эвакуирован на Кавказ — небольшое судно перевезло его в Поти. Но оттуда он, будучи экстренно вызванным, двинулся по 700-километровому пути по Волге на север, в Казань. Сюда на несколько дней приехал из Йошкар-Олы Флеров на семинар, который (воспоминания очевидца) «оставил впечатление, что все очень серьезно и фундаментально, что работа над урановым проектом должна быть восстановлена. Но продолжалась война. Неясно было, можно ли отложить исследования, нужно ли было браться за дело немедленно или можно было подождать год или два». Ситуация была сюрреалистическая. Холод и дискомфорт не вязались с идеями выхода на передовую линию современной науки. Согласно воспоминаниям участников атомного проекта более всего в Казани им мешали грызуны. Ученые спали, завязав свои уши полотенцами — чтобы их не отгрызли крысы. Таков был старт одного из самых фантастических проектов в истории науки. Того решающего в истории России проекта, который в будущем сделает страну неуязвимой для внешней угрозы.

Флеров говорил прямо: необходима работа над быстрыми нейтронами — она приведет к бомбе. Для ее создания необходимы два с половиной килограмма чистого U235, что составит сто тонн тринитротолуолового эквивалента. Он предложил эскиз огромной пушки. Навстречу друг другу движутся с большой скоростью две полусферы с Ураном-235. Флеров предложил идею «компрессии активного материала».

Невидимо для всех началась еще одна битва. По мере того, как британские и американские ядерщики начали продвижение своего атомного проекта, их коллега Клаус Фукс, бывший коммунист, покинувший гитлеровскую Германию еще в 1933 году, начал передавать сведения об этом проекте сотруднику советского военного атташе. Чуть позднее связным Фукса стала некая «Соня» — жена летчика королевских военно-воздушных сил. 3 октября результаты британских исследований были доложены американскому руководителю проекта Конанту, который передал основное Рузвельту: взрывающаяся основа атомной бомбы будет весить примерно двадцать пять фунтов, взрывной эквивалент — 1800 тонн тринитротолуола. Проект будет довольно дорогостоящим. Все это было уже доложено Сталину.

Но немцы стояли под Москвой, обстановка была критическая и на несколько месяцев донесения, пришедшие от Фукса (который до отъезда в США для совместной работы с американскими ядерщиками шесть раз встречался с представителями советской военной разведки) лежали под спудом. Мы видим, что советское руководство обращается к его информации, из которой следует, что проблема атомной бомбы в принципе — в теории — уже решена и что следующим этапом будет практическая реализация этой теории.

В мае 1942 года правительственные органы обращаются в Академию наук с запросом, существует ли реальная основа для практического применения атомной энергии и насколько велика вероятность создания атомной бомбы другими странами. Ответ был осторожным и, в основном, сводился к тому, что завеса сугубой секретности должна наводить на мысль о проводимых в ряде стран практических работах. В апреле 1942 года представители разведки передали в Научно-технический совет записную книжку немецкого офицера, найденную на южном берегу Азовского моря, в которой содержался список материалов, необходимых для создания атомной бомбы. В записной книжке, прибывшей из 56-й армии, приводились вычисления выхода энергии, высвобождаемой критической массой урана-235. Советские эксперты пока еще скептически отнеслись к идее расходувать в 1942 году миллионы рублей на исследования, которые дадут результаты лишь через 10-20 лет. И лишь письмо Флерова Сталину укрепило точку зрения Кафтанова и Балезина, что, имея доказательства работы немцев в данном направлении, следует начинать работу над советским проектом — они направили соответствующее письмо в ГКО, рекомендуя создать ядерный исследовательский центр.

Кафтанова, представлявшего научно-технический совет, вызвали к Сталину (конец весны 1942 года или начало лета 1942 года) и разговор был конкретный. Кафтанов признал, что проект, стоимостью 20 — 100 млн. рублей может не сразу дать результаты, но отказ от работ будет еще более опасен.

В августе 1942 года Флеров, написавший Сталину письмо о возможности создания атомного оружия, направляется в Казань. В Москве тем временем Вавилов, Вернадский, Иоффе, Хлопин и Капица обсуждают целесообразность продолжения ядерных исследований. Проект предложено возглавить Иоффе, но тот, ссылаясь на свои 63 года, предлагает поручить его Курчатову и Алиханову. Оба они приезжают в Москву 22 октября 1942 года. Курчатов приехал уже с проектом проведения подобных работ, и тогда именно ему поручили побывать в русских городах — чтобы определить, кто может быть полезен в атомном проекте. В списке Курчатова стояли Алиханов, Кикоин, Харитон, Зельдович. Курчатов возвратился в Казань именно в день осуществления Энрике Ферми цепной реакции в Чикаго. Курчатов убеждается в реализуемости проекта, он перестает бриться «до победы над немцами» и отныне окружающие (а затем и весь мир) знают его с бородой. По свидетельству Молотова, Сталин хотел знать мнение о проекте наркома химической промышленности Первухина — именно тот посоветовал ознакомить с секретными данными физиков. Именно тогда разведка знакомит Курчатова с материалами Фукса и прочими данными о работе над атомным оружием зарубежом. Возможно, решающее значение имела беседа Первухина с Курчатовым, который указал на «возможность осуществления мгновенной реакции в уране-235 с выделением громадной энергии». Видимо немцы уже идут по этому пути, они могут получить в свои руки оружие громадной разрушительной силы. Курчатов поддержал предложение Флерова возобновить работу над урановой проблемой. Письменно изложенные соображения Курчатова, Алиханова и Кикоина (из лаборатории Уральского политехнического института) были переданы Молотову. Тогда-то Молотов и сообщил Курчатову о назначении его руководителем атомного проекта. Молотов: «Вызвал к себе Капицу, академика. Он сказал, что мы к этому не готовы, и атомная бомба — оружие не этой войны, дело будущего. Спрашивали Иоффе, он тоже как-то неясно к этому отнесся. Короче, был у меня самый молодой и никому еще никому не известный Курчатов. Он произвел на меня хорошее впечатление».

В один месяц с завершением Сталинградской битвы — в феврале 1943 года создается организация исследований по использованию атомной энергии. Поразительно, градской операции получил название «Уран». Но это будет позже. Мы же находимся в том периоде, когда зимний порыв Красной армии, демистифицировавший вермахт, (впервые после Семилетней войны показавшей возможность бить немцев) начинает ослабевать. Немцы приходят в себя и, ожесточенные, начинают готовить реванш за декабрь 1941 года.

Ядерный секрет

Несколько позже президент Рузвельт и премьер Черчилль будут (летом 1942 г.) совещаться о программе создания атомного оружия. Было решено не ставить своего советского союзника в известность об этом многообещающем проекте. 1942 год невозможно понять без обращения к процессу создания нового вида оружия, к которому в этом роковом году обратились участники мирового конфликта. Весной 1942 года американские ученые увидели реальные перспективы работы по атомному проекту. Девятого марта ответственный за этот проект В. Буш доложил Рузвельту: «Мы создаем нечто гораздо более эффективно, чем предполагали ранее». В Америке соизмеряли возможности германского продвижения в этой сфере с тем, что становилось известным о прогрессе англичан. А английский прогресс в деле создания управляемой термоядерной реакции был в 1941-1942 годах существенным. Следовало предположить, что и у немцев дела идут не хуже. Все это стимулировало американцев удвоить темпы. В марте 1942 года В. Буш впервые обозначил окончание работ 1944 годом. Рузвельт потребовал от Буша, чтобы программа «продвигалась вперед не только по собственной внутренней логике, но и

учитывая фактор времени. Это чрезвычайно существенно». Теперь и в узком кругу американского руководства говорили о необходимости сделать атомное оружие фактором уже в ходе текущих боевых действий. Звучали опасения, что германские физики лидируют, обгоняя американцев на два года, что судьба мировой войны решится в этой гонке.

Лето 1942 г., видимо, является самой низкой точкой для стран антигитлеровской коалиции. Европа почти целиком находилась в руках нацистов, а в Азии японцы устремились к Индии и Австралии. В середине 1942 г. антигитлеровская коалиция пережила своего рода критический период, связанный с тем, что противники на всех фронтах теснили великую коалицию, и переломить эту тенденцию никак не удавалось. В Атлантическом океане германские подводные лодки грозили изолировать Америку от основных полей сражений в Европе. В Тихом океане японцы, несмотря на большие потери у острова Мидуэй, не сбавили скорости своего продвижения на юг и на восток, к Австралии. На южном фланге советско-германского фронта вермахт не прекращал давления, тесня Красную армию к кручам Кавказа и волжским берегам.

Но существовал и невидимый фронт науки, где исследования и разработки могли перевернуть хрупкий баланс, неустойчивое соотношение противостоящих сил. Никто не имел доступа к ядерным исследованиям в тоталитарной Германии, но было точно известно, что германская наука на этом направлении движется вперед. Нацистские вожди уже предвкушают. Геббельс пишет в дневнике: «Исследования в области атомного оружия достигли той точки, когда результаты уже могут быть использованы. Грандиозные размеры разрушений могут быть осуществлены минимальными усилиями... Современная техника дает в руки человеческих существ невероятные средства разрушения. Германская наука находится в авангарде исследований в этой области. Важно, что мы находимся впереди всех, ибо тот, кто осуществит революционный прорыв в научных изысканиях, имеет наибольшие шансы добиться победы».

Рузвельт определенно знал, что германские физики идут той же дорогой, и судьба войны во многом зависит от научных успехов. Его главный научный консультант в этой сфере Дж. Конант (в общем и целом, как и Рузвельт, оптимист по натуре) определил, что немцы, возможно, на год опережают американец, тогда как даже «трехмесячное отставание было бы фатальным».

Зная о ядерных разработках немцев, лидеры западных стран ищут пути обгона. Рузвельт и Черчилль на встрече летом 1942 года немало часов посвятили «трубочным сплавам», как, согласно английской терминологии, назывался проект военного использования атомной энергии. Именно в эти дни, видя реальную опасность дезинтеграции Британской империи, Черчилль согласился предоставить результаты всех работ английских физиков и согласился при этом на главенство в атомном проекте американцев. В июне 1942 г. Рузвельт поручил военному министерству взять работу над проектом в свои руки. С целью централизовать организационные усилия Рузвельт назначил бригадного генерала Лесли Гроувза главным ответственным за реализацию проекта «Манхеттен». Он руководил всеми задействованными силами и средствами. В рамках корпуса армейских офицеров был создан особый отдел, перед которым стояла задача осуществить крупномасштабные разработки и исследования в наглухо отгороженных от внешнего мира лабораториях, на дальних и закрытых полигонах. Свое название проект «Манхеттен» получил в августе 1942 года.

В конечном счете скрытый в глубине статей бюджета проект «Манхеттен» обошелся американской казне в 2 миллиарда долларов. Было построено тридцать семь испытательных установок в одиннадцати штатах США и в Канаде. В реализации проекта участвовало примерно 120 тысяч человек (такие оценки давал Р. Патерсон Г. Стимсону 25 февраля 1945 г.). Рузвельт, полагает американский историк М. Шервин, «думал, что бомба может быть использована для создания нового мирового порядка, он, по-видимому, считал, что угроза ее применения более эффективна, чем любые возможности международного сотрудничества». И, по мнению Рузвельта, хотя мир будут контролировать «четверо полицейских», лишь США будут владеть атомным оружием.

Начиная с 1942 года главным экономическим рычагом Соединенных Штатов становится ленд-лиз. У администрации Рузвельта был уже годичный опыт связей с союзниками. Белый дом

уже ощутил значимость этого орудия американской внешней (и военной) политики и внутреннего роста. В отношении Советского Союза (безусловно благодарного за помощь по ленд-лизу) были тревожащие советскую сторону задержки, имевшие большую значимость в этот суровый год. Согласно советско-американским договоренностям, США должны были поставить к 1 апреля 1942 г. 42 тысячи тонн стальной проволоки, а поставили лишь 7 тысяч; нержавеющей стали — 22 тысячи тонн вместо 120 тысяч, холодного проката — 19 тысяч тонн вместо 48 тысяч и т. п. Президент Рузвельт сказал, что только англичане оказались для России еще менее надежными союзниками. «Они обещали предоставить в распоряжение русских две дивизии и не предоставили вовсе. Они обещали им помощь на Кавказе. И не оказали ее. Все обещания, данные англичанами русским, оказались невыполненными... Единственная причина, почему мы до сих пор ладили с русскими, заключается в том, что мы пока выполняли свои обязательства». Лишь в июле-августе 1942 г. американские поставки, приблизились к намеченным цифрам. Понадобился год — и какой год — чтобы американская помощь стала подлинно реальным фактором войны.

Весной 1944 г. Рузвельту надлежало сделать выбор между двумя курсами. Первый предполагал продолжение атомного сотрудничества с Англией и отрицание такого сотрудничества с СССР. Этот курс обещал реализацию плана превосходства двух «полицейских» Запада над двумя «полицейскими» Востока. Этот курс имел достоинство уже наигранной схемы, которая, казалось, гарантировала американское доминирование на мировой арене на годы вперед. Но он имел свои недостатки. Демонстрация солидарности англосаксов могла насторожить СССР. Можно было пойти по второму пути — привлекая к сотрудничеству Советский Союз, в этом случае сохранялась надежда, что атомная энергия станет энергией мирной. Человеком, который в обостренной форме поставил вопрос о выборе между двумя курсами, был датский физик Нильс Бор. Он предлагал создать механизм совместной технической инспекции, создать единое атомное агентство, отделить мирные исследования от военных. Следовало убедить русских, пока они дружелюбны. Если США и Англия не заключат на ранней стадии исследований соглашения с СССР, то после войны великие страны будут втянуты в самоубийственную гонку атомных вооружений.

Судья Верховного суда США Ф. Франкфуртер говорил Рузвельту следующее: «Было бы катастрофой, если бы Россия узнала об „X“ из собственных источников». У СССР не будет сложностей добыть информацию, необходимую для создания собственного атомного оружия. Бор предложил хотя бы уведомить советское правительство о существовании манхеттенского проекта: «В ходе предварительных консультаций с русскими не будет конечно же обмена информацией относительно важных технических деталей; напротив, в этих консультациях должно последовать ясное объяснение того факта, что такая информация должна быть сокрыта до тех пор, пока общая безопасность в отношении неожиданных опасностей не будет гарантирована».

Буш и Конант сомневались, что американо-английская монополия может удержаться более трех-четырёх лет; нация с достаточными ресурсами, каковой является СССР, быстро догонит своих конкурентов; особенности развития науки могут позволить ей даже выйти вперед. Да к тому же атомные бомбы представляют собой лишь первый шаг на пути развития этого рода оружия. На горизонте уже видна возможность создания тысячекратно более мощного оружия — водородной бомбы. Безопасность следует искать не в секретности и не в контроле над сырьевыми ресурсами.

Рузвельт не был готов к принятию идеи оповещения СССР. Весной 1944 г. он много раз так или иначе касался атомной проблемы (способ доставки руды из Конго; освобождение компании «Дюной» от обвинений — с целью сохранить ее специалистов, занятых в проекте; увеличение федеральных ассигнований на проект), но он ни разу не поднимал вопроса о международном контроле над атомной энергией. Подписание 13 июня 1944 г. Рузвельтом и Черчиллем Соглашения и Декларации о доверии гарантировало то, что США и Великобритания будут сотрудничать исключительно друг с другом в деле овладения контролем над запасами урана и тория во время и после войны, возможности «максимально полного контроля над всеми

урановыми месторождениями мира». Если гонка в атомной сфере вероятна, то следует занять оптимальные позиции в отношении основных источников урана.

Наиболее интенсивному обсуждению вопрос об атомном сотрудничестве был подвергнут 18 сентября 1944 г. (уже после второй конференции в Квебеке) на встрече Рузвельта и Черчилля в Гайд-Парке, когда был сделан следующий вывод: монополия на атомное оружие, которой обладают США и Англия, будет их значительным активом в случае геополитического соперничества, которое может возникнуть у них с Советским Союзом. «Предложение об информировании мира относительно данного проекта... неприемлемо». Нильс Бор был охарактеризован как опасный заблуждающийся ученый, способный передать военные секреты русским. Рузвельта указал на то, как должно быть использовано атомное оружие в текущей войне: «Когда бомба будет окончательно создана, возникнет возможность после тщательной оценки ситуации использовать ее против японцев, которых нужно предупредить, что бомбардировки будут продолжаться до тех пор, пока они не сдадутся».

Из двух альтернатив — сделать атомное оружие подотчетным международному контролю, основой системы международной безопасности или сохранить его в качестве «резервного аргумента» послевоенного мироустройства — президент Рузвельт выбрал вторую.

В России наблюдали за американскими исследованиями и работами. В августе 1944 г. Фукс был послан в центр событий — в Лос-Аламос, где его метод имплозии получил наивысшую оценку. В феврале 1945 г. он навещает свою сестру в Бостоне и передает России данные о конструкции атомной бомбы. Важно следующее: критическая масса плутония меньше, чем критическая масса урана-235 и что для бомбы потребуются от пяти до пятнадцати килограммов. В феврале 1945 г. народный комиссар госбезопасности В. Меркулов написал Берии, что, как показали исследования американцев и англичан, «атомная бомба реальна».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ ЯЛТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Накануне

Прибывший в Москву президент Чехословацкой республики Эдуард Бенеш был под большим впечатлением от приема, устроенного Сталиным, но еще более его радовала общая обстановка в стране. «Скромность и умиротворенность заняли место прежней агрессивности и возбужденности Советов. Их чувство, что руководство страны обеспечивает их безопасность, является базисом их уверенности в себе. Революция наконец завершилась. Возник энергичный национализм, связывающий прежнюю Россию с сегодняшней — для русских, а не как базу для международной революции. Большевизация других стран заменена как цель участием мощной нации в мировой политике. Сталин выразил огромное удовлетворение новым типом отношений с Соединенными Штатами; он под большим впечатлением от американского президента, соглашение по основным проблемам с которым было достигнуто в Тегеране».

Россия, повторял Бенеш, нуждается в сильных и стабильных государствах на своих границах. Если лондонский премьер Миколайчик сумеет избавиться от неисправимых реакционеров в своем окружении, то русские и поляки, считал Бенеш, помирятся. Сталин сказал Бенешу, что СССР будет уважать границы Чехословакии домюнхенского периода. Коммунисты получат пятую часть портфелей в новом кабинете министров.

Еще в январе 1945 г. Молотов в Москве и министр финансов Генри Моргентау в Вашингтоне подняли вопросы о возможности предоставления Америкой многомиллиардного послевоенного займа для восстановления народного хозяйства России. Сталин в беседе с американцами говорил о «бездонном русском рынке, способном поглотить Бог знает сколько». Проявляя значительный интерес, президент Рузвельт попросил все же не спешить с конкретными решениями.

Накануне Крыма американский военный министр Г. Стимсон выражал беспокойство по поводу возможной реакции Советского Союза на создаваемую в США атомную бомбу. После некоторых дебатов было решено не сообщать своему основному союзнику об этом оружии. На польскую проблему Рузвельт смотрел с реализмом и хладнокровием, ситуация в Польше не затрагивала прямо американских интересов. Ясно, что эта страна будет восстановлена и будет суверенна. Навязать свое решение в Польше на все сто процентов не казалось возможным. Приходилось считаться с местным соотношением сил, с заботой СССР о своей безопасности, с изменениями, происходящими во всей Восточной Европе. Принимая в январе 1945 г. семерых сенаторов от обеих партий, Рузвельт говорил о реалиях, которые никто не может изменить. Даже мощь Америки не всесильна: СССР пользуется огромным влиянием в Восточной Европе. Очевидной является невозможность «порвать с ними (русскими) и поэтому единственно практичный курс — использование имеющегося у нас влияния с целью улучшения общей обстановки».

Положение Западного фронта не давало Рузвельту перед Ялтой тех рычагов, на которые он, возможно, надеялся. Арденнское контрнаступление немцев привело к тому, что этот фронт находился в январе-феврале 1945 г. примерно в том же положении, в каком он был едва ли не полгода назад, в октябре 1944 г. Войска западных союзников стояли на границе Германии, Франции, Бельгии и Люксембурга и восстанавливали силы после арденнского демарша немцев. К концу января главные смещения в союзном расположении сил произошли на востоке, где Советская армия пересекла Одер, вошла в Будапешт, вышла к Щецину и Гданьску, форсировала Одер и находилась в ста километрах от столицы рейха.

Вот в такой ситуации лидеры трех великих держав-победительниц приступили к выработке дипломатических решений на непосредственно послевоенный период.

Ялта

Война повернула к победному концу. В умах многих дипломатов она уже закончилась. Вставали новые проблемы. На пути в Ялту американское руководство постаралось определить свои интересы в становящихся спорными регионах. Заместитель госсекретаря Хэлла Эдвард Стеттиниус в ноябре 1944 г. подготовил меморандум «Интересы Соединенных Штатов в Восточной Европе»:

1. Права жителей выбирать пригодный для себя тип политической, социальной и экономической системы.
2. Равенство возможностей в торговле и транзите, в переговорах — вне зависимости от преобладающей социальной системы.
3. Право на равный доступ к прессе, радио, информационным потокам.
4. Свобода для деятельности американских филантропических и образовательных организаций.
5. Охрана прав американских граждан, защита их прав, в том числе экономических.
6. Окончательное решение территориальных споров откладывается до окончания войны.

Такое определение американских интересов выглядит очень невинно на фоне прямого вторжения США во внутренние дела Франции, Италии и повсюду, где у американцев были подобные возможности. Самоопределение, провозглашаемое в первом пункте, неизбежно вступает в противоречие с остальными положениями.

Рузвельт, Стеттиниус, Гопкинс, Бирнс, Гарриман и прочие собрались в Крыму, обсуждая между собой базовые проблемы. Первая среди них — каковы намерения новой России. Вторая проблема — как совладать с крахом «старого порядка» и с левым подъемом в мире. Третья — каким будет новый статус старых колониальных держав в условиях подъема антиколониализма. От ответа на эти вопросы зависел ответ на вопрос: преуспеет ли Франклин Рузвельт там, где оступился Вудро Вильсон, будет ли создана мировая организация, одновременно нужная Америке и приемлемая миру, станет ли мировое сообщество калейдоскопом благожелательных

сил, или национализм, пароксизм самоутверждения погубит эту — вторую попытку человечества поставить войну вне закона?

Среди американцев стало преобладать мнение, что прежняя рузвельтовская тактика откладывать все важные решения напотом, до окончания войны, начинает терять свою релевантность. Трудно было оспорить тот факт, что второй фронт был открыт поздно, слишком поздно, чтобы не возбудить у советской стороны впечатления, что ее людские ресурсы были использованы жестоким для России образом.

Почему в июне 1944 г. союзники ринулись через Ла-Манш? Не потому ли, что к июню 1944 г. стало убийственно ясно, что Советский Союз может сокрушить гитлеровскую Германию и без долгожданного второго фронта, силами собственных фронтов? Впереди главный исторический отрезок. Становилось ясным, что для того, чтобы не опоздать и использовать зависимость союзников от феноменально окрепшего американского гиганта, американское руководство должно, обязано было обратиться к решению встающих вопросов до завершения войны.

Не будет преувеличением сказать, что Сталин и его окружение стремились быть предельно корректными, готовыми к компромиссу. Но американцев, тем не менее, начинает раздражать постоянное обращение русских к «итальянской модели» в случае Румынии, Венгрии и Болгарии. Это чрезвычайно не нравилось в Вашингтоне, для которого теперь весь мир казался ареной его интересов и пристального внимания.

Американцы уже нашли пункты жестких противоречий. Так Югославия казалась американским дипломатам плохим примером: англичане, Тито и русские как бы вовсе «выталкивали» американцев из югославской политической игры. Поддерживаемый англичанами (читатель помнит 50:50 процентов) синтез коммунизма и национализма раздражал американское руководство более всего. Дело усугубляло и то, что американцы поддерживали в Югославии Михайловича, а эта карта оказалась слабой. Еще хуже для американской дипломатии было то обстоятельство, что Вашингтон стал занимать сугубо прямолинейную негативную позицию сразу в отношении двух своих главных союзников — Британии и России. Возникало немало сложных проблем, и решать их без помощи союзников становилось все сложнее.

Более того, в Вашингтоне полагали, что подъем левых сил в Италии, Франции, Бельгии — да и повсюду в Западной Европе — происходит не без помощи Москвы. И это в условиях введенного американцами военного положения! Что же будет, когда военное положение будет снято и право голосования возвращено? Англичане считали, что во Франции они нашли ответ в лице де Голля, но американцам этот националистический с их точки зрения ответ не нравился. В конечном счете здесь, размышляли американские стратеги, повсюду к власти придут левые. В Греции англичане не могут вечно полагаться на силу. (Англичане полностью оценили пассивность Советского Союза в Греции, но американцы ее не чувствовали и не могли оценить). Новый гегемон думал так: «старый порядок» так или иначе в Европе пойдет на историческое дно, и новый лидер мира не хотел, чтобы у него сразу же появились соперники.

Американцы стали подозрительными. Теперь они считали русских ответственными за каждую резкую статью в местной прессе, за забастовку, за пикет или демонстрацию. В каждой голодной толпе они начинали видеть «руку Москвы». Вашингтон считал, что, если бы не Москва, он смог бы просто продиктовать малым европейским народам оптимальный для них порядок. Американцам не приходило в голову, что не Москва начинает раздел Европы; что именно приказы западных держав, их жесткая политическая линия подталкивает Советский Союз действовать аналогично.

Американцев начало беспокоить и то обстоятельство, что, вопреки все более растущей зависимости, британцы постоянно пикируются, не желая демонстрировать союзническую покорность. Это раскалывало Запад, это ослабляло тех, кто хотел прийти в Европе на смену «старому режиму», но не с коммунистической альтернативой. Наиболее острыми были американо-английские противоречия в экономической сфере. Споры из-за ленд-лиза, долларového баланса, господства на отдельных рынках и т. п. происходили постоянно. При этом союзники шли своими путями и поддерживали именно своих сателлитов во Франции, в Италии, в

Греции.

И при всем при том не было в ходе войны периода более благоприятного для Советского Союза. Его армии приносили теперь уже постоянные победы, а два его важнейших союзника откровенно нуждались в помощи Москвы и на Тихом океане, и в Европе. В последнем случае сыграло стимулирующую роль Арденнское наступление немцев, начатое по приказу Гитлера в конце декабря 1944 г. Как никогда прежде, Рузвельт и Черчилль 24 декабря 1944 г. с жаром указывали Сталину на сложности, которые встретили войска Эйзенхауэра; они запросили (никогда такого еще не было) о сроке зимнего наступления Советской армии. 7 января 1945 г. Сталин ответил, что искомое наступление начнется во второй половине января. Москва явно хотела сделать то, что ее западные союзники оценили бы. Русский ответ оказался еще лучше ожидаемого на Западе: наступление началось 11 января. И Рузвельт и Черчилль неделей позже благодарили Сталина безмерно. Они выразили глубокую благодарность советскому командованию.

То была реальная помощь. Поразительное по силе советское наступление на Одере заставило немцев прекратить наступательные порывы на Западе. Военный престиж Советской армии никогда не был более значительным. Британское военное руководство в конце января 1945 г. так оценило стратегическую ситуацию: «Если русским удастся, они завершат войну в апреле». Но если тяжесть войны падет на западных союзников, «победа может прийти только в ноябре 1945 г.» В текущей ситуации никто не мог предсказать хода военных действий на территории Германии. И все же, в любом случае близость Советской армии к Берлину завораживала всех.

Прибытие в Крым

В этой ситуации состоялась встреча трех лидеров антигитлеровской коалиции. Спустя две недели, после вступления в должность президента на четвертый срок — во второй половине дня 3 февраля 1945 г. — самолет Франклина Рузвельта «Священная корова» приземлилась на замерзшее поле аэропорта Саки в северной части Крыма. На борт взошли министр иностранных дел СССР В. М. Молотов и государственный секретарь США Э. Стеттиниус. Но Рузвельт предпочел задержаться еще на двадцать минут, чтобы увидеть посадку британского самолета с премьер-министром Черчиллем. Своего рода знак солидарности западных союзников — они вместе вышли из самолетов под звуки оркестра Советской Армии. В военном джипе Рузвельт принял приветствие почетного караула. Черчилль шел рядом («как индийский подданный, — пишет лорд Моран, — сопровождающий фаэтон королевы Виктории»).

Длительный перелет (девять часов от Мальты) не мог не утомить президента. Но он весьма живо реагировал на все окружающее во время совместной с Черчиллем пятичасовой поездки из Саки в Ялту. Дорога была только что заасфальтирована, но изменить ландшафт, обезображенный боями 1942-1944 годов, не мог никто. Следы страшных разрушений, сгоревшие дома и подбитые танки виднелись по обе стороны дороги. Гарриман сообщил, что на полпути стоит вилла, на которой Молотов ожидает западных союзников с водкой, икрой и прочим. Рузвельт решил поберечь силы. (Черчилль поступил иначе).

Кортеж пересек гряды Крымских гор, и высокие западные союзники после горных круч неожиданно выехали к морю. Черчилля покорила разительный контраст зимнего пейзажа до Крымских гор и залитой солнцем Ялты. В распоряжение Рузвельта советская сторона предоставила лучшее, что имела — бывшую летнюю резиденцию царей — Ливадийский дворец с его пятьюдесятью комнатами, двумя крыльями, каждое из которых было построено вокруг отдельного двора. Башня с мавританскими арками возвышалась над комплексом дворца. Немцы в своей отчаянной ярости изъяли из Ливадии все, включая водопроводную систему, и Москве в трехнедельный срок пришлось оголить три своих лучших отеля, чтобы американская и английская делегация чувствовала себя комфортно. Рузвельт занял царские апартаменты — комнаты первого этажа Ливадийского дворца, единственные с примыкающим душем. Генерал

Маршал и адмирал Кинг расположились этажом выше — в прежних покоях императрицы. Зал заседаний располагался рядом, равно как и банкетный зал, поэтому президент на протяжении всей конференции мог быстро перекусить или поспать перед обедом.

Советская делегация прибыла в Ялту на следующий день. Все три руководителя попали «из зимы в лето», в погоду, которую называли «погодой Рузвельта» — именно он проделал самый большой путь и принес с собой средиземноморский климат. Как и погода, все было отчасти призрачно, необычно во время этой встречи. При этом у лидеров трех стран, судя по всему, еще не сформировалась четкая временная перспектива — они полагали, что война продлится еще не меньше года. Это обстоятельство имело серьезное значение: Рузвельт, как и его партнеры, думал, что у него достаточно времени для подготовки к переходу в послевоенный мир. Весеннего ускорения в войне той весной 1945 г. не предвидел никто.

Все три стороны были представлены самым внушительным образом. В американской делегации президента окружали Г. Гопкинс, адмирал Леги, генерал Маршалл, госсекретарь Э. Стеттиниус, сенатор Дж. Бирнс, специалист госдепартамента по международным организациям А. Хисс, генерал Сомервел и нью-йоркский политик Э. Флинн. Столь же представительными явились английская и советская делегации. Упоминание о таком характере делегаций необходимо для того, чтобы показать: даже, несмотря на усталость или слабость того или иного государственного деятеля, основные решения принимались в условиях большой подготовки и строгой перепроверки. Все американцы говорят в один голос, что, благодаря стараниям Гарримана и Болена, Рузвельт более чем когда-либо был осведомлен в европейских и особенно русских делах.

Дочь Рузвельта Анна писала: «Жизнь быстро принимает определенный порядок. За завтраком президент просматривает почту и диктует ответы на письма». В это время Анна обходила комнаты Гопкинса, Эрли и других чтобы собрать необходимую информацию. Затем она шла к отцу и сопоставляла сложившуюся у него картину с впечатлениями отца. После утренних сессий (четыре или пять часов) Рузвельт пытался в царских покоях сдерживать поток посетителей. Затем Рузвельту делали массаж и он переодевался для ужина.

Рузвельт читал те объяснения, которые давал советской позиции в отношении ооновского права вето посол Гарриман: у них есть резонные опасения в отношении других стран. Президент поставил задачу уменьшить эти подозрения. Большая дипломатия началась с встречи Рузвельта со Сталиным, крепко пожавших друг другу руки и улыбающихся друг другу подобно старым друзьям. Первыми же своими словами Рузвельт задал тон: кто добьется своей цели первым: американцы, войдя в Манилу, или русские, войдя в Берлин? Сталин ответил, что, без сомнения, первой падет Манила: немцы за Одером сражаются отчаянно.

На первой же встрече, 4 февраля 1945 г., сидя в обитом темным деревом царском кабинете, Рузвельт постарался завоевать доверие своих собеседников — Сталина и Молотова, говоря о своем потрясении от виденных в Крыму разрушений. Он теперь чувствует большее ожесточение в отношении немцев, и если Сталин поднимет тост за казнь 50 тысяч немецких офицеров, он его поддержит. Рузвельт пытался найти общий язык со Сталиным также по вопросу будущего Франции. Примечательно, что во время этой встречи со Сталиным Рузвельт пожаловался на англичан, которые уже два года упорно стремятся к воссозданию на западной границе Германии мощной Франции. По мнению Рузвельта, это обреченный на провал процесс. Франция неспособна сколько-нибудь эффективно противостоять восточному соседу. «Англичане особый народ, они хотят и съесть торт и иметь его», — так оценил английскую политику президент. Они поддерживают слабую Францию для того, чтобы сохранить контроль над Западной Европой.

Сразу после очень интенсивного обмена мнениями Рузвельт, Сталин и Молотов проследовали на первое пленарное заседание. Конференция началась в пять часов вечера 4 февраля 1945 г. в большом бальном зале. Первое пленарное заседание было посвящено обзору военной обстановки и состоялось в большом бальном зале дворца — прямоугольной большой комнате с арочными окнами и огромным камином.. (Присутствовал ли дух создателя дворца — царя Александра III на этом, без сомнения, странном для него собрании?). Сталин предложил

кресло председателя конференции, стоящее рядом с камином, президенту Рузвельту, в то время как сам он и премьер Черчилль разместились по разным сторонам большого круглого стола. Рядом с Черчиллем сидели министр иностранных дел Иден, его заместитель Кадоган, посол Керр. Вокруг Сталина сгруппировались народный комиссар внешних дел Молотов, его заместитель Вышинский, посол в США Громыко.

Первый раунд

Первая сессия началась с замечания Рузвельта, что предстоит решить многое, пересмотреть едва ли не всю карту Европы. Армии союзников приближаются друг к другу в Германии, и следует добиться большей координации планов. Сталин сказал, что следует готовиться к летнему наступлению, он, как уже говорилось, не верил в скорую развязку.

Согласно предложению Рузвельта, в Ялте надлежало сосредоточиться на трех основных задачах: решение польского вопроса, участие СССР в войне на Тихом океане и создание Организации Объединенных Наций. Последнее было для Рузвельта важнейшим, отражая его главный подход к послевоенному миру: им будет руководить международная организация; США являются одним из четырех ее гарантов; внутри этой четверки США займут место естественного лидера.

Подготовку и обсуждение вопроса об ООН Рузвельт начал задолго до Ялты. Еще в начале декабря 1944 г. он обсуждал в переписке со Сталиным проблему взаимодействия четырех главных членов ООН. В вопросе о прерогативах «четверки» он склонялся к мысли, что внутри этого высшего круга достаточно будет большинства (так Рузвельт страховался от превращения ООН в «негодный инструмент»). Рузвельт имел все основания полагать, что Англия Черчилля и Китай Чан Кайши пойдут именно за ним. Сталин занял очень жесткую позицию, выступая за принцип единодушия главной четверки. Так он страховался от изоляции в международной организации.

Со своей стороны, советская делегация явно вела себя неодинаково во встречах с англичанами и американцами. С последними Сталин, вполне очевидно, хотел найти компромисс. Он согласился с критическими замечаниями в адрес де Голля (с которым месяц назад подписал договор) и никогда на этой встрече не подчеркивал выигрышности советских военных позиций, уже занятых в Центральной Европе. Такие американские историки, как Д. Клеменс, считают, что он боялся напугать Рузвельта, не хотел создавать впечатление о всемогуществе СССР на данном этапе войны и даже искусственно затянул наступление на Берлин, отказав маршалу Жукову закончить войну в феврале 1945 г. прямым броском на «Берлин, до которого на отдельных участках оставалось всего 60 километров».

Как думалось президенту, его попытки найти личный контакт со Сталиным начали приносить плоды. Вечером того же дня, во время организованного американцами ужина в узком кругу, ФДР говорил об ответственности великих держав. Царило редкое единодушие (испорченное на некоторое время лишь неудачной попыткой Рузвельта обратиться к Сталину как к «дяде Джо»). Черчилль поддержал правило единодушия в высшем совете новой мировой организации. Он также использовал свое право на бестактность, когда провозгласил тост за мировой пролетариат.

Казалось, что устанавливается стабильное советско-американское понимание. Действуя в духе конфиденциальной критики англичан, обмен которой у него уже состоялся с Рузвельтом, Сталин на конференции несколько антагонизировал Черчилля, сказав, что суверенный Египет может потребовать на Ассамблее Объединенных Наций права на Суэцкий канал. Рузвельт очевидным образом стремился найти компромиссную почву, он неоднократно повторял, что единство трех представленных на конференции держав — ключ к созданию подлинно стабильной международной системы в послевоенном мире. Рузвельт поддержал Сталина в вопросе о репарациях: «Уровень жизни в Германии не должен превышать уровня России». (Запомни эти слова читатель: после войны американцы откажут русским в обещанных

10-миллиардных контрибуциях).

Двустороннему сближению содействовало ощутимое изменение советской позиции, снятие просьбы о предоставлении отдельных мест в Ассамблее всем шестнадцати советским республикам. Советская делегация попросила предоставления отдельных мест лишь особо пострадавшим в войне республикам — Украине и Белоруссии. Правда, вначале, Рузвельт, выслушав Молотова, тотчас же выразил свое несогласие. Он предложил оставить вопрос о членстве в ООН до созыва учредительной конференции. Министрам иностранных дел он рекомендовал уже в Ялте решить вопрос о месте созыва этой конференции и ее участниках. Англичане поддержали советское предложение, и Рузвельт, оказавшись в одиночестве, предпочел не заострять ситуацию в момент, когда дорога к созданию ООН обозначилась и даже была названа дата ее созыва — 25 апреля 1945 г.

Но просто уступить советскому пожеланию Рузвельт считал неправильным, он выдвинул контрпредложение: США тоже получают два дополнительных голоса. Президент аргументировал это тем, что американский конгресс и народ «не поймут», почему великие державы «не равны» по своему представительству на Ассамблее Организации Объединенных Наций. И советская и английская делегации признали правомочность американских аргументов. Ближайшие сотрудники — Гопкинс и Стеттиниус склонялись к принятию этого предложения — ведь речь шла о создании грандиозной организации и опасения СССР относительно изоляции в ней были достаточно понятны. Всего лишь несколько лет назад Лига Наций исключила СССР из своих членов. Согласие обещало проведение международной конференции по созданию ООН уже в апреле и, что важно отметить, в Соединенных Штатах. Рузвельт преодолел свои сомнения (которые поддерживали Леги и Бирнс). В противодействии советской просьбе на этом этапе выражалось, скорее, не желание оставить СССР в мировой организации в одиночестве, а воспоминания, как противники Лиги Наций в 1919-1920 годах использовали аргумент о том, что Англия, имея в руках голоса пяти своих доминионов, всегда сумеет возобладать над «одинокими» Соединенными Штатами.

Наступило максимальное за период войны сближение трех стран. Сталин провозгласил тост за Черчилля как самого смелого государственного деятеля мира, как вождя страны, в одиночестве стоявшей против Гитлера. Черчилль тут же мобилизовал свое красноречие и приветствовал Сталина как вождя страны, сокрушившей хребет германской военной машины. Сталин поднял тост за Рузвельта как за государственного деятеля, имевшего наилучшее понимание своих национальных интересов. Рузвельту оставалось сказать, что их встреча напоминает семейный обед. Сталину, видимо, это показалось занижением тона, и он провозгласил тост за «наш союз» и пояснил: «В союзе союзники не должны обманывать друг друга. Возможно, это наивно? Опытные дипломаты могут сказать: „Почему я не должен обманывать своего союзника?“ Но я как наивный человек думаю, что лучшим для меня является не обманывать своего союзника, даже если он глуп. Возможно, наш союз силен именно потому, что мы не обманываем друг друга, или потому, что не так просто обмануть друг друга».

Противоречия

Репарации. Параллельно работали министры иностранных дел. Когда Иден, Молотов и Стеттиниус обсуждали в первый день проблемы Германии, Молотов сделал особый акцент на желательных для СССР германских репарациях. Советская делегация желала главенства следующего принципа: каждая страна получит долю репараций, корреспондирующую понесенным потерям. Советская делегация хотела получить от Германии репарации в размере 10 млрд. долл. — и получать их в течение десяти лет. Репарации желательно было получить продукцией германской экономики и переводом части заводов в СССР. Советская делегация предлагала лишить Германию четырех пятых ее индустрии, полностью ликвидировать военную промышленность и установить контроль над германским производством на продолжительный исторический период.

Черчилль выступил категорически против: общая сумма репараций очень велика, а ее распределение несправедливо. Рузвельт сказал, что он выступает за максимальные репарации, но голода в Германии следует избежать; президент не хотел называть точные цифры. Советская делегация отвергла утверждение о «слишком высоком» уровне репараций. Сталин жестко сказал, что Франция вообще не заслуживает репараций. Двумя днями позже советская делегация предоставила чрезвычайно детализированные выкладки, показывающие каким образом советская сторона пришла к цифре 20 млрд. долл. репараций из Германии всем потерпевшим странам. Это была единственная детальная схема репарационных выплат — никто из воевавших с Германией стран не выдвинул ничего подобного. Госсекретарь Стеттиниус согласился «изучить» схему, но было видно, что репарации западных союзников не интересуют.

Здесь рождается большое противоречие, многое объясняющее в возникновении причин холодной войны. Американцам и англичанам, странам свободной капиталистической экономики репарации были не нужны. Более того, они им мешали — мешали своей промышленности развить рыночную тягу. Всего этого никак не понимали «марксисты», научно правящие Советской Россией. Пытаясь найти общий язык, они предлагают Соединенным Штатам и Британии 8 миллиардов (из общих предлагаемых 20 млрд. долл. германских репараций). Эти репарации, с точки зрения Дж. М. Кейнса — ведущего экономиста англосаксонского мира — убивали национальную экономику Британии, он отказывался от репараций как после первой, так и после второй мировой войны. Важно: нечувствительность западных союзников к разоренной войной России неизбежно сказалась. Даже невольный взгляд на разоренный Крым (по пути из Сака в Ливадию) произвел большое впечатление на американцев и англичан. Но ни один из них не выразил подлинного сочувствия к России, которая буквально взошла на Голгофу и оценила бы сочувствие союзников.

Рузвельт и Черчилль многое не обязаны были понимать. Но ощутить боль страны, которая избавила их от агрессора, сохранила им миллионы жизней — здесь черствость порождает чувство, что Россия может полагаться лишь на себя. Это была важная первая предпосылка конечного отчуждения.

И. Майский с горечью вспоминает, что Стеттиниус и Иден действовали так, словно их задачей было минимизировать репарационное бремя Германии. А Стеттиниус — перед лицом советской делегации своеобразно успокаивал Идена: «Ведь мы договорились только рассмотреть проблему на Московской конференции по репарациям. Англичане продолжали закатывать истерики, что германия сможет выплачивать репарации только через десять лет после окончания войны. (Читатель волен судить сам, но через десять лет, в 1955 г. одна лишь Западная Германия (без ГДР) обошла Британию по объему валового национального продукта).

Территориальный раздел Германии. Видя жесткость западных союзников, Сталин решил привязать проблему репараций к проблеме территориального раздела Германии. Он счел необходимым напомнить Рузвельту о принятом в Тегеране решении о разделе немецкого государства — тогда президент говорил о пяти германских государствах. Какой стала позиция Соединенных Штатов к Ялте? Рузвельт проявил интерес к формированию оккупационных зон, что было несколько иной постановкой вопроса, но так или иначе, касалось заданного Сталиным вопроса. Черчилль сразу же отказался связать себя с каким-либо определенным планом в этом вопросе, но Рузвельт во второй раз проявил свою заинтересованность — тем самым ставя вопрос на поверхность обсуждения. Теперь мы знаем, что государственный департамент был категорически против раздела Германии и идея пока держалась лишь на личном мнении Рузвельта. Не желая антагонизировать Черчилля, Сталин посчитал нужным согласиться с ним, что процесс Германии как государства нужно пока решать принципиально, а не непосредственно. Впоследствии союзная комиссия решит конкретные вопросы.

Здесь назревало второе противоречие, вызвавшее позднее холодную войну. География не изменялась, и Россия после смертельной борьбы продолжала оставаться соседом могучей Германии, находясь в окружении малых, и часто враждебных стран. Из Вашингтона проблема могла видеться как академическая, либо решенная новым могуществом Соединенных Штатов.

Но из Москвы данная проблема смотрелась как возможность ужасающего будущего. Недаром Сталин постоянно говорил об удивительно работоспособности и талантливости немцев — им для восстановления своей мощи понадобится всего несколько лет (он был прав). Полная нечувствительность Лондона и Вашингтона рождала у русских чувство, что в случае кризиса с ними поступят так, как поступали до 6 июня 1944 г. — предложат самим искать тропу выживания.

Ситуация усложнилась твердостью британской позиции. Энтони Иден категорически отказался даже рассмотреть проблему, его возмущала сама постановка вопроса о расчленении Германии «по мере необходимости сохранения мира и безопасности». В результате идею раздела Германии на несколько государств послали в специальную комиссию. (Президент Рузвельт справедливо полагал, что там она и умрет).

Итак, по вопросу Германии Соединенные Штаты и Британия добились в Ялте своего подхода к германской проблеме. Проявив при этом жестокую нечувствительность. Даже Рузвельт и Гопкинс решили занять необязывающую позицию.

Роль Франции. Сталин был против предоставления Франции зоны оккупации в Германии — эта страна, по его мнению, открыла свои двери немцам и меньше, скажем, югославов, участвовала в войне. Польша в этом отношении имеет больше прав. Но западные союзники не только дали Франции оккупационную зону, но и место в Контрольном совете (что Сталин принял молча, не желая обострять отношения с Западом)

Подмандатные территории. Рузвельта волновал вопрос о подмандатных территориях. Девятого февраля 1945 г. Стеттиниус предложил включить в повестку дня работы грядущей учредительной конференции ООН вопрос об опеке. Более того, с американской точки зрения, Хартия ООН должна была содержать положения об опекунских правах отдельных стран. Характерна реакция У. Черчилля, на жизненных силах которого, видимо, сказались напряжение этих дней, ослабившее даже его огромные жизненные силы. По поводу предложения об опеке он воскликнул: «Ни при каких обстоятельствах я не соглашусь на то, чтобы шарящие пальцы сорока или пятидесяти наций касались вопросов, представляющих жизненную важность для Британской империи. До тех пор, пока я являюсь премьер-министром, я никогда не отдам под опеку ни пяди нашего наследства». Сталин поднялся со своего кресла и зааплодировал. (Черчилль тотчас же обратился к Сталину с вопросом: как он отнесется к превращению Крыма в международную зону отдыха? Сталин сказал, что был бы рад превратить Крым в постоянное место встреч большой тройки. Стеттиниусу пришлось успокаивать Черчилля. Американцы, доверительно шептал он, не посягают на Британскую империю. Речь идет лишь о подмандатных территориях Лиги Наций, территориях, принадлежавших поверженным противникам, и о тех территориях, которые готовы встать под контроль ООН добровольно. Было решено, что еще до созыва учредительной конференции постоянные члены Совета Безопасности проведут консультации по поводу системы опеки.

Право «вето». Противоречия американцев с русскими и англичанами возникли по поводу права вето. Американцы полагали, что право вето не относится к обсуждениям международных вопросов, а только к конкретным наказуемым и прочим мерам. Уже в первый вечер конференции Сталин сказал, что СССР готов участвовать в совместных операциях с США и Британией, но он никогда не позволит малым державам вмешаться в русские дела.

Атомная проблема. Несомненно, в Ялте мысли о ядерной проблеме не оставляли Рузвельта. Черчилль вспоминает, что «был шокирован, когда президент внезапно в будничной манере начал говорить о возможности открытия атомных секретов Сталину на том основании, что де Голль, если он узнал о них, непременно заключит сделку с Россией». Черчилль постарался успокоить партнера по атомному проекту: «В одном я уверен: де Голль, получи он достаточно атомного оружия, не хотел бы ничего большего, чем наказать Англию, и ничего меньшего, чем вооружить коммунистическую Россию этим оружием... Я буду продолжать оказывать давление, чтобы не позволить ни малейшего раскрытия секретов Франции или России... Даже шестимесячный период представляет значимость, если дело дойдет до выяснения отношений с Россией или с де

Голлем». Рузвельт согласился, и в Ялте по поводу атомного оружия царил молчание. Стало ясно, что президент и Черчилль не намерены делиться этим секретом с СССР в ходе войны. И когда они заявляли о приверженности союзу трех великих держав — в военное время и после — они сохраняли для себя существенную оговорку. Сейчас мы определенно знаем, что все изъясления союзнической дружбы следует коррелировать с молчанием по этому вопросу.

Доказательство не агрессивности

Общая британская оценка может быть взята из письма Кадогана в последний день конференции: «Я никогда не видел русских настолько легкими и готовыми уступить. В особенности хорош был дядюшка Джо. Он — великий человек и особенно впечатляющ на фоне двух стареющих государственных деятелей». Черчилль был под впечатлением чувства юмора Сталина, его готовности к пониманию и умеренности. По возвращении в Лондон Черчилль пишет: «Пока Сталин жив, англо-русская дружба будет сохранена. Бедный Невиль Чемберлен верил, что может доверять Гитлеру. Он был не прав. Но я полагаю, что прав в случае Сталина». А вот что пишет генерал Исмей: «Конференция явилась огромным успехом — и во многом не благодаря формальным ее заключениям, а ввиду духа откровенного сотрудничества, характеризовавшего дискуссии, как формальные, так и неформальные... В политической сфере осталось несколько препятствий, которые конференция не смогла преодолеть. Но, по крайней мере, мы прошли этот путь не круша стены».

Следует отметить следующее важное обстоятельство. Тогда, в феврале 1945 г. Советская армия, уже два года безостановочно гнавшая вермахт в фатерлянд, стояла всей своей мощью на восточной границе Германии. В этих обстоятельствах, будучи коварной, любая военно-политическая сила постаралась бы ради достижения своих целей использовать военно-стратегический фактор. Она обрадовалась бы готовности американцев уйти, а немцев постаралась бы «купить» сохранением единства Германии. Ничего подобного не последовало со стороны России.

Именно в той обстановке, стоило Сталину приступить к односторонней дипломатии, к односторонним действиям — и никто в мире не смог бы сказать ни слова. Американцы ждали советские войска ради уничтожения японских наземных сил в Китае — а не в битвах с американцами на островах. Англичане не могли решить германской задачи, они еле отдышались от арденнского контрнаступления немцев. Советская Россия могла со всей силой мщения, закрыть глаза на два года подводивших ее союзников и решать германскую проблему по-своему. Обратим внимание на это обстоятельство. Если бы Кремль заведомо готовился к отчуждению западных союзников, он бы постарался занять максимально выгодные позиции в центре Европы. А проблемы репараций не выдвигал бы вперед — их он решил бы одним махом.

Но Сталин сдержал в феврале 1945 г. маршала Жукова, стоявшего в ста километрах от германской столицы. Всякий, кто обвиняет Советский Союз в начале «холодной войны», пусть поразмыслит над германской политикой Кремля. Ведь советское руководство весьма легко могло бы использовать свою подпись (или ее отсутствие) в проблеме о зонах оккупации от уступок Запада в других вопросах. И это был бы мощный фактор. В этом пункте максимальной силы Советского Союза его руководство посчитало занять жесткий курс не рациональным. Один рывок в центр Германии решал для России все, но Москва не пошла на подобное коварство, сохраняя союзническую лояльность. Не так поступят американцы в час своего всемогущества, связанного с ядерным оружием.

Шестнадцатого марта 1945 г. американский посол в Париже Дж. Кэффери сообщил президенту, что де Голль совмещает просьбы о помощи американцев в деле восстановления позиций Франции в Азии с предупреждениями, что неудача в возрождении французского могущества заставит Францию стать «одним из федеративных государств под эгидой русских... Когда Германия будет сокрушена, они (русские) обернутся к нам... Мы не желаем стать коммунистами; мы не желаем попасть в русскую орбиту, и мы надеемся, что вы не подтолкнете

нас в нее».

Если бы советская сторона хотела перечеркнуть все американские планы в Европе, она просто могла воспользоваться своим превосходным договором с Францией от декабря 1944 г.

Важнейшая проблема, одолевавшая Рузвельта в Ялте, — возможность вступления СССР в войну против Японии. Президент предпринял активные двусторонние переговоры с советским руководством. Они начались на пятый день конференции. На первой встрече кроме лидеров присутствовали В. М. Молотов, А. Гарриман и переводчики. Рузвельт знал о пожеланиях советского руководства и начал встречу прямо с сути: он не видит трудностей в возвращении в будущем Советскому Союзу южной части Сахалина и Курильских островов. Что касается незамерзающего порта, то этот вопрос они вдвоем со Сталиным уже обсуждали в Тегеране, и он остается при прежнем мнении: Россия должна получить южный порт в окончании Южно-Маньчжурской железной дороги. Это можно будет сделать либо путем прямой аренды порта у китайского правительства, либо за счет превращения Дайрена (Дальнего) в международный открытый порт. Сам Рузвельт склонялся ко второму варианту, но не исключал и первый.

Почему Рузвельт так тяготел к сотрудничеству? Ответ найти нетрудно. Именно в это время американские военные в очередной раз просчитывали возможные потери в ходе завершения войны с Японией. Всеобщим было мнение, что операции будут исключительно кровопролитными, и союзническая помощь СССР явилась бы крайне полезной. Военные планировщики полагали, что даже с участием СССР война на Тихом океане будет длиться не менее восемнадцати месяцев. Без помощи же СССР война «может длиться бесконечно с неприемлемыми потерями». (Последней крупной битвой на островах была высадка 1 апреля 1945 г. на Окинаве 183 тысяч американцев, которым противостояли 110 тысяч японцев. На флот вторжения обрушились девятьсот тридцать камикадзе, они уничтожили десять миноносцев и один легкий авианосец и повредили более двухсот других судов. На пути к Окинаве американцы потопили флагман японского флота — суперлинкор «Ямато» (водоизмещением в 64 тысяч тонн), чьи пушки калибра 18,1 дюйма, крупнейшие в мире, так никогда и не нанесли удар по достойной цели. Битва за Окинаву продолжалась почти три месяца. Захват Окинавы ставил на повестку дня вопрос о высадке на собственно Японские острова. Потери в этих сражениях, судя по Окинаве, могли быть колоссальными.) Американские военачальники подчеркивали необходимость того, чтобы Советская Армия начала боевые действия против Японии, по меньшей мере, за три месяца до начала высадки американцев на Кюсю, первом из четырех главных Японских островов.

К этому времени Рузвельт уже предполагал, что атомная бомба будет применена против японцев примерно в августе текущего года. Но тем не менее он не ослаблял усилий в деле привлечения к войне на Дальнем Востоке Советского Союза. С одной стороны, никто в руководстве США не знал подлинной эффективности атомного оружия, с другой — ему в это время обещали создание не более двух бомб в 1945 г. В кармане Рузвельта лежала рекомендация Объединенного комитета начальников штабов: «Участие России в максимально приближенные сроки, которые позволяют ей ее наступательные возможности, крайне желательно». Высшее военное командование США довело до сведения Рузвельта в январе 1945 года, что «необходимо обеспечить всю возможную помощь нашим операциям на Тихом океане». Оно видело следующие выгоды от вступления СССР в войну: разгром Квантунской армии, уничтожение континентального плацдарма Японии, уничтожение всех видов сообщения между азиатским материком и японским архипелагом, бомбардировки Японии с советских аэродромов на Дальнем Востоке. Главное: устрашающие калькуляции о миллионных потерях американских войск уйдут в область предания. Возможно, что Рузвельт в эти дни и часы помнил и совет У. Буллита, данный в 1943 г.: завязанность Советского Союза на Дальнем Востоке обеспечит реализацию американских планов на противоположном конце земного шара — в Европе.

Немало внимания уделялось маньчжурским железным дорогам. Рузвельт хотел, чтобы передача Китайской восточной железной дороги в аренду Советскому Союзу осуществлялась правительством Чан Кайши. Вероятно, были бы найдены пути совместного советско-китайского

управления этой дорогой. Но Рузвельт сам признал, что начать переговоры с Чан Кайши означало бы оповестить через двадцать четыре часа весь мир о намерениях СССР вступить в войну. Сталин выразил согласие провести переговоры с китайцами после того, как на Дальнем Востоке будет сосредоточено не менее двадцати пяти дивизий. Он хотел, чтобы советские условия вступления в войну были письменно поддержаны Рузвельтом и Черчиллем. Рузвельт ответил согласием.

Ясно, что в эти дни президент исходил из концепции долгосрочного сотрудничества с СССР. Вместо резервации для Китая позиции, уравнивающей СССР в Евразии, Рузвельт в Ялте дал четкий ответ на вопрос, кто является его главным союзником в войне и в последующем мире. Это были дни больших ожиданий с точки зрения советско-американских отношений.

Думая о соотношении СССР и Китая в плане пользы для США, Рузвельт тогда был полон надежд на то, что именно советское руководство поможет найти путь к компромиссу между Чан Кайши и Мао Цзэдуном, поможет превратить Китай в действительно мощный фактор мировой политики. Как бы подтверждая реальность планов президента, Сталин сказал, что в Китае уже существовал некоторое время единый антияпонский фронт и он не видит особых препятствий для воссоздания этого фронта в будущем. Вероятно, у Сталина были опасения, что продолжение войны может быть губительным для Мао Цзэдуна и он, со своей стороны, хотел компромиссным путем обезопасить северные коммунистические районы. По крайней мере, он не выразил никакого желания расколоть Китай, обострить гражданскую войну. В зафиксированном письменном перечислении советских условий вступления в войну с Японией есть согласие заключить «пакт дружбы и союза» с гоминдановским правительством для освобождения Китая от японской оккупации.

Десятого февраля Рузвельт и Сталин окончательно условились, что СССР, вступит в войну против Японии через два-три месяца после завершения боевых действий в Европе. Три великие державы антигитлеровской коалиции признавали независимость Монголии, необходимость возврата Советскому Союзу Южного Сахалина, интернационализацию Дайрена — с признанием советских интересов в нем, передачу Советскому Союзу в аренду военно-морской базы в Порт-Артуре, создание совместной советско-китайской компании по эксплуатации восточнокитайских и южноманьчжурских железных дорог. Был специально оговорен суверенитет Китая в Маньчжурии, особо указано на правомочность передачи Курильских островов СССР.

Этот документ отражает определенное противоречие в отношении Рузвельта к правительству Чан Кайши. С одной стороны, он не согласился с послем Гарриманом, требовавшим снять недвусмысленную фразу из документа: «Главы трех великих держав пришли к согласию, что эти требования Советского Союза должны быть безусловно выполнены после поражения Японии». Рузвельт явно считал, что отсутствие этой фразы сделает неизбежными американские консультации с Чан Кайши, вызовет необходимость давления на Китай, согласование с ним указанных условий и т. п. Видно, что Рузвельт фактически не воспринимал правительство Чан Кайши в какой-либо мере равным «великой тройке». С другой стороны, президент добавил к процитированной фразе текста следующее: «Соглашение относительно Внутренней Монголии, портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши». Это означало, что националистическому правительству Китая давалась в будущем зацепка дипломатически «торговаться» с Советским Союзом, особенно если этого потребуют обстоятельства гражданской войны. В своих мемуарах Черчилль называет все эти переговоры и «китайские тонкости делом американцев... Для нас эта проблема была отдаленной и вторичной по значению».

Очевидец — адмирал Леги свидетельствует об удовлетворенном состоянии президента Рузвельта — «нет сожалений относительно того, что получили русские. Он думал, что русские заслужили всего этого». Позитивный ответ на вопрос о возможности сотрудничества с русскими, поставленный два года назад Идену. Рузвельт как бы создал свою — «ялтинскую аксиому».

С нашей точки зрения, справедливы слова американского историка Д. Йергина, который

обобщил конференцию так: «В общем и целом, русские сделали больше уступок, чем Запад; и когда они представляли свои предложения, они, по существу, просто возвращали предложения, переданные им ранее западными державами. Русские помнили свои трудности в Лиге Наций, которые, в конечном счете, привели к их исключению. Они беспокоились о том, что найдут себя изолированными в новой международной организации, контролируемой Соединенными Штатами и Объединенным Королевством посредством своих союзников, клиентов, доминионов и „добрых соседей“. Русские приняли американский компромисс, при котором великие державы сохраняли право вето в Совете Безопасности, а западные лидеры согласились поддержать принятие двух или трех советских республик. Англичане добились модифицированной роли великой державы для Франции, включая зону оккупации в Германии и участие в Германской контрольной комиссии“.

Относительно позиции Сталина приведем слова британского историка Овери: «Сталин не обманывал Запад, они обманывали себя сами. Ничто в Сталине не позволяло предположить, что он отойдет от политического оппортунизма и защиты собственных национальных интересов... Его приоритетом была советская безопасность, вот почему Польша так много значила для него». По окончании конференции Рузвельт пишет: «Конференция в Крыму была поворотным пунктом — я надеюсь, и в нашей истории и в мировой истории... Крымская конференция должна положить конец системе односторонних действий, особых союзов, сфер влияния, баланса мощи и всех прочих средств, которые опробовались в течение столетий — и всегда приводили к краху. Мы предлагаем замену всему этому в виде всеобщей организации, в которую все миролюбивые нации в конечном счете будут иметь возможность войти. Мы должны либо взять ответственность за мировое сотрудничество, либо нести ответственность за следующий мировой конфликт».

Сталин сказал, что мир будет сохранен, по крайней мере, на период жизни трех руководителей-участников. Но он не знал — не мог ответить — каким будет мир через десять лет. Через некоторое время он сказал, что «есть вопросы более важные, чем создание международной организации». Не следует слишком большое внимание уделять малым государствам. «Самую большую опасность несет конфликт между тремя Великими Державами». Главная задача — предотвратить их конфликт, «обеспечить их единство на будущее».

Польша

На третьем пленарном заседании Рузвельт объявил, что хотел бы обсудить польский вопрос. «Я проделал самый длинный путь и, находясь на самом большом удалении, имею преимущества взгляда издалека». Касательно Польши вопрос вставал о границах и правительстве. Отметим, что польский вопрос обсуждался в Ялте больше и детальнее, чем какой-либо другой.

Головной болью западных союзников польский вопрос встал еще на предварительном заседании на Мальте. Было ясно, что реформировать эмигрантское лондонское правительство уже поздно. Советская армия стояла на польской территории и вовсе не просила о воздействии на лондонских поляков. В то же время Рузвельт и Черчилль не были готовы признать люблинское правительство. Бросить все ради защиты старой Польши? Госсекретарь Стеттиниус предупредил президента Рузвельта, что неразрешенность польской проблемы может в конечном счете поставить под вопрос наиболее ценное американцами — создание Организации Объединенных наций.

Три фактора воздействовали на Рузвельта в польском вопросе: решения Тегеранской конференции; реалистическая оценка потребности Советской Армии в дружественном, а не враждебном тыле; и, главное, учет того, что в общую международную организацию главные военные союзники должны войти, соблюдая интересы своей безопасности. Последнее касалось СССР не в меньшей степени, чем США.

Складывается впечатление, что в «польском вопросе» Рузвельт был гораздо менее связан

идеей американского самоутверждения, чем многие его дипломатические помощники. Как пишет американский историк Р. Даллек, у Рузвельта не было особых иллюзий относительно американского влияния в этой стране, но «он надеялся, что Сталин примет предложения, которые сделают Польшу меньшим по значимости предметом обсуждений внутри США и за границей... Он утверждал, что удаленность Америки от Польши делает его объективным в отношении этой проблемы. Но в США проживает от шести до семи миллионов поляков, и ему было бы легче иметь с ними дело, если бы советское правительство изменило „линию Керзона“ — в частности, отдав Польше Львов и нефтяные месторождения в прилегающей области. Но он лишь делает предложения, — добавил быстро президент, — и вовсе не настаивает на них».

Польский вопрос был единственным, при обсуждении которого хладнокровие едва не покинуло руководителя советской делегации. Сталин после испрошенного им десятиминутного перерыва сказал: «Если для Великобритании вопрос о Польше является вопросом чести, то для России это не только вопрос чести, но и вопрос безопасности... В течение последних тридцати лет Германия дважды пересекала этот коридор вследствие того, что Польша была слаба. В русских интересах, как и в польских интересах, иметь сильную Польшу, мощную и имеющую возможность собственными силами закрыть этот коридор. Этот коридор не может быть механически закрыт извне Россией. Он может быть закрыт лишь изнутри самой Польшей. Необходимо, чтобы Польша была свободной, независимой и мощной... Я должен напомнить вам, что „линия Керзона“ была изобретена не Россией, а иностранцами Керзоном, Клемансо и американцами в 1918-1919 годах. Россия не изобретала ее и не участвовала в этом... Некоторые люди хотят, чтобы мы были меньше русскими, чем Керзон и Клемансо».

Военная необходимость диктует предотвращение стрельбы советским войскам в спину. Следует предотвратить подобные действия АК. Почему не признать сотрудничающий с советскими войсками люблинский комитет? Его права на представительство польского народа не меньше чем у де Голля, с согласия союзников представляющего французский народ. 6 февраля Сталин пригласил в Ялту руководителей люблинского правительства, а 7-го февраля Молотов предложил советский пакет решения польского вопроса: союзники признают «линию Керзона» (с некоторыми изменениями в пользу Польши на востоке и с границей по Одеру-Западной Нейссе на западе), в люблинское правительство будут включены «некоторые эмигрантские лидеры» — расширенное правительство будет признано Соединенными Штатами и Британией, в Польше при ближайшей возможности будут проведены всеобщие выборы. Трехсторонняя комиссия оценит расширение польского правительства и даст соответствующие рекомендации своим правительствам.

Президент Рузвельт назвал эти предложения интересными, к нему присоединился Черчилль, оба они испросили время подумать над данными предложениями. По существу Рузвельт предложил отложить обсуждение польского вопроса. В течение последующих трех дней он и Стеттиниус стремились достичь продвижения за счет «тихой дипломатии». Все же Рузвельт посчитал нужным уведомить Сталина, что он не признает люблинское правительство в его нынешнем составе. Тут же он добавил, что, не решив этот вопрос, три лидера «потеряют доверие мира». По мнению Черчилля, люблинское правительство не отражает воли даже трети польского населения. Западные союзники рискуют потерять доверие 150 тысяч поляков, сражающихся на западном фронте и в Италии. Обратившись к Сталину, Рузвельт сказал, что «большинство поляков похоже на китайцев, им главное — спасти лицо». Советская делегация дала обещание реорганизовать люблинское правительство на широкой демократической основе с включением демократических политиков внутри и за пределами Польши. Это правительство проведет свободные выборы. Послы США и Англии в Москве — Гарриман и Керр смогут осуществлять контакты с представителями люблинского правительства в Москве и с другими польскими деятелями.

Лед несколько тронулся. Рузвельт подчеркнул, что он за то, чтобы в Варшаве было правительство, дружественное по отношению к Советскому Союзу. Он предложил призвать на текущие совещания двух членов люблинского правительства и двух-трех других польских

политиков, чтобы здесь же, не откладывая дела в долгий ящик, решить вопрос о временном правительстве Польши. Сталин выдвинул контрпредложение: пусть часть деятелей польской эмиграции войдет в люблинское правительство.

Премьер-министр Черчилль, имея в виду получение Польшей больших территорий на западе с шестимиллионным немецким населением, предупредил, что «польский гусь» не должен «съесть слишком много немецкой пищи, чтобы не возникла угроза несварения». Сталин заверил, что бегство немцев от наступающей Советской армии оставит полякам практически пустую территорию.

Можно ли было ставить под вопрос успех всей союзнической конференции, войска участников которой стояли уже под Берлином? Черчилль просил учесть, что несогласие в польском вопросе будет иметь трагические последствия. Британский премьер желал демократического решения вопроса. В этом месте Сталин не выдержал и «попросил страстного сторонника демократии в Польше объяснить присутствующим, что ныне происходит в Греции?». Американская сторона при желании, могла бы воспользоваться этим вопросом. Черчилль ответил, что ответ на этот вопрос займет слишком много времени. Похоже было, что ситуация в Греции, как и греческая демократия, не особенно интересует президента Рузвельта. По крайней мере, он не проявил того интереса, который был столь острым в польском вопросе. Итак, польская демократия — это все, а греческая демократия — это нечто побочное. Сталин также сказал, что он не предъявляет счета Черчиллю по поводу формирования греческого правительства.

Президент спросил, сколько времени понадобится для проведения всеобщих выборов в Польше? Американская делегация предложила модификации к пакету от 7 февраля: «линия Керзона» будет принята, но на западе граница Польши будет отодвинута к востоку — Польша потеряет 8100 квадратных миль. Три великие державы проведут дискуссии относительно создания Правительства национального единства, пока же Польшей будет управлять президентский совет из трех человек, где Люблин будет представлен коммунистом Берутом; после создания такого правительства великие державы дипломатически признают новое польское правительство.

Именно 8 февраля обсуждение польского вопроса достигло критической точки. Рузвельт сказал, что между союзниками осталась одна проблема — как будет управляться Польша до всеобщих выборов. Рузвельт выразил сомнения в целесообразности переноса границы на реку Нейссе. Но он и Черчилль в принципе согласились с идеей переноса польской границы значительно на запад, хотя и не так далеко. Отвечая, Сталин начал проводить аналогию между польским и французским правительством. По его мнению, ни правительство де Голля, ни временное правительство Польши не имело ясно выраженного мандата избирателей, но Советский Союз признал режим де Голля, и союзники должны сделать то, же самое по отношению к люблинскому правительству.

В конечном счете президент очертил свое понимание вопроса. Польша должна ограничить себя на востоке «линией Керзона», на западе присоединить к национальной территории Восточную Пруссию и часть Германии. Рузвельт настаивал на том, что правительство в Варшаве должно иметь расширенный политический фундамент, включить представителей пяти главных партий (президент перечислил их). Черчилль поддержал президента, напомнив о том, что Англия вступила в войну вследствие нападения на Польшу, и восстановление польского суверенитета является для англичан делом чести.

Молотов сказал, что для советской стороны в общем и целом приемлемы контрпредложения американской стороны за исключением пункта о президентском совете в Польше. Стеттиниус согласился с этим изменением. Он снова повторил, что Соединенные Штаты откажутся участвовать в создании Организации Объединенных наций, если польская проблема не будет решена.

Именно на этой фазе Рузвельт и Черчилль согласились с основой решения польского вопроса. Что касается деталей, то они решили передать доработку польского вопроса в руки

министров иностранных дел.

Повторяем, важные свидетельства говорят о нежелании Рузвельта превращать польский вопрос в главную межсоюзническую проблему. Компромисс был ему нужен для решения гораздо более масштабных дел послевоенного мира. И если прежде он настаивал на том, чтобы люблинское правительство составляло лишь одну треть будущего правительства Польши, то теперь он удовлетворился обещанием общего расширения основы польского правительства за счет демократических сил, находящихся за пределами Польши. Рузвельт предложил, чтобы послы трех великих держав в Варшаве наблюдали за выполнением польским правительством взятых обязательств по расширению политического спектра кабинета министров и проведению всеобщих выборов. Более того, Рузвельт здесь же, в Ялте, модифицировал свою позицию — не «наблюдать» за польским правительством получили мандат послы, а «информировать свои правительства о ситуации в Польше».

Повторим: все действия и конечные мнения Рузвельта базировались на том, что у США и Англии нет эффективных рычагов определения политической ситуации в Польше. Представляет интерес мнение А. Гарримана о восприятии советским руководством американской позиции. «Сталин и Молотов пришли к заключению в Ялте, что, ввиду нашего согласия принять общие словесные формулировки в декларации по Польше и освобожденной Европе, признания нужды Красной Армии в безопасных тыловых зонах и преобладающих интересов России в Польше как в дружественном соседе и как в коридор, ведущем к Германии, мы проявили понимание и согласились на принятие уже известной нам советской политики». Окончательное соглашение в Ялте по польскому вопросу предполагало «реорганизацию польского правительства на широкой демократической основе».

Во исполнение этого решения трое представителей лондонского правительства вошли в варшавское правительство, которое возглавил премьер лондонского правительства Миколайчик. Беседуя с адмиралом Леги, Рузвельт сказал, что добился максимума возможного в польском вопросе. Он не мог бесконечно оказывать воздействие на союзника, от которого зависело число американских жертв в Европе и на Дальнем Востоке, союзника, обеспокоенного враждебностью Запада и заботившегося о своей безопасности в конце самой кровопролитной в истории войны. Если бы Рузвельт занял позицию бескомпромиссного восстановления прозападного правительства Польши, сбылась бы мечта Гитлера — великая коалиция разрушилась бы на решающем этапе. Создание всемирной организации, в которой Рузвельт надеялся занять доминирующее положение, стало бы обреченным делом.

Американцы в Европе и ООН

На второй день Ялтинской конференции Рузвельт сделал важное заявление: конгресс и американский народ поддержат «разумные меры по обеспечению мира в будущем», но, как он полагает, эта поддержка не распространится на содержание значительных американских войск в Европе «на период более чем два года». Если так, то державы победительницы как и после первой мировой войны должны были рассчитывать на себя в сдерживании уже показавшего свою силу германского реваншизма.

Для того, чтобы заполнить вакуум, чтобы обеспечить наличие в Европе достаточных для сдерживания Германии сил, президент склонен был поддержать идею относительно вооружения дополнительных восьми французских дивизий.

ФДР не верил в готовность американцев содержать войска в Европе. Мы видим, сколь велико было сомнение Рузвельта в необратимости ухода изоляционизма с американской сцены (ушедшего в политическую тень лишь с Пирл-Харбором). Основываясь на опыте 1918-1920 годов, он полагал, что при первом же внешнеполитическом осложнении, требующем от США людских и других ресурсов, внутри страны активизируется та сила, которая свалила Вильсона в 1919 г.

Для Рузвельта важнейшее значение имело пленарное заседание конференции 6 февраля

1945 г., на котором речь шла о создании мировой организации с контрольными функциями. Рузвельт, чтобы не было ни тени сомнений, прямо заявил, что для него это главный вопрос. Без создания такой организации он отказывается конструктивно обсуждать все вопросы мирного устройства. (Опять напрашивается аналогия с Вудро Вильсоном, который в отчаянной дипломатической борьбе на Парижской конференции в 1919 г. поставил фактор создания Лиги Наций на первое место). Президент Рузвельт в данном случае как бы размышлял вслух. Он не верит в вечный мир. Но он верит в то, что большой войны удастся избежать хотя бы еще пятьдесят лет. А если так, то нужен надежный механизм сдерживания потенциального агрессора.

От имени американской делегации госсекретарь Стеттиниус изложил присутствующим американский вариант действий главного органа будущей мировой организации — Совета Безопасности Организации Объединенных наций. Голосов семи из одиннадцати членов Совета Безопасности будет достаточно для вынесения любого спорного вопроса на рассмотрение Советом пленарной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Каждый из пяти постоянных членов Совета Безопасности получал право вето в вопросе о применении Объединенными Нациями экономических и военных санкций. Страна — член Совета Безопасности не имела права голоса только в том случае, если ставился вопрос о именно ее действиях на международной арене. Стеттиниус объяснил присутствующим, что американскую сторону интересуют два момента: сохранить единство великих держав, и в то же время, гарантия предоставления малым странам своих претензий в Совете Безопасности.

Сейчас видно, что в эти февральские дни Рузвельт, нуждаясь в помощи Черчилля, модифицировал свою политику в отношении подмандатных территорий и системы опеки в целом. Раньше он имел в виду территории французских и других западноевропейских колониальных империй, и планы его системы опеки над прежними европейскими колониями были буквально безграничны. Теперь он, не сумев остановить де Голля, должен был учитывать фактор определенного «возврата» Франции в ранг великих стран, фактор солидарности старых метрополий, и прежде всего союз Лондон — Париж. Г. Гопкинс отметил, что нужно «делать отчетливое различие между подмандатными островами Японии, принадлежащими Японии территориями вроде Кореи, и островами, принадлежащими такой явно дружественной стране как Франция». Рузвельт был вынужден согласиться с Гопкинсом, когда тот сказал: «Было бы трудно применить принцип опеки к территориям, где суверенитетом владеет дружественная союзная страна».

Президент изменил свою точку зрения на вопрос принадлежности таких колоний европейцев, как Индокитай. Еще в ноябре 1944 г. Рузвельт говорил своим представителям на Дальнем Востоке: «Мы не приняли окончательного решения по поводу будущего Индокитая». Но в Ялте позиция президента претерпела изменения. Он еще не был готов выполнить французскую просьбу о предоставлении кораблей для десанта в Индокитае, но уже не противился стремлению французов, голландцев и прочих вернуть контроль над своими прежними колониями. После ялтинской конференции Рузвельт доверительно сказал журналистам, что противоречить западноевропейским колониальным притязаниям «означало бы только приводить в бешенство англичан. Сейчас же их лучше успокоить».

(Де Голль в этой ситуации использовал все возможные аргументы. Одним из самых сильнейших «запрещенных» приемов было запугивание американцев «русским доминированием на европейском континенте». Фактом является, что через два дня Рузвельт приказал американским военно-воздушным силам помочь французам в Индокитае.)

Но отступление Рузвельта имело свои пределы. Да, перехватить западноевропейские колонии оказалось достаточно сложно. Однако, что касается всех территорий, подмандатных Лиги Наций и захваченных у противника, то им не избежать американского контроля. По возвращении из Ялты Рузвельт сказал, что от имени ООН будет осуществлять «полную опеку с целью обеспечения мировой безопасности». Американцам особенно дорог был проект ООН.

Не желая создавать впечатления, что, в конечном счете, США готовы допустить наличие сфер влияния, Рузвельт призвал коллег подписать «Декларацию об освобожденной Европе».

Сталину особенно понравилась та ее часть, где говорилось о необходимости уничтожения «последних следов нацизма и фашизма». Довольно любопытной выглядит оппозиция этой декларации со стороны Черчилля. Он заявил, что принимает предложенную Рузвельтом Декларацию при условии, что сделанные в ней ссылки на Атлантическую хартию не относятся к Британской империи. Он уже объявил в палате общин, сказал Черчилль, что принципы хартии уже осуществлены в странах Британской империи. Черчилль добавил, что в свое время отдал сопернику Рузвельта от республиканской партии У. Уилки (скончавшемуся в 1944 г.) копию своего заявления в палате общин. «Не это ли убило его?» — неожиданно спросил президент.

Рузвельт связал Декларацию с польским вопросом: «Я хочу, чтобы выборы в Польше были первым испытанием Декларации. Они должны быть как жена Цезаря, вне подозрений. Я не знал ее, но говорят, что она была целомудренна». На это Сталин ответил: «Такое о ней действительно говорят, на самом же деле у нее были свои слабости».

Современные американские историки объясняют противоречивость позиции Рузвельта тем, что «он (полагает лучший знаток внешней политики Рузвельта Р. Даллек. — А.У.) безусловно верил, что, несмотря на все приносимые им жертвы, Чан Кайши будет приветствовать соглашение, которое обещало продлить жизнь его режима... Рузвельт был уверен, что американское общественное мнение посчитает территориальные уступки России адекватной платой за сокращения сроков войны и спасения американских жизней, посчитает их относительно малой компенсацией за послевоенный мир и стабильность в Китае. Рузвельт, судя по всему, видел в соглашении один из последних шансов сохранить слабый, но стабильный Китай в качестве готового к сотрудничеству союзника на мировой арене».

Биограф Рузвельта Дж. М. Бернс пишет, что «русские не запрашивали в Ялте того, чего их собственная мощь в Азии не позволяла бы им получить собственными усилиями». И Рузвельт тоже полагал, что требования СССР умеренны. Казалось, все шло к намеченной президентом черте: СССР поможет Америке утвердиться в Японии, а Китай, после поражения Японии, вырастет как самая мощная региональная сила в Азии. В расчеты президента не вошла колоссальная социальная трансформация, которая ожидала Китай. Это был просчет, значение которого оценил лишь преемник Рузвельта в Белом доме.

Зенитом дружественности на Ялтинской конференции был, возможно, прием в резиденции советской делегации — в Юсуповском дворце 8 февраля 1945 года. Сорок пять тостов стоя. В своем тосте Сталин назвал Рузвельта «человеком с самым широким видением национальных интересов; хотя его страна не была в непосредственной опасности, он создал условия, которые привели к мобилизации всего мира против Гитлера».

На ужине 10 февраля 1945 г. Рузвельт рассказал Сталину и Черчиллю об уже описанной выше поездке Элеоноры Рузвельт в одну из школ в 1933 г., где она увидела странную политическую карту мира — одна шестая суши была сплошным белым пятном. Учитель объяснил жене президента, что ему запрещено говорить о Советском Союзе. Это был последний толчок для начала переговоров о дипломатическом признании СССР. На такой дружественной ноте руководители трех стран завершили важнейшую свою встречу периода войны.

Самочувствие Рузвельта

В Америке многое было сказано о физическом самочувствии Рузвельта в Ялте. Нет сомнения, напряжение войны и четвертого президентского срока не могло не сказаться на нем. И все же мнения о здоровье Рузвельта, принявшего на себя в Ялте колоссальную нагрузку, противоречивы. Физическую слабость президента отмечали врач Черчилля лорд Моран, сам Черчилль, Гопкинс, Ф. Перкинс. Крайнюю точку зрения занимал лорд Моран, он буквально вычеркнул президента из списка живущих. Большие сомнения в стабильности его здоровья выражал А. Иден. С этой точкой зрения едва ли можно (и нужно ли?) спорить. Да, Рузвельт был болен. Оспаривать это весьма сложно и едва ли нужно. Но весь вопрос в какой степени его болезнь влияла — и влияла ли вообще — на его мыслительный процесс, на ясность его

суждений? Антони Иден согласен с тем, что «нездоровье Рузвельта не сказалось на силе его суждений». Он не позволил Черчиллю обойти себя и одновременно вел сепаратные переговоры со Сталиным о Дальнем Востоке. Абсолютное большинство американцев (а целый ряд из них трудно назвать поклонниками президента) говорит об исключительной ясности мышления и твердой воле Рузвельта. Так полагают те, кто ближе всего видел его в Ялте — Стеттиниус, Леги, Гарриман, Бирнс — недомогание не повлияло на мыслительный процесс президента. Они единодушны в утверждении, что Рузвельт был в хорошей форме. «Я убежден, — пишет адмирал Леги, — что Рузвельт провел Крымскую конференцию с большим искусством, его личность доминировала в дискуссиях».

Да, он похудел, его глаза запали. Он очевидным образом берег силы. Но в нужных случаях его, обширный ум, его фантазия были на прежней высоте. Соратники президента считали не очень подходящим для Рузвельта то обстоятельство, что основные совещания приходились на послеобеденное время, традиционно не лучшее для президента. Но Рузвельт брал себя в руки и демонстрировал энергию и волю, знание всех проблем и конструктивный подход. Его реакция на предложения партнеров была быстрой. Он проявил свои лучшие качества, его работоспособность находилась в обычной (феноменальной по стандартам других людей) форме. Леги пишет, что президент председательствовал на конференции с большим искусством, он фактически верховенствовал в этих дискуссиях. «Президент выглядел уставшим, но уставшими были все.» Не отходивший от Рузвельта Болен приходит к заключению, что, «хотя его физическое состояние и отставало от нормы, его умственное и психическое состояние не было затронуто внешними обстоятельствами. У него бывали летаргические состояния, но стоило поднять важный вопрос, как острота его восприятия поднималась на прежнюю высоту. Наш лидер был болен в Ялте, но он был эффективен. Я видел это тогда, и уверен в этом сейчас».

Представлявший военно-воздушные силы генерал Л. Катер полагает, что Рузвельт не самым удачным образом начал конференцию, но в дальнейшем его участие было «наиболее впечатляющим». Об этом же говорят и объективные медицинские свидетельства его личного врача Брюэнна о давлении, частоте пульса, чистоте легких. Так что утверждения о «большом человеке Ялты» не соответствуют реальному положению дел. На одной из небольших вечеринок Катер видел близко Рузвельта и его дочь в сугубо американской компании. Сделав себе мартини в пропорции четыре к одному, президент рассказывал, как на одном из заседаний Черчилль заснул и, будучи разбуженным, «немедленно начал произносить речь о доктрине Монро. Президент похвалил его красноречие, но напомнил премьеру, что сегодня они обсуждают другой вопрос».

Рузвельту отведено было уже немного времени, но он оставался стойким бойцом до конца. Важно отметить, что люди, общавшиеся с ним в Ливадийском дворце, удивлялись его выносливости, а вовсе не ослаблению здоровья президента. Тот же Стеттиниус выразил тогда такое мнение: «Я всегда находил его умственно в alertном состоянии и полностью способным совладать с любой возникающей ситуацией».

Что говорят американские историки спустя десятилетия? Вот мнение автора обобщающей работы по дипломатии Ф. Рузвельта — Р. Даллека: «По всем центральным вопросам — Объединенные нации, Германия, Польша, Восточная Европа и Дальний Восток — Рузвельт преимущественно следовал планам, разработанным заранее и получил большую часть того, что хотел: мировая организация, раздел Германии, определение позиции по Польше, Декларация об Освобожденной Европе — все это обещало содействовать американскому вмешательству в заграничные дела и возможному долгосрочному сотрудничеству с СССР; равным образом соглашение по Дальнему Востоку обещало спасение американских жизней и объединение Китая как части общей системы, позволявшей Соединенным Штатам контролировать послевоенный мир». Очевидцы в один голос говорят о превосходном настроении американской делегации после завершения переговоров. Г. Гопкинс сказал о чувстве «встающего нового дня, о котором мы все молимся. Русские доказали, — что они могут быть рассудительными и способными смотреть далеко; в сознании президента и всех нас не было никаких сомнений относительно

того, что мы можем жить с ними и сосуществовать мирно так далеко в будущем, насколько мы можем это будущее предвидеть». Текст совместной декларации, подписанной по окончании конференции, полностью отражает эти чувства. О создании всемирной организации в ней говорилось как о «величайшем шансе в истории».

Проблема репараций после Тегерана

После Тегерана заглавной проблемой коалиционного будущего становится выплата репараций. Еще в сентябре 1941 г. в беседе с Авереллом Гарриманом и лордом Бивербруком Сталин прямо поставил вопрос: «Как заставить немцев заплатить за ущерб?» К 1945 г. потери Советского Союза стали громадными. Было убито более 20 млн. жителей страны. Разрушены почти пять миллионов домов. Разоренными стояли 1710 городов, 70 тысяч деревень. Двадцать пять миллионов бездомных; 65 тысяч километров железнодорожных путей уничтожены, как и 16 тысяч локомотивов, 428 000 вагонов. Уничтожены 20 из 23 млн. свиней. Советский народ голодал и мерз, а для процветающих Соединенных Штатов репарации из Германии не были искомой проблемой.

Изучая документы того периода, отчетливо видишь, насколько различным было отношение к репарациям союзников по антигитлеровской коалиции. Для Москвы репарации были не только центральным вопросом, но и величайшим показателем возможности сотрудничества в будущем. Складывается даже впечатление, что советская сторона не понимала безразличия к репарациям западных союзников. Впрочем, советская сторона не понимала и природы отношения Соединенных Штатов к Восточной Европе. А американцы не понимали степени кровной заинтересованности СССР в репарациях из Германии. Правильным было бы сказать, что репарации были «лакмусовой бумагой» отношения союзников к СССР, а поведение в Восточной Европе было своего рода показателем общего курса России в послевоенный период.

В последний день ялтинской конференции Г. Гопкинс послал президенту записку: «Русские сделали так много уступок на данной конференции, что мы должны пойти им навстречу в вопросе о репарациях». Рузвельт полагал, что главными козырями Вашингтона в игре с Москвой будут обещанный Советскому Союзу заем на восстановление народного хозяйства и разрешение на десяти миллиардные репарации в Германии. Он был уверен, что при таком раскладе Америка получит максимум возможного. В конкретную плоскость вопрос об американском займе перешел в январе 1945 г. Советская сторона пожелала получить заем в шесть миллиардов долларов. Сейчас ясно, что Рузвельт оттягивал время ответа. Он, по-видимому, хотел, чтобы данная проблема находилась в «подвешенном» состоянии в период принятия главных решений о послевоенном устройстве мира. Рузвельт молча согласился с мнением государственного департамента, что в Ялте самим поднимать вопрос о займе не следует, а в случае, если разговор заведет советская сторона, нужно постараться затянуть обсуждение. Как пишет американский историк Т. Патерсон, американская позиция заключалась в том, чтобы «держаться Советов в состоянии вожделения и догадок с тем, чтобы они вели себя более примирительно в восточноевропейских вопросах». Собственно, и сам Рузвельт не скрывал своих планов. Вот что он говорил министру финансов Г. Моргантау: «Я думаю, очень важно, чтобы мы держались и не давали им никаких финансовых обещаний до тех пор, пока мы не получим всего, что нам нужно».

В Ялте Черчилль был категорически против репараций; он предупреждал против того, чтобы «приковать Англию цепью к мертвому телу Германии». Но американская позиция была несколько иной. Рузвельт колебался до тех пор пока не получил процитированную выше записку от Гарри Гопкинса. Это привело к согласию президента Рузвельта на общую цифру 20 млрд. долл. репараций, предлагаемую Сталиным — половина этой суммы русским. Но Рузвельт хотел, чтобы репарации были в товарах, производстве и оборудовании, а не в денежных выплатах. Англичане называли эту сумму фантастической — «фантастическая арифметика за пределами реальности». Позже западные союзники начнут всевозможные маневры, но тогда, в марте 1945 г.

государственный секретарь Стеттиниус сказал военному министру Стимсону и военно-морскому министру Форрестолу: «Президент поддержал программу как относительно реалистическую, как такую, которая не произведет экономических разрушений в Европе». В параграфе, опущенном из однотомника воспоминаний Форрестола, следует мнение госсекретаря Стеттиниуса: «Германские репарации составят 20 млрд., из которых, как говорят русские, их доля предполагается в 10 млрд. — состоящая из товаров, рабочей силы, машинного оборудования, приборов и другого оборудования, которое они перечислят».

По окончании конференции Рузвельт пишет Элеоноре: «Мы закончили с конференцию — успешно, по моему мнению. Я немного устал, но в целом — в порядке».

Восприятие Ялты в Америке

Рузвельт считал своим большим успехом «Декларацию об Освобожденной Европе», которую он воспринимал как инструмент западного вмешательства в дела Восточной Европы и как способ удовлетворить американское общественное мнение (государственный департамент предпочитал «более гибкую договоренность»).

Общая реакция на Ялтинскую конференцию в США была благоприятной. Даже скептический Государственный департамент устами заместителя директора европейского отдела Фримена Мэтьюза, оценил «общую атмосферу на конференции как исключительно хорошую; стало ясно, что русские действительно стремятся к соглашению». По мнению республиканского эксперта по внешней политике Джона Фостера Даллеса, Ялта открыла «новую эру. Соединенные Штаты отставили некую форму отстояния, которой руководствовались многие годы, а Советский Союз присоединился к совместным действиям по вопросам, которые он, используя собственную силу, мог решить сам». Директор Оффиса военной мобилизации Джеймс Бирнс, раньше других покинувший Ялту, сказал американским журналистам, что Сталин не скупился на похвалы Соединенным Штатам и что «Джо (Сталин) был жизненной силой всей компании».

В этот период даже решение польского вопроса представлялось положительным. По опросам общественного мнения значилось, что наиболее информированные круги американского общества были удовлетворены в наибольшей степени. Томас Дьюи определил итоги Ялты как «подлинный вклад в дело мира». Сенатор-республиканец У. Остин назвал результаты конференции «конструктивным шагом в направлении мира» и призвал к двухпартийной их поддержке. В Москве Молотов и послы Гарриман и Керр вели переговоры по конкретным вопросам формирования польского правительства, и все еще казалось в пределах досягаемого. По крайней мере, А. Гарриман не давал президенту оснований усомниться в возможности решения этого вопроса.

Рузвельт продолжал двигаться по двум дорогам сразу — вильсонизм и силовой аспект. В духе вильсонизма Ф. Рузвельт выступил в конгрессе, где провозгласил, что Ялта положила конец односторонним действиям, исключительным союзам, сферам влияния, силовым блокам и «всем способам, которые испытывались на протяжении столетий и неизменно проваливались».

Но в более интимной обстановке через два дня после выступления в конгрессе ФДР сказал: «Очевидно, что русские собираются идти своим путем в областях которые они оккупируют». Но Рузвельт надеялся, что общие рамки сотрудничества предотвратят превращение советских сфер влияния в сферу советского контроля».

Швейцария

Еще одно обстоятельство поставило под угрозу единство великих союзников. На юге Европы генерал СС Карл Вольф, командующий войсками СС в Италии, начал секретные переговоры с западными союзниками о сдаче германских войск в Италии. Его представитель встретился в Берне с представителем американской разведки ОСС Аленом Даллесом. Затем прибыл и сам Вольф: «Я контролирую все войска СС в Италии, и я хочу предоставить себя и

свою организацию в распоряжение союзников». Установив контакт, Вольф возвратился в Италию. Запад старался представить дело так, что дело касалось локальных проблем, недостойных всеобщего внимания. Это было именно то, против чего Сталин выступал в Ялте — односторонние действия.

Объединенный комитет начальников штабов не желал участия советских представителей в этих переговорах. Капитуляция немецких войск в Италии сразу же выводила мощные американо-английские силы с юга в центр Европы, перед ними лежала Вена и выход на Балканы. Союзники могли зайти далеко в контактах с руководством СС, чьи части составляли основу сражающихся восточнее Берлина германских сил. В Москве знали о ведущихся переговорах. Нежелание американцев допустить советских представителей на переговоры с генералом Вольфом воспринималось в Москве крайне негативно. Сталин сказал, что переговоры с противником возможны лишь в том случае, если это не дает немцам возможности использовать их для переброски своих войск на другой, в данном случае советский, фронт. А немцы уже передислоцировали сюда три дивизии из Италии. 22 марта 1945 г. нота Советского правительства обвинила западных союзников в ведении переговоров с генералом СС Вольфом (инициативу выдвинул Гиммлер) в Швейцарии. В ноте говорилось о нации «вынесшей на себе всю тяжесть войны», а теперь проигнорированной. Западные союзники проигнорировали эту ноту и Сталин вместо Молотова во главе советской делегации в Сан-Франциско поставил молодого Громыко. Рузвельт ответил коротко, что немцы стараются раздуть противоречия между союзниками.

Черчилль в конце марта 1945 г. усилил нажим: если Рузвельт не проявит твердость в «польском вопросе», тогда премьер-министр открыто доложит об англо-советских противоречиях в палате общин. Нет сомнений в том, что Рузвельт придавал кардинальное значение своей договоренности с советским руководством. От этого зависело осуществление его глобальных замыслов. И он не хотел, чтобы расхождения по польскому вопросу поставили под удар его генеральный план. Поэтому Рузвельт в течение всего марта 1945 г. откладывал в сторону предупреждения Черчилля о том, что Сталин идет в Польшу и в Румынии своим собственным курсом. Помимо прочего, СССР мог всегда утверждать, что его действия диктуются военной необходимостью — что и соответствовало истине.

Рузвельт полагал, что выступить вместе с Черчиллем против люблинского правительства в Польше означало бы явно нарушить ялтинские соглашения, а «мы должны твердо стоять за верную интерпретацию Крымских решений». Он также полагал, что в Ялте люблинскому правительству было открыто дано предпочтение перед остальными политическими силами в Польше: «Мы ведь договорились сделать несколько больший упор на люблинских поляках, чем на двух других группах». Румыния же, писал Рузвельт Черчиллю, является не лучшим местом для суждения о советских намерениях.

Рузвельт явно считал, что Восточная Европа является зоной особых интересов Советского Союза и не следует ему здесь указывать «как себя вести». Когда Черчилль оказывал давление на Рузвельта с целью держаться более жестко перед советским руководством, то президент предупреждал, что это «сделает очевидными различия между английским и американским правительствами». Рузвельт в высшей степени ценил ялтинские соглашения и отказывался ставить их под угрозу.

Дж. Кеннан, будущий посол США в СССР, писал другому будущему американскому послу в Москве — Ч. Болену 26 января 1945 г., что Европа должна быть поделена на сферы влияния, что США должны создать собственную зону влияния в Западной Европе и при этом «не должны вмешиваться в события, происходящие в русской сфере влияния, и в то же время не позволять русским вторгаться в свою сферу». В пользу раздела мира на сферы влияния склонялся ведущий американский журналист У. Липпман. С его точки зрения, оптимальная система будущих международных отношений — «региональные созвездия государств». При этом США были бы самой влиятельной нацией в «Атлантическом сообществе», СССР главенствовал бы «на русской орбите», Китай — на «китайской орбите». Безопасность внутри орбит обеспечивалась бы абсолютным преобладанием главенствующей в регионе державы, а общий мир — воздержанием

от вмешательства одной великой державы в зону влияния другой.

Рузвельт — Трумэн

Подобные тайные переговоры были ошибкой западной дипломатии, они вызвали опасения у советского руководства (ясно выраженные, в частности, в резком письме Сталина Рузвельту). Немцы сдавали города без боя на западе и отчаянно дрались за каждую деревню на востоке. Так были посеяны семена недоверия, поставившего под угрозу тесную взаимосвязь союзников. На союзные отношения пала тень. В одном из последних писем Рузвельта Сталину чувствуется понимание президентом этой опасности: «Я не могу избежать чувства горького возмущения в отношении ваших информаторов, кто бы они ни были, за такое злостное искажение моих действий и действий моих доверенных подчиненных. Будет подлинной трагедией истории, если после невероятных лишений, в одном шаге от победы, произойдет крушение солидарности союзников. Потеря доверия поставит под вопрос все огромное совместное предприятие».

Послу Гарриману президент Рузвельт пишет, что «хотел бы видеть в бернском эпизоде инцидент малого значения». А в последней телеграмме Черчиллю 11 апреля 1945 г. ФДР пишет: «Я хотел бы минимизировать общую советскую проблему настолько, насколько это возможно, потому что такие проблемы возникают ежедневно в той или иной форме, не оставляя и следа. Мы должны быть, однако, твердыми и наш курс правилен».

Разрешение бернского эпизода давало надежду на решение подобных вопросов в будущем. Время, однако, летело быстро, и на решение следующих спорных вопросов времени было немного. Круг лиц, которым Рузвельт доверял разрешение проблем, касающихся Советского Союза, был ограничен. И они нередко были настроены враждебно по отношению к госдепартаменту. Пока Рузвельт «отвечал» за установление границ и за многие прочие взрывоопасные проблемы, реальность обострения внутренних взаимоотношений была относительно невелика.

Персонализация политики создала соответствующие опасения. В сентябре 1944 г. А. Кадоган заметил в дневнике, что «многое зависит от здоровья Рузвельта». Сам Рузвельт ощущал значимость личной дипломатии. В частности, он написал Элеоноре 12 февраля 1945 г.: «Я чувствую некоторое истощение, но в общем все идет нормально», имея в виду преемственность и внутреннюю логику американской внешней политики..

Солидарность союзников военных лет была еще крепка, особенно в общественном сознании. Весной 1945 г. газета «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «Не существует ощутимой разницы в интересах, политике, целях и в отношениях между Россией, Британией и Соединенными Штатами, что стоило бы свеч в сравнении с огромными жертвами и страданиями, через которые эти народы прошли, пробив свой путь к порогу лучшего мира». Ведущий американский ветеран-журналист У. Ширер записал в своем дневнике: «Собираемся ли мы бросить вес двух самых мощных демократий (имелись в виду США и Англия. — А. У.) против сил прогресса или мы остановим реакцию? Собираемся ли мы вернуться в 1939 год или проявим талант и воображение в стремлении построить нечто лучшее в 1946 или в 1950, или в 1960 году? Эти вопросы вызывают различные размышления, когда вспоминаешь курс англо-американской политики с того момента, когда ход войны изменился в нашу пользу, вспоминаешь нашу поддержку Дарлана, стойкую защиту Черчиллем Франко, настойчивость англо-американцев в попытках спасти савойскую династию в Италии, высокомерное обращение англичан с силами сопротивления в Бельгии и Греции, и наше собственное глупое упорство в желании пригласить фашистскую Аргентину на конференцию в Сан — Франциско».

Представлял ли СССР угрозу новоприобретенному могуществу США? Американская разведка говорила, что нет. Секретный анализ ОСС говорил президенту, что советский военно-морской флот — это не более чем дополнительное средство охраны побережья, а отнюдь не фактор расширения внешнеполитических возможностей, не средство броска через моря и океаны. Советские военно-воздушные силы не имели бомбардировочной авиации дальнего —

межконтинентального радиуса действия и не могли угрожать Америке. Что же касалось главного «прорыва» в военной технологии, то даже генерал Гроувз, всегда настороженно смотревший на СССР и склонный к ориентации на худший вариант, полагал, что Советскому Союзу для создания атомного оружия понадобится не менее двадцати лет.

Не давал оснований для беспокойства анализ, старательно проведенный американскими военно-воздушными силами. В нем говорилось, что «сегодняшние союзники могут стать противниками завтра», но понадобится от 20 до 100 лет для того, чтобы «евразийская нация выросла в агрессивно мыслящую державу». Мы видим, что военные авторитеты в данном случае не били тревогу, и вовсе не рисовали картину неукротимого советского экспансионизма.

Но Советская Россия была чрезвычайно нужна Америке для решения ее целей в Европе и Азии. Боевые действия весной 1945 г. (Окинава) показали степень ожесточения, с которой японцы готовы были драться на своих островах. Снова в Белом доме размышляли: если уровень потерь будет таким, как на Окинаве, американская армия окажется обескровленной. Бесстрастная калькуляция говорила, что лишь мощный удар Советской Армии по континентальным силам японцев сделает их положение безнадежным.

Далеко не все из приобщенных в Вашингтоне односторонне восхищенно смотрели на рождаемое оружие массового поражения. Наиболее обеспокоенным проблемой атомного оружия как нового фактора мировой дипломатии, был военный министр Стимсон. В начале марта 1945 г. он пришел к заключению, что изобретение атомного оружия будет не только означать подлинную революцию в дипломатических отношениях, но и появления нового фактора поразительной дестабилизации. С этого времени и вплоть до своей отставки в сентябре 1945 г. Стимсон постоянно ставил данный вопрос перед высшим руководством. Он считал своим долгом перед страной предупредить международный хаос, который, полагал он, наступит после применения атомного оружия и начала неизбежной атомной гонки.

Военный министр Стимсон (как и президент, Рузвельт) исходили из, того, что атомное оружие будет применено в текущей войне. Но какова его дальнейшая значимость в международных отношениях? 15 марта 1945 г., в беседе с Рузвельтом, Стимсон обозначил два подхода к контролю в послевоенное время. Первый предполагал продолжение политики секретности, одностороннее американское вооружение, сохранение американско-английской монополии. Второй подход проистекал из осознания опасности вышеозначенного курса и был рассчитан на создание системы международного контроля, инспекции атомных исследований. Стимсон считал, что выбор между двумя этими подходами уже нельзя откладывать. Относительно позиции президента Стимсон записал в дневнике, что «в целом разговор был успешным».

А президент США обязан был хранить единство великой коалиции. Осуществлять это было все более сложно. Испытывая английское давление, Рузвельт написал 31 марта 1945 г. свое известное письмо Сталину. Если в Польше не будет создано нечто большее, чем «лишь слегка замаскированное нынешнее варшавское правительство», американский народ «будет считать ялтинское решение невыполненным». В послании американского посла в Москве А. Гарримана Рузвельту от 5 апреля 1945 г. говорилось: «Если мы не собираемся жить в мире, где будут доминировать Советы, мы должны использовать нашу экономическую мощь для помощи странам, дружелюбно настроенных в отношении нас». В этом утверждении два пункта, по меньшей мере, сомнительны. Во-первых, как можно было представить себе мир, «в котором доминируют Советы?» Ни стратегическая разведка, ни наиболее «смелые» среди планировщиков не могли представить гегемонии в мире страны, стоявшей на грани экономического истощения, да и, очевидно, не имевшей глобальных планов. Во-вторых, неубедительна уверенность Гарримана в действенности в отношении СССР экономических рычагов.

В ответе Москвы от 7 апреля говорилось, что причиной тупика в «польском вопросе» являются усилия американского и польского послов в Москве изменить ялтинские соглашения. Если названные послы будут строго следовать линии, выработанной в Ялте, спорные вопросы разрешатся в ближайшее время. Не усматривая трагизма в политической ссоре, Рузвельт просил

Черчилля не придавать делу эмоциональную окраску. Советские войска стояли под Берлином; армия, величайшая в истории, стояла на рубежах Центральной Европы.

Еще в сентябре 1944 г. американская разведка представила президенту доклад, из которого значило, что нет оснований верить в эффективность финансового давления на СССР. В докладе говорилось, что страна, вынесшая неслыханные жертвы, «способна осуществить экономическое восстановление, полагаясь на внутренние ресурсы, не прибегая к зарубежным займам или репарациям».

Президент уже предсказал окончание войны в Европе к концу мая 1945 года. Он пристально следил за войсками на европейском Западе, где происходила оккупация Рура, готовилась сдача Ганновера и Бремена, открывалась дорога к жизненным центрам Германии. Сталину он написал, что «швейцарский эпизод» остался в прошлом, не должно быть взаимного недоверия. Он просил Черчилля не драматизировать разногласия с СССР. 11 апреля было хорошим днем для Рузвельта. В Европе дело явно шло к завершению. Весна несла надежды. Рузвельт продиктовал наброски речи к очередному юбилею Джефферсона. «Сегодня перед нами стоит во всем своем грандиозном объеме следующий факт: чтобы цивилизация выжила, мы должны развивать науку человеческих отношений — способность всех людей, любого происхождения, жить вместе и работать вместе, жить в мире на одной земле». Президент говорил о том, что должен быть положен конец всем войнам, «этому непрактичному, нереалистическому способу разрешения противоречий между правительствами посредством массового убийства людей. Единственным препятствием для реализации наших планов на завтра являются наши сегодняшние сомнения.» Уже по напечатанному тексту он добавил: «Давайте двинемся вперед, вооруженные сильной и активной верой».

Как ни грубо это звучит, перемена в Белом доме давала Черчиллю новые возможности. Рузвельт исходил из концепции «четырёх полицейских» в мире, где его связи со Сталиным и Чан Кайши были абсолютно существенными. Новый президент — Гарри Трумэн не был «отягощен» такими идеями. Пока он не обрел необходимого опыта, его следовало использовать. По крайней мере, призрак мира, в котором ось глобальной политики приходит через Вашингтон и Москву, отодвинулась. Черчилль бросился знакомиться с новым американским президентом, поспешил начать частную корреспонденцию. По прямому указанию премьер-министра А. Иден, направляясь из Лондона на конференцию в Сан-Франциско, остановился в Вашингтоне. Черчилль требовал быстрой и точной оценки того, что представляет собой неожиданно возникшая новая фигура мировой политики.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ ОТ СОЮЗА К КОНФРОНТАЦИИ

Трумэн

К тому времени, когда президентом США стал Г. Трумэн, то Америка окончательно порвала с «изоляционизмом», встав на путь широкого участия в разрешении военных и политических проблем стран и регионов, отстоявших от их территории на тысячи километров. Промышленное производство США в годы войны неуклонно возрастало: 101,4 млрд. долл. в 1940 году и 215,2 млрд. долл. в 1945 г. Уровень накоплений достиг астрономической суммы — 136 млрд. долл. Это обеспечивало основу для активной внешней политики. Была развернута двенадцатимиллионная армия. Участие в борьбе со странами «оси» — Германией, Италией, Японией — создавало в определенной мере благоприятный для правящих кругов политический климат внутри страны. Хозяин Белого дома получал большой кредит для проведения инициативной внешней политики.

Едва ли можно отказать Г. Трумэну в уме, цепкости, напористости, равно как злопамятстве, волонтаризме, слабой осведомленности, отсутствии широкого кругозора. Сравнить Г.

Трумэна с Ф. Рузвельтом не берутся даже его апологеты, слишком уж различен был опыт, окружение, кругозор, сам масштаб личностей двух президентов.

«Мы не узнаем каков он на самом деле, пока не увидим его в условиях давления исторических обстоятельств», — сказал генерал Джордж Маршалл военному министру Генри Симсону, когда они возвращались после первой встречи с новым президентом в Белом доме. «Никто не знает, что представляют собой взгляды нового президента», — заметил Симсон. Министр финансов Генри Моргентау: «Это человек большой нервной энергии, и, кажется, он расположен быстро принимать решения. Но он, прежде всего, политик, и что у него в голове мы узнаем лишь со временем».

Конституция США дает главе исполнительной власти столь большие возможности, что упомянутые черты важнейших фигур американской политической сцены не могли не сказаться в переломный период, когда старый, довоенный мир был разрушен, а новому еще предстояло сформироваться. Основной задачей, намеченной на послевоенный период, было: после победы над военными противниками в Европе и Азии обеспечить контроль над территорией поверженных врагов, предвоенных конкурентов, достичь доминирования в лагере «западных демократий», противопоставить друг другу СССР и Китай.

Новый президент воспринял эти цели и привнес свои методы в их достижение. Многие недооценили его, не заметили твердого и упорного характера. Равно как и кричащей неинформированности и отсутствия международного опыта. Знавший Трумэна лучше, чем очень многие, Гарри Гопкинс отметил что тот, «почти ничего не знает о международных делах».

Сам Трумэн признавал свое невежество: «Они ничего не сказали о том, что происходит» — это было сказано через месяц после вступления Трумэна в должность президента. Собственно, он говорил с Рузвельтом всего дважды на протяжении 82 дней его последней администрации. Д. Йергин: ФДР «избрал вице-президентом специалиста по внутренним проблемам, неопытного и неинформированного в международных проблемах, стоящего перед одним из величайших поворотных пунктов современной истории: замена евроцентричной международной системы на глобальную систему. Обстоятельства усугублялись еще и тем, что внешняя политика США в это время зависела от лично Рузвельта самого, от его сложных усилий следовать двумя противонаправленными курсами в одно то же время — вильсонизм на домашней арене и реализм в отношениях великих держав».

Трумэн придерживался традиционных вильсоновских взглядов, то есть не признавал раздела мира на отдельные зоны влияния. Он твердо поддерживал идею активного американского участия в работе Организации Объединенных наций. Раздел мира на зоны влияния был для него неприемлем. Трумэну весьма трудно было представить, что поведение России в Восточной Европе могло быть ответом на «дипломатию великих держав» Рузвельта. Трумэну трудно было поверить, что поведение СССР могло диктоваться стремлением Москвы к обеспечению безопасности. Этот президент не мог себе представить, как другие страны могут опасаться «столь миролюбивых» Соединенных Штатов. Прямолинейность заставляла его всегда рисовать черно-белую картину, создавать контрастное видение происходящего. Всевозможные тонкости казались ему крючкотворством; дипломатические интриги были ему ненавистны. Трумэн сам признавал, что его удручают детали.

Президент Г. Трумэн, не обладая достаточным опытом в области внешней политики, не испытывал особых желаний вступить в круг «большой тройки». Психологически это объяснимо и понятно. Обычно встречи в верхах предполагали выработку некоего — хотя бы в самом общем виде — совместного видения мира и развития мировых событий. Глава американского правительства поздней весной 1945 г. не хотел обсуждать, каким станет мир будущего.

В целом, внутренне — насколько можно судить по документам — Г. Трумэн не был готов к осуществлению политики коллективной ответственности за международную безопасность. С точки зрения видного американского историка Г. Фейса, «его (Трумэна. — А. У.) уверенность была временами, возможно, подсознательным прикрытием его неуверенности». Даже апологеты Г. Трумэна признают, что он „был новичком, лишенным опыта, не имевшим престижа и

способности осуществлять руководство военной и гражданской бюрократией“.

Устремившись к траурному поезду бывший вице-президент Генри Уоллес увидел нового президента — Гарри Трумэна, беседующим в углу с главным донором демократической партии — калифорнийским нефтяным магнатом Эдвином Поули, чье мнение, видимо, было немаловажным при выборе вице-президента в ходе предвыборной кампании 1944 г. Возможно, ревность полоснула Уоллеса, так близко был он к высшей власти, но воротилы демократической партии тогда, осенью 1944 г. настояли на кандидатуре сенатора от Миссури.

Каким же был новый мир, образующийся на руинах «оси»? Было ясно, что Великобритания в качестве равного партнера исчезла надолго, вероятнее всего, навсегда. Дни Британской империи были сочтены, доминионы обрели фактическую независимость, колонии боролись за нее. Как писал американский историк Р. Донован, «великие дни Британской империи ушли в прошлое. Британская экономика была в упадке, а вооруженные силы перенапряжены. Теперь уже над империей Трумэна не заходило солнце».

Президенту Г. Трумэну отнюдь не импонировала предстоявшая встреча с У. Черчиллем по сугубо личным соображениям. Британский премьер не мог смотреть на «миссурийского новичка» без сарказма. У. Черчилль был первым лордом британского адмиралтейства, когда Г. Трумэн служил рядовым в национальной гвардии штата Миссури. У. Черчилль был министром колоний, когда Г. Трумэн торговал мужской одеждой в Канзас-Сити. Премьер-министр Великобритании уже после первой встречи с Г. Трумэном отметил одну существенную черту нового американского президента. Отвечая на вопрос своего врача, лорда Морана, о его способностях, Черчилль сказал: «Он не замечает тщательно ухоженного участка земли, он просто... его топчет».

Мир Трумэна

Трумэн крайне нуждался в быстрой ориентации. Вокруг было немало советников Рузвельта, но президент унес с собой в могилу самые сокровенные замыслы — он был подлинным и единоличным главой американской внешней политики. Если Гопкинс и напоминал полковника Хауза при президенте Вильсоне, то именно в этот момент почти полная потеря здоровья лишила его необходимой энергии.

Восприятие мира Трумэном зиждилось на том, что у всех международных кризисов есть вполне определенный источник — СССР, неуправляемая и непредсказуемая страна. Второй «кит» внешнеполитического кредо Г. Трумэна — абсолютная уверенность в том, что все мировые и региональные процессы имеют прямое отношение к Америке и могут получить из ее рук справедливое решение.

Находясь на перекрестке двух дорог — либо продолжение союза пяти стран — главных участников антигитлеровской коалиции, при котором США пришлось бы считаться с мнением и интересами своих партнеров, либо безусловное главенство как минимум над тремя из них (Великобританией, Францией, Китаем), Г. Трумэн без долгих колебаний избрал второй путь, обещавший ему эффективное руководство западным миром и дававший надежду на то, что силовое преобладание Запада склонит к подчинению обескровленный войной Восток.

Не вызывало особого доверия и окружение нового президента. Американский историк Р. Феррел не одинок в своем утверждении, что «ни одна из администраций со времен президента Дж. Тайлера⁴ не вызывала меньше иллюзий, чем группа сторонников Г. Трумэна, утвердившаяся в Вашингтоне».

Выделяются четыре источника доходившей до Трумэна информации.

Первое. Почти сразу же по принятии присяги Трумэн попросил адмирала Уильяма Леги остаться на посту начальника штаба президента «чтобы продолжить бизнес войны». Леги был профессиональным военным и придерживался известных консервативных взглядов. Он вообще подозрительно относился к иностранцам. Будучи специалистом по взрывчатым веществам, Леги до последнего не верил в реальность атомной бомбы. Во внешнем мире он хладнокровно и

сто процентно ненавидел Советский Союз. Коммунизм он считал ругательным словом, и это понятие вызывало у него «гнев и ярость». В Ялте он был недоволен общим течением дискуссий, он полагал, что принимаемые соглашения «делают Россию доминирующей силой в Европе, которая несет в себе определенность будущих международных разногласий и перспективу следующей войны». Адмирал Леги ведал подготовкой персоналом «комнаты карт» разъяснительных документов для нового президента, делая при этом особый акцент на Польше и на спорах относительно переговоров в Швейцарии по поводу сдачи германских войск в Северной Италии. Представляя своих сотрудников Трумэну 19 апреля 1945 г., Леги сконцентрировался на «оскорбительном языке» Сталина по поводу швейцарских переговоров и был удовлетворен тем, что телеграммы Сталина вызвали «солидный старомодный американизм», возмущение нового президента.

Среди дипломатических советников президента выделялся У. Леги, который ввиду отсутствия тесных контактов между президентом и госсекретарем оказывал подчас едва ли не решающее влияние на формирование внешнеполитических взглядов Белого дома и самого президента. Адмирал Леги приобрел большой вес в период председательствования в Объединенном комитете начальников штабов и на посту председателя Объединенного американо-английского комитета начальников штабов. Это не был политик «стандартной гибкости», свою силу и свой престиж он черпал в подчеркнутой прямолинейности, одиозной защите американских интересов. Президента Г. Трумэна прямолинейность суждений как раз не отталкивала, а, напротив, привлекала. Опираясь на такие качества, карьеру быстро сделал не только адмирал Леги, но и военно-морской министр Форрестол, своего рода «злой гений» Трумэновской администрации.

Во-вторых. Вторым источником знаний и информации для президента Трумэна был посол Соединенных Штатов в Советской России Аверелл Гарриман. Посол, видевший Сталина чаще, чем любой американец, произвел на Трумэна большое впечатление. Напомним, что в ходе войны Гарриман верил в послевоенное сотрудничество Америки с Россией. «Русские будут сотрудничать в создании послевоенного мира несмотря на то, что их поведение — грубое и ужасно по нашим стандартам». В марте 1944 г. Гарриман пишет: «Несмотря на все противоположные соображения, нет никаких доказательств того, что Сталин не желает возникновения независимой Польши». Летом 1944 г. он уже сомневался в этом суждении. Варшавское восстание поколебало его уверенность основательно: русские ожидают, когда немцы сокрушат восставших антисоветских, ориентированных на Запад поляков. «В первый раз со времени прибытия в Москву я серьезно обеспокоен поведением советского правительства. Эти люди упиваются политической властью. Они думают, что могут навязать свои решения нам и всем прочим» (телеграмма в Вашингтон).

На посла с этого времени начинает воздействовать молодой дипломат и яркий представитель «рижской аксиомы» Джордж Кеннан, прибывший в американское посольство в Москве в 1944 г. Они подолгу беседовали в поисках ответов на «удручающие процессы» советской внешней политики. Кеннан позже писал, что он отстаивал идею «полномасштабного и реалистичного выяснения отношений с Советским Союзом в Восточной Европе». (Из доклада 1946 г. значится, что «во время пребывания Гарримана послом попытки Кеннана формулировать и рекомендовать твердую политику были совершенно определенно отвергнуты Гарриманом, который извлекал немалое удовольствие из прямолинейности в данном вопросе Кеннана. Стоило бы напомнить, что равный по таланту дипломат — мистер Лой Гендерсон, ныне начальник Ближневосточного отдела — был полностью исключен из сферы контактов с советской дипломатией на все годы войны за поддержку жесткой линии визави Советами. Его заставили остудиться.

Во время Ялты Кеннан писал Болену, что, если Запад не пожелает разочаровать Советский Союз, тогда останется только разделить Германию, разделить континент на зоны влияния и определить «линию, за пределами которой мы не можем позволить русским осуществлять неограниченное влияние или предпринимать односторонние действия». Эта точка зрения и

вызрела, в конечном счете, в доктрину сдерживания. Кеннан просил Гарримана о жесткости. Но в декабре 1944 г. Кеннан так заключил свой меморандум Гарриману: «Я знаю, что вы смотрите на события в менее черном свете». Разница была в том, что Кеннан считал поведение советского руководства неизменным, а Гарриман верил, что русских можно переубедить, что вокруг Сталина идет борьба советников по поводу сотрудничества с Западом. «И противники сотрудничества теряют позиции» (Гопкинсу в сентябре 1944 г.). Но Гарриман предупреждал: «Если мы не возьмемся за дело, Советский Союз станет главным нарушителем мирового спокойствия повсюду, где затронуты их интересы». Что же из этого следует? «Я убежден, что мы можем изменить эту тенденцию, но только если изменим свою политику в отношении этого правительства... Я не собираюсь предлагать неких резких действий, но только дружеское *quid pro quo*». Гарриман выразил и свое устное отношение: «Я расстроен, но не разочарован. Работа приучения советского правительства играть достойную роль в международных делах является более сложной, чем мы предполагали».

Но сознание Гарримана как бы раздваивалось: сотрудничество с Россией возможно; но оно возможно лишь в случае подчинения русских общим американским идеям. Идея же раздела мира на зоны влияния «непопулярна». Английские дипломаты называли Гарримана «флюгером», замечая его очередной поворот к Кеннану, обращение к идеям, что американское руководство должно быть предупреждено о возможном кризисе в отношениях с Россией. Его жесткость становится очевидной: «Я не уверен в том, что я убедил президента в важности зоркой, твердой политики в отношениях с различными восточноевропейскими странами» — отмечает Гарриман после бесед с Рузвельтом в Вашингтоне в ноябре 1944 г. Именно тогда он замечает более жесткую позицию государственного департамента.

После Ялтинской конференции, когда появились грозные облака над Балканами и произошло ожесточение в польском вопросе, Гарриман наполняется прежде невиданной энергией. Его дочь пишет об отце из Москвы: «Он очень занят — проблемами Польши, военнопленными, Балканами. В доме постоянно слышен топот ног, голоса и звонки телефонов, дребезжащие всю ночь до рассвета». Важно то, что Рузвельт продолжал отвергать алармистскую интерпретацию Гарримана и отказывался вызвать своего посла в Вашингтон для детального доклада.

Особые обстоятельства — смерть президента Рузвельта и решение Сталина послать в Сан-Франциско (на конференцию по созданию ООН) Молотова — дали Гарриману возможность возвратиться в Вашингтон и лично защитить свои новые, более жесткие позиции, одновременно устанавливая связи с новым президентом. Молотов полетел более безопасным путем, через Сибирь и западное побережье США, теряя тем самым два дня, которые посол Гарриман использовал довольно эффективно. Он прилетел через Атлантику в весьма нервном состоянии — тик правого глаза, боясь инсульта, но убежденный в необходимости своих контактов с новым президентом. Первые слова в уже морально подготовленном госдепартаменте: «Русские планы создания стран-сателлитов являются угрозой миру и нам». У Соединенных Штатов есть гигантский — экономический рычаг воздействия на Советский Союз. Гарриман предупредил министра военно-морских сил Джеймса Форрестола, что «мы должны встретить идеологический крестовый поход так же энергично как фашизм и нацизм». Гарриман сказал новому президенту, что Соединенные Штаты стоят перед угрозой «нашествия в Европу варваров».

Этот визит в Вашингтон укрепил главное оружие Гарримана — прямой доступ к президенту страны. Не все в Вашингтоне были довольны этим. Государственный секретарь Стеттиниус пожаловался 22 апреля: «Я киплю от возмущения по поводу того как действует Гарриман. Он явился к президенту не оповестив нас об этом и не доложив о результатах этой встречи». Посол А. Гарриман пытался объяснить Г. Трумэну, что И. В. Сталину трудно понять, «почему мы желаем вмешиваться в советскую политику в странах, подобных Польше, которые важны для безопасности России, если у нас нет более скрытых, тайных мотивов».

Президентское восприятие, склонность к категоричным суждениям и энергичному напору произвели впечатление на Гарримана. Но он все же смотрел на мир шире. Его волновали мысли:

какое влияние окажет польский вопрос на открывавшуюся в Сан-Франциско конференцию, призванную создать Организацию Объединенных Наций? Пойдут ли США на создание мировой организации, если русские откажутся войти в нее? Глобальное вовлечение требовало наличия международных инструментов соответствующего калибра, неучастие СССР выбивало из-под основания ООН (которую США видели каналом своего воздействия на мир) одну из самых существенных опор. «Правда, — ответил после раздумья президент, — без русских от мировой организации (ООН. — А. У.) мало что останется».

Третий канал воздействия. Эдвард Стеттиниус стал председателем компании «Ю.С. Стил» в 38 лет. Все отмечали его привлекательность, открытую улыбку и рано поседевшие волосы. В госдепартаменте, который он возглавил, его называли «большой брат Эд». Рузвельт поставил этого относительно слабого политика ради концентрации всей внешнеполитической власти в собственных руках в конце 1944 г. Это был опытный председатель, специалист в общественных отношениях, но отнюдь не наиболее опытный и успешный дипломат. Иногда Стеттиниуса интересовали детали, а не суть. И все же не стоит преуменьшать его влияния. Он возглавлял могущественный государственный департамент.

И вот что сообщает госдепартамент президенту Трумэну 13 апреля 1945 г.: «Со времени ялтинской конференции советское правительство заняло твердую и бескомпромиссную позицию почти по всем главным вопросам». Стеттиниус при этом продолжал разделять ялтинский оптимизм; он полон ожидания позитивного воздействия создаваемой Организации Объединенных наций, чье рождение ожидалось в Сан-Франциско. Стеттиниус определенно смягчал позицию нескольких профессиональных дипломатов. В конечном счете госсекретарь Стеттиниус и Директор европейского отдела Фримэн Мэтьюз согласились в следующем: «Примечательные негативные перемены настроения, последовавшие после окончания конференции могут быть объяснены влиянием политических лидеров, с которыми Сталин вынужден был считаться по возвращении в Москву. Возможно эти лидеры сказали Сталину, что он „слишком многое отдал“ в Ялте. Эти лидеры являются эквивалентом наших изоляционистов». Оба американца придерживались высокого мнения о Сталине лично. Мэтьюз сказал, что Сталин является единственным диктатором, имеющим чувство юмора.

Четвертый источник воздействия на президента Трумэна являли собой англичане. По мере приближения войны к концу они занимали все более жесткую линию в отношении СССР. На Черчилля и его окружение оказывали постоянное воздействие лондонские поляки — и в целом польский вопрос был заглавным для Лондона. Для Трумэна престиж Черчилля был огромной величиной. В отличие от Рузвельта, ему было трудно противостоять мировому влиянию британского премьера и тому, что Черчилль скромно называл «нашим впечатлением от того, что на самом деле происходит в Москве и Варшаве». Черчилль нуждался в Трумэне, а Трумэн — в помощи британского премьера. Нет сомнений, что для прежнего сенатора из глубинного штата Миссури Черчилль был величиной наполеоновского масштаба, и он относился к нему — по крайней мере, на первом этапе — с должным пиететом. Первые же слова Черчилля Трумэну раскрывают суть его подхода: «Важно как можно скорее показать миру единство наших взглядов и действий».

У Трумэна сложились неплохие рабочие отношения с министром иностранных дел Энтони Иденом, с которым у президента состоялись две встречи, в результате которых англосаксы нашли общую линию в польском вопросе. Иден заявил, что у Лондона никогда не было более тесных отношений с Вашингтоном. Иден выразил ту точку зрения, что Советский Союз следует «повернуть лицом к реальностям» и заставить признать «англо-американскую мощь». У следующего в Сан-Франциско Идена были и более конкретные поручения: передать президенту Трумэну «наши впечатления о происходящем в Москве и Варшаве». Английский министр иностранных дел встретился с президентом дважды. Иден был известен талантом обаяния, и в данном случае приложил все силы. Он изложил президенту Трумэну позицию Лондона: Советский Союз следует поставить «лицом к реальностям», более того, его следует заставить признать «англо-американскую мощь».

Черчилль буквально с трепетом ждал сообщений облегченно вздохнул, когда развернул телеграмму Идена: «Новый президент США будет неустрашим в отношении Советов». Черчилль Идену 20 апреля: «Он не склонится перед Советами. Надеюсь на продолжительную дружбу с русским народом, тем не менее я полагаю, что она может быть основана только на признании мощи англо-американцев».

Итак, четыре источника — Леги, Гарриман, Стеттиниус и Черчилль — оказали решающее воздействие на относительно неопытного президента, на официальный курс Соединенных Штатов. По существу в тот решающий апрель у Трумэна были четыре авторитета, основываясь на взглядах которых он формировал свою дипломатию: адмирал Леги, стоявший значительно жестче и правее основного состава советников и министров; посол Гарриман, который более всего боялся как бы либерал из глубинки Трумэн не оказался слишком мягким; госсекретарь Стеттиниус, покидающий федеральную службу — не сомневавшийся в том, что Трумэн назначит собственного главу внешнеполитического ведомства; четвертым источником информации, идей и концепций для Трумэна стал всеми признанный мастер своего дела Уинстон Черчилль. Британский лев не упустил золотой возможности воздействовать на взгляды нового лидера Запада.

Разумеется, были и другие источники, влиятельные при Рузвельте. К примеру, Гарри Гопкинс говорил Трумэну, что Сталин — это «прямолинейный, грубый, упорный русский... С ним нужно говорить откровенно». Но в эти дни и недели Гопкинс ослабевает и жестоко болеет, его помещают в клинику Мэйо. В этом состоянии фаворит Рузвельта не мог оказать большего воздействия на президента, чем его энергичные конкуренты. В больнице же был и Джозеф Дэвис. Бернард Барух послал Трумэну меморандум, в котором призвал «попытаться понять» русских. Неизвестно, читал ли этот меморандум Трумэн. И гораздо больше людей в окружении высказывали менее компромиссные взгляды.

Элита глобальной державы

Особенное положение занимал военный министр Генри Стимсон, ветеран американской политической сцены. В пику большинству, он не был приверженцем новой мировой организации — ООН, и он противился полицейским функциям США по всему миру. Он не считал обреченным дело американо-русского сближения. Мир, по Стимсону, следовало разделить на зоны предпочтительного влияния одной из великих держав. В декабре 1944 г. и в январе 1945 г. он предупреждал президента Рузвельта и государственного секретаря Стеттиниуса о нереалистичности приступать к созданию международной организации до достижения договоренности между великими державами. Стимсон добился согласия Рузвельта с тем, что интересы СССР в прилегающих к нему странах неизбежно должны превосходить интересы других стран в этих регионах. Посмеют ли США смириться с преобладанием в Мексике какой-либо иной державы кроме США? Комфортабельно ли чувствовал бы себя Вашингтон в том случае, если бы Мексика стала бы избранным союзником другой державы?

В начале мая 1945 г. Стимсон говорит по телефону своему помощнику Джону Маклоу: «Мы не должны вмешиваться в местные конфликты Европы... Думаете ли вы, что Россия собирается уступить свое право действовать односторонне в среде соседних наций, окружающих ее, которые она считает важными и полезными для себя — такими как Румыния и Польша — не думаете же вы, что она сдаст свои права здесь другим?» Маклой: «О нет, она не отдаст».

Стимсон беспокоился по поводу того, что «некоторые американцы, придающие преувеличенное значение „доктрине Монро“, в то же время готовы вцепиться в любую проблему Центральной Европы». Он записывает в дневнике 16 апреля 1945 г.: «Наши (геополитические) орбиты не совпадают и я думаю, что в целом мы должны в будущем избежать конфликтов. Любой ценой нужно избежать вторжения в Балканское болото». Чтобы укрепить свои политические связи на Капитолийском холме, президент в первые же дни предложил пост государственного секретаря одному из лидеров фракции демократов, политику, в основном

занимавшемся внутренними проблемами, — сенатору Дж. Бирнсу. Неудачу такого выбора признал, собственно, и сам Г. Трумэн, отстранив Дж. Бирнса через два года от руководства департаментом.

Значительную часть помощников нового президента составили едва ли не случайные люди. «Я из Миссури» (т. е., земляк Трумэна) — стало почти магическим выражением, открывавшим путь для выдвижения в первые ряды. К примеру, военным помощником президента, к негоднованию Пентагона, стал его старинный миссурийский приятель Воэн, военно-морским — тоже миссуриец и давний приятель — Дж. Вардамен. Таких людей в окружении Г. Трумэна было немало. В ординарных обстоятельствах это был бы «нормальный» для Вашингтона образ действий, но в условиях, когда США еще участвовали в мировой войне, замена экспертов и мыслящих людей периода «Нового курса» старинными друзьями нового президента влекла за собой негативные последствия для страны.

Необходимо отметить, что в это же время на политическую арену выдвигается плеяда профессиональных военных. Никогда — ни до, ни послеб — в США не было такой тесно сплоченной когорты высших военных и военно-морских чинов, решивших всерьез взять опеку над внешней политикой страны. Это были «пятизвездные» генералы (высшее звание в американских вооруженных силах, введенное во время второй мировой войны) Дж. Маршалл, Д. Эйзенхауэр, О. Брэдли, Д. Макартур, Г. Арнольд, адмиралы флота У. Леги, Э. Кинг, Ч. Нимиц. Один из них впоследствии стал президентом США, другой — госсекретарем, а Д. Макартур фактически был губернатором Японии. Это были люди с необычайными амбициями, немалыми способностями, с уверенностью в том, что пришел «век Америки». Слава военных героев помогала им придавать своим действиям «благородный» вид.

Мемуары Форрестола рисуют внутренний мир человека подозрительного, неуверенного в себе и в то же время жесткого и властного. Он отличался крайней односторонностью взглядов. В интерпретации Форрестола, СССР был сориентирован на экспансию, и единственной силой, могущей сдержать ее, являлись Соединенные Штаты. США поэтому должны мобилизоваться, вложив в понятие «зло», под которым в годы войны подразумевались гитлеризм, японский милитаризм, новый смысл — «советская угроза». В Америке того времени реалистично мыслящие политики не смогли противопоставить этим измышлениям убедительной разумной альтернативы.

Преодолев оппозицию гражданских лиц, интеллигенции и трезвомыслящих политиков, военные во многом начали способствовать изменению курса страны. Они самым решительным образом воздействовали на систему образования, направление научных исследований, ориентацию экономического курса корпораций, связи Пентагона с промышленностью. В таких областях американской дипломатии, как управление зоной оккупации в Германии и Японией, генералы доминировали полностью. Было бы, однако, большим упрощением видеть в авангарде новой политики США лишь строителей в военной форме. В 1945 г. идея необходимости для США взять в свои руки управление миром охватила государственный аппарат, деловые круги, лоббистов Вашингтона, верхушку реформистских профсоюзов, академическую элиту, прессу. Идея Америки, «вознесшей факел над погруженным во мрак миром», была привлекательна для многих. Президента-демократа поддерживали влиятельные республиканцы, такие как братья Даллесы и У. Макклой, влиятельный на Капитолийском холме сенатор А. Ванденберг, представлявший элиту северо-восточного истеблишмента Г. Стимсон, лидеры республиканской партии во главе с Т. Дьюи.

В стране возник и два с лишним десятилетия просуществовал довольно прочный общественный консенсус; интервенционистски мыслящая элита сумела заручиться общественной поддержкой своих глобальных обязательств. Американский империализм использовал достижение высокого жизненного уровня для распространения идеи об американской исключительности и в результате сумел создать основу для глобальной экспансии. Понадобились войны в Корее и Вьетнаме, чтобы у американского народа зародились сомнения в правомерности подобной политики. Но это было потом, а пока в Овальном кабинете Белого дома

сидел президент, движимый страхом не показаться малодушным. В первые же ночи своего пребывания у власти, а Г. Трумэн питал слабость к карточной игре, продолжавшейся за полночь, новый президент сказал одному своему миссурийскому другу, что одно он обещает твердо — он не позволит Сталину обыграть его в покер.

Стратегический курс

Пока события мировой войны делали комплекс международных отношений податливым для перемен, следовало создать базис для превращения мощи во влияние, создать легальные инструменты американского воздействия на опустошенный мир. Так или примерно так думали американские политики. Что было уже сделано в этом плане? Созданный в 1944 г. Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР) закрепили уникальное положение доллара в мире, усиливали зависимость ориентирующихся на мировой капиталистический рынок стран от США, превратившихся в гаранта этого рынка. Валюты этих стран теперь непосредственно были связаны с долларом, стабильность их зависела от стабильности американского доллара.

МВФ, МБРР и доллар давали ключи для воздействия на дружественные Соединенным Штатам и подчиненные им страны. Существовали, однако, государства, не затронутые экономическим «притяжением» Вашингтона. Прежде всего, разумеется, это относилось к Советскому Союзу, в значительной мере это также относилось к удаленным от мирового капиталистического рынка странам.

Не повторять ошибки 1919 г., не уходить из внешнего мира, из Восточного полушария, откуда пришли две мировые войны, — этот лозунг имел свои привлекательные для американского капитала черты и пользовался известной популярностью в деловых и политических кругах страны. Но он предполагал не просто присутствие в нескольких критически важных районах, но и контроль над происходящими в них процессами. Взять на себя ответственность за порядок в этих районах означало, как минимум, следующее: собственные американские представления о порядке в мире возводились в абсолют; проблемы данных регионов рассматривались с меркой их соответствия американским интересам.

Взяв курс на проведение политики контроля над отдаленными регионами, исторически никак не связанными с американскими интересами, США не могли не натолкнуться на сопротивление: американская политика проводилась все-таки не только среди «вассалов» и поверженных, но и «среди суверенных стран, которым нужно было либо переходить на положение подопечных, либо противостоять натиску американской дипломатии. Политика установления американского контроля над Европой сразу же натолкнулась на сопротивление самого крупного военного союзника США — Советского Союза. По прошествии сорока лет представляется возможность рассмотреть это направление американской политики в наиболее полном виде.

США, мягко говоря, специфически относились к СССР как к союзнику. В великой антигитлеровской коалиции номинально все три основных участника (СССР — Великобритания — США) были равны, а в реальности американская сторона делала большое различие между своими британским и советским союзниками. В Вашингтоне находилось совместное американо-британское военное командование, объединенный комитет начальников штабов; на европейском фронте британские войска подчинялись американскому командованию. Британия с ее населением более чем в три раза меньшим, чем население СССР, пострадавшая от военных действий несравнимо меньше СССР, получила в три раза больше товаров по ленд-лизу; англичанам был гарантирован заем на послевоенное восстановление; американцы делились с ними своими военными секретами. Первая оккупированная вражеская страна — Италия стала показателем так называемого «равенства» трех великих союзников: американо-английская администрация не включила представителей СССР в органы управления этой страной. Можно назвать и другие проявления пристрастности и нелояльности США как военного союзника.

Эти обстоятельства не подорвали решимости советского руководства сохранить союз военных лет, желание продолжать укреплять советско-американские связи. Важное значение имели и поставки по ленд-лизу, а также обещанный американской стороной шестимиллиардный послевоенный заем. Главное же — без согласия двух стран невозможен был прочный мир. Советский Союз предлагал Соединенным Штатам сотрудничество в условиях мирного сосуществования. Однако поворот в американской политике сделал очевидными посягательства на жизненные интересы Советского Союза, что предопределило ухудшение американо-советских отношений.

Понеся огромные потери в борьбе против гитлеризма Советский Союз не менее, а более, чем США, нуждался в безопасности. И если безопасность своего прежнего союзника рассматривалась Соединенными Штатами как второстепенный вопрос, то это говорит лишь о близорукости и исключительной самоуверенности ослепленных своим могуществом проводников американской политики, пытавшихся обращаться с СССР как с обреченной на зависимость страной.

На международной арене с поворотом США к интервенционизму сложилась парадоксальная ситуация. Одна страна — Соединенные Штаты, официально выдвигая в качестве своей цели обеспечение собственной безопасности, объявила о своей заинтересованности во всей «внешней сфере», то есть во всем огромном мире. Другой стране — Советскому Союзу было отказано в обеспечении безопасности собственных границ.

Соединенные Штаты не испытали тягот войны во всей их жестокости. Они посылали контингенты своих войск за океаны лишь тогда, когда (в случае с Германией) боевая мощь противника уже была сломлена либо (в случае с Японией) на этапе подготовки к решающим битвам, и обосновывался свое право на глобальное вмешательство желанием избежать тягот нового мирового военного конфликта.

Советский Союз один в течение трех лет сдерживал натиск гитлеровской Германии и внес решающий вклад в разгром агрессора. Тем не менее в обеспечении своей безопасности он, с точки зрения Вашингтона, должен был положиться не на свои силы, а на благожелательность заокеанского союзника, спокойно наблюдавшего за его отчаянной борьбой в 1941 — 1944 годах и открывшего второй фронт в Европе, только когда советские армии вышли за границы СССР.

В 1945 г. идея необходимости для США взять в свои руки управление значительной частью мира охватила государственный аппарат, деловые круги, лоббистов Вашингтона, верхушку реформистских профсоюзов, академическую элиту, прессу. Идея Америки, «вознесшей факел над погруженным во мрак миром», была привлекательна для многих. Президента-демократа поддерживали влиятельные республиканцы, такие как братья Даллесы и У. Макклой, влиятельный на Капитолийском холме сенатор А. Ванденберг, представлявший элиту северо-восточного истеблишмента Г. Стимсон, лидеры республиканской партии во главе с Т. Дьюи.

Без таланта этой плеяды подъем Соединенных Штатов не был бы таким стремительным и повсеместным. Трудно не согласиться с оценкой Дж. Курта: «В этом первом поколении над центром Американской Империи возвышалась группа исключительных по качествам деятелей, которые определили структуру этой империи, направление приложения ее энергии. Одновременно выдающаяся группа талантливых людей выдвинулась в главных регионах этой империи, эта группа адаптировала и прилагала американскую имперскую политику к местным реальностям своих наций». В последнем случае речь идет о Конраде Аденауэре в Германии, Сигеру Йосида в Японии, Альциде де Гаспери в Италии, Уинстоне Черчилле в Британии, Шарле де Голле во Франции.

«С приходом холодной войны, — пишет американский исследователь Курт в весьма консервативном журнале, — американская мощь и присутствие распространились по всему свободному миру (особенно очевидно в Западной Европе, Северо-Восточной Азии, в Латинской Америке) — да и по всему миру. Но еще больше мощь и присутствие Америки распространились после окончания холодной войны».

Визит Молотова

20 июля, через пять дней после похорон президента Рузвельта, Трумэн попросил посла Гарримана (которого он видел в первый раз) оценить проблемы. Стоящие между СССР и США. Гарриман сказал, что Москва одновременно преследует два противоположных друг другу курса: дружба с Америкой и Британией, и расширение контроля над Восточной Европой. Русские очень нуждаются в помощи при послевоенном восстановлении жизни и сознательно ссориться с США они не будут. Жесткость им в пользу. Но они безусловно укрепят свой контроль над Восточной Европой. Трумэн сказал, что не боится русских.

Трумэн был предрасположен поступать жестко и, выбирая между Москвой и Лондоном, не колебался — последний был бесконечно ближе и столь удобно покорнее. Неважно, что отчуждение Москвы грозило мировыми осложнениями. Генерал Гроувз докладывал невероятные вещи из Аламогордо, и в целом приход «века Америки» было трудно оспорить. Англичанин же говорил именно то, что от него в данном случае хотели услышать. Он сумел внушить Трумэну представления о Советском Союзе, как о нарушающем в свою пользу совместные договоренности, достигнутые в Ялте, он сумел заронить нужные сомнения в лояльности Москвы. Англичанам в чрезвычайной степени сопутствовало то обстоятельство, что президент Трумэн стремился максимально сократить недели и дни своего внешнеполитического ученичества.

В.М. Молотов был первым, кто в ранние часы 13 апреля 1945 г. прибыл в американское посольство с выражениями соболезнования советского правительства. Природное заикание усугублялось тяжестью момента и Молотов высоко отозвался о покинувшем мир президенте Рузвельте. После некоторой паузы он задал вопросы о новом президенте. Через неделю ему предстояло увидеть Гарри Трумэна воочию.

Самолет с Молотовым приземлился в Вашингтоне в воскресенье, 22 апреля 1945 г. и состоялась относительно краткая и вежливая беседа Молотова с Трумэном. Она была даже сердечной. Утром перед второй встречей — 23 апреля государственный секретарь Стеттиниус, вооруженный специальным аналитическим докладом, созданным Элбриджем Дерброу, заверил англичан, что, в случае прогресса на переговорах, он «мобилизует президента для разговора с Молотовым в манере „голландского дядюшки“». Президент вызвал для подготовки к встрече с Молотовым военного министра Стимсона. „Безо всяких предупреждений я окунулся в одну из самых сложных ситуаций в моей жизни“, — записал Стимсон в своем дневнике.

Находясь под перекрестным огнем аргументов в пользу позитивного сотрудничества и доводов, говорящих о преимуществе силового давления, президент Трумэн созвал 23 апреля 1945 г. совещание, цель которого заключалась в том, чтобы найти ответ на возникавшую на горизонте американской внешней политики проблему отношений с СССР.

Трумэн действовал неожиданно с самого начала. Он построил встречу так, что вначале излагал свои взгляды по данному вопросу, а затем фиксировал ответы и комментарии противостоящей стороны. После Рузвельта это был неожиданный прием. Как и тональность встречи. Сказанные на подготовительном совещании, его слова звучат грубо и неожиданно резко — по отношению к самому жертвенному союзнику — даже сейчас, спустя много столь пестрых лет. «Наши соглашения с Советским Союзом до сих пор являли собой движение в одну сторону, и такое движение не может продолжаться; это следует решить сейчас или никогда». Трумэн сказал, что он готовит планы к Сан-Франциско, и что «если русские не хотят присоединиться к нам, пусть идут к черту».

Для большинства участников совещания это была первая деловая встреча с Г. Трумэном. Президент начал с того, что охарактеризовал Ялтинскую конференцию как улицу с односторонним движением, где уступки делала лишь американская сторона. Многие из присутствующих гораздо лучше были осведомлены о ходе работы этой конференции и знали многое о компромиссном характере ее соглашений, о многих уступках, сделанных в ходе ее

работы с советской стороны. Но перед ними выступал носитель высшей политической власти, их непосредственный руководитель, и его оценки не могли не влиять на позицию присутствующих.

Военный министр Г. Стимсон, без сомнения, был самым опытным политическим деятелем среди тех, кто участвовал в этом совещании. Он воззвал к здравому смыслу и сдержанности. Нужно выяснить суть советских намерений, узнать, к чему они стремятся. Если же Соединенные Штаты, по-своему оценив польский вопрос, очертя голову бросятся на путь конфронтации, то долгом его, Стимсона, является предупредить, что США «войдут в опасные воды». Точка зрения Г. Стимсона была поддержана начальником штаба американской армии генералом Дж. Маршаллом. Генерал Маршалл был далек от альтруизма. Его заботила кампания на Дальнем Востоке, где Советская Армия могла решающим образом помочь американским войскам избежать крупных потерь во время предстоявшей кампании против Японии. Д ведь в воле советского руководства было отложить выступление против Квантунской армии и предоставить американцам самим проделать всю эту работу («Советский Союз, как намекал по существу Маршалл, мог бы последовать в этом отношении примеру США, не спешивших с открытием второго фронта в Европе.»). Разрыв с Советским Союзом имел бы, по мнению Дж. Маршалла, самые серьезные последствия. Адмирал У. Леги присоединился также к мнению, что разрыв отношений с СССР будет иметь самые серьезные последствия.

Собственно, Стимсон ужаснулся. Он полагал, что неловкость госдепартамента и нарочитый американский акцент на «идеализм» и «альтруизм» (вместо столь необходимого «реализма») произвели взрывную смесь. Посол Гарриман и американский военный представитель Джон Дин явно преувеличили имеющиеся разногласия и раздражения, переведя их в разряд первостепенных проблем. Теперь американская сторона решительно двигалась к столкновению. Стимсон попытался замедлить этот кризисный бег. Он попытался добавить несколько пунктов: политическая демократия нелегко создается в обществах, лишенных демократических традиций; только Соединенные Штаты и Объединенное Королевство «имеют реальное представление о независимом и свободном голосовании». Стимсон напомнил, что по ключевым вопросам русские всегда держали свое слово, и военным кругам США не раз приходилось полагаться на них. А фактически «русские были часто даже лучше, чем их обещание». Делать Польшу испытательным полигоном неразумно. «Без полного представления о том, насколько серьезен для русских этот польский вопрос, мы можем войти в весьма опасные воды». И Стимсон привел еще один аргумент, который он считал важным: «Русские, возможно, были более реалистичными в отношении своей собственной безопасности».

При всем престиже своей долгой карьеры, Стимсон был в одиночестве. Только председатель объединенного комитета начальников штабов генерал Маршалл соглашался с тем, что Соединенным Штатам лучше избежать антагонизации русских. Это не звучало очень убедительно, так как аргументация сводилась к тому, что русские могут отложить свое вступление в войну на Тихом океане «до тех пор, пока мы не сделаем всю грязную работу». Симптоматично замечание адмирала Леги: «Соглашение в Ялте подлежит двоякой интерпретации». Трумэн был определенно смущен выступлением Стимсона. Близились время встречи с Молотовым, а президент получал противоречивые сигналы. Чтобы собраться, Трумэн объявил, что намерен обсудить проблемы в узком кругу — Гарриман, Леги и представитель государственного департамента. Президент попрощался со Стимсоном Форрестолом и представителями родов войск.

Громкий резонанс на совещании вызвало выступление военно-морского министра Дж. Форрестола, о котором присутствующим было известно, что он как бывший президент компании «Диллон, Рид энд компани» был своим человеком на Уолл-стрите и никогда не принадлежал к активистам рузвельтовского «Нового курса». Он обостренно воспринимал судьбу капитализма, казавшуюся ему особенно уязвимой на волне социального подъема, вызванного победой антигитлеровской коалиции в долгой и трудной войне (об этом красноречиво говорят изданные после его смерти дневники). Дж. Форрестол изложил свою точку зрения прямо и открыто: от русских он не ожидал изменения позиции, если СССР не отступится, к нему нужно будет

применить силовое давление, поскольку выяснение отношений представляется неизбежным, лучше начать его раньше, чем позже.

Последнее слово принадлежало президенту. Г. Трумэн заявил, что в вопросе о Польше Соединенные Штаты будут придерживаться твердой позиции. Но продвижение по пути ужесточения отношений с СССР будет происходить постепенно, США будут медленно двигаться к замораживанию отношений с СССР, учитывая особенности ситуации на Дальнем Востоке. Наивно не видеть цинизма во многих действиях американских политиков, но цинизм данной позиции виден особенно отчетливо.

Представляется, что точка зрения президента Трумэна вызрела в предшествующие одиннадцать дней. Маршал и Стимсон — «специалисты»; общую точку суммировал преваляющую точку: Соединенные Штаты должны занять жесткую точку зрения. «Был достигнут консенсус в мнениях совещающихся лиц, что пришло время американцам занять твердую позицию в отношении Советов, и что не грозит особыми неприятностями продолжение нами боевых действий, даже если Россия замедлит или даже остановит свои военные усилия в Европе и Азии». Беспардонным действиям будет положен конец. В тот же день Идэн заверил Черчилля в том, что «нового президента Советы не запугают».

«Со мной так не разговаривали»

23 апреля 1945 г. в Белом доме состоялась встреча Г. Трумэна с министром иностранных дел СССР В. М. Молотовым. Эта встреча многократно описана и прокомментирована. Г. Трумэн накануне пришел к выводу, что русских больше всего впечатляет сила, и их податливость будет прямо пропорциональна американскому нажиму.

До встречи с президентом Молотов встречался с бывшим послом в СССР Джозефом Дэвисом. Молотов беспокоился о том, чтобы вся информация не исчезла с уходом президента Рузвельта и чтобы «различие в интерпретациях и возможные осложнения не возникли из-за отсутствия Рузвельта». Дэвис тоже беспокоился о том, что Трумэн может полагаться «на других» и прийти к «необдуманному решению». Он советовал Молотову попросить у президента возможности объяснить русскую позицию».

Президент Трумэн принял народного комиссара Молотова в половине шестого вечера. Молотов держался совета Дэвиса и тщательно старался объяснить русскую позицию, особенно, в польском вопросе. Президент обозначил свою позицию тремя днями ранее. Во время беседы с Гарриманом и Стеттиниусом: «Мы, конечно, не можем надеяться на получение 100 процентов того, чего мы хотели бы. Но по важным вопросам мы должны быть способны получить 85 процентов». Действуя в этом направлении, Трумэн перебил Молотова и жестко прочитал лекцию на том, что Леги назвал «природным американским языком». Русские должны взять аргументам, как их интерпретируют в Вашингтоне. Двусторонние отношения не могут более быть построены на базе «одностороннего движения».

Молотов ответил, что единственным приемлемым способом сотрудничества является отношения трех правительств друг к другу как к равному, без желания навязать свою волю. Армия Крайова воюет с тылами Красной армии. Трумэн заявил, что его не интересует пропаганда. Напрасно. Автор этой книги помнит эти времена в Западной Белоруссии, где стрельба АК в спину советским солдатам и офицерам (моему отцу, в частности) была обычным делом.

Выслушав слова президента «Выполняйте наши требования по Польше, и мы будем говорить в менее грубой манере», В. М. Молотов побледнел (Болен пишет, что он стал «пепельным»). Он старался изменить предмет беседы, но Трумэн был непреклонен. Согласно воспоминаниям Трумэна тогда Молотов и сказал, что никогда в жизни с ним так бесцеремонно не разговаривали. — «Выполняйте свои соглашения и с вами не будут так разговаривать». Трумэн потребовал передать все сказанное Сталину и дал понять, что встреча окончена.

Даже Гарриман пишет, что «был поражен, видя столь энергичную атаку президента». Гарриман сожалел, что Трумэн зашел так далеко. На Капитолийском холме сенатор Ванденберг сказал, что это лучшая новость за долгое время.

Грубая беседа Трумэна с Молотовым не была причиной «холодной войны», но она является хорошим показателем изменения тона, изменения в тоне и характере отношений, поворота к той дороге, которая вела к конфронтации. Чувствующие свое одиночество русские на этот раз обнаружили степень перехода от Рузвельта к новому президенту. Курс Рузвельта, признавшего Советскую Россию и сотрудничавшего с ней в жесточайшей из войн, заканчивался. Война в Европе кончалась, а с ней и потребность американцев в помощи и дружбе России. Вашингтон желал контролировать все европейские процессы и наиболее болезненным для Москвы был новый интерес Америки к Восточной Европе, жестокой границе России. До какой степени победоносная Россия готова была уступить на главной из своих границ?

На присутствующих произвело впечатление жесткое поведение президента. Леги пишет в дневнике. «Жесткая позиция президента оставила русским лишь два способа действий: или сблизиться возможно близко с нашей позицией по Польше или быть вытесненным из новой международной организации. Меня более чем удовлетворила позиция президента и я полагаю, что она будет иметь благоприятный эффект на советскую позицию в отношении внешнего мира. Русские всегда знали, что мы обладаем мощью, а теперь они должны знать, что у нас есть решимость настаивать на декларируемом праве всех народов выбирать собственную форму правления».

Гарриман: «Я был несколько шокирован, честно говоря, когда президент столь энергично атаковал Молотова. Я считаю правдой то, что ни один иностранец не говорил с Молотовым таким образом... Я сожалею, что Трумэн поступил таким образом; его поведение позволило Молотову сказать Сталину, что политика Рузвельта отставлена. Это была ошибка».

Молотов сказал, что понимает важность польского вопроса для США, но для СССР — это вопрос жизненной важности. Г. Трумэн пригрозил, что неуступчивость СССР может привести к тому, что США начнут создавать мировую организацию без него и что вопрос о предоставлении СССР экономической помощи будет отставлен.

Дважды за тридцать лет Германия проходила польским коридором к жизненным центрам России, ставя ее на грань выживания. А ныне Америка брала на себя роль куратора русских западных границ. На многое могли пойти русские, руководствуясь желанием сохранить дружбу с Соединенными Штатами. Но не ценой передачи власти в Варшаве «поздним пилсудчикам», которые просто и ярко ненавидели Россию. Торговать русской безопасностью в 1945 г. было невозможно. То было нечто, чего не могло себе позволить никакое русское правительство. Между Германией и русскими границами стояла самая мощная в мире армия, и ее доблесть стоила ей невероятной крови. И зря Трумэн взял свой жесткий тон. Россия никогда не была колонией Запада; менее всего она готова была ею стать после победы над Германией. «Польские ворота» стоили России огромных жертв и отдавать ключи от них Вашингтону советское правительство просто не могло. Тем более тем, кого Молотов назвал «секретным врагам», лондонским полякам.

С достаточной долей реализма адмирал Леги заканчивает свою запись за день 23 апреля: «Я лично не верю, что можно исключить доминирующее советское влияние в Польше». Довольно трудно определить причины неожиданной жесткости президента Трумэна. Общественное мнение в стране не требовало принять курс, грозящий военному союзу. Конгресс не оказывал подобного давления на президента. Доброжелательность в отношении героического Советского Союза была в зените; общественное мнение в превосходной степени оценивало своего главного евразийского союзника. Никто не испытывал особого геополитического интереса к Восточной Европе. (Напомним, что совсем недавно, в 1937 г. американский посол в Риге Артур Блисс Лейн охарактеризовал Восточную Европу как «возможно, наименее важной из всех мировых регионов для Соединенных Штатов»). Если американский народ и испытывал интерес к этому региону, то, прежде всего выражал восхищение жертвенностью и освободительной миссией Советской Армии, унесшей нацистскую зависимость всему поясу государств от Финляндии до Греции.

После жесткого приема Трумэном Молотова («Со мной никогда в жизни так не говорили») Сталин прислал Черчиллю и Трумэну свое объяснение политики СССР в Восточной Европе. Он

просил союзников учесть, что «Польша граничит с Советским Союзом, чего нельзя сказать о Великобритании и США. Польша для безопасности Советского Союза означает то же, что Бельгия и Греция для безопасности Великобритании». Он не знает, в какой мере «подлинно демократичны» греческое и бельгийское правительства, поскольку его никто не консультировал на эту тему, но он не может понять «почему в дискуссии о Польше не сделано никакой попытки принять во внимание интересы Советского Союза в плане безопасности». Почему не может быть принят за основу югославский прецедент, если люди Тито могут составить основу правительства в Югославии, то почему этого не может произойти в Польше?

Требование решить польский вопрос желательным для США образом не было новостью. Существеннее было то, что прежние намеки американцев о послевоенном сотрудничестве, о помощи в восстановлении уступили место противоположному.

Жесткий (и опасный) поворот американского руководства можно объяснить только новым глобальным курсом Вашингтона. У американского руководства появилось чувство ответственности за все мировые дела. Вильсонизм, мессианский либерализм, мощный порыв реформировать весь мир, сделать его «гарантированным» для либеральной демократии и либерального капитализма, охватил американскую элиту. Идеологи этого плана вопрошали: а иначе зачем было вести мировую войну? Только эта цель оправдывала в их глазах всеобщую американскую мобилизацию. Ради идеалов прежней битвы с тоталитаризмом и тиранией они будут противостоять Советскому Союзу в Восточной Европе. Так думал Гарриман и, важнее всего, так думал президент Трумэн. Новый вариант вильсонизма: «Сделать мир гарантированным для демократии» охватил Америку и приобрел немалое влияние. Трумэн вполне мог полагать, что он реализует идеалы своего великого предшественника — Франклина Делано Рузвельта, и Трумэна вовсе не осеяло, что ФДР разделял идеи консорциума великих держав и делал это очень умело, подавая на внутренней арене как торжество демократии и вильсонизма. Трумэн был лишен талантов и изощренности, опыта и исторического видения своего предшественника. Его прямолинейность уже начала рвать узлы военной дружбы, солидарности, понимания опасности навязывать региональным мощным силам некое всеобщее видение проблем. Трумэн был частью национального консенсуса, он никогда не был государственным деятелем «наднационального» толка. У него просто не было подобного опыта.

В день беседы с Молотовым Трумэн принял военного министра Генри Стимсона. Тот предал президенту несколько машинописных листков. Концовку текста Стимсон дописал только утром этого дня: «В течение четырех месяцев мы, скорее всего, завершим создание самого ужасного в человеческой истории оружия, одна бомба которого может разрушить целый город». В настоящий момент только Соединенные Штаты способны создать такое оружие. «Единственной державой создать подобное оружие в течение нескольких лет является Россия». Трумэн полностью согласился с необходимостью проекта «Манхэттен».

Польша

В дни определения послевоенного мироустройства, весной 1945 г., американское руководство в своих отношениях с Советским Союзом поставило задачу проконтролировать и изменить советскую политику в наиболее важном для СССР пункте — отношении СССР с его главным европейским соседом — Польшей.

Почему Польша? Почему эта страна стала точкой столкновения Америки с Россией? Американская сторона выбрала в качестве теста крайне неудобный пример. Как справедливо указал еще в Ялте Сталин, «для России Польша — не только вопрос чести, но вопрос безопасности». Для любой великой державы вопрос безопасности был важнее всех прочих. В этом плане Россия Сталина ничем особенным не отличалась — Соединенные Штаты защищали бы свою безопасность с не меньшим упорством.

Прискорбным является то, что единственным политиком в окружении Трумэна, придерживающимся реалистических взглядов на мир, был далек от личных связей военный

министр Генри Стимсон, который указывал на то, что географическая близость должна рассматриваться, по меньшей мере, с той же степенью серьезности, что и универсальные принципы народоправства и т. п.

И Америка решительно встала против России в Польше — там, где Россия никак не могла отдать собственную безопасность, связи армии в Германии с Советским Союзом в чужую собственность. Америка выдвинула «откладывание прежних решений, знаки новой тревоги, озлобление, громкие протесты, полную идентификацию взглядов, своих и лондонского польского правительства, — и все это в отсутствие в самой Польше собственно американских войск — для нового решения польской проблемы».

А ведь это было то время, когда вместо понятия национальный интерес все затмило понятие «национальная безопасность». Именно из этого угла вышла холодная война. Гарриман говорит в государственном департаменте в апреле 1945 г.: «Русские планы по созданию государств-сателлитов являются угрозой для мира и для нас. Советский Союз, как только получит контроль над окружающими территориями, будет пытаться проникнуть в следующие ближайшие страны». Поэтому Соединенные Штаты обязаны сделать из Польши «контрольный случай» и постараться сократить советскую зону влияния. «Советскому Союзу нужно противостоять в ныне соседствующих с ним странах».

Для того чтобы американская точка зрения на мир как на систему, контролируемую из Вашингтона, возобладала, считалось необходимым вынудить Советский Союз безоговорочно признать право заокеанской державы определять ход развития его связей с непосредственными соседями. По воле США СССР должен был «забыть» о том, что предвоенная Польша была исключительно враждебна по отношению к своему восточному соседу, что даже при непосредственной угрозе национальному суверенитету в 1939 г. она отказалась сотрудничать с СССР, забыть, что предвоенная Польша была бастионом антисоветизма, главным звеном созданного Западом «санитарного кордона» вокруг СССР. Должно было случиться так, чтобы СССР забыл о 600 тыс. павших за освобождение Польши советских воинах, о том, что национальное возрождение Польши стало возможным лишь ценой жертв, понесенных Советским Союзом.

Глава Советского правительства И. В. Сталин писал президенту Трумэну: «Вы, видимо, не согласны с тем, что Советский Союз имеет право добиваться того, чтобы в Польше существовало дружественное Советскому Союзу Правительство и что Советское Правительство не может согласиться на существование в Польше враждебного ему Правительства... Попросту говоря, Вы требуете, чтобы я отрешился от интересов безопасности Советского Союза, но я не могу пойти против своей страны».

Есть значительная доля иронии в том, что американское руководство, сделавшее польский вопрос ключевым для определения своих отношений с СССР, выступало за «демократизацию» варшавского правительства. Эта «демократизация» должна была произойти путем передачи всей государственной власти в новой Польше эмигрантскому правительству в Лондоне. Псевдodemократический характер этого лондонского правительства был довольно хорошо известен. Весь мир наблюдал за восстановленной в 1918 году Польшей. Даже невзыскательный американский политик не мог квалифицировать режим Пилсудского иначе, как диктатуру, наложившую запрет на основные политические свободы. Охваченный самомнением, режим панской Польши не признавал факта существования в рамках своего государства миллионов украинцев и белорусов. Антисемитизм довоенной правительственной верхушки панской Польши известен, как известно и то, что эта страна с 1934 года» пыталась сблизить свою внешнюю политику с курсом гитлеровского рейха. Возвратить таких политиков и их прямых идейных наследников в Варшаву в 1945 г. значило надругаться над жертвами второй мировой войны.

Невозможно себе представить, чтобы США после победы в войне позволили кому бы то ни было диктовать им условия отношений с соседней страной. Невозможно себе представить, чтобы любое американское правительство удержалось у власти, заяви оно, что для поддержания мира

нужно следовать советам из другой столицы, отстоящей от Америки за тысячи километров.

Возможно лучший исследователь современной дипломатической истории Дж. Л. Геддис: «Не многие историки готовы отрицать сегодня, что Соединенные Штаты были намерены доминировать на международной арене после второй мировой войны задолго до того, как Советский Союз превратился в антагониста». Консультант исследовательского центра «РЭНД корпорейшн» К. Лейн: «Советский Союз был значительно меньшим, чем это подавалось ранее, фактором в определении американской политики. На самом же деле после второй мировой войны творцы американской политики стремились создать ведомый Соединенными Штатами мир, основанный на превосходстве американской политической, военной и экономической мощи, а также на американских ценностях».

Трумэн стремительно двигался в этом направлении. Старый «двор» Рузвельта видел его движение в противоположном направлении. Резонно представить себе, что Трумэн мог пойти и иным путем, но, первое, он был жертвой уже устоявшейся точки зрения (Леги-Гарриман-Форрестол). При этом нельзя не признать, что Трумэн искренне считал тех, к кому обращался за советом лучшими специалистами предшествующей администрации. (Он не обращался пока из прежних видных советников только к Гарри Гопкинсу). В середине мая, когда у Трумэна появились первые сомнения, он сказал дочери Рузвельта (возможно, в качестве самозащиты), что все его советники требуют «твердости в контактах с русскими».

Во-вторых, пресс обстоятельств — стремление показать себя энергичным лидером, твердым и неподвластным влияниям, влекло Трумэна от природной рассудительности. Рузвельт поднимался над проблемами, всегда стремясь избежать лобового противостояния. Трумэн пытался доказать самому, что адекватен вставшим перед страной задачам. Его влекла стихия противоборства. Многие из окружающих отметили, что в первые недели пребывания в Белом доме Трумэн нарочито быстро принимал решения и склонялся к бойцовской манере. Предшествующий вице-президент Генри Уоллес отмечает: «Решительность Трумэна восхитительна. Встает лишь один вопрос: достаточно ли информированности за плечами у этой решительности». Через несколько недель Уоллес уже смущен «излишней крутостью» президента. «Эта тенденция выбирать спонтанные и „крутые“ решения имеет свои преимущества, но рано или поздно она приведет к игнорированию истины, за чем последуют трудные времена». Даже близкий приятель Трумэна — спикер палаты представителей Сэм Рейборн, одобряя жесткость президента, все же добавил: «Я боюсь, что однажды он примет решение, основанное на неадекватной информации».

Стоит сказать, что многолетний лидер — Франклин Рузвельт ушел из жизни в критическое время, тогда, когда страна должна была выбрать путь на десятилетия вперед.

Азия и мировой порядок

Если СССР и нужен был теперь американским политическим и военным стратегам, то только в одном отношении: сохранить за счет вступления СССР в войну против Японии от 600 тыс. до миллиона американских жизней (эта оценка «стоимости» американского вторжения на Японские острова была дана Объединенным комитетом начальников штабов).

Напомним, что продвижение американцев в Японии и на азиатском континенте, где находились два миллиона японских солдат (1 млн. в Среднем Китае и столько же в Маньчжурии) шло довольно медленно. Велись исключительно кровопролитные бои на островах Окинава и Иводзима. Понятно то внимание, которое было оказано Соединенными Штатами советской стороне, подтвердившей в Ялте свое обещание, данное на Тегеранской конференции, начать военные действия против Японии спустя два-три месяца после окончания войны в Европе. Г. Трумэну Советский Союз нужен был как сила, способная нейтрализовать японцев в Корее, Маньчжурии и Китае, как сила, дававшая шанс уберечь морские и сухопутные части армии США от неизбежных жертв. Поэтому нарастание жесткости в отношении СССР было относительно медленным. Невнимательность со стороны США к соображениям безопасности,

лежащим в основе советской внешней политики, была оборотной стороной той невиданной самоуверенности, которой руководствовался официальный Вашингтон, начав ощущать себя главным мировым капиталистическим центром, средоточием неслыханного могущества. Благородные мотивы борьбы с нацизмом уступили место опьяняющей эйфории миростроительства по американскому образцу. Деятели «Нового курса» ушли в тень, вперед вышли строители «либеральной и демократической» империи, превратившейся в конечном итоге в инициатора невиданной гонки вооружений, в душителя свободы развивающихся народов, в хладнокровного истребителя мирного населения Кореи и Вьетнама.

Стратегия глобальной экспансии принесла в американскую дипломатическую практику правило двойного стандарта. Соединенные Штаты на словах в категорической форме выступили против создания сфер влияния, против образования блоков. А на деле США уже доминировали в западном мире, взяли под свой контроль многие прежние части Британской империи, питали надежды на занятие места Франции и других западноевропейских колониальных метрополий в их важнейших владениях. Западное полушарие США рассматривали уже как свою заповедную зону. Все это никак не укладывалось в рамки провозглашаемых ими демократических принципов. Если Соединенные Штаты стремились к доминированию в далеком Китае, то это подавалось как «содействие прогрессу человечества», а если СССР был озабочен безопасностью своих границ, то это освещалось как его «выход на большую дорогу экспансии». Правило двойного стандарта стало внутренней сущностью послевоенной американской дипломатии.

На пути к Потсдаму

Жесткость первых недель не принесла быстрых решений. Напротив, Индокитай, Югославия, Япония, создание ООН внесли новые сложности в мировоззрение американского президента, который в июне 1945 г. сказал: «Вы не знаете, насколько это все сложно для меня. Рядом нет знающих международных дела людей». Это заставило Трумэна сделать несколько шагов назад, в направлении «ялтинской аксиомы». На месте своего рода наставника Гарри Трумэна появляется видный чиновник госдепартамента — заместитель государственного секретаря Джозеф Грю — примерный консерватор, на долю которого выпало возглавлять госдепартамент во время многочисленных отлучек госсекретаря Стеттиниуса.

Грю возглавлял госдеп две трети времени между январем и августом 1945 г. Ему был сорок один год, десять из которых он провел на посту американского посла в Японии. Глухота усугубляла его склонность уходить в себя. Его жесткость по отношению к России и строю была хорошо известна. Этот человек видел крайние проявления милитаризма собственными глазами, он служил в Германии и Австро-Венгрии во время первой мировой войны и в Японии во время второй мировой войны.

Именно этот чиновник отвечал за поток документов на стол президента Трумэна в очень важный период мировой истории, встречался с президентом ежедневно. В ряде случаев решения президента были просто фиксацией взглядов Джозефа Грю. Скажем, 2 мая 1945 г. Грю записывает: «Сегодня у меня были четырнадцать проблем, которые нужно было срочно решить, и мы сделали это за пятнадцать минут, придя к ясному и определенному решению в каждом случае».

Наступал период определения отношений с Советской Россией как в Европе и на Дальнем Востоке. В мае 1945 г. разразился кризис между Италией и Югославией по поводу Триеста. Собственно кризис возник между США и Британией, с одной стороны, и Югославией Тито — с другой. Этот кризис периодически приближался к горячей фазе. Именно в эти дни Джозеф Грю являл собой главного советника американского президента. Югославы сумели умело организовать движение за югославский суверенитет над Триесте и Венеция-Джулия, где итальянское и славянское население было перемешано. И Рим и Белград пытались решить проблему в свою пользу.

Если бы руководство Трумэна тщательно проанализировало этот эпизод, то многое бы

могло бы быть иным в мире, создаваемом во второй половине 1940-х годов. Общее впечатление в Вашингтоне сводилось к тому, что коммунисты Тито ведут игру, руководимую Кремлем. Западные союзники бросились на встречу своего фактического сателлита — Италии. Как стало ясно значительно позднее, Советский Союз никоим образом не поддерживал югославскую сторону. Более того. Москва осуждала напор титоистского руководства как опасный, как способный завести Югославию в опасные воды международной политики, как опасный и провокационный авантюризм. То была локальная проблема и только тотальный отпор Вашингтона и Лондона мог придать делу характер противостояния Восток-Запад.

С разворачиванием кризиса государственный департамент США быстро принял ту точку зрения, что югославская оккупация значительной части спорного региона является результатом, во-первых, тоталитарного характера титоистского руководства; во-вторых, югославы являются агентами русских. Последнее было классическим выражением «рижской аксиомы». Посланным на спорную территорию офицером был Александер Кирк, работавший в Москве до второй мировой войны.

Грю заведомо подозревал участие советской стороны. Он присоединился к агрессивному мнению Черчилля, который хотел сделать Триест местом дипломатической битвы. Британский премьер предупредил 12 мая 1945 г. Трумэна относительно создаваемого восточной стороной «железного занавеса»: «Какой же будет наша позиция через год или два, когда наши армии будут распущены?» Джозеф Грю сказал президенту, что Триест имеет огромную стратегическую значимость «для будущего мира Европы». Здесь проверяется, позволят ли Соединенные Штаты России использовать своих сателлитов для определения того, «какие государства и границы лучше для будущего СССР». Трумэн не рискнул пойти на военное противостояние из-за страха общественного возмущения в самой Америке. Но в личном плане он изменил свою личную точку зрения и воспринял интерпретацию, предложенную Грю: «Единственное решение — вышвырнуть их прочь» (слова Трумэна).

На пути абсурдной военной конфронтации встал Генри Стимсон, назвавший позицию государственного департамента «нереалистичной» и утверждавший, что англичане манипулируют американцами. Он увидел в происходящем «один из тех периодов, которые случаются в каждой войне» и сказал об этом президенту Трумэну 10 мая 1945 г. «Лишено всякой мудрости влезать в балканское болото». Министру удалось приостановить погасить растущую воинственность в Вашингтоне, замедлить посылку американцами и англичанами войск. Югославы ответили тем, то 18 мая прислали примирительное послание. Ситуация прошла крайнюю точку напряжения.

Но Грю не терял времени и трактовал эпизод в Триесте в свою пользу: наблюдается неизбежное столкновение противоположных точек зрения. После бессонной ночи, ранним утром 19 мая 1945 г. Грю бродил по коридорам своего дома и чеканил фразу: «Советская русская экспансия» — воплощение «рижской аксиомы». Результатом Второй мировой войны стало то, что «произошло смещение тоталитарной диктатуры и мощи из Германии и Японии в Советскую Россию, которая в будущем будет представлять собой суровую опасность для нас — так как это делали страны „оси“ прежде». В Восточной Европе складывается тот образ действий, который Россия будет стремиться повторить. Далее Грю пишет: Н Ближнем и Дальнем Востоке «сработает тот же стереотип». Война с Советским Союзом «так же определена, как может быть определенным что-либо на этом свете». Соединенным Штатам следует ответить укреплением своей военной мощи и укреплением отношений с Британией, Францией и Латинской Америкой. Самым фатальным из всего было бы «довериться искренности России», ибо Россия считает «наше этически выдержанное поведение как слабость и попытается этой слабостью воспользоваться». Все это вело к следующему заключению: «Как только закончится конференция в Сан-Франциско, наша политика в отношении Советского Союза должна быть устроена по указанной линии. Было бы значительно лучше и безопаснее устроить выяснение отношений с Россией до того, как та осуществит реконструкцию и разовьет свою огромную военную, экономическую и территориальную мощь».

Грю сделал ошибку большого исторического калибра. Локальный конфликт по поводу небольшого приграничного городка Триеста он воспринял и представил как начало новой фазы исторического развития, как авангардные бои русского империализма, как преамбулу крупного — мирового конфликта, в который вторгается мир после второй мировой войны. И вторгается, считал Грю, неизбежно.

Грю было легче повлиять на ту часть западнорусских отношений, где он был признанным авторитетом — на сотрудничество на Дальнем Востоке. Он ужесточил американский подход к СССР. В уже упоминавшемся меморандуме он указывал на возможные последствия вступления Советского Союза в войну на Тихо океане: «Тогда Монголия, Маньчжурия и Корея постепенно попадут в орбиту русского влияния, за ними последует Китай и в конечном счете Япония». Из этого следовало, что войну против Японии следует заканчивать как можно раньше — до вступления в нее России.

С постоянной занятостью Стеттиниуса Грю стал фигурой национального масштаба в мае 1945 г. Югославский кризис начинает бросать благодаря ему тень на американо-советские отношения. Грю с помощью Гарримана собирает совещание под провокационным названием: «Следует ли поддерживать то, что было достигнуто в Ялте?» Речь шла, прежде всего, об «уступках», сделанных Советскому Союзу, собирающемуся вступить в войну против Японии. Против горячих голов госдепартамента выступило реалистически мыслящее военное министерство. Мелким клеркам и ангажированным дипломатам было еще трудно противостоять фигурам типа Стимсона и Маршала.

Стимсон сумел доказать, что Советский Союз, если его пытаться нейтрализовать на данном этапе, сумеет завладеть всем, что ему обещано союзниками и без их поддержки. Альтернативой может быть лишь война против СССР. Рационально ли это в условиях неоконченной войны с Японией? Военное министерство категорически отказалось делать что-либо, препятствующее вступлению России в войну против Японии, ибо советская помощь «совершенно определенно материально сократит период ведения военных действий и таким образом сохранит американские жизни». Стимсон считал глупым поднимать столь провокационный вопрос до того, как выяснится значимость атомного фактора, который единственно мог рассматриваться как альтернатива советскому участию в войне.

По мнению М. Шервина, «Стимсон не намеревался пугать Советский Союз новым оружием, но он определенно он ожидал, что, будучи продемонстрированной, эта мощь заставит Советы быть более готовыми к приспособлению к американской точке зрения». Гар Альпровиц полагал, что «противоположно общепринятому мнению, военное министерство не протестовало извлечению политических вопросов, потому что боялось, что это может поставить под вопрос советскую помощь в войне против Японии». Но Альпровиц не приводит доказательств.

Экономические рычаги

Напомним, что, когда в январе 1945 г. сенатор Ванденберг предложил использовать американскую экономическую мощь для давления на русских в Восточной Европе, президент Рузвельт ответил: «Наша экономическая позиция не представляет собой силового переговорного инструмента, который в настоящее время касается только ленд-лиза, который, будучи оборванным, принесет нам вреда столько же, сколько и русским».

Очень важное значение имело мнение Трумэна и Гарримана о том, что Советский Союз уязвим для экономического нажима, что экономические рычаги могут оказаться самыми действенными. Выступая пред руководством госдепартамента, Гарриман красноречиво развивал ту мысль, что «для департамента важно получить контроль над действиями всех агентств и организаций, имеющих дело с Советским Союзом, для того, чтобы в случае необходимости оказать давление». Дебаты концентрировались вокруг послевоенных американских займов и кредитов Америки России, вокруг выплат по ленд-лизу и репараций.

Немедленный ответ русским, утверждал заместитель госсекретаря по экономическим

вопросам Уильям Клейтон, будет означать «потерю единственного рычага, способного воздействовать на русских в связи с политическими и экономическими проблемами, которые могут возникнуть между нашими двумя странами». Необходимость в замедлении скорости была подчеркнута в апреле. Из Москвы Гарриман слал телеграмму: «Наш опыт неопровержимо доказал, что не следует складировать всю добрую волю в Москве». Его главный советник — Джордж Кеннан энергично настаивает «не зависеть» от русских заказов. «Русские не поколеблются, если им это будет выгодно, использовать нашу зависимость от их заказов — вместе с их влиянием на организованные рабочие группы, для достижения политических и экономических целей, которые не имеют ничего общего с интересами нашей страны».

Американская сторона приготовила Молотову контрпредложения, обусловленные созданием «благоприятных» политических условий. Но деятели типа Грю полагали, что такое революционное государство как Россия принципиально неспособно создать благоприятные политические условия. В мае 1945 г. Грю жестко говорит, что «с величайшим нежеланием рассматривает вопрос о каком-либо шаге на пути взаимозависимости с Россией в будущем». В этом было его отличие от Гарримана, который все же верил в силу переговоров, в использование Америкой своих благоприятных позиций, в то, что проблему займа можно было эффективно использовать в широком переговорном процессе. И когда в мае Молотов спросил его, почему американская сторона не отвечает на запрос, сделанный еще в январе, Гарриман ответил: «Мне не представляется необходимым давать какое-либо объяснение советскому правительству». В январе 1945 г., когда немцы крушили американские войска в Арденнах и главная надежда возлагалась на русское контрнаступление, американский посол в Москве просто был неспособен ответить таким образом.

А в Вашингтоне лета 1945 г. замгоссекретаря Грю ответил Стеттиниусу, что вопрос о займе всерьез не рассматривается. Вопрос был отложен в дальний ящик. Недовольство этим выразил даже временно исполняющий обязанности министра финансов Дональд Нельсон, обсуждавший перспективы двусторонних отношений со Сталиным в 1944 г. В конце июля 1944 г. он жалуется президенту Трумэну на кунктаторскую политику государственного департамента. Но Грю продолжал оставаться главой сугубо антирусского фронта в госдепартаменте, он настаивал на необходимости нажима на русскую сторону посредством ленд-лиза. Всем было ясно, что такой поворот был бы полной изменой курса Рузвельта.

Грю полагал, что манипулирование экономической помощью может эффективно повлиять на русских, Словесная жесткость 23 апреля получит адекватное реальное воплощение. Грю наладил эффективную связь с главой Внешней экономической администрации Лео Кроули, чтобы заставить президента Трумэна подписать приказ от 11 мая 1945 г. о прекращении поставок России товаров по ленд-лизу. Джозеф Грю заявил, что «помощь по ленд-лизу является единственным инструментом нашего правительства в отношениях с Советским Союзом».

Это было жестокое решение. По приказу Кроули и с одобрения Грю даже вышедшие уже в море корабли были возвращены назад. Это вызвало шок не только у советских союзников Америки, но даже у таких проводников американской внешней политики как государственный секретарь Стеттиниус и посол в Москве Гарриман.

Сталин назвал решение американского правительства «брутальным». Советское правительство отчетливо показало, что оно понимает происходящее как форму давления. Протест вызвал некоторую коррекцию, товары, которые были уже в пути, было решено довести до цели. И все же это было жестокое и несправедливое решение. Ситуация приобрела такую остроту, что посол Гарриман решил использовать старые методы, к которым он обращался при Рузвельте — минуя государственный департамент обратился 21 июня 1945 г. непосредственно к Гарри Гопкинсу, все еще рассматривавшемуся как специальный советник президента. «Тяжко обеспокоен задержками с поставками русским по ленд-лизу... Сделайте все что можете для незамедлительных действий».

(Среди американских историков до сих пор идет спор по поводу того, что вызвало это фатальное решение Вашингтона. Автор специальной и детальной работы Герман Герринг все же

считает, что прекращение поставок Советскому Союзу по ленд-лизу было результатом бюрократической ошибки и внутриамериканского давления. Но более серьезные исследования (прежде всего Д. Йергина) убедительно говорят о том, что главенствующим был геополитический фактор.

В своих мемуарах Трумэн утверждает, что он не прочитал приказа, отзывающего корабли с товарами по ленд-лизу, а просто подписал текст, составленный Джоозефом Грю и Кроули. Но есть свидетельства того что Кроули сообщил Грю о том, что «он хотел бы быть уверенным в том, что президент отчетливо понимает сложившуюся ситуацию и что он поддержит нас и никого не допустит к этому делу».

Тогда же, в это роковое лето 1945 г. американская сторона постаралась использовать в качестве фактора давления на СССР вопрос о репарациях. В Москве знали, что даже англичане поддерживают общую сумму в 20 млрд. долл., согласованную в Ялте. Участвующая в союзнических согласованиях американская делегация во главе с Айседором Любиным предпочитала отмалчиваться, а в середине апреля 1945 г. покинула переговоры. Оставаясь связующим звеном, посол Гарриман признавая правомочность русских пожеланий, предложил использовать репарации в качестве мощного рычага против «их недостаточного желания выполнить ряд крымских решений». Гарриман предложил инкорпорировать репарации в общий ряд двусторонней политики. Противоречие: одновременно Гарриман советовал Любину «все время демонстрировать русским свое положительное отношение к советскому желанию получить значительные репарации из Германии».

Смерть Рузвельта много переменяла в этом вопросе. Сама цифра 20 млрд. перестала использоваться, было решено использовать репарации в качестве инструмента воздействия на СССР. Трумэн усомнился в статистике Любине: «Это самая важная работа в США на настоящий момент. Она определит состояние экономики Европы в целом и я хотел бы видеть во главе американской делегации авторитетного лидера, который мог бы бросить на весы решений свой престиж». В качестве такового Трумэн избрал чрезвычайно богатого нефтяного магната Эдвина Паули.

Вопрос о репарациях был окончательно пересмотрен в начале мая 1945 г., когда давление в отношениях Америки с Советским Союзом начало нарастать, когда американцы стали бояться хаоса в Центральной и Центральной Европе, которые (говорили президенту советники) могут привести к «политической революции и коммунистической инфльтрации».

На историческую сцену выплывает один из ярких героев периода после Первой мировой войны — руководитель американской помощи разоренной Европе после 1918 г. Герберт Гувер (политически похороненный Франклином Рузвельтом в 1932-1933 гг.). Прежний президент встречается в середине мая 1945 г. с Трумэном, Стимсоном, Форрестолом. Важное решение: невоенную промышленность Германии и Японии не следует демонтировать, на нее американцам следует опереться.

Гувер пошел еще дальше в уже обозначившейся русской политике новой администрации. Уважаемый политик со значительным политическим весом придал повороту в американской политике новый — и значительный вес. За день до апокалиптического меморандума Джоозефа Грю Гувер предупредил военного министра Стимсона, что Сталин «создаст преимущественно коммунистические правительства в Италии, Греции и Северозападной Германии».

Важным поворотным пунктом в истории «холодной войны» было принятое в эти дни решение о приоритете Западной Европы над Советским Союзом как проблемой американской внешней политики. Это решение имело два аспекта: репарации из Германии будут держаться на минимальном уровне; весь экспорт западных зон оккупации Германии будет использоваться, прежде всего, для оплаты товаров из западных стран — и только остатки пойдут на компенсацию продуктов из восточноевропейских стран. Германия будет интегрирована в западный блок стран, руководимых Америкой, до начала получения Советским Союзом репараций.

Американцы в эти майские дни приходят к заключению, что не учли огромного экономического потенциала Германии. Даже лежащая в руинах, Германия 1945 г. была более

мощной величиной, чем Германия 1939 г. Специальная американская комиссия посетила Германию в конце мая 1945 г. и пришла к заключению, что «способность Германии производить военную продукцию все еще остается преимущественно нетронутой» и что «экстенсивный вывоз заводов и оборудования все еще возможен и желателен». Как оказалось внешний вид разбитой Германии скрывал огромные полуприкрытые возможности.

В то же время американское руководство явно преувеличивало степень привязки экономических планов СССР к его (якобы очевидным) политическим целям. А в советском руководстве шел процесс выработки стратегии в отношении Германии — боязнь ее, как и желание восстановить нормальную жизнь в России были главенствующими мотивами. Глава Специального комитета по экономическому разоружению Германии Г.М. Маленков утверждал, что Германия может восстановить свои силы с той же скоростью, с какой она восстановила свои силы после Первой мировой войны. Маленков выступал за превращение Германии в аграрную страну, за ее жесткое разоружение. Против этой концепции выступала группа влиятельных лиц, считавших, что мощная индустриальная Германия нужна для более быстрого выполнения советского пятилетнего плана, для подъема советской промышленности. Вторую группу возглавляли столь влиятельные в это время А.А. Жданов (возглавлявший идеологическую работу ЦК ВКП(б)), А.И. Микоян — министр внешней торговли, Н.Н. Вознесенский — глава Госплана; их лозунгом было: «Ремонт для выполнения пятилетнего плана». Это было столкновение двух подходов решения двух главных потребностей России — безопасности и восстановления. И это были долговременные подходы, занявшие не только вторую половину 1945 г., но и весь 1946 год. Чего не было, так это плана превзойти Запад, нанести по нему удар, лишить США их позиций в Европе — все это были надуманные аргументы рьяных противников СССР в американском руководстве.

Противоречия на указанной почве стали отчетливо возникать летом 1945 г. во время заседаний союзной Комиссии по репарациям в Москве. Взаимное ожесточение возникло уже при попытках подсчета. Американцы считали «поштучно» (сколько паровозов, станков и т.п.), а советский подход основывался на подсчетах в долларах.

Сан-Франциско

Лозунг большей твердости в отношениях с Советским Союзом приобретал силу постепенно. Его заслоняли фантастические дипломатические события, такие как конференция по созданию Организации Объединенных наций, начавшаяся 25 апреля в Сан-Франциско.

Американская делегация отправлялась в Сан-Франциско в наилучшем настроении. Госсекретарь Стеттиниус обозначил только одну проблему: «Советский Союз». Член американской делегации Чарльз Итон прокомментировал эти слова: «И так было всегда». Но не он, а сенатор Ванденберг был наиболее упорным противником найти общие отношения с Россией — он обещал твердость в отстаивании американских интересов в античном стиле — «американскому народу и сенату». Ванденберг оказался самым влиятельным членом американской делегации. И он готов был жестоко сражаться с ялтинскими договоренностями как с договоренностями между великими державами. Ванденберг считал главной ареной прогнозирования линии поведения России Польшу, этот вопрос был для него заглавным. Он «не мог получить большего личного удовлетворения, чем публичного осуждения Ялты и всего, что в ней было договорено в отношении польского вопроса».

Сан-Франциско не был, как это иногда показывают, сплошной бравурой. Ожесточение пряталось за парадными вывесками. Еще недавно называвший Сталина «великим человеком» сэр Александер Кадоган, теперь говорил о русских: «Как можно работать с этими животными? И как можно питать надежды в Европе?» Еще «лучше» пишет сенатор Ванденберг в своем дневнике: «Россия может уходить. Конференция может продолжать работу и без России... Россия — это темные облака на всех небесах. Трудно даже разобраться, это Фриско или Мюнхен... Мы должны стоять „у своих орудий"... Здесь нужно прекратить умиротворение красных до того, как

станет поздно“.

Тон конференции был задан такой, что наблюдатели немедленно забеспокоились, «не слишком ли тверд» президент Трумэн? Это чувство отразилось в первых высказываниях нового государственного секретаря — Джеймса Бирнса. 30 апреля 1945 г. он пишет обозревателю Уолтеру Липпману: сохранение мира будет зависеть от того, что владеет сердцами народов России, Британии и Соединенных Штатов. Мы не можем сохранить мир, распространяя недоверие к Советам. Мы должны доверять друг другу. И если мы ожидаем от них выполнения обещаний, мы должны скрупулезно соблюдать свои обещания им».

Липпман ответил письмом из Сан-Франциско 10 мая 1945 г. выражающим «беспокойство по поводу ведения американской внешней политики... Хотя спор очевидно ведется между Советами и нами, эта линия не лежит в природе вещей, но является результатом неопытности и эмоциональной нестабильности нашей делегации... Такого не должно бы случиться. Такого не случилось бы, если бы президент Рузвельт был бы жив. Происходящее приведет к несчастьям не только по таким проблемам как польский вопрос, но захватит и Ближний Восток, если мы не восстановим наше чувство национального интереса в фундаментальном вопросе».

Миссия Гопкинса

В середине мая 1945 г. беспокойство по поводу отношений с Россией охватило и президента Трумэна. Он говорит Моргентау, что является новичком во внешней политике. Через несколько дней добавляет: «Вы не знаете как тяжело это дело для меня». Рассказав Дэвису о «нокауте» Молотова, президент спрашивает: «Прав ли я?» Неожиданная остановка поставок по ленд-лизу была ошибкой, — признает Трумэн. Он пытается снять стресс ежедневным плаванием, делает гимнастику. И все же все отмечают его усталость. Ночами он для релаксации играет в покер. Иногда ложится в постель в восемь утра.

Черчилль служит особым фактором. 6 мая 1945 г. — еще до победы — Черчилль предлагает американским и британским армиям «держатся твердо» не за позиции, согласованные в Ялте, а за фактические. Неважно, что подумают русские. Трумэн еще не готов к такой демонстрации жесткой враждебности, к тому же и у русских есть свои козыри; так он и отвечает Черчиллю 9 мая. 11 мая Черчилль присылает еще две телеграммы: «В ходе продвижения русских к Эльбе случилось ужасное. Русские теперь доминируют в Польше, Восточной Германии, в балтийских провинциях, Чехословакии, Югославии, Венгрии, Румынии, Болгарии, в значительной части Австрии, что представляет собой „беспрецедентное событие в истории Европы“. „Необходимо не уходить с наших передовых позиций, пока дело не решится к нашему удовлетворению“. 12 мая Черчилль пишет: „Я глубоко обеспокоен европейской ситуацией. Половина америанцев уходит на Тихий океан, канадцы безусловно уйдут как и значительная часть англичан. Французы слабы. А что будут делать в это время русские?“

Непродуманное прекращение поставок по ленд-лизу увеличило его подозрения в отношении Кроули и Грю. Мысль о том, не манипулирует ли им Черчилль, тоже посетила президента. 21 мая 1945 г. он пишет: «С Черчиллем у меня не меньше проблем, чем со Сталиным. Каждый из них стремится использовать меня как пешку, стремится заполучить меня для вытаскивания каштанов из огня». Новое воздействие начинает на него оказывать бывший посол в СССР Джозеф Дэвис, партнер по ночному покеру и известный противник «рижской школы». Президент рассказывает эпизод с Молотовым: «Я нанес ему прямой удар. Был ли я прав?» Дэвис вспоминает, в каком смятении был Трумэн 13 мая, когда они проговорили с президентом почти полдня. Семья переезжала в Белый дом. Президент сидел в пустом кабинете на втором этаже и мучился русским вопросом. Он все еще убежден, что Тито не стал бы сражаться из-за Триеста, если бы не имел поддержки русских. К удивлению Дэвиса президент Трумэн считал, что Сталин «уже потерял контроль, и генералы владеют ситуацией».

Пытаясь спасти положение, Дэвис, самый яростный противник «рижской школы», давал свою оценку военной дипломатии. С его точки зрения, чиновники госдепартамента просто

воспитаны в ненависти к русским. Трумэн согласился и обещал перемены. Дэвис рассказал о своей личной переписке с Молотовым, в которой советский министр жаловался на ухудшение взаимоотношений. Молотов писал: «Я думаю, что личный контакт руководителей наших правительств мог бы сыграть в этом деле исключительно положительную роль». Трумэн согласился с наличием враждебности, но сказал, что в будущем последуют перемены. Трумэн проявил интерес к встрече на высшем уровне, но в текущий момент обсуждение бюджета не позволяет этого — до июля. Неделями позже Трумэн сказал, что у него есть еще одна причина для затягивания времени «саммита» — это была атомная бомба, о которой Трумэн рассказал Дэвису в деталях.

В сложившейся обстановке даже Гарриман беспокоился о том, что предстоит жесткое выяснение отношений. Они летели из Сан-Франциско вместе с Чарльзом Боленом и совместно решили, что, будь президент Рузвельт жив, он в создавшейся обстановке послал бы в Москву Гарри Гопкинса, известного добрых американско-советских отношений. В Вашингтоне крайне болезненно выглядящий Гопкинс согласился с идеей поездки в Москву. А Трумэн, как бы подготовленный своими беседами с Дэвисом, одобрил эту инициативу. (Впрочем, на данном этапе не Дэвис, а Гарриман был наибольшим авторитетом для Трумэна в американско-советских отношениях).

Трумэн приказал Гопкинсу сказать Сталину, что Соединенные Штаты будут соблюдать ялтинские соглашения и от Советского правительства ожидается то же. Трумэн записал: «Я сказал Гарри, что он может использовать, все, что считает необходимым — от дипломатического языка до бейсбольной биты, если это понадобится в общении с мистером Сталиным».

Визиту Гопкинса препятствовали люди типа Джозефа Грю, которые видели в визите угрозу их недавно обретенной гегемонии в определении американской внешней политики. Но Трумэн уже отошел от профессиональных дипломатов, возвращаясь к тактике Франклина Рузвельта, пытаясь решить проблему через доверенное лицо. Своим помощникам Трумэн 5 июня 1945 г. сказал: «Когда имеешь дело с дипломатами в полосатых брюках, следует быть осторожным».

Гопкинс был единственным американцем, с которым Сталин — по его же выражению — «хотел поговорить по душам». Если у «холодной войны» был спаситель, то им в возникшей ситуации мог быть только Гарри Гопкинс, который всегда (как Глава протокольного комитета) стремился дать в годы войны страждущей России «больше и быстрее». И данный двухнедельный визит важен как своего рода «последняя рузвельтовская попытка» спасти положение.

В первой же беседе Гопкинс выразил свою обеспокоенность поворотом американского общественного мнения, тем, что «вся структура мирового сотрудничества и взаимоотношений, созданная Рузвельтом и Сталиным с таким трудом, находится под угрозой развала». Сталин в ответ сказал, что не будет прятаться за советское общественное мнение, а лучше расскажет о тревоге, которую испытывают в «советских правительственных кругах» относительно последних шагов Соединенных Штатов. «Американская позиция в отношении Советского Союза значительно охладела с того времени когда стало ясно что Германия потерпела поражение. Американцы теперь словно говорили, что русские больше не нужны». Такая перемена несомненно подействовала на русских, находившихся на вершине своей военной победы. Сталин сказал Гопкинсу, что Советский Союз — не Албания.

Сталин поднял вопрос об американском экономическом давлении. Если окончание ленд-лиза «было замышлено как средство давления на русских с тем, чтобы ослабить их, то это было фундаментальной ошибкой». Если бы к русским «подошли откровенно и дружески, многое можно было бы сделать... Репрессии же в любой форме будут иметь обратный эффект».

Желая сохранить основы дружественности, Сталин еще раз пообещал вступление СССР в войну на Дальнем Востоке к 8 августа 1945 г. — если ялтинские соглашения будут сохраняться. Сталин высказался за четырехстороннюю опеку над Кореей, он поддержал идею стабильного Китая, объединенного Чан Кайши, указал на ограниченность интересов СССР в этом регионе, на скептицизм в отношении коммунистического движения в Китае.

В портфеле у Гопкинса лежали экстренные телеграммы из Вашингтона: на конференции в

Сан-Франциско образовался тупик из-за предполагаемой процедуры голосования в Совете Безопасности ООН. Советская делегация требовала права вето на ведение дискуссий (равно как и на предлагаемые СБ действия). Гопкинс обрисовал американскую позицию: свободные дискуссии, вето на действия. После короткого обсуждения этой проблемы с Молотовым Сталин принял американскую точку зрения.

Серьезный удар по союзу военных лет был нанесен при обсуждении польского вопроса. Польша как проблема продолжала оставаться главным «огорчителем» советско-американских отношений. Сталин пообещал Гопкинсу полностью обсудить польскую проблему. Страсти, как обычно, накалились при переходе к польской проблеме, но и здесь советская сторона не взяла на вооружение полного отрицания американской позиции и американских заинтересованностей. В конце мая 1945 г. наступило очередное обострение межсоюзнических отношений. Война еще продолжалась и, чтобы не расколоть коалицию накануне военного триумфа, «лучший американский друг Сталина» — Гарри Гопкинс, презрев суровую болезнь, направился в Москву.

Сталин слушал все упреки американской стороны внимательно. После нескольких дней обсуждений Сталин и Гопкинс составили список невходящих в люблинский комитет поляков, которые приглашались в Москву для консультаций, на данном этапе тупик был преодолен. Сталин пообещал ему, что центральное польское правительство включит в себя таких деятелей как Миколайчик и Грабский.

Сталин не оставил у своего собеседника никаких сомнений относительно своего высокого уважения к Америке. Он признал превосходство ее силы над Советским Союзом. В одном месте он даже сказал о глобальных интересах Соединенных Штатов. Хотят того американцы или нет, но они являются мировой державой и должны взять на себя ответственность мирового охвата. Лишь американское вторжение позволило победить Германию в Первой мировой войне. «Все события и процессы последних тридцати лет подтвердили это». Соединенные Штаты «имеют больше оснований претендовать на статус мировой державы, чем какое-либо другое государство». Сталин сказал, что «полностью признает право Соединенных Штатов в качестве мировой державы участвовать в решении польского вопроса, и советские интересы в Польше никоим образом не исключают защиты интересов Англии и Соединенных Штатов».

При любой степени критичности трудно не признать миссию Гопкинса успешной. Если она и не восстановила прежней дружбы, то произошедший честный обмен мнениями по ключевым вопросам уменьшил опасную зону противоречий. Гарриман докладывал Трумэну, что Сталин «был в высшей степени обеспокоен негативными процессами последних трех месяцев». Миссия Гопкинса «оказалась более успешной, чем я ожидал... Он создал хорошую атмосферу для вашей встречи со Сталиным». Гарриман видел потенциал расхождений только в польском вопросе: «Я боюсь, что Сталин никогда полностью не поймет наш интерес в свободной Польше как принципе. В своих действиях он реалист и ему трудно понять и оценить нашу веру в абстрактные принципы». Было решено время и место встречи: Потсдам 15 июля 1945 г. Трумэн записал в дневнике примечательные слова: «Русские всегда были нашими друзьями и я не вижу причины, почему они не могут ими оставаться».

Улучшение советско-американских отношений сказалось на американской элите. Президент Трумэн был доволен результатами вояжа и теперь с большей охотой готовился к саммиту. Даже Джозеф Грю написал Стеттиниусу: «Я думаю, что вы были правы и общая картина международных отношений дает основания для надежд». Но ради исторической истины укажем, что улучшение это не было радикальным. Для Трумэна «миссия Гопкинса» была еще одним доказательством того, что Россия, «как и всякое тоталитарное государство» управляется кликами. «Если вы можете сесть рядом со Сталиным и ввести его в суть проблемы, Сталин займет разумную позицию». Но если проблема не дойдет до Сталина, ее решением займется «клика Молотова» или «северная клика». Д. Йергин считает, что Трумэн переносил свои проблемы на Сталина, ибо, как свидетельствует Болен, «президент был поражен противоположными по характеру советами». Он остро чувствовал отсутствие подлинной экспертизы. Вначале от него требовали твердости (и следования рижской аксиоме). Он однако не

во всем воспринял Россию как революционное государство. Во многих случаях, говорил Трумэн, «русские сами не знают, чего они хотят». Но Трумэн не увидел толка и в следовании «ялтинской аксиоме». Чаще всего он видел в России своего рода «нарушителя мирового спокойствия», образ которого ему рисовал Гарриман.

Президент Трумэн ожидал встречи со Сталиным в Берлине, но уже достаточно четко определил задачу сократить зону советского влияния. В его руках были экономические рычаги, а ожидался и атомный рычаг. Согласно его метафоре, в его руках было «много карт», и он хотел их использовать как «американские карты». Что его согревало: «Нам незачем ходить к русским, а вот русским нужно за многим ходить к нам».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ ПОТСДАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Вовсе не нужно быть апологетом Сталина и его внешней политики, чтобы заметить вполне очевидное: в мае 1945 г. Россия была настолько ослаблена войной, что все ее стратегические мечтания были связаны с восстановлением мирной жизни, созданием такого порядка на границах страны, который исключал бы новый *cordon sanitaire*, изолирующий страну от внешнего мира. Победоносные армии России остановились там, где их застало окончание войны — и где они должны были быть по согласованию (Тегеран, Ялта, Потсдам) с союзниками.

Неправда то, что Советская армия не начала процесс демобилизации. Неправда то, что Москва бравировала и блефовала своими огромными армиями. Неправда то, что русские генералы мечтали о броске к Атлантике, Средиземноморью, Ла-Маншу. Правда то, что советские подрывники в 1947 г. взорвали мосты, ведущие из Восточной Европы на запад. А ведь питающие наступательные планы страны строят такие мосты.

И, если цитировать американского историка Д. Холловэя, «окончательный выбор — следовать реалистическому, а не революционному или „либеральному“ курсу в международной политике — был сделан Сталиным еще до окончания войны».

Новый государственный секретарь

В конце июня 1945 г. в отеле «Шорхэм» собрались высшие чиновники государственного департамента. Здесь, в номере Джеймса Бирнса они устроили своего рода брифинг хозяину, который вскоре возглавит американскую дипломатическую службу. Это было лишь частично полезное заседание. Мешало смешение взглядов. Один из ближайших помощников Бирнса — Бенджамин Коэн вспоминает: «Существовал значительный конфликт не только между приглашенными людьми, но и внутри каждого индивидуума». Делу не помогала непростой характер Бирнса. Он видел свою миссию в примирении различных взглядов: «Хорошее правление заключается в нахождении самого широкого общего знаменателя». Можно ли было найти общий знаменатель у представителей противоположных точек зрения?

Джеймс Бирнс вышел из ирландской общины Южной Каролины. Это был настоящий селф-мэйд мен, ставший адвокатом и в 1910 г. избранный в палату представителей. При Рузвельте он, католик, южанин и судья Верховного суда, возглавил Оффис военной мобилизации. Он сопровождал президента Рузвельта в Ялту. После смерти Рузвельта он помогал Трумэну освоиться со своей новой должностью. Трумэн предложил Бирнсу пост государственного секретаря; было решено, что тот примет этот пост после конференции в Сан-Франциско. Бирнс с охотой воспринял миссию мирового примирителя.

3 июля Бирнс был приведен к присяге. Тремя днями позже он отплыл на крейсере «Огаста» в Европу вместе с президентом Трумэном на тройственную встречу со Сталиным и Черчиллем.

Дневник Трумэна переполнен выражениями типа: «Как я ненавижу эту встречу!» Целью встречи в Потсдаме, ввиду особого значения, придаваемого советско-американским

отношениям, становилась «дуэль» с главой советской делегации. Президент Г. Трумэн тщательно готовился. Прежде всего, он предложил перенести конференцию на июль. Главной причиной этого, как признал впоследствии Г. Трумэн, было ожидание известий из Аламогордо (штат Нью — Мексико), где проводились испытания первой атомной бомбы.

Приготовления

Напомним, что 21 мая Сталин предложил Черчиллю и Трумэну встретиться в Берлине. Черчилль немедленно согласился: «Я очень хотел бы повидать вас как можно скорее». Черчилль (и многие советники Трумэна) выступали за более раннее открытие конференции — «пока американская и британская армия не растаяли перед красным потоком с востока».

Мудрость советников до начала конференции: «Все знают вас (Трумэна.-А.У.) как упорного торговца лошадьми из Миссури, и американский народ ожидает от вас весомых результатов». Но Черчилль уже начал говорить языком, который пугал окружающих. 28 мая, на официальном банкете в честь покидающих правительство членов кабинета он сказал, что если новая смертельная угроза возникнет, «мы повторим все, что проделали сейчас». 11 июня Черчилль на заседании комитета начальников штабов сделал такую оценку сложившегося положения в Европе. «Русские гораздо дальше продвинулись на запад, чем мы могли ожидать. Они всемогущи в Европе. В любое время, если они так решат, они могут пройти всю оставшуюся Европу и вытолкнуть нас на свой остров. У них превосходство два к одному над нашими силами». Для предотвращения такого развития событий союзникам следует встретиться.

Выбор места встречи пал на удивительным образом нетронутый пригород Берлина Бабельсберг — немецкий Голливуд, центр кинопроизводства. В то время как неподалеку в Берлине руины и трупы кричали о только что завершившейся войне, дипломаты, по словам советника Черчилля Кадогана, «оказались в милом маленьком городке посредине разрушенной страны». Вокруг было то, что генерал Паттон назвал «адом, если на него кто-то хочет посмотреть». Трумэн приземлился на аэродроме Гатов в жаркий полдень. Среди встречавших русских выделялся посол Громыко. Далее 16 км по советской зоне оккупации, где через определенные места мелькали зеленые фуражки советских солдат..

Американцев на этой конференции было в четыре раза больше, чем в Ялте. Одних только поваров и стюардов было одиннадцать человек. Вода, крепкие напитки и вино поступали из Франции ежедневно. Участники конференции жили в 25 реквизируемых домах. «Малый Белый дом» обосновали на Кайзерштрассе 2. Здесь Трумэн жил в доме оборудованном Советской армией — тяжелая тевтонская мебель. На втором этаже была спальня, гостиная, кабинет и большой балкон, выходящий на озеро. Каждым ранним утром его можно было увидеть прогуливающимся по окрестным улицам.

Президент Трумэн никогда не видел разрушенных стран, и на него произвели большое впечатление автопрогулки по Берлину. Вот впечатления от поездки по городу 16 июля: «Груды камня и разбитого кирпича. Длинная, нескончаемая процессия стариков, женщин и детей, бродящих по улицам бесцельно». Президенту Трумэну не пришло в голову, что он видит улицы противника, и что никто не умирает от голода. Ему стоило навестить территорию своего советского союзника, чтобы увидеть подлинную юдоль человеческую. Он не мог видеть немцев босыми зимой, он не мог видеть подлинный человеческий голод. Он все это мог увидеть совсем недалеко — в России, положившей гигантские жертвы на общее дело. (Он мог увидеть это в часе полета, в пограничном Бресте, как видел их автор этой книги кровавые следы босых женских ног, оставленные на льду подмороженной улицы, ночь напролет за куском хлеба).

Американская дипломатия заранее была полна решимости не повторять Версальскую конференцию. На этот раз все будет так, как того захочет Вашингтон и никаких многомесячных интриг. Этот период европейской истории уже в прошлом. На протяжении июня 1945 г. руководство Соединенных Штатов определенно пришло к заключению, что главные мировые решения будут приняты американской стороной. У американских руководителей еще были

некоторые иллюзии относительно роли Организации Объединенных наций — но это только в том случае, если два наиболее важных союзника — Британия и Россия будут действовать согласно и солидарно. Именно поэтому делегация Соединенных Штатов прибыла в Потсдам со значительной долей уверенности в том, что периодические встречи Совета министров иностранных дел сумеют выстроиться солидарно с американскими пожеланиями.

Сталин нигде не был виден, и ввиду его опоздания, конференция была отложена на один день. И только в полдень 17 июля, когда президент Трумэн оторвал глову от письменного стола, он увидел стоящего в дверях Сталина. За ним был Молотов и переводчик Павлов. Сталин прибыл этой ночью поездом. «Я встал и поприветствовал его», — пишет Трумэн в дневнике. Болен подумал о том, как состарился генераллисимус. Они сели на два массивных кресла. Рядом — Бирнс, Молотов, Болен и Павлов. Трумэн сказал, что надеется встретить в Сталине друга. Он привык говорить «да» или «нет», а не путаться между этими понятиями. Сталин расслабился только после этих слов. Он сказал, что «как условлено в Ялте», Советская армия начнет операции на Дальнем Востоке. Президент пригласил Генерального секретаря на ланч. Дневник Трумэна: «Мне нравится этот человек и я чувствую себя уверенным, что мы достигнем согласия, удовлетворительного для нас и всего мира». Трумэн нашел его вежливым, добродушным, деловитым. Он записал в дневник тем вечером: «Он будет участвовать в войне с японцами 15 августа. Когда это случится, то будет означать конец японцам... Я могу сотрудничать со Сталиным». Президент не питал к русским сантиментов. Проговорив с ним два часа, премьер-министр вышел со словами: «Я могу с ним работать».

Подобным же образом был благосклонен Чарльз Болен: «В Тегеране, в Потсдаме на протяжении десяти дней, когда я видел его с Гопкинсом, Сталин являл собой пример для поведения. Он был спокойным, хорошим слушателем, всегда мягким в своих манерах и в изложении своих мыслей. Не было ни признака грубой и brutальной натуры за этой маской».

Неподалеку от Черчилля в Потсдаме расположился президент Трумэн, и к нему Черчилль отправился на второй день. Черчилль в мемуарах: «Трумэн произвел на меня впечатление веселой, точной, блестящей манерой разговора и очевидной силой в принятии решений». Накануне конференции западные союзники, как свидетельствует английский дипломат, «обсуждали один лишь вопрос: является ли Россия миролюбивой и желает ли она присоединиться к западному клубу — но испытывает при этом опасения, или ее целью является мировое доминирование, и она будет стремиться обойти нас в области дипломатии». В условиях неопределенности естественным образом начал преобладать вывод: рациональнее предполагать худшее.

После Черчилля Трумэн отправился к Сталину и попал на второй завтрак, который у русских в подобной ситуации не обходится без тостов. Сталин рассказал Трумэну о японском мирном зондаже. (Болен вспоминает, что это произвело очень положительное впечатление на Трумэна. Президента очень порадовало то, что русский лидер предпочитает водке белое вино. Генераллисимус просто обязан посетить Соединенные Штаты. «Я пришло за вами линкор „Миссури“».

Сталин «сказал, что хотел бы сотрудничать с Соединенными Штатами в мирное время так, как это было во время военное. Это может оказаться сложнее. Россию в огромной степени не понимают в Соединенных Штатах, а Трумэна не понимают в России. Я сказал ему, что каждый из нас должен исправить положение в своих странах». Сталин весьма горько сказал: «Мы не можем просто игнорировать результаты этой войны».

Открытие конференции

Итак, дворец «Цецилиенгоф», первая пленарная сессия конференции, названной «Терминал». Конференция проходила в построенном в псевдотюдоровском стиле двухэтажном особняке, похожен на большой загородный английский дом, еще недавно служившим военным госпиталем сначала для немцев, а затем для советских войск. Пятнадцать кресел окружали

круглый стол, три из них были несколько выше других — Трумэн, Сталин, Черчилль. Двое последних были в военной форме, Трумэн — в сером фланелевом костюме. Сталин был всегда с папкой, Черчилль курил огромную сигару.

Сталин выступил первым и предложил в качестве председателя президента Трумэна. Трумэн поблагодарил. В Потсдаме перед дипломатией Белого дома, близкой теперь к обладанию атомным оружием, стояли два важных вопроса: будущее поверженной Германии и война против сопротивляющейся Японии. От согласования первого вопроса во многом зависела судьба всей Западной Европы, которую Соединенные Штаты решили сделать зоной своей опеки. От решения второго вопроса зависела диспозиция сил в Азии.

Трумэну идея конференции лично нравилась не очень. Его волновал процесс создания атомного оружия, того, что обозначалось в секретных документах как S-1. Его военный министр Стимсон непосредственно отвечал за совмещение американского атомного оружия и союзной дипломатии. Находясь в определенном смятении, он приготовил для президента меморандум «Размышления о базовых проблемах, которые стоят перед нами». В этих размышлениях содержалась идея уговорить Сталина смягчить свой режим и, в частности, ввести гражданские свободы. Главный пункт Трумэн озвучил в первом же выступлении: «Со времени окончания Ялтинской конференции обязательства, взятые на себя участниками, не были выполнены».

Умудренным участникам конференции была видна неопытность американского президента. Даже почтительный Черчилль сказал, что слишком быстро обращается к слишком сложным вопросам. Черчилль: «Теплота и неизгладимые впечатления, оставленные Рузвельтом, будут пренесены на человека, взявшего на себя инициативу в этот исторический момент. Чем больше они вторгнутся в проблемы мира, тем прочнее должен быть их союз». Сталин полностью поддержал британского премьера. В обсуждении конкретных — а не абстрактных проблем они найдут необходимое единство.

Это было именно то, чего категорически не желал Трумэн. Он прибыл в Потсдам не за этим. «Я не хочу разворачивать дискуссии, я хочу принимать решения». Черчилль весьма покорно ответил: «Я готов выполнять ваши указания». Сталин: «Если вы сегодня в таком покорном настроении, господин премьер-министр, то я хотел бы знать, не готовы ли вы поделить с нами германский флот. Если мистер Черчилль пожелает, он может свою половину потопить». Вся эта не слишком серьезная перебранка несказанно нервировала президента Трумэна, он хотел продемонстрировать деловой подход, то, что называется «бизнес».

Сестре Трумэн 18 июля пишет, что «Черчилль неустанно болтает, а Сталин ворчит — но это ворчание, по крайней мере, понятно». Единственное, что пока радовало Трумэна — это твердое обещание Сталина начать боевые действия на Дальнем Востоке. Американские военные на этом этапе считали, что это на год сократит продолжительность войны. «Сколько наших парней останется живыми».

Но в общем и целом Россия казалась американцам в конечном счете склонной к дипломатическому компромиссу. Это оценка, казалось, оправдала себя в первый же день заседания, когда и Сталин и Черчилль дружно решили — вместе с американцами — не приглашать в Германию Китай.

* * *

Окружающая Трумэна свита теперь была более чем прежде убеждена, что Германию не следует доводить до предела, что Германия может понадобится. Теперь речь шла о предоставлении американской зоне оккупации значительной автономии. Стимсон в тот же памятный день 16 июля добился от Трумэна «прекращения уничтожения германских припасов». Немцев следует сделать способными «платить свою долю в процессе необходимой реабилитации Европы». Это потребует значительной децентрализации, в Германии отдельные районы должны получить весомую долю самоуправления. Одно дело оккупированная страна, другое — страна самоуправляемая на региональном уровне, которая не позволит демонтировать местное

предприятие.

Черчилль, в отличие от американцев, считал, что в Организации Объединенных наций нельзя видеть панацею; соглашения бессмысленны, если к ним может присоединиться каждый. Он желал заключения двустороннего англо-американского соглашения, включающего в себя вопрос о совместном пользовании военно-морскими и военно-воздушными базами. Британия, хотя она является меньшей державой по сравнению с Соединенными Штатами, может дать многое. «Почему американский линейный корабль, подходящий к Гибралтару, не может получить там торпеды в свои боевые отсеки и снаряды для своих орудий? Почему бы нам ни поделиться взаимными услугами для обороны в глобальном масштабе? Мы можем увеличить на 50 процентов мобильность американского флота». Трумэн ответил, что все это близко его сердцу, но он хотел бы избежать открытой формы военного «альянса вдвоем». Черчилль же продолжал развивать тему. «Следует сохранить Объединенный комитет начальников штабов до тех пор, пока мир не успокоится после великого шторма». Трумэн сказал, что «это был самый восхитительный ланч, который он имел за многие годы».

Следующим в Цецилиенгофе Черчилль встретился со Сталиным, который сообщил о демаршах японских дипломатов: «Японцы осознают мощь союзников и очень напуганы. Что такое безоговорочная капитуляция, можно видеть здесь, в Берлине и в остальной Германии». Черчилль сказал, что Британия «приветствует Россию как великую державу и особенно как державу морскую. Чем больше кораблей плавают по морям, тем лучше будут наши отношения». Сталин был изумлен тем, что Черчилль взял с собой Эттли: как можно представить себе поражение на выборах, заранее готовя дублера? Как бы ни повернулась далее история, но на данном этапе очевидцы фиксируют слова Черчилля, которые тот повторил многократно в адрес Сталина: «Мне нравится этот человек». Иден пишет, что премьер попал под необъяснимое влияние. Он пытался сказать Черчиллю, что им невольно манипулируют — никакого отклика.

На первом этапе конференции этапе Трумэн сознательно стремился создать о себе мнение как о решительном и жестком политике, и был доволен, когда это ему удавалось. Матери он писал после первой встречи со Сталиным и Черчиллем: «Стоило мне занять пост председателя, как я заставил их двигаться».

А мы видим как с первых же фраз рождается то, что выросло в «холодную войну». Совершенно ненужный спор о Германии в начале конференции.

Сталин: Германия — это то, что стало с нею после войны. Другой Германии нет.

Трумэн: Почему бы не иметь в виду Германию 1937 года?

Сталин: Минус то, что она потеряла. Давайте — хотя бы на время видеть в Германии географическое понятие.

Трумэн: Но какое географическое понятие?

Сталин: Мы не можем игнорировать результаты войны.

Трумэн: Но у нас должна быть отправная точка.

Сталин посчитал за лучшее согласиться, за ним последовал и Черчилль.

Сталин показал склонность сотрудничать при решении спорных проблем, что же касается Черчилля, то, казалось, что он поглощен предстоящими выборами, которые по его словам, «нависли надо мной как неизбежность». Президент ждал известий из Аламогордо, и ему было нелегко переносить словесный поток своего младшего западного партнера. Но в основном Трумэн подписывал бумаги, сочиненные другими. Его собственной идеей была довольно странная мысль о нейтрализации речных путей в Европе — «источник войн в европейской истории». Сталин сразу же спросил, почему в списке водных путей нет Суэца и Панамы. Смутилась даже американская делегация.

Обстановка накалилась на следующий день, на третьей сессии. Трумэн не хотел делить германский флот: «Он нам понадобится в войне против Японии». Сталину не нравился Франко, но Трумэн сказал, что сделает все для предотвращения гражданской войны в Испании. «Хватит войн в Европе». Удовлетворение Сталина вызвал лишь концерт классической музыки, данный американцами на Кайзерштрассе 2.

Не очень искушенный в дипломатии Трумэн начинает уставать. Матери Трумэн пишет: «Это была большая нервотрепка, но кому-то же надо было это делать». В ходе встреч Трумэна раздражали длинные риторические пассажи Черчилля; короткие ремарки Сталина он, как председатель, воспринимал более благожелательно. Но не без труда. Трумэн ждал конкретности, желал повторения твердого обещания Сталина начать наступление на Дальнем Востоке, все остальное казалось ему скучным. Все эти манипуляции, рассматривание карт, все это выводило фактически Трумэна из себя. Сталин высказал искомое пожелание уже в первый день. «Теперь можно и домой», — сказал Трумэн. Все остальное было для Трумэна мукой, он снимал напряжение только ночной игрой в карты. Бирнсу он шепчет на ухо: «В течение десяти дней мы ничего не можем решить!»

Трумэн 20 июля приглашает Эйзенхауэра и Бредли и они говорят об атомной бомбе. Эйзенхауэр советует Трумэну не уговаривать русских начать войну против Японии, но он и против применения бомбы. Несколько лет спустя Трумэн скажет дочери: «Но все мы хотели участия России в войне. Вот если бы мы знали, что сможет сделать, мы бы не хотели вводить медведя в общую картину».

Советскую делегацию более всего мучил вопрос, сможет ли она найти общий язык с американским президентом. Заместитель Молотова Вышинский сказал экс-послу Дэвису, что «русские знали, чего ждать от Рузвельта, но не знают, чего можно ждать от Трумэна». Вышинский спросил, в какой мере дружественны Трумэн и Бирнс. Советская сторона довольно быстро ощутила, что англичане и американцы на этот раз выступают более дружной командой. Справедливое суждение. Англичанин Диксон записал в дневнике: «На этот раз между нами и американцами гораздо более тесные связи и каждую ночь мы вместе обсуждаем процедуру следующего дня. Царит атмосфера реализма». Англичане нашли Трумэна деловитым и конкретным.

Молчаливо-раздраженного президента во многом заменял государственный секретарь Бирнс. После успеха миссии Гарримана он теперь верил в персональную дипломатию. Для ведения персональной дипломатической игры Бирнс фактически исключил из важных контактов многоопытного Стимсона и рвущегося в бой Гарримана. Но более всего Бирнс боялся «с постоянством опускающегося молота силовой дипломатии президента». Бирнс отличался неутомимой энергией, и его сила заключалась в том, что президент Трумэн неизменно поддерживал его («Я поддерживал Джима Бирнса до предела»).

Несколько вопросов конференция решила без особой сложности. Был создан Совет министров иностранных дел, представлявший, помимо трех традиционных участников, Францию и Китай. Решено было управлять Германией четырехсторонним Контрольным советом, состоящим из командующих четырех военных зон оккупации. К Германии решено было относиться как к единой величине при рассмотрении экономических вопросов. Но не удалось продвинуться по вопросам репараций, отношения к германским сателлитам, в польском вопросе. Неудача в этих трех вопросах вызвала опасение, что конференция может завершиться скандалом, не найдя решения спорных вопросов.

Русские не так уж нужны

Трумэн спросил, как отвечать на требование русских поделить германский флотом? Черчилль считал, что «следует приветствовать выход русских на широкие мировые воды и сделать это следует в великодушной манере. Это затронет проблему Дарданелл, Кильского канала, Балтики, Порт-Артура. Трудно отрицать за русскими права на треть трофейного флота». Но вопрос этот следует связать с развитием событий в Центральной Европе.

Быстро подготовленный к роли первостепенной важности дипломатического творца, президент Трумэн был настроен таким образом, что великий подвиг русских, вынесших на себе основную тяжесть войны, терял для него свою значимость. Зато приобретали все более весомую значимость раздражение нового президента по поводу практически всех аспектов европейского

урегулирования. У него возникает злость и ярость в отношении советской политики, в отношении советских намерений. Все до единого окружающие отмечают его почти «обиженный», мрачный вид, настроение человека которого обвели, но который еще покажет.

Чем Россия не удовлетворила миссурийского политика, капитана первой мировой войны, прежде никогда не испытывавшего интереса к внешней политике?

На конференции в Ялте было решено, что Германия выплатит пострадавшим от ее агрессии странам репарации — 20 млрд. долл. Половину этой суммы, как было условлено, получит Советский Союз. Г. Трумэну эта договоренность не казалась рациональной, и он ее пересмотрел. Это было вопиющим нарушением союзнических соглашений. Пока Советская Армия являлась основной силой, противостоящей Германии, американскому руководству казалось резонным соглашение, по которому разоренная войной страна надеялась получить частичную компенсацию. Но вот смолкли пушки и главенствующими стали мотивы стратегического свойства: не ослаблять Германию, большая часть которой оказалась под управлением США, Англии, Франции, а превратить ее в бастион против СССР — вчерашнего союзника.

Теперь, читая переписку Макклоя, Бирнса, Ачесона, Клея и президента Трумэна, мы твердо можем сказать, что Америка не планировала позволить Советскому Союзу получить хотя бы долю того, что Москва хотела бы иметь для восстановления цивилизованной жизни в разоренной стране. В Потсдаме Пуули совершил подсчеты, согласно которым в западных зонах даже при больших усилиях можно было реквизировать не более 1,7 млрд. долл. — в пять раз меньше, чем желал получить один лишь Советский Союз. Пуули посоветовал государственному секретарю Бирнсу даже не упоминать ясно очерченные цифры, а говорить с русскими о процентах. «Одно лишь упоминание цифр может сорвать подписание союзного соглашения».

Игнорировали ли американцы репарации и трофеи вообще? Сами американцы признают, что, передавая назад русским неверно оккупированные земли, американские войска вывезли с собой более 10 тысяч груженых грузовиков в дополнение к скоту, автомобилям трофейным.

На этот раз речь не шла о тактике, о деталях, о частных явлениях. Речь шла о ключевом вопросе: какой будет Германия в Европе, желательной для Соединенных Штатов. Именно здесь проходит водораздел: до конца июля 1945 г. американцы обращались со своими советскими союзниками как с самыми важными партнерами в войне и мире, как с будущими союзниками на Тихом океане, как с коллегами по Совету безопасности Организации Объединенных наций. Рузвельт и Хэлл не позволяли себе нелепого раздражения на фоне эпической драмы, пережитой Советским Союзом и нужды Америки в могучем союзнике.

Наступили иные времена. В присутствии своих коллег-американцев государственный секретарь Бирнс посчитал возможным выговорить советской делегации, что «германский народ в условиях демократии покажет себя гораздо лучшим союзником, чем Россия... Слишком много различия в идеологии существует между Соединенными Штатами и Россией, чтобы можно было долговременную программу». Зная, каково отношение России к только-что казнившей ее Германии, президент Трумэн счел возможным сообщить участникам конференции, что «Германия превратится в достойную нацию и займет свое место в цивилизованном мире». А если бы Сталин в тот же день сказал подобные слова о Японии? А президент Трумэн без обиняков говорил о том, что обновленная и денацифицированная Германия — как часть некоммунистического мира и стабильной Европы — является более желаемой целью для Соединенных Штатов, чем все эти репарации и четырехсторонний контроль, которые способны только усилить Россию в послевоенную эпоху.

Но своеобразным пиком нового отчуждения был вопрос о признании Италии, за что энергично выступали США. Черчилль обрисовал Италию как страну со свободной прессой, где дипломатические миссии свободно вершат свою работу. В Бухаресте же британская миссия была посажена под арест. Создан железный занавес. «Все это сказки!» — воскликнул Сталин. Черчилль: «Государственные деятели могут называть заявления друг друга сказками, если им это хочется. Болен пишет, что „ни в одном моменте Потсдамской конференции разрыв между Россией и Западом не был столь глубоким“. Трумэн полностью поддержал Черчилля.

Вечером Черчилль лорду Морану: «Ах, если бы это случилось в Ялте!. Но сейчас уже слишком поздно». История делает в этом месте значительную отметку. На повтор предложения Трумэна о средневропейской федерации Сталин отвечает: «Этот вопрос не подготовлен к дискуссии». По вопросу о свободных водных путях в Европе, Трумэн попросил от Сталина уступки. «Нет», — сказал тот и повторил отказ по-английски. Трумэн побагровел. «Я не могу понять этого человека» — слышали сидящие рядом. В письме матери Трумэн назвал русских «самым свиноголовым народом в мире».

Англичане не желали платить за поставки продовольствия в свою чрезвычайно индустриализованную зону оккупации и их никак не волновали страстные просьбы советской делегации. 25 июля Черчилль говорит Сталину, что хотел бы получать в обмен на индустриальные товары Рура сельскохозяйственную продукцию Восточной Германии.

Помощник госсекретаря Уильям Клейтон старался объяснить подкомитету по репарациям, что германская экономика должна платить за свои импорт до выплаты репараций. Он объяснил: «Это как получение доходов от больших корпораций. Иначе кредиторы не получают ничего». Русские ответили, что их народ, после стольких невероятны жертв, не может понять, почему немцы в первую очередь должны платить банкирам Уолл-Стрита. Молотов: «Ваша комиссия по репарациям и ваше правительство не определило даже „цифры для дискуссий“ в вопросе о репарациях».

Отметим 27 июля 1945 г., нерадостная дата в быстро ухудшающихся межсоюзнических отношениях. Государственный секретарь Бирнс заявил, что русские извлекут столь важные для них репарации из их собственной зоны оккупации; возможно им удастся продать сельскохозяйственной продукции западным индустриальным зонам примерно на 1,5 млрд. долл. на протяжении 5-6 лет покупая индустриальное оборудование.

20 миллиардов

Озлобление советской стороны, по меньшей мере, можно понять: когда русские дивизии выручали американцев и англичан в Арденнах, речь в Ялте твердо шла о 20 млрд. долл. репараций. А теперь оказывается, что это была «основа для дискуссий». Государственный секретарь США полгода назад был благодарен за спасение Западного фронта, а теперь Бирнс называл двадцатимиллиардные репарации непрактичными. Министр иностранных дел СССР Молотов требовал назвать конкретную цифру германских репараций, а американский министр словно его не слышал. Кто виноват в этом быстром взаимном охлаждении? Разве Москва выдвинула новые условия, нарушила прежде данное слово? Молотов: «Означают ли слова государственного секретаря, что каждая страна свободна в своей зоне оккупации и может действовать не оглядываясь на других?» Бирнс ответил: «Именно так». Молотов заговорил о Руре и фактически обвинил Бирнса в создании препятствий Советскому Союзу действовать в соответствии с программой разоружения. Бирнс не согласился с этой оценкой.

К концу июля победного 1945 г. советской стороне стало ясно, что искомым многомиллиардных репараций они не получат. Американцы стали занимать невиданные по жесткости позиции. Возможно, единственным позитивным шагом было данное 29 июля 1945 г. согласие американской стороны на польскую администрацию по Одру-Нейссе (вплоть до конечного мирного договора). Американцы соглашались передать четверть оборудования Рура в обмен на продовольствие и уголь восточных земель Германии (теперь уже западных земель Польши). Могли ли поляки произвести необходимый эквивалент? Молотов требовал обозначить некие сопоставимые объемы восточной и западной продукции, но американцы от цифр бежали стремглав. Бирнс продолжал настаивать, что в руках русских и поляков — половина германских богатств, это был бессмысленный спор. Бирнс предлагал 12,5 процента западных репараций в обмен на продовольствие, Молотов настаивал на количественных определителях (а не долях неведомого). Постепенно и самые благорасположенные русские стали понимать, что на их глазах происходит фактическое жесткое деление Германии. Молотов обратился за разъяснениями к

Бирнсу, и тот постарался утешить своего русского визави тем, что Четырехсторонняя экономическая контрольная комиссия еще будет заниматься финансами, внешней торговлей, транспортом.

Все это звучало обнадеживающе, но как мог Бирнс думать о совместном выпуске денег, торговле и пр. не создав общегерманские органы — одному богу известно. И Молотов стал понимать, что американцы на внутренних советах пошли самостоятельным курсом; теперь они, владея двумя третями Германии, хотели создать державу, ни в коей мере не подведомственную восточному союзнику.

Потсдамская конференция не была похожа на Тегеран и Ялту; очарование военной дружбы уступало место раздражительности и новой жесткости Вашингтона. Президент Трумэн делал то, чего не позволял себе Рузвельт: «О чем они там говорят? Они что-нибудь понимают?» Трумэн еще пишет домой, что ему «нравится Сталин». Но все сидящие за столом увидели начало великого разлада, основой которого было абсолютное неприятие американцами картины, на которой один союзник — Россия — изошел кровью и просил о помощи у своего самого большого и благополучного союзника — Соединенных Штатов. Кто сейчас, а кто позже — до ноября 2001 г. придет к выводу, что благодарность не является интегральной частью американской политической культуры. Сентиментальные в отношении собственных жестоких ран, таких как Пирл-Харбор и Международный торговый центр, американцы ив первой мировой войне не желали (Вудро Вильсон) посещать политые кровью поля сражений своего основного наземного союзника. История повторилась — более жестко — и в 1945 г., когда американский президент не нашел слов сочувствия, кто остановил нацистов на пути в Англию и в Западное полушарие.

Нет числа венкам, брошенным русскими в Пирл-Харборе (я бросил такой венок в год 50-летия нападения вместе со спикером Российской Государственной Думы), но спикер палаты представителей США еще не отдал свой долг Сталинграду.

Бирнсу оставались лишь слова. Он призвал советскую делегацию положиться на западную «добрую волю». Бирнс кивал на якобы имевшие место уступки Америки в польском вопросе. На Молотова это не произвело ни малейшего впечатления. Проблемой проблем была Германия, и советской делегации становилось ясно, что в решении этой проблемы Америка пойдет своим путем, не считаясь с пожеланиями России. Не было ни малейших признаков того, что Советский Союз приглашается к контролю и совместному управлению над Большой Германией, доминирующей силой Центральной Европы.

На этом этапе инициативу берет в свои руки госсекретарь Бирнс. Под его руководством Клейтон и Коэн начинают вырабатывать своего рода компромисс. В спорном вопросе о репарациях предлагалось позволить каждой стране брать репарации из зоны, которую она контролирует. Если русские согласятся с таким подходом, тогда Запад уступит им в вопросе о польских западных границах, границе по Нейссе. В дополнение русские и поляки получают 15 процентов «ненужного» оборудования из западных зон в обмен на сельскохозяйственные товары.

Молотов спросил Бирнса: «Если мы не сумеем достичь соглашения, результат будет тот же?» — «Да», — ответил Бирнс.

В последний день конференции, 31 июля 1945 г. Сталину ничего не осталось как «сделать хорошую мину при плохой игре». Безо всякого энтузиазма он принял американский план закупки 15 процентов доступных репараций из западных зон в обмен на продовольствие и уголь восточногерманских областей (при этом 10 процентов поступали непосредственно в СССР — результат яростного спора). От идеи интернационализации Рура союзники отказывались (хотя идею поддержали французы), объемы предполагаемых репараций четко не обозначались, становилось предельно ясным, что американцы намерены обращаться со своей зоной по-своему, не желая придавать делу некую совместную окраску.

Россия имела в своих руках то, что позже станет Германской Демократической республикой; она фактически отвечала и за расширение в западном направлении Польши. Некогда американский президент говорил, что немыслимо, когда уровень жизни агрессора много

выше уровня жизни обезображенной агрессором, обескровленной жертвы. Разговоры такого рода ушли из лексикона нашего американского союзника. Все, включая англичан, поняли, что «американцы не смотрят больше на Германию как на единую величину — у русских в зоне оккупации отныне будет более низкий жизненный уровень, ибо русские будут лишены репараций с запада».

То, что американцы весьма отчетливо понимали последствия своей политики, было очевидно из предсказания государственного департамента относительно того, что «если каждая из зон отдельно будет представлять собой ярко выраженную, взятую саму по себе отдельную административную единицу, то конечным результатом будет создание отдельных государств — со своей собственной политической философией; завершится внутризональная торговля». Большая часть Германии, ее индустриальная сердцевина станет сателлитом Соединенных Штатов, изменяя баланс сил в Европе в пользу Запада, в пользу индустриально вознесшейся Америки. Потсдам создал решающие предпосылки раскола Германии, предпосылки вторжения Соединенных Штатов в европейский баланс, начало фактического противостояния Америки и России.

В инструкции главе американской делегации в Комиссии по репарациям Э. Поули Г. Трумэн писал, что германская экономика «должна быть оставлена в неприкосновенности».

Стратегические установки американской дипломатии видны и в отношении к вопросу об установлении межгосударственных связей с прежними противниками. Одно из первых предложений Г. Трумэна — разрешить Италии вступить в Организацию Объединенных Наций, поскольку та объявила войну Японии. Было ясно, что международное признание Италии по инициативе США служило бы укреплению в ней проамериканских элементов.

Китай

В Потсдаме у членов американской делегации возникают новые заботы. Одна из главных таких забот: если Советская армия войдет в Северный Китай, то покинет ли она его? Особенно активно развивали эту тему военный министр Стимсон и посол в Москве Гарриман. Генри Стимсон поднял этот вопрос перед президентом сразу же после своего прибытия в Потсдам. 16 и 17 июня Стимсон уговаривает Трумэна так интерпретировать ялтинские соглашения, чтобы не позволить Советской армии надолго остаться в Маньчжурии, не превратить Северный Китай в свою зону влияния. Министр убеждает президента в необходимости защищать «наши ясно обозначенные и растущие интересы на востоке». Стимсон настоял на повторении четырехстороннего соглашения по Корее, которое должно было гарантировать американское присутствие на Корейском полуострове. России не будет позволено занять здесь доминирующей позиции.

Положение в Китае, в том числе и в захваченной японцами его части оставалось стабильным. Японцы были полны решимости сражаться. Американское руководство ожидало известий из атомных лабораторий.

В тот же день Сталин объяснил, что перед военным вхождением на китайскую территорию Советский Союз заключит соглашение с Китайской республикой, значительные шаги по этому пути уже сделаны. Трумэн тут же спросил, что это будет означать для американцев, для американских прав? Сталин объяснил, что Дайрен (Дальний) станет открытым международным портом, открытым для всех торговых держав. Мы ощущаем прежде неслыханную, своего рода навязчивость Трумэна, объясняющего в этом месте Сталину, что такая открытость и есть политика «открытых дверей». В конце данного обсуждения и Трумэн и госсекретарь Бирнс еще раз подчеркнули, что «главный интерес Соединенных Штатов заключается в свободном порте».

Вечером Черчилль отправился в гости к Сталину. Он взял с собой подарок — коробку сигар. Два политика пообедали вдвоем. Переводчик втайне записал их беседу. Вначале Черчилль спросил, кто мог бы наследовать Сталину? Тот не назвал имени, но сказал, что этот вопрос решен на тридцать лет вперед. Сталин был высокого мнения о генерале Маршалле, и как бы к слову

заметил, что в образовании русским понадобится еще много лет, чтобы сравняться с их западными партнерами. Черчилль развивал тему, которая уже поднималась: Россия должна стать морской державой. Он сравнил Россию с гигантом, у которого перехвачены ноздри — узкий выход в Черное и Балтийское моря. Он готовился поддержать Россию в пересмотре Конвенции Монтрё, «выкинув из нее Японию и дав России свободный выход в Средиземное море». Речь может идти также о Кильском канале и о теплых водах Тихого океана. «Это не вид благодарности за содеянное Россией, это наша твердая политика».

Черчилль при этом сказал Сталину о чувстве «глубокого беспокойства, которое испытывают некоторые люди в отношении намерений России. Он провел линию от Нордкапа до Албании и назвал столицы стран, находящихся к востоку — в зоне влияния русских». Создается впечатление, что «Россия устремилась в западном направлении». Сталин ответил, что у него нет таких намерений. Напротив, он выводит с запада войска. «Два миллиона будут демобилизованы в течение следующих четырех месяцев. Дальнейшая демобилизация зависит лишь от работы железных дорог». Сталин извинился перед Черчиллем за то, что не поблагодарил официально Великобританию за материальную помощь в ходе войны. Это будет сделано. Курс на улучшение отношений с Западом определен тоже на тридцать лет вперед.

Будущее Европы

С первого же дня Потсдамской конференции советская делегация потребовала эффективного контроля четырех великих держав над всей германской экономикой. Как и было согласовано ранее, жизненный уровень немцев должен был быть понижен как наказание за агрессию и страдания в континентальных масштабах. Советская делегация потребовала общего контроля над Руром. Это требование американская делегация молча положила в стол без комментариев. Ничего хорошего это не обещало. Русские не знали, что Стимсон и прочие уже обсуждали этот вопрос и категорически отвергли советское предложение на том основании, что это может поспособствовать проникновению советских в Западную Германию. Затем последует общее ослабление Германии и подъем левых сил. Официальный Вашингтон воспротивился допуску советских представителей в Рур категорически. Советская сторона предприняла еще одну попытку: ее не интересует долгое или массированное присутствие на берегах Рейна. Ее интересует получение части германской промышленности — как-то было оговорено в годы войны. В конечном счете, советская сторона была готова даже отказаться от столь дорогого для нее принципа подхода к Германии как к единому целому, лишь бы западные союзники выполнили свое обещание выдать часть западногерманской промышленности.

Имперское мышление новой плеяды политиков в Вашингтоне основывалось на нескольких аксиомах. Одна из них заключалась в необходимости контроля над индустриальным сердцем Западной Европы — промышленными зонами Германии, прежде всего Руром. К удовлетворению этих политиков, уже было ясно, что большая часть Германии, ее наиболее развитые промышленные зоны (включая Рур) будут поставлены под контроль западных держав и, следовательно, Вашингтона.

В США обсуждались, как минимум, два варианта послевоенного устройства Германии. Крайние взгляды высказывала группа лиц из окружения министра финансов Г. Моргантау: демонтировать германскую индустрию, превратить Германию в сельскохозяйственную страну. Другой точки зрения придерживался государственный департамент: способствовать восстановлению германской экономики, но лишить ее военной промышленности и армии. Представители первого направления стремились увековечить преобладание американской экономической мощи над западноевропейской, представители второй точки зрения хотели иметь в лице Западной Германии сателлита, не лишеного мощи и влияния. Госдепартамент в закулисных дискуссиях обосновывал свою точку зрения нуждами будущего — необходимостью воздействовать на СССР с западноевропейского направления.

Г. Трумэн не имел твердого мнения о том, какая позиция больше соответствует

американским интересам. Президентская директива от 10 мая 1945 г. содержала значительные элементы «плана Моргентау». Но противники этого плана утверждали, что «излишнее» наказание Германии вызовет в ней хаос, а за ним и нежелательные социальные сдвиги, которые могут укрепить позиции коммунистов.

В конечном счете президент избрал такой план устройства Европы, который, с его точки зрения, наиболее прочно утверждал американское влияние в ней: США доминируют над странами Западной Европы, в которых достигается значительный уровень промышленного производства; западноевропейские государства во главе с индустриальной Германией налаживают торговый обмен с Венгрией, Румынией и Балканскими странами. Для интенсификации этого обмена необходимо было создать сеть каналов между Рейном и Дунаем, связать между собой водные пути, соединяющие Северное море со Средиземным и Черным. Соединенные Штаты владели бы ключом к Германии, а Германия владела бы ключом к соседним восточным странам, что позволило бы Соединенным Штатам регулировать межгосударственные отношения в восточном секторе Европы.

Черчилль и Иден 25 июля улетели в Лондон ожидать результатов национальных выборов. Один из лидеров лейбористов — Эрнст Бивен не верил в победу своей партии и уже снял коттедж на конец лета в Корнуолле. Но английский народ решил иначе: лейбористы получили грандиозное превосходство, и Этли в качестве премьер-министра явился в Потсдам лидером британской делегации. Его главный советник Хью Далтон предсказал «коммунистическую лавину в Европе, слабую внешнюю политику, частную революцию в Англии, превращение Англии во второразрядную державу». Этли считал русских «идеологическими империалистами». Министром иностранных дел стал Эрнст Бивен, чье назначение «означало преемственность в британской политике, за исключением того, что он внес в дипломатию воинственную прямолинейность».

Различие в мировидении было менее ощутимо в Тегеране и Ялте, где речь во многом шла о выживании, но это различие было очень ощутимо в Потсдаме. Вопрос о переносе польских границ на запад теперь смотрелся по требованию СССР о совместном контроле над Дарданеллами, опеки над прежней итальянской колонией Ливией. В Ливии американцы видели первый шаг к Бельгийскому Конго, главной мировой кладовой урана.

Бирнс делает важные обобщения 24 июля 1945 г.: «Кто-то сделал ужасную ошибку, создав ситуацию, в которой России было позволено выйти из войны с такой огромной силой. Англия не должна была позволить Гитлеру прийти к власти... Германский народ в демократических условиях был бы гораздо лучшим союзником, чем Россия... Существует слишком большое различие в идеологии между США и Россией, чтобы мы могли выработать длительную программу сотрудничества».

Итак, в сердцевине быстро возникающего противоречия была Германия. Две главные державы-победительницы — Америка и Россия смотрели на нее по-разному. Для США задача состояла не в том, чтобы ослабить или усилить Германию, а в том, чтобы сделать ее барьером на пути Советского Союза. На пути левого переворота в Европе, на пути неконтролируемых сил.

Не следует смотреть на дипломатию Сталина как на примитивную. Сталин и его окружение в полной мере оценили американский ленд-лиз, и очень хотели бы получить мирный вариант ленд-лиза. Возможно, Молотову и не хватало знания Запада, но наивностью он не страдал. Сталину и Молотову по приезду в Потсдам стало отчетливо ясно, что Соединенные Штаты не намерены помогать Советской России вставать с колен. Молниеносное прекращение ленд-лиза было верным знаком: теперь восточный союзник не нужен; более того, он может помешать американским планам в Европе и Азии.

Вчера еще улыбчивые американцы оказались неожиданно грубыми при определении советских границ, при установлении соседних с Россией (а не США) правительств. Стало ясно, что экономическую компенсацию для страны, потерявшей 27 млн. человек в этой страшной войне, можно в некоторой степени взять в Германии — но не от благополучного западного союзника. Быстро свершилась грубая правда — ни займов, ни кредитов от США. Если бы это не

так, то накануне великих событий на Дальнем Востоке «дядя Сэм» не преминул бы помянуть такой стимулятор.

В недели и месяцы, предшествовавшие Потсдаму, советское руководство приложило крайние усилия, чтобы превратить Четырехстороннюю Контрольную комиссию, разместившуюся в Берлине в эффективный аппарат экономического воздействия на Германию. Ведь под контролем СССР была лишь треть Германии, и далеко не самая развитая; если русские не получат часть репараций из западных зон, то трофеи, компенсация разоренной Западной России будет далекой от ожидаемой.

В американской столице располагались влиятельные противники ослабления Германии. Два ведомства следует назвать поименно: государственный департамент и министерство обороны. В них возобладало мнение, что чрезмерное ослабление Германии откроет дорогу социальному хаосу во всей Европе, в высшей степени осложнит задачу оккупационных властей, увеличит американскую ответственность за снабжение Германии.

Репарации были отвратительны американцам как таковые. Им эти «репарации» были не нужны для нормализации экономических процессов и потоков в Европе, как фактор помощи американской экономике, овладевающей контрольными позициями на старом континенте. Во главе направления, решительно препятствующего германскому ослаблению, становится Люшиус Клей (вскоре он станет главой американской администрации в Германии). Ему помогает многоопытный Стимсон, на их сторону встает почти весь государственный департамент.

К середине июля 1945 г. американцы сделали несколько важных для себя выводов. Среди этих выводов германский вопрос стал активно разрушать союзническую солидарность. Не потребовалось много времени и исключительной проницательности, чтобы понять, что Соединенные Штаты не намерены допустить широкий демонтаж германской промышленности. Они явно колеблются в расколе Германии как самой мощной центрально-европейской страны. Американцы резко усложнили сам процесс обсуждения германских репараций. Советская сторона довольно быстро оказалась в одиночестве, взирая на неодобрение своих вчерашних союзников. Американцы начали активно поощрять внутри германскую торговлю, они собственно одобряли продажу предприятий перед их предполагаемым выставлением в качестве репараций.

Советская сторона быстро пришла к выводу, что повторяется опыт первой мировой войны, когда немцам (по окончании войны) позволили торговать, но платить репарации немцы решительно отказывались. Американцы же, более всего желавшие торгово-экономического восстановления региона (а не вывоза неких заводов) с улыбкой констатировали «нормализацию» целых сегментов германской экономики, на которой держалась вся Центральная Европа. Это если бы американское население узнало лютый разор, голод и холод Советского Союза, они перестали бы улыбаться. Но сытый голодного не разумеет. Американская сторона фактически начала блокировать демонтаж части германской индустрии в пользу СССР. С невиданной прежде жесткостью госсекретарь Бирнс заявил Молотову 23 июля, что «не намерен обсуждать тему репараций». Холодный душ обдал восточного союзника. Германия, вместо того, чтобы стать связующим звеном послевоенного союза, превратилась в яблоко раздора.

В самом нелепом положении оказалась созданная союзниками в Ялте Комиссия по репарациям и разместившаяся в Москве. Миллиарды репараций стали мифом. Американцы стали требовать платы за экспорт в их зону оккупации, вывозить что-либо (а это был золотиносный Рур) они не были намерены. Американская оккупационная администрация, повторим, начала поощрять внутригерманскую торговлю. Теперь немецкая промышленность не лежала в прострации, а посягать на нее становилось все более трудным, если не сказать невозможным.

Бирнс уже фактически пошел на раскол Германии на четыре зоны оккупации, де факто отказываясь видеть в Германии одну виновную страну. Он упорно интересовался, каковы планы русских по демонтажу экономического оборудования, что уже сделано и что еще предстоит.

Сколько и каких товаров русские уже вывезли? Решающий удар американцы нанесли утром 23 июля 1945 г., когда Бирнс (провоцируемый У. Клейтоном и Э. Поули) предложил советской стороне считать, что в ее руках половина германских богатств — берите репарации из собственной зоны и не заглядывайтесь на чужие. Ответ советской стороны последовал немедленно. Русские (Молотов) готовы были уменьшить цифру 10 млрд. долл. репараций, но они не хотели решающего раскола и рассмотрения в качестве дающей трофеи только собственной зоны.

Бирнс скептически выслушивал этих жадных русских, он указывал на уже забираемые предприятия. Позднее в этот день Молотов уменьшил на 1 млрд. долл. советские пожелания; потом он уменьшил запрашиваемую сумму еще на 1 млрд. долл., если англо-американцы гарантируют получение 2 млрд. долл. репарациями из Рура.

Это было неприятное, если не сказать жалкое зрелище. Западные союзники морщились и уходили от ответов. Бирнс и Иден выглядели так, словно не существовало предварительной договоренности, словно даже обсуждать такие проблемы — продемонстрировать один из смертных грехов. Западный мир словно забыл о фантастических потерях разоренной России, справедливо желающей восстановления справедливости. Молотов сказал, что СССР меньше заинтересован в интернационализации Рура, чем в получении части его феноменального индустриального потенциала.

Даже личные помощники Бирнса указывали ему, что в руках советских войск находится не «половина» германских богатств, а 31 процент перемещаемых индустриальных мощностей. Напрасно. Бирнс весело и упрямо утверждал, что у русских «половина Германии и ее богатств». Учтем, что Польша получила земли, на которых производилось 6 процентов германского ВВП. А ведь западные союзники и Польше обещали часть репараций с индустриального германского Запада.

При этом все знали, что самые тяжелые бои пришлось на восточную часть Германии; здесь города и индустриальные центры лежали в развалинах. Мы определенно можем считать, что Бирнс знал, что советская сторона может взять из своей зоны не более чем на 1 млрд. долл. репараций. Он, как и президент, вели себя жестоко по отношению к верному союзнику. И не пытались помочь решить ему тяжелые экономические задачи. Это один из самых серьезных источников холодной войны.

Польша

Американцы полагали, что русские фактически односторонне вручили полякам значительную территорию Германии и они боялись, что потеря территории возмутит немцев и создаст проблемы в оккупационных зонах в самой Германии. Возможно не без давления Кремля польское правительство в недели, предшествовавшие Потсдамской конференции, старались ничем не отравить общую атмосферу польско-американских отношений; обсуждались возможности американских инвестиций в новую Польшу — что не могло не повлиять на структуру становящейся Польши в новых, «идеальных» европейских границах. Даже Черчилль (у которого Польша была самым большим местом) говорит в мемуарах о «значительных улучшениях» в Польше. В Потсдаме Польша заняла достойное место. Целый сонм проблем: западные границы, отношения с Германией, мирное разрешение отношений Германии с Польшей, как державой, потерпевшей поражение.

Ключевой момент: Соединенные Штаты никак не были заинтересованы в укреплении положения страны, которая, судя по всему, займет место главного союзника СССР. Если Вы, читатель, желаете знать, когда и где началась холодная война, то отсылаю Вас к первой словесной схватке Трумэна и Сталина на Потсдамской конференции. Сидя в уютном Цецилиенгофе, председатель конференции президент Трумэн начинает первое заседание словами: «Итак, Германия оккупирована пятью странами». Обычно предельно корректный на таких встречах Сталин перебивает речь председателя: «Четырьмя странами». Недовольный

Трумэн для убедительности начинает перечислять: «СССР, США, Британия, Франция, Польша». Сталин не согласен: «СССР, США, Британия и Франция. Польша не является оккупирующей державой. Она получила компенсации за смещение границ на Востоке». Трумэн неумолим: «Пять». Сталин, как мы знаем, тоже мог быть упрямым. И он настаивал, что Польша владеет своими западными землями, а не оккупирует их. Это было принципиально. И важно для западных границ России.

Американская дипломатия в польском вопросе начала метаться. Прежде она поддерживала Миколайчика против Берута, в этом была своеобразная прелесть простоты. Теперь же Миколайчик не менее своих просоветских коллег в правительстве требовал максимально западных границ Польши. Не поддержать его означало бросить стоящие за ним силы в объятия русских. Означало сказать всем национальным польским силам, что их единственная защита визави Германии — могучий Советский Союз. Но Вашингтон решил поставить на крепкую Германию, и обижать ее границей по Одере-Нейссе американцы не хотели. Следовало выбирать.

Англичане призывали американцев не кипеть праведным гневом: Миколайчик утверждал, что его Крестьянская партия не встречает препятствий в своей работе на всей польской территории; общенациональные выборы приведут к власти в Польше прозападные силы, и советские марионетки потеряют свою навязанную полякам власть. На протяжении всего июля левые силы в Польше словно замерли, американцам не на что было пожаловаться.

Трумэн был прямолинейным человеком. Нюансы польской политики наскучили ему довольно быстро. Вот характерное из его воспоминаний: «Я уставал от этого бесконечного сидения и слушания дебатов по вопросам, которые не могли быть разрешены в ходе текущей конференции... Несколько раз мне хотелось взорвать крышу здания, в котором мы сидели». Мы уже приводили образец его отношения к новой западной польской границе; он отказался ее гарантировать на основе данных в Ялте американской стороной обязательств относительно того, что «Польша должна получить значительные территории на севере и на западе». Более того, узнав, что Польша получила на западе территорию, на которую приходилось 7 процентов германского валового продукта, Трумэн задавал вопрос, «как можно решать вопрос репараций, если германская территория полностью перекроена».

Трумэна особенно бесило то, что он воспринимал как односторонние советские действия: советские власти ушли с территории восточнее Одера, тем самым, передав управление над значительной частью Германии польским властям. И те взяли на себя эту функцию. Теперь Миколайчик и все прочие не были «кристально чисты» — они получили от СССР превосходные германские земли, и в этом плане их негативное отношение к Москве несколько ослабло. Президент Трумэн чувствовал себя обманутым. Его никак не обрадовало сообщение Сталина о девяти миллионах немцев, бежавших с предназначенных полякам территорий. Теперь президент Трумэн занял позицию, которая мало устраивала и русских и (особенно) поляков: «оставить все территориальные вопросы до созыва мирной конференции».

Следующее очень важно. Вашингтон уже решил для себя, что мирной конференции по Германии не будет. Черчилль говорил о сложности подписать мир, если поляки возьмут слишком много германской территории, о том, что все дело осложнит судьба двух с половиной немцев-беженцев с востока.

Со своей стороны, Сталин как бы забыл о судьбе немцев (агрессоров), он устраивал будущность поляков-жертв агрессии. В будущей Европе он хотел видеть Германию ослабевшей, а Польшу — окрепшей и дружественной. Трумэн отказывался от комментариев, уповав только на всеобщие выборы, проводимые под контролем мировой прессы. Именно в свете этого обстоятельство советские власти на данном историческом отрезке не чинили препятствий западным журналистам, прибывавшим в Польшу (Бирнс признал свободу их передвижения).

Политика откладывать пограничный вопрос была у западных держав непродуманной. Это ставило под вопрос судьбу миллионов поляков, устремившихся в благоустроенные бывшие немецкие земли. Да и политические партии Польши, могли только действуя против себя, ставить под вопрос давние спорные германо-польские территории (о которых мир знал достаточно много

со времен плебисцитов 1923 г.). Теперь получалось так, что только Советский Союз, только Сталин готов был защищать Познань и Вроцлав.

Окружение видело, что интересует президента более всего. Когда Сталин сказал, что немцы бежали и оставили полякам все свои восточные территории, адмирал Леги наклонился к уху Трумэна: «Больши убили их всех». Президент Трумэн полностью игнорировал договоренность Ялты о западных границах Польши. Вот о чем думал американский президент: русские «теперь старались компенсировать Польшу за счет трех остальных оккупирующих стран. Этого я защищать не буду, как и Черчилль. Я придерживался того мнения, что русские убили здесь все германское население или согнали его в наши зоны».

Напряжение достигло точки кипения 23 июля 1945 г. Трумэн забыл о слове компромисс, ожесточение было более чем ощутимо, и Сталин предложил призвать для консультаций самих поляков. Идея получила всеобщую поддержку. Представляется, что это был смелый и умный ход Сталина. Какую бы общность не чувствовали между собой лондонские поляки и представители западных правительств, вопрос о западных землях Польши, спорный еще при Пилсудском, не мог быть решен лондонцами в ущемляющем польские претензии духе. И Трумэну с Черчиллем будет непросто отказать своим полякам, чьи интересы, претензии и даже капризы западные лидеры защищали столько лет.

Так и случилось. Поляки были в Цецилиенгофе немедленно, уже 24 июля. И оба их лидера — и Берут и Миколайчик — «атаковали» западных лидеров со свежими аргументами в пользу окончательной польской границы по Одере-Нейссе. Все отмечали блистательность их аргументации, убедительность их полемического задора. Поляки действовали очень разнообразно. Берут сказал Идену, что не намерен способствовать созданию коммунистической Польши — его идеал — западные демократии с гражданскими и религиозными правами. Американцу Клейтону Берут сказал, что намерен снабжать Западную Европу каменным углем; он безмерно благодарил американцев за их займы и экономическое сотрудничество.

Миколайчик тоже был убедителен. Его крестьянская партия — весьма аморфное политическое объединение. Без помощи Запада нечего и мечтать о польской демократии. В общественном настроении Польши происходит поворот в антизападную сторону. В присутствии Берута Миколайчик выступил в защиту западных границ Польши; 24 июля он вручил Гарриману меморандум, связывающий признание западных границ с проведением всеобщих выборов.

Миколайчик связывал всеобщие выборы с конечным выводом Советской армии и восстановлением довоенных порядков. Но и для Миколайчика задачей номер один были максимально западные границы Польши. И выборы, и вывод советских войск должны последовать после признания окончательных польских границ. Этим весьма мудрым ходом Миколайчик, по существу, переложил ношу всей польской проблемы на Трумэна и Черчилля — так как для тех западные границы Польши не виделись главным пунктом их глобальной стратегии, но если говорить о Польше как независимой демократии, то вначале следует обозначить твердо место Польши в Европе.

Неужели мастера политического компромисса — американцы не найдут приемлемого для всех решения? 29 июля 1945 г. государственный секретарь Бирнс предоставил Молотову американский вариант пакетного компромисса относительно границы по Одере-Нейссе и германских репараций. В тексте документа американцы соглашались на польское администрирование в регионе — но только до финального разграничения в результате «мирного соглашения». При этом Бирнс неустанно повторял, что польское правительство только временно администрирует бывшие немецкие территории. Ни пяди немецкой территории не гарантировали западные державы полякам.

На следующий день Миколайчик повторил свою фактическую угрозу премьер-министру Эттли и новому министру иностранных дел Эрнсту Бевину. Берут со своей стороны согласился, что всеобщие выборы в Польше должны произойти не позже начала 1946 г. — западная пресса будет полностью допущена на избирательные участки.

Но 31 июля 1945 г. американское и британское руководство передало ответственность за

все польское дело советскому руководству. Сталину объяснили, что советские войска обязаны покинуть спорные территории; польское же правительство обязано будет провести всеобщие выборы на основе конституции 1921 г. — и не позже начала 1946 г. Любопытно было бы видеть отношение западных союзников к Москве, если бы она потребовала особого разрешения во Франции, Италии, Бельгии. Не говоря уже о Греции.

А американское правительство никоим образом не соглашалось на то, чтобы Польша, Чехословакия и Венгрия переводили свое немецкое население в Германию.

Раскол в рядах Великой коалиции (как это достаточно отчетливо видно сейчас) вызвало обнаружившееся нежелание руководства Соединенных Штатов провести финальную большую мирную конференцию по Германии. Это был жесткий отказ от обещания, данного в Ялте. Косвенным образом такой отказ давал шанс тем немцам, которые, хотя и чувствовали себя побежденными, но стремились сохранить собственно германские земли. Это не была поправка германскому реваншизму, но все это означало неокончателность, подвешенность германской проблемы в Европе.

На чем тогда строить? У России и Америки исчез здесь общий враг, но не появилось общих интересов. Стремился ли Сталин «коммунизировать» всю Германию? Нет. Он был в таких вопросах очень осторожен. Еще совсем недавно у него фактически не было союзников в Восточной Европе. Но безразличие англоамериканцев к восточноевропейским вопросам и их пока непонятный авантюризм в отношении уже поднимавшейся из пучины поражения Германии, объективно сближал Польшу, Румынию и Венгрию с Советским Союзом. Скажем, само существование Польши в условиях непризнания ее границ американцами стало зависеть от СССР.

Желая всеми возможными способами поставить плотину на пути Советской России, американцы все меньше обращали внимания на средние и малые восточноевропейские страны, чем толкали их к единственному гаранту их нового статуса — Советскому Союзу. Американцы сами стали проводить то, что Черчилль через несколько месяцев назовет «железным занавесом».

Происходит нечто очень важное в мировой истории. Вашингтон на этапе окончания войны в Европе и последней фазы борьбы на Дальнем Востоке главной стратегической целью ставит сдерживание роста влияния второй сверхдержавы — Советского Союза, а отнюдь не создание глобальной и региональной стабильности.

Итоги итальянской формулы

Два дня шла малорезультативная борьба по поводу отношения к германским союзникам. Когда американцы подняли вопрос о нормализации отношений с Италией, Сталин ответил, что его нужно решать в связке с вопросом нормализации отношений с Венгрией, Румынией и Болгарией. Это противоречило общей линии американской политики в Восточной Европе. Бирнс прямо заявил, что не признает указанные восточноевропейские страны с их нынешними правительствами.

Исключив Советский союз в сентябре 1943 г. из участия в итальянских делах, США получили немало времени и, возможно, конкретных примеров того, сколь обидно и неправомочно чувствовать себя удаленными от конкретных дел. Речь шла о Венгрии, Румынии, Болгарии, об управлении ими номинально Союзными контрольными комиссиями, а фактически советской военной администрацией в указанных странах (и в Чехословакии). Мы ощущаем человеческую злобу президента Трумэна: Сталин подчиняет все подконтрольное ему «политикой железного каблука». Трумэн вполне очевидно рассчитывал на экономические рычаги — на наличие американских инвестиций в этих странах, на создание некоего компрадорского строя, на налаживание связей с финансово-промышленными кругами в этих странах. Но у англоамериканцев была ахиллесова пята. Рядом, в Греции и Италии шел далекий от демократического процесс вытеснения с политической арены левых. Что могли предложить американцы в странах — вчерашних сателлитах Германии, если в союзной Греции английским

ответом на социальное движение была лишь гражданская война.

Не будем рисовать советскую сторону ангелами, но в советском руководстве весьма отчетливо понимали нежелательность отчуждения могучих американцев. В свете неудовольствия заокеанских союзников, советское руководство 12 июля 1945 г. предложило реорганизовать Контрольную комиссию для Венгрии в направлении увеличения американского и английского участия во внутренних венгерских делах. Через четыре дня подобное же предложение поступило по поводу Румынии. Шла речь и о Болгарии. Заметим, это было еще до открытия Потсдамской конференции.

В первый же день Потсдамской конференции американская делегация распространила заявление, в котором говорилось, что Россия не выполняет решения Ялтинской конференции по поводу освобожденной Европы — о реорганизации правительств Болгарии и Румынии с тем, чтобы согласовать их с Декларацией об Освобожденной Европе. Американцы фактически потребовали реорганизации правительств Болгарии и Румынии с тем, чтобы привести их в соответствие с принципами, которые удовлетворяли Вашингтон. (О Венгрии американцы пока молчали). Требования американцев вызвали протест не только у советской стороны, но и лидера весьма консервативной румынской Национальной крестьянской партии Юлиу Маню, который до сих пор был подлинным фаворитом американской стороны. 20 июля 1945 г. советская сторона формально отвергла требования, выдвигаемые американцами, требуя от Вашингтона немедленного признания трех стран — прежних союзниц Германии и Финляндии. Раздражение советской стороны сказалось в том, что она уведомила мир о «терроре», имеющем место в Греции.

Англичане помнили «Договор о процентах», и Иден отрицал жестокости, чинимые в Греции. Тогда советская сторона повернула западнее и дала свою оценку ситуации в Италии: эта страна освобождена ранее любой другой — и в то же время в ней еще не проведены свободные выборы. Советская сторона напомнила также, что только проанглийское греческое правительство предъявило территориальные претензии к соседним странам. В ответ государственный секретарь Бирнс предложил включить Италию и Венгрию в систему международного контроля над проведением политических выборов.

Советская сторона еще раз напомнила, что не она создала критический по важности прецедент в Италии — ту схему, которой державы-победительницы следовали во всех остальных освобожденных странах, «условия в Италии создали модель для контрольных комиссий в Румынии, Болгарии и Венгрии». Молотов объявил, что он готов изменить сложившуюся схему, начиная с Италии. Американцы скрежетали зубами, но пойти на радикальное изменение системы управления Италией они не осмеливались. Можно себе представить, что Сталин знал, что его тактика в данном случае — безусловно, выигрышная.

Когда советская сторона открыто начала привязывать события в Восточной Европе с событиями в Италии, Греции и даже Испании, хладнокровие покинуло президента Трумэна. Его слова зазвучали угрожающе: «Если все не вернется непосредственно к обсуждаемым пунктам, я собираюсь упаковать вещи и отправиться домой. Я говорю это серьезно». Советская сторона никак не могла понять, почему она обязана идти на уступки далекой заокеанской державе, чья безопасность никак не затрагивалась ситуацией на Балканах. Трумэн же все больше сжимал свои губы и сидел в позе глубоко обиженного человека. Подобного никогда не было с Рузвельтом, который, как представляется, всегда помнил, чьими жертвами был освобожден данный регион.

Сталин не видел особого смысла в американском предложении превратить Дунай в международный водный путь. Всем было ясно, что это была попытка привязать страны дунайского региона к западным странам. Почему Сталин должен был быть счастлив? Более всего американцев выводило из себя, как новые доминирующие на Балканах силы относились к их нефтяным интересам в Румынии. Не все американцы были довольны тем, что эти требования высветили экономические интересы США и Британии в Восточной Европе. Возвратиться к довоенному статус кво означало вернуть назад и прежний политический режим — все это ставило американцев и англичан в довольно неловкое положение. Вопрос порождал взаимное

раздражение. Бирнс не сказал русским прямо, что американцы боятся введения государственных монополий в бывших странах «оси», «что может осложнить американцам допуск на равных к торговле, сырьевым материалам и индустрии». На данном этапе дело завершилось созданием совместной комиссии по изучению фактов.

Важнейшее обстоятельство: советская сторона весьма отчетливо ощущала свою уменьшающуюся значимость для Соединенных Штатов, она впервые встречала немыслимую прежде грубость американской стороны. В этой ситуации следовало полагаться на себя и на свои возможности. И на своих потенциальных союзников. Следовало ли раздавать их природные богатства, которые только что так послужили гитлеровскому Рейху? Прямолинейный нажим американцев на Потсдамской конференции теперь давал все меньше результатов. Трумэн и его окружение не могло не видеть, что советская сторона приняла лишь малую толику американских требований. Структура Союзной контрольной комиссии не претерпела серьезных изменений; американцы могли отыгрываться, лишь выдвигая дополнительные требования к восточноевропейским странам в процессе их дипломатического признания. (Непризнание же неизбежно бросало эти страны в объятия СССР).

Заключительный документ конференции был мало похож на согласование интересов союзников.

Италия

Одним из наиболее острых вопросов был итальянский. В этом вопросе Америка столкнулась не только с Советской Россией, но и с Британией. На глазах у всех американцы усиливали свое влияние на Апеннинском полуострове до такой степени, что теперь Рим не мог решить ни одного важного вопроса без согласования с американским правительством.

15 июля 1945 г. американское руководство оповестило Лондон, что намерено двумя днями позже рекомендовать принятие Италии в Организацию Объединенных наций; Англию просили поддержать американскую инициативу. Лондон агонизировал: Италия традиционно была зоной повышенного британского интереса, и полное замещение англичан американцами вызывало у первых возмущение. Односторонняя рекомендация в ООН! Просьба о содействии! Первым жестом британского Форин Оффиса было требование отложить этот процесс. Находясь во все более сложных отношениях со Сталиным, Трумэн был вынужден согласиться с англичанами. Но дальше отступать американцы не намеревались, они жестко нацелились «построить здравый демократический и экономический порядок в Италии, независимый от Англии и России». Для укрепления своих позиций в Италии американцы хотели использовать итальянский национализм — отсюда и обещание пригласить Италию в ООН, обещание защитить Италию от жаждущих репараций русских, ослабление оккупационного режима.

17 июля президент Трумэн предложил декларацию о принятии Италии в Организацию Объединенных наций. Черчилль, чьи мысли были в основном заняты национальными выборами в Британии, не смог все же сдержаться. Он напомнил, что Италия вступила в войну на стороне Германии значительно раньше, чем это сделала Америка на противоположной стороне. На следующий день британское посольство в Вашингтоне выступило с формальным протестом. Особенно возмущал британскую дипломатию туманный намек на возможность возвращения Риму итальянских колоний, обещание «политической независимости и экономического восстановления».

Советский Союз по-своему использовал удивительное нетерпение американцев. Отныне он связывал дипломатическое признание Италии с признанием Болгарии и Румынии. Это была убийственная для дипломатического признания итальянцев тактика. Но американцы ощущали уже не так много препятствий в мире. Они начинали действовать своим собственным образом, обращая все меньше внимания на союзников военных лет. Постепенно распадается союз военных лет, прагматизм становится знаменем великих членов антигитлеровской коалиции. Америка решительно показывает, что будет поддерживать всякого, кто в свою очередь

поспособствует реализации американских интересов.

Бревном в глазу западной защиты демократии в Потсдаме была Греция. В стране разворачивалась фактическая гражданская война, но, желая помочь прозападным правым, США (помогая Британии) никак не проявляли того пуризма, той демократической истовости, которую они немедленно выказывали, скажем, в Польше.

А рядом разгорался югославский костер. Запад все более приходил к выводу, что коммунистическая сущность Тито начинает заглушать тот национализм, на который так надеялись Черчилль и Рузвельт. Западные державы бросились к сопернику Тито Шубашичу — политику, не имевшему массовой поддержки. Но тот был доволен своей договоренностью с Тито и заявил западным представителям, что классическая западная демократия, видимо, не подходит для этнически и социально пестрой Югославии. Ведь единственная альтернатива — жестокая гражданская война — не слишком ли дорогая плата за опущенные бюллетени? И, затем, чтобы противостоять Тито, оппозиция будет нуждаться в «вооруженной военной поддержке». Именно в этот момент англичане потеряли веру в свои 50 процентов в Югославии, они увидели все Балканы, направляемые не из западных столиц, как это было до второй мировой войны.

Сталин предложил провести закрытые переговоры с югославским руководством. Англичане в это уже не верили. Они тайно совещались с американцами. Те демонстрировали новую жесткость в отношении посягательств югославов на Триест. 25 июля 1945 г. Пентагон предложил «ликвидировать» югославские комитеты освобождения в области Венеция-Джулия; американцы предложили «проявить твердость и сокрушить поддерживаемую югославами систему». Но Пентагон не заручился поддержкой государственного департамента.

В этот день Тито, с его чрезвычайным политическим чутьем, вместе с Шубашичем написал президенту Трумэну, что итальянцы восстанавливают на спорных территориях фашистские организации; Тито предлагал провести под опекой англо-американцев референдум — пусть население сделает демократический выбор.

30 июля Сталин в Потсдаме поддержал идею демократических выборов в спорных между Италией и Югославией районах под международным контролем. На Западе подсчитали — районы останутся за Югославией. Госдепартамент был категорически против этих выборов. Американцы выпустили вперед англичан: новый министр иностранных дел Эрнст Бивен предложил снять проблемы Югославии с обсуждения в Потсдаме. Американцы 31 июля активно поддержали англичан. Советская сторона не желала раскола по относительно маловажному вопросу и присоединилась к своим англосаксонским соседям.

Но остался вопрос: борцы за демократию в Восточной Европе забыли об этой демократии, как только ее реализация стала означать их отход, потерю подопечной Италией части территорий. Этот поворот не мог не оставить следа. Напомним, что Сталин поддержал демократические выборы под международным контролем. Мир сдвинулся к «холодной войне» на значительный шаг.

Греция

Еще больший шаг заставила сделать Греция. В день открытия Потсдамской конференции американский посол в Греции Линкольн Маквей прислал государственному секретарю Бирнсу детальный доклад, тщательно подготовленный штатом американского посольства в Афинах, в котором признавались «недостатки нынешней греческой администрации и судебной системы в отношении гражданских свобод левых и славофонов (македонцев)... Существующий полицейский механизм — особенно это касается Национальной Гвардии — проявляет себя в высшей степени негативно. Многие из национальных гвардейцев служили жандармами при обоих Метаксах и при немцах». Нестабильность в стране требует введения иностранных войск «для поддержания мира и порядка» ради поддержания существующего правительства. «Что же касается греческого экспансионизма, то необходимо сказать хотя бы одно: возбудимое состояние ума публики используется и стимулируется до крайности общественными лидерами и

издателями ради тактических побед во внутренней борьбе» — используется в борьбе против ЭАМ. Американское посольство в Албании объясняет свои сложности деятельностью британских офицеров.

Именно в такой обстановке обсуждались греческие дела в Потсдаме. 19 июля 1945 г. государственный секретарь Бирнс прислал Молотову письмо, в котором просил СССР участвовать в четырехстороннем наблюдении за выборами в Греции. Едва ли мы ошибаемся в том, что предполагаем возможное участие Советского Союза в этих не самых важных процедурах, но лишь в том случае, если бы США пошли навстречу СССР в польском вопросе или в иной проблеме. Но просьба была выражена на фоне растущей американской жесткости. Все предпосылки развертывания холодной войны были налицо. Это и обусловило поведение советской стороны. Молотов послал Бирнсу отказ участвовать в наблюдении за греческими выборами, объясняя свой отказ привязкой американского предложения с участием западных держав в наблюдении за выборами в остальных восточноевропейских странах.

Демократические претензии Америки и Британии становились издевательством, как только речь начинала заходить о демократических нормах в Греции. Стоило американским и британским дипломатам начать уж более самоуверенно и «праведно» упрекать Восточную Европу в неадекватности демократических норм, как Сталин и Молотов поднимали греческие вопросы. В июле 1945 г. Греция была наилучшим примером лицемерия западных стран, хладнокровно душивших левую оппозицию в стране — картина неприкрытых репрессий, использования националистических лозунгов ради победы прозападных правых сил.

Британский министр иностранных дел Иден со страстью отрицал обвинения в греческий адрес, как и упреки в греческом экспансионизме. Черчилль вложил весь свой полемический талант в ответ на советский меморандум. Он обвинил ЭАМ-ЭЛАС в кризисе декабря 1944 г. и приложил как бы подтверждающие его тезисы доклады фельдмаршала Александера и профсоюзного лидера сэра Уолтера-Ситрина. Но даже западные авторы согласны в том, что советская сторона обращалась к греческой теме «только в случае обвинений в адрес других восточноевропейских стран».

30 июля 1945 г. советская сторона предложила выступить с совместным заявлением относительно восстановления общественного порядка в Греции, расширения политической базы правительства за счет включения в него демократических элементов. Под давлением американцев, проблема многострадальной Греции, в которой западные державы были целиком на стороне правых сил, была исключена из потсдамских обсуждений.

Турция и Испания

Значительную часть времени — почти всю первую половину второй мировой войны Турция размышляла над возможностью вступления в войну против Советского Союза. Неудивительно, что окончание войны застало турецкое руководство в несколько смятенном состоянии. Ведь в ходе войны западные союзники (в Ялте) пообещали СССР пересмотреть Конвенцию Монрё от 1936 г. в пользу расширения советских прав на проливы. Неудивительно, что 7 июня 1945 г. турецкий посол в Москве навестил Молотова с предложением заключить новый мирный договор между двумя странами, который заменил бы Договор от 1921 г. Молотов ответил положительно во многом полагаясь на западных союзников, столь «щедрых» в годы битвы с нацизмом.

Заметим, что не советское правительство, а турецкое предложило пересмотреть прежние договорные отношения. Но турки подали позитивный ответ советской стороны как незамаскированную угрозу и немедленно обратились в Лондон и Вашингтон с жалобами на потенциальную советскую экспансию. Между тем никто еще не показал советских ультиматумов и советских требований. Строго говоря, СССР был вполне удовлетворен своим соседом, и давления на Анкару не оказывал. Но турки подтянули к границам войска и буквально истерически оповещали об угрозе себе со стороны Советского Союза. Именно турки первыми

стали говорить о глобальной советской экспансии «от Финляндии до Китая». Пока союзники не выходили за пределы реального и скептически восприняли жалобы турок. Заместитель государственного секретаря США Дж. Грю 7 июля 1945 г. напомнил турецкой стороне, что «никаких конкретных угроз сделано не было».

Определенно зная о преувеличенных страхах турок, (говорила ли в них больная совесть? — ведь именно они намеревались напасть на СССР в период его крайнего напряжения — замгоссекретарь Грю уверил турецких дипломатов, что Соединенные Штаты испытывают симпатию к Турецкой республике. Но, тем не менее, даже в конце июня 1945 г. государственный департамент считал прежнюю «конвенцию Монтрё» «устаревшей», а определенные исправления в ее текст «желательными».

Американские военные (Координационный комитет госдепа, военного министерства, министерства военно-морского флота) внимательно изучили ситуацию и пришли к выводу (в первый день начала работы Потсдамской конференции), что русские не предпримут военных действий по указанным вопросам, и турки не правы в своей панике. Комитет пришел также к выводу, что не в американских интересах изменять статус кво; следует отложить дело до просьб Советского Союза относительно расширения прав на проход по Кильскому каналу. Вообще говоря, не в интересах Америки поощрять изменения турецкого статуса. Америке следует забыть об обещаниях данных в Ялте. Делегация Соединенных Штатов именно этой линии придерживалась в ходе всей Потсдамской конференции.

23 июля советская делегация распространила ноту, предлагающую прямые двусторонние переговоры между Турецкой республикой и СССР для модификации Конвенции Монтрё. Предлагалось создать совместные базы в черноморских проливах. Объясняясь с Черчиллем, Молотов указал, что турки первыми подняли данный вопрос, что СССР согласен на участие в переговорах других черноморских держав, таких как Болгария и Румыния. На следующий день Сталин постарался снять страхи Черчилля, касающиеся возможности советского вторжения на турецкую территорию. Трумэн выступил с впоследствии часто цитировавшимся предложением интернационализировать все водные пути. (24 июля адмирал Леги, —советник президента — довольно ясно обозначил цель Соединенных Штатов: интернационализировать вход в Черное море. В тот день конференция обсуждала эту проблему в последний раз. Трумэн выступил за создание международной организации, целью которой был бы контроль над Черноморскими проливами. Молотов спросил Черчилля, человека, который обещал России пересмотреть Конвенцию Монтрё, готов ли тот гарантировать подобные же права Суэцкому каналу. После того, как Черчилль отверг это предложение, Сталин предложил оставить эту проблему. Было достаточно очевидно, что Сталин предпочитал существующий режим вмешательству других великих держав.

Финальный протокол Потсдамской конференции говорит только о том, что три великие державы «признают необходимость ревизии Конвенции о проливах» посредством переговоров между этими тремя великими державами и турецкими представителями; никаких более точных указаний такого рода — необходима ревизия — в документе не содержится. Американцы и англичане за спиной России информировали турок, требовали «держаться». В Турции у власти находились чрезвычайные противники России. Особенностью американской и британской позиции было то, что они требовали от Анкары «несгибаемой жесткости» в отношении СССР. Такую позицию заняли страны, которые в годы войны, обещали пересмотреть «конвенцию Монтрё» в пользу Советской России.

Особая ситуация сложилась вокруг Испании, чьи войска («Голубая дивизия») воевали против Советской армии под Сталинградом. Можно себе представить, какой была бы позиция США, если бы дивизии Франко воевали бы против американцев вместе с Гитлером или микадо. В первый же день Потсдамской конференции Сталин дал понять, что он поднимет вопрос о ликвидации фашистского режима Испании. Через два дня советская делегация Советская Россия официально предложила осудить франкистский режим как недемократический, как продукт вмешательства в испанские дела фашистской Италии и нацистской Германии. Прекрасный

случай проверить приверженность англо-американцев демократическим ценностям, идеалам свободы в Западной и Восточной Европе. Черчилль тут же привлек Хартию Организации Объединенных наций, не позволяющую вмешиваться во внутренние дела суверенных стран. Британский премьер предостерег от возобновления гражданской войны в Испании. Той же позиции придерживался и президент Трумэн.

Сталин ответил, что речь идет не о внутренних делах, а о режиме, который Гитлер и Муссолини незаконно навязали Испанской республике. Речь не идет о возобновлении гражданской войны, а о международном осуждении авторитарного режима. Народ Испании должен знать, что он может рассчитывать на симпатию и помощь трех великих держав, если решит реализовать демократические чаяния. В последовавшей дискуссии Трумэн и Черчилль прочно оседлали тему неприкосновенности внутренних порядков и желательности сохранить испанский статус кво. Западные державы высоко отозвались о «ценных торговых отношениях, которые Британия поддерживает с Испанией». Черчилль высоко отозвался и о соседней португальской диктатуре. США категорически отказались прервать дипломатические отношения с Мадридом. Жесты франкистского правительства, готового предоставить Соединенным Штатам транспортные и прочие базы на испанской территории укрепили решимость Вашингтона не подрывать основ франкистского режима. Американский посол в Испании Карлтон Хейс, а затем посол Норман Армор предупреждали от «коммунистического проникновения и нескрупулезного использования национальных чувств в Марокко, способных ослабить режим Франко: „Это будет способствовать мировой нестабильности во времена, когда именно стабильность становится главной ценностью“.

Примечательно отношение западных союзников к вопросу о подмандатных территориях и бывших колониях стран «оси». Вопрос об опеке занял значительное место в переговорах Америки с Британией, но с Советским Союзом эта тема не обсуждалась никогда. Поразительно то, что англичане намекнули на возможность для Италии снова получить Ливию и Триполи в качестве подмандатной территории уже в октябре 1944 г. Несколько позже и американцы, всячески стремившиеся укрепиться в Италии, также стали намекать на возможность сохранения Римом своих колоний и подмандатных территорий. Во время Сан-Францисской конференции советский представитель А.А. Громько информировал американскую делегацию, что Россия хотела бы получить некоторые подопечные территории. Пусть эти территории получают страны в соответствии с вкладом, который они внесли в общую победу.

Первой своего рода спорной территорией стал Танжер. Напомним, что после поражения Франции в июне 1940 г. Мадрид послал войска в эту французскую колонию. Понятное дело, весной 1945 г. испанские войска были готовы покинуть Танжер. Дело обсуждалось в Париже 3 июля 1945 г. всеми, кроме тех, кто фактически вернул Франции Танжер — кроме Советского Союза. Хотя США не принимали участия в решении судьбы Танжера в 1923 г., государственный департамент США в 1945 г. заявил, что «лидирующая роль, которую Соединенные Штаты приняли на себя в мировых делах в результате войны... делает логичным принятие нами особой позиции в Международной Зоне Танжера, позиции, сопоставимой с нашей мощью и престижем». В то же время британское, французское и испанское правительства категорически воспротивились участию России в решении этой проблемы. Американцы сообщили Москве, что они готовы информировать ее о происходящих переговорах при условии, что Россия не проявит к Танжеру никакого интереса.

Участники конференции сообщили России о созыве всего лишь за три дня до начала ее работы. 2 июля 1945 г. удивленные русские выслали ноты протеста своим союзникам. Громько выразил Джозефу Грю особо отчетливо выраженный протест. Американцы оправдывались тем, что не представляли, что дело привлекает интерес России. Теперь интерес России к Средиземноморью был продемонстрирован. Госдепартамент и Форин Оффис несколько дней искали благовидное объяснение игнорирования России. Выбор был между общим резким расширением круга приглашенных, или приглашением России в качестве наблюдателя. Всех напугал американский посол в Испании: «русские используют Танжер в качестве базы для

подрывной деятельности с целью ослабить режим Франко». Перед самым открытием Потсдамской конференции конференция по Танжеру была отложена до нахождения устраивающего всех решения.

Советская сторона на этот раз не прятала своего разочарования по поводу грубого пренебрежения союзниками ее интересами. Россия участвовала в положившей начало международному обсуждению проблемы Алхесирасской конференции 1906 г., на которой была создана «зона Танжера»; СССР в 1926 г. подтвердил свой интерес к данной проблеме. Тогда далекая Россия приглашалась регулярно. Ныне же, игнорируя роль СССР в только что закончившейся войне, западные державы хотели пересмотреть роль Советского Союза во всем большом процессе пересмотра владения средиземноморских колоний.

20 июля уже на Потсдамской конференции советская делегация потребовала своего полного участия в решении судьбы итальянских колоний в районе Средиземноморья, в установлении системы трехсторонней опеки — индивидуальной или совместной. Еще двумя днями позже Молотов поднял вопрос о будущем итальянских колоний в Африке, которые, согласно прежним договоренностям, не могли быть определены односторонне. Черчилль немедленно напомнил присутствующим, что британские вооруженные силы завоевали Ливию, Триполи и Киренаику. На это Молотов ответил, что именно Советская армия завоевала Берлин, предоставила позднее зоны своим союзникам.

Представляется, что агрессивная тактика Черчилля в данном случае впервые шокировала Сталина, и он предложил обоим спорящим оставить эту тему. В Сан-Франциско СССР напомнит о своем существовании при рассмотрении вопроса о подопечных территориях. Желательно предварительно создать механизм распределения подопечных территорий. Трумэн явственно кусал губы, он был уязвлен. И все же пикировка имела положительный результат. На следующий день британское правительство официально пригласило Россию на возобновленные переговоры по Танжеру, намеченные на август 1945 г. Молотов спросил, будут ли завоеванные англичанами колонии рассматриваться на переговорах? На что Иден сказал, что согласен с советским планом передачи подобных дел Совету министров иностранных дел. Но в последний день конференции государственный секретарь Бирнс высказался против передачи проблемы опеки министрам иностранных дел. Он настаивал на том, что судьба итальянских колоний должна быть решена на Мирной конференции с Италией. Поскольку никто не рискнул оспорить американскую позицию, она как бы стала «последним словом» по данному вопросу. Италия владела своими колониями.

Итак, тот, кто владел территорией, имел легальные преимущества. Кто первым выдвинул этот принцип? Москва не могла не уловить господствующей на западе логики. Глава советской делегации И. В. Сталин согласился с возможностью отмены оккупационного режима в Италии и предложил отменить оккупационный режим и осуществить нормализацию отношений соответственно также с Румынией, Венгрией, Болгарией и Финляндией.

На это предложение американская делегация ответила резко негативно. Официальное объяснение звучало смехотворно: Трумэн заявил, что следует учитывать тот факт, что США планируют израсходовать на помощь Италии продовольствием около 1 млрд. долл. И, хотя США богаты, они все же не могут бесконечно осуществлять помощь в таких объемах. Но почему же подобные соображения применимы к Италии и неприменимы, например, к Румынии? 21 июля президент США заявил, что малые страны — бывшие сателлиты Германии не могут быть признаны, поскольку в них не были проведены «свободные выборы».

Фактор атомной бомбы

На пути в Прагу правительство Бенеша навестило Москву и подписало в высшей степени секретное соглашение с советским правительством, дававшее право использования урановой руды на шахтах в Яхимове (до войны они давали 20 тысяч тонн окиси урана в год). Советская сторона знала, что эти же шахты хотела использовать Британия. Представляется, что Бенеш и его коллеги не представляли себе всей значимости урана и данной сделки.

Доклад, представленный президенту Трумэну 1 июня 1945 г. временным комитетом по выработке американской политики в ядерной сфере, содержал три главные директивы: атомная бомба должна быть использована против Японии; ее использование не должно предваряться специальными объяснениями природы нового оружия; для демонстрации возможностей бомбы в радиусе ее действия должны быть и промышленные объекты, и жилые постройки. Комитет пришел к выводу о том, что применение атомного оружия против Японии оказало бы негативное воздействие на советско-американские отношения. В докладе содержалась рекомендация ознакомить советское руководство с результатами американских достижений в ядерной области и указать на намерение использовать атомную бомбу против Японии. В ходе беседы, состоявшейся 6 июня 1945 г. между Г. Трумэном и Г. Стимсоном, рассматривалась возможность добиться от Советского Союза уступок в Маньчжурии, Польше, Румынии, Югославии в обмен на предложение о некоторых формах сотрудничества в области использования ядерной энергии.

Находясь в Потсдаме, Трумэн очень надеялся на то, что атомное оружие будет создано до окончания конференции. Одновременно, в июне 1945 г. Фукс информировал советскую сторону, что на испытаниях первого атомного устройства, названного «Тринити», будет произведен взрыв, эквивалентный 10 тысяч тонн тринитротолуола, и сообщил где это испытание будет проведено, сообщил, что, если испытания окажутся успешными, то бомбы будут применены против Японии.

В июне 1945 г. Клаус Фукс передал русским ученым отчет, написанный в Лос-Аламосе, в котором полностью описал плутониевую бомбу, которая к тому времени была полностью сконструирована и должна была пройти испытания. Представлен был набросок конструкции бомбы и ее элементов, приведены важнейшие размеры. Бомба имеет твердую сердцевину из плутония, а инициатор содержал полоний активностью в 50 кюри. Были приведены сведения об отражателе, алюминиевой оболочке и системе линз высокоэффективной взрывчатки.

Американское руководство этого не знало. Президент Трумэн доверяет дневнику: «Хорошо, что люди ни Гитлера, ни Сталина не создали атомную бомбу. Кажется, что это самое ужасное из всех изобретений в мире, но оно может оказаться самым полезным». Трумэн сделал все, чтобы быстро завершить Потсдамскую конференцию. Потсдамская декларация в отношении Японии предлагала «возможность завершить войну». То, что случилось с Германией, должно служить наглядным уроком Японии. Полное приложение союзных вооруженных сил «поддержанных нашей решимостью, будет означать неизбежное и полное крушение японских сил, равно как и истребление всего, находящегося на японской территории». Предлагалось разоружить вооруженные силы страны. Суверенитет Японии будет распространяться лишь на Японские острова. Но японцам будут сохранены фундаментальные гражданские права. Сохранены будут отрасли экономики, необходимые для ее жизнедеятельности. Альтернатива — «полное разрушение».

Генерал Гроувз — глава атомного проекта говорит американским ядерным физикам 14 июля: «Верхняя корочка желает, чтобы все произошло как можно скорее». В Аламогордо, Нью-Мексико 16 июля произошел взрыв «ярче, чем тысяча солнц, более мощный, чем ожидалось». Вечером 16 июля 1945 г. к военному министру поступили долгожданные сообщения об успешном испытании атомного оружия. Стимсон тотчас же послал детализированное сообщение к президенту в Потсдам.

Именно накануне встречи с И. В. Сталиным Г. Трумэн получил «невинную» телеграмму: «Операция прошла этим утром. Диагноз еще не совсем завершен, но результаты кажутся удовлетворительными и уже превосходят ожидания». Соединенные Штаты стали ядерной державой. Американские руководители получили возможность упиваться иллюзией, что ход исторического развития в грядущие годы будет зависеть преимущественно от них. Президент был в превосходном настроении, он рассказал историю об утопившейся девушке, бросившейся в воду, узнав, что она беременна. Молодой человек сказал, что это сняло с его плеч большой груз.

Следовало оповестить единственных союзников — англичан. На следующий день во время ланча с британским премьером, чтобы не привлекать лишнего внимания, военный министр

Стимсон написал на листе бумаги: «Дитя родилось благополучно». Это было так неожиданно, что Черчилль ничего не понял. Тогда Стимсон объяснил, что речь идет об экспериментах в пустыне. Черчилль и Трумэна 18 июля, в течение двух часов они беседовали наедине. Предмет разговора — атомное оружие. «Президент показал мне телеграммы о последних экспериментах и попросил совета, сообщать ли об этом русским... Я ответил, что, если президент решил рассказать, то лучше подождать окончания эксперимента». Трумэн спросил, как отвечать на требование русских поделить германский флотом? Черчилль считал, что «следует приветствовать выход русских на широкие мировые воды и сделать это следует в великодушной манере. Это затронет проблему Дарданелл, Кильского канала, Балтики, Порт-Артура. Трудно отрицать за русскими права на треть трофейного флота». Но вопрос этот следует связать с развитием событий в Центральной Европе.

Черчилль подошел к вопросу, которому придавал чрезвычайное значение. В Организации Объединенных наций нельзя видеть панацею; соглашения бессмысленны, если к ним может присоединиться каждый. Он желал заключения двустороннего англо-американского соглашения, включающего в себя вопрос о совместном пользовании военно-морским и военно-воздушными базами. Британия, хотя она является меньшей державой по сравнению с Соединенными Штатами, может дать многое. «Почему американский линейный корабль, подходящий к Гибралтару, не может получить там торпеды в свои боевые отсеки и снаряды для своих орудий? Почему бы нам не поделиться взаимными услугами для обороны в глобальном масштабе? Мы можем увеличить на 50 процентов мобильность американского флота». Трумэн ответил, что все это близко его сердцу, но он хотел бы избежать открытой формы военного «альянса вдвоем». Черчилль же продолжал развивать тему. «Следует сохранить Объединенный комитет начальников штабов до тех пор, пока мир не успокоится после великого шторма». Трумэн сказал, что «это был самый восхитительный ланч, который он имел за многие годы».

Но Запад еще сам толком не понимал, что приобрел. Еще примерно пять дней (до прибытия детализированного описания испытаний), американцы терялись в догадках относительно подлинной мощи и возможностей нового оружия. Однако новый привкус американской дипломатии был весьма ощутим. Настроение американских руководителей стало эйфорическим, о причинах которого знали немногие. Но многие ощутили беспрецедентную жесткость американской стороны, ее безапелляционность, стремление к диктату, потерю интереса к выработке компромиссных решений.

17 июня, когда Сталин как бы повернул внимание присутствующих на Китай, Стимсон убедил и Трумэна и Бирнса встать на защиту принципов «открытых дверей» — то есть полной прозрачности для американцев всего Китая. Это очень ярко было продемонстрировано тут же, в Потсдаме.

Утром 21 июля 1945 г. военный министр Стимсон получил графические детали ядерного взрыва и немедленно ознакомил с ними президента Трумэна и госсекретаря Бирнса. Мощность бомбы была между 15 и 20 килотоннами — значительно более ожидаемого, она действительно могла уничтожить целый город. Всем было видно, как изменился Трумэн. Он щедро хвалил Стимсона. Испытания превзошли все ожидания.

У президента сидели военные. Теперь они знали, что бомба будет скоро готова к использованию. Черчилль пишет, что после этого Трумэн «был другим человеком. Он указал русским на их место и вообще отныне выглядел боссом». 22 июля Трумэн от руки написал приказ об использовании бомбы еще в ходе конференции — очевидно для демонстрации ее мощи участникам Потсдама. Сообщение о создании могучего нового оружия изменила американские цели на конференции. Прежде следовало вовлечь Россию в войну с японцами. Здесь произошла перемена.

Разумеется, всех занимала мысль о том, что кошмар высадки на Японских островах исчезает. «До этого момента, — пишет Черчилль, — мы основывали наши идеи в отношении высадки на внутренние острова Японии на предшествующей сокрушительной бомбардировке и на десанте очень больших армий. Мы подразумевали отчаянное сопротивление японцев,

сражающихся до конца с самурайской решимостью не только в местах высадок, но и в каждом окопе и пещере. У меня в сознании была картина Окинавы, где многие тысячи японцев предпочитали не сдаваться, а уничтожать себя ручными гранатами после того как их командиры торжественно совершали хара-кири. Сокрушить японское сопротивление посредством битвы „человек за человека“ и завоевать страну метр за метром требовало потери миллиона американцев и полумиллиона британцев — или даже больше». Место этого сценария стала занимать, по новому мнению Трумэна и Черчилля, «новая картина — яркой и прекрасной она нам казалась — окончания всей войны после одного-двух страшных ударов».

Теперь Бирнс пишет, что США могут выиграть войну и без русских. 24 июля 1945 г. Трумэн и Бирнс уже знали, что Стимсон и Маршалл уже не требуют русского участия в войне на Дальнем Востоке. Маршалл говорит, что «бомба, а не русские, сделает полумиллионные потери ненужными. Трумэн говорит, что нужно скорее применить бомбу, чтобы, если не отменить наступательное движение русских, то ослабить это движение советских войск в Восточной Азии.

Черчилль больше думал не о японцах. Возможно, он первым осознал революцию в военном деле. Фельдмаршал Аланбрук даже начал беспокоиться о душевном состоянии впавшего в экстаз политика: «Он уже видит себя способным уничтожить все индустриальные центры России... Он мысленно уже рисует восхитительную картину — себя как единственного обладателя этих бомб, способным применить их по своему усмотрению». Д. Йергин: «Надежда на то, что русских можно будет сдерживать в Азии, была дополнительной причиной использования бомбы».

После обеда началась очередная пленарная сессия конференции. Язык западных союзников стал заметно жестче. Черчилль тотчас же увидел перемену в Трумэне: «Это был совсем другой человек. Он указал русским на их место и в целом доминировал на заседании». Трумэн и его государственный секретарь Бирнс сошлись на том, что конференцию нужно заканчивать, что с атомной бомбой Америка уже непобедима и на Тихом океане — в боях против Японии, и повсюду.

Узнав о новости, Черчилль немедленно сделал свой вывод: необходимость в русском вступлении в войну на Дальнем Востоке отпала. Трумэн задумался. Стимсон обратился к генералу Маршаллу. Генерал не был столь быстр на союзнические перемены. Он сказал, что русские так или иначе будут очень нужны для сдерживания японских армий в Китае. Президент Трумэн информировал Хэрли в Чунцине: пусть Чан Кайши расслабится, от него не будут требовать большего, чем прежде. Но послу Сунгу желательно возвратиться в Москву на случай возникших противоречий. Черчилль из всего этого сделал вывод, что «Соединенные Штаты в наступившее время уже не желают русского участия в войне с японцами».

В это время Стимсон связался со своим помощником Гаррисоном: когда бомбы можно будет использовать против Японии? Тот ответил, что между 1 и 3 августа и уж совсем определенно, до 10 августа 1945 г. Перед американцами встал вопрос, нужно ли привлекать Советский Союз к войне против Японии?

При оценке возникающей ситуации нетрудно — в свете будущего — представить себе косвенную угрозу самому Советскому Союзу. Но июль 1945 г. не был августом 1949 г., Россия только что вынесла на не себе бремя чудовищной войны и угроза (хотя бы косвенная) применения против нее нового американского оружия была пока немыслима. Тем более, что военные пока еще настаивали на привлечении Советской армии к боям против Квантунской армии, без чего не мыслилось освобождение Китая. При этом «вовлечь Россию в атомную войну в условиях, когда Европа была на грани истощения, а могучая, закаленная в боях русская армия стояла огромной силой — эту мысль мог рассматривать только Черчилль, а он потерпел сокрушительное поражение на всеобщих выборах в Англии 24 июля».

Западные союзники не знали, что советское руководство ожидает успешного развития атомного оружия на Западе и базирует свою стратегию, строго говоря, на двух пунктах: признание мощи Соединенных Штатов и обеспечение безопасности собственной страны.

У американцев были уже совсем другие цели. Первая и в тот момент наиболее актуальная — сохранить все американские интересы в Маньчжурии. При этом 23 июля состоялось важное

совещание, на котором, после долгого обсуждения было решено, в присутствии Трумэна, Объединенного комитета начальников штабов и Черчилля, было решено «стимулировать русское вступление в войну против Японии». Тут же американцы решили исключить Британию из большой стратегии в отношении Японии. Было решено, что ситуация еще требует вторжения на Японские острова, причем контингент вторжения не может быть менее миллиона. Пока никто не ожидал, что применение атомной бомбы изменит всю ситуацию.

Во второй половине дня американские генералы встретились с начальником генерального штаба Советской армии генералом Антоновым. Американцы еще очень нуждались в привлечении северного союзника, а советские генералы еще ощущали свою нужность. Антонов сказал, что наступление Советской армии на Дальнем Востоке начнется, скорее всего, во второй половине августа. И условием этого наступления будет договоренность с китайцами.

В этот же памятный день президент Трумэн послал инструкции военно-воздушным силам — сбросить первую атомную бомбу «примерно в районе 3 августа». Обедая 23 июля с начальниками штабов, адмирал Каннингхем отмечает состояние необыкновенного подъема Черчилля: «Он питает огромную веру в эту бомбу. Сейчас он думает, что хорошо бы русским узнать о ней, они были бы скромнее».

Между тем Сталин почти перестал скрывать свое намерение выступить против Японии. На банкете вечером он при всех официантах провозгласил тост за следующую встречу в Сеуле или Токио. Черчилль налил две рюмки коньяка и предложил ему выпить вдвоем. «Я посмотрел на него многозначительно. Мы оба осушили наши рюмки залпом и одобрительно посмотрели друг на друга. После паузы Сталин сказал: „Если для вас неприемлемо создание нами базы в Мраморном море, не могли бы мы построить базу в Дедеагаче?“ Я удовлетворился таким ответом: „Я буду всегда поддерживать Россию в ее стремлении к свободе морей“.

К послевоенному планированию там приступили энергично и без раскачки. Во-первых, уже в самых первых документах, вышедших из недр Объединенного комитета начальников штабов после 2 сентября 1945 г., уделялось особое внимание интеграции атомной бомбы в американскую военную доктрину.

Во-вторых, «медные каски» не долго ломали голову над тем, кто же должен стать главным противником Америки в послевоенном мире. Показательным для настроений в ОКНШ осенью 1945 года, наш взгляд, является меморандум полковника Р. Вандевантера из стратегического подразделения ОКНШ генералу Норстаду от 20 сентября 1945 г., в котором, в частности, говорилось: «Все основные районы, где сконцентрировано население Соединенных Штатов и располагаются их промышленные центры, находятся на расстоянии в 5000 миль от материковой территории, находящейся во владении СССР. Наличествующие в настоящее время на вооружении Соединенных Штатов самолеты имеют радиус действия в 5000 миль. Если допустить, что авиация у русских развивается в том же направлении и они готовы к одноразовым полетам, то в настоящее время Россия может атаковать любой район в Соединенных Штатах... Представим себе наш ужас, когда русский посол внезапно вручит нам ультиматум, в будет сказано, что огромная воздушная армада приближается к нашим берегам и что если мы не капитулируем немедленно, они одновременно уничтожат сто наиболее важных наших городов... Следует отметить, что эти методы применения атомной бомбы лучше подходят для страны-агрессора, управляемой диктатором, который может действовать в полной секретности и не оглядываясь на общественное мнение"(1).

Свидетельством того, что в конце 1945 года полковник Р. Вандевантер не был одинок в своих взглядах, является целый ряд документов, разработанных аппаратом ОКНШ. Так, в «Стратегической концепции и плане применения вооруженных сил Соединенных Штатов» (JCS 1518/2) от 10 октября 1945 года отмечалось, что после разгрома держав-членов «оси» Соединенные Штаты и СССР остались ведущими мировыми державами, и поэтому «в случае, если отношения между великими державами нарушатся, Россия будет представлять собой наиболее сложную проблему с военной точки зрения. Наиболее вероятной причиной войны с Россией могло бы стать продемонстрированное ею намерение захватить Западную Европу или

Китай... Если Соединенные Штаты будут в состоянии справиться с любой проблемой, вызванной возможным конфликтом с Россией, то они будут в состоянии справиться с любой другой державой ввиду сравнительно более слабой позиции всех других держав"(2).

Как видно, «Стратегическая концепция» была составлена в достаточно осторожных выражениях, однако вывод, к которому ее авторы стремились подвести читателя, не вызывает сомнений: Советский Союз является главной военной угрозой для Соединенных Штатов. Однако уже через 13 дней аппарат ОКНШ выдал на-гора куда более откровенный документ, а именно «Возможности России» (JIS 80/7). Авторы этого меморандума, подготовленного разведывательным подразделением ОКНШ, пришли к выводу, что «советская внешняя политика является экспансионистской, националистической и империалистической по своей сути, причем нет оснований рассчитывать на перемены в обозримом будущем... СССР предположительно в состоянии захватить всю Европу сейчас или к 1 января 1948 г... СССР в состоянии увеличить свои нынешние силы на Ближнем и Среднем Востоке и добиться по крайней мере своих первоначальных целей в Турции и Иране между нынешним временем и 1 января 1948 г... Советы, видимо, в состоянии создать атомную бомбу через 5 или 10 лет и сделают все, что в их силах, чтобы сократить этот период"(3).

А уже через месяц с небольшим тот же Объединенный разведывательный комитет ОКНШ пошел еще дальше, подготовив документ под названием «Стратегическая уязвимость СССР по отношению к ограниченному воздушному нападению». Этот документ, видимо, был первым планом атомной войны против Советского Союза. Этот план интересен еще и тем, что содержащиеся в нем выводы на многие годы были положены в основу стратегического планирования высшего американского военного руководства: «Ввиду характерных особенностей атомных бомб и их ограниченного количества, они в целом должны быть использованы только против таких стратегических целей, в которых имеется большая и значительная концентрация персонала и сооружений, и которые трудно атаковать с применением иных имеющихся средств. Для достижения быстрее, непосредственного и определенного воздействия на те наступательные возможности СССР..., которые представляют наиболее серьезную угрозу для Соединенных Штатов, и для обеспечения наступательных возможностей авиации Соединенных Штатов и Британии, удары с применением атомных бомб должны быть сконцентрированы на тех целях, которые вносят важный вклад в производство или разработку атомных бомб, самолетов или авиационного оборудования, вооружений или оборудования для ПВО, электронного оборудования, моторного транспорта, управляемых ракет и, возможно, иных типов вооружений"(4).

В дополнении «А» к приложению «В» этого плана содержался перечень из 20 советских городов (среди них — Москва, Ленинград, Новосибирск, Горький Баку, Ташкент, Тбилиси, Омск, Челябинск), на которые предлагалось сбросить атомные бомбы. По данным американской разведки, в этих 20 городах было сконцентрировано производство 90% самолетов, 73% орудий, 86% танков, 88% грузовиков, 42% производства стали, 65% продуктов перегонки нефти и свыше 50% шарикоподшипников, выпускаемых в Советском Союзе(5).

Итак, через несколько месяцев после окончания второй мировой войны ОКНШ определил врага номер 1 Америки в следующей, третьей мировой войне (Советский Союз), а также оружие номер 1 этой новой войны (атомную бомбу, доставляемую к цели стратегическими бомбардировщиками). При этом американские военные аналитики отдавали себе отчет в том, что недавно закончившаяся война разорила СССР дотла, что «советская экономика, по-видимому, неспособна обеспечить крупную войну в течение следующих 5 лет», и именно поэтому «за исключением сугубо оборонительных причин, СССР будет избегать риска крупного военного конфликта на протяжении от 5 до 10 лет"(6).

Разработка планов атомной войны против СССР оставалась в центре внимания высшего американского военного руководства и в последующие годы. Эти планы становились все более детальными и многостраничными, снабжаясь при этом многочисленными картами и таблицами. К каким же выводам пришли пентагоновские планировщики? Насколько реалистичными были

их планы?

Впервые

Стимсон уже начинал раздражать Трумэна, но именно Стимсон убедил Трумэна в самых широких выражениях сообщить Сталину о создании в США атомного оружия. Научный руководитель американского проекта Оппенгеймер полагал, что «мы могли бы сказать русским, какие огромные усилия всей страны были приложены ради осуществления этого проекта и выразить надежду на сотрудничество с ними в этой области». Председатель объединенного комитета начальников штабов генерал Маршал предложил пригласить двух видных советских ученых на испытания в Аламогордо.

18 июля Трумэн спросил мнение Черчилля и тот согласился с необходимостью хотя бы намекнуть Сталину. Трумэн решил сделать это вечером 24-го. Американский президент сказал Сталину, что в Соединенных Штатах создано новое оружие огромной разрушительной силы. Трумэн не употреблял слова «атомный». Но Сталин не выразил чрезвычайного удивления.

Знаменитую сцену в конце восьмого пленарного заседания Черчилль описывает так: «Мы стояли по двое и по трое, прежде чем разойтись». Премьер заметил, как Трумэн подошел к Сталину, и они говорили вдвоем с участием переводчиков. «Я был, возможно, в пяти ярдах и следил с пристальным интересом за этим важным разговором. Я знал, что собирается сказать президент. Было чрезвычайно важно узнать, какое впечатление это произойдет на Сталина. Я вижу эту сценку, словно она была вчера! Казалось, что он в восторге. Новая бомба! Исключительной силы! Возможно, это решающее обстоятельство по всей войне с Японией! Что за везение!» Чуть позднее, ожидая автомобиль, Черчилль подошел к Трумэну: «Как все прошло? — спросил я. — Он не задал ни одного вопроса, — ответил президент. В свете этого я считал, что Сталин не знает об огромном исследовательском процессе, осуществленном Соединенными Штатами и Британией».

На самом деле все произошло достаточно нескладно. Американское руководство знало, что советская разведка ищет пути к информации о «проекте Манхэттен» и, возможно, знает нечто об оружии, которое почти готово к бою. Но при этом у Трумэна и его окружения была боязнь того, что Сталин прямо спросит параметрах и особенностях нового оружия. Как отказать ближайшему союзнику? С другой стороны постыдным было и укрывательство мощнейшего оружия перед лицом русских жертв. Итак, повторим сцену с другой стороны. После окончания пленарной сессии 24 июля Трумэн самым беззаботным образом подошел к Сталину и как бы невзначай заметил, что у США есть бомба огромной разрушительной силы. Сталин ответил, что это хорошо. Он надеется, что американцы используют ее. Из этого Трумэн и Бирнс вынесли заключение, что Сталин не придавал значения словам президента.

Американцы ошибались. Сталин, как уже было сказано выше, знал, о чем идет речь. Сразу же после конференции Молотов обсудил проблему с Молотовым. Тот ответил, что нужно ускорить собственные работы. (Напомним, что еще 9 сентября 1943 г. и 31 декабря 1944 г. Стимсон сообщал Рузвельту, что русские ведут разведывательную работу в отношении «проекта Манхэттен»; известно было и то, что французские участники проекта делились сведениями с членом французской компартии Фредериком Жолио-Кюри, а тот сообщал эти сведения по цепочке).

Между 16 июля и 20 августа 1945 г. советское руководство окончательно поняло важность нового мирового оружия. 20 августа Государственный комитет обороны принял постановление, учреждающее новые органы управления советским атомным проектом.

28 июля 1945 г. посол Гарриман посоветовал государственному секретарю Бирнсу, что «хотя нам неудобно в настоящий момент выражать некие сомнения относительно русского вступления в войну против Японии», желательно было бы добиться согласия между русскими и китайцами по поводу «открытых дверей» в Маньчжурии, что позволило бы Соединенным Штатам «контактировать непосредственно с советским правительством», а не через слабое

китайское правительство». Бирнс немедленно связался с китайским дипломатом Сунгом, обязав того прибыть в Москву сразу же по возвращении в советскую столицу Сталина. Китайцев немедленно следовало «приковать» к русским, с тем, чтобы те не превзошли себя в овладении контроля над Китаем. Американцы были реально обеспокоены тем, что разгоряченные битвой с японцами китайцы могут отдать Дайрен русским. Это вредило американскому потенциальному влиянию на Северный Китай. Советская сторона дала Вашингтону лишь словесные обещания придерживаться доктрины «открытых дверей». Что будет на самом деле? Пока ничего не было на бумаге, официально зафиксировано.

Трумэн уже кривился, слыша новый тон советских руководителей, уверенных в том, что их помощь на Дальнем Востоке будет высоко оценена. Его госсекретарь Бирнс уже полагал, что дело можно решить и без русских. Но Трумэн в данном случае прочно сомкнулся с военными чинами, которые никак не хотели терять фантастического союзника в борьбе с самоотверженными японцами. 29 июля Молотов попросил американцев не забыть об официальном приглашении советской стороны к боевым действиям против Японии — формальное извинение выхода СССР к боевым позициям на Дальнем Востоке.

Трумэну не нравилось «тихое ликование» в тоне советских гражданских и военных чинов, увидевших шанс отомстить за Цусиму. Но он все же вынужден был приказать Бирнсу составить то, что должно было явиться легальным обоснованием вступления Советской России в войну. Глубоко заполночь Бирнс и его юрист Коэн составили проект приглашения России на основе ее обязательств согласно Хартии Объединенных наций. 31 июля президент Трумэн вручил этот документ Сталину, который выразил глубокое удовлетворение. Россия имела право выдвинуть и собственные соображения.

Американская сторона представила Молотову текст ультиматума Японии только после того, как другая копия была передана прессе. Молотов не знал последнего обстоятельства и попросил своих западных союзников задержать публикацию текста на два-три дня. Поздно. Утешением служило то, что почти по всеобщему убеждению японская сторона не намерена была сдаваться. Русские танки еще не вышли из-за Амура, а «Энола Гэй» не поднялась в воздух. Три тысячи лет боги хранили японский архипелаг, возможно эта страна непобедима. Но в текущей ситуации и японское руководство утратило веру в богов. Премьер просил у Москвы пригласить к себе принца Коноэ, многолетнего премьера. Примечательно, что Гарриман и Форрестол крайне не хотели участия советской стороны в процессе сдачи Японии — это давало ей дополнительные шансы и несколько ослабляло всевластие США.

Влиятельная группа в американском руководстве уже не желала участия Советской армии в окружении и сдаче Японской империи. Но, обстоятельства имеют свою инерцию. Просить Россию четыре года помочь союзникам на Дальнем Востоке, а затем внезапно отказать от уже обещанной помощи — это был далеко не грациозный пируэт в дипломатии, в союзнических отношениях. И, потом, значительная часть военных специалистов считала участие СССР в китайских сражениях абсолютно необходимым, особенно в том случае, когда война с Японией может принять затяжной характер. И бомба, и русские — так решило американское руководство к началу августа 1945 г.

Новый фактор мировой политики

Ведущие атомные физики СССР на начальной фазе войны надели форму подполковников НКВД и отправились в советскую зону Германии. Курчатов не поехал. Практически общим стало мнение, что из германских достижений мало что можно будет извлечь. Немецкие ученые не выделили уран-235, не построили ядерный реактор и не подошли к практическим вопросам создания бомбы.

После окончания войны целый ряд германских специалистов-физиков предпочел сотрудничать с Россией, а не с Западом. Среди них был барон Манфред фон Арденне, владевший собственной лабораторией; нобелевский лауреат Густав Герц (за электроно-атомные

столкновения), работавший на фирме «Симменс»; директор исследовательского отдела компании «Ауэр» Николаус Риль; химик Макс Фольмер. Свое решение директор Института физической химии (Берлин) П.-А.Тиссен (отвечавший в рейхе за химические исследования) объяснял так: «Германская наука должна самым тесным образом сотрудничать с Россией... Германские ученые будут играть лидирующую роль в России, особенно те, кто участвовал в создании секретного оружия. Германия, ее ученые, инженеры, квалифицированные специалисты и ее потенциал будут решающим фактором будущего; нация, имеющая Германию в качестве союзника, непобедима». Английскому агенту Розбауду Тиссен сказал, что «единственным шансом для германской науки в будущем является тесное сотрудничество с Россией». Та страна, на чьей стороне будет германская наука, будет непобедимой.

В то же время США предприняли усилия, чтобы сократить возможности России воспользоваться достижениями германской науки. 15 марта 1945 г. руководитель проекта «Манхэттен» генерал Гроувз потребовал разбомбить завод компании «Ауэр» в Ораниенбурге, к северу от Берлина, производивший торий и уран для германского атомного проекта. В мемуарах Гроувз пишет: «Цель нашей бомбардировки Ораниенбурга была закамуфлирована от русских и немцев одновременной бомбовой атакой на Цоссен, месторасположение штаб-квартиры германской армии». Руководитель исследований компании «Ауэр» Н. Риль (в будущем Герой социалистического труда) просветил советские власти о причине американского налета на небольшой немецкий городок. После окончания боевых действий Гроувз сумел вывести 1200 тонн урановой руды из соляной шахты близ Штасфурта, находившегося в советской зоне оккупации.

СССР получил в Германии примерно 300 тонн окиси урана. Немецкие ученые были перевезены в Советский Союз вместе с оборудованием их лабораторий. Им были предоставлены комфортабельные дачи под Москвой.

А. Верт, представлявший многие годы в Москве «Санди таймс», вспоминает, что известие о Хиросиме «оказало депрессивное воздействие на всех. Оно было воспринято как Новый Фактор в мировой политике, представляющий собой угрозу России. Некоторые русские пессимисты, с которыми я говорил в этот день, удрученно замечали, что отчаянно трудно добытая победа над Германией теперь потеряла свой смысл». 20 августа 1945 г. Государственный комитет обороны создал специальный орган для координации всех работ над советским урановым проектом. К сентябрю параллельно с Курчатовым германские специалисты начали работы в Сухуми. Именно в это время Сталин сказал Курчатову: «Если дитя не плачет, мать не знает, что ему надо. Просите все, что вам нужно, и вам не откажут». Такие деятели промышленности, как Ванников, Завенягин, Первухин «в 30-тые годы реализовывали политику „догнать и перегнать“ Запад. Теперь перед ними стояла та же задача, но в еще более трудной форме». Крупные центры русской цивилизации, такие, как Сталинград, Харьков, Ленинград, были разрушены или обезлюдели. Война унесла 30 млн. жизней. И все же была официально поставлена задача «достичь уровня современной мировой технологии во всех отраслях индустрии и национальной экономики, создать условия для продвижения вперед советской науки и техники... У нас будет атомная энергия и многое другое». Это были не пустые слова. В глубине России велись интенсивные исследования и работы по их реализации. Позднее Запад признает высокие достоинства русской науки и промышленности. «Создание атомной промышленности было замечательным достижением, особенно если учесть, что речь идет о стране, экономика которой была истощена войной. Это означало, что Советский Союз имел достаточно ученых и инженеров, чтобы создать целую новую отрасль индустрии. При этом данный проект не был единственным; ракеты и радары также требовали очень квалифицированных специалистов». Но это мнение западных специалистов прозвучало значительно позже. Во второй половине 40-х годов на Западе в отношении советских возможностей царил демонстративный скепсис.

Разумеется, у союза советского государства с Западом в 1941 — 1945 гг. были внутренние предпосылки к последующему распаду. Во-первых, Россия не могла забыть, что в первые страшные три года своей борьбы она сражалась против Германии практически в одиночестве, в

условиях, когда Запад предпочитал не создавать второй фронт. Цветистая риторика Черчилля и Рузвельта в данном случае не помогала. Во-вторых, Москва знала о создаваемом Западом совместно ядерном оружии, и не могло не сделать вывода из союзнического молчания Вашингтона, Лондона и Оттавы. Фактор недоверия был этим укреплен. В-третьих, Россия ощущала на себе действие двойного стандарта: ей не предоставили оккупационных прав в Италии (сентябрь 1943 г.), но потребовали таких прав в оккупированной Советской Армией Румынии годом позже (а далее и в других восточноевропейских странах). Советское руководство знало о том, какой изоляции подвергаются левые в Италии и Франции, в то время как Запад резко требовал включения своих сторонников в польское правительство. В-четвертых, Запад слишком быстро приостановил и слишком грубо отказал в экономической помощи разоренной России.

Как использовать атомный фактор

По дороге домой два будущих посла в СССР — Чарльз Болен и Льюэлин Томсон обсуждали возможное воздействие атомной бомбы на американско-советские отношения. Напугать русских и пойти на них войной — немыслимо. Что же делать, если Москва не станет покорнее? Это исключение, общее чувство — эйфория, чувство, что все возможно. Это чувство нивелировало разочарование от классической дипломатии.

Нельзя не заметить первых черт «высокомерия силы» развивавшегося по нарастающей у руководителей крупнейшей капиталистической страны, которая разместила свои вооруженные силы на четырех континентах, навязала свою волю ближайшему союзнику — Великобритании, третировала французов и менее значительных союзников, уверенно заполняла «вакуум» в Западной Европе и открыто посягала на суверенные права восточноевропейских народов. Курс на то, чтобы «загнать Россию в азиатские степи», все более откровенно просматривался в действиях американской дипломатии.

Поначалу западные политические лидеры полагали, что атомная бомба облегчит решение всех прочих проблем. 29 июля 1945 г. госсекретарь Бирнс заявил: «После Нью-Мексико ситуация дает нам огромную мощь. В конечном счете, она означает возможность контроля». Британский главнокомандующий Аланбрук замечает, что Черчилль «был полностью под властью атомных новостей». Он ликовал: «Ныне мы имеем в руках нечто, что может исправить баланс сил с русскими. Секрет использования нового взрывчатого вещества и возможности использовать его полностью меняет дипломатический эквilibrium, который покачнулся после поражения Германии». В Вашингтоне военный министр Стимсон отметил 30 июля «различие в психологии, которое существует со времени испытаний... Изменилась моя собственная психология».

Еще 14 мая 1945 г. Стимсон записал в дневнике, что американская экономическая мощь и атомная бомба — «две самые крупные козырные карты в руках Америки. Нужно быть дураком, чтобы не выиграть при таких картах». Выиграть в чем? Стимсон в этом контексте обсуждал ситуацию в Польше, Румынии, Югославии, Маньчжурии.

Да, США стали обладателем могучего оружия. Но как им воспользоваться на невоенном поле? Пока все выглядело достаточно неловко. Американская сторона посчитала себя вправе (и в силе) диктовать Советскому Союзу условия его пребывания в «европейском доме» — в регионе, жизненно важном для СССР, только что им освобожденном и находящемся на огромном расстоянии от США. Самонадеянность обращения со вчерашним союзником подкреплялась сообщениями, подобными той депеше, которую 21 июля 1945 г. курьер доставил в Потсдам.

Ядерное всемогущество явно окрыляло президента Трумэна. Когда требовались новые жертвы на восточном фронте, американские руководители, несомненно, более занятые и усталые, тем не менее, не ставили ультиматумов. В Потсдаме ситуация изменилась. 31 июля 1945 г. государственный секретарь Дж. Бирнс заявил советской делегации, что, если она не согласится на американские предложения, утомленный президент США завтра же покинет Потсдам.

Становилось очевидным, что США вели дело к разделу Германии — к консолидации своих позиций в ее западной части. Они отказались от общей системы репараций, стараясь тем самым

ослабить СССР, и намеревались укрепить свое влияние не только в Западной, но и в Восточной Европе.

Дело решили четыре последних дня, когда Бирнс стал добиваться взаимного согласования при помощи своего «пакетного соглашения». Новый британский министр иностранных дел взял на себя значительную долю инициативы. В то время как американцы и англичане налаживали взаимные отношения, и те и другие явно подозрительно смотрели на серьезных, не склонных к юмору русских, явно подчиненных заранее данным инструкциям. Сталин настолько неважно чувствовал себя, что американцы поставили диагноз: малый инфаркт. Но к концу конференции Сталин собрал силы и восстановил мнение о себе как эффективном переговорщике. Даже Клейтон, завязанный на репарации, пришел к выводу, что «Сталин поступает справедливо».

28 июля Трумэн сказал военно-морскому министру Форрестолу, что «был очень реалистичен с русскими» и что нашел Сталина «не трудным в общении».

2 августа Потсдамская конференция завершила свою работу. Трумэн поспешил в Вашингтон. Новое оружие действовало на него магнетически, только о нем он говорил с королем Георгом Шестым во время обеда на рейде Плимута. На борту «Огасты» Трумэн сказал, что «Сталин, конечно, сукин сын, но наверняка он думает обо мне то же самое».

Вернувшись в Белый дом, президент Трумэн сразу же поднялся в свой кабинет, сыграл несколько песен на пианино, позвонил жене, которая была в Индепенденсе, заказал выпивку для себя и ближайших сотрудников, и начал вспоминать Потсдам: «Сталин был единственным, кто, если уж сказал что-то, повторит то же самое и в следующий раз. Другими словами, на него можно положиться». У Трумэна не было определенного мнения об Этли, но было определенное мнение о Бевине, который напоминал ему американского профсоюзного деятеля Джона Льюиса. «Сталин и Молотов возможно и грубые люди, но все же они следуют общим приличиям». Вспоминая Потсдам в 1949 г. Трумэн сказал, что «русские производили впечатление людей, выполняющих свои обещания. Мне нравился Сталин. Он более всего напоминал не Тома Пендергаста (партийный босс, обеспечивший карьеру Трумэна. — А.У.). Он очень любит классическую музыку. Он быстро воспринимает вопросы... У меня сложилось впечатление, что ему приходится обращаться с политбюро как мне с 80-м конгрессом».

Сталин и Трумэн никогда больше не встретятся, но достойно упоминание то, что американский президент весьма положительно отзывался о своем дипломатическом партнере и противнике. В более широком плане, несмотря на жалобы на манеры, американская делегация покинула Потсдам с надеждой. Военные специалисты, пораженные, стояли пред фактом создания атомного оружия. Когда генералу Макартуру, находившемуся в Маниле, сообщили о новом виде оружия, он просто сказал: «Это меняет систему военных действий!»

Реакция Москвы

Дочь Сталина Светлана приехала на дачу к отцу на второй день после Хиросимы и обнаружила «у него обычных посетителей. Они сообщили ему, что американцы сбросили свою первую атомную бомбу на Японию. Каждый был озабочен этим и мой отец не обращал на меня внимания».

Сталин сказал Гарриману, что советские ученые пытаются сделать атомную бомбу, но еще не добились успеха. В Германии они обнаружили лабораторию, где немецкие ученые, очевидно, работали над атомной бомбой, но без ощутимого успеха. Гарриман понял, что бомба не является секретом для советских руководителей. 20 августа Берия возглавил советский атомный проект. В него вошли три руководителя промышленности — Ванников, Завенягин и Первухин и двое ученых — Курчатова и Капица. В комитете не было военных. Параллельно было создано главное управление для руководства атомным проектом, которое возглавил Ванников. К сентябрю немецкие участники проекта были размещены на побережье Черного моря, их задачей были изотопы.

В мемуарах А.А. Громыко описывает беседу Сталина с ним и послом в Англии Гусевым:

«Вашингтон и Лондон надеются, что Советскому Союзу для создания бомбы потребуется длительное время. В течение этого времени они используют свою атомную монополию, чтобы навязать свои планы Европе, остальному миру, Советскому Союзу».

В январе 1946 г. состоялась первая встреча Курчатова со Сталиным, который сказал, что «не стоит заниматься мелкими работами, их необходимо вести широко, с русским размахом, в этом отношении будет оказана самая широкая всемерная помощь. Не нужно искать более дешевых путей». Германию следует использовать всеми возможными путями. Курчатов получил приказ создать атомную бомбу и как можно быстрее. Сталин сказал Курчатову: «Дитя не плачет — мать не понимает, что ему нужно. Просите все что угодно. Отказа не будет».

Через две недели, выступая в Большом театре, Сталин сказал: «Я не сомневаюсь, что если мы окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны». Затраты на науку в 1946 г. втрое превзошли уровень 1945 г. «Нам нужно добиться того, чтобы наша промышленность могла производить ежегодно до 50 миллионов тонн чугуна, до 60 миллионов тонн стали, до 500 миллионов тонн угля, до 60 миллионов тонн нефти. Только при этом условии можно считать, что наша Родина будет гарантирована от всяких случайностей. На это уйдет, пожалуй, три новых пятилетки, если не больше. Но это дело нужно сделать, и мы должны его сделать».

По мнению американского исследователя Дэвида Холловэя, Сталин «дал ясно понять, что в экономической политике, как и до войны, приоритет будет принадлежать тяжелой промышленности, чтобы подготовить страну на случай новой непредвиденной войны» Жизнь заставляла. «В новом пятилетнем плане первостепенное внимание уделялось передовой технике, появившейся во время второй мировой войны, — радиолокации, ракетам, реактивным двигателям и атомной бомбе».

Это не означало прекращения демобилизации армии, которая в мае 1945 г. составляла 11 млн. 365 тыс. человек. К концу 1947 г. в рядах Советской армии было 2 млн. 874 тыс. человек. Государственный бюджет сократился со 137,8 млрд. рублей в 1944 г. до 66, 3 млрд. рублей в 1947 г.

В сентябре 1946 г. новый посол СССР в США Н. Новиков написал памятную записку, оказавшую немалое влияние на Кремль. «Соединенные Штаты вышли из войны более мощными, чем прежде, а теперь намереваются главенствовать в мире. Два основных соперника, Германия и Япония, потерпели поражение, а Британская империя стояла перед лицом огромных экономических и политических трудностей. Советский Союз стал главной преградой на пути американской экспансии. Советский Союз, со своей стороны, теперь занимает более прочное международное положение, чем перед войной. Советские войска в Германии и в других бывших вражеских государствах стали гарантией того, что эти страны не будут использованы снова для нападения на СССР». Трумэна Новиков характеризует как «слабого политика с умеренно консервативными взглядами», отвернувшимся от поисков сотрудничества с военными союзниками». Спекуляция на угрозе войны, — пишет Новиков, — очень распространилась в США.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ СУДЬБА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Они поднимутся

Сталин все более проникался значением атомного оружия, но он был исключительно высокого мнения о Германии и Японии — при любых обстоятельствах. «Япония не будет разорена, даже если она подпишет безоговорочную капитуляцию, как Германия. Обе эти нации очень сильны. После Версаля все думали, что Германия не поднимется. 15-20 лет — а она восстановилась. Нечто подобное случится и с Японией, даже если ее поставят на колени.

Советскому Союзу нужны Курильские острова. „Мы закрыты. У нас нет выхода. Нужно сделать Японию уязвимой со всех сторон: с севера, запада, юга и востока — тогда она будет смиренной. Нам нужны Дальний и Порт-Артур на 30 лет. На случай, если Япония восстановит силы. Мы могли бы ударить по ней оттуда. Япония поднимется снова, как и Германия“.

В секретном бюллетене Информационного бюро Центрального Комитета от 1 июля 1945 г. сообщалось, что реакционные круги в Англии хотят компромиссного мира с Японией, чтобы воспрепятствовать Советскому Союзу усилить свое влияние на Дальнем Востоке. Тот же вопрос обсуждается в американской прессе. Хрущев вспоминал: «Сталин нажимал на наших офицеров, с тем, чтобы начать боевые действия как можно раньше. Сталин сомневался, что американцы сдержат свое слово... Что, если японцы капитулируют раньше, чем мы вступим в войну? Американцы смогут сказать тогда, что они ничем нам не обязаны».

Когда Потсдамская конференция завершила свою работу, взоры всех обратились на Дальний Восток — там, на Тихом океане и в Китае шла последняя фаза второй мировой войны. Там Америка и Россия должны были окончательно определить свои отношения. Россия пообещала начать наступление в Маньчжурии, а американцы готовили к использованию атомные бомбы.

Этот регион пережил невероятные потрясения. Старый порядок, при котором колониальные державы владели ситуацией и правили целыми странами, уходил в прошлое. Подлинное социальное цунами охватило важнейшие страны региона. В этой ситуации желание Соединенных Штатов овладеть контролем над самой населенной частью земли столкнулось с национальными и социальными движениями, что отягчало американскую задачу. Что обеспечило неизбежную турбулентность в этом районе мира? Дело оказалось в том, что новый мировой гигант — Соединенные Штаты Америки поставили перед собой цель «вернуть» регион в состояние, в котором он пребывал до второй мировой войны — и только тогда начать медленный процесс реформирования, сдерживая революционные силы, препятствуя разрушителям статус кво. Исходя из таких идеальных предположений, Вашингтон планировал реформировать Японию, приступить к обновлению необъятного Китая. Закрепление в этих двух странах должно было обеспечить Америке безусловное господство в Азии.

Новая доминирующая сила в этом крупнейшем регионе мира должна была подкосить мощь европейского колониализма с его военными анклавами и деловой импотенцией. Новый экономический опекун — Соединенные Штаты — готовились занять позиции прежних европейских опекунов и владельцев. Объектам американской политики было обещано дарование национальной независимости, но только после значительного подготовительного периода. Речь могла идти о десятилетиях.

Соответствовало ли такое видение чаяниям азиатских народов, ожиданиям новой эры, когда самый большой азиатский хищник — Япония потерпел сокрушительное поражение? Азия была слишком велика, чтобы осуществлять над ней контроль. Значительная часть американских политиков осознала это значительно позже. А пока, восстанавливая довоенный статус кво, американцы стремились на текущем этапе воспользоваться остаточными силами колониализма и остаточного консерватизма для создания стартовой площадки американского вхождения в Азию, где до войны США доминировали только на Филиппинах. Эта стратегия Вашингтона объективно входила в противоречие с мыслями, надеждами и чаяниями азиатских народов, не желавших отдавать американцам своего будущего. Эти народы только что сражались с японскими агрессорами, они были вооружены воодушевлены и вовсе не хотели попадать в новую опеку.

3 августа Трумэна оповестили о готовности использовать против Японии атомное оружие. «Величайшая вещь в истории» — назвал ее президент. Не все в Японии поверили в технологический успех американцев. Но специалисты военно-морского флота поверили. Это «та самая бомба, над которой противник экспериментировал так много лет». Американцы хотели закончить войну быстро. Трумэн в своем заявлении о создании в США атомной бомбы указал и на то, что последует вторжение на японский архипелаг — он полагал, что для этого абсолютно необходимо «связать» японские силы на континенте, а для этого выход Советской армии на

равнины Маньчжурии был безусловно необходим.

9 августа 1945 г. советское правительство уведомило послов Аверелла Гарримана и Кларка Керра о том, что СССР вступает в войну против Японии (как было обещано: ровно три месяца после окончания войны в Европе). Обращаясь к советскому народу, Сталин напомнил об унижениях, нанесенных России в 1904-1905 годах. Но уже в этот день Сталин сказал американскому послу Гарриману, что Япония готова выйти из войны — об этом в Москве говорил посол Сато. Именно в этой беседе Сталин сказал Гарриману, что советская сторона давно знает о процессе создания атомной бомбы. (Настало время вспомнить, что военный министр Стимсон давно предупреждал обоих президентов — и Рузвельта и Трумэна — о том, что русские неизбежно узнают об атомной эпопее).

На следующий день президент Трумэн сказал на пресс-конференции в Белом доме всего четыре слова: «Россия объявила войну Японии». Россия начала войну на Тихом океане и теперь только она сама могла определить пределы — территориальные и временные — своих действий.

Из внешнего мира только Чан Кайши с энтузиазмом приветствовал шаг Москвы, в надежде, что русские теперь освободят Китай от японцев. Утром 9 августа американцы сбросили вторую атомную бомбу на Японию — на Нагасаки. Нетрудно заметить, что американское руководство еще физически не могло оценить эффект первой атомной бомбардировки и влияние на Токио факта вступления в войну России. Огромные флоты бомбардировщиков продолжали бомбить японские города. В Вашингтоне полагали, что понадобятся новые атомные удары. Для японцев или для русских? Все более становилось очевидным, что Вашингтон стремится ограничить боевые действия Советской армии Маньчжурией, и никак не допустить ее на собственно Японские острова. Буквально с каждым днем становилось ясным, что целью американцев является тотальный контроль над Японией. В Вашингтоне рассуждают, что от Японии требуется быстрое согласие на капитуляцию. Но уже задавались вопросы, легко ли будет добиться этого?

Утром 9 августа 1945 г. император и премьер Судзуки решили принять потсдамские условия капитуляции. Через Швейцарию японское решение достигло Вашингтона, где не ожидали столь быстрого кумулятивного действия атомной бомбардировки и вступления в войну СССР. Здесь думали о примерно двух месяцах — что тоже считалось значительным ускорением военных действий, о которых военные планировщики США полагали как о растянутых на календарный год.

Гарриман в Москве говорил советскому руководству, что, поскольку Советский Союз участвует в войне только два дня, он должен в коалиционной стратегии подчиняться давно ведущей войну Америке, ее главнокомандующему. Новый язык. Ничего подобного не говорилось советскому руководству в долгие 1943-1944 гг., когда обращение СССР к Дальнему Востоку так приветствовалось. Но и американцы теперь постепенно начали понимать, что абсолютной сговорчивости до пределов покорности от России 1945 г. уже никто не добьется. Не для того Россия принесла на алтарь победы такие жертвы. Никто не мог теперь уверенно указывать Советской России, что ей делать. Двухнедельное наступление Советской армии против Квантунской армии (714 тыс. человек) включало в себя, в частности, высадку парашютного десанта на Порт-Артур и Дайрен (Дальний). Последнее, помимо прочего, говорило о том, что американцам не придется брать эти порты раньше советских войск.

В ночь на 10 августа Гарриман потребовал от Молотова согласия с американскими условиями капитуляции, включавшими в себя сохранение поста императора. И здесь Молотов изложил то, чего более всего боялись американцы: СССР должен иметь право голоса в Союзном командовании по Японии и свое влияние на формирование оккупационного правительства. Здесь пролегал одна из линий, ведущих к холодной войне: Гарриман указал, что подобное условие «абсолютно неприемлемо». Молотов напомнил о колоссальных усилиях России в Европе. Гарриман считал, что русские сознательно затягивают ход военных действий, его озлобленность была очевидной. Сталин посчитал нежелательным ухудшать отношения с американцами, и при его непосредственном участии СССР снял свои претензии, что было воспринято в Вашингтоне с большим удовлетворением. Здесь твердо решили, что Германия не будет примером в данном

случае для Японии; Америка решит оккупационные проблемы сама.

Как должна была воспринять это Москва?

Еще во время Потсдамской конференции военный министр Стимсон жестко выставил правила отстранения России от процесса будущего управления Японией. Министр считал желательным отстранение русских и от управления Курилами. Стимсон хотел иметь «дружественно настроенную по отношению к Соединенным Штатам Японию на случай какой-либо агрессии России в Маньчжурии».

Не все на военно-политической верхушке США разделяли эту жесткую линию. В начале августа начальник комитета начальников штабов генерал Маршалл напомнил президенту Трумэну, что американские вооруженные силы все еще очень нуждаются в помощи союзников, России в первую голову — для того, чтобы сокрушить вооруженные силы Японии, обильно присутствующие на континенте. «Русских нужно просить оказать в этом помощь. Возможно союзным войскам следует высадиться на Японских островах при американском техническом содействии, хотя общее руководство оккупированной страной США должны сохранить за собой». 11 августа 1945 г. государственный департамент, военное и военно-морское министерства согласовали между собой «меморандум о политике»: какие бы контингенты союзники ни были послали в Японию, только Соединенные Штаты будут иметь право назначать верховного главнокомандующего объединенными оккупационными войсками. Президент Трумэн немедленно подписал этот меморандум и все протесты русских (и англичан) не имели ни малейшего успеха.

10 августа 1945 г. государственный секретарь Дж. Бирнс заявил членам кабинета, что в Японии не будут повторены ошибки, допущенные при создании оккупационного режима в Германии. Г. Трумэн писал: «Мы хотели, чтобы Япония контролировалась американским командующим... Я был полон решимости не повторить в случае с оккупацией Японии нашего немецкого опыта. Я не хотел совместного контроля или отдельных зон».

Успешное продвижение Красной Армии, освобождавшей Корею от японского ига, вызвало в Вашингтоне почти панику. Координационный комитет госдепартамента, военного, а также военно-морского министерств, срочно составил рекомендации государственному секретарю Дж. Бирнсу о необходимости передислокации американских войск в Корею так далеко на север, насколько было возможно. Это явилось сложной задачей. Из Вашингтона требовали попытаться продвинуться до 38 параллели, что при имевшихся у США материальных возможностях было практически неосуществимо. У Советского Союза, если бы он захотел вести себя, не учитывая мнения и желаний союзника, была полная возможность продолжать движение на юг. Однако, демонстрируя союзническую солидарность, СССР согласился с американскими пожеланиями.

На востоке плацдармом для американского влияния должны были служить Китай и Южная Корея. На территорию последней прибыла 24-я армия США, и ее командир генерал Дж. Ходж, к разочарованию освобожденных от японского владычества корейцев, объявил в сентябре 1945 г., что японский генерал-губернатор и японские власти на определенное время сохранят свои функции. Созданная из коллаборационистов совещательная комиссия воспринималась населением Кореи как продолжение японского гнета. Такой урок «демократии» отнюдь не вдохновил корейцев. Начались волнения, вину за которые американская военная администрация с необычайной легкостью возложила на власти той Кореи, которая создавалась севернее 38-ой параллели. На американском самолете из Китая прилетел лидер правых кругов Ли Сын Ман, получивший образование в США. Он был готов выполнить любое желание своих покровителей и создать новый плацдарм для создания американской глобальной зоны влияния.

Крах старого порядка в Азии

14 августа 1945 г. японское правительство приняло американские условия капитуляции. А 2 сентября на рейде Токио представители Японии подписали условия капитуляции. Именно в эти дни американцы выработали условия своего безоговорочного управления сдавшейся страной.

Никто не имел права вмешиваться в процесс этого управления — особенно это касалось Советского Союза.

Главной проблемой Соединенных Штатов было то, что они хотели перехватить своеобразную «пальму первенства» в Азии, не меняя при этом общего порядка вещей, не круша «старого порядка». Это было невозможно. Высвобождение от японского гнета вызывала невероятные по мощи силы, меняющие прежний строй азиатских государств. Особенно это сказывалось в Китае. Старый колониальный прядок получал смертельный удар. Подъем левых (и часто антизападных) сил был очевиден в Китае, Корее, Индокитае, на Филиппинах, в голландской Ист-Индии. Только сама Япония, жестко взятая в оккупационный оборот генералом Макартуром, не колебалась в левом направлении, остальные страны региона встали на грань социального взрыва. С целью предотвратить этот взрыв президент Трумэн 14 августа 1945 г. издал «Общий приказ № 1». Это был очень значимый документ, порожденный в недрах военного министерства США и рассчитанный на получение американцами контрольных позиций во всем регионе

Смысл этого приказа был в том, что японские войска должны были в строгом порядке сдаваться именно американцам во главе с генералом Макартуром, а не всевозможным силам сопротивления. Этот приказ должен был помочь Вашингтону овладеть всей огромной сферой японского колониального влияния. Трумэн и окружающие его военные хотели вырвать территории, сдаваемые китайцам (особенно китайским коммунистам) и русским, под контроль нового претендента на безусловное могущество в Азии. Многие в этой ситуации зависело от Советской России, которой и в этом случае американцы не уделяли даже вежливого внимания. Степень выполнения «Общего приказа № 1» должна была показать степень готовности русских занять подчиненное положение в новой, америкоцентричной системе. Особенно в Корее, в Северном Китае, там, где сильны были левые силы.

Характерно то, что Трумэн послал этот документ Сталину (и Эттли) вовсе не для согласования или присоединения, а для ознакомления. В нем обуславливалась вся процедура сдачи японских вооруженных сил повсюду. Сталин обязан был либо отвергнуть этот своего рода приказ, либо выразить свое полное согласие с ним. На этом этапе Сталин был далек от противостояния жестким американцам. Сталин достаточно осторожно напомнил своим американским союзникам их обещание в Ялте, которое можно было трактовать как создание в Японии оккупационного механизма, схожего с оккупационной системой в поверженной Германии. Советская армия имела право по-своему принимать капитуляцию японских войск на русском отрезке фронта. Но присланный американцами документ отрицал за Советской армией такое право — она должна была подчиняться верховному союзному главнокомандующему генералу Макартуру. Сталин не мог диктовать Трумэну, как принимать капитуляцию в Токио, но как эта процедура должна была происходить в Северном Китае — иное дело. Фактически мы видим в первый раз как Сталин, и Трумэн довольно жестко настаивают на своих правах.

Удивительно! Вместо благодарности союзнику, который скрупулезно выполнил (в отличие от США в 1942-1943 гг.) обещание начать наступление, Трумэн высокомерно диктует нечто немыслимое: русские маршалы должны согласовывать свои действия с самозванным американским главнокомандующим. Почему тогда Эйзенхауэр и Монтомгери летом 1944 г. не подчинялись Сталину и Жукову, чьи армии обеспечивали успех высаживающихся в Северной Франции союзных дивизий?

Сталин незамедлительно потребовал-попросил части прав в оккупации гряды Курильских островов, которые на Ялтинской конференции были обещаны России. Сталин хотел также присутствия советских войск на Северном Хоккайдо — принимая здесь капитуляцию японских войск. Читатель, обрати внимание: Трумэн в Японии жестко противостоит тому, что ему фактически было даровано в Германии. Американский президент соглашался выполнить ялтинское обещание и предоставить России Курильские острова при том условии, что Америка получит большую военную базу посредине Курильской гряды. При этом полная власть в оккупированной Японии принадлежит генералу Макартуру. 22 августа Сталин выразил

недоумение по поводу американского своеволия и напомнил Трумэну, что в Ялте об американской базе на Курилах речи не было. Сталин писал, что у него вызывает шок требование, которое обычно адресуется побежденной стороне. Этот обмен обвинениями и требованиями важен; американцы требуют, как минимум, права пролета над Курильскими островами — только на этом условии Трумэн соглашается предоставить Курильские острова России. От дружелюбности к весьма холодной корректности идет процесс формирования новых отношений между США и СССР.

США и СССР могли определить степень своих усилий и своей решительности прежде всего в Корее. С американской стороны задача состояла в том, чтобы предотвратить попадание Кореи в советскую зону влияния, создать условия для американского проникновения на Корейский полуостров и постепенно наращивать американское присутствие здесь. В ходе второй мировой войны Соединенные Штаты выступали сторонниками немедленного предоставления независимости Корее как старейшей японской колонии. Был найден «верный друг» Америки — Ли Сын Ман; именно он предупредил государственный департамент относительно опасности созданных на территории СССР коммунистических корейских дивизий, готовых в любой момент перейти советско-корейскую границу. Имея именно это в виду, американцы, поднявшие корейский вопрос на Каирской конференции в ноябре 1943 г., неожиданно для многих исключили русских из коммюнике.

Не все в американском руководстве поддерживали такое лихое исключение России из решения касающихся ее проблем. Так госсекретарь Хэлл считал исключение России большой ошибкой. Но победил те чиновники госдепартаменты, которые полагали, что русские немедленно сделают из Кореи сателлита, как только перейдут советско-корейскую границу. Россия однако была нужна, и так очевидно игнорировать ее было рискованно. В Ялту американцы пришли с идеями четырехстороннего опекунства (США, СССР, Китай, Британия) над Кореей в виде централизованного опекунства. Это по видимости. А по существу американцы надеялись опекать Корею вдвоем с Китаем, желая при этом «играть главенствующую роль в оккупации и в военном правлении». Сталин не хотел ссориться с американцами из-за Кореи, он просил только сократить период опеки с 30 лет до нескольких лет.

Когда дело перешло в конкретную плоскость, американские планировщики поставили перед своими военными чинами задачу продвинуться с юга как можно дальше на север. Объединенный комитет начальников штабов в июле 1945 г. в случае неожиданного японского краха придавал корейскому порту Пусан положение второго по значимости места — сразу за Шанхаем. Но американские военные не верили в быстрое крушение Японской империи. По крайней мере, для них речь шла о нескольких месяцах. Быстрое развитие событий сказалось в том, что «Общий план № 1» предложил американским частям оккупировать корейскую территорию южнее 38-й параллели. На большее американцам надеяться было рискованно, так как советские войска перешли границу с Кореей 12 августа 1945 г. А американские войска прибыли только 8 сентября 1945 г.

Заметим: Сталин не отверг «Общий приказ № 1». Когда американцы двинулись на Инчон и Сеул, те были в глубине советской зоны оккупации, но советская сторона поступила сообразно пожеланиям американской стороны и отступила к северу от 38 параллели. Показательно, что американцы приказали японцам сохранять дисциплину южнее 38 параллели. Американские листовки призывали южнокорейцев слушать японское начальство. С самого начала американцы видели своей задачей создание барьера на пути коммунизма. Неожиданное требование получить всю корейскую территорию южнее 38 параллели показало американцам готовность советских властей уступить. Но также и меру этой уступчивости.

ОСС занялось прогнозированием. Среди проблем будущего на первом месте ставилась Япония, за нею следовал Китай. Юго-Восточная Азия стояла на пятом месте «как источник сырья и потенциальный рынок для американских товаров и инвестиций». Американцев не беспокоили Ахмед Сукарно и Мохаммед Хатта (ОСС оценило их как «первостепенных лидеров-коллорационистов»). Японцам в будущей Индонезии американцы приказали

оставаться на контрольных позициях до присылки американских войск. Несклонность Сукарно к связям левого толка привлекла к нему американцев.

В свое время на конференции в Тегеране президент Рузвельт призвал своих союзников — четыре великие державы — после войны к управлению французским Индокитаем. Это получило немедленную поддержку Сталина, предложившего, в конечном счете, предоставить Индокитаю независимость — но через двадцать-тридцать лет. Но далее американцы начали оказывать французам уступки. В феврале 1944 г. государственный департамент и министерство обороны США предложило при оккупации и управлении освобожденным Индокитаем использовать французские войска. Рузвельт сопротивлялся, но его все более покидали союзники, и ему противостояли англичане. 3 ноября 1944 г. президент Рузвельт заявил, что «мы еще не приняли окончательного решения относительно будущего Индокитая», и что Соединенным Штатам придется проанализировать соглашения с французами, англичанами и голландцами по поводу Юго-Восточной Азии».

Во главе Вьетмина Хо Ши Мин создал новую республику, декларация независимости которой была едва ли не слово в слово списана с американской Декларации Независимости: «Мой народ смотрит на Соединенные Штаты как на нацию, наиболее симпатизирующую нашему делу». То были напрасные потуги привлечь симпатии американцев, которые нашли эти мысли, как минимум, наивными. Американцы теперь не поощряли независимого Вьетнама. Они рекомендовали англичанам оккупировать территорию южнее 16 параллели, а китайцам — к северу. Фактически это означало передачу Вьетнама французам. Такое восстановление «старого порядка» давало американцам шанс на господство в Азии, но подобное противостояние левой, революционной волне означало так же зарождение конфликта, который всю разразился в 1960-е годы.

Китай

Но самое большое значение для будущего имел выход из войны огромного Китая. Именно Китай и мог стать самым большим яблоком раздора в отношениях двух победивших во второй мировой войне сверх держав. Сталин имел твердое намерение восстановить потерянное Россией в 1904-1905 годах. С этой мыслью он возвратился из Потсдама в Москву. Американцы, Трумэн в данном случае, всеми силами стремились не допустить доминирования в Китае одной державы. Они чрезвычайно не хотели, чтобы китайцы не пошли на большие уступки России.

В конце июля 1945 г. Объединенный комитет начальников штабов повторил свое стремление избежать боевых действий на огромных равнинах Китая, но снова озвучил желание оккупировать Шанхай и еще два северных порта для того, чтобы позволить гоминдану повернуться в направлении Северного Китая, предваряя заполнение вакуума русскими и китайскими коммунистами. Чан Кайши получил невероятную прежде возможность завладеть контролем над всем Китаем.

Чанкайшистский министр иностранных дел Ван Шичен, как и многие в окружении Чан Кайши, понимал, что в конкретике битвы на евразийском континенте Россия значит не меньше, чем могучая, но отдаленная Америка. Поэтому Ван Шичен вместе с послом Сунгом уже в начале августа 1945 г. был в Москве. Трумэн 5 августа предупредил китайцев, чтобы они сообщали американской стороне о каждой намеченной в пользу СССР уступке. На месте — в Москве — Гарриман внимательно следил за импульсивными китайцами. Те были чрезвычайно удовлетворены пересечением Советской армией китайской границы, они с большим одобрением восприняли окончательный текст Договора о дружбе и союзе — ведь русские могли отвернуться и приступить к выработке договора уже глубоко вклинившись в маньчжурские степи.

Совсем не так чувствовали себя в данном случае американцы, они с подозрением отнеслись к тексту советско-китайского Договора. Гарриман и Бирнс опасались, что советская сторона поставит Чан Кайши в тупик и заставит китайцев пустить русских слишком далеко. Договор следовал намеченным в Ялте идеям. Советская сторона обещала помогать только Чан Кайши,

освобожденные территории немедленно «вручались» гоминдану. Русские же возьмут себе в аренду на 3 лет Порт-Артур. Порт Дальний становился «свободным портом для коммерции и плавания всех наций».

В Тяньцзине царила эйфория как среди гоминдановцев, так и среди американских советников. Как писал в Вашингтон Херли, «договор убедительно демонстрирует поддержку советским правительством национального правительства Китая». По словам Г. Колко, «договор с Россией освободил руки Чан Кайши, а американцы вложили в эти руки пистолет». Ведемейер понимал, что коллапс японской армии создает вакуум, в который ринутся и националисты и коммунисты, что может привести их к схватке. Мао Цзэдун с горечью воспринимал роль США в Китае, действенно — посредством ленд-лиза — помогавших Чан Кайши.

10 августа 1945 г. американцы заверили Чан Кайши в своей полной поддержке. Местная политическая администрация будет передаваться от японцев только националистическому правительству. В ожидании сдачи японских дивизий Ведемейер призвал Вашингтон создать пять дополнительных дивизий националистов и немедленно двинуть их на японскую столицу Китая Нанкин, на национальную столицу Пекин, на южную столицу страны Кантон и на промышленно-коммерческую столицу Шанхай. Из Москвы Гарриман и Эдвин Паули решительно поддержали эту идею. Херли указал, что Соединенные Штаты должны предотвратить принятие китайскими коммунистами японской капитуляции. 14 августа «Общий приказ № 1» приказал японским силам в Китае на всех направлениях, кроме маньчжурского, возвратить прежде завоеванные территории — и только Чан Кайши, названному в приказе по имени.

Военное министерство США согласилось на создание только двух новых американских дивизий в Китае — и только после того, как будут найдены транспортные средства для их перемещения на континент. Министерство не было готово к перемещению вооруженных сил на грандиозные расстояния. Вследствие этого следовало помогать Чан Кайши. Теперь американский генерал Ведемейер перемещал войска гоминдана во все критически важные центры Китая. Радио националистов предупредило Мао Цзэдуна не принимать капитуляции японцев. 13 августа 1945 г. Мао Цзэдун заявил, что его жертвы в борьбе с японцами позволяют ему брать в плен солдат противника. С этого времени предотвратить гражданскую войну в Китае едва ли что могло.

Японцы держались за большие города — Шанхай, Пекин, Нанкин, Тяньцзинь. Они продолжали сражаться с коммунистами на севере. И все же в конце августа 1945 г. и коммунисты и националисты стали заполнять оставляемый японскими войсками вакуум. Армия Чан Кайши насчитывала три миллиона человек, ее вооружение было весьма внушительным и тот момент она достаточно успешно устремилась к ключевым точкам страны, противостоя неполному миллиону в рядах армии коммунистов. На определенное время она практически овладела контролем над Китаем. Вхождение в индустриально развитую Маньчжурию давало Чан Кайши новые дополнительные возможности. Валютные запасы гоминдана были внушительными, и казалось, что их хватит на индустриализацию всей страны. Под его началом были 300 млн. жителей страны — гораздо больше, чем 100 млн. в пределах контроля коммунистов.

Будучи теперь уверенны в успехе своего ставленника Чан Кайши, американцы теперь внимательно наблюдали за переговорами китайского посла Сунга и министра иностранных дел Молотова в Москве. На данном этапе американцев более всего интересовало будущее порта Дальний. 5 августа 1945 г. государственный департамент обязал посла Гарримана оказать воздействие на русских и китайцев с целью публикации двустороннего обещания о приверженности доктрине «Открытых дверей» в Китае. Во второй раз Бирнс с той же просьбой обратился к Гарриману 22 августа, особенно напоирая на «свободный порт Дайрен». Гарриман обратился к Сталину через пять дней. Советской стороне стали яснее американские цели в Китае. Американцам на данном этапе «вредили» те обстоятельства, что окончание войны выдвинуло экстренные проблемы, а «открытые двери» — благоприятный климат для американского бизнеса — стал видеться едва ли не отвлеченной проблемой.

Советская сторона все же достаточно вежливо попросила представить проект совместного советско-китайского заявления, столь желательного неугомонным американцам. И это американская сторона (а не советские контрпартнеры) не сумели довести до конца согласование между Москвой и гоминданом о будущем их отношений и степени открытости Китая в отношении Соединенных Штатов. В этой ситуации примечательно то, что значительная часть государственного департамента и вашингтонской элиты в целом стала желать укрепления Японии как противовеса китайскому политическому балагану. Поразительно, но Япония стала видеться более сопоставимой с американскими планами в Азии.

Президент Трумэн назначил банкира Эдвина Локка своим экономическим советником в огромном Китае: «Мы желаем видеть Китай тесно связанным экономически, политически и психологически с Соединенными Штатами». Китай следовало обеспечить американскими инвестициями и товарами.

Локк довольно быстро предупредил Трумэна, что только внешнее вмешательство может предотвратить коллапс националистического Китая. И все же официальный Вашингтон продолжал верить только в гоминдан и Чан Кайши. Гарри Гопкинс верил в то, что «новое поколение лидеров Китая, особенно Т.В. Сунг... готовы к тому, чтобы осуществить необходимые экономические реформы в Китае». Локк и Дональд Нельсон уговаривали Сунга положиться на американские консультативные фирмы для управления огромными индустриальными комплексами в Маньчжурии. Первостепенной становилась задача подготовки китайских дублеров вместо японских технических специалистов. Имеющееся следовало сохранить, а потенциальное приумножить. И сделать так, чтобы «государственно-управляемые компании» Китая не конкурировали с частным американским бизнесом.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ ДИПЛОМАТИЯ ПОСЛЕВОЕННОГО МИРА

Жаркое лето 45-го

Через шесть недель после Потсдама состоялось первое заседание Совета министров иностранных дел. Поскольку война с Японией была фактически закончена, все большее значение приобретало противостояние Запада и Востока. На этот раз США прямо поставили пред собой задачу изменить советскую политику в Восточной Европе. Как видно сейчас, Трумэн, новичок в международной сфере, был только счастлив предоставить внешнюю арену государственному секретарю Бирнсу.

На этот раз сценой встречи был Лондон. Стимсон пытался повлиять на Бирнса, но безрезультатно: «Его ум полон проблем, связанных с предстоящей встречей министров, и он смотрит на бомбу в своем кармане как на величайшее дипломатическое оружие». Стимсон же испытывал сомнения относительно дипломатического применения атомной бомбы. Сомнения у Трумэна зарождал ответственный за атомный проект Ванневар Буш. Бирнс не поддавался скептикам. Он не собирался бряцать бомбой, но русские должны были помнить, у кого есть «финальное оружие».

Русские сами напомнили о новом факторе межсоюзнических отношений. На приеме в палате лордов Бирнс спросил Молотова, когда окончатся туристические прогулки и министры примутся за дело? В ответ Молотов спросил, носит ли государственный секретарь в кармане атомную бомбу? Бирнс: «Вы не знаете южан. Мы носим наше оружие на бедре. Если мы приступим к работе, я сниму бомбу с бедра и дам ее подержать». Молотов и его переводчик смеялись. Что им оставалось? Во время очередного банкета Молотов предложил тост за бомбу. «Мы тоже имеем ее». Бирнс полагал, что русские хотели сделать вид, что страшное оружие есть и в их арсенале. Американские историки приходят к заключению, что атомное оружие не пугает их, что они готовы обсуждать другие проблемы безотносительно к «абсолютному оружию».

Эта лондонская сессия не дала ощутимых результатов. Указывая на опыт СССР в решении межнациональных проблем, Молотов запросил право опеки над прежней итальянской колонией Ливией — чтобы немедленно получить отказ западных держав, уверенных в том, что русские направляются к Бельгийскому Конго. Молотов прямо сказал, что, если Запад не даст СССР Ливию, то он удовлетворится Бельгийским Конго. Никто не знал, до какой степени русские серьезны. Возможно, они просто готовили контрответ потенциальному вмешательству Запада в дела Восточной Европы. Ян Смэтс из Южной Африки просил не давать русским неподопечных территорий («а то они взбунтуют племена»). Бирнс отверг требование Молотова получить право участия в работе Контрольной комиссии по Японии. Англичане, хотя сами и хотели получить подобное право, поддержали американцев.

Самой большой проблемой лондонской сессии были Балканы. Здесь главенствовали представители «рижской аксиомы» — послы США и их кураторы их восточноевропейского отдела госдепартамента. Они (Барнс — Болгария; Берри — Румыния; Сквайрс — Венгрия; Кэннон — шеф отдела Южной Европы) оценили советские предложения как «попытку ликвидировать американские попытки в реконструкции Балкан и еще более усилить советские позиции здесь. Американцы упорно забывали, что они имеют собственные сферы ответственности в Италии и Японии, где Советский Союз дал им полное право действовать по собственному усмотрению.

Бирнс пока не был настроен рвать все нити: «Для всего мира существенно чтобы наши нации продолжали сотрудничать». Он «одобрил» ситуацию в Финляндии и Венгрии, где действуют демократические законы. США готовы признать Венгрию, это была своего рода мера «поощрения» России. Но заключать мирные договоры с Румынией и Болгарией США пока не намерены. Бирнс сказал, что его идеал — создать правительства и демократические и одновременно дружественные в отношении СССР — «две характеристики, которые не являются взаимоисключающими».

Молотов напомнил, что Советский Союз не препятствует в создании договора с Италией. Не пойдут ли США тем же путем на Балканах, в Финляндии и Венгрии? Молотов определенно сказал, что Москва не потерпит существование враждебного себе правительства в пределах зоны своего влияния. Если СССР не протестовал западному типу решения в Италии, то почему Запад должен вторгаться в советскую зону влияния? А что если и СССР оговорит признание Италии особыми реформами и социальными условиями.

Напрасно. Признавать сферу влияния СССР США не намеревались. Это было декларировано весьма жестко. В качестве альтернативы Бирнс предложил Молотову идею гарантируемой четырьмя державами демилитаризации Германии сроком на двадцать пять лет. Молотов назвал эту идею «очень интересной» и обещал передать ее в Москву.

Молотова на данном историческом отрезке волновало не это. Он был в высшей степени раздражен преамбулой договоров с прежними немецкими союзниками, в котором он увидел «вызов Советскому Союзу». Бирнс твердо стоял за преамбулу. Большие споры 20-21 сентября 1945 г. вызвали договоры с балканскими странами. Постоянный обмен колкостями. Ждали проявления позиции Франции, впервые присутствующей на заседании министров иностранных дел. Во французском правительстве тогда присутствовали коммунисты, и определить линию Парижа было непросто. Но прошло немного времени и стало очевидно, что министр иностранных дел Бидо стоит в одном ряду с американцами и англичанами (от которых Париж ждал экономической помощи и политической поддержки). Китайские делегаты отличались молчаливостью и вежливостью, но и они весьма скоро показали, на чьей они стороне.

Видны метания советской стороны. 22 сентября Молотов заявил, что неучаствовавших в потсдамских соглашениях французов и китайцев не следует приглашать к обсуждению восточноевропейских дел. На следующий день Бевин в частном порядке встретился с Молотовым. Ничего хорошего не следовало ожидать от встречи, которую Бевин начал словами, что «советско-британские отношения дрейфуют в том же направлении, что и прежние наши отношения с Гитлером». Не лучший день британской дипломатии. (После Бевин будет говорить,

что он имел в виду, что «отсутствие откровенности ведет к возникновению ситуаций, которые невозможно будет исправить»).

Но сравнивать советскую сторону с нацистской сразу после такой войны не следовало. Неудивительно, что советская сторона восприняла слова Бевина не так. Молотов ответил Бивену незамедлительно: «Гитлер смотрел на СССР как на страну, стоящую ниже. Как на страну, являющую собой лишь географическое понятие. Русские смотрели на дело иначе. Они считали себя не хуже других. Русские не желают, чтобы на них смотрели как на низшую расу». Бевин ответил, что ни британское правительство, ни лейбористская партия не смотрят на русских как на низшую расу. Но у Англии сложилось впечатление, что с ними обращаются как с низшими и русские и американцы». Молотов энергично отстаивал возросшую роль СССР в Средиземном море. «Британия не может бесконечно владеть монополией на Средиземное море». Молотов жаловался на беззубую работу Комиссии по германским репарациям.

Бирнсу Бевин сказал, что противодействие СССР участию французов и китайцев в обсуждении восточноевропейских дел «легально справедливо, но морально несправедливо». Государственный секретарь США сообщает по телетайпу в Белый дом: Молотов просто «сошел с ума, из-за того, что Соединенные Штаты и Британия не признают Румынии». Один из членов советской делегации сказал Болону: «Я не понимаю государственного секретаря. Нам говорили, что он — практичный человек. Но он ведет себя как профессор. Когда же он собирается начать переговоры?». Настоящие переговоры так и не начались. А ожесточение накалялось. В частном разговоре Бирнс сказал про Молотова, что тот старается «исхитриться сделать то, что Гитлер делал в отношении малых стран при помощи силы». Во время сессии Бевин — новое без тормозное орудие Запада — сказал, что поведение Молотова — «самое близкое к теориям Гитлера». Молотов встал и направился к выходу, и только извинения Бевина остановили этот его.

В американской делегации вместо достаточно лояльного Бирнса вперед стали выходить ненавидящие компромисс сторонники «чистых принципов», такие как старший республиканец в делегации Джон Фостер Даллес (родственник нескольких государственных секретарей США) и сам «заново рожденный христианин». Мягкий и спокойный в манерах, он был жесток и резок в действиях, принципах и предложениях. Самый оплачиваемый адвокат в стране, он требовал жесткости и осуждал компромиссы. Все видели его большое политическое будущее; он был главным внешнеполитическим советником кандидата от республиканцев на президентский пост Дьюи. Журнал «Ридерс дайджест» обвинил как «фантастическое» утверждение потенциального госсекретаря республиканцев в то, что тот утверждал, что обе стороны — американцы и русские — имеют основания не доверять друг другу. Даллес спокойно ответил: «Тот факт, что миллионы американцев разделяют ваши взгляды относительно недоверия к русским, должен вызывать недоверие русских».

Даллес считал, что «русское доверие должно проявить себя проявить себя в желании подчинить советские интересы универсальным приказам, предписываемым Америкой». Как главный советник американской делегации и «юрист» сенатора Ванденберга на конференции ООН в Сан-Франциско, Даллес категорически выступал против концепции консорциума великих держав, поскольку такой консорциум будет «арбитром мира». А Даллес хотел видеть единовластного арбитра мира. В Сан-Франциско Даллес решил, что русские хотят создания такой международной организации, которая дала бы им действовать за пределами своей зоны влияния. Теперь, в Лондоне, Даллес видел в русских только худшее. А более всего он опасался понятия «умиротворение». Он хотел, чтобы в учебниках истории этого понятия рядом с его именем не стояло никогда. И видя Бирнса, желающего после (сознательного) ожесточения повернуть к компромиссу, Даллес воспротивился. Даллес заявил, что компромисс будет первым — и роковым шагом к умиротворению. Если Бирнс пойдет своим путем, Даллес начнет атаку против него в американском обществе. Помня судьбу президента Вудро Вильсона, госсекретарь не мог не чувствовать беспокойства. Между внутри американским и всемирным компромиссом возникло противоречие, серьезно обеспокоившее Бирнса.

Последняя попытка компромисса была предпринята во время беседы с Молотовым, обеспокоенным прежде всего признанием Румынии и Болгарии. Молотов пообещал, что в случае признания тих двух стран в них будут немедленно проведены выборы. Он просил изменений в составе правительства этих стран, которые убедили бы весь мир в репрезентативности этих правительств. Молотов сказал, что это невозможно. Но Советский Союз справедливо опасался создания такой международной системы, которая могла всей мощью направиться на советские интересы.

Конференция закончилась без протокола, что было открытым признанием ее провала. В передовой статье «Известий» от 5 октября 1945 г. прозвучало предупреждение о возможном прекращении сотрудничества — «оно будет прервано, если Соединенные Штаты и Англия не изменят свое отношение к существующим соглашениям».

Американцы и их союзники

Когда война еще только выходила на свою победную прямую, многие полагали, что в грядущем мире главными противостоящими друг другу силами будут русские и англичане, в то время как американцы уйдут в свое полушарие, под сень «доктрины Монро», в скорлупу изоляционизма, и возможно возьмут на себя роль арбитра. Только Лондонская конференция окончательно показала, что противостоящими друг другу полюсами являются США и СССР.

В британском Форин Оффисе царило странное чувство: здесь привыкли к успехам военных конференций и лондонский провал требовал осмысления. В чем причина провала? Заведующий советским отделом — замминистра иностранных дел Орм Сарджент руководствовался мнением, что Советский Союз пытается пробиться на Ближний Восток и в Средиземноморье. Зачем? Премьер-министр Эттли полагал, что русскими движет «очень глубокий комплекс неполноценности». Ведущая фигура министерства иностранных дел Диксон объяснял дело «острой завистью к нашим позициям в Средиземноморском бассейне и на Ближнем Востоке теперь, когда Франция и Италия дегенерировали в качестве мировых держав».

Все это происходило на фоне общего ощущения непомерной тяжести империи, традиционного страха в отношении России. Британские геополитики боялись, что русские воспользуются обнаружившейся очевидной слабостью Британской империи и самого Объединенного королевства и постараются перехватить заморские позиции своего традиционного соперника.

Так или иначе, но советская делегация все более ощущала свое одиночество и изолированность. Враждебность англичан не была новостью. Еще в Потсдаме Молотов жаловался Джозефу Дэвису, что британский Форин Оффис убежден в том, что «Советский Союз посягает на их империю. Ничто, что Советский Союз может сделать или сказать, не может убедить их в том, что русские не желают больше того, что они имеют, за исключением безопасности». Что, англичане забыли о «процентном» соглашении 1944 г.? Или русские не соблюли своего обещания отстоять от греческих дел? Русские очень хорошо помнили заявление президента Трумэна на второй день начала работы Потсдамской конференции: «Мы не позволим вмешательства какого-либо неамериканского государства в дела наций Северной, Центральной и Южной Америки». Это канон. Но тут же Соединенные Штаты объявили острова Тихого океана необходимыми для их безопасности и взяли на себя исключительные права по контролю над Японией. Пока союзные министры иностранных дел заседали в Лондоне, президент Трумэн объявил о контроле генерала Макартура над Японией. Сам Бирнс осудил этот жест, «потому что Сталин думает, что мы действуем в Японии точно так же, как он действует в Восточной Европе».

СССР без скандала и сопротивления отдал Италию Соединенным Штатам и Британии. Почему же США и Британия столь недружественны по отношению к России в Румынии и Болгарии? Русские осознавали мощь ядерного оружия. На банкете в Лондоне Молотов сказал: «Конечно, мы должны с великим вниманием слушать то, что говорит мистер Бирнс, потому что Соединенные Штаты являются единственным народом, производящим атомные бомбы». Но

уважение не означает сервильность.

Секрет атомного оружия

Единственная серьезная попытка более внимательно, более вдумчиво подойти к проблеме ядерного оружия принадлежала ветерану американской дипломатии Г. Стимсону. 21 сентября 1945 г. военный министр Г. Стимсон последний раз участвовал в заседании кабинета министров. Предметом обсуждения был его прощальный меморандум, венец 50-летней карьеры политика, увидевшего и понявшего опасности ядерного века, риск «атомной дипломатии». В своем последнем выступлении Г. Стимсон привел мнение ученых о том, что атомные секреты, секреты научных открытий Нельзя сохранить — развитие науки в других странах неизбежно лишит США их ядерной монополии, а впереди встанет вопрос о создании еще более мощной водородной бомбы.

«Будущее мира, — сказал Г. Стимсон, — зависит от советско-американского сотрудничества, а такое сотрудничество невозможно, когда один из партнеров полагается не на сотрудничество, а на односторонние возможности». Отношения с СССР «могут быть непоправимо ухудшены тем способом, которым мы пытаемся найти решение проблемы атомной бомбы... Ибо, если мы не сумеем найти подхода к ним сейчас, а будем лишь продолжать вести переговоры с СССР, держа это оружие демонстративно у своего бедра, подозрения и неверие (СССР — А. У.) в наши цели и мотивы будут увеличиваться». Г. Стимсон предлагал достичь определенной договоренности по ядерному вопросу между великими державами. Альтернативой этому была лишь безудержная гонка вооружений. И никто не мог дать Соединенным Штатам гарантий на постоянное лидерство в этой области.

Противники улучшения советско-американских отношений, приверженцы использования «сверхоружия» истолковали предложения Г. Стимсона не как предостережение, а как призыв к тому, чтобы поделиться с СССР ядерными секретами (что абсолютно не соответствовало смыслу высказываний военного министра). Члены кабинета Андерсон и Винсон искажали смысл речи Стимсона, задавали присутствующим вопрос: «Почему тогда не поделиться с СССР всеми военными секретами?»

Даже президент почувствовал необходимость остановить такой ход «обсуждения». «Речь не идет, — прервал он дискуссию, — о передаче атомных секретов русским, речь идет о выработке методов контроля над ядерной войной, столь же губительной для США, как и для любой другой страны».

Голос реализма звучал недолго. Решающий удар трезвому подходу к опасностям ядерного века нанес министр военно-морского флота Дж. Форрестол. Он заявил, что технология производства атомной бомбы принадлежит американскому народу, распоряжаться этой собственностью без его согласия нельзя. Было принято решение «всеми силами сохранять достоинство американского народа... Русские, как и японцы, являются азиатами по своей сущности... Сомнительно, чтобы мы могли купить их понимание и симпатию. Мы однажды пытались сотрудничать с Гитлером. Но возврата к умиротворению нет». Внутренне ожесточение росло. Форрестол заявил, что Уоллес был «полностью, постоянно и всем сердцем за передачу ядерных секретов русским». А Уоллес заметил, что «министр Форрестол занял наиболее крайнюю позицию из всех возможных... воинственную, рассчитанную на большой флот позицию».

Трумэн предложил членам кабинета предоставить письменное изложение своей позиции. Паттерсон и Ачесон предпочли поддержать сравнительно мягкий курс Стимсона. Но вернувшийся из Лондона Бирнс выступил на стороне тех, кто стоял за жесткий курс в вопросе об атомном оружии. Он хотел выработать условия грядущего мира с русскими до совещаний с ними по вопросу об атомном оружии. Он не верил в действенность инспекций. Если американцев не пускают даже в Румынию и Болгарию, «было бы по-детски наивно верить в то, что русские позволят увидеть все, что они делают». Цитируя советско-германский пакт и выход СССР из

договора о ненападении с Японией, «едва ли было бы мудрым полагаться на их слово».

Министр сельского хозяйства Андерсен сказал: «Я внимательно слушал мнения о том, что русские способны сделать атомную бомбу в течении пяти лет. Я в этом сомневаюсь... Мы знаем, что в производстве атомной бомбы присутствовал определенный элемент американского математического и механического гения, который дал нам автомобильную промышленность, огромные достижения в телефонной индустрии, бесчисленные достижения многих лет механизации промышленности внутри Соединенных Штатов. Хотелось бы продемонстрировать слова Киплинга, что „они могут скопировать все, что можно скопировать, но они не смогут скопировать наши умы“. Русские знают секреты производства автомобилей и самолетов, но они все же зависят от нас в производстве машинного оборудования, приборов, технологических процессов».

В середине ноября 1945 г. на собравшейся в Вашингтоне американо-англо-канадской конференции по оценке и ревизии ядерного сотрудничества военных лет (напомним, что многие ядерные секреты передали американцам англичане) идея сотрудничества с СССР в этой сфере была отброшена полностью. На практике же это означало, что на плечи американского народа была взвалена дорогостоящая гонка вооружений, а жизнь американских граждан — впервые в американской истории — оказалась под угрозой ответного удара.

Но как долго продлится американская монополия? Сколько нужно времени русским для создания атомного оружия? Но подлинные специалисты полагали, что русские имеют необходимые технологические способности и могут создать атомную бомбу за пять лет. Глава отдела взрывчатых материалов в Лос Аламосе Джордж Кистяковский вспоминал: «Наша работа со взрывчатыми материалами в значительной мере основывалась на работах Джона фон Ноймана по нашему запросу. Подобная же теория была напечатана в открытой советской печати. Работа Ноймана была засекречена, а подобная же советская работа была открытой. Именно на этом принципе была создана бомба, взорванная над Нагасаки». А директор теоретического отдела Лос-Аламосской лаборатории Виктор Вайцкопф полагал, что «русские очень хорошо осведомлены в области взрывчатых материалов». Зная, что бомба реальна и что ее создание возможно, русские смело могут использовать такие материалы как напечатанный с разрешения генерала Гроувза в августе 1945 г. «доклад Смита» (англичане были категорически против этой публикации), описывающий процесс создания атомной бомбы. Американцы тогда ничего не знали об атомном шпионаже.

Ванневэр Буш писал Трумэну в сентябре 1945 г. что «секрет составляют в основном детали конструкции самой бомбы и производственный процесс». Это дело организации и ресурсов. Кабинету министров: «Русские сделают бомбу за пять лет». Примерно такого же мнения были специалисты из «Юнион карбайд», «Дюпон» и «Теннеси Истмэн» — главные подрядчики проекта «Манхэттен». За прямой контакт с русскими выступали те, кого убедили серьезные ученые — Стимсон, Уоллес, Паттерсон, Ачесон. Уоллес предупредил кабинет министров, что атомное оружие создает фальшивое чувство самоуспокоенности, своего рода психологию «атомной линии Мажино». Он прямо сказал, что атомные исследования начались, собственно, в Европе, что «загнать джина в бутылку уже невозможно». Оставлять русских самих изобретать атомную бомбу — опасно.

Противоположная точка зрения базировалась на том, что России еще долго не удастся создать столь сложное оружие. Глава проекта «Манхэттен» — генерал Гроувз утверждал, что для создания атомной бомбы русским понадобятся двадцать лет. Гроувз не был простаком, у него были жесткие аргументы. Америка владеет четырьмя типами монополий — на теоретические знания, на инженерные ноу-хау, на индустриальные мощности и на сырьевые материалы. Последнее сверхважно. США знают, где в мире есть необходимый уран и какие туда ведут пути. Всякий новичок немедленно оказывается под присмотром ведомств США. (Противники этой точки зрения немедленно указывали на чешские урановые месторождения, они в пределах досягаемости Москвы.). Но ключевые фигуры, такие как Трумэн, Бирнс, Форрестол, все более склонялись к точке зрения Гроувза. В мае 1945 г. Бирнс сказал: «Генерал Гроувз убедил меня в

том, что в России нет урана».

Генерал Гроувз воспринимал лиц, придерживающихся другой точки зрения как оторвавшихся от жизни чудаков, как ученых, не имеющих практических навыков.

Популярность взглядов Гроувза вполне объяснима. Он делал весьма лестные выводы. В сентябре 1945 г. он открыто сказал, что наличие бомбы означает, что «до тех пор, пока такой бомбы нет в руках других, в наших руках — абсолютная победа». Мир стал проще и понятнее. Соединенные Штаты обладают козырной картой. Беседуя перед руководящим персоналом компании «ИБМ» в сентябре 1945 г. Гроувз сказал, что монополия на атомное оружие «может быть использована как инструмент в дипломатии для открытия этого мира, чтобы ни одна нация не могла вооружиться секретно».

Это было проще декларировать, чем исполнить — в чем неоднократно убедился госсекретарь Бирнс. Могли ли Соединенные Штаты угрожать применением атомного оружия против Советского Союза из-за состава румынского кабинета министров? В начале октября 1945 г. президент Трумэн говорит директору бюджетного управления Гарольду Смиту, что «есть люди, которые понимают только одно — сколько у тебя дивизий?» Смит попытался приободрить Трумэна: «Мистер президент, но у вас в рукаве атомная бомба». Трумэн ответил задумчиво: «Но я не уверен, что могу использовать ее».

СССР воспринял свой атомный проект как огромную стройку, на которой, по данным ЦРУ, работало от 255 до 361 тыс. человек. Специалистов было примерно десять тысяч. Основным месторождением урана было чехословацкое Яхимово. Задачей очистки урана заведовал в г. Электросталь немец Николаус Риль. Эфирный метод очистки оказался наиболее эффективным. Завод в Электростали стал давать необходимое количество урана и процесс пошел. Первый промышленный реактор был построен на Урале в 15 км к востоку от города Кыштыма, в 80 км от г. Челябинск. Этот комбинат был назван Челябинск-40. И стоял он в исключительно красивой местности, окруженный озерами, лесами и горами.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ ПОЗИЦИЯ СИЛЫ

Глобальная экспансия

Американская глобальная экспансия середины XX века стала опираться на две существенные, приобретенные в ходе войны основы. Первая, европейская — оккупация значительной части Германии — империалистического соперника, который бросал вызов Америке и в первую, и во вторую мировые войны. Вторая основа — азиатская. Это разгром и оккупация территории тихоокеанского противника — Японии. 10 августа 1945 г. государственный секретарь Дж. Бирнс заявил членам кабинета, что в Японии не будут повторены ошибки, допущенные при создании оккупационного режима в Германии. Г. Трумэн писал: «Мы хотели, чтобы Япония контролировалась американским командующим... Я был полон решимости не повторять — в случае с оккупацией Японии — нашего немецкого опыта. Я не хотел совместного контроля или отдельных зон».

По мнению американского руководства, Советский Союз должен был признать право США на мировой контроль, на определение тех внешних и внутренних условий, в которых он должен развиваться. Если же Советский Союз не признавал этого права за США, то, по логике трумэновского окружения, он автоматически становился врагом Америки. НАТО, блоки и базы вокруг СССР — это было уже производным.

Для подрыва изнутри антигитлеровской коалиции было необходимо создать ситуацию, при которой один из трех главных участников этой коалиции — США предъявил другому — Советскому Союзу абсолютно неприемлемые условия. В данном случае это и произошло — быстрое расширение сферы американского влияния смело барьеры осторожности и

осмотрительности. Выступая на словах за равенство всех наций в новом послевоенном мире, Соединенные Штаты на самом деле боролись за утверждение собственного главенствующего положения на мировой арене. Нет никаких, ни прямых, ни косвенных доказательств того, что советское руководство в те годы стремилось к конфликту с США.

Президент отвечал, что «даже самые энергичные контрмеры американцев не могут принести стопроцентный успех. Но можно рассчитывать, что СССР при определении нового положения дел в Восточной Европе уступит не менее чем на 85 процентов».

Для характеристики внешней политики США после 1945 г. как нельзя лучше подходят слова Г. Киссинджера, который писал (исследуя, правда, иную политическую ситуацию): «Как только держава достигнет всех своих целей, она будет стремиться к достижению абсолютной безопасности... Но, поскольку абсолютная безопасность для одной державы означает абсолютное отсутствие безопасности для всех других, она... может быть достигнута лишь посредством завоевания». По этому пути и устремились Соединенные Штаты.

Национальное богатство США (стоимость всего, чем владеют американцы, — строения, оборудование, дома, товары, земля) увеличилось с 0,5 трлн. долл. в 1942 г. до 12,5 трлн. долл. в 1982 г.. Валовой национальный продукт США увеличился с 211,9 млрд. долл. в 1945 г. до 11 трлн. долл. в 2004 г.

В стране был создан устойчивый общественный консенсус по поводу американского лидерства в мире и готовности платить за это лидерство. Одна часть истеблишмента говорила об охране «факела свободы», о защите ценностей западной цивилизации (Дж. Кеннеди, Дж. Ф. Даллес, Д. Ачесон, Р. Рейган). Для не склонных к высокопарной риторике деятелей движущими мотивами внешней политики США были «осуществление мировой ответственности», исполнение выпавшей на долю США «миссии управления миром» (Г. Трумэн, Д. Эйзенхауэр, Л. Джонсон). Лидеры, заявлявшие о своей приверженности «политическому реализму», считали основной идеей американской политики создание некоего «мирового порядка», «стабильности», упорядоченной эволюции (Р. Никсон, Г. Киссинджер, Дж. Картер).

При этом США — лидер, у него есть союзники, ни один из которых не равен им. Это — первый ряд государств. У США есть союзники, которые полностью зависят от них. Это — сателлиты, находящиеся во втором ряду. Есть державы, которые не имеют формальных связей с США, но жаждут американской помощи, займов, инвестиций. Это — третий ряд. Таким образом, налицо — иерархия.

Территориальный контроль

Вторая мировая война привела к колоссальным разрушениям во всей огромной Евразии и одновременным глобальным подъемом Северной Америки. По мере расширения зоны американского влияния в мире увеличивалась значимость аппарата федеральной власти, готового теперь к решению не только американских проблем. Государственная машина США за годы второй мировой войны превратилась в гиганта. Расходы по федеральному бюджету увеличились с 9 млрд. долл. в 1940 г. до 98 млрд. долл. в 1945 г.

В ходе Второй мировой войны Соединенные Штаты приобрели датскую Вест-Индию — ставшую американскими Вирджинскими островами. Во Второй мировой войне американской территорией стали острова тихоокеанской Микронезии и многие другие тихоокеанские острова. Вашингтон выступил с инициативой создания мировой организации — Организации Объединенных наций. Соглашения, подписанные в Ялте в феврале 1945 г. фактически дали Советскому Союзу контроль над третьей частью мира, а Соединенным Штатам — над остальными двумя третями. Этот статус кво подвергался серьезному испытанию за неполные полсотни лет лишь трижды: берлинская блокада 1948-1949 гг.; Корейская война 1950-1953 гг.; Карибский кризис 1962 г.

Политолог Арнольд Вольферс указал, что «наиболее чувствительными к угрозам нациями являются те, которые в недавнем прошлом перенесли нападение или, пройдя долгий период

сравнительной безопасности, внезапно нашли себя уязвимыми». Вольферс говорил об Америке после Второй мировой войны. Не повторять ошибки 1919 г., не уходить из внешнего мира, из Восточного полушария, откуда пришли две мировые войны, — этот лозунг имел свои привлекательные для американского капитала черты и пользовался известной популярностью в деловых и политических кругах страны. Но он предполагал не просто присутствие в нескольких критически важных районах, но и контроль над происходящими в них процессами. Взять на себя ответственность за порядок в этих районах означало, как минимум, следующее: собственные американские представления о порядке в мире возводились в абсолют; проблемы данных регионов рассматривались с меркой их соответствия американским интересам.

После победы над военными противниками в Европе и Азии следовало обеспечить контроль над территорией поверженных врагов, предвоенных конкурентов, достичь доминирования в лагере «западных демократий», противопоставить друг другу СССР и Китай. Новый президент воспринял эти цели и привнес свои методы в их достижение. Его восприятие мира зиждилось на том, что у всех международных кризисов есть вполне определенный источник — СССР, неуправляемая и непредсказуемая страна. Второй «кит» внешнеполитического кредо Г. Трумэна — абсолютная уверенность в том, что все мировые и региональные процессы имеют прямое отношение к Америке и могут получить из ее рук справедливое решение. Находясь на перекрестке двух дорог — либо продолжение союза пяти стран — главных участников антигитлеровской коалиции, при котором США пришлось бы считаться с мнением и интересами своих партнеров, либо безусловное главенство как минимум над тремя из них (Великобританией, Францией, Китаем), Г. Трумэн без долгих колебаний избрал второй путь, обещавший ему эффективное руководство западным миром и дававший надежду на то, что силовое преобладание Запада склонит к подчинению обескровленный войной Восток.

Необходимо отметить, что в это же время на политическую арену выдвигается плеяда профессиональных военных. Никогда — ни до, ни после — в США не было такой тесно сплоченной когорты высших военных и военно-морских чинов, решивших всерьез взять опеку над внешней политикой страны. Это были «пятизвездные» генералы (высшее звание в американских вооруженных силах, введенное во время второй мировой войны): Дж. Маршалл, Д. Эйзенхауэр, О. Брэдли, Д. Макартур, Г. Арнольд, адмиралы флота У. Леги, Э. Кинг, Ч. Нимиц. Один из них впоследствии стал президентом США, другой — госсекретарем, а Д. Макартур фактически был губернатором Японии. Это были люди с необычайными амбициями, немалыми способностями, с уверенностью в том, что пришел «век Америки». Слава военных героев помогала им.

Колоссальный бросок из Западного полушария в Восточное, в результате двух войн, потребовал формирования новой плеяды глобально мыслящих проводников новой политики, и они появились в лице трех президентов — Франклина Рузвельта, Гарри Трумэна и Дуайта Эйзенхауэра и их помощников Дж. Маршалла, Д. Ачесона, Дж. Кеннана. Ни в один период американской истории — за исключением времени отцов-основателей республики — американская политическая арена не формировала столь глубоких характеров, такой утонченности, такого знания европейской цивилизации. Опыт этих людей, прошедших две мировые войны, великую депрессию, колоссальные социальные сдвиги первой половины XX века позволил им подняться над обстоятельствами, сформировать характер, способность обобщать разномастные явления, увидеть дальние горизонты.

В 1945 г. идея необходимости для США взять в свои руки управление значительной частью мира охватила государственный аппарат, деловые круги, лоббистов Вашингтона, верхушку реформистских профсоюзов, академическую элиту, прессу. Идея Америки, «вознесшей факел над погруженным во мрак миром», была привлекательна для многих. Президента-демократа поддерживали влиятельные республиканцы, такие как братья Даллесы и У. Макклой, влиятельный на Капитолийском холме сенатор А. Ванденберг, представлявший элиту северо-восточного истеблишмента Г. Стимсон, лидеры республиканской партии во главе с Т. Дьюи.

В государственном департаменте Джозефа Грю сменяет в качестве заместителя государственного секретаря Дин Ачесон, менее антисоветски настроенный, но уже полагавший, что войны, видимо, не избежать. Гарриман, как бы отшатнувшийся от призрака войны говорит следующее: «Мы должны признать факт проживания на той же планете, что и русские, нравится нам это или нет; мы должны найти способ ладить». Некий мирный просвет виден и во взглядах Джона Фостера Даллеса: «Для обеспечения единства необходимым бывает идти на компромисс в достижении идеалов. С другой стороны, достижение идеалов бывает иногда возможно только за счет раздела мира на зоны влияния. Выбор между двумя альтернативами нелегок. Но я не думаю, что мы идем к этой альтернативе, поскольку мы еще не дали нашим принципам наиболее благоприятного шанса для достижения успеха». Даллес отказывался соглашаться с тезисом, что раздел мира на зоны влияния неизбежен. Нота надежды слышна в его выступлении перед Советом по внешней политике в конце октября 1945 г.: «Россия испытывает подлинный страх, подозревая Соединенные Штаты в планах окружения России. Если мы сможем убедить русских в том, что у нас нет планов такого окружения, они могут пойти на заключение мира на общих условиях». Даллес выдвинул три причины разочарования русских в ходе лондонской сессии Совета министров иностранных дел. 1. У русских появились «подозрения в отношении Запада» в свете не только прежней истории, но и совсем недавних событий. Некоторые из их нынешних подозрений оправданы, если иметь в виду, скажем, доклад Отдела стратегических служб, в котором описывается деятельность лондонско-польского радицентра, базирующегося в американской зоне оккупации Германии и работающего на Польшу. 2. Русские — упорные переговорщики, и в Сан-Франциско они получили впечатление, что американцев можно «додавить». 3. Советские лидеры не только «желают тесных отношений с Западом», но и стремятся к сближению с Западом, чтобы не раздражить свой собственный народ.

Но в настроении главного лица — президента Трумэна уже чувствуется ожесточение. После Лондонской сессии он пишет Бирнсу: «Делайте все, что считаете необходимым для продолжения диалога, но, в конечном счете, если чувствуете свою правоту, пошлите их к черту». В октябре 1945 г. Трумэн многократно обращается к оценке военного арсенала Америки. 5 марта 1945 г. при обсуждении планов сокращения американских вооруженных сил на два миллиона он говорит Гарольду Смиуту: «Не слишком ли быстро мы демобилизуемся?» 8 октября президент Трумэн развил тему американского превосходства в научном знании, инженерном ноу-хау и «ресурсы совместно с индустриальной основой». Последний секрет, сказал Трумэн, является главным. Для других наций, чтобы догнать последний фактор, «чтобы поймать нас на этом, должны проделать всю нашу работу так же, как это сделали мы». И президент полагал, что это едва ли возможно.

На следующий день к Трумэну приехал один из его старых миссурийских друзей с вопросом, «означает ли сказанное гонку вооружений в будущем?» И президент ответил «Да». Мировой правительством будет создано еще, может быть, через тысячу лет, а пока оно «в настоящее время всего лишь одна из многочисленных теорий». Земляк вспоминает: «Было впечатление, что президент решил для себя что-то важное и теперь был в высшей степени полон решимости относительно правоты принятого им решения».

Еще более важное заявление президент Трумэн сделал 27 октября в День Военно-морского флота, когда Трумэн точно знал, что его услышат в Москве. «Соединенные Штаты не признают на Балканах правительств, навязанных извне иностранной державой». Разделение мира на зоны влияния — ложный принцип. Что касается атомной бомбы, то она будет «священным образом» доверена Америке на неисчисляемое время. Стало окончательно ясно, что интернационализация атомного оружия невозможна.

Чтобы как-то смягчить выпад против Советской России, президент Трумэн сказал, что две возникающие супердержавы страдают из-за языкового барьера и что «Россия плохо представлена в нашей стране». Он сказал Стеттиниусу, что «практически неизбежно иметь противоречия с СССР, но не следует воспринимать их слишком серьезно... Проблемы можно разрешить, хватило бы времени... У русских огромные проблемы внутри их страны. Это

частично объясняет происходящее». По мнению Трумэна, Сталин «оказывает смягчающее влияние» внутри Кремля. «Было бы подлинной катастрофой, если бы Сталин умер в текущее время».

В центре разворачивающегося дипломатического тайфуна стоял государственный секретарь Джеймс Бирнс. На внутриамериканской арене на него оказывали давление самые разнообразные силы. «Рижская аксиома» получала преобладание внутри государственного департамента. Оттуда исходило требование перестать «умиротворять» русских. Возглавивший Ближневосточный отдел госдепа Ллойд Гендерсон в особом меморандуме требовал перейти к политике «не исключаяющей риск», в противном случае, мол, линия Вашингтона в мире будет попросту слабой. Элбридж Дерброу вспоминает 8 декабря 1945 г., что его жизнь «становится одним сплошным АДОМ. Советы проникают в Маньчжурию, Корею, Иран равно как в восточную и юго-восточную Европу и другие районы советских махинаций... Мы все же пытаемся подготовиться к хорошей схватке».

Но имели влияние еще и умеренные силы. Автор речей Бирнса и его доверенное лицо — Бен Коэн, деятель «Нового курса» призывал к терпимости, полагая, что не в интересах США начинать дипломатическую паузу. Две сверхдержавы еще поддерживали контакты, беседовали между собой, прилагали усилия по смягчению противоречий. Из этих усилий может возникнуть и общий язык. Бывший посол в Москве Дэвис проводил во встречах с Бирнсом свою обычную линию: русских следует понять. Бирнс ответил, что «Молотов непереносим». Если он расскажет, что ему говорил Молотов, ситуация в американо-советских отношениях ухудшится значительно.

Оценка России

Треть земной поверхности была недостижима для Вашингтона. И уже в 1945 г. государственный департамент потребовал прекратить рассмотрение вопроса о помощи СССР до тех пор, пока советская политика «не будет полностью соответствовать нашей официальной международной экономической политике». Говоря об экономических средствах воздействия (обещание займа и др.), Г. Трумэн подчеркивал, что «все козыри находятся в наших руках и русские вынуждены будут прийти к нам».

14 сентября 1945 г. группа американских конгрессменов во главе с членом палаты представителей М. Колмером (Миссисипи) посетила Москву, жестко ставя вопрос о советских войсках в восточноевропейских странах. Группа эта буквально потребовала прозрачности советского бюджета, «полного и честного» раскрытия экономической статистики — только тогда можно будет говорить об американском займе Советскому Союзу. Сталин отвел в сторону сопровождавшего группу Кеннана: «Наши войска собираются покинуть восточноевропейские страны и проблемы будут решены. Скажите это вашим коллегам, чтобы они успокоились».

После неудачи лондонской сессии Совета министров иностранных дел осенью 1945 г. американское руководство пытается определить потенциал и намерения единственной неподвластной страны — Советского Союза. Вернувшись после кругосветной поездки, помощник военного министра Джон Маклой говорит на банкете в Американской академии политических наук, что, «куда бы вы не пошли, повсеместный предмет обсуждения — обеспокоенность амбициями России, насколько далеко она собирается идти, как обращаться с ней — об этом говорят во всех углах мира... Ответить на эти вопросы — первостепенная задача всех государственных деятелей мира».

В этом процессе ориентации в мире более легкой подсказкой оказалась «рижская аксиома», подозрительное отношение к России как к наступающей стороне. Пройдет значительное время, прежде чем в американской среде зададутся вопросом: «Зачем говорить о безграничных советских амбициях, если Сталин преследовал консервативную, ограниченную, даже традиционалистскую внешнюю политику?».

В незнакомой, новой обстановке гораздо удобнее и привычнее было обратиться к высшей мере подозрений. Ялта давала более сложный вариант, проще было не искать нюансов, не видеть

оборонительного характера, отвернуться от всего, что могло показаться двусмысленным, что не обещало немедленной массовой поддержки. Гораздо легче было публично подчеркнуть угрожающий аспект советской внешней политики, тогда логичным выглядел вильсонизм Трумэновской политики, усиленный только что кончившейся войной. Экстренность войны ушла в прошлое, атомное оружие усилило чувство вседозволенности, необходимость терпимо относиться к могущественным союзникам испарилась. В то же время представление о советской политике как об экспансионистской делало доктрину национальной безопасности гораздо более основательной.

4 октября 1945 г. советник американского посольства в Москве Джордж Кеннан прислал государственному секретарю каблогранму, в которой предсказывал, что русские «постараются организовать максимальные трудности для западных правительств посредством деятельности определенных групп в западных странах». Бирнс ответил личным письмом: «Ваше послание дало мне значительную пищу для размышлений». В эти дни Бирнса довольно сурово критиковали в Комитете по международным делам американского сената за недостаточную твердость в отношении русских. 16 октября госсекретарь показал военному министру Паттерсону и военно-морскому министру Форрестолу карту, которая, с его точки зрения, убеждала в том, что русские нуждаются в Ливии как опорном пункте по дороге на Бельгийское Конго. «Русские в этом отношении действительно серьезны». Бирнс сказал, что это главная из его обеспокоенностей.

А посол Гарриман тем временем летел в Гагры к Сталину, который впервые за девять лет позволил себе отдых. На американцев этот отдых не распространялся. После часовой поездки из Адлера Гарриман оказался на окрашенной в белое вилле — летней резиденции Берии, когда тот возглавлял коммунистическую партию Грузии. Вокруг гектары садовых деревьев. Неизменный зеленый забор. В дверях стоял Сталин. Он провел гостя в кабинет из красного дерева. И сказал, что все сообщения от американцев следуют к нему немедленно.

Сталина интересовала Япония. Правильным решением было бы создание Союзной контрольной комиссии. Эта комиссия (не Совет, как в Германии) не ограничила бы власть генерала Макартура. СССР не собирается слать свои войска на Японские острова. Сталин, однако, становился все жестче. Советское правительство, напомнил он, ни разу не было проконсультировано по поводу решений, принимаемых по Японии. «Советский Союз, как суверенное государство, имеет самоуважение. Но ни одно решение, принятое Макартуром не было передано этому правительству. Фактически Советский союз стал сателлитом Соединенных Штатов на Тихом океане. Эту роль СССР принять не может. С Советским Союзом не обращались как с союзником. Но Советский Союз не будет сателлитом Соединенных Штатов ни на Дальнем Востоке, ни в каком другом месте».

Гарриман протестовал: у Трумэна не было желания унижить Советский Союз. Но Сталин на этот раз не был намерен спрямлять углы. Макартур изменил систему японского правительства, ни в малейшей степени не оповестив советскую сторону, не объяснив причины. Японскому радио было позволено поносить СССР. Антироссийски настроенные японские генералы вовсе не находятся в местах заключения, а разгуливают на свободе. «Было бы более честным, если бы Советский Союз покинул Японию, чем терпеть ситуацию, когда его представители находятся там как предметы мебели». По мнению Сталина правильным решением было бы создать в Токио союзную контрольную комиссию. «Долгие годы американцы жили, руководствуясь политикой изоляции. Может быть и России лучше уйти в изоляцию?».

Гарриман перешел в контратаку: «Политика изоляции означает поддержку советского доминирования во всей Восточной Европе и использование коммунистических партий Западной Европы и в других местах для усиления русского влияния. В этом месте Сталин возмутился. Он сказал, что Россия содержала от двадцати до сорока дивизий на маньчжурской границе на протяжении последних десяти лет, и эти дивизии явились вкладом в окончательное поражение Японии. Никто не может сказать, что Советский Союз не сделал ничего. „Я был готов помочь Соединенным Штатам посылкой войск на Японские острова — но это предложение было

отвергнуто“. (Как пишет переводчик — Эдвард Пэйдж, „когда Сталин делал это замечание, было совершенно очевидно по тону его голоса и выражению лица, что он очень уязвлен американским отказом на высадку советских войск на Хоккайдо“. Гарриман полагал, что в советском руководстве шли жестокие дебаты и, ввиду отношения к СССР со стороны Запада, было решено больше полагаться на себя.

Гарриману оставалось только откланяться. Сталин сказал, что принял его не только как посла США, но и как друга. «И так будет всегда». Гарриман пишет в Вашингтон 13 ноября, что русских обижает американская тактика «свершившихся фактов. Япония на протяжении двух поколений была постоянной угрозой русской безопасности на Дальнем Востоке и Советы желают обезопасить себя от этой угрозы... Сталин сделал для меня абсолютно ясным. Что вопрос Японии для него связан с вопросом Румынии и Болгарии. Он не сделает и шага на Балканах, если его позиция не будет учтена в Японии». Гарриман предсказал, что, если советские пожелания не будут учитываться, «советское правительство пойдет по пути односторонних действий ради надежной защиты интересов своей безопасности».

Посол Гарриман думал об окончании своей дипломатической миссии в Москве и о человеке, которому здесь принадлежала такая огромная власть. «Я видел его исключительный ум, фантастическое владение деталями, его пронизательность и удивительную человеческую чувствительность, которую он способен был показать — по крайней мере, в военные годы. Я нашел его лучше информированным, чем Рузвельт, большим реалистом чем Черчилль, в определенном смысле он был самым эффективным из военных лидеров. В то же время, он был, конечно, кровавым тираном. Я должен признаться, что для меня Сталин самым противоречивым и не поддающимся анализу человеком, из всех, кого я знал — и пусть окончательное суждение сделает история».

Миссия Бирнса

Государственный секретарь Бирнс колебался. Через несколько недель он сказал скептически слушающим его Паттерсону, Маклоу и Форрестолу, что позиция Сталина в отношении Японии «здравая», и что Советы «полагают, что весь мир группируется против них». В своей речи 31 октября 1945 г. Бирнс попытался неким образом совместить «рижскую» и «ялтинскую» аксиомы. Он сказал, что Соединенные Штаты вполне понимают «особые интересы безопасности» Советского Союза в восточноевропейских странах. Соединенные Штаты «никогда не присоединятся к неким группам в этих странах, которые затевают враждебные интриги против Советского Союза». Но Бирнс при этом подчеркнул, что в атомном мире США стоят за «мировую систему. Региональный изоляционизм еще более опасен, чем национальный изоляционизм. Мы не можем создать необходимое для мира сотрудничество в мире, поделенном на сферы влияния и особых привилегий».

Чувствуя, что примирительная часть его политики распадается, он предпринял два существенных шага.

1. Первым была миссия Этриджа на Балканы. Тупик в Лондоне, полагал Бирнс, был результатом взаимного непонимания в этой части Европы. Бирнс полагал, что американские дипломаты в этих странах настроены заведомо антисоветски и вредят реализации американских целей. Следовало послать стороннего и объективного наблюдателя. Бирнс выбрал издателя газеты «Луисвил Курир-Джорнэл» Марка Этриджа. Задача: «С неудачей лондонской конференции в наших отношениях господствует отчуждение и я хочу установить контакт». Расчет был на независимость Этриджа и его «свежий» взгляд. При этом было известно, что Этридж, деятель рузвельтовской эпохи, верит в налаживание двусторонних отношений. Его напарником был молодой принстонский историк Сирил Блэк (который ныне — 2003 — написал самую впечатляющую биографию ФДР).

Два американца покрыли в своих переездах 20 тысяч километров между Москвой

Бухарестом и Софией. Но результирующий доклад Этриджа и Блэка показывает, как противоречия на Балканском полуострове повлияли на общую американскую политику в Европе. Это была победа «рижской аксиомы». Авторы доклада исходили из того положения, что Россия «ведет себя как империалистическая держава», используя местные коммунистические партии для установления экономического и политического доминирования над Румынией и Болгарией.

Как вести себя Вашингтону? Доклад вел к мысли об опасности вести «нереалистическую мюнхенскую политику в отношении этих стран, ныне оккупированных Россией». Все же Этридж и Блэк считали, что «Россия исправима... Если бы мы могли читать в умах российских политических деятелей, то увидели бы их сомнения в собственных действиях». Если США будут твердо вести свою линию, то России придется корректировать свою линию. А альтернативы улучшению двусторонних отношений нет. Но доклад оправдывал стратегию и тактику поведения государственного департамента. «Американский народ должен знать больше». Госдеп получил превосходное оправдание своей тактики и своих предложений.

Посмотрим на доклад из исторического отстояния. Советская Россия категорически нуждалась в прикрытии, это прикрытие могло восприниматься как зона влияния. А на кого должен был полагаться СССР? На проамериканскую ООН? Положиться на США? Когда президентом был Рузвельт, это виделось возможным. Но новый президент жестко держался за атомную монополию. Оставалась автаркическая альтернатива.

Бирнс решил не публиковать доклад, который углублял пропасть. Это могло вызвать общественный взрыв и сокрушить карьеру Бирнса как миротворца.

Итак, русские следовали автаркической оборонительной политике, которая воспринималась американскими сторонниками вильсоновских универсальных принципов как агрессивная и потенциально опасная.

Посол Гарриман 15 ноября 1945 г. шлет Бирнсу свое объяснение происходящего. «Нужно иметь в виду, что высшее советское руководство прожило свою жизнь в обстановке страха или напряжения, начиная с дней конспирации и революционной борьбы. Они боялись капиталистического окружения и раскола во внутренних рядах партии, что привело к двум ужасающим чисткам... Германское вторжение почти уничтожило их. Они должны ныне испытывать чувство огромного облегчения — теперь, когда начался прилив. С победой пришла уверенность в Красной армии и в контроле над внутренним развитием, что дало им впервые чувство безопасности для себя лично и для их революции, такого чувства они еще не испытывали. И здесь возникает атомная бомба, лишаящая их чувства безопасности... Русский народ снова вернулся к мысли, что перед ним враждебный мир. Американский империализм стал угрозой России».

Даже если бы советские цели ограничивались Восточной Европой в духе процентного соглашения Сталина с Черчиллем от октября 1944 г., американская сторона отныне не была намерена мириться с подобным отходом от глобальных принципов. Но русские не собирались обращаться в новый вильсонизм «демократии и открытости по всем азимутам». Нужды их безопасности были выше любых благих пожеланий. К тому же у победоносной России были силы защитить себя и свой, воспринимаемый как оптимальный, курс. Восточная Европа была рядом и американское вмешательство вызывало разочарование вплоть до ярости. Разве позволяет Америка кому-нибудь вмешиваться в «доктрину Монро»?

Сталин говорит сыну Чан Кайши в январе 1946 г., что его (Сталина) намерением является укрепить позиции своей страны повсюду, где это возможно — в Восточной Европе и в других регионах. Говоря о Дальнем Востоке, Сталин поделился советскими планами индустриализовать Сибирь в течение следующих пятидесяти лет. «Он полагал, что в течение этого времени соединенные Штаты не прибегнут к войне и это позволит ему укрепить советские позиции на Востоке. Он сказал, что Китай и Советский Союз должны работать вместе, и что промышленность Маньчжурии жизненно важна для индустриализации Сибири».

Спустя десятилетия видно, что государственный департамент и посланцы типа Этриджа, не видели мировой картины полностью; они решительно отмежевывались от любой оценки в духе

того, что Соединенные Штаты сами создают собственную огромную зону влияния. Через три десятилетия Сирил Блэк напишет, что «на большой арене мировой политики Соединенные Штаты в реальности обменивали влияние в Болгарии (а также в Румынии и Венгрии) на доминирующую роль в Италии и Японии».

Но престиж Бирнса по-прежнему был под угрозой. Одинок сидел он в госдепартаменте, пытаясь найти выход. Если Советский Союз не войдет в Комиссию ООН по атомной энергии, то сама ООН может потерять всякий смысл. Много стояло на карте. Что можно было назвать позитивным? В Лондоне он пытался выйти непосредственно на Сталина.

2. И он предпринял еще одну попытку сближения. Может быть больший эффект будут иметь встречи в более узком кругу — США, СССР, Британия? Бирнс 23 ноября 1945 г. попросил Гарримана уговорить Молотова собрать в Москве совещание «тройки» Бирнс-Молотов-Бевин. Бирнс прибыл в пургу 14 декабря в заснеженную Москву.

Повторить ход Рузвельта, сузить круг обсуждающих. А может абстрагироваться даже от англичан? Они встретятся в Москве. Рядом с ним будет сравнительно небольшая делегация, они отгородятся от злобной прессы. Он обойдет упрямого Молотова и встретится непосредственно со Сталиным. В 5 часов вечера 15 декабря в особняке на Спиридоновке началась сессия. Первоначальное продвижение было медленным. Эта конференция началась немалыми сложностями. Русская метель закрыла поле видимости и пилот посадил Бирнса на далекий от желаемого аэродром. Но еще сложнее было для американцев приспособиться к расписанию Сталина, спавшего днем и работавшего ночью. Это буквально выматывало американцев и англичан.

Бирнс с самого начала постарался «купить» Сталина. Он сказал ему, что русские зря обвиняют американцев в блокировании с англичанами — те не были даже оповещены об изменении формата встречи. У Сталина это не вызвало оживления: «Это просто еще одна завеса прикрыть реальности блока».

А приверженцы жесткого подхода уже концентрировали силы, опасаясь «излишней» примирительности Бирнса. Будучи членом делегации Джордж Кеннан пишет, что Бирнс — еще один ненадежный «ирландский петушок». Он желает договориться с русскими неважно за какую цену. А почему бы и не договориться жертвуя интересами каких-то корейцев, румын и иранцев? Так в изображении Кеннана размышляет Бирнс, ничего о них не знающий. «За поверхностный успех он заплатит реальную — и немалую цену».

На этот раз Кеннан ошибался. Ирландский «петушок» Бирнс, мобилизовав добрую волю, добился реального успеха. Правда, начало было трудным, необычная прежде язвительность уже стала признаком когда-то гораздо более сердечного общения. Когда Бирнс спросил впервые за несколько лет отдохнувшего Сталина, что тот делал в дни отпуска, Сталин ответил: «Читал ваши речи». Бирнс поздравил Сталина с превосходным вкусом, а тот ответил, что для него «чтение этих речей абсолютно обязательно».

Бевин жаловался Бирнсу, что русские «пытаются подорвать британские позиции на Ближнем Востоке... Точно как британский адмирал, который, когда видит остров, инстинктивно стремится захватить его... Мир, кажется, стремится к позициям трех „доктрин Монро“. Соединенные Штаты уже имеют свою зону „Монро“ на американском континенте и расширяют ее на Тихий океан». Бирнс попросил вычеркнуть последнюю фразу, но Бевин отказался сделать это. Молотов спросил Бирнса, когда американцы выведут войска из Китая. Бирнс ответил, что Молотов задает вопрос только для того, чтобы услышать тембр его голоса. Молотов ответил, что у Бирнса очень приятный голос, «но самым приятным было бы услышать решение о выводе войск из Китая».

И все же Московская конференция была своего рода светлым пятном. Был в значительной мере преодолен лондонский балканский тупик, было достигнуто соглашение о процедуре мирной конференции по формированию послевоенных договоров. Советское правительство «посоветовало» болгарскому правительству включить в свой состав двух некоммунистов. Послы

Гарриман и Кларк Керр отныне должны были присоединиться Вышинскому, образуя таким образом состав комиссии, которая обязана была отправиться в Румынию для наблюдения за включением в румынское правительство двух некоммунистов.

Бирнс предложил советскому руководству создать Агентство по атомной энергии при ООН, которое создаст систему контроля над атомным оружием. Сталин соглашался на создание такого агентства, если оно будет подчиняться Совету Безопасности ООН, но Бирнс настаивал на подчинении агентства Генеральной Ассамблее ООН. Но в целом это американское предложение было воспринято советской стороной положительно. И серьезно. Когда на прощальном банкете Молотов стал шутить по поводу идей Джеймса Конанта (главного научного консультанта «Манхэттена»), Сталин сразу же встал и тихо сказал, что атомное оружие — не предмет для шуток. И дальше: «Я поднимаю этот тост за американских ученых и за то, что они сделали. Мы должны теперь работать вместе, чтобы это великое изобретение служило мирным целям».

Неожиданно смягчился вопрос о контроле над Японией. В пик русских (и английских) протестов в адрес американской односторонности в Японии Бирнс выдвинул компромиссные предложения по Восточной Европе, которые в свою очередь копировали систему американского контроля над Италией, и советская сторона смягчила свое первоначальное неприятие диктатуры Макартура в Токио. Очень важно: участники конференции согласились с присутствием американских войск в Китае до окончательного разоружения японцев. Сталин объяснял Бирнсу: «Советское правительство не против сохранения этих войск, но оно желает оповещения об этом». Несколько глухо было сказано советской стороной, что Чан Кайши является объединителем Китая. Но было сказано. Американцы были в высшей степени удовлетворены, они контролировали Чан Кайши и ситуация их устраивала.

Беседуя с журналистами перед отбытием из Москвы, госсекретарь Бирнс сказал, что не желает замещения японских войск в Японии советскими войсками. «Экономические и стратегические интересы США определяют американскую политику в Китае».

Сталин был неожиданно откровенен с американцами и англичанами. Бевин вспоминает: «Британия владеет Индией и другими владениями в своей сфере влияния; Соединенные Штаты контролируют Китай и Японию, в то время как Советский Союз не имеет ничего». На что Бевин ответил: «Русская сфера простирается от Любека до Порт-Артура. (Как, представляется, верно замечает Д. Йергин, относительно того, что „Сталин, безусловно, играл роль геополитика. Он также сказал Бевину, что англичане не должны покидать Египет и «с симпатией“ говорил о британских проблемах в Индии).

Бирнс 24 декабря 1945 г. послал Трумэну телеграмму, смыслом которой была удовлетворенность конференцией. «Ситуация вдохновляющая». Единственный вопрос, не разрешенный в Москве, был вопрос о советских войсках в Иране, но западные союзники решили не педалировать этот вопрос, чтобы не потерять достигнутого.

Холодная зима 45/46

Государственный секретарь Бирнс отсыпался в самолете. Он был удовлетворен — проснувшись на Азорских островах, он начал диктовать отчет — вплоть до Ньюфаундленда, в котором отчетливо просматривались оптимистические ноты. Ощутим значительный прогресс. Спасен почти распавшийся союз, подход Рузвельта оправдан заново. 30 декабря 1945 г. Бирнс выступал перед всей нацией. Мир, говорил он, нуждается в «справедливости и мудрости». Этой цели так успешно достигал в прежние времена Франклин Рузвельт. В Москве, говорил Бирнс, он нашел значительные возможности для дипломатического успеха. Соглашения помогут подписать договоры с немецкими сателлитами, а затем последует и вывод войск. Основа дипломатии — компромисс. Встреча в Москве послужит лучшему взаимопониманию. Бирнс сказал Джозефу Дэвису, что «проделана большая работа и осуществлен значительный прогресс». Но удовлетворенный Бирнс жил в мире международных контактов, а над ним сгустились тучи в собственной стране. Влиятельные силы были недовольны «певцом компромисса». К ним все

чаще примыкал и сам президент Трумэн.

Прежде всего, московскими соглашениями были недовольны в государственном департаменте. Американская миссия в Бухаресте увидела в них «распродажу американских интересов». Посол США в Италии (и прежний полномочный посланник в Москве) Александер Кирк сказал, что Бирнс «ужасен» и что он «отдал слишком много русским». В то же время Лой Гендерсон как бы от лица госдепартамента определил советские цели как максималистские: «Представляется, что Советский Союз полон решимости сокрушить структуру, которую в свое время создала Великобритания с целью предотвратить переход Россией Турции, Дарданелл и ее выход в Средиземное море, через Иран и через Персидский залив — в Индийский океан. В последние пять лет исчезли два барьера на пути русской экспансии — Германия на западе и Япония на востоке. Судя по последним событиям на Ближнем Востоке, Россия сейчас концентрирует силы, чтобы ликвидировать третий барьер — на юге». Американская политика на Ближнем Востоке слаба и наивна. США должны найти средства исправить положения и не пустить события на самотек. Эти взгляды кардинально отличались от взглядов Джеймса Бирнса. Агрессивные позиции занимало все большее число сотрудников госдепартамента — они теперь открыто «разоблачали» советскую политику, «подлинные цели Москвы».

А со стороны сенатора Ванденберга прозвучала угроза отойти от поддержки внешней политики демократической администрации. Еще при назначении Бирнса Ванденберг сказал, что США движутся в сторону предприятия «Бирнс и Ялта». Ванденберг стал жаловаться, что с ним не проконсультировались. Ванденберг не одобрил идеи отдать американское атомное оружие под надзирание ООН. В ноябре 1945 г. он вместе с другими сенаторами посетил Белый дом, воодушевляемый бескомпромиссной идеей, что США не должны ничем делиться с русскими. В Московском коммюнике ему не нравились слова о международном атомном агентстве: американское достояние распродается недалекими политиками.

Трумэн — сам «выходец» из сената, всегда внимательно следил за настроением, и мимо него не прошла эта сенатская оппозиция. Он не поддержал полностью Ванденберга, но задумался. Немаловажно отметить, что именно в это время резкие антирусские позиции начинает занимать министр военно-морского флота Джеймс Форрестол.

Но наибольшее значение начинает занимать мировоззрение главного советника Трумэна по внешней политике в его сравнительно небольшом аппарате Белого дома — адмирала Уильяма Леги. Некогда поклонник Бирнса, Леги (которого довольно часто обвиняли просто в ксенофобии) начинает осенью 1945 г. меняться в отношении Бирнса. Стремление сохранить союз военных лет начинает казаться Леги поверхностным. Имел место и личный мотив. С сильным госсекретарем значимость Леги в системе государственного аппарата уменьшалась. Да и Бирнс говорит в августе 1945 г., что недоволен Леги, который мнит, что «он все еще является фактическим государственным секретарем, каковым на самом деле он и был при Рузвельте». Бирнс сказал, что смотрит на Леги иначе.

Старый морской волк этой осенью начал контратаку. В конце октября 1945 г. он резко выступил против планов создания Дальневосточной комиссии для наблюдения за оккупацией Японии. Леги боялся, что дело закончится «советским контролем над Японией, что в высшей степени повредит американским планам в Азии». Адмирал был доволен речью Трумэна в день военно-морского флота. В дневнике он пишет, что все больше начинает вспоминать при президенте о Мюнхенском умиротворении. И президент его понимает: Мюнхен не повторится. «Нашим дипломатам-умиротворителям придется, больше внимания уделять жизненным интересам Америки».

Именно в это время разгорается скандал с советским перебежчиком Гузенко, который занимался дешифровкой секретных посланий в Оттаве (Канада). Канадский премьер-министр Макензи Кинг спешно вылетел в Вашингтон, чтобы оповестить американское руководство о сети советского атомного шпионажа. Трумэн немедленно сделал свой вывод: «Следует предполагать такое же проникновение русских в Соединенные Штаты». Но Трумэн не верил в то, что «расследование министерства внутренних дел покажет предательство одного из лиц,

приобщенных к „манхэттенскому проекту. Я думаю, что система защиты была безупречной“.

Одновременно гроза полыхнула и у антиподов. 27 ноября 1945 г. американский посол в Китае Хэрли демонстративно снял свои посольские полномочия. Ему надоела как чанкайшистская продажная клика, так и неблагодарная война с государственным департаментом. Хэрли, будучи в США и раньше грозился покинуть дипломатическую стезю, но его отговорили. Но через несколько недель он пришел к заключению, что война американской прессы против него инспирирована дипломатами из госдепа, и он не выдержал.

Хэрли обвинил профессиональных дипломатов в поддержке коммунизма и (одновременно) традиционного колониализма. (Напомним, что Сталин лично заверил Хэрли в том, что СССР не оказывает помощи коммунистическим дивизиям; Сталин обещал поддерживать Чан Кайши и в дальнейшем). Сотрудники госдепа уже спрашивали друг друга, когда окажутся в федеральной тюрьме Алькатрас. Дополнительную силу обвинениям Хэрли придала поддержка адмирала Леги, который охарактеризовал обвинения Хэрли как «очень малая толика того, что описывали мне как коммунистические симпатии у многих сотрудников государственного департамента». После встречи с Трумэном, Бирнсом, и генералом Маршаллом (которому предстояло заменить Хэрли) адмирал Леги записал в дневнике: «Сегодня я впервые ощутил, что у госсекретаря Бирнса нет иммунитета к коммунистическому влиянию». Попытки Бирнса стабилизировать отношения с Россией отныне стали все больше восприниматься как уступки и как свидетельства «антиамериканизма». 26 декабря Леги пишет в дневнике, что Бирнс «постоянно делает уступки... России уступают по каждому возможному поводу». Московское коммюнике — это «документ умиротворения». Леги все более становился главой антирусской партии в исполнительном аппарате.

А в масштабах страны волну нарождающейся «холодной войны» возглавляли адмирал Леги, сенатор Ванденберг, высший слой бюрократии государственного департамента, ряд сотрудников исполнительной власти. Их давление президент Трумэн, лишенный опыта и собственного мировидения, ощутил сразу. Старому рузвельтовскому советнику Розенману он жалуется, что во внешней политике у него все идет от кризиса к кризису. Трумэн, прежде обещавший Бирнсу большую свободу действий, теперь все более жестко обращается к Бирнсу. Самая большая головная боль президента (признается он своему штату помощников) — русские. «Они руководствуются дипломатией свершившихся фактов, и мы мало, что можем сделать». Сказано в середине декабря 1945 г.

Трумэн начинает изменять свое отношение к Бирнсу. Он называет госдепартамент слабым из своих министерств. И возвращение Бирнса из Москвы с весомыми результатами не было встречено аплодисментами. Более того, президент сказал, что с ним мало консультировались по поводу Московского коммюнике. Он приказал прибывшему из Москвы Бирнсу немедленно прибыть к нему на борт президентской яхты, бороздившей Потомак. Во время обеда Леги в лоб спросил, какие выгоды получили Соединенные Штаты от Московской встречи? Было очевидно, что против Бирнса формируется камарилья.

В первый день нового, 1946 г., адмирал Леги пишет, что госдепартамент и лейбористское правительство Британии заняли позицию умиротворения Советского Союза, напоминая поведение Чемберлена в Мюнхене и «враждебное интересам США и Британии». Тем пристальнее был интерес Леги к критикам американской внешней политики. Один из них, Марк Этридж, пишет, что «мир может быть обеспечен только он будет основан на подлинно представительном правительстве во всех странах, имеющих западную политическую традицию».

Где усмотрел Этридж «западную политическую традицию» в Румынии и Болгарии? Но на президента Трумэна произвело огромное впечатление описание Этриджем «монополизация коммунистами политической жизни на Балканах». Трумэн пишет Бирнсу письмо, которое наилучшим образом характеризует точку зрения президента на отношения с СССР в январе 1946 г..

Трумэн пишет, что не признает Румынию и Болгарию — «полицейские государства».

Изменения польских границ возмутительны. «Русские всегда были для меня сплошной головной болью». Присутствие русских войск в Иране «возмутительно». Очень важно то, как Трумэн начал воспринимать грядущее поведение Советского Союза. «нет сомнений в том, что Россия намеревается вторгнуться в Турцию и захватить черноморские проливы до Средиземноморского побережья. Если России не противопоставить военный кулак и жесткий язык, то начнется новая война. Они понимают только один язык — „сколько вы имеете дивизий? Я не думаю, что мы должны стремиться к компромиссу“.

Трумэн выдвигает новую программу: непризнание Болгарии и Румынии «до тех пор, пока они не удовлетворят наши требования»; американская позиция по Ирану теряет свою расплывчатость; происходит интернационализация Киля, Рейнско-Дунайского водного бассейна и Черноморских проливов; поддерживается полный контроль над Японией и всей акваторией Тихого океана; воссоздаются сильные центральные правительства в Китае и Корее; Россия возвращает корабли, полученные от Соединенных Штатов по ленд-лизу. Президент сделал приписку, выдававшую его настроение: «Я устал нянчиться с Советами».

Не все американские историки согласны с утверждением, что американская администрация «нянчилась» с СССР. «Бирнс не нянчился с русскими; он вел с ними переговоры. Как бы там ни было, но Московская конференция, что демонстрация силы не действует в переговорах с Советским Союзом... Это были те переговоры, за которые всегда стоял Рузвельт: спокойные попытки „отставить“ жесткие принципы, чтобы сформировать отношения великих держав в послевоенном мире».

Позднее Трумэн скажет, что его замечание об усталости от «нянчения русских, будет „отправным пунктом нашей внешней политики“. То был уход от „линии Рузвельта“. Как бы символом этого стала смерть в январе 1946 г. Гарри Гопкинса, единственного американца, которому Сталин „открывал душу“. Гопкинс, человек Ялты, долго был воплощением американско-советской дружбы — от страшного лета 1941 г. до победного лета 1945 г. Он служил президенту, для которого ялтинская „аксиома“ была основой отношений между Вашингтоном и Москвой; теперь в Белом доме жил другой президент — для которого Ялта была символом уступок. В эти дни Трумэна спросили, что с признанием Румынии и Болгарии. „Мне еще предстоит сказать финальное слово“. В самой Америки на арену выходили силы, для которых союз с СССР не представлял ценности.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ХОЛОДНЫЙ МИР

«Мы должны осознать, — убеждал Г. Трумэн конгресс, — что мир необходимо строить на силе». Выступая на церемонии спуска на воду нового авианосца «Франклин Д. Рузвельт» 27 октября 1945 г., президент заявил, что, несмотря на текущую демобилизацию, США сохранят свою мощь на морях, на земле и в воздухе. Готово было и объяснение политики милитаризации. «Мы получили горький урок того, что слабость республики (США) провоцирует людей злой воли потрясать самые основания цивилизации во всем мире». Президент имел в виду уроки предвоенного изоляционизма США.

Чтобы централизовать управление всеми вооруженными силами страны, президент Г. Трумэн в специальном послании конгрессу 19 декабря 1945 г. рекомендовал создать министерство национальной обороны, которое объединило бы под своим командованием наземные, военно-морские и военно-воздушные силы США. К концу 1945 г. новые нужды потребовали реорганизации военных, разведывательных и планирующих органов. Были выдвинуты проекты создания совета национальной безопасности и разведывательной организации глобального охвата — Центрального разведывательного управления (ЦРУ).

Консулы империи и местные правители

Без таланта плеяды администраторов и политиков подъем Соединенных Штатов не был бы таким стремительным и повсеместным. Трудно не согласиться с оценкой Дж. Курта: «В этом первом поколении над центром Американской Империи возвышалась группа исключительных по качествам деятелей, которые определили структуру этой империи, направление приложения энергии. Среди них выделялся Джеймс Форрестол, всегда гордившийся перебитым на боксерском ринге носом и незаконченным Принстонским университетом. Неизвестно, когда он стал интересоваться коммунизмом, но уже в августе 1944 г. он спрашивал де Голля о коммунизме. Он размышлял в письме Гарриману: „Существует едва ли не всеобщее представление о том, что в мире будущего Англия, Россия и мы будем в одной упряжке; Чтобы это реализовать необходимо слишком большое терпение“. Форрестол был едва ли не первым, кто стал отстаивать идею сохранения Америкой своей военной мощи.

Одновременно выдающаяся группа талантливых людей выдвинулась в главных регионах этой империи, эта группа адаптировала и прилагала американскую имперскую политику к местным реальностям своих наций». В последнем случае речь идет о Конраде Аденауэре в Германии, Сигеру Йосида в Японии, Альциде де Гаспери в Италии, Уинстоне Черчилле в Британии, Шарле де Голле во Франции. «С приходом холодной войны, — пишет американский исследователь Курт в весьма консервативном журнале, — американская мощь и присутствие распространились по всему свободному миру (особенно очевидно в Западной Европе, Северо-Восточной Азии, в Латинской Америке) — да и по всему миру. Но еще больше мощь и присутствие Америки распространились после окончания холодной войны».

Двумя самыми важными странами для Соединенных Штатов в XX веке были Германия и Япония. Именно останавливая их движение к мировому господству, Америка участвовала в двух мировых войнах. Соединенные Штаты использовали твердое основание — массовый страх перед Германией в Европе и перед Японией в Азии. Размышляя в архитектурно вычурном здании американского посольства на Манежной площади, Джордж Кеннан пришел в конце 1945 г. к выводу, что нельзя допустить попадания в руки русских трех регионов Земли: Соединенного Королевства, долины Рейна и Японских островов. Установив контроль над этими зонами, американцы методично довели дело до 1991 г. Главными вехами на этом пути были Бреттон Вудс, «план Маршалла», создание НАТО.

С тех пор американские войска размещены в Германии и на Японских островах. Соединенные Штаты овладели контролем над двумя наиболее мощными и до второй мировой войны соперничавшими с ними индустриальными зонами — германской и японской, а также получили влияние в пределах прежних западноевропейских колониальных империй. Все это возвело США на вершину капиталистического мира, создало Вашингтону положение имперской столицы, диктующей свои условия практически всем странам за пределами мира социализма.

Как уже говорилось, созданный в 1944 г. Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР) закрепили уникальное положение доллара в мире, усиливали зависимость ориентирующихся на мировой капиталистический рынок стран от США, превратившихся в гаранта этого рынка. Валюты этих стран теперь непосредственно были связаны с долларом, стабильность их зависела от стабильности американского доллара. МВФ, МБРР и доллар давали ключи для воздействия на дружественные Соединенным Штатам и подчиненные им страны. Существовали, однако, государства, не затронутые экономическим «притяжением» Вашингтона. Прежде всего, разумеется, это относилось к Советскому Союзу, в значительной мере это также относилось к удаленным от мирового капиталистического рынка странам.

5 января 1946 г. Г. Трумэн подготовил послание госсекретарю Дж. Бирнсу. Оно не было отправлено, но свидетельствует о взглядах президента на самую важную внешнеполитическую проблему — характер взаимоотношений с СССР. «У меня нет сомнений в том, что Россия намеревается вторгнуться в Турцию и захватить черноморские проливы, ведущие в Средиземное море... Если России не противопоставить железный кулак и язык сильных выражений, мы будем

на пороге еще одной войны...».

Такое умонастроение говорило ясно об одном: правительство США, заполняя огромный «политический вакуум», образовавшийся после поражения Германии, Японии, Италии и резкого ослабления Англии и Франции, демагогически приписывало «стремление к экспансии» своему недавнему союзнику — СССР, хотя в это время американские, а не советские войска находились в Париже, Лондоне, Токио, Вене, Калькутте, Франкфурте-на-Майне, Гавре, Сеуле, Иокогаме и на Гуаме. Стремление к созданию мировой зоны влияния сопровождалось ростом яростного антисоветизма. Таким образом, эти два направления американской внешней политики были отныне взаимосвязаны, фактически дополняли друг друга. Для создания проамериканского порядка в мире, для его поддержания Соединенным Штатам был необходим предлог, оправдывавший их действия в этом направлении. Он был найден в надуманной «коммунистической агрессии».

30 января 1946 г. президент Г. Трумэн направил запрос конгрессу о предоставлении Англии займа в 3750 млн. долл. Великобритании эта помощь стоила дорого. От Лондона потребовали создания определенных условий, которые открывали бы рынки ослабленной английской империи для мощных американских компаний. С системой имперских преференций Лондона было фактически покончено. Заместитель госсекретаря У. Клейтон с удовлетворением писал: «Мы внесли в переговоры о займе англичанам все необходимые условия».

О займе Советского Союза не было сказано ни слова. А всего лишь год назад, в те дни, когда западные союзники не оправились еще от шока, вызванного германским наступлением в Арденнах, посол США в СССР А. Гарриман вел в Москве переговоры о предоставлении Советскому Союзу на послевоенное восстановление помощи, в размере 6 млрд. долл. В Вашингтоне министр финансов Г. Моргентау называл другую цифру — 10 млрд. долл. После войны Вашингтон стал выискивать, какую новую, политическую, цену должен заплатить Советский Союз за американскую помощь. Цена эта становилась все более высокой. Уже в 1945 г. государственный департамент потребовал прекратить рассмотрение вопроса о помощи СССР до тех пор, пока советская политика «не будет полностью соответствовать нашей официальной международной экономической политике». Говоря об экономических средствах воздействия (обещание займа и др.), Г. Трумэн подчеркивал, что «все козыри находятся в наших руках и русские вынуждены будут прийти к нам».

Во время встречи с А. Гарриманом 23 января 1946 г. И. В. Сталин задал вопрос об американском займе. Посол США ответил, что возникшие в отношениях двух стран трения осложняют этот вопрос.

Попытки анализа

В феврале 1946 г. жесткий подход к СССР окончательно побеждает в вашингтонских кабинетах власти. Это поворотный момент в переходе мира к «холодной войне». Давая установку, президент Трумэн выразил «резкое недовольство недавно проявленной позицией умиротворения в отношении Советского Союза». Президент сказал, что Соединенные Штаты «должны без промедления занять более жесткую позицию». Строго говоря, это была критика стратегии государственного секретаря Бирнса — а тот понимал приказания. И президент не сомневался в настрое новоназначенного американского посла в Москве генерала Смита. «У него правильное направление мысли», — сказал президент Трумэн.

Происходила настоящая поляризация Востока и Запада. Вместо коалиции военных времен на горизонте оформлялась одна и вторая группировка. Прежний латентный характер спора перерастал в открытый, из кабинетов противоречия вырвались на улицы. Западные лидеры впервые стали призывать к росту военных сил, чтобы «встретить угрозу с востока». И противостояние более не ограничивалось Восточной Европой; весной 1946 г. в центр противоречий встал Иран.

Возникает острая нужда в осмыслении и прояснении для всей американской элиты

характера и смысла внешней политики СССР. Министр военно-морского флота Форрестол жалуется, что, при всех усилиях, не может найти адекватного объяснения. Вначале он мобилизует профессора Эдварда Уиллета для «решения загадки России». Вопрос: «Мы имеем дело просто с национальной единицей, или мы имеем дело с национальной единицей плюс философия, доходящая до высот религии?». Уиллет пришел к выводу, что советские лидеры привержены глобальной пролетарской революции, в ходе которой «столкновение между Советской Россией и США кажется неизбежным». Форрестол был настолько удовлетворен выводами профессора, что разослал копии его доклада президенту и членам кабинета, ведущим политическим деятелям и даже папе римскому. Издателю Генри Люсу Форрестол писал: «Я понимаю, что подобные доклады легко высмеять, но среди громкого смеха давайте вспомним, что мы смеялись и над Гитлером».

В это же время раздавал свои меморандумы Чарльз Болен; они были более умеренными. Он видел задачу в том. Чтобы «интегрировать политику диктатуры, исключительно направленной на удовлетворение интересов советского государства, с интересами международного сотрудничества». Но Болен категорически выступал за переговоры, особенно узкие — трехсторонние». Объединенный комитет разведки при Объединенном комитете начальников штабов в феврале 1946 г. пришел к сходным выводам. Цель русских — безопасность, а мировая революция. Указанная постановка вопроса привела к тому, что объектом изучения стала русская национальная психология. И на этом военная разведка споткнулась: «Точного определения и рационального объяснения не может быть дано — по меньшей мере, нерусскими».

С ревностью неопитов американские аналитики начали изучать то, что в русской национальной стилистике мало походит на западный аналог — советские выборы, вернее предвыборную кампанию января-февраля 1946 г. в Верховный Совет СССР. Страшная война оставила отвратительные следы. Члены политбюро говорили о восстановлении, 1946 год был назван «Годом цемента». Обращаясь к внешней арене, Молотов и Маленков заверяли, что Советский союз невозможно запугать. Россия «стала важным фактором международной жизни». Союзники и Россия нуждаются в длительном периоде мира и гарантированной стабильности. Самая важная речь была произнесена, естественно, Сталиным 9 февраля 1946 г. в Большом театре. Он восславил антигитлеровскую коалицию, давшую общую победу. Главная задача страны на грядущие годы — реконструкция. (Речь откомментировали ведущие американские газеты).

В речи И. В. Сталина 9 февраля 1946 г. была выражена озабоченность развитием международной обстановки. Не полагаясь более на помощь из-за границы, СССР принял пятилетний план восстановления, при осуществлении которого приходилось рассчитывать лишь на собственные силы. Представители Запада неспособные увидеть, сколь невелики русские возможности, интерпретировали речь Сталина как идеологию возврата к изоляционизму. Хуже: как знак приверженности ремилитаризации. Судья Верховного Суда США Уильям Дуглас сказал министру военно-морского флота, что «это объявление третьей мировой войны». Далеко не комплимент американскому обществу.

Трезвомыслящие американцы верно поняли разочарование советского руководства, его опасения. «Я сказал У. Буллитту (бывшему послу США в СССР. — А. У.), — писал в дневнике 12 февраля 1946 г. министр торговли Г. Уоллес, — что речь Сталина в определенной мере отражает для него очевидность того, что наши военные готовы к войне с Россией, что они создают базы на всем пути от Гренландии, Исландии, северной Канады и Аляски до Окинавы... Я сказал, Сталин явно знает, что означают эти базы... Мы бросаем им вызов и эта речь говорит о том, что они принимают этот вызов».

Речь Сталина (строго говоря, заурядный советский документ эпохи) породила череду дискуссий в государственном департаменте. Директор Европейского отдела Фримэн Мэтьюз предсказал. Что эта речь будет «Библией для коммунистов по всему миру». Лучшее знавший Сталина Гарриман пытался объяснить, что речь предназначена для внутреннего потребления. «Русские устали. Они принесли невероятные жертвы во время войны. Сейчас их просят с

энтузиазмом принять очередной пятилетний план, а он означает очень тяжелую работу. Он означает станкостроение и оборудование для страны, в которой минимум потребительских товаров. Этим людям просят с энтузиазмом принять огромные жертвы ради своей страны». Русские на протяжении многих столетий подозрительно относятся к иностранцам. И не без основания.

А Элбридж Дюрброу, глава Восточноевропейского отдела, объявил, что данная речь является собой радикальный отход от линии 1928 г. о курсе на изоляционное развитие.

Трумэновскому руководству требовалось более или менее убедительное объяснение своей враждебности к вчерашнему союзнику. Вдохновители американской внешней политики искали необходимое идейное основание для пересмотра всех выработывавшихся в ходе военного сотрудничества форм американо-советских отношений. И оно было найдено. Именно в эти дни в Вашингтон начинают поступать получившие широкую известность телеграммы от американского поверенного в Москве Дж. Кеннана. Ведущие фигуры госдепартамента обратились к молчавшему до сих пор на этот счет основному интерпретатору — американскому посланнику в Москве Джорджу Кеннану, возглавлявшему посольство после отъезда Аверелла Гарримана. Кеннана мучили бесконечные посольские заботы и язва желудка. Он уже объявлял в январе, что скоро уйдет со службы.

Почему? Кеннан полагал, что его недооценивают, он был недоволен официальным курсом, он хотел снова «пустить корни» в Америке. А пока он считал, что в мире дипломатии «методология и тактика имеют столь же важное значение, как и концепции и стратегия». Весь в зимних хворях, он засел за учебник «для тех, кто имеет дело с русскими»: «Не затевай высокопарный обмен взглядами с русскими, если инициатива хотя бы на 50 процентов не исходит от их стороны. Не колебаясь, используй „орудие главного калибра“ даже во второстепенных вопросах. Не бойся неприятностей и публичного выяснения противоречий». Получив запрос из госдепартамента, Кеннан в вышеприведенном духе написал то, что явилось самой длинной телеграммой в истории госдепартамента. И, как оказалось, наиболее влиятельной.

Идеи Кеннана

Нигде в телеграммах автор не говорил об агрессивности СССР, о планах завоевания мирового господства. Он писал о «традиционном и инстинктивном чувстве уязвимости, существующем у русских». Советские военные усилия он оценивал как оборонительные. Но в прогнозировании этих оборонительных усилий Кеннан проявлял немалые вольности. Он, в частности, допускал возможность таких действий со стороны СССР, как захват ряда пунктов в Иране и Турции, попытки овладеть каким-либо портом в Персидском заливе или даже базой в Гибралтаре (!). Показ СССР в качестве «неумолимой враждебной силы», с которой можно разговаривать лишь языком силы, способствовал неверным выводам Вашингтона. Вдохновители американской внешней политики искали и получили необходимое идейное основание для пересмотра всех выработывавшихся в ходе военного сотрудничества форм американо-советских отношений.

Два пункта геополитического видения Джорджа Кеннана выявили (убедительно для окружающих) телеграммы Кеннана, когда он размышлял, находясь в архитектурно вычурном здании американского посольства на Манежной площади — напротив Кремля.

Первое. Геополитически мир не равнозначен; есть зоны первостепенной важности и менее важные., Джордж Кеннан пришел в конце 1945 г. к выводу, что двумя самыми важными странами для Соединенных Штатов в XX веке были Германия и Япония. Именно останавливая их движение к мировому господству Америка участвовала в двух мировых войнах. Соединенные Штаты использовали твердое основание — массовый страх перед Германией в Европе и перед Японией в Азии. «Германия и Япония, — писал Дж. Кеннан, — являются собой две главные фигуры на шахматной доске мировой политики». Он настойчиво доказывал, что ни при каких

обстоятельствах нельзя допустить попадания в руки русских трех регионов Земли: Соединенного Королевства, долины Рейна и Японских островов.

Второе. Кеннан убедительно для пребывающего в недоумении Вашингтона объяснил внешнюю политику России. Основной смысл (в этом отношении) знаменитой «длинной телеграммы» 1946 г. Дж. Кеннана можно выразить его одной фразой: «Мы имеем дело с политической силой, фанатически приверженной идее, что не может быть найдено постоянного способа сосуществования с Соединенными Штатами; желательно и необходимо содействовать подрыву стабильности американского общества, уничтожению традиционного образа жизни американского общества, ослаблению внешнего влияния Америки — для того, чтобы обеспечить безопасность советской власти.» (Сейчас историки склоняются к мысли, что это было некоторое преувеличение). И добавил: «Мировой коммунизм — это злокачественный паразит, который, живет только на больной ткани».

Кеннан не считал, что в Кремле есть некий план завоевания всей Европы и мира. Он считал Сталина и его окружение своего рода оппортунистами, использующими благоприятное стечение обстоятельств. Россия распространяет свою мощь там, где ей нет сопротивления — «как вода течет, подчиняясь законам гравитации». Ей можно поставить препятствие — и не обязательно военное.

Основная мысль обеих («большой» и «малой») телеграмм заключалась в том, что Соединенным Штатам волею исторических обстоятельств придется долгое — едва ли не неограниченное время — сосуществовать с Советским Союзом, ожидая — спокойно, упорно и настойчиво — изменения исторических обстоятельств в более благоприятную для себя сторону. Задачей Вашингтона (считал Кеннан) было спокойно и уверенно ожидать благоприятной эволюции советского режима, он призывал не поддаваться эмоциям, избегать самоубийственной воинственности, ожидая, что со временем — после ухода Сталина — советский режим обнаружит способность смягчиться, принять менее агрессивные формы и эволюционировать в желательном для США направлении.

Кеннан призвал Соединенные Штаты «вооружиться политикой твердого сдерживания, предназначенного противостоять русским несокрушимой контрсилой в каждой точке, где они выразят намерение посягнуть на интересы мирного и стабильного мира». В изображении Дж. Кеннана, Советский Союз «движется неотвратимо по предначертанному пути, как заведенная игрушка, которая останавливается только тогда, когда встречает непреодолимое препятствие». Таким препятствием должна быть целенаправленная политика США по «сдерживанию» СССР.

После так называемой «длинной телеграммы» (февраль 1946 г.) Кеннана проводники американской политики получили желанное моральное и интеллектуальное оправдание своей деятельности на годы и десятилетия вперед. «Сдерживание», термин из этой телеграммы, надолго стало популярнейшим символом американской внешней политики. Историческая заслуга Кеннана: он концептуализировал стратегию «сдерживания», containment'a со значительным невоенным компонентом и в дальнейшем он руководил вырабатывающим стратегические концепции комитетом, сделавшим свой вклад в выработку «плана Маршала». Джордж Кеннан долгое время занимался Россией, ее культурой и менталитетом, пришедшей в 1917 г. идеологией. Его долгий опыт изучения русской истории и психологии убеждал его в том, что источником поведения российских правителей является особая комбинация чувства незащищенности и параллельно — цинизма, сочетание этих двух принципов формируют в Москве особую стратегическую концепцию, главенствующую в выработке и осуществлении внешней политики России.

Но Кеннан был категорически против неких «крестовых походов» против коммунизма. Ему казались самоубийственными претенциозность, триумфализм, самоуверенность, бесшабашность в реализации американской внешней политики. Он чрезвычайно критически оценивал подачу «Американской мечты как лишенную каких бы то ни было негативных сторон».

Кеннан выступал против «истерического типа антикоммунизма», который мог заменить прежний, предшествующий стереотип благожелательной. Готовой к сотрудничеству России —

образ, сложившийся в годы администрации Франклина Рузвельта. Он постоянно повторял, что русская внешняя политика осуществляется не посредством военных захватов, а при помощи оказания политического давления. Всякие преувеличения типа того, что Россия готовится к захвату Западной Европы военными средствами «преимущественно плодом западного воображения». Перед лицом призывов к антикоммунистическому крестовому походу Кеннан спокойно убеждал: «Эти люди — не людоеды; они просто плохо ориентируются и у них искаженная психика». Кеннан не считал, что русский коммунизм смертельно опасен для Запада и Америки. Очень важно: он видел возможности

Нигде в телеграммах автор не говорил об агрессивности СССР, о планах завоевания мирового господства. Он писал о «традиционном и инстинктивном чувстве уязвимости, присущем русским». оветские военные усилия он оценивал как оборонительные. Но в прогнозировании этих оборонительных усилий Кеннан проявлял немалые вольности. Он, в частности, допускал возможность таких действий со стороны СССР, как захват ряда пунктов в Иране и Турции, попытки овладеть каким-либо портом в Персидском заливе или даже базой в Гибралтаре (!). Показ СССР в качестве «неумолимой враждебной силы», с которой можно разговаривать лишь языком силы, способствовал выводам Вашингтона.

Он всегда откровенно боялся «монстров, возникающих как бы ниоткуда, словно результат черной магии. Мы сами заводим себя в тупик верой в то, что, если бы от них можно было бы избавиться, как от злых духов, нанеся им военное поражение, тогда они исчезли бы полностью и наш мир был бы восстановлен для нас так, словно их никогда и не существовало».

В середине апреля 1946 г. Кеннан пишет другу: «Если мы сможем сдерживать горячие головы, всех наживающихся на панике, и держать политический курс твердо и ровно, тогда с пессимизмом можно покончить».

(В своих мемуарах, вышедших в свет в 1968 г. Кеннан прямо говорит, что был неправильно понят, что он никогда не призывал к строительству сети военных союзов вокруг Советского Союза. Понадобилось несколько десятков лет, чтобы многие американские политологи, наконец, пришли к выводу, что Советская Россия в послевоенные годы была намеренно представлена ими экспансионистской державой и что доказательства этого экспансионизма были надуманны).

И.В. Сталин обычно принимал иностранных дипломатов в десять часов вечера. Именно в этот час в начале апреля 1946 г. Сталин принимал в своем кабинете в Кремле Уолтера Беделл Смита — бывшего начальника штаба у генерала Эйзенхауэра, а ныне новоназначенного посла США в СССР. За спиной Сталина висели портреты Суворова и Кутузова. Деревянные панели окружали стены. Посол начал беседу словами: «Чего желает Советский Союз и как далеко Россия собирается идти?» «Не очень далеко, — ответил Сталин. Посол Смит перечислил прибалтийские республики, дал свою характеристику балканской ситуации и положению на Ближнем Востоке. „Мы спрашиваем друг друга — это что, только начало?“.

Влияние телеграмм

Кеннан мастерски нарисовал картину послевоенного мира. Из его слов значило, что ситуация развивается в плане, приближенном к военному. От «санитарного кордона» он перешел к идее сдерживания силою всего Запада, объединенного Соединенными Штатами. Кеннан сделал особый упор на идеологии, он представил Сталина фанатичным революционером, а не осторожным, все калькулирующим политиком, каким он был в реальности. Кеннан, заметим, писал в то самое время, когда Сталин требовал учитывать соотношение сил, колебнувшееся, по его словам, в сторону Запада — и прежде всего, в сторону Соединенных Штатов.

Вина Кеннана перед историей заключается в том, что он категорически отверг возможность заинтересованности Советского Союза в стабильности и компромиссе, очевидность того, что СССР преследует ограниченные цели. Кеннан категорически отказывался смотреть на главное: Россия была едва ли не смертельно ранена жесточайшей из мировых войн. Травматический эффект этой войны сказывался повсюду, в том числе и на поведении руководства. Вина Кеннана

в том, что он игнорировал огромные сдерживающие обстоятельства. Раненого союзника он показал как революционно непримиримого врага. Пустую (неизбежную) риторику он подал как соль русской политики. И самая страшная беда заключалась в том, что в самой могущественной стране мира не задались вопросом: как может страна с такой травмой претендовать чуть ли не на мировое могущество? Как признанный двумя американскими президентами рациональный реалист быть неумолимым фанатиком? Как мог Кеннан — признанный дипломат — всеуслышание объявить о бессмысленности своей профессии?

Своей «длинной телеграммой» Кеннан фактически «похоронил Ялту» как способ международного сотрудничества. Реакция Вашингтона была исключительно быстрой и действенной. Имя Кеннана узнали в Белом доме и вокруг. Не речь Сталина, а «длинная телеграмма» Кеннана стала Библией своего времени, по крайней мере, Библией творцов американской внешней политики. Бирнс назвал ее «превосходным анализом». Мэттьюз охарактеризовал ее как «великолепную». Военноморской атташе США в Москве Стивенс: «Я не могу преувеличить ее значение для нас» — и рекомендовал ее своим начальникам. (Все предшествующее в сфере американо-советских отношений Стивенс назвал бессмыслицей). Замгоссекретаря Бентон — Кеннану: «Могу ли я сказать Вам, сколь большое впечатление произвела ваша телеграмма?» Копии ее были разосланы во все посольства и во все министерства. Военно-морской министр Форрестол не расставался с этим документом. Он сделал сотни его копий и раздавал всем желающим.

Для правящего класса США было важно то, что Кеннан дал «рациональное» объяснение поспешному созданию американской зоны влияния. После «длинной телеграммы» Кеннана проводники экспансионистской политики получили желанное моральное и интеллектуальное оправдание своей деятельности на годы и десятилетия вперед. «Сдерживание», термин из этой телеграммы, надолго стало популярнейшим символом американской внешней политики. Чтобы «сдержать» СССР, Соединенные Штаты окружили советскую территорию базами и военными плацдармами, позади которых оставался зависимый от США мир. Повторим: в это время американские, а не советские войска находились в Париже, Лондоне, Токио, Вене, Калькутте, Франкфурте-на-Майне, Гавре, Сеуле, Иокогаме и на Гуаме.

Популярный журнал «Тайм» поместил на всю страницу статью, являвшуюся, по существу, пересказом «длинной телеграммы», и снабдил ее выразительной картой под заглавием «Коммунистическая эпидемия». Иран, Турция и Маньчжурия, поданные в выразительном розовом цвете, были названы «зараженными». Открытыми «заражению» подавались Саудовская Аравия, Египет, Афганистан и Индия. Текст не имел кеннановской эlegantности: «Россия жаждет влияния. Россия желает безопасности. Россия хочет престижа. Россия рассматривает мир как возможность и поступает в этом отношении эффективнее, чем цари, лучше чем большевики десятилетием-двумя ранее... Придавая идеологический характер болезни, Россия чувствует себя в безопасности только одев халат врача».

После так называемой «длинной телеграммы» Кеннана проводники экспансионистской политики получили желанное моральное и интеллектуальное оправдание своей деятельности на годы и десятилетия вперед. «Сдерживание», термин из этой телеграммы, надолго стало популярнейшим символом в американской внешней политике. Чтобы «сдержать» СССР, Соединенные Штаты буквально окружили советскую территорию базами и военными плацдармами, позади которых оставался зависимый от США мир.

Изоляционизм в лице таких талантливых своих сторонников как сенатор Роберт Тафт, отступал. Вильсонизм нового разлива побеждал в массе американского населения — они верили теперь в ООН, направляемую Соединенными Штатами. Значительная часть республиканцев склонна была поддержать самоутверждающегося Трумэна. Сенатор Смит писал Тафту: «Президент и Бирнс обязаны расколоть несколько твердых орехов и, как мне кажется, жизненно важно для них иметь широкую национальную поддержку».

Голоса умеренных звучали все глуше. Скажем, сенатор Тоби осудил «попытки мобилизовать общественное мнение против Советского Союза... Я считаю такие попытки

опасными и непродуманными... Главные национальные интересы наших двух стран не противоречат друг другу. У нас были противоречия, у нас будут новые противоречия, но они никогда не будут важнее наших общих целей». Золотые слова.

Совет Детройта по внешним сношениям пригласил Даллеса разъяснить, что происходит. «дважды или трижды после яростных дискуссий мы приходили к заключению, что Соединенные Штаты и Россия могут сосуществовать в одном мире, пользуясь миром и общей гармонией. Мы пришли к заключению, что Россия желает только обезопасить свои границы, внутренне Россия не подготовлена к еще одной войне и, следовательно, не желает ее, не посягает на чужую территорию и не принуждает других поверить в коммунизм. Мы верим во все это, но мы смущены и хотели бы услышать чужое просвещенное мнение».

Советник Люшиуса Клея — главы американской оккупационной администрации в Германии — Роберт Мэрфи выступил против концепции Кеннана. Ведь американцы продуктивно сотрудничают с русскими в самом важном, критическом месте, в Германии. Его руководитель из госдепа Фримен Мэтьюз постарался поставить Мэрфи на место: «У вас искаженная общая картина». Дипломатам указали на скорректированный новый курс правительства. Москва желает не мира и стабильности, а инфильтрации в чужие пределы.

Нетрудно представить, что было бы, если бы Советский Союз решил в эти годы сдерживать США, их очевидную экспансию. Несомненно, что Америка восприняла бы это как эквивалент начальной стадии третьей мировой войны.

Левиафан на мировой арене

По мере расширения зоны американского влияния в мире увеличивалась значимость аппарата федеральной власти, готового теперь к решению не только американских проблем. Государственная машина США за годы второй мировой войны превратилась в гиганта. Расходы по федеральному бюджету увеличились с 9 млрд. долл. в 1940 году до 98 млрд. долл. в 1945 г. Для правительства, ставшего подлинным левиафаном, главной проблемой в год военного триумфа стал, как ни странно, мир. В первые 10 дней после окончания войны почти 2 млн. американцев потеряли работу. Капиталистическому обществу предстояло приспособиться к мирному периоду.

Больше всего в это время американскую правящую элиту тревожил вопрос о демобилизации армии. Задержка решения этого вопроса была не понятна американскому народу. Президент Трумэн после мучительных раздумий принял решение: ввести в стране всеобщее военное обучение. Эта идея выдвигалась военными кругами, которые не хотели, чтобы армия была распущена, как это было после первой мировой войны. Все лица мужского пола в возрасте от 18 до 20 лет призывались на годичное военное обучение. В истории США не было прецедентов подобного рода. Имперская политика с ее идеологией, пафосом экспансии и обещаниями «мира по-американски» способствовала массовой милитаризации.

Предусматривалось в качестве основы военной мощи США содержать вооруженные силы, состоящие из трех компонентов: 1) регулярная армия, военно-морские силы, морская пехота; 2) усиленная национальная гвардия и так называемые организованные силы резерва; 3) общие силы резерва, состоящие из лиц, получивших годичное военное образование. «Мы должны осознать, — убеждал Г. Трумэн конгресс, — что мир необходимо строить на силе». Выступая на церемонии спуска на воду нового авианосца «Франклин Д. Рузвельт» 27 октября 1945 г., президент заявил, что, несмотря на текущую демобилизацию, США сохранят свою мощь на морях, на земле и в воздухе. Готово было и объяснение политики милитаризации. «Мы получили горький ~рок того, что слабость республики (США) провоцирует людей злой воли потрясать самые основания цивилизации во всем мире». Президент имел в виду уроки предвоенного изоляционизма США. Но это была слишком вольная трактовка истории. Ведь не «слабость США», а потакание агрессорам, стимулирование их appetitov на Востоке, антисоветская политика дали возможность вырваться силам агрессии в 30-е годы.

Отметим, что первый набор целей для атомной бомбардировки Советского союза был подготовлен Объединенным разведывательным штабом при Объединенном комитете

начальников штабов 3 ноября 1945 г. Хороши союзники, готовые применить атомное оружие в год победы против того, кто сберег им миллионы жизней.

Чтобы централизовать управление всеми вооруженными силами страны, президент Г. Трумэн в специальном послании конгрессу 19 декабря 1945 г. рекомендовал создать министерство национальной обороны, которое объединило бы под своим командованием наземные, военно-морские и военно-воздушные силы США. К концу 1945 года новые нужды потребовали реорганизации военных, разведывательных и планирующих органов. Были выдвинуты проекты создания совета национальной безопасности и главной разведывательной организации глобального охвата — Центрального разведывательного управления (ЦРУ).

Что же касается СССР, то в начале 1946 г. были проложены дороги к Челябинску-40, а позднее началось рытье котлована. Не менее 70 тыс. заключенных работали в несколько смен.

Начало «холодной войны»

Помощь США в формировании идеологии глобальной экспансии оказал У. Черчилль, который весной 1946 г. отдыхал во Флориде. Для окончания первой картины понадобилось всего три дня.

К ставшему президентом Гарри Трумэну, гордящемуся своей простотой и доступностью, стали прибывать земляки из Миссури с относительно небольшими просьбами. В январе 1946 г. они просили прислать кого-либо из сенаторов на открытие заурядного колледжа в миссурийском городке Фултон. Патриот своих краев, президент Трумэн отреагировал неожиданно: «Зачем нам просить неких сенаторов, когда во Флориде отдыхает самый большой златоуст англосаксонского мира — отставной премьер Уинстон Черчилль». Черчилль на просьбу откликнулся, выдвинув лишь одно условие: «Выступлю в случае присутствия в зале президента Соединенных Штатов». Британский Форин оффис. Отражая нужду Британии в 3, 75 млрд. долл. американского займа, снабдил экс-премьера дополнительными документами.

Черчилль и Трумэн никогда ранее не имели возможности человеческого сближения. В Потсдаме Трумэн был слишком занят атомной бомбой, а Черчилль эмоционально переживал предвыборную кампанию в Британии. И лишь теперь, расслабившись, они сели друг против друга. Черчилль хитро блеснул глазами: «Пребывая в неведомых мне краях, я неизменно пользуюсь следующим правилом — несколько капель виски в местную воду. Чтобы нейтрализовать бактерии». Трумэн согласно кивнул. В 1940-е годы железные дороги в США держались на плаву преимущественно за счет превосходной кухни и широкого выбора напитков. Двое в президентском поезде позволили себе расслабиться. В конечном счете, президент Трумэн попросил униформу кондуктора и в течение сорока минут опробовал паровозный гудок. Черчилль молча улыбался новому другу.

Реальность остановила их праздник неожиданно. Фултон оказался городом, где полностью было запрещена продажа алкоголя. Не зная этого обстоятельства невозможно понять первых слов вышедшего на трибуну Черчилля: «Я думал, что нахожусь в Фултоне, штат Миссури, а оказался в Фултоне, Сахара» (намек на «сухой закон» — А.У.). Речь отличалась исключительной антирусской воинственностью, смысл ее сводится к одной фразе — «единственное, что хорошо понимают русские — это сила». Черчилль произнес знаменитые отныне слова: «Между Триестом на юге и Штеттином на севере на Европу опустился „железный занавес“. Русские не желают войны, но они хотят получить плоды войны и безграничную экспансию их мощи и доктрин — „нет ничего, чем они восхищались бы больше, чем сила... Единственным способом избежать худшего является братская ассоциация англоговорящих народов“.

Зал замер. Происходило страшное и печальное; обозначились контуры нового столкновения в мировых масштабах. Черчилль метал грома и молнии. Под занавес речи президент Трумэн, усиленно аплодировавший словам британского экс-премьера, послал оратору вдохновенную записку: «Уинстон, самолет из Канады только что доставил превосходный виски». Эффект этой записки легко обнаружить, читая концовку фултонской речи 5 марта 1946

г., где Черчилль, неожиданно смягчившись, воздал хвалу «нашим русским боевым товарищам». Эта речь имеет отношение не только к алкоголю. Не российская сторона сохраняет сегодня «железный занавес» в своих контактах с Западом, внутри которого перемещение так упрощено.

Черчилль говорил, что русские не желают войны, но они желают иметь плоды войны, «ныне происходящего распространения их мощи и идейного влияния». Им может противостоять только союз англоязычных народов, союз Британии и Соединенных Штатов. Ибо он знает, что русские более всего уважают силу, и более всего презирают слабость — а более всего военную слабость. Оптимальным курсом на будущее У. Черчилль считал «братскую ассоциацию говорящих по-английски народов». Ассоциация должна была стать военным союзом, ибо «все, что я видел во время войны, убеждает меня в том, что на русских ничто не производит большего впечатления, чем сила». Это было начало трагического пути гонки вооружений. Аудитория читала на лице президента Трумэна полное одобрение. Он несколько раз аплодировал английскому политику.

Запад не сразу принял предлагаемый опасный курс. Редакционные статьи газет обвиняли Черчилля в отравлении и без того сложных отношений. Уолтер Липпман назвал выступление «почти катастрофической ошибкой». Гарольд Икес назвал президента «глупцом». Генри Уоллес требовал отмежеваться от Черчилля. Испуганный Трумэн, возвратившись в Вашингтон, сказал, что ничего не знал о содержании фултонской речи Черчилля. Сталину было послано приглашение посетить Соединенные Штаты и сопровождать его в университет Миссури для подобной же речи. Но печально знаменитое выступление У. Черчилля в Фултоне соответствовало настроениям правых сил в США, решивших «выяснить свои отношения» с Востоком. Гарриман, Форрестол, Леги, Ачесон одобрили фултонскую речь. Форрестол с удовлетворением пишет в дневнике, что Черчилль согласился с моим анализом: «Мы имеем дело не только с Россией как с национальной единицей, но с экспансионистской мощью России времен Петра Великого да к тому еще плюс и дополнительная миссионерская религиозная сила». Черчилль добавил внимательно слушавшему его Форрестолу, что «влияние России проникнет через Германию в Голландию и Бельгию, перерезая тем самым сонную артерию Британской империи». Русские не знают таких понятий как «честное ведение дел», «честь», «доверие» и даже «правда» — они эти понятия воспринимают как негативные. «Они постараются попробовать на прочность каждую дверь в доме, войдут во все не закрытые двери, а когда навесят все доступное, удалятся и с гениальной простотой пригласят вас отужинать этим же вечером».

Форрестол пишет 11 апреля коллеге по бизнесу Кларенсу Диллону: «Комми стремительно продвигаются во Франции, на Балканах, в Японии и повсюду, где подворачивается возможность. Их преимущество — в наличии во всех этих странах коммунистических партий... Мне кажется. Что нынешняя угроза посильнее той, что мы видели в тридцатых годах. Надеюсь, еще не поздно».

Во время встречи со Сталиным новый посол Беделл Смит спросил прямо: «Складывается ли у Кремля представление, что США и Британия объединяют усилия против России?». Сталин ответил утвердительно.

После Фултона

Военно-морской флот пригласил шестьдесят конгрессменов понаблюдать за предстоящими в Тихом океане на атолле Бикини атомными испытаниями. Когда журналисты спросили Трумэна, разделяет ли тот антирусские взгляды, президент сказал, что «ему нечего добавить». В отношениях с журналистами возникло неведомое прежде напряжение. Все чаще звучало: «Без комментариев». Как пишет современный историк, «издателям „Лайфа“ и сходной республиканской „Тайм“ было теперь абсолютно ясно, что Трумэн — человек средних способностей и выпавшая на его долю задача слишком велика для него». Жена сенатора Тафта сказала: «Трумэн — это ошибка». В газетах обсуждали его крепкие напитки и неистребимую

любовь к покеру.

3 июня 1946 г. вернувшийся из Англии Леги утверждает, что американские и британские войска в Германии абсолютно неспособны остановить русское наступление на Запад. Черчилль полон горечи по поводу политики Эттли в Египте и решения «оставить Индию».

Язык, которым начала говорить американская дипломатия, уже резко отличался от корректности посланий военных лет. Отныне открытая воинственность стала господствовать в тоне американской дипломатии.

В возникавшей ситуации лишь наиболее хладнокровные среди американских государственных деятелей стремились сохранить трезвость мышления и сберечь «тропу мира» — советско-американское взаимопонимание. Наиболее выдающийся из представителей рузвельтовской плеяды, оставшийся в правительстве, — Г. Уоллес писал Г. Трумэну через десять дней после речи У. Черчилля в Фултоне: «Многое из поведения Советов в последнее время объясняется их тяжелыми экономическими нуждами и их постоянным чувством отсутствия безопасности. События последних нескольких месяцев возвратили Советы к их господствовавшим до 1939 г. страхам капиталистического окружения». Уоллес предложил послать в СССР экономическую миссию. Трумэн категорически отверг эту идею. Намерение Вашингтона оказать экономическую помощь тому, кто своими жертвами сократил американские потери в мировой войне, исчезло вовсе.

К июню 1946 г. советский атомный проект стал развиваться быстрыми темпами. Началось производство металлического урана для первого советского реактора. Были подготовлены места для размещения реакторов, производящих плутоний, газодиффузионного завода по разделению изотопов и оружейной лаборатории. Как пишет Д. Холловэй, «Сталин и его коллеги не надеялись на помощь Соединенных Штатов в создании бомбы, ни на отказ Соединенных Штатов от своей монополии. Напротив, они ожидали, что Соединенные Штаты попытаются удержать свою монополию так долго, насколько это возможно и используют ее для давления на Советский Союз». Согласно широко дискутируемому тогда «плану Баруха», Советскому Союзу предлагалось отказаться от атомной бомбы и согласиться на создание мощного международного контрольного агентства до того, как Соединенные Штаты допустят контроль за своими собственными атомными бомбами и атомными установками.

Президент Трумэн тем временем держал в руках номер журнала «Кольерс» со статьей «Несчастливый год Трумэна». А мать прислала ему письмо с призывом «быть твердым». Леги со своей стороны призывал покончить с политикой умиротворения Советского Союза. В этой обстановке Бирнс «отказывался играть роль Рузвельта». А военные подготовили к июню 1946 г. план «Пинчер», рассматривавший атомную бомбу как «явное преимущество» в стратегическом военно-воздушном нападении на Советский Союз.

Иран

В начале 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН начала рассматривать вопрос о выводе советских войск из поделенного Москвой и Лондоном в 1941 г. на зоны влияния Ирана.

Понимая важность происходящего, госсекретарь Бирнс теперь отдавал свои речи для предварительного прочтения президенту Трумэну, от прежней самостоятельности «лихого ирландца» Бирнса не осталось и следа. Так Трумэн заранее одобрил речь Бирнса в Клубе зарубежной прессы 28 февраля 1946 г., в которой «атака» на политику СССР в Иране была неприкрытой. Стало также ясно, что Бирнс отходит от «кабинетной» дипломатии к публично-массовому стилю. Он заявил, что Соединенные Штаты используют свое военное влияние для того, чтобы побудить другие страны «жить в соответствии с Уставом ООН».

Иран был готов к решению великих держав и не он диктовал условия. Иранский премьер Кавам провел три недели в Москве в феврале и марте 1946 г. и, казалось, что обстановка нормализуется. СССР пообещал вывести войска и выразил готовность к совместным нефтяным разработкам. Иран соглашался на некоторую долю автономии для иранского Азербайджана. В

Тегеран Москва обещала послать самого вежливого из своих дипломатов. Кавам был особенно доволен разрешением нефтяных противоречий. Но Бирнс приказал ему даже не упоминать о нефтяных сделках при слушаниях в Совете Безопасности ООН.

Впервые после второй мировой войны в воздухе запахло порохом. Американский консул в Северном Иране ездил с инспекциями: как готовится уход советских войск. В здании госдепартамента была приготовлена большая карта Северного Ирана, и стрелы показывали движение советских войск. Трумэн открыто говорил, что не потерпит «советизированного Ирана».

Во время визита Кавама в Москву советские руководители произносили бравые речи, но практически всем наблюдателям было ясно, что Советский Союз испытывает значительные опасения. И правительство Соединенных Штатов в данном случае действовало исходя из (ложного) предположения, что СССР постарается захватить Иран, как минимум, удержаться в его северной части.

5 марта 1946 г. государственный департамент послал министерству иностранных дел СССР ноту, предупреждающую, что «Соединенные Штаты не могут оставаться индифферентными» к положению в Иране «. США угрожали силой по поводу событий в этом регионе, отстоявшем от США на расстоянии, почти равном половине экватора. Можно вообразить эффект, который имела бы советская нота, пытающаяся регулировать отношения США с Мексикой! Неопровержимо, и с этим согласны большинство американских историков, что СССР был настроен искать компромиссное решение.

Даже генеральный секретарь ООН Трюгве Ли советовал американцам предоставить инициативу советско-иранским переговорам и не вмешивать ООН в решаемое дело. Не тут-то было. Американские дипломаты только повысили тон. Советский представитель с ООН Громыко заявил, что СССР выведет войска к 10 апреля. Американцы оказывали невиданное давление на Тегеран, требуя от того жесткости в отношении СССР. Бирнс лично приехал в Нью-Йорк и далеко не дипломатичным языком требовал ухода русских из Ирана. (Интересно, как американцы восприняли бы советское требование покинуть, скажем, Гуантанамо?) Находясь под невиданным психологическим давлением, Громыко покинул Совет Безопасности. Первый в череде случаев.

Советский Союз высоко ценил свои отношения с союзником времен войны. В апреле 1946 г. советские войска покинули иранскую территорию. (Говоря объективно, это был результат советско иранской договоренности, а не давления США). Но американская дипломатия уже закусила удила. Эта акция Советского Союза стала подаваться, как «уступка американской твердости, которой ничто в мире не могло противостоять».

Этот кризис ускорил поляризацию по линии противостояния Запада и Востока. Это также был первый шаг в, с позволения сказать, соревновании США и СССР в среде развивающихся стран. Это был первый акт «холодной войны».

В день, когда кризис завершился соглашением в Тегеране — 4 апреля 1946 г., американский посол Уолтер Беделл Смит навесил Кремль. Сталин долго говорил об Иране. У него было лишь одно пожелание: правительство в Тегеране не должно быть настроено против Советского Союза. Он критически оценил жесткую позицию Америки, ее отказ отсрочить заседание Совета Безопасности ООН. «Если бы этого попросили Соединенные Штаты, советский союз всегда пошел бы навстречу». Он заверил посла Смита, что СССР не собирается покидать ООН. Сталин назвал речь о «железом занавесе» недружественным жестом. Россия никогда не позволила бы такой жест в отношении США. Смит спросил, полагает ли Сталин, что США и Британия находятся в сговоре? — «Да», — ответил Сталин.

Начинающуюся в Париже Мирную конференцию американцы (слова Бирнса, адресованные Бидо) готовы были покинуть. Если поведение русских им не покажется. При этом Бирнс спросил Бидо, министра иностранных дел Франции: «Чем руководствуются русские, требованиями безопасности или экспансией?».

Военный аспект

В эти месяцы президент США или его доверенные лица могли достаточно легко облететь весь мир — воздушная техника уже позволяла. И везде их встретили бы американские проконсулы. Эта планета становилась обжитым местом для американских военных. Американский проконсул в Германии Маклой уже осенью 1945 г. сказал: «Мир смотрит на Соединенные Штаты как на единственную державу, способную обеспечить безопасность всего мира».

Между 1940 и 1945 годами численность персонала одних только военно-морских сил США выросла со 161 тысячи чел. до 3,4 млн. чел. За это время США произвели стали больше, чем весь остальной мир.

Как смотрел на проблему Сталин? Во время встречи с Черчиллем в октябре 1944 г. он размышлял: «Люди пьют и развязываются их языки. Мне кажется, что наши союзники не были готовы к войне, эта идея может выглядеть парадоксальной... Мы все были неготовы и не из-за нашей глупости... Опыт первой и второй мировых войн показывает, что миролюбивые нации — Британия, Соединенные Штаты, Советский Союз — из-за своей миролюбивой политики приговорены быть неготовыми к войне... В этом преимущество агрессоров и слабое место миролюбивых наций. Это закон... Кого винить? Медленный характер развития действий — это закон. Какие можно сделать выводы?» В будущем более значительной будет роль организаций по безопасности и органов предотвращения войн. Великие державы создадут небольшие постоянные армии.

Послевоенная система отвергла мир, охраняемый армиями великих держав. Суверенитет остался единоличным и коллективные усилия не возобладали.

Одновременно с нажимом на СССР Трумэн удвоил усилия по прекращению демобилизации армии. В послании конгрессу «О положении страны» президент отметил, что, если не будет набрано необходимое число добровольцев, он продлит акт о выборочной службе в армии, срок которого истек 16 мая 1946 г. За месяц до этого Г. Трумэн «предупредил Америку»: «Либо мы должны будем задержать наших людей в далеких странах, ...либо мы повернемся спиной к врагу как раз перед тем, как будет обеспечена окончательная победа». А в июле 1946 г. Соединенные Штаты взорвали две атомные бомбы на атолле Бикини — над водой и под поверхностью океана.

Кого же считал американский президент врагами Америки в то время, когда казалось безумием даже допускать мысль о новом мировом конфликте? Американская элита начала строить «мир по-американски», и врагами Америки стала считать всех, кто в этот мир либо не вписывался, либо нарушил порядок вещей, устанавливаемый Соединенными Штатами. Под давлением президента и военных конгресс продлил акт о выборочной службе в армии до 31 марта 1947 г. Речь шла о сохранении сухопутных армейских частей. К тому же Соединенные Штаты в тот «роковой» период усилили военно-морской флот (авианосец класса «Мидуэй» был спущен на воду в 1945 г.) и военно-воздушные силы. Надо всей этой пирамидой неслыханной мощи возвышалось ядерное оружие, совершенствование которого продолжалось (испытания на атолле Бикини были произведены в июле 1946 г.).

Непримиримые

Чтобы сдвинуть страну с пути перехода на мирные рельсы и повести ее курсом милитаризации, необходимы были значительные усилия. Во второй половине 40-х годов во внутриполитической обстановке страны появились благоприятные для этого условия. Во-первых, умер президент Ф. Д. Рузвельт, бывший своеобразным центром притяжения либералов. После Ф. Рузвельта не нашлось фигуры нужного масштаба, которая смогла бы обеспечить объединение либеральных сил. Во-вторых, нарождающийся маккартизм сделал невозможной даже обычную практику буржуазных парламентских дискуссии, поскольку страну

захлестнул антисоветизм. Он ввел в состояние оцепенения тех критически настроенных политиков, которые делали такие дискуссии возможными. Уже никто не решался выступить против претензий США на роль мирового лидера, не говоря уже о том, чтобы отстаивать курс на достижение взаимопонимания с СССР. Все это считалось непатриотичным. В-третьих, отдельные организации либералов не только не стремились к объединению, но, напротив, проявляли взаимную нетерпимость. Отсутствие сплоченности у либералов на фоне единства правых обрекло сторонников «Нового курса» на поражение. Правые прочно взяли власть в свои руки, и нигде, пожалуй, это не ощущалось с такой силой, как в области выработки и проведения внешней политики.

Осенью 1946 г. представители Уолл-стрита, банкиры и адвокаты Форрестол, Патерсон, Ловетт, Макклой разработали новую, более централизованную систему управления вооруженными силами США. Был учрежден пост министра обороны, стоявшего над военным, военно-морским и только что созданным министерством ВВС. Для помощи президенту в осуществлении глобальных имперских функций был создан совет национальной безопасности.

На выборах 1946 г. победила республиканская партия. Ее лидеры оказали Г. Трумэну и его окружению самую энергичную поддержку в ориентации правительства на внешнюю экспансию. Особенно влиятельной была роль председателя сенатской комиссии по иностранным делам А. Ванденберга, ведущего специалиста по внешнеполитическим вопросам республиканской партии. Государственный департамент буквально трепетал перед сенатором, который стал одним из наиболее видных идеологов внешней экспансии.

В конце 1946 г. восходит звезда заместителя госсекретаря Д. Ачесона, бывшего юриста одной из крупнейших юридических фирм Нью-Йорка, скрытного, замкнутого человека. Он значительно отличался от президента происхождением, воспитанием, образованием, пройдя все обязательные для традиционной элиты северо-востока ступени: школа Гротон, Йельский университет, Гарвардская школа права, учеба у знаменитых американских юристов Ф. Франкфуртера и Л. Брендайса. В то время когда государственные секретари Бирнс (1945 — 1947 гг.) и Маршалл (1947 — 1949 гг.) были заняты встречами министров иностранных дел четырех великих держав, он фактически овладел контролем над госдепартаментом. Тесный контакт с президентом укреплял позиции Д. Ачесона, ставшего идейным вождем имперских кругов США с того момента, когда он провозгласил на заседании Ассоциации гарвардских клубов Бостона в августе 1946 г., что моральная, экономическая и военная мощь Соединенных Штатов фундаментально важна для мира, что восстановление прочих государств должно происходить «по линии, существенно близкой нашей собственной системе».

В 1946 г. Г. Трумэн почти полностью избавился от соратников Ф. Рузвельта в Белом доме. Новыми лицами стали Дж. Стилмен, К. Клиффорд, Дж. Элси, Ч. Мэрфи. Их объединял ряд общих черт: никто из них не мог полагаться на собственный политический багаж, в политике они были новичками. Стиль работы Г. Трумэна был таков: он не желал видеть четко определенной иерархии среди помощников, советников и консультантов. Его устраивало их «хаотичное» расположение, при котором легче было манипулировать сотрудниками аппарата Белого дома. Система Трумэна сработала — помощники стремились приблизиться к главе исполнительной власти. Таким образом хозяин Белого дома стремился предотвратить оппозицию своему курсу. Вашингтоном овладели весьма безликие люди, девизом которых была лишь оперативная эффективность. Что касается философского обрамления курса, то события говорили сами за себя: впервые в своей и мировой истории Соединенные Штаты в условиях резкого ослабления своих конкурентов осуществляли почти полную гегемонию в капиталистическом мире и надеялись определять ход мировой истории на долгие годы вперед.

Еретик

Но оппозиция курсу Г. Трумэна в самой администрации все же появилась, хотя и ненадолго. Лидером ее становится министр торговли Г. Уоллес. Он был не согласен с

Трумэновской оценкой советской внешней политики. В высшем слое остался только один человек, желающий остановить безумие — бывший вице-президент, а ныне министр Генри Уоллес. В июле 1946 г. он послал Трумэну пространное письмо, смысл которого сводился к тому, что: 1) русские не являют собой неменяющуюся массу; 2) советская политика отражает советское восприятие американской политики; 3) американские военные расходы могут убедить кого угодно в том, что Вашингтон готовится к войне; 4) складывается полное представление о том, что США собираются навязать свое видение, систему и взгляды всему миру; 5) русские готовы войти в атомное агентство с оговорками; 6) Америка не может заставить весь мир решать задачу американской безопасности; 7) в атомный век тотальная, односторонне навязанная безопасность невозможна.

В письме Г. Трумэну 23 июля 1946 г. Уоллес указал, что размещение американских военных баз вокруг советских границ, решение о создании грандиозного флота бомбардировщиков дальнего радиуса действия, испытания атомной бомбы на атолле Бикини, такие черты «плана Баруха», как контроль за вооружениями по стадиям (при котором СССР должен был открыть все государственные секреты, а США — нет), не могли не вызвать в СССР законного беспокойства. Г. Уоллес спрашивал президента: «Выразили бы мы энтузиазм, если бы русские овладели монополией на использование ядерной энергии и предложили бы представить нам информацию в некоем бесконечно отстоящем будущем при условии, что мы сейчас согласимся не производить атомного оружия и передать им информацию о наших секретных ресурсах урана и тория?» Далее он критически высказался по поводу того, что «в США существует школа военного мышления, которая оправдывает ведение „превентивной войны“, нападение на Россию сейчас, прежде чем у России появятся свои атомные бомбы».

Г. Трумэн не придавал письму Г. Уоллеса ни малейшего значения, на президента США гораздо большее влияние оказал сверхсекретный доклад «Взаимоотношения США и Советского Союза», в котором в качестве целей СССР назывались: установление дружественного Советскому Союзу режима в Греции, превращение Турции в сателлита, получение доступа к ближневосточной нефти, овладение контролем над всей Восточной Европой. В докладе утверждалось, что Советские Вооруженные Силы строят аэродромы в Восточной Сибири с целью бомбардировки США, что происходит «разработка атомного оружия, управляемых ракет, средств ведения биологической войны, создание военно-воздушных сил стратегического назначения, подводных лодок огромного радиуса действия, морских мин, расширяющих возможность эффективного распространения советской военной мощи на районы, которые Соединенные Штаты рассматривают как жизненно важные для своей безопасности». Чтобы «защитить США», доклад требовал сконцентрировать американскую мощь в Западной Европе, на Ближнем Востоке, в Китае и Японии. Соединенные Штаты должны быть готовы вести атомную и биологическую войны».

Именно против этого курса выступил Г. Уоллес 12 сентября 1946 г. в нью-йоркском «Медисон-сквер гарден». Политик рузвельтовского толка, бывший вице-президент страны, ведущий оратор демократической партии попытался обрисовать альтернативу новой мировой конфронтации. «Чем тверже мы становимся, тем тверже будут становиться русские... Мы не должны позволить, чтобы нашу русскую политику направляли или оказывали на нее воздействие те силы внутри и за пределами Соединенных Штатов, которые желают войны с Россией». Стремление американской дипломатии диктовать свои условия в самых отдаленных от США регионах представлялось Г. Уоллесу провокационным. Соединенные Штаты, говорил он, должны признать, что «мы имеем не большее отношение к политическим делам Восточной Европы, чем Россия к политическим процессам в Латинской Америке, Западной Европе и Соединенных Штатах».

Уоллес сказал, что «опасность войны исходит скорее не от коммунизма. С от империализма».

Трумэн написал матери, что Уоллес «нездоров интеллектуально, он стопроцентный пацифист». Дочери Маргарет он пишет, что «для того, чтобы быть хорошим президентом,

необходимо быть комбинацией Макиавелли, Людовика четырнадцатого, Цезаря Борджиа и Талейрана. Нужно быть лгуном и двуличным».

Через неделю президент потребовал от своего министра торговли уйти в отставку. В правительственных кругах, «очищенных» от людей «Нового курса», теперь уже не было оппозиции курсу на экспансию во внешней политике. Одновременно весьма целенаправленно велась пропаганда правых. Антисоветизм становился частью внутреннего идеологического климата. 5 ноября 1946 г. в только что избранный 80-й конгресс не попали те, кто имел хоть какую-то склонность или симпатию к социальному реформизму. Это был триумф правых. Наступало время сенатора от штата Висконсин — Дж. Маккарти. Более того. Соединенные Штаты решили укрепить единоначалие в своих вооруженных силах. В сентябре 1947 г. Джеймс Форрестол стал первым министром обороны США. Джонатан Дэниэлс описывает его в эти годы как «человека спокойных действий и почти животной физической силы. Он словно сошел из кинофильмов — драм о гангстерах: быстрый, легкий, со склонностью к насилию и внешне поддерживаемым спокойствием».

Глава ФБР Гувер сообщил, что коммунисты и левые стремятся поддержкой Генри Уоллеса сокрушить нынешнего президента на предстоящих осенью выборах. Президент Трумэн объявил, что прекращает контакты с Генри Уоллесом и его коммунистическими друзьями.

Уоллес был одним из уже немногих американцев на самом верху, кто сохранил ясную и холодную голову. Он охарактеризовал захват коммунистами власти в Чехословакии как фрагмент консолидации сфер влияния в обеих частях Европы — Восточной и Западной. (Примерно так же охарактеризовали эти события Маршал и Кеннан). Уоллес фактически обвинил американского посла Стейнгарда в подготовке правых сил к государственному перевороту, что и стимулировало коммунистический переворот. Смерть Масарика он связал с раком и эмоциональной депрессией. Америка политически эволюционировала в противоположном направлении и Генри Уоллес оказался в конечном счете вне мейнстрима американских политических сил. На выборах 1948 г. он уже смотрелся маргиналом на фоне Форрестола, Ачесона и самого президента Трумэна.

ГЛАВА ПЕТНАДЦАТАЯ ОСТАТКИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Парижская сессия

Новый американский посол в Москве Уолтер Беделл Смит весной 1946 г. объяснил внимательно слушавшему его Сталину то, как американские лидеры воспринимают национальную безопасность: «На наши плечи в Америке, как и здесь, в России, пала ответственность за важные решения в нашей будущей военной политике, и эти решения зависят в значительной степени от того, как наше население будет воспринимать политику Советского Союза».

Принятие за основу государственного курса системы национальной безопасности было своего рода революцией в американской внешней политике.

На начавшейся в апреле 1946 г. Парижской сессии Совета министров иностранных дел Аверелл Гарриман сказал прямо: «В Париже мы уступать не собираемся». Главный эксперт республиканской партии Джон Фостер Даллес писал священнику-пацифисту: «Обращение советских лидеров к мерам насильственного принуждения было характерно для их внутренней политики для 30 последних лет, задолго до изобретения атомной бомбы. Теперь они пытаются во внешней политике делать то, что до сих пор делали внутри своей страны».

На госсекретаря Бирнса в Париже воздействовали прежде всего сенаторы Ванденберг и Том Коннели. Ванденберг сразу сказал, что Париж будет антитезой Мюнхену. Молотов мог сколько угодно цитировать решения, принятые в Потсдаме и Москве, западный мир во главе с

США жил уже в другом измерении. Молотов жаловался, что западная позиция по иранскому вопросу «не была дружественной». (Запад не откликнулся, в частности, отложить дело до 10 апреля 1946 г.). Молотов и Вышинский продолжали думать, что согласованность в отношениях между великими державами важнее всяких иных. Они ошибались. И продолжали бояться раскола между великими державами. А он уже произошел. Когда после окончания первой половины сессии Бирнс пригласил всех в буфет, Молотов сказал, что это единственный пункт единодушия. Вторая часть заседаний началась в июне 1946 г.

Летом 1946 г. США начали укреплять свои позиции в Корее. Э. Поули, доверенное лицо Г. Трумэна, писал 22 июня президенту: «Хотя Корея и небольшая страна и, учитывая нашу общую военную мощь, наша ответственность здесь невелика, она является полем идеологической битвы, от исхода которой зависит наш общий успех в Азии». Президент заверил, что американцы «останутся в Корее так долго, сколько будет нужно». Он уделял особое внимание району Тихого океана. Вот выдержка из его речи 17 июля 1946 г.: «Я думаю, что наше будущее лежит, с торговой точки зрения, в тихоокеанском бассейне — и я думаю, что мы в конечном счете овладеем им». Главнокомандующий войсками США в этом регионе генерал Макартур говорил: «Ныне Тихий океан стал англосаксонским озером, и наша линия обороны идет по островам, опоясывающим азиатское побережье».

«Германия и Япония, — писал Дж. Кеннан, — являют собой две главные фигуры на шахматной доске мировой политики». Активность по этим двум направлениям — европейскому и азиатскому — становится характерной чертой американской экспансии.

Разочарование Москвы

К лету 1946 г. Москва пришла к одному из своих важнейших разочарований — там поняли, что Запад не будет помогать Советскому Союзу получать репарации из индустриальных западных зон Германии. Москве становилось все меньше того, что можно было потерять. История покатила неблагосклонно. Мерфи докладывает, что посетивший его маршал Соколовский говорил только об экономических потерях. Русские ощутили, что на Западе проявляется тенденция к расколу Германии. В мае 1946 г. Клей предложил объединить британскую и американскую зоны. В июле Молотов решительно воспротивился американскому варианту мирного договора. Бирнс сделал свой вывод: не доверяя американцам, русские движутся в направлении экспансии.

10 июля 1946 г. Бирнс дал зеленый свет объединению западных зон как главному способу противостоять удару с Востока. Летом 1946 г. американская и английская зоны оккупации в Германии были объединены в Бизонию — с едиными экономическими, политическими и административными органами. Между ними были созданы экономические, политические и административные каналы связи. (Франция пыталась предотвратить или хотя бы замедлить процесс восстановления германской мощи. Она какое-то время воздерживалась от проведения совместных с американцами мероприятий в зонах оккупации). Мир утратил баланс. Американцы стали утверждать, что не хотят делать из Германии разменную карту в большой игре. А ведь по существу так и получилось.

Прежде чем окончательно определиться с Германией, госсекретарь Бирнс посетил министра иностранных дел СССР Молотова. Это был хороший, необычно хороший вечер. Завтра госсекретарю предстояло выступить с важнейшей речью, и он апробировать некоторые идеи на русских. Бирнс — Молотову: «Скажите мне искренне, что в ваших сердцах и умах относительно Германии?» Молотов ответил, что СССР просто желает получить обещанное в Ялте — десять миллиардов долларов в репарациях и участие в эксплуатации Рура. Поразмыслив, Бирнс пришел к мысли, что Молотов говорит правду. «Именно таким было желание советского руководства».

Американская сторона приняла важные для себя и для всех решения. Их озвучил государственный секретарь Бирнс в своей речи, произнесенной 6 сентября 1946 г. в здании Оперы немецкого Штутгарта. Он во многом обращался и к немцам — обещал экономическое

восстановление и реализацию права на национальное самоопределение. Американцы будут стоять в Германии долго. Не меньше других стран. Американцы не бросят своих союзников среди немцев. Госсекретарь Бирнс в Штутгарте осудил советскую и французскую позиции в германском вопросе и предложил создание временного германского правительства.

Важность этого поворота в американской политике трудно переоценить. США решили расположить свои вооруженные силы в центре «вакуума», созданного мировой войной, в центре индустриальной зоны капиталистического мира, на максимальном приближении к СССР, его западным границам. Этот фактор на многие годы и десятилетия вперед определил американскую политику в Европе, да и в мире в целом. Итак, в Европе стратегия США стала заключаться, в том, чтобы укрепить находящуюся под американским контролем часть Германии и с этого плацдарма диктовать свою волю европейским странам. Американцы направили значительные усилия на консолидацию западных зон, создание предпосылок противопоставления западных зон восточным.

И первым делом Совет министров иностранных дел уступил место Мирной конференции двадцати одной страны на Парижской конференции, открывшейся в конце июля 1946 г. Это была своего рода пародия на Версальскую конференцию. Умудренный Гарольд Никольсон, помнивший еще Версаль, а теперь представлявший ББС, сказал: «Это публичное представление, а не серьезная дискуссия». Никольсон определил основную трудность так: «Русские напуганы, а янки ослеплены своей бомбой».

В чем видел трудности государственный секретарь США Джеймс Бирнс? Он пишет за несколько дней до начала конференции: «Мы не можем надеяться на изменение мышления народа Советского Союза. Это наша проблема. Обычно, когда ты достигаешь соглашения по поводу каких-либо фактов, ты надеешься на взаимопонимание. Вовсе не так, когда ты имеешь дело со столь далеким от тебя народом как народ Советского Союза».

Проливы

В ситуации растущей враждебности естественное стремление СССР как черноморской державы обеспечить свободу судоходства по черноморским проливам, открывающим для Советского Союза выход в Мировой океан, было использовано американцами в своих целях. Бирнс еще восседал в Париже, а раскаты подлинной грозы стали слышны с Ближнего Востока. В начале августа 1946 г. советское правительство обратилось к правительству Турции с просьбой пересмотра т.н. «конвенции Монтре» от 1936 г., дававшей абсолютный контроль над черноморскими проливами Турции.

Напомним, что во время второй мировой войны западные союзники с сочувствием выслушивали жалобы СССР, запертого в Черном море. Во время встречи с Черчиллем в Кремле в октябре 1944 г. Сталин охарактеризовал «конвенцию Монтре» как анахронизм: «Если Британия заинтересована в Средиземном море, то и Россия заинтересована в Черном море». Черчилль был настроен дружелюбно: «Ранее британская политика заключалась в том, чтобы воспрепятствовать выходу России к тепловодному порту. Но Британия более не следует политике Дизраэли и лорда Керзона. Мы не собираемся останавливать Россию. Мы собираемся помочь». Сталин сравнил интересы России в проливах с интересами Британии в Суэце и Гибралтаре, с американскими интересами в Панаме. «Россия находится в худшем положении».

Черчилль сказал, что Россия имеет «моральное право» осуществить изменения. Сталин попросил британского премьера «запомнить эту тему». Черчилль в ответ пожелал иметь «секретное изложение русских пожеланий», на что Сталин сказал, что он просто хотел бы, чтобы англичане помнили о сказанном, когда Россия поднимет эту тему. В Ялте президент Рузвельт убежденно согласился с тем, что ревизия нужна и оправданна. В Потсдаме великие державы поддержали такую ревизию.

Прошло не так много времени, и это сочувствие начало улетучиваться.

Прежде Соединенным Штатам весьма трудно было объяснять свое пристальное внимание к

чрезвычайно отдаленным регионам, к Ближнему Востоку в частности. Теперь у американского руководства появился предлог. 15 августа 1946 г. сторонники интервенционистского курса — военно-морской министр Форрестол, военный министр Патерсон, заместитель государственного секретаря Ачесон и ряд военных обратились к президенту с меморандумом, в котором требование свободы судоходства со стороны СССР приравнялось к «началу мировой экспансии»: «Первостепенная цель Советского Союза — овладеть контролем над Турцией... Если Советский Союз преуспеет в этом, будет чрезвычайно трудно, если не невозможно, предотвратить овладение Советским Союзом контролем над Грецией и в целом над Ближним и Средним Востоком». Под угрозу будут поставлены все страны от Средиземноморья до Индии. «Когда Советский Союз овладеет полным контролем над этой территорией, которая стратегически важна с точки зрения ресурсов, включая нефть, он будет иметь значительного более сильные позиции для достижения своих целей в Индии и Китае... Для предотвращения такого поворота событий Соединенные Штаты должны, не колеблясь, вместе с другими нациями встретить вооруженную агрессию силой американского оружия».

Г. Трумэн объявил о полном согласии с меморандумом и намерении руководствоваться его идеями, о готовности идти до конца. Он стал говорить так, как не говорил до сих пор: «Мы должны определить, собираются ли русские бороться за мировое владычество сейчас, или через пять — десять лет?» Трумэн потребовал посылки в Москву жесткой ноты и отправки в Восточное Средиземноморье мощной группы кораблей, которую Форрестол намеревался оставить здесь «навечно».

Американские политики указывали на «угрозу» всему Ближнему Востоку со стороны СССР. А на деле Советский Союз не вмешивался во внутренние дела ближневосточных стран, не посягал на природные богатства района, в то время как американские компании уже к 1944 г. владели 42% разведанных запасов нефти на Ближнем Востоке, в 19 раз увеличив свою долю за военные годы.

В августе 1946 г. президент Г. Трумэн посылает в Средиземное море военно-морскую эскадру во главе с авианосцем новейшей конструкции «Франклин Д. Рузвельт». Остался лишь формальный шаг до объявления огромной географической зоны, непосредственно соприкасающейся с СССР, сферой жизненных интересов США. По тайным дипломатическим каналам весть о готовности США оказать Греции и Турции свое «покровительство» была доведена до греческого и турецкого правительств уже в сентябре — ноябре 1946 года.

Этот эпизод сцементировал антисоветское общественное настроение в США. Появилась цель, очерченной оказалась конкретика противостояния. Теперь СССР подавался не великой державой со своими заботами и интересами, а революционной державой, настроенной сокрушить прежний порядок. Никакой многосторонности, следует укрепить дружественные силы по всему миру. Франция получает 650 млн. долл. кредитов, цель, как ее определил Бирнс, «сокрушить здесь русское влияние». А вот когда чехословацкий представитель заплотировал Вышинскому, его страна не получила обещанных 50 млн. долл. Надо сказать, что антикоммунисты в Чехословакии испытывали большую скорбь, чем коммунисты: США отталкивали от себя массу населения.

А в Нью-Йорке шли переговоры о контроле над ядерным оружием. Дебаты едва начались, как американцы в июле 1946 г. испытали новое атомное оружие на атолле Бикини в Тихом океане. Член американской делегации Джон Хэнкок: «Громыко спрашивает, почему мы испытываем атомное оружие, несмотря на то, что нас никто не провоцирует — и у нас (русских) хорошие намерения?» Для себя глава американской делегации Бернард Барух записывает 1 августа: «Здесь огромная перемена в отношении к русским». Итак, Германия, проливы, атомное оружие — таким стал главный список рождающейся «холодной войны».

В первый ряд ее проводников выходит земляк Трумэна молодой и очень способный Кларк Клиффорд, с которым президент чувствовал себя уютно. Неофит Клиффорд предпринял одну из последних попыток остановить сползание мировых отношений к войне. Он (вместе с Джорджем Элси, который считал, что Трумэн подходит к СССР с «очень узким основанием» — задавая

лишь вопрос, можно или нельзя доверять Москве) сделал обзорный доклад американо-советских отношений. При этом Клиффорд запросил мнение основных авторитетов — Леги, Бирнса, Кеннана и многих других. Позитивного было мало. Посол Смит предупреждал, что следует ждать сюрпризы в Азии. Главный экономический переговорщик Паули исключал соглашение по германским репарациям.

В результирующем докладе Клиффорда, явно имитирующим «длинную телеграмму» Кеннана, возможно, самой важной была преамбула — сопровождающее письмо автора доклада: американская политика должна четко определить центр своей активности — отношения с Советским Союзом — самая большая проблема США; противостояние с Советским Союзом жизненно важно для Америки. Оценка СССР взята у Кеннана. СССР сознательно противостоит США. Москва содержит большие армии в прилегающих странах, она доминирует в Финляндии, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии. Коммунистические партии растут во Франции и Италии.

При этом: «Генералиссимус Сталин и его соратники поддерживают такой уровень вооруженных сил, который превосходит любую иностранную комбинацию и этот рост осуществляется быстро и мощно на основе самодостаточной экономики. Русские используют любую возможность расширить зону своего влияния — прямо или косвенно, чтобы увеличить защиту жизненно важных районов Советского Союза» Россия быстро развивает свои возможности производить «атомное оружие, управляемые ракеты, материалы для биологической войны, стратегическую авиацию, подводные лодки огромного радиуса действия».

Кредо: американский народ должен быть «разбужен» для решения задачи противостояния Советскому Союзу. Меморандум Клиффорда фактически создал новый тип американской политики в новом — биполярном мире. Противник был обозначен, следовало мобилизовать силы по всем азимутам. Доклад показали Джорджу Кеннану и тот «восхитился».

Сверхсекретный доклад «Взаимоотношения США и Советского Союза» оказал большое воздействие на Трумэна. В качестве целей СССР назывались: установление дружественного Советскому Союзу режима в Греции, превращение Турции в американского сателлита, получение доступа к ближневосточной нефти, овладение контролем над всей Восточной Европой. В докладе утверждалось, что советские вооруженные силы строят аэродромы в Восточной Сибири с целью бомбардировки США, что происходит «разработка атомного оружия, управляемых ракет, средств ведения биологической войны, создание военно-воздушных сил стратегического назначения, подводных лодок огромного радиуса действия, морских мин, расширяющих возможность эффективного распространения советской военной мощи на районы, которые Соединенные Штаты рассматривают как жизненно важные для своей безопасности». Чтобы «защитить США», доклад требовал сконцентрировать американскую мощь в Западной Европе, на Ближнем Востоке, в Китае и Японии. Соединенные Штаты «должны быть готовы вести атомную и биологическую войны».

Клиффорд принес свой доклад Трумэну в конце рабочего дня в сентябре 1946 г. Президент остался читать доклад на всю ночь. Утром он позвонил Клиффорду и задал лишь один вопрос: сколько еще копий доклада имеется? Девять. Президент приказал принести их все и спрятать в сейф. Президент: «Это слишком опасный документ. Если он станет известен, то сорвет все попытки выработать отношения с русскими». Но с идеями и выводами доклада президент был согласен.

12 сентября выступил со своей оценкой ситуации Генри Уоллес. Он осудил репрессии в СССР, но главное в его речи в Мэдисон-Гардене было следующее: «Чем более жесткую позицию занимаем мы, тем более жесткими становятся русские». Подлинной сложностью становятся не некоторые территориальные споры, а сами американо-советские отношения. Уоллес обвинил республиканцев и англичан. Правые в американском правительстве были разъярены. Бирнс сказал, что, если Уоллесу будет позволено вступать по вопросам внешней политики, он уйдет в отставку. Трумэн приказал Бирнсу расслабиться и выпить. В дневнике президент Трумэн

записал: «Я не уверен в интеллектуальном здоровье Уоллеса. Он 100-процентный пацифист. Он желает распустить наши вооруженные силы и передать русским наши военные секреты, доверившись банде авантюристов из политбюро. Я не понимаю таких „мечтателей“... Возникает фронт саботажа в пользу „дяди Джо“ Сталина“. Президент по телефону потребовал отставки своего министра и послал соответствующее письмо.

Уоллес вежливо возвратил письмо, как бы беспокоясь о будущей репутации президента, и покинул администрацию. Правые в американском правительстве получали поздравления. Джордж Кеннан разъезжал по стране, разъясняя смысл советской политики. Он цитировал Уоллеса и Энтони Идена как наивных идеалистов, а также указывал на то, что у США в Европе нет достаточно сил. На самом же деле он подвергал критике весь курс президента Рузвельта как противоречащий интересам страны. «Обитатели Кремля — безжалостные люди, которых нельзя разжалобить; на них нельзя повлиять жестами умиротворения и чей вызов требует ответа». Это была неверная оценка страны, которая более всех помогла США во второй мировой войне и в настоящий момент находилась в тяжелой ситуации, стремясь восстановить нормальную жизнь. Благоденствующие Соединенные Штаты, не выполнившие обещаний, данных в пекле войны, о помощи, теперь обосновывали собственную экспансию страхом перед русской мощью.

Кеннан страстно говорил, что альтернатива — только капитуляция. Он призывал встретить Россию в любом конце мира «превосходящей мощью». Одной из особенностей этого идеолога было то, что позднее он многие годы потратил доказывая, что его «неверно поняли». А президент Трумэн понял его так. Сидя в Белом доме 10 сентября 1946 г. он сказал, что русские «становятся бешеными собаками».

Противостояние

Парижская конференция 21 страны осенью 1946 г. начала заходить в тупик. Инцидент с Уоллесом оказал определенное действие на ее ход, на настроение американской делегации, но еще примерно месяц. Американский посол в Польше Артур Блисс Лейн, прибыв в Париж, пишет 14 октября: «Наиболее воодушевляющим фактом является то, что мы занимаем все более жесткую позицию». Американцы всюду настаивали на зависимых от них приглашенных на конференцию. Бевин пишет, что «русские и американцы боятся друг друга». Конференция завершила свою маловпечатляющую работу 15 октября 1946 г.

В начале ноября 1946 г. Совет министров собрался в Нью-Йорке, чтобы обсудить результаты конференции. Русские, по мнению поверенного в делах в Москве Дирброу, «тянули время», надеясь на очередной экономический кризис на Западе. Некоторые советники рекомендовали улучшить личные отношения с русскими. Как бы там ни было, но к 6 декабря Совет министров одобрил договоры с Италией, Румынией, Болгарией и Финляндией. Сделав свое дело, государственный секретарь Джеймс Бирнс подал в отставку. Этот политик считал переговоры своим долгом, другие американские дипломаты заняли позицию, что «переговоры — это пустое дело».

На его место встал не улыбкавый генерал Джордж Маршал, не любивший переговоры и принципиально их избегавший. Он явно был раздражен неудачей своей годичной миссии в Китае, генерал постоянно хмурился. Он не считал компромисс победой здравого смысла. Его коллега Джон Мелби: «Это усталый, озлобленный и разочарованный человек».

Он не был готов к своему посту, а времени на учебу не было — нужно было готовиться к Сессии министров иностранных дел в Москве. Дин Ачесон говорил в эти дни, что «Маршал — это четырехмоторный бомбардировщик, который работает лишь на одном моторе. Я не знаю, что с ним происходит. Но он явно не прилагает всех сил». С конца января 1947 г. он начал входить в курс дел. Россия, естественно, была предметом номер один. Госдепартамент на этот случай приготовил специальный доклад: коммунисты провозглашают неизбежным столкновение с капитализмом и т.п. Доклад предлагал приготовить концепцию глобального, а не локального противостояния с СССР. Но главное: увеличить военную мощь США, пользуясь которой можно

успешнее вести переговоры.

Последнее стало наиболее актуальным. 16 января 1947 г. все три министерства решили объединиться в одно Министерство обороны США.

В американском руководстве стала постепенно исчезать мысль, что «атомное оружие решает все». В отношениях с русскими оно пока не сработало.

И все же американцы производили пять атомных бомб в год. Исследовательские расходы американской армии составили в 1946 г. 281,5 млн. долл. (в 1944 г. — 277,5 млн.); бюджет военного министерства на исследования на 1947 г. — 500 млн. долл. Даже военные не видели в этом нужды в мирное время. Использовалась ложная пропаганда. Влиятельный журнал «Авиэйшн Уик» доказывал, что «оперативная военная мощь Советского Союза вдвое превосходит США... Пока США уничтожают свою тяжелую авиацию, русские удвоили свои мощности... Конгресс, проснись!»

Осенью 1946 г. Объединенный комитет начальников штабов подал СССР как фундаментальную угрозу Западу: «Базовая цель СССР — безграничная экспансия советского коммунизма, сопровождаемая значительной территориальной экспансией русского типа империализма». Американские военные кричали «волк», когда его не было.

В системе госдепартамента и в целом в американской дипломатии генерал Маршал создал новую систему. Вперед, на важнейшие позиции был выдвинут Дин Ачесон — всегда элегантно одетый талантливый адвокат, сын епископа епископальной церкви из Коннектикута. В Новой Англии отчетливо ощущалось влияние Британии; здесь викторианская эпоха и эдвардианский период проросли весьма глубоко. Его пушистые усы напоминали британского офицера середины девятнадцатого века. В Йеле он греб в одной лодке с Авереллом Гарриманом. А затем стал преуспевающим адвокатом.

В годы войны Ачесон поступил в государственный департамент. Идеалом этого англомана была Британская империя, обеспечившая мир на долгие времена, цивилизацию девятнадцатого века, упорядоченное развитие. Свою задачу Ачесон видел в том, чтобы создать «Пакс Американа» по сходным линиям и с похожими результатами. Основой такой системы должно было быть безукоризненное военное и экономическое преобладание Америки в мире. И США должны были, по его мнению, всегда быть готовы к войне.

Дисциплинированность и трудолюбие Ачесона получили общее признание. Никакая работа его не пугала Стеттиниус, Бирнс и Маршал неизменно выдвигали его вперед. Все вокруг понимали, что Ачесон становится «начальником штаба» у генерала Маршала.

Правда о соотношении сил

В мае 1945 г. Советская армия достигла пика своей численной мощи — 11 365 000 человек в униформе. Демобилизация началась сразу же после окончания войны — 23 июня, и демобилизация осуществлялась быстро. К началу 1948 г. в вооруженных силах СССР служили 2 874 000 человек. Учитывая то обстоятельство, что немалая часть вооруженных сил СССР находилась в зонах оккупации, осуществляли полицейские функции, эта цифра не видится огромной и чрезмерной.

В вооруженных силах Соединенных Штатов в 1947 г. служило сопоставимое число военнослужащих — 1 070 000 в сухопутных силах, 558 000 — во флоте, 108 000 в военно-морской пехоте. При этом у США было атомное оружие и поразительная по мощи бомбардировочная авиация. Соединенные Штаты при этом могли рассчитывать на союзников. В британских вооруженных силах служило более миллиона человек. Разве у Советского Союза не было оснований для беспокойства?

Что касается американской стороны, то, как выражается Д. Йергин, «американцы свехперепугали себя. Они верили, что им придется отвечать на удар всей советской мощи». При этом фактом является, что Советский Союз не обладал подавляющим военным превосходством в Европе в эти первые послевоенные годы. Западные державы имели 375 тысяч солдат

оккупационных войск в Германии и Австрии в 1947-1948 гг., в то время как другие страны в Западной Европе (исключая Британию) насчитывали около 400 тысяч. В 1948 г. разведка США считала, что Советский Союз мог иметь 700-800 тысяч солдат для внезапного нападения на Западную Европу. Нет никакого сомнения в том, что это не обеспечивало советским вооруженным силам желаемого соотношения сил для осуществления крупномасштабных наступательных операций. Если примером может служить Берлинская операция, то в ее ходе Советская армия имела превосходство 5,5:1.

Между тем напряжение, лишавшее американцев сбалансированных оценок, росло как снежный ком. К бдительности призвал журналист Хэнсон Болдуин в статье, напечатанной в органе вооруженных сил США — журнале «Вооруженные силы»: Печальная история о пастухе, который кричал «Волк!» когда волка не было, подчеркивает ситуацию, сложившуюся к лету 1947 г. Слишком много военных и их гражданских представителей преуменьшали военную силу Соединенных Штатов... И все же, мы и теперь потенциально самая могучая держава на Земле, мы имеем огромные элементы военного превосходства, но у нас есть и заметные слабости». Подобные публикации готовили почву к резкому росту военного бюджета США. И это тогда, когда у них была атомная монополия.

Только лишь думая о создании атомного оружия, советская сторона сумела воспользоваться наличием на советской территории четырех американских бомбардировщиков (впервые произведенных в США в 1944 г.). Это были весьма совершенные машины, и они помогли СССР Туполеву, Ильюшину и Мясищеву в подготовке проекта четырехмоторного бомбардировщика с дальностью полета 3000 км. Одновременно, используя частично германские моторы, создавались истребители Як-15 и МиГ-9.

Так дипломатия стала уходить из советско-американских отношений. Хикерсон из Европейского отдела госдепа пишет: «Умиротворения с Советским Союзом не будет. Этот метод был однажды опробован с Гитлером и этот урок еще свеж. Умиротворение Советского Союза будет только разжигать его аппетит».

Между тем в январе 1947 г. Центральная разведывательная группа привела примеры восьми случаев, когда Советский Союз предпочел пойти на уступки — сократил оккупационные силы в Восточной Германии, ослабил напор за право вето в Совете безопасности ООН, пошел на подготовку мирных договоров с Австрией и Германией. Многозначительное смягчение. Но довольно неожиданно, через несколько дней в двухсторонних отношениях разразился кризис.

Не переставая трудиться за ограждением работники Челябинска-40. В апреле 1947 г. здесь были получены два образца плутония.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ «ДОКТРИНА ТРУМЭНА»

Представители Уолл-Стрита, банкиры и адвокаты Форрестол, Патерсон, Ловетт, Макклой разработали новую, более централизованную систему управления вооруженными силами США. Был учрежден пост министра обороны, стоявшего над военным, военно-морским и только что созданным министерством ВВС. Для помощи президенту в осуществлении глобальных имперских функций был создан Совет национальной безопасности.

Греция и Турция

В середине февраля 1947 г. два американца — издатель Марк Этридж и адвокат Пол Портер пришли к выводу, что Греция стоит на пороге социального переворота, а Турция приближается к нему. Гражданская война подвела Грецию к грани экономического коллапса. Коррупция и неэффективность почти безнадежно ослабили оба восточносредиземноморских правительства. Из всего этого американские специалисты делали недвусмысленный вывод: «Советы чувствуют,

что Греция как созревшая слива упадет им в руки в ближайшие недели». «Эттридж вызывает к жизни „теорию домино“ — падет одна костяшка, и рухнут одна за другой, все страны ближневосточного региона. Специалисты госдепартамента описали восемь потенциальных кризисов. Собрав эти данные, Дин Ачесон обратился к государственному секретарю Джорджу Маршаллу в конце февраля 1947 г.: „Левый тоталитарный режим придет к власти в Греции“, если Соединенные Штаты не вмешаются всей своей мощью.

В течение нескольких месяцев американское руководство следило за дебатами по данному вопросу в «ответственном» за этот регион Лондоне.

В данном месте есть смысл добавить, что могущество США в послевоенные годы возросло не только благодаря необычайному броску, осуществленному экономикой страны, но и ввиду того, что остальной капиталистический мир переживал тяжелый экономический спад. Наиболее весомый потенциальный конкурент в капиталистическом мире — Великобритания, центр некогда величайшей империи, находилась в состоянии упадка. Из орбиты ее имперских прерогатив выходили Индия, Бирма, Египет, Палестина, из-под политического влияния — Греция и Турция. На форпосты прежнего английского присутствия заступали Соединенные Штаты. Наиболее драматическим образом это начало проявляться в Восточном Средиземноморье.

21 февраля 1947 г. английский посол в Вашингтоне лорд Инверчепел попросил немедленной аудиенции у государственного секретаря Дж. Маршалла, но безуспешно — Маршалл на уик-энд покинул город. Чувствуя важность английской дипломатической активности, Д. Ачесон пренебрег формальностями, взял на себя инициативу и изучил две британские памятные записки. Их смысл сводился к следующему: ресурсы Англии не позволяют ей оказывать помощь Греции и Турции после марта 1947 г. Д. Ачесон оповестил Г. Трумэна и Дж. Маршалла о содержании английских посланий. Он оценивал ситуацию следующим образом: «Мы должны принять наиболее важное за период после окончания второй мировой войны решение». В течение нескольких дней произошел обмен мнениями между Г. Трумэном, Дж. Маршаллом, Дж. Форрестолом, Патерсоном и Ачесоном, в ходе которого было решено «предпринять незамедлительные шаги по предоставлению всей возможной помощи Греции и, в меньших масштабах, Турции». Поразительно было это единодушие — в Америке сформировалась элита, готовая взять на себя активную политику в глобальных масштабах.

Речь по существу шла не о судьбе двух средиземноморских государств, а о важном изменении в американской политике на западноевропейском направлении. К этому времени США уже закрепились в Западной Европе, проникли во многие колониальные владения европейских держав задача-минимум к 1947 — 1948 годам: западноевропейский регион сделать зависимым от США, колониальные империи европейских стран превратить в поле деятельности американских монополий, в ряде из них расширяться американское военное присутствие. Нужно было помочь западноевропейскому капитализму укрепить свои внутривнутриполитические позиции. Одновременно США намеревались упрочить структуру своего мирового преобладания. Предстояло укрепить экономику западноевропейских стран и при их помощи установить желаемый порядок в мировых делах.

Закрепление своих позиций в западноевропейских странах помогло бы США контролировать Средиземноморье, Ближний Восток и Африку. Опираясь на оккупированную Японию и Южную Корею, США надеялись контролировать развитие Китая при посредничестве гоминдана, то есть выступать «арбитром» Азии. «Договор Рио-де-Жанейро» о межамериканской обороне логически продолжал «доктрину Монро», обеспечивая американское доминирование в Латинской Америке. Оставалось лишь изолировать Советский Союз, окружить его сетью баз, воздействовать на него, добиваясь либо его зависимости, либо «ухода во внутренние пространства» — своеобразного оттеснения СССР от главных мировых процессов.

На встрече с ведущими представителями конгресса в Белом доме 27 февраля 1947 г. госсекретарь Маршалл нарисовал устрашающую картину того, как СССР при помощи греческих партизан овладеет средиземноморским форпостом, что сразу поставит Турцию в положение

страны, «окруженной со всех сторон». По словам госсекретаря, «доминирование Советского Союза было бы таким образом распространено на весь Ближний Восток до границ Индии. Влияние этого на Венгрию, Австрию, Италию и Францию невозможно преувеличить. Не было бы данью алармизму сказать, что мы стоим перед первым из серии кризисов, которые могут распространить советское доминирование на Европу, Ближний Восток и Азию». Казалось, что превзойти Маршалла нельзя. Однако Д. Ачесон сумел сделать это. Взяв слово вслед за Маршаллом, он заявил, что со времен борьбы Рима и Карфагена мир не знал такой поляризации сил. «Если СССР преуспеет в своих замыслах, то в его руках будут две трети мировой суши и три четверти мирового населения». Напомним, что речь шла о стране, делавшей чрезвычайные усилия, чтобы обеспечить нормальные жизненные условия своему населению, восстановить пораженное войной народное хозяйство, залечить раны.

Говоря от лица сенаторов, находившихся под сильным впечатлением от речей Маршалла и Ачесона, А. Ванденберг обратился к Г. Трумэну: «Мистер президент, если Вы скажете это конгрессу и стране, я поддержу Вас, и, полагаю, так же поступит большинство членов конгресса». Он посоветовал обратиться к стране и конгрессу с чрезвычайным заявлением, чтобы, по его словам, «вывести прижимистый конгресс из апатии». Представляя собой госдепартамент, Джон Хикерсон потребовал «наэлектризовать американский народ». Президент Трумэн принял предложение.

Текст его выступлений готовился под общим руководством Д. Ачесона. Главная идея речи — показать, что существует задача глобального «сдерживания коммунизма», и США готовы взять на себя соответствующие обязательства. Приготовленный текст был показан Дж. Кеннану: авторы хотели, чтобы речь президента несла тот же пропагандистский заряд, что и печально знаменитые телеграммы Дж. Кеннана. Любопытно отметить реакцию Дж. Кеннана, ведь ему предстояло санкционировать тот курс, начало которому положил он сам два с лишним года назад. Текст попросту напугал его. В проекте выступления президента шла речь о масштабном обязательстве Соединенных Штатов помогать «всем свободным народам» в противостоянии внешнему давлению. Глобальный интервенционизм США объявлялся официальной американской политикой, при таком подходе любое американское вмешательство где бы то ни было не требовало дополнительного разрешения — индульгенция выдавалась на все случаи и навсегда Дж. Кеннан, предвидя неисчислимые проблемы в будущем, выступил против глобализации греческой и турецкой ситуации.

Последний предохранительный клапан попытался открыть Дж. Элси, главный автор президентских речей. Он увидел политический заряд, которым начинена речь президента. В специальном меморандуме помощнику президента по национальной безопасности К. Клиффорду от 7 марта 1947 г. Элси писал: «За последнее время со стороны СССР не было открытых действий, которые служили бы соответствующим предлогом для речи в стиле „карты на стол“. Но Клиффорд вспоминает, что „ничто не могло остановить советские войска. Если они ринутся к Ла-Маншу. Именно об этом думал президент“.

12 марта 1947 г. президент обратился к объединенной сессии конгресса. На нем был темный костюм и темный галстук. Он читал текст медленно и как бы задумчиво. Выступление получило название «доктрины Трумэна». Это был своего рода манифест американской экспансии. Глава американского правительства оговаривал перед законодателями право вмешиваться в любые процессы, происходящие в мире, если это вмешательство целесообразно с точки зрения правительства США. Оправдывалась военная помощь тем политическим силам внутри любой страны мира, взгляды и политика которых импонировали Вашингтону. Выступление послужило обоснованием массовой военной помощи проамериканским режимам. Логика Г. Трумэна была относительно проста. В небольшом историческом экскурсе президент отмечал, что Германия и Япония пытались навязать другим странам свой образ жизни и это стало основной причиной того, почему США объявили им войну. Ныне, говорил президент, появилась новая страна, стремящаяся навязать миру свой образ жизни. Такой ход событий вынуждает США принять в качестве основополагающей цели своей политики создание условий, при которых «мы

и другие страны были бы способны обеспечить образ жизни, свободный от принуждения». По существу же речь шла о навязывании другим американского видения мира, то есть «мира по-американски».

«Доктрина Трумэна» провозглашала, что «политикой Соединенных Штатов должна быть поддержка свободных народов, сопротивляющихся попыткам подчинения вооруженным меньшинствам или внешнему давлению». Этот постулат стал основой американской политики на грядущие десятилетия. Широковещательное провозглашение новых задач нужно было американскому правительству, помимо прочего, для того, чтобы получить поддержку общественного мнения и конгресса: сохранение глобальной зоны влияния, создание новых структур, мобилизация военных сил и резкое увеличение экономической помощи (становившейся в то время важнейшим рычагом внешнеполитического воздействия) требовали новых бюджетных расходов.

Даже в написанной в апологетическом по отношению к президенту духе биографии Г. Трумэна говорится, что «доктрина Трумэна» означала по существу «декларацию войны против любого влияния России за пределами границ, установленных в 1945 г.». И далее: «В тексте доктрины был описан кризис, которого не было в природе, в ней описаны злые люди в Кремле, готовые нанести удар по слабой Америке... позднее американцам удалось убедиться, что... слова Трумэна — преувеличение».

Сенатор от Флориды Пеппер заключил, что такая политика уничтожает все надежды на примирение с Россией. Дочери президент признался, что речь довела его до нервного истощения. (Но через девять дней после произнесения речи Трумэн издал Исполнительный приказ № 9835, вводящий в действие Программу проверки лояльности федеральных служащих). Маккартизм получил невероятный шанс. В течение четырех лет были проверены согласно этому указу 3 млн. государственных служащих. Несколько тысяч были вынуждены уйти в отставку, а 212 человек заставили это сделать. При этом не было найдено ни одного признака шпионажа. Жене он пообещал, что «сможет предотвратить создание НКВД или Гестапо». Но в конечном счете вынужден был признаться, что допустил «ужасную ошибку».

К моменту провозглашения «доктрины Трумэна» США были единственной страной в мире, владевшей ядерным оружием, они не имели конкурентов на морях — у США был самый большой военно-морской флот и несомненно наиболее мощные военно-воздушные силы. Флот и ВВС пользовались базами, расположенными во всех районах земного шара. Алармизм, содержащийся в «доктрине Трумэна», был рассчитан на расширение и без того огромного для мирного времени военного строительства. Речь шла о помощи проамериканским режимам в сумме сотен миллионов, чуть позже масштаб был увеличен, потребовались миллиарды долларов. На установление контроля над Грецией и Турцией Г. Трумэн запросил 400 млн. долл.

И что предлагают американцы? Ачесон: «Необходимо вмешаться в их внутренние дела и выправит ситуацию». И еще: «Я считаю ошибкой думать, что можно в любое время сесть рядом с русскими и решить проблемы». Сенатор Александер Смит: «Вы планируете такую встречу?» — «С ними бесполезно встречаться». Удивительно то, что как раз через несколько дней именно Ачесон встречался с советским руководством в ходе работы Сессии совета министров иностранных дел в Москве, открывшейся 10 марта 1947 г.

Московская сессия

Весной 1947 г. американское руководство определяет свою политику в германском вопросе. В апреле в Москве начались переговоры министров иностранных дел четырех великих держав (СССР, США, Англии и Франции) о выработке мирного договора с Германией. Мирное воссоединение Германии, ее демилитаризация и нейтральный статус не вписывались в стратегическую концепцию Г. Трумэна, добивавшегося зависимости от США ключевых мировых регионов (а не их нейтрализации). Бевин пишет из Москвы, что «мы приблизились к опасной линии отчуждения... Вежливость еще присутствует, нет повышенных тонов,

темперамент сдерживается, но все вокруг холодно». Французский министр иностранных дел Бидо: «Вокруг банкеты, встречи, тосты и другие „замерзшие увеселения“, но ясно, что наступает конец эры».

Во главе американской делегации был госсекретарь Маршалл. Он выглядел уставшим и не подготовленным к решению больших проблем, он не был тем лидером, которого воюющий мир знал в 1941 — 1945 гг. Американская делегация руководствовалась мыслью Ачесона о «бессмысленности переговоров»: «Наша политика изменяется, их политика неизменна. Ни Молотов, ни Сталин, ни Политбюро не могут изменить ее. Это догма. Прочитайте „Красную звезду“ и то, что вы прочтете о капиталистическом мире — это то же, что писалось в 1924 г.»

Главным на сессии было добиться прогресса в германском вопросе. Главным противоречием стали репарации. Как и ожидалось, советская сторона потребовала репараций из текущей немецкой продукции. «Другие вопросы можно было решить быстро», — пишет Дрепер Гуверу 25 апреля 1947 г. Молотов: «Советское правительство не скрывает того факта, что желает получить репарации от Германии, и не скрывает цифры желаемых репараций». Он дает картину разрушенной немцами России: число бездомных, разрушенные города. Уничтоженные железнодорожные станции и пути, угнанный скот. Ни малейшего впечатления. Сталин примирительно говорит, что «пострадала вся Европа». Ни малейшего отклика. На Украине голод, повсеместны случаи каннибализма. Ни малейшего сочувствия. Советская сторона признает, что многое из прежде вывезенного было использовано неэффективно. Молчание моря.

Сталин отмечает, что «в Америке ситуация лучше». Молчание. В дневнике Клей пишет, что «достаточно проехать по России, чтобы убедиться в нуждах русских». Фактически американский администратор в Германии пришел к выводу, что «мы должны дать русским некоторый объем репараций для закупок в Германии». Голос вопиющего во пустыне. 31 марта Клей покинул Москву, давая понять русским, что он не согласен с генеральной западной линией. Но остальные американцы были только счастливы занять жесткую позицию.

Как полагает Д. Йергин, «большинство американцев никогда не понимало проблем, которые обуславливали советские требования. Частично советский стиль выдвижения требований воспринимался как сознательные усилия преодолеть западное сопротивление. Американцы полагали, что повторение советских требований рассчитано Молотовым и его коллегами на то, что Даллес называл „процессом истощения“. Но ни на секунду советская сторона не сомневалась в справедливости своих требований. В разоренной стране с величайшими усилиями восстанавливалась жизнь. Тысячи гибли ежедневно, но лощеных западных дипломатов это не волновало. Прежние западные союзники забыли слово солидарность — именно из-за этого началась „холодная война“.

Американцы заняли железобетонную позицию: «Никаких репараций России». Американский эксперт Киндлбергер: «Молотовская экономика фантастична». Англичане помогали — Бевин считал, что «русские ограбят Германию за наш счет». Между собой американцы и англичане уже решили объединить свои зоны. Они не хотели помогать России ни при каких обстоятельствах: а вдруг это поможет военному укреплению восточного гиганта?

15 апреля, после беседы со Сталиным госсекретарь Маршалл пришел к выводу, что русские просто хотят расколоть лагерь Запада. Эта встреча началась в десять часов вечера в Кремле. Внешний вид Сталина удивил Маршала — Сталин чувствовал себя неважно. Он как бы съезился в своей одежде. «Вы такой же, как и прежде, а я уже старик», — сказал Сталин. Далее начались взаимные жалобы. Маршалл указал на то, что русские до сих пор не рассчитались по ленд-лизу. Уже в самом начале дискуссий, 15 апреля 1947 г., Дж. Маршалл заявил И. В. Сталину, что различия в подходе двух стран к решению германской проблемы непреодолимы. Глава Советского правительства ответил, что не рассматривает ситуацию столь трагически, что начало крупных дипломатических операций всегда представляет значительные сложности. Но опыт показывает, что при наличии желания и доброй воли достижение компромисса возможно. Маршалл счел возможным увидеть в этих словах не знак ободрения и надежды на успех, а констатацию различий».

В ответ Сталин указал на невыполненное Соединенными Штатами обещание предоставить Советскому Союзу заем на восстановление народного хозяйства. И более. В Ялте Соединенные Штаты согласились на предоставление СССР 10 млрд. долл. в качестве германских репараций. Теперь, сказал Сталин, американское руководство, видимо, иначе смотрит на этот вопрос. Советский Союз «не получит более репараций помимо уже полученных. Этого Советский Союз принять не может. „Советскому народу была названа цифра в 10 млрд. долл. Выплачиваемые на протяжении 20 лет, эта сумма не будет излишне тяжелой для немцев. Соединенные Штаты и Англия могут отказаться от своей доли репараций, Советский Союз — нет“. Что толку договариваться, если одна сторона не желает договариваться вовсе?»

Сталин добавил, что тупик на конференции не стоит воспринимать трагически. После стычек люди устанут и начнут искать компромисс. Сталин дал Маршалу совет: «Иметь терпение и не впадать в депрессию». Очевидно было, что Сталин смертельно серьезен и что он надеялся на договоренность несмотря на «доктрину Трумэна». Напрасно. Три западные делегации покинули Москву, не продвинувшись в решении проблем. Маршал воспринял совет Сталина «сохранять спокойствие» как предзнаменование тяжелых испытаний впереди. Теперь и он «понял опасности дипломатической игры». Угасла надежда на человека, для которого военная солидарность должна была значить многое. Весь путь до Вашингтона он обсуждал возможности укрепления Западной Европы. Маршал дал задание Джорджу Кеннану: «Создать доклад с идеями, как спасти Европу. Постараться избежать тривиальностей».

А Сталин в Москве убеждал окружающих, что «Америка, самая мощная держава мира», не позволит никогда оборвать линии ее коммуникаций в Средиземноморье. То, что было сказано о Греции, разумеется, относилось к Италии и Франции, что бы ни думали по этому поводу коммунисты этих стран. Но свою сферу влияния Сталин отдавать не собирался. В годы второй мировой войны он был инициатором создания Великой коалиции и народных фронтов — союза коммунистов с демократами во Франции, Италии и других странах, что постарался повторить и в Восточной Европе. Американцы же не были готовы иметь дело с национал-коммунистами. Страх пред коминтрном лишал их реалистического восприятия происходящего. Именно они заставили братьев по классу уволить коммунистов из французского и итальянского правительств в мае 1947 г.

Советник государственного секретаря Маршала Мэйсон определил ситуацию так: «Москва представляет собой кульминацию отхода от Ялты, от представления о возможности общности интересов». Дж. Ф. Даллес сказал, что Россия осуществляет наступление. «Советы имеют план сокрушения капитализма и замены его полицейскими государствами». Не большая честь для многовековой цивилизации так прочесть интересы и намерения оглушенного своей драмой прежнего союзника. Союзника, своими жертвами спасшего миллионы американских и британских жизней.

К 21 апреля 1947 г. координационный комитет госдепартамента, военного и военно-морского министерств подготовил закрытый доклад, определявший американские интересы в мире. «Важно, чтобы в дружественных нам руках находились регионы, в которых имеются месторождения металлов, нефти и других ресурсов, регионы, которые представляют собой сами по себе стратегическую ценность, имеют значительный промышленный потенциал, значительные людские ресурсы и организованные вооруженные силы, а также те регионы, которые в силу политических и психологических причин позволили бы США оказывать большее влияние на мировую стабильность и безопасность».

Политическая консолидация с обеих сторон

Прислушаемся к мнению современного американского историка Дэвида Макаллоха: «Где и как началась „холодная война“ — с провозглашения ли „доктрины Трумэна“ или раньше, когда Трумэн впервые встретил Молотова, или с санкционированием конгрессом „плана Маршала“ — все это будет предметом дискуссий и споров в грядущие годы. Но ясной разграничительной

линией между американской политикой в отношении Советского Союза представляется возвращение из Москвы Джорджа Маршала. Это случилось 26 апреля 1947 г., когда Маршал докладывал президенту Трумэну то, что Трумэн уже знал, что дипломатия не может преодолеть противоречия, что с русскими невозможно работать, что хаос им удобен, а коллапс Европы служит их интересам». После этих слов Трумэн будет жалеть о быстром роспуске американской армии в Европе.

Чарльз Болен полагал, что «холодная война» началась в 1917 г. Президент Трумэн не любил выражения «холодная война», он чаще говорил о «войне нервов».

На политической вершине страны лишь Элеонора Рузвельт требовала «предпринять усилия, по решению проблемы непосредственно со Сталиным». В ответе на письмо Элеоноры Рузвельт, вдовы Ф. Д. Рузвельта, Трумэн писал: «Американский образ жизни не сможет выжить, если другие народы, которые стремятся следовать этому образу жизни во всем мире, не будут иметь гарантию своего успеха. Чтобы обеспечить подобную гарантию, мы не должны позволять силам дезинтеграции находиться без присмотра». Речь шла о «присмотре» за приобретенной американцами зоной влияния в мире, а она выходила на новые рубежи в Европе и Азии.

Некоторые осмотрительные сенаторы пытались избежать перехода США к глобальной конфронтации. Их надежды и сомнения видны, в частности, из следующего диалога сенатора А. Смита (Нью-Джерси) и заместителя госсекретаря Д. Ачесона во время слушаний в комиссии по иностранным делам сената США. Сенатор спросил, может ли программа помощи Греции и Турции «оказать давление на Россию, с тем, чтобы она села рядом с нами за стол переговоров и разрешила некоторые из противоречий?» Д. Ачесон ответил следующим образом: «Сенатор, я думаю. Было бы ошибкой верить в то, что вы можете в любое время сесть рядом с русскими и разрешить проблемы. ...Я думаю, что на их разрешение потребуется длительный период времени, и на протяжении всего этого времени мы должны все время указывать русским, что мы хорошо сознаем, в чем заключается наши интересы, и что мы твердо охраняем эти интересы и абсолютно готовы предпринять необходимые действия. Лишь в этом случае решение вопросов будет возможно». Сенатор Смит: «Планируете ли Вы какую-либо раннюю фазу разрешения спорных вопросов?» Ачесон: «С ними невозможно вести переговоры».

Основа взглядов Д. Ачесона была достаточно проста. С его точки зрения, конфликт в Европе между странами «оси» и антигитлеровской коалицией получил название второй мировой войны незаслуженно. Война 1939 — 1945 годов была лишь второй фазой европейской «гражданской войны» 1914 — 1945 годов, последовавшая за перемирием 1918 — 1939 годов. Этот постулат лежит в основе всей его схемы: между странами, участвовавшими в «гражданской войне», не существовало качественного различия; вопрос об агрессоре не представляется принципиальным (отпадает осуждение второй германской агрессии в XX в.); неравные потери участников антигитлеровской коалиции несущественны и не дают повода для претензий на компенсацию; создание преграды против новой германской агрессии — надуманный вопрос; между жертвами агрессии и агрессорами нет принципиального различия — все они жертвы европейской «гражданской войны».

При таком подходе значение связей с СССР низводится до нуля, совместные жертвы 1941 — 1945 годов теряют значение, само упоминание о них становится излишней сентиментальностью. Зато экспансия США истолковывается как преграда на пути еще одной «гражданской войны» в Европе. Таким было «обоснование» глобальной экспансии США. Американский сенат одобрил программу Трумэна 67 голосами против 23; палата представителей — 287 голосов за и 107 — против. Президент Трумэн подписал закон в отеле Канзас-Сити 22 мая 1947 г. Линия «долгая телеграмма» — доклад Клиффорда-Элси — получил логическое продолжение. Все говорили о «новом Трумэне», полном решимости противостоять Советскому Союзу, о его новой команде, готовой на крайние меры.

Одновременно американская сторона усилила давление в зоне своего влияния. Американские послы во Франции и Италии совершенно недвусмысленным образом указали, что окажут этим двум странам помощь в том случае, если коммунисты будут выведены из

правительств. В мае 1947 г. коммунисты были выведены из состава обоих правительств и новый президент Всемирного банка Джон Маклой объявил о предоставлении займов.

Ответ с советской стороны последовал практически немедленно. В Венгрии, где (по оценке госдепартамента США) правила «умеренная коалиция», начался нажим на руководящую Партию мелких хозяев. В мае 1947 г. премьер Ференц Надь был обвинен в шпионаже и был выслан из страны. Теперь просоветские политические силы получили главенствующее положение в Будапеште. «Демократический блок» в Польше все жестче выступал против прозападных сил. Западные державы во многом не вносили протесты в Совет Безопасности ООН ввиду жесткого поведения правых сил в Греции и фактической диктатуры в Японии Макартура. Но они весьма эффектно показали указанные процессы «еще одним свидетельством» наступательности советской политики.

Исследовательский центр государственного департамента США пришел к выводу, что «свержение венгерского правительства произошло не ввиду его демократического характера. Гнев Советского Союза вызвала внешняя политика, стремление сблизиться с западными державами, особенно с Соединенными Штатами... „доктрина Трумэна“ ускорила процесс коммунизации, поскольку вывод коммунистов из французского и итальянского правительств явился индикатором того, что эта доктрина получила практическую интерпретацию на Западе».

Мировой порядок

Весной 1947 г. в результате мощных и целенаправленных усилий враждебность американского населения к России — еще два года назад бывшей важнейшим союзником — стала фактором национальной жизни в США. Между 1945 и 1947 гг. численность тех, кто начал воспринимать Россию как «агрессора» увеличилась с 38 до 66 процентов. В стране растет истерия. В ноябре 1946 г. президент Трумэн создает Временную комиссию по проверке лояльности государственных чиновников. Исполнительный приказ № 9835 создавал «федеральную систему проверки лояльности». В 1947 г. министр юстиции США создает список «подрывных организаций». Внутренняя безопасность стала в США важнейшим политическим вопросом.

В 1947 г. США находились в зените своего материального превосходства над партнерами в капиталистическом мире (те были еще далеки до достижения даже предвоенного уровня и просто «мерзли той зимой от холода»). В Китае Чан Кайши еще удерживал контроль над большей частью страны. Советский Союз был занят восстановлением. Еще не все из восточноевропейских стран стали «народными демократиями». В 1947 г. Соединенные Штаты экспортировали в Европу в семь раз больше, чем импортировали из нее. У европейских стран уже не было средств оплачивать закупки в США.

Греция и Турция уже попали в орбиту американского влияния, что в значительной степени относилось и к шахскому Ирану. США владели монополией на ядерное оружие. Они производили половину мировой промышленной продукции, обладали половиной мировых богатств (при 6% мирового населения). Что имел в виду Дж. Маршалл, говоря о необходимости восстановить баланс в Европе и в Азии? Он мог иметь в виду лишь закрепление благоприятного для США положения на максимально долгий период. Это была программа расширения и укрепления влияния США в мире. Начиналось упорядочение американского имперского господства.

«Мистер Х»

Требовалось убедительное идеологическое обоснование. И оно было создано. Некий «мистер Х» в статье, помещенной во влиятельном журнале «Форин афферс» (июль 1947 г.), призвал Соединенные Штаты «вооружиться политикой твердого сдерживания, предназначенного противостоять русским несокрушимой контрсилой в каждой точке, где они

выразят намерение посягнуть на интересы мирного и стабильного мира». Инициатором публикации стал первый министр обороны Джеймс Форрестол, который уже много месяцев задавал всем один и тот же вопрос: Соединенным Штатам противостоит обычное государство-нация или они сражаются с воинственной религией?

Сам Форрестол не сомневался, что имеет место второй случай, но ему требовался талантливый апологет его идей. Первым из избранных им идеологов был профессор Эдвард Виллет, отдававший приоритет идеологии. Против выступил Роберт Страус-Хюпе из Пенсильванского университета: «Я подвергаю сомнению адекватность анализа советской внешней политики, основанного только на дедукциях из догмы». Критика поддержал Филип Мосли из Колумбийского университета: «Я не могу согласиться с тем заключением, что советское правительство слепо оперирует исходя из базиса философских предположений». Оптимальное (с точки зрения Форрестола объяснение дал уже упоминавшийся американский дипломат Джордж Кеннан, который вместо испрашиваемых комментариев представил в январе 1947 г. целый опус под названием «Психологические основания советской внешней политики».

Какова роль коммунистической идеологии в формировании внешней политики СССР? В изображении Дж. Кеннана, возглавлявшего в то время отдел планирования госдепартамента, Советский Союз «движется неотвратно по предначертанному пути, как заведенная игрушка, которая останавливается только тогда, когда встречает непреодолимое препятствие». Таким препятствием должна быть целенаправленная политика США по «сдерживанию» СССР.

«Умелое и зоркое применение контрсилы в постоянно изменяющих свое положение географических точках, политических кризисах» — вот чего требовал Кеннан от американской политики. Не без некоего эйфорического оттенка Кеннан благодарил «Провидение, которое потребовало от американского народа ответа на вызов, сделала всю американскую безопасность зависимой от общего национального единства, от принятия на себя ответственности за моральное и политическое лидерство, врученное стране историей».

Было найдено ключевое слово: сдерживание. Но даже Дж. Кеннан не указывал, что «сдерживание» должно носить военный характер и что его нужно распространить глобально. За него такое домысливание сделали люди типа Дж. Форрестола. Но и сам Джордж Кеннан в многочисленных лекциях этого периода утверждал, что хозяева Кремля «постоянно высматривают. Какое противоречие они могут использовать... Они — умелые операторы. Они играют в тонкую и опасную игру».

Статья приобрела необычайную популярность. Ее бесконечно обсуждали и цитировали. Журналы «Лайф» и «Ридерс дайджест» напечатали выдержки из нее. Статью рассылали в посольства, особенно в Восточную Европу. В своих комментариях к идеям, изложенным в статье «мистера Х», обозреватель У. Липпман показал, каким путем будет осуществляться подобное «сдерживание»: «Эта политика может быть приведена в действие только рекрутированием, субсидированием и поддержкой однородного ряда сателлитов, клиентов, зависимых государств и марионеток». Весьма точное изображение того курса, по которому двинулась американская дипломатия.

Трезвомыслящих стало меньше, но они были. Вот пример трезвых рассуждений. «Разумеется, неумно недооценивать потенциального противника. Но равным образом неумно и переоценивать его. В данном случае американцы, безусловно, переоценили Советы, приписывая им больше, чем те заслужили. Негибкость, страх и осторожность более всего характеризовали советскую систему; сталинский двор воевал сам с собой; члены его боялись давать диктатору информацию, которая ему не понравилась бы; только несколько усталых и переутомленных людей могли принимать решения. Консерватизм, а не авантюризм характеризовал послевоенную внешнюю политику Сталина».

Греческие повстанцы действительно начали получать некоторую помощь из Югославии, Болгарии и Албании. Но подлинные корни социального движения и революции лежали внутри страны. Один из лучших исследователей предмета — Джон Латридес формулирует так: «Греческий кризис был внутренним делом и долгим процессом, осложненным балканскими

противоречиями. Советский Союз не только не был причиной или стимулятором греческой ситуации, но очевидным образом не одобрял коммунистическое восстание, он инструктировал греческих коммунистов удерживаться от силовых действий. К 1948 г. — и вероятно с самого начала — этот факт был известен греческому правительству (о чем недвусмысленно свидетельствуют его архивы), которое по понятным соображениям не афишировало этого факта, вместо него рисуя картину Греции, борющейся с силами, угрожающими всему западу, всем демократическим нациям».

«План Маршала»

Была создана специальная группа планирования политики во главе с Дж. Кеннаном, которой давалось распоряжение найти путь укрепления американского влияния в западноевропейских странах. Между тем Кеннан не переставал работать, создавая доклад «Некоторые аспекты проблем европейского восстановления с точки зрения США», представленный Маршалу 25 мая 1947 г. Борьба с Россией надо укрепляя Западную Европу. Именно на эту тему госсекретарь Маршал решил выступить в Гарварде 5 июня. Речь его помощник Болен написал, обильно черпая из Кеннана, за два дня.

Идеологическое обоснование американских притязаний на мировой контроль было старо, как мир. Следовало найти антагониста и представить его виновником мировой напряженности, а собственный диктат представить как вынужденный или как благожелательное покровительство. Главный рычаг воздействия — экономический, помощь предоставлялась безвозмездно и в большом объеме. Группа Ачесон-Клиффорд-Маршалл подготовила соответствующий поставленным задачам документ довольно быстро — к 23 мая 1947 г. Это и явилось основой «плана Маршалла».

Доклад группы планирования политики предусматривал экономическое восстановление Западной Германии. Но чтобы помощь вчерашнему врагу не вызвала сопротивления со стороны общественности Соединенных Штатов, требовалось оказать содействие и другим западноевропейским странам, которые должны были выдвинуть программу собственного экономического восстановления и развития (предоставив США полный отчет о текущем состоянии своей экономики). Америка бралась финансировать все «предприятие».

5 июня 1947 г., выступая в Гарвардском университете, госсекретарь Дж. Маршалл широковещательно очертил картину грядущего крушения Европы и огласил «"план спасения Европы», план, при помощи которого Соединенные Штаты хотели овладеть контролем над европейским развитием. Оставался вопрос, который нужно было решить с минимумом потерь. Объявить, что помощь предназначается лишь западноевропейским странам, значило бы слишком очевидно разделить Европу таким образом, что ни у кого не оставалось бы сомнений относительно инициатора этого раскопка. Поэтому госсекретарь не очертил круг стран, которым США собирались оказать экономическую помощь. Он указал, что помощь предназначается «некоторому числу, если не всем европейским нациям». Документы того времени проясняют картину. Они не оставляют сомнения в том, что включение СССР и стран Восточной Европы в программу помощи было немыслимо для США. Ведущими деятелями администрации это исключалось абсолютно.

Государственный секретарь Маршал спрашивал Кеннана и Болену, примет ли СССР приглашение присоединиться к американскому плану? Оба считали, что Москва на это не пойдет. «Это была тонко рассчитанная игра — поскольку американский конгресс не поддержит программу помощи, если одним из получателей будет Советский Союз — но Маршалл азартно приглашал — с согласия и президента Москву».

Британский министр иностранных дел Бевин довольно быстро организовал в Париже конференцию получателей помощи по «плану Маршала». СССР, Польша, Чехословакия и Румыния выразили свои интересы к плану.

Какова была реакция Советского Союза? Молотов вскоре же после эпохального

выступления госсекретаря Маршалла в Гарвардском университете (5 июня 1947 г.) послал в ЦК ВКП(б) записку с предложением присоединиться к американскому плану. Через две недели делегация из 83 лучших советских специалистов прибыла в Париж, куда американцы пригласили потенциальных получателей помощи. Именно в это время заместитель государственного секретаря Д. Ачесон, понимая, что уговорить конгресс выделить помощь можно будет лишь устранив их коммунистической экспансией, писал: «Нужно сделать происходящее более ясным, чем правда.»

Советский Союз, стараясь сохранить хотя бы минимальный шанс на предотвращение раскола Европы, все же отправил делегацию высокого ранга в Париж в июне 1947 г. на трехстороннюю — совместно с англичанами и французами — конференцию по обсуждению «плана Маршалла». Молотов во главе многочисленной делегации прибыл в Париж для встречи и дискуссий с Бевином и Бидо. 2 июля Форрестол пишет в дневнике: «Я глубоко обеспокоен последующими шестью месяцами. Я смотрю на Париж и думаю о том, что программа была рассчитана на то, чтобы русские не участвовали в ней».

Сталин смертельно боялся Запада, картина полностью открылась лишь в 90-е гг. Советские минеры отнюдь не налаживали коммуникации для броска на Запад, они взрывали железнодорожное полотно и локомотивы с тем, чтобы обезопасить СССР от наступления со стороны запада.

Судьба «плана Маршалла» подвисла. Агентура (Гай Берджес) сообщала Сталину, что восточная зона оккупации в Германии в отличие от трех западных никогда не получит американской экономической помощи. Историки сегодня сходятся в том, что конгресс США в случае присоединения СССР к «плану Маршалла», сделал бы эту помощь сугубо декоративной. Получатели и не получатели помощи образовывали истинный барьер размежевания в Европе. Советская сторона предложила изменить процедуру оказания помощи: каждая страна представила бы списки необходимых ей товаров, и США действовали бы на основе двусторонних соглашений со странами-получателями. Это предложение было отвергнуто.

Сталин отрицал два требования американцев: объединение европейских ресурсов, при котором советские фонды будут использоваться для поднятия западноевропейской промышленности; Открытие счетов того, куда пойдут американские деньги.

2 июля 1947 г. Сталин приказал Молотову, уже обсуждавшему конкретику плана, покинуть французскую столицу. Довольно неожиданно после пяти дней заседаний В.М. Молотов взял слово и объявил, что советская делегация (83 лучших экономиста) вынуждена покинуть совещание: «План Маршала» — это ничто более как злостная американская схема за доллары купить Европу». Как пишет Д. Маккалох, «отказавшись участвовать в „плане Маршала“, Сталин фактически гарантировал его успех (преодолевая сопротивление американского конгресса)».

Соединенные Штаты могли теперь консолидировать тех, чьи экономические системы были открыты для их влияния. Много лет спустя Ачесон напишет Трумэну: «Помните, мы часто говорили, что мы можем надеяться лишь на дураков среди русских». Под предлогом спасения Запада от России конгресс проголосовал за помощь западной части Европы. Россия оказалась предоставленной сама себе.

И все же. И на этот раз не была сделана верная оценка стратегии России и ее жертвенности. За пять недолгих лет СССР ценой невероятных усилий сумел восстановить свою мощь.

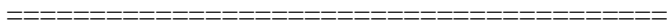
Таблица. ВВП основных стран в 1950 г.

(в млрд. долл. 1964 г.).

СССР	126
США	381
Британия	71
Франция	50
ФРГ	49
Япония	32

Невероятно быстрое восстановление потребовало еще одной в текущем веке мобилизации. Возможно, определенная деморализация в дальнейшем была своего рода психологической компенсацией. Даже самый жертвенный народ не может жить постоянно в мобилизационном напряжении.

Американцы наделись, что некоторые восточноевропейские страны осмелятся противостоять СССР и согласятся получить помощь по «плану Маршала» — последняя реальная попытка изменить коалиционное соотношение сил в Европе. Гомулка в Польше и Масарик в Чехословакии пытались, несмотря ни на что, получить американскую помощь. Но после 2 июля, учитывая советское давление, это было уже невозможно. Польское правительство отказалось участвовать в американских схемах. 9 июля Масарика и Готвальда Сталин и Молотов призвали в Кремль. В совместных документах было сказано, что «целью „плана Маршала“ является изоляция Советского Союза». Советская сторона заявила, что чехословацкое участие будет рассматриваться как направленное против СССР. И Чехословакия изменила свое решение.

Американцы не видели в советской реакции на «план Маршала» оборонительные действия страны, которая не могла конкурировать с Соединенными Штатами в экономической сфере, но интерпретировали эти действия как воплощение агрессивных замыслов. Посол в Москве Смит увидел в происходящем «ничто иное как объявление Советским Союзом войны и стремление добиться контроля над Европой».

Шестнадцать стран Европы приняли американскую помощь. Первым пожеланием правительства Трумэна было видеть их более тесно сплоченными между собой — это облегчало задачу прямого и косвенного контроля над ними. Страны западноевропейского региона образовали Комитет европейского экономического сотрудничества. В него вошли Англия, Франция, Италия, Голландия, Бельгия, Люксембург, Дания, Греция, Португалия, Норвегия, Австрия, Ирландия, Исландия, Турция, Швеция и Швейцария. Именно в эти дни Европу разделил, говоря словами У. Черчилля, «железный занавес», и опущен он был американской дипломатией. Ибо «план Маршала» предрешал судьбу Германии. Определенно противившийся некоторым американским мерам Клей потерял свои позиции главы американской администрации в Германии.

Ожесточение

К лету 1947 г. выражение «двухполюсный мир» стало почти привычным. Американцев особенно волновало то обстоятельство, что к весне 1947 г. ежедневный рацион в Германии и Австрии опустился до 1550 калорий (и до 1200 калорий в некоторых регионах). Так, полагали американцы, недолго будет бросить самую большую нацию европейского Запада в объятия коммунистов.

Из Москвы посол Смит подавал пересмотр чехословацких взглядов на «план Маршала» как практическое объявление Советским Союзом «войны за овладение Европой». Нетрудно представить себе, что и в Москве «план Маршала» восприняли как начало американской кампании по овладению Европой. А то, что американцы «усиленно совращали» поляков и чехословаков, воспринималось Сталиным как открытое посягательство на законную советскую сферу влияния. Теперь программ «экономической помощи» для США было недостаточно, теперь обязательным элементом американской дипломатии в Европе стал антикоммунизм.

А для Сталина теперь «зоны влияния» означали не место взаимной аккомодации, а потенциальный фронт враждебной конфронтации. На что способен в этой ситуации Сталин, задавались вопросом американцы. До сих пор на международной арене он «уважал» силу и стремился наладить с ней контакт. Несомненно, на него производила впечатление мощь Америки с ее индустрией и бомбой.

Летом 1947 г. было создано Центральное разведывательное управление (ЦРУ), в функции которого входило проведение тайных операций на самом широком уровне, что было нововведением в американской внешнеполитической практике. В годы войны против держав «оси» действовало относительно небольшое Управление стратегических служб (УСС). В мирное время разведывательные функции традиционно осуществлялись дипломатическими представителями США. Новый этап, этап резкого расширения внешнеполитической деятельности, потребовал поставить разведку на гораздо более масштабную основу.

Нельзя сказать, что создание ЦРУ не вызывало дурных предчувствий как в правительстве, так и в стране в целом. Против него выступал поначалу даже государственный секретарь Дж. Маршалл. Отчасти беспокоясь за позиции своего ведомства, отчасти страшась появления на американской политической арене неподконтрольного органа, получавшего необычайную власть в государстве, Дж. Маршалл счел нужным предупредить об этом президента {меморандум от 7 февраля 1947 г.}: «Мы должны действовать очень осторожно, поручая сбор и оценку поступающей из-зарубежа информации иным (кроме государственного департамента. — А. У.) организациям... Власть проектируемого агентства кажется почти неограниченной».

Во время слушаний в конгрессе США задавались вопросы, не создаст ли администрация «гестапо» для американского народа. Главный сторонник мощной разведслужбы — Дж. Форрестол успокаивал законодателей: «Задачи Центрального разведывательного управления определенно ограничены целями за пределами этой страны, исключение составляет лишь координирование информации, полученной другими правительственными ведомствами».

Преобладающее большинство вашингтонских политиков было уже во власти миражей мирового господства, и трезвые голоса их не останавливали. Согласно внесенному на рассмотрение конгресса 26 февраля 1947 г. «Акту о национальной безопасности», объединявшему деятельность военного и военно-морского министерств под единым командованием, предлагалось и создание Центрального разведывательного управления. Пройдет четверть века, и люди из ЦРУ будут, в частности, прикрывать действия никсоновской администрации против штаб-квартиры демократической партии в Уотергейте. В 1947 г. проблемы закрепления американского империализма на мировых позициях поглотили внимание тех, кто голосовал за тайные службы, способные обернуться против них самих.

Внешне все выглядело довольно безобидно. Задачу ЦРУ американские законодатели определили как помощь совету национальной безопасности в деле сбора зарубежной информации и оценки. Но уже в этом первоначальном определении функций ЦРУ были весьма зловещие оговорки. «Осуществлять функции и обязанности, связанные с разведывательными данными, затрагивающими национальную безопасность, защищать источники получения разведывательных данных и методы их получения».

Период развертывания тайной заграничной деятельности ЦРУ пришелся на 1949 — 1952 годы. Расходы на тайные операции возросли с 4,7 до 82 млн. долл. в год. За это время численность служащих увеличилась с 302 до 2812 человек в Соединенных Штатах и до 3142 агентов за пределами страны.

20 августа 1947 г. состоялось совещание высших чинов государственного департамента и военных ведомств США под председательством заместителя госсекретаря Р. Ловетта. Председатель прямо заявил присутствующим о том, что в мире образовались две коалиции. Новый советник госдепартамента Ч. Болен указал на неизбежность столкновения Запада и Востока. Складывалось впечатление, что в условиях ядерной монополии Соединенные Штаты устраивал конфликт скорее на ранней стадии, чем на поздней. И Болен говорил об этом без чувства особого сожаления. Его речь не могла быть воспринята иначе, как признание неизбежности третьей мировой войны: «Не существует практически никаких шансов на то, что какие-либо из проблем в отношениях между двумя мирами могут быть разрешены, до тех пор, пока не разразится кризис... Если судить по текущим показателям, этот кризис вызреет значительно раньше, чем это ожидалось... Речь идет не о нескольких годах, более вероятно, что это вопрос месяцев... Кризис несет в себе очень реальную опасность возникновения

вооруженного конфликта». Следовательно, вооруженным силам США в ожидании нового мирового кризиса надлежало повысить боевую готовность.

В этот период США могли широко использовать экономические средства воздействия при решении региональных проблем. Стратеги глобальной экспансии не без основания полагали, что в опустошенном войной, потерявшем прежние отлаженные экономические связи капиталистическом мире экономическое воздействие США будет особенно эффективным. В докладе координационный комитет госдепартамента и военных служб в качестве рычага расширения влияния США выдвигал следующее: страна должна экспортировать товаров на 7,5 млрд. долл. больше, чем импортировать. Правительству США предлагалось так скоординировать американскую торговлю, чтобы подлинно важные регионы попали под плотную экономическую опеку Соединенных Штатов. В случае если существенные для «национальных интересов» США страны не смогут покупать американские товары ввиду отсутствия необходимой валюты, американскому правительству рекомендовалось идти на предоставление крупномасштабной экономической помощи. Материальные потери будут малозначительны по сравнению с приобретаемым влиянием, говорилось в докладе.

Не допустить поворота Европы

Давление, оказанное американцами на английскую делегацию в Москве, обеспечило достижение совместной американско-английской договоренности об объединении подконтрольных им ресурсов в Германии и укреплении экономического потенциала их зон оккупации. Верховному комиссару США в Германии генералу Л. Клею был отдан приказ приступить к экономическому укреплению объединенной американско-английской зоны — Бизонии. Главной заботой дипломатии Трумэна — Маршалла становится обеспечение долговременной зависимости от США «жизненно важного» центра Европы — Германии и Австрии, «средоточия большого количества профессионально подготовленного населения, резервуара громадных человеческих и промышленных ресурсов».

Германия из пункта раздора превратилась в причину глобального взаимоотноуждения двух главных членов антигитлеровской коалиции.

Глобальный размах внешнеполитического планирования США начинает открыто проявляться осенью 1947 г. Государственный секретарь Дж. Маршалл, выступая перед кабинетом, заявил, что «целью нашей политики с нынешнего дня и далее будет восстановление баланса сил и в Европе, и в Азии». В декабре 1947 г. американский посол в Чехословакии Лоуренс Стейнхард поделился своими соображениями относительно отказа этой страны участвовать в реализации «плана Маршала». Он выступал как очевидец. «Вовсе не случайно то, что прежде благожелательное отношение Москвы к чешскому правительству внезапно ухудшилось после чешского решения участвовать в „плане Маршала“. Под благожелательностью я имею в виду то, что до сих пор русские не оказывали давления на чешское правительство. Они сделали несколько предложений, но эти предложения не были связаны с политическими и коммерческими вопросами и не были прямым вмешательством, не были приказами».

Возможно в Белом доме, госдепе и Пентагоне ждали более жесткой оценки отношения к Чехословацкой республике за период 1945-1947 гг. Но посол Стейнхард говорил правду: из Чехословакии до сих пор никто сателлита не делал. Советское военное руководство представляло себе степень угрозы атомного нападения, равно как и то, что СССР не способен нанести удар по США. В начале 1947 г. Генеральный штаб подготовил «План активной обороны территории Советского Союза». Определялись три основные задачи: «Обеспечить надежное отражение агрессии и целостность границ, установленных международными соглашениями после второй мировой войны»; «быть готовыми к отражению воздушного нападения противника, в том числе и с возможным применением атомного оружия»; «военно-морскому флоту быть готовым отразить возможную агрессию с морских направлений и обеспечить

поддержку сухопутных войск, действующих в приморских районах». Что-то не видно наступательных планов и поиски таковых после 1991 г. не увенчались успехом.

Тот же источник давал военно-морской баланс на 1947 г.: США и Британия имели 157 авианосцев всех классов и 7700 палубных самолетов, в то время как СССР не имел ничего. США и Британия имели 405 подводных лодок, СССР — 173; соотношение линейных кораблей и больших крейсеров — 36:11; крейсеров — 135:10. Эсминцев и кораблей эскорта — 1059:57. Советский Союз не имел десантных судов, тогда как у США их было 1114 плюс 628 транспортных судов. Встает простой в своей наивности вопрос: мог ли Советский Союз готовиться к стратегическим атакующим действиям, не имея десантных судов? Поразительная по примитивности пропаганда, тем не менее, имела на Западе немалый успех.

В Советском Союзе, так или иначе, обязаны были откликнуться на ситуацию, когда истекавшей кровью России, положившей на алтарь победы 27 млн., предложили залечивать свои раны самой. Москва не могла не отреагировать на столь великий цинизм. В советской политике происходят важные изменения. Москва с нарочитой помпой выдвигает то, что было названо «планом Молотова». Только сейчас Советский Союз начинает консолидировать свою зону влияния.

Зримо важной точкой явилось создание в сентябре 1947 г. Коминформбюро — координационного центра советской зоны влияния. Штаб Коминформбюро располагался в одном из санаториев неподалеку от Варшавы. Новую организацию при всем желании трудно было сравнивать с коминтерном, но при желании — сравнивать было можно. Сам себя Коминформбюро называл центром связи и координации коммунистических партий СССР, Восточной Европы Франции и Италии, но по мере внутриевропейского ожесточения, его роль могла пересечь границу словесной пропаганды. Не было секретом наличие массовой социальной поддержки коммунистических движений как на Востоке, так и на Западе Европы. Коминформбюро мог стать центром антиамериканизма.

Сейчас достаточно ясно, что Коминформбюро служило советской политике, а не учению марксизма. На установочном совещании в Польше представлявший Советский Союз А.А. Жданов провозгласил разделение международной системы на два лагеря: «империалистическому и антидемократическому блоку противостоят демократические и антиимпериалистические силы». При этом ожесточение еще не залило глаза кровью. Жданов выразил надежду на то, что мирное сосуществование социализма и капитализма возможно. Самую большую его тревогу вызывало то обстоятельство, что Соединенные Штаты устремились к созданию блока стран, противостоящих СССР и дружественным ему странам.

На этот раз Соединенные Штаты были открыто названы экспансионистским государством, создающим военные базы по всему миру; США оказывают мощное экономическое влияние на Западную Европу, на Британию с ее империей. Не вызывало никакого сомнения то обстоятельство, что Жданова более всего беспокоило укрепление западных оккупационных зон в Германии. Эта страна снова вставала — и вставала тогда, когда невыносимая память об ее агрессии еще ощущалась самым острым образом на просторах разоренной России, где женщины и инвалиды строили мосты и восстанавливали железнодорожное полотно.

Американский автор много лет спустя пишет: «В словах Жданова была доля правды... Советы как могли отвечали на подступы к формированию западного блока».

Разумеется, частью нового советского подхода был вопрос итальянским и французским коммунистам: «Вы самые крупные партии в стране и позволяете себя выбрасывать из правительства?» Что касается Восточной Европы, то Жданов обрушился на «национал-коммунизм». Гомулку осудили за «польский путь к социализму». Немцам из Восточной Германии было указано, что не существует особого германского пути в социализм. Та далеко не совершенная демократия, которая всегда была особой в Восточной Европе, стала клониться под давлением тех, кто, будучи отринутым на Западе, не видел альтернативы групповому сплочению. Чехословакия еще управлялась демократической коалицией, но общий горизонт осенью 1947 г. помрачнел.

Коминформ стал символом новой политики СССР в Восточной Европе.

Корректировка «плана Маршала»

Трумэн был исключительно обеспокоен тем, что конгресс проявит изоляционистский инстинкт и низведет «план Маршала» к фикции. 1919 г. помнили еще все — как и агонию президента Вудро Вильсона. Европейцы запросили 20 млрд. долл., а конгресс уже снизил сумму до 17 млрд. Трумэн панически боялся провала в конгрессе — он видел в этом опасность потери Европы. Республиканцы всегда думают прежде всего о бюджете — а они обладают большинством в конгрессе. Они заведомо не любят либеральных «раздавателей американских денег». Уже по процедуре проявились разногласия.

Чтобы преодолеть опасность краха главного элемента американской политики в Европе, государственный департамент привлек к своему европейскому проектированию влиятельного сенатора-республиканца Ванденберга. Десятки импровизированных комиссий разъезжали по всей стране, объясняя публике важность контроля над Европой. Осевой идеей было: если Америка опоздает, Советский Союз воспользуется ситуацией. Когда Маршал уезжал из Москвы в апреле 1947 г., он был убежден, что Советский Союз сознательно затягивает европейское восстановление ради достижения своих политических целей».

Напряжение в среде американской элиты нарастало. Замгоссекретаря Ловетт в конце июля 1947 г. писал: «Никогда еще на моей памяти мировая ситуация не менялась так быстро и не двигалась так быстро к реальным противоречиям». Американцев особенно пугало резкое ухудшение экономической обстановки в Западной Европе. Во Франции был урожай, признанный худшим за 132 года. В Руре шахтеров умоляли добывать больше угля. Во Франции и Италии закончились запасы твердой валюты. Начались массовые забастовки. Самая сильная экономика Западной Европы была на грани срыва. Трумэн пишет в августе 1947 г. своей сестре: «Англичане решили объявить банкротство и если они это сделают, это будет означать конец нашего процветания — да и процветания всего мира. Тогда дядя Джо Сталин получит желаемое. Похоже на то, что он получит все в любом случае».

В конце сентября 1947 г. Трумэн призвал к себе группу сенаторов и конгрессменов. «Генерал Маршал сделал обзор проблем, которые мы имеем с Россией, и Боб Ловет представит вам детализированную картину. Или мы представим промежуточную программу помощи до того, как будет принят „план Маршала“, или правительства Франции и Италии падут, за ними последует Австрия и Европа станет коммунистической... это серьезно, я не могу даже преувеличить, насколько это серьезно... Конгресс должен действовать».

Председатель комитета по международным делам палаты представителей республиканец Чарльз Итон суммировал по-своему: «Коммунисты начали кампанию агрессии. Мы уже встретили их вызов в Греции и Турции. Мы должны остановить коммунизм, и я готов сотрудничать с сенатором Ванденбергом». Звучали и более трезвые голоса. Лидер большинства Чарльз Халлек: «Мистер президент, вы должны знать, что растет сопротивление этим программам. Людям они не нравятся». 17 ноября 1947 г. Трумэн предложил объединенной сессии конгресса программу помощи Франции, Италии и Австрии в 600 млн. долл.

Осенняя сессия в Лондоне

Сессия совета министров иностранных дел собралась в британской столице. Как и в Москве над всеми прочими доминировал германский вопрос. Но теперь уже никто не надеялся на чудо и на мастерство парламентского компромисса. Запад был готов к фиаско с самого начала сессии. Советская сторона знала о консолидации внутризпадных позиций, о планах Тризонии в Германии; горечь присутствовала во всех советских выступлениях. Именно советская сторона обеспечила победу в Германии, а теперь против нее объединялись ее благодетельствованные союзники.

Роберт Мэрфи в октябре 1947 г. изложил свою точку зрения по германскому вопросу: если лондонская встреча не приведет к взаимному продвижению, «очень скоро после нее мы будем обязаны разработать план политической организации Западной Германии. Разумеется, это будет серьезным шагом». В сторону США будут адресованы обвинения в расколе Германии, но Америке не следует реагировать на эти обвинения. «Мы примем этот удар, когда будем готовы к нему». Трудности возникнут в одном месте — в Берлине, окруженном советской зоной. «Это остров в сердце советской зоны». Русские «легко могут сделать нашу жизнь здесь невыносимой, и мы в конечном счете будем вынуждены покинуть Берлин».

Итак, бесконечно враждебно относясь к своему прежнему советскому союзнику, Соединенные Штаты стали восстанавливать мощь страны, о которой в годы войны американский президент говорил, что «уровень жизни в Германии не должен превышать уровень жизни страны-победителя, Советского Союза». Если бы у советского народа и его руководства были железные нервы, то и тогда великая скорбь и отчаяние посетили бы их — к прежнему противнику отношение Запада было гораздо лучше, чем к стране, чьи 27 погибших миллиона сохранили цвет американской молодежи и свободу Америки как нации. Даже самый несведущий русский вскипел, видя циничную несправедливость. Америка нарушила свое слово, не оказав помощь голодающему Советскому Союзу и тут же бросилась восстанавливать германскую мощь и хозяйство. Пусть история зафиксирует эту несправедливость.

Как справедливо было бы зафиксировать и то, что ко времени открытия Лондонской сессии американцы уже сделали слишком многое для подрыва четырехсторонней системы германского урегулирования. Лондон, после открытия 26 ноября 1947 г. Сессии совета министров иностранных дел, стал ареной взаимных обвинений. Франция закрыла глаза на свою вечную германскую проблему, теперь она жалась к Соединенным Штатам. Более того: французская делегация стала инициатором тайных встреч западных участников сессии, где германская проблема решалась в отсутствие Советского Союза. Очень благородно по отношению к России, дважды в XX веке спасшей Париж.

У Молотова не было никаких оснований сомневаться в том, что Россия теперь, когда ее молодая кровь не нужна для свободы и процветания западных стран снова оказалась в одиночестве. Удивительно ли то, что советская сторона ответила яростными обвинениями интенсификацией пропаганды, всеми доступными методами. Пусть западный историк скажет. Что любая западная страна действовала бы иначе, окажись она в изоляции и с восстанавливаемым прежним смертельным врагом?

В 1933 г. Уильям Буллит восхищался «великолепным лбом» Молотова («огромная сдержанность, доброта и интеллигентность»). Ну как же, тогда Россия была нужна для остановки японцев в Китае. А в 1947 г. западные деятели бесконечно варьировали ту мысль, что лоб Молотова «вздувается» под прессом западного наступления. Главная его головная боль — воссоединение западных зон, восстановление германских позиций в Европе. Речи Молотова были очень далеки от союзнического пиетета. Но таковы были и дела западных союзников. Молотов требовал десять миллиардов обещанных репараций к 1965 г. Англичане были несколько вежливее американцев, видимо ужас войны и возможности поражения затронул их нервные центры. Но и они отвергли саму идею компромисса с Советским Союзом. Почему? А ведь их восточный союзник не нарушал слов и был лоялен в самые страшные военные годы. Американские дипломаты были просто циничны: конгресс не выделит средств, если одним из получателей германских репараций будет СССР.

2 декабря 1947 г. британский министр иностранных дел Бевин призвал Молотова на свою квартиру. «Вы не можете назвать меня врагом России. Когда наше правительство пыталось задушить вашу революцию, я призвал транспортных рабочих не грузить идущие в Россию суда. Я хотел, чтобы вы осуществляли свою собственную революцию своим собственным путем и без внешнего вмешательства. Сейчас я снова говорю с вами как друг. Вы играете в очень опасную игру. И я не могу понять почему. Вы ведь не верите, что американцы собираются воевать с вами — по крайней мере, ответственные американцы. Мы тоже не хотим воевать. Но вы играете с

огнем, мистер Молотов... Если война разразится между вами и американцами на Востоке, мы, возможно, останемся нейтральными. Но если война начнется между вами и американцами на Западе, тогда мы будем на стороне американцев. Пусть у вас не будет никаких иллюзий на этот счет. Это будет конец России и вашей революции... Чего вы хотите?» Молотов ответил, что желает «объединенной нейтральной Германии», что в его понимании означало создание такой страны, которая, во первых, может платить России компенсацию за военный ущерб, и, во-вторых, не являлась бы западным сателлитом, страшным оружием Запада против натерпевшейся от нее России.

Американцы серьезно боялись массовой стачечной борьбы во Франции, чья экономика едва ли не остановилась. 6 декабря американцы и англичане обсуждали лучший способ прекратить ненавистную сессию. Бевин: «мы должны сосредоточиться на главных экономических вопросах и указать их русским. Что их целью является управляемая коммунистами Германия». Маршалл: «Скажу откровенно о том, что было бы популярно в США — остановить заседание и послать русских к черту». 11 декабря 1947 г. государственный секретарь Маршал докладывал в Вашингтон: «Совершенно очевидно, что Молотов просто затягивает время и отчаянно пытается добиться соглашения, которое только мешало бы нам». Трумэн ответил: «Мы полностью разделяем вашу точку зрения».

Лондонская сессия была знаменательна. Она завершала один процесс и начинала другой. Оптимистическая вера Рузвельта во всемогущество компромисса была уже невозможна. Идеи военного времени увяли. Великий союз не выдержал мира. И не Москва была в этом виновата. Она не изменилась с 1943 г., она желала зоны влияния — но и американская республика живет с «доктриной Монро» более полтора столетия. На Лондонской встрече говорить языком Ялты было уже абсолютно невозможно.

15 декабря 1947 г. Маршал заявил, что «прогресс невозможен из-за обструкции русских». Молотов тут же обвинил Маршала в желании «получить свободу рук и действовать в Германии по своему усмотрению». Бидо предложил разойтись или, точнее, «отложить заседания». На том и порешили. Маршал был доволен консолидированностью западного фронта. Часть французов тайне боялась расторжения советско-французского договора. Было относительно ясно, что Москва примется наводить дисциплину в своем лагере.

Со своей стороны западные державы решили восстановить сильную Германию. Что не менее важно, Маршал и Бевин решили создать западную коалицию. Пока это звучало не так грозно и воинственно. Бевин: «Вопрос о том, где будет находиться центр силы. Мы обязаны создать некую западную демократическую систему, включающую в себя американцев, нас, Францию, Италию и, конечно же, доминионы. Это не будет формальный союз, но некое олицетворенное взаимопонимание, поддерживаемое силой, деньгами и решимостью. Это будет союз, основанный на взаимопонимании, нечто вроде духовного единения Запада». Маршал ответил, что в данном случае не видит иного выхода. События плывут «в быстром течении».

Адмирал Леги записал в своем дневнике, что тупик был создан из-за Германии, из-за желания репараций со стороны русских. Стороны разошлись, «и ни одного предложения не было сделано со стороны министров иностранных дел относительно следующей встречи и уже всем стало представляться, что необходим новый метод сохранения мира в Европе». Шагом по новому пути был намечен сепаратный договор с Западной Германией, «хотя советское правительство, конечно же, выдвинет яростные возражения против этого шага». Возможно советское руководство решит «начать войну немедленно». Ну что ж, по мнению Леги милитаизации американской внешней политики не было альтернативы. «Ввиду угрожающей ситуации, с которой встретился Запад, я полагаю, что Соединенные Штаты должны незамедлительно начать частичную мобилизацию вооруженных сил».

Мобилизация вооруженных сил

Как провидчески писал Леги, Соединенные Штаты в конце 1947 и первой половине 1948 г.

начали частичную мобилизацию вооруженных сил. Началось быстрое увеличение ядра вооруженного сообщества. Теперь мы видим больше злой логики в происходящем. В 1946 г. американская элита отходит от идеи ялтинского типа союза с СССР. Обозначаются контуры «холодной войны». В 1947 г. два процесса доминируют: дипломатия уступает место жесткому нажиму; «сдерживание» становится кодовым словом военного вооружения.

Выступая 12 июня 1948 г. перед 55 тыс. слушателей на университетском стадионе в Беркли, Г. Трумэн заявил: «Великие проблемы мира иногда изображают как спор исключительно между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Это не так... Мы не ведем „холодную войну“... Противоречия существуют не между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Противоречия существуют между Советским Союзом и остальным миром“. Заявление по меньшей мере странное, а по существу лживое, учитывая, что СССР не имел экономических, политических и военных интересов в „остальном мире“. США, напротив, уже повсюду создавали опорные пункты своего влияния.

Тогда сенатор-республиканец Ванденберг стал оправдывать распространение американского влияния обвинениями в адрес СССР. Он говорил: «Грядет коммунистическая цепная реакция от Дарданелл до Китайского моря и к западу, до берегов Атлантики». То, что на всех этих просторах располагались не советские, а именно американские войска, не смущало оратора.

В 1948 г. центр внимания полностью покидает дипломатические усилия, создается новая военная экономика. Еще в поздние месяцы 1947 г. гражданские лица в администрации Трумэна решительно противостоят росту военного бюджета. Они еще едва согласны оказать гражданскую помощь огромному зарубежью; более всего все боятся перенапряжения самой американской экономики. Военным авантюристам пока нет места.

«План Маршала» стал призывным сигналом. Россию уже никто не изображает иначе как врага. Именно в декабре 1947 г. американские военные говорят то, чего от них еще никогда не слышали в адрес СССР. Начальник штаба воздушных войск генерал Спаатц: «Положение дел в мире продолжает ухудшаться, чему свидетельством является тупик в Лондоне; расширение внутреннего хаоса во Франции и Италии; ослабление силы центрального правительства в Китае. СССР движется по дороге агрессии и мы должны вступить на эту же дорогу. Американское общественное мнение в конечном счете потребует от нас остановить СССР вне зависимости от того, адекватна ли американская мощь. Мы особенно должны быть готовы к выступлению на Дальнем Востоке». (Напомним, что, объединяя летом 1947 г. вооруженные силы Трумэн хотел вначале сделать первым министром обороны Роберта Паттерсона, но тот сказал, что хотел бы вернуться в Нью-Йорк «делать деньги». Зато следующий — Джеймс Форрестол согласился немедленно.

Видимыми чертами объединения стали новый бомбардировщик стратегического назначения Б-36 и новый авианосец военно-морских сил. ВМС требовали баз по всему миру, они создавали «стратегический кулак» — «Группу70» которая географически расширяла ядерную монополию США. ВМС смотрели на средиземное море — отсюда «простреливалась» вся Европа.

Для того, чтобы строить военный джаггернаут, люди в Пентагоне должны были убедить в растущей угрозе. В декабре 1947 г. министр военно-морского флота Джон Салливэн почти «обреченно» говорил президентской комиссии о том, что «немцы имели менее 50 подводных лодок и почти выиграли битву за Атлантику. У русских в пять раз больше подводных лодок. Они способны в случае необходимости производить подводные лодки самой новой конструкции, гораздо лучше германских подводных лодок второй мировой войны». (Обеспокоенному Спаатцу начальник военной разведки в том же месяце сказал, что данная угроза иллюзорна). Но сам Спаатц не склонен был успокаиваться. В комиссии по военно-воздушным силам он сказал, что вооруженные силы России в 1946 г. превосходили американские на 98 процентов; в 1947 г. — на 134 процента. В 1946 г. в советских военно-воздушных силах служили на 23 процента меньше военнослужащих, а в 1947 г — на 33 процента больше.

В Америке этого времени царит определенного рода почти «помешательство» в отношении стратегических возможностей авиации. Президентская Комиссия по политике в области авиации пользовалась несказанным авторитетом. Ее председатель Томас Финлеттер был фигурой национального масштаба. После 200 заседаний эта комиссия произвела 1 января 1948 г. на свет, обсуждаемый повсюду доклад «Выживание в век авиации». Теперь авиация решала все. Именно от нее зависела национальная безопасность. Так думали многие миллионы в США.

Министр обороны Форрестол добавил к этой истине еще одну. «С моей точки зрения — а я думаю, что ее разделяют многие — мы не можем говорить о безопасности Америки, не говоря о Европе, Ближнем Востоке, защищенности морских путей... Недостаточно быть просто Спартой». Председатель Финлеттер: Наверное, и Афинам следовало бы быть немного сильнее». Форрестол: «Если бы Афины немного меньше занимались философией, если бы у Афин было немного больше щитов, это дало бы идеальную комбинацию» Генерал Спаатс сказал этой комиссии примечательные слова: «Террор низкого уровня, которым Россия парализует Италию, Францию, Англию и Скандинавию, может быть нейтрализован действиями из нашей собственной страны, учитывая нашу способность осуществлять атомное разрушение... Если Россия нанесет удар по США, только мощные военно-воздушные силы были бы способны нанести достаточный ответный удар, достаточно сильный, чтобы предотвратить разрушение нашей нации».

Идею активно поддержал Аверелл Гарриман: «Исходя из наблюдений и дискуссий с видными лицами Советского Союза, я пришел к безусловному для меня убеждению — ничто не пугает лидеров Советского Союза больше, чем американская воздушная мощь». Комиссия Финлеттера пришла к примечательным выводам: «Относительная стабильность может быть достигнута только лишь посредством настолько сильного вооружения Соединенных Штатов, что (1) другие нации не осмелятся атаковать нас и наши жизненные интересы ввиду сокрушительности ответного удара по ним и (2) если мы сможем остановить нападение на нас на самой ранней стадии». Финлеттер боялся только пассивности населения, «неготового нести финансовое бремя расширенного военного механизма». Доклад Финлеттера был лишь одним из многих подобных же голосов.

В январе 1948 г. президент Трумэн запросил конгресс о 35-процентном увеличении бюджетных ассигнований на морскую авиацию. В целом 54 процента всего военного бюджета в 1949 финансовом году шло на авиацию. В феврале Комиссия по военно-воздушной координации потребовала утроения расходов на авиацию — того якобы «требовала международная обстановка».

Чем отвечала Россия? Министром обороны Польши в октябре 1949 г. стал маршал Рокоссовский, и в Польше была введена всеобщая воинская повинность, которая довела армию до 400 тыс. человек. В Чехословакию в 1950 г. были посланы 1000 советских военных специалистов, которые довели армию этой страны до 250 тыс. человек. Был на 80 тысяч увеличен контингент советских войск в Восточной Германии. Укрепилась при помощи советских советников венгерская армия. В 1950 г. Советский Союз начал увеличивать свой военно-морской флот. Стратегический бомбардировщик «Ту-4» поступил на вооружение дальней авиации, но довольно скоро стало ясно, что эра поршневого двигателя на бомбардировщиках подходит к концу.

Теперь джентльмен читает чужие письма

Выход ЦРУ на международную арену начался именно в это время — в декабре 1947 г. На заседании совета национальной безопасности 17 декабря 1947 г. был принят документ под кодовым обозначением СНБ-4-А («Совет национальной безопасности-4-А»), назначивший директором ЦРУ контр-адмирала Хилленкоттера, который дал ЦРУ инструкцию начать секретные операции против СССР. Первые действия ЦРУ были поистине «невинны» — приобретение радиостанции, печатных прессов, создание базы в Западной Германии.

Между декабрем 1947 и июнем 1948 г. определяется стиль управления как орудия внешней политики. В меморандуме совета национальной безопасности от 18 июня 1948 г. СНБ-10/2) обозначалась задача создания в рамках ЦРУ так называемого отдела социальных проектов, целью которого было ведение таких тайных операций, как политике: кие подрывные действия и экономическая война

Список лишь тех из закулисных действий ЦРУ, которые, или названы в 1976 г. официальной комиссией сената США по расследованию его деятельности, свидетельствует о глобальном характере активности главной американской тайной службы уже в начальный период своего существования. В первое послевоенное десятилетие это была борьба с повстанцами Хукбалахап на Филиппинах³⁶; поддержка чанкайшистских войск, нашедших убежище в Бирме; свержение премьер-министра Ирана Мосаддыка; свержение президента Гватемалы Арбенса. А впереди были гораздо более громкие дела, о которых рядовой американец узнал лишь в 1976 — 1977 годах, после расследований специальной сенатской комиссии: участие в покушениях на жизнь Лумумбы и Ф. Кастро, содержание 30-тысячной армии в Лаосе, свержение правительства Альенде в Чили и многое другое.

Что же касается обещания ограничить свою деятельность заграничными территориями, то и здесь цена, которую заплатил американский народ за контроль над огромной зоной влияния, оказалась немалой. Была учреждена цензура над средствами коммуникации, используемыми американскими гражданами. Трём крупнейшим американским телефонным компаниям — «Радио корпорейшн оф Америка глобал», «ИТТ Уорлд комьюникейшнз» и «Вестерн юнион интернэшнл» в 1947 г. была поручена «инспекция» переговоров и почтовых отправок американских граждан. Эта практика была прекращена в результате общественного возмущения после уотергейтского скандала 15 мая 1975 г. как нарушавшая четвертую поправку к конституции. Но почти 30 лет тайная служба довлела над частной жизнью граждан, а в 80-х годах эта машина негласного надзора полностью восстановила свое влияние.

ЦРУ проникло во многие массовые американские организации, в том числе в профсоюзы, церкви, университеты, объединения промышленников. В условиях бесконтрольности и безнаказанности управление официально организовало отдел внутренних операций, ареной деятельности которого были собственно Соединенные Штаты. Внешняя экспансия обернулась созданием в стране климата политического экстремизма, организацией политических преследований внутри страны.

В 1976 г., разбирая злоупотребления ЦРУ, сенатская комиссия пришла к выводу, что сознательная расплывчатость формулировок, отсутствие строгих правил и рамок в принятом конгрессом в 1947 г. законе позволили ЦРУ проникнуть в сферу, которую многие американские политики не хотели бы отдавать под контроль тайных служб.

А русские все требовали трижды обещанные им германские репарации. Америка пошла своим путем. В марте 1947 г. Герберт Гувер возвратился из инспекционной поездки по Германии. Теперь он требовал. Чтобы германскому восстановлению был отдан высший приоритет. Советник президента Трумэна возмутился: «Это поставит Германию на те же позиции индустриальной мощи, которые она занимала до войны... Я не могу смотреть в будущее и видеть Германию еще более мощной, чем Германия Гитлера ввиду огромных успехов науки».

Далеко идущим стало следующее американское решение, принятое в конце 1947 г. Выступая по радио (трансляция шла на всю страну), Дж. Маршалл заявил, что «политический вакуум» в Европе — результат закончившейся войны, должен быть заполнен посредством объединения сил западноевропейских стран, создания западноевропейского сообщества. США делали первый шаг в направлении поддержки западноевропейской интеграции, делали его с легким сердцем, рассчитывая на свои мощные позиции в Западной Европе. Американское руководство выступило в поддержку процесса, который не имел гарантированных для США перспектив. Восстановление западноевропейского центра силы было выгодно США в краткосрочной перспективе, чего нельзя было с полной определенностью сказать о долгосрочности.

19 декабря 1947 г. Трумэн направил конгрессу специальное послание о «плане Маршалла», предлагая предоставить западноевропейским странам между апрелем 1948 и июнем 1952 г. 17 млрд. долл. безвозмездной помощи. Г. Уоллес назвал этот план «глобализацией доктрины Монро».

Акт об экономическом сотрудничестве с другими странами, включавший в себя «план Маршалла», был представлен конгрессу в марте 1948 г. Обоснование необходимости принятия этого закона было найдено с завидной легкостью: Советский Союз, говорилось в этом акте, «разрушил независимость и демократический характер целого ряда наций Восточной и Центральной Европы. Именно этот жесткий курс действий и ясно выраженное намерение распространить его на оставшиеся свободными нации Европы создали нынешнюю критическую ситуацию в Европе».

Изображать СССР эпицентром мирового экспансионизма стало обычным приемом американской дипломатии. В программном документе совета национальной безопасности — СНБ-7 от 30 марта 1948 г. о внешней политике СССР говорилось в апокалипсических тонах: «Советский мир расположен от реки Эльбы и Адриатики на западе до Маньчжурии на востоке и охватывает одну пятую поверхности земной суши». Под предлогом мнимого «советского экспансионизма» США активизировали свой подлинный экспансионизм.

Как оценивают «план Маршалла» современные американские историки? По их мнению, он «служил национальным интересам Соединенных Штатов... Европа (Западная. — А. У.) стала зависимой от американской помощи, менее способной сделать свой собственный выбор. Часть американских фондов была использована для продления западноевропейского доминирования над колониальными владениями. Программа была осуществлена, минуя механизм ООН и созданной в рамках ООН Экономической комиссии для Европы, где ее осуществление дало бы менее антагонизирующий эффект. „План Маршалла“ образовал глубокую пропасть между соперниками. Он породил ограничения на торговлю между Востоком и Западом». В конечном итоге экономическая помощь уступала место военной, и уже к 1952 г. на 80% помощь США Западной Европе носила военный характер.

Ядерная стратегия

В целом, как представляется, на протяжении второй половины 40-х годов американская авиация сохраняла способность нанести несколько атомных ударов по крупнейшим советским промышленным центрам — и в Вашингтоне отдавали себе в этом отчет. Анализ возможностей американской стратегической авиации, предпринятый по поручению ОКНШ в феврале 1950 г., показал, что в первые три дня атомной войны американские бомбардировщики могли, в зависимости от времени суток, тактики действий авиационных соединений и ответных действий советской ПВО, доставить до цели от 153 до 186 атомных бомб, потеряв при этом от 56 до 180 своих самолетов. В то же время у американских политиков и военных не было ясности относительно того, какие военные и политические последствия мог бы иметь атомный удар по советской территории.

Так, специально созданная комиссия ОКНШ в своем докладе JCS 1953/4 от 12 мая 1949 года попыталась оценить последствия осуществления одного из планов атомной войны против Советского Союза, известного как план «Троян». Согласно этому плану, принятому в 1948 году, предполагалось в течение 30 дней подвергнуть атомной бомбардировке 70 основных промышленных центра в СССР, в результате чего, по мнению американских военных, должно быть выведено из строя от 30 до 40% советского промышленного потенциала, 2 миллиона 700 тысяч советских людей должны погибнуть немедленно, еще 4 миллиона должны скончаться через некоторое время и, кроме того, 28 миллионов обитателей этих 70 городов должны были остаться без крова.

Выше уже говорилось о том, что в силу целого ряда технических проблем достижение столь решительных целей в столь короткий срок было в то время не по зубам для стратегического

авиационного командования США. Но и в этом случае, по мнению составителей доклада JCS 1953/1, «способность советских вооруженных сил осуществить быстрое продвижение в избранных районах Западной Европы, Ближнего Востока и Дальнего Востока не будет серьезно ограничена».

В ряде разработок американских штабистов была предпринята попытка конкретизировать этот достаточно пессимистический вывод. В частности, для уточнения положений плана атомной войны против Советского Союза «Халфмун» ОКНШ провел в мае-июле 1948 г. штабную игру «Пэдрон», в ходе которой анализировались возможные действия сторон на европейском, ближневосточном и дальневосточном ТВД в течение двух первых недель войны между Советским Союзом и его союзниками и США и их союзниками.

Вот к каким заключениям пришли американские военные аналитики: в течение первых 15 дней советским войскам и их союзникам всюду сопутствует успех. Гарнизоны американских войск и войск их союзников в Берлине и Вене капитулируют после непродолжительного сопротивления. Не встречая серьезного противодействия, Красная Армия подходит к Рейну, захватив по пути Данию и страны Бенилюкса. Союзники СССР осуществляют успешные военные действия против Греции, а советские войска осуществляют успешные операции в Иране и Корее. Единственное светлое пятно — разгром советских воздушных десантов в районе Фэйрбэнкса и Анкориджа (Аляска), но вот район Нома (там же) оказывается под полным контролем советской стороны.

Выводы американских штабистов были совершенно безрадостны для творцов американской военной стратегии: «Нет оснований сомневаться, что советская стратегия показала свою эффективность в достижении своих основных целей». И хотя временные рамки игры были сознательно ограничены, ее результаты не могли не сказаться и на общей оценке самого плана «Халфмун»: «Эта военная игра подняла серьезные сомнения относительно ценности стратегической концепции плана „Халфмун“... стратегия плана „Халфмун“ выглядит излишне рискованной, если только воздушная война не приведет к быстрой капитуляции войск противника... Не может быть надежной стратегия, которая, вместо того чтобы выдвинуть возможные альтернативы, полагается главным образом на стратегию воздушной войны в условиях, когда отсутствуют важнейшие предпосылки, определявшие успех предыдущих воздушных наступлений».

Еще одна штабная игра под кодовым названием «Станнер» была проведена в октябре-ноябре 1948 г. для определения обоснованности еще одного американского плана третьей мировой войны — «Флитвуд». И снова выводы американских военных были далеко не оптимистическими: на пятый день военных действий на западноевропейском ТВД советские войска выходили к Рейну, а на седьмой день они должны были его форсировать крупными силами. Что еще хуже — по мнению американских военных аналитиков советская сторона с первого дня боев должна была установить и прочно удерживать превосходство в воздухе. При этом на западном берегу Рейна 26 наступающим на этом участке советским дивизиям должны были противостоять всего 7 американских, английских и французских дивизий.

«На седьмой день после начала войны Верховному командующему Европейского ТВД стало очевидно, что советские войска создали значительные плацдармы на западном берегу Рейна, что вражеские танковые подразделения вклинились в американскую оборонительную линию, и что американским силам нужно немедленно оставить обороняемые позиции и отступить на запад под прикрытием темноты, с тем чтобы спасти хотя бы часть людей и техники, — говорилось в заключении по итогам штабной игры. — Продолжение обороны Рейна, несомненно, приведет к уничтожению сравнительно небольших боевых частей США».

Все эти штабные игры, нужно сказать, имели самое непосредственное прикладное значение — ведь они проводились накануне и в разгар первого Берлинского кризиса (1948-1949 гг.), когда в Вашингтоне всерьез раздумывали о возможности перерастания советско-американских разногласий в новую мировую войну. В этих условиях высшие американские военные руководители были вынуждены дать откровенную и нелицеприятную оценку тем планам

ведения атомной войны против Советского Союза, которые у них имелись. В ходе совещания руководства министерства обороны США председатель ОКНШ адмирал У.Леги признал, что фактически у Вашингтона таких планов не было, а начальник штаба ВВС США Хойт Вандерберг заявил, что, хотя его ведомство и изучало потенциальные цели на территории потенциального противника, полной уверенности в успехе атомного нападения на СССР у него нет. В ходе дальнейшей дискуссии возникли серьезные разногласия относительно того, какие цели в Советском Союзе — военные или политические — должны стать объектом атомного удара.

С аналогичными проблемами столкнулись и авторы еще одного американского плана атомной войны против СССР — плана «Бройлер». Авторы этого плана также были вынуждены признать, что в случае войны максимум, на что могут рассчитывать США и их союзники — это не допустить советское продвижение дальше дуги Британские острова — юг Средиземного моря — северная граница Индии — Желтая река — Японские острова. «На ранних стадиях войны, — признавали авторы плана — у союзников не будет возможности мобилизовать или перебросить наземные или тактические авиационные силы, достаточные для разгрома советских вооруженных сил».

Вряд ли столь пессимистические выводы основывались на преувеличенных страхах американских военных перед «несметными азиатскими ордами». Ведь американская разведка снабжала Вашингтон достаточно качественной информацией. Американское руководство, например, знало численность Советской Армии во второй половине 40-х годов, и знало, что эта численность не так уж и велика (2 миллиона 750 тысяч человек, которые должны были оборонять необозримые пространства Евразии — от Востока до Порт-Артура)(12). С большой точностью американская военная разведка сообщала и о численности группы советских войск в Германии в конце 40-х гг. (324 тыс. чел. в октябре 1947 г., объединенных в 3-ю ударную, 8-ю гвардейскую, 1-ю, 3-ю и 4-ю гвардейские механизированные армии)(13) — тем самым, очевидно, становится несостоятельным широко распространенный в американской историографии тезис о том, что после второй мировой войны правящие круги США были якобы запуганы численностью советских вооруженных сил(14).

Единственная надежда на победу в войне против СССР возлагалась американским командованием на «атомизацию» Советского Союза, которая, по мнению составителей плана «Бройлер», должна заставить Кремль капитулировать: «На протяжении трех последующих лет концепция войны против СССР будет основана на скорейшем проведении мощного воздушного наступления, в ходе которого будет максимально использованы разрушительный потенциал и психологический эффект атомной бомбы, и в дополнение к этому будут применены обычные бомбардировки с целью лишить СССР возможности продолжать военные действия». При этом перед неядерными силами ставилась преимущественно задача обеспечить захват и удержание тех регионов, обладание которыми могло бы повысить эффективность воздушных операций.

Но даже капитуляция советской стороны не означала, что все военные проблемы Вашингтона решены. Как известно, вслед за капитуляцией проигравшей войну страны следует ее оккупация. В данном случае, однако, американские стратеги имели дело с государством, чья территория является крупнейшей в мире.

«В случае быстрой капитуляции СССР, — говорилось в плане „Бройлер“, — у союзников не будет ни достаточного количества войск, ни экономических ресурсов для того чтобы осуществлять обычную оккупацию. Поэтому должна быть принята новая система контроля и претворения в жизнь условий капитуляции».

Эта «новая система» заключалась в том, что войска союзников размещались только в 24 крупнейших городах страны — Москве, Ленинграде, Архангельске, Мурманске, Горьком, Куйбышеве, Киеве, Харькове, Одессе, Севастополе, Ростове, Новороссийске, Батуми, Баку, Свердловске, Челябинске, Омске, Новосибирске, Иркутске, Хабаровске, Владивостоке, Таллине, Риге и Каунасе. Таким образом, остальная территория страны, в том числе и такие крупные города и промышленные центры, как, например, Владимир, Саратов, Комсомольск-на-Амуре, Норильск, Минск и мн. др., оставалась вне какого-либо контроля со стороны оккупационных

войск. Каким же образом американские стратеги предполагали решить эту проблему? «Продолжительный военный контроль такой территории, как СССР, может быть осуществлен исключительно за счет угрозы новых действий со стороны стратегической авиации или мобильных армейских сил», — указывалось в плане «Бройлер».

Но даже такая вот «очаговая» оккупация (эффективность которой оставалось бы в высшей степени сомнительной) потребовала бы громадных сил — 25 дивизий и 25 авиагрупп — и это еще без учета сил и средств, необходимых для оккупации ряда стран Восточной и Южной Европы, а также Кореи (оккупация этих стран потребовала бы, по расчетам Пентагона, еще 18 дивизий и 18 авиагрупп)(15).

Правда, в Пентагоне рассчитывали на то, что по крайней мере оккупационные функции в Северной, Западной, Центральной и Южной Европе возьмут на себя Великобритания, Британское Содружество Наций, Турция и войска из французских и испанских колоний в Африке(16), однако содержать эти немалые силы пришлось бы преимущественно американской казне.

И все эти несметные полчища должны были на протяжении неопределенного времени поддерживать оккупационный режим на громадных просторах Евразии, многонациональное население которой, пережив на протяжении нескольких лет две мировые войны (в том числе и атомную) и крах существующих режимов, оказалось бы в поистине чрезвычайной экономической, экологической, социальной, национальной, политической и психологической ситуации! Не приходится сомневаться в том, что оккупационные власти столкнулись бы с непреодолимыми проблемами, а эффективный контроль над территорией побежденного в третьей мировой войне противника скоро превратился бы в фикцию. Вместе с тем поддержание даже такого «прозрачного» оккупационного режима потребовало бы громадных расходов и жертв со стороны США, и есть все основания сомневаться в том, что американское общество согласилось бы безропотно нести это бремя в течение неопределенного времени.

Видимо, далеко не все в Вашингтоне отдавали себе отчет в чудовищных размерах тех проблем, с которыми столкнулась бы Америка даже в случае своей победы над Россией. Например, в знаменитой директиве СНБ 20/1 с удивительным легкомыслием говорилось об оккупационном контроле над побежденным Советским Союзом: «Возможно, что в случае упорядоченного отхода советских войск с нынешней советской территории местный аппарат коммунистической партии уйдет в подполье, как он это сделал в районах, занятых немцами во время прошедшей войны. Он, вероятно, проявит себя частично в форме партизанских банд и повстанческих сил. В этом случае проблема будет решаться относительно просто; нам нужно будет только дать необходимые вооружения и военную поддержку любым некоммунистическим русским властям, которые будут контролировать этот район и позволить этим властям поступать с коммунистическими бандами в соответствии с традиционными процедурами русской гражданской войны"(17).

Ну, а если «в соответствии с традиционными процедурами русской гражданской войны» именно «коммунистические банды», что называется, «пустят в расход» эти самые «некоммунистические русские власти»? Каковы в таком случае должны быть действия американской стороны?

Авторы СНБ 20/1, однако, даже не пытаются рассмотреть подобную перспективу (кстати, вполне реальную). Им не до этого — они делят шкуру неубитого русского медведя: «Наша главная задача должна заключаться в том, чтобы никакой коммунистический режим, как таковой, не возродился бы в районах, которые мы однажды освободили и которые, как мы решили, должны оставаться освобожденными от коммунистического контроля. В остальном же мы должны избегать вовлеченности в решение проблемы «декоммунизации"”(18).

Между тем поддержание эффективного оккупационного режима — эта лишь самая простая из задач, которую пришлось бы решать американским властям в случае победы в третьей мировой войне. Им пришлось бы строить новые отношения с побежденным противником; они столкнулись бы с необходимостью по-новому организовать всю геополитическую ситуацию в

Евразии после краха Советского Союза; им, скорее всего, пришлось бы и оказывать в той или иной форме помощь населению этого колоссального региона, и так или иначе вмешиваться в дела проживающих там этнических групп, имеющих, как известно, крайне запутанную историю взаимоотношений.

Уже в конце 40-х годов американские аналитики задавались вопросом о последствиях применения атомного оружия против самих Соединенных Штатов, и результаты были этих размышлений самыми неутешительными. Например, в докладе Объединенного разведывательного комитета ОКНШ 382/5 от 23 июня 1948 г., озаглавленном «Стратегическая уязвимость Вашингтона», указывалось, что уже в 1952 г. советская сторона будет обладать способностью провести атомную бомбардировку американской столицы, и «в результате этого нападения мобилизация страны будет серьезно затруднена»(19).

Более того, атомная бомба поставила перед американскими политиками и военными стратегами серьезнейшие проблемы морально-политического характера. С момента основания Соединенных Штатов американская стратегия, по крайней мере, по отношению к великим европейским державам, оставалась сугубо оборонительной, и это обстоятельство нашло соответствующее отражение в мировоззрении самых широких слоев американского общества. Характер атомного оружия, однако, заставлял пересматривать традиционные представления «миролюбии» и «демократизме» Соединенных Штатов.

Например, в докладе исследовательской группы ОКНШ, посвященном оценке атомной бомбы как средства вооруженной борьбы (июнь 1947 г.), указывалось, что «в случае массированного применения атомных бомб последние не только могут свести на нет военные усилия любой страны, но и разрушить ее социальную и экономическую структуры, а также сделать невозможным их восстановление в течение длительного периода времени... Угроза бесконтрольного применения атомных бомб и других видов оружия массового уничтожения является угрозой человечеству и цивилизации. Только в том случае, если война будет объявлена вне закона и будет установлен соответствующий международный контроль над оружием массового уничтожения, может быть ликвидирована эта угроза народам мира».

Нет, это не цитата из заявления какого-нибудь антиядерного движения — этот доклад, как уже было сказано, вышел из недр Пентагона, да еще в то время, когда критика атомного оружия и тому подобное вольнодумство, мягко говоря, не поощрялись в государственных учреждениях США. Но вот что касается выводов, которые были сделаны авторами доклада, то они были весьма далеки от пацифизма.

«В отсутствии абсолютных гарантий нерушимости мира у Соединенных Штатов нет иных альтернатив, кроме производства и накопления запасов оружия, основанного на ядерном делении, и продолжения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, направленных на улучшение этого оружия и средств его доставки», — подчеркивали авторы документа. Последние, однако, не ограничились выдвиганием рекомендаций о необходимости продолжения гонки атомных вооружений, которые, по их же словам, являются «угрозой человечеству и цивилизации». Они, по сути дела, впервые выдвинули концепцию превентивной атомной войны.

«Значение внезапного нападения возрастает вместе с каждым увеличением мощи вооружений. С появлением атомной бомбы внезапность приобрела высшую ценность, так как агрессор, нанося внезапный и неожиданный удар большим количеством атомных бомб, может... нанести окончательное поражение более сильному противнику».

Отсюда делался вывод: «Наши вооруженные силы должны планировать и действовать в соответствии с реалиями атомной войны... Наступательные действия будут единственным средством защиты, и Соединенные Штаты должны быть готовы прибегнуть к ним, прежде чем потенциальный противник нанесет нам существенный ущерб... И если в прошлом обязанности Президента, как Верховного Главнокомандующего, были ограничены (до официального объявления войны) ответными мерами в ответ на гибель американцев и имущества США, то в будущем его долгом будет защита страны от надвигающегося или начинающегося атомного

нападения. Конгресс будет время от времени решать и перерешать, что является „агрессивным актом“, или „надвигающимся“, или „начинающимся“ нападением, с тем чтобы выработать постоянные инструкции для Верховного главнокомандующего для быстрого и наступательного возмездия другой стране, если она готовится к атомному нападению на нас «(20).

Как видно, авторы доклада не ограничились призывами к подготовке атомной агрессии. Фактически они предложили коренным образом пересмотреть конституцию США и заложенный в ней принцип «сдержек и противовесов», согласно которому президент США, являясь верховным главнокомандующим вооруженных сил Соединенных Штатов, не может начать войну по своему усмотрению: он должен все же получить санкцию американского конгресса. В докладе же фактически предлагалось исключить Капитолий из процесса принятия важнейших решений по проблемам войны и мира. Тем самым американский президент наделялся бы ничем не ограниченной, по сути, авторитарной властью в военных (и, следовательно, международных) делах. Очевидно, однако, что соответствующие изменения во внутривластных полномочиях президента США не заставили бы себя ждать. Таким образом, самим фактом своего существования атомная бомба способствовала эрозии демократических принципов внутренней и внешней политики Соединенных Штатов, не говоря уже о моральных ценностях американского общества.

К выводам, сходным с выводами доклада исследовательской группы ОКНШ, пришли и в аппарате Национального совета безопасности США в ходе работы над докладом по атомной политике Соединенных Штатов (СНБ-30). Как указывалось в докладе, «политика Соединенных Штатов должна обеспечить, чтобы в отсутствие установившейся и приемлемой системы международного контроля над атомной энергией не было принято ни одного обязательства, которые помешали бы нашей стране применить это оружие в случае военных действий. Само решение о применении этого оружия должно быть принято главой исполнительной власти, исходя из складывающихся обстоятельств»(21).

Итак, стремясь уберечься от внезапной атомной атаки, американские стратеги столкнулись с необходимостью самим готовиться к такому нападению. Справедливости ради следует отметить, что в июне 1947 г. в таком выводе не было ничего принципиально нового — еще в 1946 г. (и, кстати сказать, в книге, вышедшей в открытой печати, а не в засекреченном докладе) выдающийся американский военный аналитик, основоположник ядерной стратегии Бернард Броди писал: «От начала до конца все будет подчинено нетерпимому страху каждой из сторон перед тем, что противник может в любой момент прибегнуть к этому ужасному оружию — страху, который сам может спровоцировать превентивные действия»(22).

Кстати, сам Броди считал, что «необходимо прежде всего отказаться от тезиса, согласно которому „лучшей обороной является мощное наступление“... Если этот тезис станет догмой, интересам безопасности нашей страны и всего мира будет нанесен ущерб»(23).

Таким образом, уже на заре ядерного века американская военно-политическая мысль столкнулась с тем противоречием, которое она так и не смогла разрешить вплоть до окончания «холодной войны» — противоречием между официально провозглашенным статусом ядерного оружия как основы безопасности США и бесчеловечной сутью этого чудовищного оружия, несущего гибель всему живому на Земле.

И никакие интеллектуальные ухищрения американских стратегов не смогли впоследствии разрешить это противоречие: авторы доктрины «массированного возмездия», доктрины «гибкого реагирования», доктрины Шлесинджера, а также других американских военно-стратегических доктрин, были вынуждены на новых витках гонки ядерных вооружений сталкиваться с невозможностью обеспечить надежную безопасность Соединенных Штатов за счет количественного наращивания и качественного совершенствования «сверхоружия».

Последнее никак не поддавалось вашингтонским стратегам: вместо того чтобы надежно служить интересам США, оно властно подчинило американских политиков и военных СВОИМ интересам, заставив их отказаться и от оборонительного характера американской военной доктрины, и от многих демократических принципов, на которых было основано американское

общество. Именно ядерное противостояние способствовало в первую очередь появлению в политической жизни Соединенных Штатов крайне нездоровых тенденций, которые впоследствии были названы американскими историками «холодной войны» «имперским президентством» и «гарнизонным государством».

Что же касается сугубо военных проблем американской атомной стратегии, то эти проблемы, очевидные с самого начала, еще более обострились после испытания советской атомной бомбы. Как указывалось в директиве ОКНШ от 21 февраля 1950 г. J.C.S. 2081/1, посвященной последствиям появлению атомного оружия в советском арсенале, «1/Впервые континентальная часть Соединенных Штатов стала уязвимой для серьезного ущерба в результате воздушного нападения или нападения с применением управляемых ракет... /3/Потеря Соединенными Штатами атомной монополии сокращает эффективность Атлантического Пакта (НАТО — авт.) с военной и психологической точек зрения. /4/Соединенные Штаты утратили возможность нанести эффективный атомный удар по военному потенциалу СССР, не опасаясь возмездия».

При этом, с точки зрения планировщиков из Пентагона, даже ограниченный советский атомный удар по американской территории, с применением от 10 до 50 бомб, приведет к срыву мобилизации в намеченные сроки, к перенесению на более поздний срок военных усилий Соединенных Штатов в целом, а число жертв составит 1 миллион человек — неслыханная для США цифра.

К каким же выводам пришли американские атомные стратеги на основе этой новой информации? Осознали ли они необходимость пересмотра подхода официального Вашингтона к атомному оружию? Ни в коей мере.

«Главный вывод, который следует из этого исследования, состоит в том, что, по мере роста способности Советского Союза предпринять атомное нападение на Соединенные Штаты, будет приближаться то время, когда как Соединенные Штаты, так и Советы будут обладать возможностью осуществить опустошительную атомную атаку друг на друга. Если война разразится тогда, когда это время наступит, то колоссальные военные преимущества будут у той державы, которая нанесет первый удар и осуществит успешное внезапное нападение», — указывалось в директиве. Таким образом, в основе американской военной стратегии и после первого атомного испытания в СССР оставалась концепция атомной агрессии.

Что же касается международных соглашений по ограничению и сокращению атомных вооружений, то эта идея, в отличие от идеи первого атомного удара, вызывала в американском военном ведомстве гораздо меньше энтузиазма: «Советы продолжают свои попытки возбудить общественное мнение на Западе в пользу разоружения и против использования атомного оружия в случае войны. Однако даже если международное соглашение по запрещению применения бомбы будет достигнуто, Советский Союз без колебаний нарушит это соглашение, обретя тем самым внезапность и инициативу, в то время как Соединенные Штаты будут его соблюдать, пока Советы его не нарушат"(23).

Таким образом, во второй половине 40-х годов в Вашингтоне не видели иного способа одержать победу в войне против Советского Союза, кроме массированной атомной бомбардировки. Отсюда — более чем сдержанное отношение официального Вашингтона к самой идее контроля над атомной энергией, которая вызывала столь большой интерес международной общественности в первые послевоенные годы.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. вашингтонские стратеги придерживались той точки зрения, что грядущая война с СССР будет не только атомной, но и весьма продолжительной(24). Так, например, разработчики планов «Бройлер» и «Халфмун» считали, что война продлится намного дольше 6 месяцев(25). Еще дольше собирались воевать разработчики плана «Офтэкл»: по их мнению, США и их союзники должны были потратить от года до двух лет на разгром советских войск в Западной Европе(26).

Вряд ли можно, с позиций сегодняшнего дня, упрекать высшее американское военное руководство в недооценке разрушительной мощи ядерного оружия. Как уже было сказано выше,

в конце 1940-х — начале 1950-х гг. американский атомный арсенал был все еще слишком мал, а средства доставки атомных бомб были слишком ненадежны, чтобы руководители ОКНШ и Пентагона могли рассчитывать на победу в результате одного решительного атомного удара. Поэтому, основываясь на опыте второй мировой войны, планировщики из Пентагона и рассчитывали на длительную войну, в ходе которой победа будет достигнута за счет массированного применения обычных, неядерных сил. Кроме того, несмотря на внушительный рост американских стратегических ядерных вооружений, не менее внушительным был и рост советской противовоздушной обороны, с чем также приходилось считаться высшему американскому командованию(27).

Вот почему американское военное и политическое руководство всегда в высшей степени скептически относилось к идеям о нанесении превентивного ядерного удара по Советскому Союзу, хотя в накаленной атмосфере конца 1940-х — начала 1950-х гг. недостатка в такого рода предложениях не было. О желательности нанесения первого атомного удара по СССР неоднократно говорил тогдашний командующий САК К. Лимэй(28); в январе 1946 г. руководитель «манхэттенского проекта» Л. Гровз предложил уничтожить с помощью атомных бомб любую страну, которая будет развивать свою, независимую от США, атомную программу; о необходимости такой войны говорили Б. Рассел и Л. Сцилард; руководитель Колледжа ВВС генерал О. Андерсон в ходе занятий в Колледже давал детальное изложение планов победоносной атомной войны против СССР(29).

Однако подавляющее большинство представителей американского истеблишмента относилось к таким предложениям как весьма опасным и вредным; во всяком случае, ни в один официальный документ, одобренный высшим американским военным и политическим руководством, концепции превентивной атомной войны не вошли. Так, в основополагающем документе эйзенхауэровской администрации по национальной безопасности — СБН 5501 — ни о какой превентивной войне против Советского Союза речь не шла; вместо этого предполагалось использовать американское стратегическое превосходство для оказания нажима на СССР и другие социалистические страны с целью изменения их внешней политики(30).

С приходом к власти в США новой администрации совпал, как уже было сказано, прорыв в области повышения разрушительной мощи ядерного оружия и совершенствования средств его доставки. На вооружение «сверхдержав» начали поступать водородные бомбы и реактивные бомбардировщики. Все это заставило официальный Вашингтон пересмотреть те доктринальные установки, на которых строилась американская ядерная стратегия.

Политику Вашингтона в сфере национальной безопасности в 1954-1960 гг., как известно, определяла стратегия «массированного возмездия». Основные положения стратегии были впервые оглашены государственным секретарем США Дж. Ф. Даллесом 12 января 1954 г. в его речи перед Советом по международным отношениям в Нью-Йорке. В этом выступлении было объявлено о смещении акцентов в американской стратегии национальной безопасности: вместо трумэновской стратегии «сдерживания», предусматривавшей размещение американских обычных сил на заморских базах вблизи советских границ и оказание военно-экономической помощи другим странам, провозглашалась новая стратегия — «массированного возмездия». В основу стратегии «массированного возмездия», по словам Дж. Ф. Даллеса, лежит «решение полагаться главным образом на большую способность нанести мгновенный ответный удар средствами и в местах по нашему собственному выбору»(31).

Стратегия «массированного возмездия», таким образом, предусматривала сокращение обычных вооруженных сил и военного бюджета США при одновременном увеличении роли стратегической авиации и ядерного оружия(32). Технологическое превосходство США, по мнению разработчиков данной стратегии, должно было поставить советское руководство перед выбором: отказаться от «коммунистической агрессии» или подвергнуться термоядерному удару. Эта стратегия должна была нейтрализовать советское превосходство в обычных силах на европейском театре военных действий — главном ТВД «холодной войны», где 20 американским дивизиям в начале 50-х гг. противостояли 175 советских, и, кроме того, сократить военные

расходы, с тем, чтобы придать новый импульс американской экономике. Соответственно, в 50-е годы произошел значительный рост стратегического потенциала Соединенных Штатов: так, если в начале 50-х годов в распоряжении Стратегического авиационного командования США находилось 624 средних и тяжелых бомбардировщиков и примерно 1000 ядерных боеприпасов, то в 1960 г. — уже 1735 бомбардировщиков и около 18.000 ядерных боезарядов (из них 4362 — только на стратегических носителях)(33).

При этом любое неблагоприятное для официального Вашингтона развитие международной ситуации рассматривалось творцами стратегии как «агрессия Москвы». Для того чтобы обеспечить международно-правовое обоснование массированного применения стратегического ядерного оружия, Соединенные Штаты в период администрации Эйзенхауэра-Даллеса занимались активным созданием военных блоков с участием или при активном содействии США по периметру границ Советского Союза (т.н. «пактомания Даллеса») — СЕАТО, СЕНТО, АНЗЮС — а также подписанием двусторонних военно-политических соглашений с Японией, Южной Кореей, Южным Вьетнамом и Тайванем.

Стратегия «массированного возмездия» была, однако, не оборонительной, а наступательной по своим конечным целям. Так, европейским компонентом стратегии была доктрина «отбрасывания коммунизма», которая фактически предусматривала, что «антикоммунистические революции» в странах Восточной Европы и СССР будут взяты под американский «ядерный зонтик». Тем самым, по мнению разработчиков стратегии, удастся добиться сужения сферы «реального социализма» и трансформации общественно-политического строя в т.н. «социалистических странах».

Советская стратегия

Оперативный план ГСОВГ, однако, отнюдь не предусматривал глубокого вторжения советских войск и бомбежек объектов на территории Западной Европы. План был сугубо оборонительным по своему характеру. Предусматривалось создание главной полосы обороны по рубежу: Висмар, оз. Шверинер-Зее, Людвигслуст, Ленцен, р. Эльба до Барби, и далее по р. Заале до Заальцбург, Ельснитц, Адорф, Брамбах. Предполагалось и нанесение контрударов на магдебургском, шверинском и лейпцигском направлениях. На авиацию была возложена задача отражения массированных налетов авиации противника на территорию ГСОВГ, а в дальнейшем — поддержки контрудара по прорвавшемуся противнику. Каких-либо мероприятий, связанных с возможным применением атомной бомбы вероятным противником, план не предусматривал(45).

Видимо, в то время, в 1946 году, советские руководители не рассматривали захват Западной Европы в качестве первоочередной задачи в случае войны с Соединенными Штатами и их союзниками. Скорее, на Западе Москва предполагала обороняться, а наступать — в Арктике. Так, в ходе своей беседы с В.М. Молотовым Ф. Чуев сказал ему, что на Чукотке до сих пор сохранились казармы, где в 1946 году располагалась 14-я десантная армия под командованием генерала Олешева, перед которой Сталин якобы поставил задачу: в случае атомного нападения со стороны США высадиться на Аляску и развивать наступление по тихоокеанскому побережью. Сталинский нарком подтвердил, что после войны в Кремле ходили «мысли» о том, что «Аляску неплохо бы вернуть». При этом, правда, он оговорился, что, кроме «мыслей», «больше ничего не было»(46).

«Мыслями», однако, дело не ограничивалось: американская разведка в 1946 году зафиксировала лихорадочную военную активность советской стороны на Дальнем Востоке, прежде всего на Камчатке, где с большой поспешностью строились казармы, пакгаузы, военные дороги и аэродромы. Сведения об этом просочились и в американскую печать(47). Решение о сформировании штаба 14-й армии было принято Генеральным штабом весной 1948 г. Однако в связи с неготовностью тыловых объектов в бухте Провидения на Чукотке армейский штаб и передовые части были переброшены туда лишь в сентябре(48).

О внимании советского руководства к этому региону свидетельствуют регулярно

поступавшие в Кремль доклады о деятельности американских военных в районе Аляски — о появлении 6 августа 1947 г. в Беринговом проливе крейсера «Орлеан» и двух подводных лодок, о нарушении советского воздушного пространства в районе о-ва Большой Диомид американскими самолетами 13 декабря 1946 г., 13 мая и 25 декабря 1947 г., о регулярных рейсах американских самолетов на аэродром о-ва Малый Диомид(49).

Очевидно, что, принимая решение о нанесении контрудара именно на Аляске, советское руководство исходило из доядерных стратегических представлений, согласно которым основной целью военных действий является захват и удержание территории противника, которую впоследствии можно использовать в качестве предмета политического торга. По всей видимости, в первые послевоенные годы советские военные и политические руководители не смогли осознать новые реалии атомного века и были далеки от понимания того, что оружие чудовищной разрушительной силы, и межконтинентальные средства его доставки сделали бессмысленными, с военно-политической точки зрения, традиционные территориальные захваты.

Кстати, анализ разработок ОКНШ показывает, что массированное вторжение советских войск на Аляску явилось бы полной неожиданностью для американской стороны. Например, в докладе Объединенного разведывательного комитета 380/2 от 16 февраля 1948 г., озаглавленном «Оценка намерений и возможностей СССР против континентальных Соединенных Штатов и связанные с этим подходы, 1948-1957», указывалось, что в 1948-1952 гг. Советский Союз «сможет захватить любую из наших баз на Аляске, находящуюся в радиусе действия советских транспортов, отплывших с мыса Дежнева. Однако, принимая во внимание наличие у советских морских и воздушных сил более приоритетных задач (особенно это касается воздушно-десантных войск и военно-транспортной авиации), считается, что советские операции против Аляски и Алеутских островов будут ограничены: нанесением тревожащих бомбовых ударов (от 100 до 300 бомбардировщиков и примерно такое же число истребителей, действуя с баз в Восточной Сибири и, возможно, Камчатки, могут быть использованы для таких нападений) на основные военные объекты Аляски и молниеносными рейдами военно-морских сил против слабых американских баз, причем возможен лишь временный захват незанятых островов Алеутской гряды"(50).

Уверенность официального Вашингтона в том, что в случае войны Москва будет действовать только так, как ей это приписали американские стратеги (т.е. захватывать как можно большую часть Евразии, не уделяя особого внимания Америке), была настолько абсолютной, что в американских правящих кругах совершенно отвергали саму возможность иного хода событий, иными словами, возможность нанесения Красной Армией главного удара на Аляске, при том что на других театрах военных действий советские вооруженные силы заняли бы оборонительную позицию. И вывести из этой уверенности американских стратегов не могли даже донесения разведки, указывающие, с одной стороны, на активность советской армии именно на дальневосточном направлении в первые послевоенные годы, а с другой стороны — на отсутствие наступательных замыслов у Москвы на Западе.

Так, в марте-апреле 1946 г. помощник военно-морского атташе США сообщал из Владивостока о погрузке на корабли тяжелых танков, самоходных орудий, противотанковой артиллерии, тракторов, горючего, грузовиков, авиабомб и оборудования для строительства аэродромов. Комментария составителя шифрограммы о том, что груз якобы предназначается для Маньчжурии, можно считать удачным примером советской дезинформации — на самом деле имеются все основания полагать, что советское командование укрепляло свою группировку на Камчатке и на Чукотке(51).

Еще один пример — скептическая реакция посла США в Москве Б. Смита на сообщение от 31 декабря 1948 г. из шведских официальных кругов (которые, в свою очередь, ссылались на свои надежные источники в Германии) о том, что в случае войны советские войска не будут вторгаться в Западную Европу, а вместо этого будут держать оборону на Эльбе или на Рейне. Как мы уже видели, эта информация была недалеко от истины (на самом деле советская сторона собиралась обороняться еще восточнее). Американский посол, однако, сопровождал эту

информацию ехидным замечанием о том, что «в Германии рождается больше фантазий и мечтаний, чем где бы то ни было еще в мире»(52).

Справедливости ради нужно отметить, что сама возможность советских воздушных и морских десантов на Аляске не отвергалась американскими военными аналитиками. Так, в вышеупомянутой командно-штабной игре «Пэдрон» говорилось о воздушном десанте в районе Нома, Фэйрбэнкса и Анкориджа, но последний рассматривался в качестве вспомогательного удара, в то время как свой главный удар, по мнению американских стратегов, Красная Армия должна была нанести в Западной Европе (с целью захвата ее промышленного потенциала) и на Ближнем Востоке (с целью овладения нефтяными ресурсами региона).

Что касается чисто военной стороны дела, то захват Аляски советскими войсками представлялся вполне возможным некоторым американским военным специалистам уже в то время. Чрезвычайно сложные природно-климатические условия этого региона делали невозможной там сплошную оборону. Обороняющейся стороне пришлось бы опираться на отдельные опорные пункты, расположенные вокруг портов и авиабаз, и захват или уничтожение этих пунктов в результате внезапного удара поставили бы обороняющихся в безвыходное положение, поскольку они лишились бы всех запасов и путей сообщения. Кстати, советским летчикам и морякам был хорошо знаком район Аляски, поскольку в годы второй мировой войны поставки по ленд-лизу шли из США в СССР именно оттуда(53).

Возможно, что причиной столь серьезной недооценки советских намерений и возможностей с точки зрения проведения десантных операций на Аляске была полная уверенность официального Вашингтона в абсолютном превосходстве Соединенных Штатов и их союзников на море. В одном из первых документов разведывательного подразделения ОКНШ, посвященном общей оценке военных возможностей СССР в послевоенный период, указывалось, что советская сторона будет обладать крупным военно-морским флотом не раньше чем через 15-20 лет, и впоследствии эти оценки не изменились.

Так, в докладе руководителя разведывательной службы ВМФ США адмирала Томаса Инглиса от 5 апреля 1948 г. указывалось, что в распоряжении Москвы имеются лишь несколько крейсерских групп на Балтийском и Черном морях и на Тихом океане. Советские надводные суда малочисленны и совершенно устарели, а морская авиация не представляет серьезной угрозы для американского флота(54).

Некоторое беспокойство, правда, вызывали у США и их союзников возможности советских подводников. Как известно, еще до начала второй мировой войны СССР имел крупнейший по численности судов подводный флот в мире, и в конце 40-х годов, по оценке американской разведки, советские ВМС имели 335 субмарин, как трофейных, так и собственной постройки, что в 5 раз превышало численность подводных лодок у гитлеровской Германии к началу второй мировой войны(55).

Однако в Пентагоне не поддались искушению впасть в панику по поводу «русской подводной угрозы». Там хорошо отдавали себе отчет в том, что большое количество далеко не всегда может компенсировать недостаток качества: дело в том, что только 9 находящихся в распоряжении советских ВМС трофейных немецких субмарин типа XXI, IX-C и VII-C, снабженных шноркелем, могли рассматриваться как подводные суда, способные выполнять задачи стратегического характера на просторах Мирового океана. Остальные же советские подлодки могли лишь выполнять функции береговой обороны(56).

Таким образом, в Вашингтоне не ожидали в конце 40-х годов широкомасштабного советского вторжения на Аляску, считая, что советская сторона, во-первых, не имеет достаточно сил для такой операции, и, во-вторых, ее внимание будет отвлечено на другие направления. В Москве же, по-видимому, иначе смотрели в то время на военно-стратегические приоритеты Советского Союза в случае большой войны с Соединенными Штатами.

В вышеприведенном интервью И.В. Сталина А. Вирту содержится очень интересное высказывание, проливающее, на наш взгляд, свет на истинное отношение Кремля к атомному оружию: «Конечно, монопольное владение секретом атомной бомбы создает угрозу, но против

этого существуют, по крайней мере, два средства: а) монопольное владение атомной бомбой не может продолжаться долго; б) применение атомной бомбы будет запрещено"(57).

И действительно, ликвидации не только атомной монополии США, но и монополии этой страны на средства доставки атомного оружия уделялось в СССР, как уже было сказано, самое пристальное внимание в первые послевоенные годы. Постепенно, по мере развития советского стратегического арсенала, в Москве все чаще задумывались о перспективах взаимоотношений между СССР и США в атомной сфере. Так, в личном разговоре с И.В. Курчатовым (разговор произошел незадолго до испытания первой советской атомной бомбы) Сталин высказал опасение, что после этого испытания «американцы пронюхают о том, что у нас еще не наработано сырье для второго заряда и попрут на нас. А нам нечем будет ответить"(58). Разумеется, одна эта фраза не дает оснований делать вывод о наличии у Кремля в то время разработанной стратегии ведения атомной войны с Америкой — скорее, можно сделать вывод о том, что советское руководство стремилось подстраховаться на случай любых неожиданностей.

Известно, также, что во время вручения в Кремле наград людям, причастным к созданию первой советской атомной бомбы, И.В. Сталин сказал: «Если бы мы опоздали на один-полтора года с атомной бомбой, то, наверное, „попробовали“ бы ее на себе"(59).

Эти высказывания Сталина, на наш взгляд, свидетельствуют об определенной эволюции подходов Кремля к атомной проблеме. Если в первые послевоенные годы овладение атомным «секретом» было для Москвы вопросом престижа, вопросом подтверждения великодержавного статуса Советского Союза, то с течением времени, по мере обострения советско-американских отношений, советское руководство все чаще смотрело на атомную бомбу именно как на оружие, которое может быть использовано в будущей войне между СССР и его союзниками, с одной стороны, и США и их союзниками — с другой.

Очевидно, что в результате этих размышлений Сталин пришел к выводу, что нарождающийся советский атомный щит, то есть объекты по производству атомной взрывчатки и тяжелых бомбардировщиков, представляет собой наиболее соблазнительную цель для американской стороны в случае большой советско-американской войны.

Впрочем, в Кремле понимали, что появление в советском арсенале стратегических бомбардировщиков не решает проблемы доставки ядерного оружия, поскольку никакой бомбардировщик не мог бы ликвидировать то геостратегическое преимущество, которое имела американская сторона в результате обладания авиабазами, находящимися в непосредственной близости от территории СССР и, кроме того, истребительная авиация ПВО могла бы стать серьезным противником для тяжелых бомбардировщиков. Поэтому, не ослабляя внимания к созданию межконтинентальных бомбардировщиков, советское руководство санкционировало развитие более надежного и неуязвимого средства доставки — а именно баллистических ракет.

Кроме того, на рубеже 40-х — 50-х годов в советской военной мысли произошел, видимо, перелом, в результате которого в центр военного планирования была поставлена задача по нейтрализации военных усилий США на периферии Евразийского массива. Как указывалось в изданной в 1951 году Воениздатом коллективной монографии, «порочность планов будущей войны, пропагандируемых ее поджигателями в американской печати, заключается в том, что почти все они исходят из наличия благоприятных условий, при которых противник будет столь слаб в воздухе, что появится возможность в первой фазе войны безнаказанно совершать налеты на избранные американцами объекты; противник будет столь слаб и неактивен на земле, что выставленная против него в начальном периоде войны коалиционная армия (союзников и частично самих американцев) сможет успешно сдерживать его войска и выиграть время для переброски сил и боевой техники из-за океана"(60).

Как следует из вышеприведенного отрывка, советские военные решили отказаться от пассивной оборонительной стратегии, которая пронизывала вышеупомянутый оперативный план ГСОВГ, и фактически приняли ту стратегию, которую им с самого начала приписывали американские военные аналитики — стратегию подавления американских военных (прежде всего авиационных) баз в Евразии и перехвата коммуникаций между Североамериканским и

Евразийским материками. Видимо, эта перемена в советской военной мысли свидетельствует о том, что в советских военных и политических кругах начали осознавать военно-политические последствия появления ядерного оружия.

Правда, само это переосмысление заняло немало времени. Так, генерал армии П. Курочкин в своей статье в совершенно секретном приложении к журналу «Военная мысль» писал, что в течение определенного периода советская военная мысль следовала по пути частичного приспособления своей старой доктрины, оставшейся со времен второй мировой войны, к новым реалиям атомного века, с тем чтобы уменьшить до некоторой степени влияние ядерного оружия на общепринятые формы и методы вооруженной борьбы. По мнению Курочкина, эволюционный характер развития советской военной мысли объясняется прежде всего количественными и качественными характеристиками атомного оружия в первые годы гонки ядерных вооружений, и это суждение советского военачальника представляется вполне здравым(61).

Действительно, в конце 40-х — начале 50-х годов атомное оружие оставалось во многом экспериментальным для советских военных. Всего в 1949-1951 гг. было проведено три испытания советского атомного оружия, что, конечно же, совершенно недостаточно для коренного пересмотра советской военной доктрины, стратегии, оперативного искусства и тактики. Как справедливо указывал крупнейший американский эксперт по советской военной доктрине Р. Гартхофф, «вплоть до смерти Сталина в марте 1953 г. ...ядерные вооружения не были интегрированы ни в советские вооруженные силы, ни в советскую военную доктрину"(62).

Имеющаяся у нас информация о знаменитом испытании атомного оружия 14 сентября 1954 г. на Тоцком полигоне Южно-Уральского военного округа позволяет сделать вывод о том, что в то время советские военные продолжали рассматривать Бомбу не как оружие стратегического значения, а, скорее, как фугас особой мощности, с помощью которого можно решить в ходе войны некоторые оперативно-тактические задачи, но не более того. Например, для вывода бомбардировщика с атомной бомбой на борту использовали приводные радиостанции, дымовые шашки и радиолокационные уголкового отражатели. Расстояние между полигоном и аэродромом, с которого взлетел бомбардировщик, составляло всего 680 км. Вокруг эпицентра была размещена преимущественно военная техника — танки, бронемашины, боевые самолеты, артиллерийские орудия. Наконец, в ходе учений отрабатывались именно действия войск в условиях применения атомного оружия(63).

Иными словами, советские военные готовились к применению атомного оружия в качестве не стратегического, а оперативно-тактического средства. Ясно, что стратегический бомбовый удар по целям в Соединенных Штатах исключает применение приводных радиостанций или уголкового отражателей для вывода бомбардировщика на цель, да и расстояние в 680 км. не является межконтинентальным.

Таким образом, в конце 40-х — начале 50-х годов в Советском Союзе имела место определенная эволюция в подходах к атомному оружию. От полного отрицания (вынужденного и, по-видимому, неискреннего) какого бы то ни было военно-политического значения «сверхбомбы» Москва перешла к пониманию того, что это оружие действительно может сыграть огромную роль как в ходе военных действий, так и в процессе дипломатического торга. Правда, это понимание оставалось в то время на уровне политического решения, не затрагивая основ военной доктрины СССР.

Итак, на рубеже 40-х — 50-х годов для высшего советского политического руководства атомные вооружения и средства их доставки оставались не столько средством вооруженной борьбы, сколько доказательством мощи Советского Союза, его способности на равных говорить с западными державами, в том числе и с Соединенными Штатами. Для советских же военных Бомба была не основой стратегической мощи страны, а всего лишь боеприпасом особой мощности, способным быстро и эффективно обеспечить тактический или оперативно-тактический успех на поле боя.

Чехословакия, 1948

Кризис в Чехословакии начался зимой 1947-1948 годов. Последний остаток великой антигитлеровской коалиции — политический союз коммунистов с некоммунистами подошел к печальному концу. Вожди этого союза — президент Бенеш и министр иностранных дел Масарик стали терять способность одновременно смотреть и на Запад и на Восток. Две части света распадались по мере ожесточения отношений между Россией и Америкой. Отказ Праги от участия в «плане Маршала» был первым серьезным знаком, говорящим о том, что компромисс двух систем уже едва ли возможен. На внутрочехословацкой арене возник кризис.

Как видно сейчас, США «слишком рано» списали Чехословакию как потерю. Во время поездки в США Масарик осенью 1947 г. объяснял, что «не всегда свободен» идти желаемым курсом. Но были и объективные обстоятельства. Во время выборов в мае 1946 г. коммунисты получили в Чехословакии 37 процентов от общего числа голосов. Это создало предпосылки их мощи двумя годами позже. Левым в Чехословакии в исключительной мере помогло то обстоятельство, что Соединенные Штаты отказались предоставить экономическую помощь этой стране. Это в высшей степени неблагоприятно подействовало на престиж США в Праге. Главный американский авторитет — посол Стейнгард рекомендовал «не стимулировать просоветский курс американскими долларами» и Америка, возможно, ожесточилась раньше времени.

Урожай 1947 г. в Чехословакии был крайне плох — 63 процента среднегодовой цифры (особенно плохо дело обстояло с картофелем — 48 процентов). Прага обратилась к Вашингтону. США твердо стояли на том, что за плохую политику они не платят. Без радикального поворота внешнеполитического курса Прага не получит американской помощи. На помощь устремился советский Союз — сам страдавший от бескормицы, но сумевший предоставить соседней стране 40 процентов необходимого ему продовольствия.

Министр внешней торговли Чехословакии Рипка обрушился в декабре 1947 г. в Москве на «этих проклятых американцев. Это из-за них я должен приезжать и подписывать все под диктовку. Мы говорили американцам, что нуждаемся в 200 000 или 300 000 тоннах пшеницы. А эти идиоты начали как всегда заниматься шантажом... Именно в этот момент Готвальд связался со Сталиным, который пообещал нам необходимую пшеницу... И теперь эти идиоты в Вашингтоне привели нас прямо в сталинский лагерь... Тот факт, что не Америка, а Россия спасла нас от голода окажет огромное воздействие на Чехословакию — даже на тех, кто симпатизировал Западу, а не Москве». Прозападные политики в Праге понесли трудновосполнимый ущерб. Но еще большее значение для чехов имело желание американцев восстановить западногерманскую экономику. Посол Стейнгард говорил военной академии в декабре 1947 г.: «Конечно же чехи не любят немцев... Как среди коммунистов, так и среди их противников живет глухое недовольство тем, что мы слишком быстро восстанавливаем Германию... Они чувствуют, что обязаны обращаться к русским для защиты от немцев. Все, что мы делаем в Германии, не может быть популярным в Чехословакии».

Вообще говоря американцы списали чехословаков — как потенциальных союзников — раньше времени. Уже 6 ноября 1947 г. государственный секретарь Маршал устроил секретный брифинг всему кабинету министров: «Остановка в коммунистическом продвижении заставляет Москву консолидировать свои позиции в Восточной Европе. Пришел черед Чехословакии, ибо в относительно свободной Чехословакии могла оказаться опасной для политических позиций Москвы... Пока коммунизм шагал по Европе, русским было выгодно сохранять за чехословаками внешнюю видимость свободы. В таком виде Чехословакия могла служить приманкой для западных наций. Когда движение пошло в другом направлении, русские уже не могли себе позволить прежнюю роскошь».

20 февраля 1948 г. двенадцать некоммунистических членов правительства сложили свои полномочия. Последовали пять дней политического кризиса. 25 февраля Клемент Готвальд сформировал коммунистическое правительство. Отметим, что в стране было лишь 500 человек советских войск. Именно американская политика в этой ситуации помогла изолировать антикоммунистов.

Джордж Кеннан интерпретировал события в Чехословакии как оборонительную меру Кремля, приступившего к консолидации своей зоны влияния в свете успеха «плана Маршала» и укрепления Западной Германии. Соединенные Штаты по своему воспользовались событиями в Чехословакии. Но большинство аналитиков восприняли эти события как хорошее доказательство агрессивности Кремля. Администрация Трумэна сознательно преувеличила значимость имевших место событий — прежде всего для получения поддержки конгресса по четырем пунктам: «план Маршала», всеобщее военное обучение, восстановление системы избирательного набора, увеличение бюджетных ассигнований на военную авиацию.

3 марта 1948 г. президент Гарри Трумэн писал своей дочери из Флориды: «Мы находимся точно в такой ситуации, в какой Британия и Франция противостояли в 1938/9 г. Гитлеру. Ситуация представляется прискорбной. Нужно принять решение и я его приму». Через два дня генерал Люшиус Клей, прежде считавший, что война с Россией начнется не ранее прошествия десяти лет, начал предсказывать иное: Советы могут начать ее неожиданно».

Кеннан вспоминает, что телеграммы Клея напугали всех. «Все ощутили страх подлинной войны». То, о чем писал Клей явилось предсказанием блокады Берлина. В то же время навестивший Клея начальник разведки генерального штаба армии США генерал Чемберлен полагал, что Америка еще не успела закрепиться на основных глобальных позициях. Переписка Клей-Чемберлен, контакты высших военных между собой должны были подготовить конгресс к принятию решительных мер против Советского Союза. Послания Клея, размноженные во многих экземплярах, взбудоражили многих в высоких военных и политических кругах.

6 марта 1948 г. военный министр Ройолл спросил председателя Комиссии по атомной энергии Дэвида Лилиенталя, сколько времени необходимо для доставки «яиц» в средиземное море. Все понимали, что речь идет об атомном оружии. Глава военно-морских сил предложил 9 марта «подготовить американский народ к войне». Кларк Клиффорд объявил, что президент Трумэн выступит с важным обращением к нации. Почему? Помимо прочего, пишет Элси, «президент должен укрепить свой престиж, говоря о внешних делах — чтобы продемонстрировать сильное руководство. Этот престиж сейчас низок (Палестина, Китай) — Ванденберг и Маршал возлагают все надежды на „план Маршала“. Требование более сильной внешней политики исходит отовсюду. Сильнейшим ходом была бы речь о России. И именно о России президент может сказать удачнее, чем по другим вопросам. Он лучше всего произносит речи, когда словно „сходит с ума“».

10 марта пришло сообщение о самоубийстве министра иностранных дел Чехословакии Яна Масарика. Он выбросился в окно. Накануне он виделся с президентом Бенешем и навестил могилу отца — создателя Чехословацкой республики. По словам Кеннана, «ничто не сделало ситуацию столь драматичной более, чем смерть Масарика». Новая пропасть разделила Восток и Запад. Военное командование США 12 марта приказало изучить планы мобилизации. На следующий день Объединенный комитет начальников штабов представил министру обороны Форрестолу план оборонительных действий на случай наступления Советской армии на Запад и на Ближний Восток. Было решено усилить охрану атомного оружия и ввести в стране обязательную воинскую службу.

А военные нагоняли панику. Военный министр Ройол сказал президенту Трумэну, что в случае начала войны «мы потеряем все наши войска в Японии и в Европе». ЦРУ сообщило президенту, что «война маловероятна только в ближайшие шестьдесят дней». Далее ЦРУ гарантий мира не давало. Маршал посоветовал президенту в своей речи «нажать на спусковой крючок». Трумэн поразмыслил и сказал: «Это предпочтительнее, чем быть застигнутыми врасплох, как это было в последней войне».

Берлинский кризис

Вашингтонская элита немислимо преувеличивала готовность Москвы ринуться в атомную войну, грозящую ей полным истреблением. Ничто в истории России и коммунизма — русского

коммунизма не давало оснований полагать, что Кремль с легкостью потеряет голову и по своей воле ринется в бездну. Но именно так думали деятели типа Люшиуса Клея, сведшие свой умственный горизонт до пределов одной страны одного города, одного сектора этого города — Берлина. Сейчас более чем отчетливо видно, что, если бы американцы уступили в берлинском вопросе, ничего глобального бы не произошло. Произошло бы упорядочение работы Восточной зоны, которая перестала бы терять своих технических специалистов, уходящих на западные заработки через открытый Берлин. В Вашингтоне же делу придали характер вселенского отступления запада перед злым советским коммунизмом. Не делает это честь чувству меры и реализма западных вождей.

В корне проблемы глухая нечувствительность американских военных и гражданских лидеров в отношении обеспокоенностей советского руководства. А ведь только-что закончилась война, в которой Россия потеряла 27 миллионов своих граждан. Бесчисленные городские и сельские рынки были переполнены калеками, инвалидами великой отечественной войны. Горькие крики нищих, опухших от голода людей, жалкий скарб потерявших жилье переселенцев, ночные очереди за буханкой хлеба. Неурожай бил по самым слабым, тяжелые смены ждали тех, чьим трудом страна восстанавливала основы цивилизованной жизни. Труд был сверхнапряженным и давал он феноменальные результаты — в течение трех лет окровавленная страна восстановила основы порушенной экономики.

Ничего подобного не знала самая богатая страна мира, строившая семейные коттеджи, покупающая новые марки автомобилей, посылающая своих детей в отменные университеты, ни разу не ложившаяся спать голодной. И при этом указывающая на голодную Россию как на кромешный ад безжалостной диктатуры. А ведь этот кромешный ад — во многом результат беззаветного выполнения союзнических обязательств, более тяжелой ноши России в общей войне. Ничего не боялась так Россия, как восстановления германского гиганта, только-что обескровившего российские города и деревни. И именно этим были заняты американцы. Ничего кроме «холодной войны» породить это не могло.

В январе 1948 г. два руководителя оккупационных зон — американской и британской — генералы Клей и Робертсон неумоимо встречались с общественными деятелями своих зон. Смысл их речей был однообразен: «нельзя более сидеть сложа руки». Почему эти вчерашние союзники Советской армии напрочь отказывались понять обеспокоенность народа, которому только-что выпали такие испытания? Они шли напролом и их действия создали линию «нет возврата» в прежних союзнических отношениях.

Проблема Германии, которая в 1941 г. объединила союзников в великую коалицию, теперь самым жестоким образом разъединила их. Теперь речь шла уже не о зонах влияния (как о них говорили Сталин и Черчилль в октябре 1944 г.) а о бесконечно враждебных блоках, ощетинившихся всеми видами современного оружия. Обе стороны видели в действиях другой открытую провокацию. И инициативой в этом процессе владели американцы — это признают и добросовестные западные исследователи.

Чего боялись американцы? Того, что в конечном счете объединившаяся Германия примкнет к советскому лагерю. Государственный секретарь Маршал заявил в феврале 1948 г., что переход Германии в зону влияния СССР «является величайшей угрозой безопасности западных наций, включая США».

Американская сторона односторонним образом отказалась от Четырехстороннего плана управления Германией; она начала проводить одностороннюю политику стабилизации экономики в своей зоне посредством валютной реформы, создания «своего» правительства в этой зоне, введения ее в «план Маршала» и в целом в западноевропейскую экономику

Пришла пора сказать, что столь обличавшиеся планы «захвата Россией Германии» были плодом больного воображения и никогда в реальности не имели места. Единственной определенной целью СССР было получение обещанных репараций. И самый большой ужас Россия испытывала при виде обновляемой германской мощи, ныне включенной в западный лагерь.

После прекращения западной стороной деятельности Совета министров иностранных дел советская сторона сделала несколько примирительных шагов. Они осуществили односторонние репарации с германского Востока, начали переговоры по урегулированию ленд-лиза, уменьшили репарационные претензии к Австрии, согласились на реформу австрийской валютной системы. Разве так ведет себя сторона, вознамерившаяся овладеть всем европейским регионом или, в частности, Германией?

Если бы Соединенные Штаты «боялись» России, то указанные шаги должны были привести к смягчению американо-советских отношений. Но цель у США была иная — закрепиться в Европе и контролировать европейское развитие, а тут любая степень советской уступчивости не помогла бы.

Будущее Германии теперь решали не советские танки — когда они решали общую задачу, западные союзники устраивали овации. Теперь будущее Германии решала собранная западными державами 23 февраля 1948 г. Лондонская конференция. А ней принимали участие США, Британия, Франция, Бельгия, Нидерланды и Люксембург. Клей: «Это самая важная конференция по германскому вопросу». Она важна была и тем, что Запад сам решал ее. Гарриман пишет Трумэну: «Я испытываю огромные сомнения относительно того, что новая валютная система Германии может успешно включать в себя советскую зону». Валютная реформа вовсе не была «техническим действием», она определяла политическое будущее.

И США и СССР внесли предложения относительно денежной реформы в Контрольный совет. Там маршал Соколовский сказал 1 февраля 1948 г. следующее: «Если у моих коллег хватит терпения, мы пройдем по американским предложениям пункт за пунктом и станет очевидным. Что оно приемлемо для нас». Но американская сторона уклонилась от совместного рассмотрения проблемы и тогда Соколовский сказал, что новые деньги уже лежат в карманах у генерала Клея, что было очень недалеко от правды. Теперь мы знаем, что американцы напечатали новые германские марки еще в 1947 г.

Советская сторона объявила, что она в любом случае готова пройти свою половину пути, но «американский план экономической „помощи“ и британский политический план для „Западной Европы“ в конечном счете направлены против Восточной Европы и, соответственно, ведут к политическому расколу Европы».

США и их союзники рассуждали в устрашающих терминах. Директор политического департамента французского министерства иностранных дел, путешествуя в самолете Клея, сказал, что «война с Советским Союзом в течение ближайших двух или трех лет неизбежна — и может быть, что она начнется в текущем году».

В Советском Союзе достаточно хорошо знали об ускорении военного производства в США. Более всего беспокойство здесь вызывало создание западногерманского государства. В апреле и мае 1948 г. — после снятия Берлинской блокады русские начали то, что позже было названо «мирным наступлением». Сначала Молотов, а затем и Сталин выступили с предложениями созыва встречи на высшем уровне СССР и США. Все проблемы разрешимы. Но Трумэн с отвращением относился к встречам на высшем уровне. Попросту говоря, он не верил, что любое позитивное соглашение с русскими возможно. Советский Союз, говорил американский президент, «никогда не держался заключенных соглашений». Миру этот скепсис обошелся дорого.

Германский ландтаг решил собраться 1 сентября 1948 г. для написания конституции нового западногерманского государства. Теперь уже западногерманский наблюдатель надзирал над индустриальным Руром. Американцы уже решили не ограничивать свой срок пребывания в Германии. Американцы, англичане и французы решили сблизить свои зоны. Что оставалось делать четвертому, отринутому бывшему союзнику?

Оказалось, что не существует документов, регламентирующих въезд западных союзников в Берлин. Права въезда, говорил генерал Клей, оговорены устно и покоились на трехлетней привычке.

31 марта Советский Союз начал «миниблокаду» Берлина. В конце апреля военный министр

Ройол пишет бывшему военному министру Стимсону: «Ясным кажется намерение Советского Союза вытеснить нас из Берлина так как четырехсторонний контроль над Берлином и над Германией более не действует. У Советов есть определенные основания так думать ввиду трехсторонних действий, которые мы предприняли в отношении Германии как результат краха заседания министров иностранных дел в декабре. Они могут аргументировать с определенной логикой, что трехсторонние переговоры по Германии, начатые в Лондоне в феврале являются доказательством наших намерений отказаться от четырехстороннего контроля. Они могут также кивать на установление нашего экономического совета по Германии... Козырные карты русских заключаются в контроле над железнодорожными и шоссейными магистралями, ведущими к Берлину, в контроле над тепловой станцией, снабжающей город электричеством».

Ключевой фигурой на этом этапе развития «холодной войны» становится американский военный губернатор Германии Люшиус Клей. Примечательна эволюция этого американского генерала и политика. Во время первого года службы в Германии (будучи заместителем Эйзенхауэра) Клей превосходно сотрудничал с советской администрацией. Наиболее некооперативными он считал французов, он критически воспринял «длинную телеграмму» Кеннана. Сложные межсоюзнические проблемы, как и тяжесть восстановления Германии поубавили оптимизма у Клея, хотя близкая сердцу русских идея репараций вполне разделялась Клеем. И только во второй половине 1947 г. генерал Клей переходит в группу ястребов.

Однажды, после яростной словесной перепалки с советскими представителями Клей спросил Джеймса Ридлбергера: «Является ли все это прелюдией к объявлению войны?» Ридлбергер ответил: «Вовсе нет. Иногда это звучит похоже, но я не думаю, что это так».

Одиннадцать раз генерал Клей выкладывал прошение об отставке, но он любил свой пост — «благожелательный деспотизм», как он это называл. Он понимал, что его ждет. Телетайпом он 10 апреля 1948 г. посылает сообщение начальнику штаба армии Омару Бредли: «За нашей сепаратной валютной реформой последует создание германского правительства во Франкфурте, а это вызовет подлинный кризис... Зачем мы в Европе? Мы потеряли Чехословакию. Мы потеряли Финляндию. Норвегия под угрозой. Мы уходим из Берлина... Америка еще не знает, что жребий брошен... Я полагаю, что мы должны стоять, пока нас не выдворили силой».

18 июня 1948 г. три западные державы объявили о валютной реформе в трех своих зонах. Берлин пока исключался. Советская сторона снова начала ограничивать перемещение в Берлин. Указывая на то, что западные страны разделяют Германию, советская сторона объявила, что весь Берлин включается в зону восточных денежных знаков. 23 июня западные державы объявили, что новые деньги Западной Германии будут иметь хождение в западных секторах Берлина. На следующий день советская сторона перекрыла сообщение между Западной Германией и Западным Берлином. Было отключено электричество, началась блокада города. В Западном Берлине угля должно было хватить на 45 дней. Теперь все зависело от авиационных возможностей. Клей приказал все транспортные самолеты С-47 бросить на берлинский маршрут.

Только воздушные транспортные коридоры были гарантированы письменными соглашениями военных союзников. Если советские вооруженные силы начнут перехватывать самолеты, то это всех поставит на грань войны. В воздухе дело было серьезнее, чем на автобанах. Трумэн объявил: «Мы собираемся держаться». Бевин в Лондоне: «Оставление Берлина будет означать потерю Западной Европы». Начиная с 22 июля 1948 г. американские С-47 и С-54 стали делать два полета в день. Одновременно западные власти начали останавливать советские автомашины, превышающие скорость. Маршал Соколовский провел час в полиции за превышение скорости на пути из Потсдама в служебные помещения.

Берлинский кризис впервые поставил Америку и Советский Союз на грань войны. Бевин заявил, что отныне «понимает агонию Невилля Чемберлена в сентябре 1938 г.». 28 июня американцы запросили англичан о возможности перевода на Британские острова американских тяжелых бомбардировщиков. Согласие было получено в тот же день. 60 «Б-29», известных миру как «атомные бомбардировщики», разместились в пределах полета к территории СССР. Другой отряд „Б-29“ прибыл на Окинаву. России показали, что ее будут бомбить атомным оружием с

двух противоположных сторон. За что? За опасения в отношении восстановления мощи Германии? А если бы вместо мирной Канады у США на севере располагалась страна, убившая 27 млн. американцев — и некие страны начали через три года после окончания этой войны восстанавливать мощь убийцы?

Размещение американского атомного оружия на Британских островах было грозным символом. Теперь США показывали миру, что всякий несогласный с их политикой может попасть в атомный прицел. «Холодная война» поднялась на свою вершину. Американский историк Уолтер Миллис пишет, что «введением ядерного оружия впервые непосредственно в систему дипломатии и насилия», сдерживание перестало быть просто теорией и стало частью американской военной стратегии. В Вашингтоне сравнивали военную мощь США и СССР. Согласно данным американской разведки, Советская армия располагала 2 500 000 солдатами и офицерами в регулярных войсках и 400 000 — в специальных. Именно в данное время начинается советско-югославский разлад. По мнению американцев, «Соединенные Штаты в военном смысле были сильнее, и они обладали ядерным оружием».

Заметим: четырьмя днями после начала блокады Западного Берлина Москва начала великую ссору с маршалом Тито, исключив его из Коминформа. Напрашивается простой вопрос: если бы Советский Союз готовился к великой и последней войне мировой истории, то стал бы он одновременно объясняться с балканским «уклонистом»? неужели американское руководство, разведка и стратеги не задумались над этим?

Если Сталин в пылу невероятного ожесточения не ввел войска на территорию коммунистической Югославии (где половина коммунистов выступила бы за него и против Тито), то готов и мог ли генералиссимус всерьез думать о полномасштабном вторжении на Запад? Нужно обладать очень некритичным сознанием и ничего не знать о Сталине как о личности, чтобы всерьез увидеть в нем нового Чингизхана, размышляющего о захвате Парижа, Лондона и Нью-Йорка.

И, помимо прочего, Сталин помнил черчиллевскую калькуляцию октября 1944 г., где Югославия была обозначена как «50-50», что давало возможность предположить вмешательство Запада. Странно, но американские военные вначале абсолютно не верили в серьезность ссоры Сталина и Тито. Хорошо же понимала Америка Сталина, если готова была рискнуть мировой войной, не зная при этом характера противника, мотивов его действий и целей.

Идти на войну ради возможности перевооружения Германии? Есть ли в новейшей истории еще пример подобной «легкости»? Ведь в Европе — и по восточную и по западную сторону от Германии жили миллионы немецких жертв. Согласились ли бы они воспринять развязываемую американцами войну как свою? Даже англичане начали останавливать своих американских союзников. Бевин: «Я знаю, все вы американцы хотите войны». Американский дипломат: «С политической точки зрения Берлин стал важным символом только потому, что мы сделали его таковым». Был смысл в словах посла Уолтера Беделла Смита: «Наш нынешний истерический взрыв чувств по поводу берлинцев заставляет меня помнить, что три с половиной года назад меня считали бы героем, если бы я преуспел в уничтожении бомбами этих самых немцев».

Американский комендант Берлина Хаули в июне 1948 г. выразил надежду на то, что «русские не окончательно захлопнули дверь пред германским единением и союзным соглашением». Дело-то было в том, что западные союзники с грохотом закрыли дверь перед прежде обусловленным четырехсторонним сотрудничеством по Германии. Советской стороне оставался единственный доступный ей метод воздействия на Запад — усложнение доступа к Западному Берлину. Те, кто не верил в компромисс, увидели в этом знак неотвратимого столкновения. Клей сказал, что «если русские пойдут на боевые действия — то не из-за валюты в Берлине, а потому что момент кажется им подходящим. Неправда. Россия агонизировала именно из-за восстановления германского колосса, от которого Россия пострадала больше всех в мире.

Это более всего очевидно из встреч посла Смита со Сталиным в конце июля 1948 г. Тот сказал, что, если не сомневается в главном смысле происходящего: западные союзники готовятся восстановить Германию. В мире будут две Германии. Берлин же в свое время был столицей

единой Германии, от которой западные союзники отходят. Союзники потеряли юридическое право на Берлин — он будет германской столицей, когда страна воссоединится.

Союзники стимулировали созыв западногерманской Конституционной ассамблеи. Сталин сказал американскому послу, что советскую сторону ставят перед *fait accompli*. Смит ответил, что воспринимает западные действия как оборонительные, а советские как наступательные. Сейчас нам достаточно ясно, что такое явления как спланированные наступательные действия светской стороны не существовало. СССР откровенно боялся восстановления венного врага, только что продемонстрировавшего невероятную жестокость по отношению к России.

Сталин повторил свою претензию американскому послу Смигу: «Единственной реальной проблемой, которая мучает мое сознание, является создание в западных зонах германского правительства... Это единственная проблема». Сталин добавил, что не желает ставить в неловкое положение западные правительства, но сами западные правительства с охотой загоняют советскую сторону в угол, создавая правительство Западной Германии. Смит сказал, что «никогда не смотрел на проблему под таким углом». Финальная ремарка Сталина заключалась в надежде на то, что страны-победительницы «вернутся к четырехстороннему соглашению». Смит пишет в Вашингтон, что никогда не видел Молотова более сердечным... Русские просто сочатся сладкой рассудительностью... Нам нужна хорошая дубина для доведения до финала дела создания западногерманского правительства». Кто мечтал о «дубине»?

Американцы боялись, что Франция, тоже уstraшенная восстановлением германского колосса, переметнется к Советскому Союзу, желая возвратиться к четырехстороннему соглашению по Германии. Клей исключил какие-либо «срединные» варианты — это было бы для Америки «первоклассным политическим провалом, который показал бы всем слабость Америки. Это деморализовало бы Германию».

Западные послы и в августе 1948 г. продолжали навещать Кремль. Однако пока все попытки компромисса разбивались, прежде всего, о западное желание видеть вместо униженных германских зон могучее германское государство, начинающее свое существование с единой для трех зон валюты. Клей пишет бывшему госсекретарю Бирнсу 19 сентября: «Я уверен, что сильное западногерманское правительство, ориентированное на Западную Европу, восстановит баланс в Европе».

1 сентября 1948 г. в Бонне начала работу конституционная ассамблея, от которой американцы требовали быстрее создания западногерманского правительства. Воздушные перевозки в Западный Берлин набирали силу. К декабрю перевозилось 4500 тонн грузов в день. К весне 1949 г. эта цифра выросла до 8000 тонн в день — столько же, сколько ранее перевозилось по автобанам. Посредством этих перевозок Америка окончательно стала «европейской» страной. С пропагандистской точки зрения эти воздушные перевозки ослабляли позиции СССР — не решающихся их прервать. 21 сентября 1948 г. Маршалл сказал французскому министру иностранных дел Шуману и его английскому коллеге Бевину, что «русские отступают... Германия на пути к восстановлению».

Генерал Клей сказал, что блокада Берлина была «самым глупым шагом из всех, которые могли совершить русские... Воздушный мост в Берлин и наши контрблокадные действия сумели показать французам, откуда исходит главная угроза их безопасности и заставили их не только присоединиться к процессу создания западногерманского правительства, но и сделать шаги в направлении франко-германского сближения».

Сталин постарался сделать несколько попятных движений. В январе 1949 г. он дал интервью американскому журналисту. В конечном счете, в мае 1949 г. советская сторона сняла блокаду, требуя взамен лишь восстановления заседаний Совета министров иностранных дел. На первом же восстановленном заседании Совета министров иностранных дел в Париже советские дипломаты постарались блюсти вежливость и корректность. Их целью было вернуть *status quo ante*, вернуться к четырехстороннему сотрудничеству по Германии. Увы, поезд уже ушел. Американцы стремились к глобальному контролю, а в Европе полагались на создаваемый военный блок. Отчетливо видя невозможность достигнуть своих целей, советская делегация 20

июня 1949 г. покинула заседания.

В глубине России

Сорокалетние Харитон и Зернов в апреле 1946 г. побывали в небольшом поселке Сарове, на границе Горьковской области и Мордовской автономной республики. Тогда население поселка не превышало 3 тыс. человек, а главным местным производством была небольшая фабрика, выпускавшая в войну «Катюши». Недалеко от Москвы и глухо. Идеальное место для создания советской атомной бомбы, этот городок, названный Арзамас-16. В кельях монахов разрушенного в 1930-е годы монастыря были помещены первые лаборатории. Кое-кто называл это место Лос-Арзамасом. Здесь сжимался русский плутоний. Летом 1946 г. Харитон подготовил документ, который он назвал «Техническим заданием». В нем были указаны основные требования к бомбе. Секретность была феноменальной. Отчеты писали от руки, нейтроны называли «нулевыми точками». Ведущие ученые имели телохранителей.

В начале июня 1948 г. урановые стержни в Челябинске-40 были опущены в воду. Под руководством Курчатова работа шла круглосуточно. 22 июня реактор достиг желаемого уровня 100 000 киловат. Всеобщая подозрительность созданного Берией в закрытых городах режима омрачала, как и колонны заключенных. Но, как пишет американский историк Холловэй, «те, кто принимал участие в работах по проекту, верили, что Советский Союз нуждается в собственной бомбе, чтобы защитить себя, и приняли брошенный советской науке вызов, на который могли ответить созданием советской бомбы, и как можно скорее». Один из участников проекта пишет: «Наше согласие определялось, во-первых, тем, что нам были обещаны гораздо лучшие условия для научной работы. И, во-вторых, внутренним ощущением, что наше противостояние с мощнейшим противником после разгрома фашистской Германии не кончилось. Ощущение незащищенности особенно усилилось после Хиросимы и Нагасаки... Для всех, кто осознал реальности новой атомной эры создание собственного атомного оружия, восстановление равновесия стало категорическим императивом».

Приехавший в Арзамас-16 Андрей Сахаров так выразил свою мысль: «Мы (а я должен говорить здесь не только от своего имени, потому что в подобных случаях моральные принципы вырабатываются как бы коллективно-психологически) считали, что наша работа абсолютно необходима как способ достижения равновесия в мире».

Конструктор первого промышленного реактора Доллежал: «В отличие от немцев, русские не уничтожали мирное население; в отличие от союзников. Они не применяли ковровую бомбардировку германских городов... Советский союз нуждался во всех средствах, которые могли быть использованы против него агрессором... Создание атомной бомбы требует от нас безопасность отечества, патриотический долг. И это не слова, это объективная реальность. Кто бы оправдал руководство страны, если б оно принялось создавать оружие лишь после того, как враг собрался выступить в поход?» Беседуя с Курчатовым, Доллежал убедился, что тот придерживается той же позиции.

В первой половине 1950-х гг., однако, в развитии советской военной стратегии произошел перелом. Во-первых, появление водородного оружия и МБР превратило ядерное оружие из боеприпаса большой мощности в совершенно новый фактор не только мировой политики, но и военного дела.

Во-вторых, как уже было сказано, после 1953 г. советские военные получили возможность гораздо свободнее высказываться по военным вопросам, без постоянной оглядки на сталинские «постоянные факторы».

Венцом эволюции советской военной мысли, вызванной двумя этими причинами, стал своеобразный советский аналог стратегии «массированного возмездия», основные положения которой были изложены в коллективном труде «Военная стратегия» (Под редакцией Маршала Советского Союза Соколовского В.Д. — М.: Воениздат, 1962). В этой книге прежде всего констатировалось, что «в результате бурного развития производительных сил, науки и техники

средства ведения войны стали настолько мощными, что возможности достижения с помощью вооруженной борьбы самых решительных политических целей возросли в огромной степени». Далее авторы «Военной стратегии» утверждали, что «война против Советского Союза и социалистического лагеря в целом может быть развязана империалистическими силами как прямым нападением на СССР или другие социалистические страны, так и в результате какой-либо агрессивной локальной войны против одной из несоциалистических стран, если эта война затронет коренные интересы социалистических государств и создаст угрозу мира на земном шаре». Наконец, в книге провозглашалось, что «учитывая, что водородное оружие в Советском Союзе было создано раньше, чем в США, а главное, что США не располагают сверхмощными термоядерными зарядами в несколько десятков миллионов тонн, которые имеются у СССР, наше превосходство над западным блоком в ядерном оружии мы рассматриваем как неоспоримое».

Как видно, «Военная стратегия» содержала все основные компоненты стратегии «массированного возмездия», а именно угрозу нанесения сокрушительного термоядерного удара в ответ даже на не прямые («локальная война») действия со стороны США и их союзников. В конце 60-х годов, однако, высшее советское военное и политическое руководство было также, вслед за Соединенными Штатами, вынуждено пойти на пересмотр положений советского аналога стратегии «массированного возмездия»: Москва отказалась от развертывания «сверхмощных термоядерных зарядов в несколько десятков миллионов тонн», приступив к наращиванию большого количества меньших по своей разрушительной мощи ядерных боеприпасов.

Уже в то время в Советском Союзе существовала организация, сотрудникам которой, что называется, по должности полагалось разрабатывать советскую ядерную стратегию. После выделения в 1956 г. из НИИ-88 ОКБ-1 под руководством С.П. Королева, Госкомитет по оборонной технике возложил на НИИ задачу исследовать и обосновывать оптимальную техническую политику по развитию ракетной и космической техники, рассматривать все проекты и предложения конструкторских бюро на предмет целесообразности их реализации и разрабатывать проекты долгосрочных программ (на 5 — 10 лет) НИОКР ракетно-космической отрасли (88).

«Институт, чтобы создать прочную научную основу для системных исследований перспектив развития ракетной и космической техники, начал своих исследования с разработки основных концепций, определяющих назначение ракетного стратегического вооружения, и конкретного выражения государственной оборонной доктрины как образа действий в ответ на возможную агрессию, — вспоминал впоследствии многолетний директор НИИ-88 Ю.А. Мозжорин. — Существовавшая в то время государственная оборонная доктрина была сформулирована в достаточно общем виде: „Советский Союз никогда не начнет войны первым и не применит первым атомного оружия, но ответит сокрушительным ударом на всякое нападение агрессора с целью его полного поражения“» (89).

Между тем в новых исторических условиях такие неконкретные формулировки не могли более удовлетворять советскую элиту. «Колоссальная, можно сказать чудовищная, разрушительная сила ракетно-ядерного оружия, способная на беспредельных расстояниях в считанные минуты стереть с лица земли не только крупные административные центры, но и целые государства... не позволяла без нового осмысливания пользоваться старыми понятиями стратегических операций, — писал Ю.А. Мозжорин. — Институт, используя сложную математическую модель двухсторонних операций с применением ракетно-ядерного оружия во всех возможных условиях начала войны, рассмотрел конкретное выражение государственной оборонной доктрины и пришел к следующим выводам.

- Упреждающий массированный ракетно-ядерный удар в целях стратегической обороны по изготовившемуся к ракетно-ядерному нападению агрессору и при наличии у него трех компонентов стратегических ядерных сил (наземных защищенных ракетных комплексов, ракетных комплексов морского базирования и стратегической авиации) лишен всякого смысла.

Он не решает задачи стратегической обороны государства и приводит только к взаимному уничтожению этих государств.

- Ответно-встречный массированный ракетно-ядерный удар по агрессору, совершившему уже ракетно-ядерное нападение, но до прихода его боеголовок на нашу территорию, также не решает задачи стратегической обороны и приводит к взаимному уничтожению государств.

- Единственно разумным и эффективным вариантом стратегической обороны государства является придание ракетно-ядерным силам возможности нанесения гарантированного ответного ракетно-ядерного удара возмездия по агрессору при любых и самых неблагоприятных для нас условиях его ракетно-ядерного нападения».

Эта оборонная доктрина, разработанная в НИИ-88 в 1960-е гг., была названа ее творцами «доктрина сдерживания». Доктрина не осталась лишь на бумаге: она была положена институтом в основу исследований развития советской системы ракетно-ядерного вооружения, выбора ее рациональной структуры, обоснования количественного и качественного состава ракетных комплексов наземного и морского базирования, структуры и требований к системе боевого управления, а также выработки требований к характеристикам ракетных комплексов (90).

Увы, с математическими моделями НИИ-88 произошло, в сущности, то же, что и с системным анализом Р. Макнамары и его сторонников: они не выдержали столкновения с действительностью, определявшейся амбициями генералов и аппетитами военно-промышленного комплекса. Примером тут может служить так называемая «малая гражданская война», разразившаяся в высших эшелонах советского руководства на рубеже 1960-х — 1970-х гг.

«Война» эта началась после того как стало известно об американских планах создания межконтинентальных баллистических ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения. В НИИ-88 (с 1967 г. институт стал называться ЦНИИмаш) сделали вполне логичный вывод: создание американских баллистических ракет с РГЧ ИН и их дальнейшее совершенствование в будущем может представлять серьезную угрозу советским ракетным комплексам, которые Москва рассматривала в качестве главной силы сдерживания «потенциального противника». Возник, однако, вопрос: каков должен быть ответ на этот вызов?

«Можно было бы парировать такую угрозу увеличением количества моноблочных ракетных комплексов, поддерживая их численность на уровне численности боевых блоков, содержащихся в многоблочных ракетах США, — писал в своих воспоминаниях Ю.А. Мозжорин. — Однако такая гонка стратегических вооружений являлась для нас не только обременительной, но и просто невыполнимой». Поэтому ЦНИИмаш выдвинул следующее предложение: новое поколение стратегических ракет легкого и тяжелого класса создавать с РГЧ ИН и, кроме того, повысить степени защищенности уже построенных шахтных стартов ракет РС-10 и Р-36 и ввести в состав ракетных войск подвижные ракетные комплексы (91).

Данное предложение, поддержанное янгелевским КБ «Южное», военно-промышленной комиссией и могущественным секретарем ЦК Д.Ф. Устиновым, встретило, однако, решительный отпор со стороны министерства обороны, министерства общего машиностроения и КБ Челомея. Суть предложений В.Н. Челомея сводилась к необходимости повысить боевую эффективность ракеты РС-10 (созданной в его КБ) за счет увеличения мощности боезаряда и точности стрельбы. Напомним, что таких ракет в 1970 г. было на вооружении РВСН 840 единиц, и данная система являлись самой массовой советской МБР. Таким образом, по замыслу Челомея, основные усилия в рамках советской программы развития ракетной техники должны были быть сосредоточены на совершенствовании ЕГО ракеты и, предположительно, в рамках ЕГО КБ.

«Критикуя предложение ЦНИИмаш, В.Н. Челомей занял довольно странную позицию, определяемую, по-видимому, конъюнктурными соображениями и сиюминутной выгодой, — писал Ю.А. Мозжорин. — Всегда остро чувствуя перспективы развития ракетной техники, он, тем не менее, ... заявил: „Применение разделяющейся головной части с индивидуальным наведением блоков — это дань моде. Тут надо посмотреть“. На утверждение института, что применение бортовых компьютеров в системе управления повысит точность стрельбы, небрежно

ответил: „Я не понимаю, как можно установкой арифмометра на борт ракеты повысить точность стрельбы“. Что же касается повышения степени защищенности построенных шахтных стартов... он утверждал, что это технически невозможно... Более того, он высказал мысль..., что повышение5 стойкости ракетных комплексов за счет усиления защищенности стартовых сооружений менее эффективно и экономически менее выгодно, чем создание системы противоракетной обороны позиционных ракетных районов» (92).

Кроме того, по мнению Челомея и его единомышленников из министерства обороны, ответно-встречный удар, наряду с ПРО районов базирования ракет, мог бы стать гарантией безопасности советских МБР от первого американского удара (93).

Проблема была не только в неумеренных амбициях Челомея на монополизм в развитии советских межконтинентальных баллистических ракет. Если бы возобладала его точка зрения и точка зрения руководства МО и минобщемаша, страна могла бы не только принять крайне дестабилизирующую, опасную и провокационную стратегию ответно-встречного удара, чреватую развязыванием мировой ракетно-ядерной войны в результате ошибки или сбоя системы раннего предупреждения о ракетном нападении. Советскому Союзу пришлось бы взвалить на себя и непосильное бремя создания общенациональной системы ПРО — а эта затея могла бы привести к срыву начавшихся в 1969 г. советско-американских переговоров по стратегическим вооружениям. В общем, против коалиции КБ Челомея, министерства обороны и минобщемаша сложилась не менее могущественная коалиция из КБ «Южное», ЦНИИмаша, ВПК при Президиуме Совмина, отдельных высокопоставленных представителей Совета Министров и ЦК КПСС в лице Л.В. Смирнова и Д.Ф. Устинова, а также Академии Наук СССР в лице М.В. Келдыша и А.П. Александрова.

И грянула «малая гражданская война»! Основные сражения этой невидимой миру, но, тем не менее, весьма ожесточенной войны (она стоила, например, М.К. Янгелю очередного инфаркта) проходили на полях совещаний Совета обороны СССР, Военно-технического совета МО, и др. Война шла с переменным успехом. Решающая битва произошла в июле 1969 г. в Крыму, на бывшей даче Сталина близ Ялты, где состоялось заседание Совета обороны. Именно генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу пришлось ставить заключительную точку в этой затянувшейся «войне» и самому принимать ответственный решение о путях развития советских стратегических сил. Поскольку самостоятельно принимать ответственные решения Л.И. Брежнев никогда не любил, то не мог при этом скрыть своего недовольства всеми участниками «гражданской войны», включая МО, минобщемаш и ВПК. Тем не менее, подводя итоги заседанию, советский лидер сказал: «...Необходимо предусмотреть значительное повышение защищенности существующих ракетных стартов, чтобы обеспечивался гарантированный ответный удар, и новое поколение ракет должно обязательно создаваться с РГЧ с индивидуальным наведением боеголовок на цели. Необходимо также начать разработку железнодорожного ракетного комплекса» (94).

Таким образом, высшее партийное руководство страны полностью приняло точку зрения ЦНИИмаша и его союзников. Удалось избежать изнурительной гонки стратегических оборонительных вооружений; удалось не допустить принятия предлагавшейся военными крайне опасной стратегии ответно-встречного удара. Правда, принятое решение было не оптимальным: повышая точность попадания своих боеголовок, американцы могли бы полностью свести на нет колоссальные советские затраты на укрепление ракетных шахт. Но, в любом случае, это была лучшая альтернатива тому, что предлагали Челомей и «челомеевцы».

В.Н. Челомей пытался было вести арьергардные бои (заседание Совета обороны в середине 1972 г.), но это уже была агония: ему пришлось смириться и с необходимостью укрепления шахтных пусковых установок для ракет РС-10, и с необходимостью разработки в его КБ МБР с РГЧ ИН. В итоге 2 сентября 1969 г. вышло правительственное постановление о разработке сразу трех МБР — «тяжелой» Р-36М (будущая РС-20) с десятью боеголовками и двух «легких» МР-УР-100 (РС-17) и УР-100Н (РС-19), оснащенных, соответственно, четырьмя и шестью боевыми блоками (95).

Никакого смысла в создании сразу двух «легких» МБР, разумеется, не было: нужно было вознаградить «победителей», но нельзя было обижать и «побежденных» в «малой гражданской войне». Расплачиваться же за необъятные аппетиты советского военно-промышленного комплекса (и нежелание брежневского руководства эти аппетиты обуздать) приходилось, в конечном итоге, советской экономике.

Как бы то ни было, итоги «малой гражданской войны» показали: к концу 1960-х гг. советское руководство пришло к пониманию того, что победоносный первый ядерный удар — невозможен, и необходимо ориентироваться на такие решения в сфере военной подготовки, которые гарантировали бы укрепление стратегической стабильности. Выше было показано, что американская сторона приблизительно в то же время пришла к аналогичным выводам. Возникли, таким образом, условия для продуктивного советско-американского диалога по ограничению стратегических вооружений.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКИЙ СОЮЗ

Итоги, противоположные желаемым

«Холодная война» возникла благодаря американскому решению не повторять ошибки 1919 года, не уходить из внешнего мира, из Восточного полушария, откуда пришли две мировые войны. На этот раз этот лозунг имел свои привлекательные для американского капитала черты и пользовался известной популярностью в деловых и политических кругах страны. Но он предполагал не просто присутствие в нескольких критически важных районах, но и контроль над происходящими в них процессами. Взять на себя ответственность за порядок в этих районах означало, как минимум, следующее: собственные американские представления о порядке в мире возводились в абсолют; проблемы данных регионов рассматривались с меркой их соответствия американским интересам.

После победы над военными противниками в Европе и Азии следовало обеспечить контроль над территорией поверженных врагов, предвоенных конкурентов, достичь доминирования в лагере «западных демократий», противопоставить друг другу СССР и Китай. Новый президент воспринял эти цели и привнес свои методы в их достижение. Его восприятие мира зиждилось на том, что у всех международных кризисов есть вполне определенный источник — СССР, неуправляемая и непредсказуемая страна. Второй «кит» внешнеполитического кредо Г. Трумэна — абсолютная уверенность в том, что все мировые и региональные процессы имеют прямое отношение к Америке и могут получить из ее рук справедливое решение. Находясь на перекрестке двух дорог — либо продолжение союза пяти стран — главных участников антигитлеровской коалиции, при котором США пришлось бы считаться с мнением и интересами своих партнеров, либо безусловное главенство как минимум над тремя из них (Великобританией, Францией, Китаем), Г. Трумэн без долгих колебаний избрал второй путь, обещавший ему эффективное руководство западным миром и дававший надежду на то, что силовое преобладание Запада склонит к подчинению обескровленный войной Восток.

В июле 1948 г. президент Трумэн направил в Европу стратегические бомбардировщики Б-29. 13 сентября он сказал министру обороны Форрестолу, что «использует атомное оружие, если это станет необходимым». Через три дня Трумэн одобрил доклад Совета национальной безопасности, согласно которому США были готовы «использовать быстро и эффективно все имеющиеся средства, включая атомные вооружения в интересах национальной безопасности».

В мае 1948 г. Объединенный комитет начальников штабов утвердил Объединенный чрезвычайный военный план «Полумесяц», предусматривавший «мощное воздушное нападение, назначение которого — использование разрушительной и психологической мощи атомного оружия против жизненно важных центров советского военного производства».

В процессах 1945 — 1948 годов США как бы осваиваются в послевоенном мире. Они спокойны за будущее своей глобальной зоны влияния: их безусловная ядерная монополия и производственные мощности являлись залогом успеха в начавшейся «холодной войне». В эти годы не было заметно стремления к блокостроительству, США надеялись осуществить необходимые военно-политические планы собственными силами. В 1948 — 1952 годах наступает вторая фаза. Во-первых, одних экономических рычагов для поддержания имперского статуса оказалось недостаточно; во-вторых, в этот период ослабевает значимость ядерного оружия как «абсолютного». В 1949 г. атомное оружие создает Советский Союз, в 1953 — Англия, в 1960 — Франция, в 1964 г. — КНР. Монополия оказалась недолговечной как и безусловное превосходство в носителях стратегического оружия. К началу 1950 гг. советская дальняя авиация стала насчитывать 1700 самолетов в составе трех армий — две в европейской части СССР, а одна во Владивостоке — оснащенных внушительными бомбардировщиками Ту-4.

В-третьих, собственных военных сил для «наведения порядка» в мире оказалось недостаточно. В поисках выхода из создавшегося положения США приступают к созданию Североатлантического блока и заключению союза с Японией.

Шансы на выживание увеличивало наличие союзников. Вскоре после полудня 17 марта 1948 г. президент взшел на трибуну объединенной сессии конгресса. «Со времени окончания военных действий Советский Союз и его агенты сокрушили независимость и демократический характер целой группы стран в Восточной и Центральной Европе. Эти безжалостные действия угрожают и оставшимся свободным нациям Европы, что делает ситуацию в Европе критической... В истории бывают периоды, когда важнее действовать, чем колебаться». Президент Трумэн выразил интерес Америки в создании военного союза Запада. Три условия создания такого союза: принятие «плана Маршала», введение всеобщего военного обучения, выборочный призыв в армию.

Подписание Брюссельского договора пятью странами Западной Европы было встречено в американских верхах в высшей мере сочувственно. Почему? Да потому, что при мощи США, их ядерной монополии, их военных и экономических позициях в Западной Европе им уже не приходилось опасаться западноевропейской военной группировки. Соединенные Штаты интересовали возможные масштабы помощи со стороны этой группировки в их «холодной войне». Объединенный комитет начальников штабов весной 1948 г. предложил заключить военный союз со странами Брюссельского договора и создать единое центральное командование во главе с американским военачальником. Комитет заявил, что «граница между Западной и Восточной Германиями на Эльбе является американской границей». Так, все пространство западнее Эльбы автоматически объявлялось подконтрольным США. Экономическому освоению этого фактического протектората должен был содействовать «план Маршалла», а военному — создание единой с Брюссельским пактом военной системы.

31 марта Форрестол спрашивал, как быстро можно будет вывести на боевые позиции бомбардировщики «Б-29»? «Бизнес уик» опубликовал статью «Экономические последствия третьей мировой войны». Воинственные круги в администрации США добились своих целей: «план Маршала» был принят конгрессом в апреле, а необходимые финансовые вливания — в июне. В том же месяце Трумэн ввел всеобщую военную обязанность. Военные расходы выросли заметным способом — на 3,46 млрд. долл.

Аналитические центры

Авиация получала все больше средств для создания специальной «группы 70». Пропаганда рисовала страшные картины создания могущественной советской авиации. Русские уже обошли американцев в истребительной авиации. Более всех боялся «успокоения со временем» министр обороны Форрестол. 29 мая 1948 г. он предупреждает Маршала от «опасной самоуспокоенности в стране». (Именно в это время коллеги начинают замечать странности в поведении Форрестола — опущенный в стакан с питьевой водой палец и т. п.). Начиная с этой осени в нем развиваются

процессы, которые, в конечном счете привели его к нервному срыву и самоубийству.

Между тем авиационная промышленность Америки давала примечательные результаты, базируясь на удвоенном (после чехословацкого кризиса) военном бюджете. Производство военной реактивной авиации тоже почти удвоилось — беспрецедентный рост в мирное время. Помимо прочего, авиационные генералы финансировали аналитические работы, став своего рода спонсором превращающейся в индустрию аналитической исследовательской работы. В университетах и колледжах создавались центры стратегического анализа и советологии. Самым примечательным стал «Проект РЭНД» в калифорнийской Санта-Монике. Начиная с заказов «Дуглас Эйркрафт» в 1945 г. РЭНД превратился в грандиозный аналитический центр. Новое явление: военные и гражданские специалисты стали сотрудничать в осмыслении стратегического баланса и в анализе отдельных ситуаций наступившей «холодной войны».

Американская военная машина начинает «седлать» науку. В финансовом 1949 г. на исследования и разработки рождающегося военно-промышленного комплекса США уходило больше, чем в не столь далеком 1937 г. на все военное ведомство. Военные расходы составили десять процентов валового национального продукта США (они увеличатся до 22 процентов в период между 1948 и 1956 годами — и это при колоссально растущем общем ВНП).

В созданной, буквально предвоенной обстановке конгресс США принимал все новые и новые военные программы. Хэнсом Болдуин, председатель исследовательской группы Совета по внешним сношениям, назвал весенний кризис 1948 г. «Вашингтонским кризисом». Но подлинный кризис, окончательно разваливший антигитлеровскую коалицию и поставивший ее участников в положение военных антагонистов, разразился в конце июня 1948 г.

Североатлантический союз

Приход «холодной войны» на десятилетия был невозможен без создания западного военного блока. Это был новый для Америки опыт. Помощь оказали европейские союзники. В декабре 1947 г. Бевин зондировал возможности создания единой западной военной системы. Постоянный заместитель министра иностранных дел Британии Орме Сарджент 2 января 1948 г. адресовал премьеру Эттли следующее: «Прогресс в экономической сфере не может сам по себе остановить русскую опасность. Мы должны стремиться сформировать систему, которую поддержали бы Америка и Доминионы... Со временем она включила бы в себя Испанию и Германию, без которых западная система не полна». Этот документ предсказывал, что русские самым резким образом будут противостоять «плану Маршала».

В середине января 1948 г. американцы уже полностью поддержали эту идею. Но Вашингтон хотел, чтобы западноевропейские правительства первыми выразили желание создать военный союз с Америкой. Главной задачей американцев было убедиться, что воздаваемый союз направлен против России, а не против Германии. События в Чехословакии подстегнули сторонников создания военного блока. Первой фазой военного блокирования было подписание Брюссельского пакта пятью западноевропейскими странами — Британией, Францией, Бельгией, Голландией и Люксембургом. Согласовывалась единая военная система, атака на одну страну означала нападение на всех. Но — важно — единственным потенциальным противником называлась Германия. Между 22 марта и 1 апреля американцы, канадцы и англичане в глубокой тайне обсуждали идею трансатлантического блока. (Тайна не сбавлялась, так как одним из участников переговоров был Дональд Маклин, передававший все сведения советской разведке. Ясно, что советское руководство твердо знало, что его недавние союзники в самой жестокой из войн готовятся создать огромный военный союз, вся сила которого была направлена на СССР). Не безумием ли было думать, что опустошенный безъядерный Советский Союз готовится к удару против богатейших и сильнейших стран Земли? Москва не знала как справиться с Болгарией и Венгрией, могла ли она, будучи в здравом уме рассчитывать на управление всем Западом, владевшим ойкуменой с шестнадцатого века?

Напомним, что создание Североатлантического союза, крупнейшего и наиболее важного в

«холодной войне», происходило в два этапа. На первом этапе США поддержали формирование западноевропейской военной группировки — подписание в 1948 г. Брюссельского пакта Англией, Францией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом.

Ловетт с Ванденбергом работали весной 1948 г. в самом тесном контакте, готовя проект резолюции конгресса, который открыл бы дорогу американскому участию в региональном военном блоке. Эта резолюция была принята конгрессом США 11 июня 1948 г., открывая дорогу созданию Организации Североатлантического договора и участию в ней Соединенных Штатов.

Впервые после 1778 г. — после союза с Францией, Соединенные Штаты оказались готовыми пожертвовать частью своего суверенитета и стать частью мирового баланса ради мирового могущества. В мире возникала биполярная система. Америка уже начинала полномасштабную программу вооружения.

Трезвые головы были одиноки. Лучший журналист — Уолтер Липпман писал: «Мы повторим главную ошибку могущественных стран — приходя к убеждению, что сила является заменой дипломатии, а абсолютная сила обеспечивает абсолютную безопасность».

В июле 1948 г. в Вашингтоне начались переговоры относительно создания западного военного блока. И это несмотря на то, что Кеннан, Болен и прочие известные специалисты по СССР вовсе не били в барабан и не предсказывали «танковой волны с Востока», не указывали на советскую угрозу, на которую нужно немедленно отвечать. Представляет или нет собой Россия военную угрозу — в ответе на этот вопрос царило смятение. Многие абсолютно не верили в советское наступление, но считали необходимым привязать Соединенные штаты к европейскому балансу сил.

Кеннан доказывал всем и всякому, что «у Советского союза нет плана захвата Европы». Кеннан считал ошибочной всю в целом инициативу по созданию НАТО. Задействованность на военные проблемы — при отсутствии военной угрозы — способна создать именно эту угрозу. А Болен указывал на то, что Советский Союз нигде не перешел линию, названную на Западе «железным занавесом». Россия как страна «в опасной для себя степени перенапряглась ... Советские войска в Германии, хотя и многочисленные, не смотрятся способными на убедительное движение по Европе в западном направлении». Болен говорил о том, становится возможным верить в будущее. Специалистов слушали тогда, когда это было нужно. На данном этапе они были отставлены. Теперь на всех склонных к пацифизму в США смотрели с подозрением.

В конце октября 1948 г. пять стран-членов Брюссельского договора пригласили Соединенные Штаты и Канаду начать переговоры о создании Североатлантического пакта. На этот раз Кеннан бился отчаянно. Теперь он видел в СССР страну, пораженную страшными проблемами, едва выходящую на тропу выживания. Она строила более достойное будущее для себя, а не мировую революцию. Он видел ее осторожность, это не был ослепленный яростью агрессор. Он решительно отказывался придавать политическому противостоянию военное измерение. Создание Пакта вызовет гонку вооружений, неизбежно приведет к милитаризации противостояния с Советским Союзом. Для Кеннана это был тяжелый период; степень его убедительности, его влияния резко ослабевает. В государственном департаменте на него смотрят уже не как на носителя высшей мудрости, а как на постоянного раздражителя. Происходит своеобразная самоизоляция прежнего пророка. Создав в стране антикоммунистический консенсус, Кеннан начинает видеть все его пороки.

В сентябре 1948 г. проблема Берлинского кризиса была передана в Совет Безопасности Организации Объединенных наций. Фактически это означало политическую смерть столь любимой Кремлем системы «четырёхстороннего контроля» над Германией. Все: Великий Союз 1941-1945 годов опустился на исторические глубины. Премьер-министр Канады Маккензи Кинг сказал, что произошло нечто важное, под прошлым проведена черта. Наступила «холодная война». Вперед выходило неслыханное ожесточение, основанное на противостоянии двух блоков.

В октябре 1948 г. посол США в СССР Уолтер Беделл Смит говорил в Вашингтоне:

«Долгосрочные советские цели достаточно ясны — сокрушение капиталистической системы... они полагают, что эта цель может быть достигнута только политическим путем в результате ужасающих конфликтов, которые приведут к краху ту или иную систему... Мы приблизились к военному столкновению». Президент Трумэн заносит в дневник 13 сентября 1948 г.: «Ужасный день. Берлин — смешение всего». Президент описывает беседы с Форрестолом, Саймингтоном, генералами Ванденбергом и Бредли. «Они давали мне информацию о базах, бомбах, Москве, Ленинграде и пр. У меня было ужасное чувство, что мы близки к войне».

И все же «холодная война» была просто огромным наваждением. Даже сейчас, в ее пик, посол США в СССР пишет о своем мнении, что «в Кремле не верят, что мы применим мощь во всем объеме до пределов всемасштабного нападения, равно как и мы сомневаемся в том, что русские пойдут таким путем». Отныне многие десятилетия США и СССР будут жить с этим «ужасным чувством», в обстановке «взаимного гарантированного уничтожения».

Избирательные урны ноября 1948 г. сокрушили всякую оппозицию агрессивному курсу Гарри Трумэна. Прогрессивная партия «еретика» — Генри Уоллеса фактически потеряла национальное влияние. Берлинский кризис подкосил все попытки республиканского кандидата Томаса Дьюи обрушиться на внешнеполитический курс Трумэна. «Очевидно, что Берлинский кризис стал сильнейшим пунктом в программе Трумэна 1948 г. Подобно тому, как события в Чехословакии в феврале позволили Трумэну ликвидировать Уоллеса, советская блокада Берлина помогла Трумэну заблокировать любые попытки Дьюи обрушиться на всю его политику сдерживания. ... Вместо урона от критики республиканцев, Трумэн заново овладел общественной поддержкой во время Берлинской блокады».

Стратегия второго срока президента Трумэна

Победа Г. Трумэна на выборах 1948 г. обеспечила преемственность в осуществлении общей американской стратегии «холодной войны». Вместе с тем окрепшее, почувствовавшее свою силу окружение Г. Трумэна начало развивать идеи, выработанные во время первого срока его президентства. Выступая во время инаугурации, президент выделил четыре главные цели внешней политики США на ближайшие четыре года. Первые две цели — поддержка всемирной организации — ООН (которая в то время имела послушное США большинство и часто выглядела почти как американское внешнеполитическое орудие), а также продолжение оказания «экономической помощи» западному миру. Третья цель — овладение контролем над освобождающимися от колониального владычества молодыми государствами, четвертая была обращена к зоне развитого мира — она была определена как «заключение общего соглашения, направленного на укрепление безопасности североатлантической зоны, обеспечение несомненных доказательств общей решимости свободных стран противостоять вооруженному нападению из любого района». Речь шла о создании военного блока, который включал бы в себя все крупные развитые капиталистические страны и обеспечивал бы американское лидерство в важнейшем районе — Северной Атлантике.

На текущем, втором этапе администрация Г. Трумэна начала интенсивные консультации с послами стран, подписавших Брюссельский договор, о расширении западноевропейского пакта и включении в него таких далеких стран, как США и Канада.

Происходил беспрецедентный размах военного строительства за пределами США. Объединенный комитет начальников штабов предлагал увеличение американского военного контингента в Западной Европе с 12 до 80 дивизий. Армию подобного масштаба США имели лишь к концу второй мировой войны.

Перед подписанием договора о создании Североатлантического Союза (НАТО) администрации Трумэна предстояло преодолеть значительную оппозицию внутри страны — на протяжении 150 лет правительство США придерживалось традиции не заключать военных союзов со странами других континентов в мирное время. Во-вторых, курс на модернизацию и милитаризацию Западной Европы вел в конечном своем развитии к возрождению могущества

Германии, той страны, которая развязала в XX веке две мировые войны. В-третьих, создание военного блока означало для американского общества, американских налогоплательщиков новое бремя, которое несла с собой гонка вооружений.

Столкнулись старые страхи и новые опасения. «Традиционалисты» указывали на мудрость прощального послания Дж. Вашингтона, предостерегавшего против «союзов». Некоторых пугала та цена, в которую обходилась начавшаяся «холодная война», стоимость военных расходов, а также политическая плата за это полномасштабное вовлечение Америки в европейские дела. А что потом, где пределы? Если США признали состояние дел в Европе «жизненно важным» для национальных интересов США, то где та граница, за которой кончаются эти «жизненно важные» интересы? Распространяются ли полицейские функции США на весь мир? Если нет, то на какие его регионы? До каких пределов готова Америка рисковать, угрожая военным вмешательством? Картина была неясна для всех, включая сторонников политики блоков и самых влиятельных ее критиков.

У противников тесного военного союза с Западной Европой было немало вопросов к сторонникам курса на такой союз. Нельзя ли ограничиться «планом Маршалла»? Зачем закреплять раскол западной и восточной частей Европы? Нельзя ли яснее определить смысл военных гарантий, военной вовлеченности США в сугубо европейские цели? Ведь есть же единственная в мире атомная мощь США — нужны ли дополнительные, размещенные в Западной Европе дивизии?

Наиболее откровенным выразителем этих опасений стал сенат США. Ряд сенаторов из оппозиционной республиканской партии, наиболее видными из которых были Тафт и Лодж, возглавили лагерь критиков официального курса. Сенатор Тафт публично усомнился в целесообразности «холодной войны» —противостояния Советскому Союзу в регионах, отдаленных на десятки тысяч километров от США и в то же время непосредственно соприкасающихся с советскими границами. Сенатор Лодж желал знать, последует ли за НАТО создание новых проамериканских блоков в «холодной войне». Зачем нужно создавать региональные блоки, если существует ООН, и США почти доминируют в СБ ООН международной организации, имея поддержку большинства в Генеральной Ассамблее?

На помощь воителям «холодной войны» пришли правые республиканцы-интервенционисты. В июне 1948 года ведущий оратор республиканцев по внешнеполитическим вопросам сенатор А. Ванденберг внес в конгрессе США резолюцию, поощряющую «прогрессирующее развитие региональных и других коллективных соглашений», рассчитанных на укрепление военной мощи США. Эта резолюция была принята сенатом 11 июня 1948 г. 64 голосами против.

В конечном счете создание блока НАТО было поддержано в США тремя политическими силами — военными, госдепартаментом, лидерами республиканской партии. Первых и вторых олицетворял генерал армии Дж. Маршалл, перешедший с поста председателя объединенного комитета начальников штабов на пост главы госдепартамента. Профессиональных дипломатов представлял Р. Ловетт, бывший юрист с Уолл-Стрита (возглавлявший госдепартамент в качестве первого заместителя госсекретаря в периоды отсутствия Дж. Маршалла). А. Ванденберг, председатель комиссии по иностранным делам сената, обеспечил поддержку политике блоков со стороны законодателей. Сенатор Коннэли прямо заявил: «Атлантический пакт является логическим продолжением принципов „доктрины Монро“».

На решающей стадии строительства НАТО, в начале 1949 г., обсуждались в основном три вопроса: 1) должен ли будущий договор касаться лишь военных проблем, если он будет иметь политическое значение, то какова будет его степень; 2) какие страны должны войти в проектируемый военный союз; 3) каковы должны быть обязательства стран-участниц. Главным «призом» «холодной войны» была Западная Европа. А. Гарриман утверждал, что, если в Западной Европе победят идеи нейтрализма, то произойдет ее переориентация на Советский Союз. Приверженцы идеи создания атлантического блока давали обещание ограничить действие договора двадцатью годами, не пренебрегали дезинформацией, шли на различные уловки и

победили. Сенат проголосовал за ратификацию Североатлантического договора 84 голосами против 13. Америка порвала с полуторавековой традицией, заключила военный союз в мирное время, устремила свои военные ресурсы в регион, расположенный по другую сторону Атлантики. День подписания президентом Г. Трумэнem Североатлантического договора, 4 апреля 1949 г., — веха в истории американской внешней политики, знаменующая собой признание и закрепление доминирования США в капиталистическом мире.

С подписанием Североатлантического договора США — лидер западного лагеря в «холодной войне» легально, юридически взяли на себя функции охранителей существующего порядка в Западной Европе и во всех зависящих от нее частях света. Западноевропейские метрополии еще владели в 1949 г. административным контролем над Африкой и половиной Азии, над третью земной суши. Их подчиненная роль в НАТО давала Соединенным Штатам ключи к доминированию не только в Западной Европе, но и на обширных пространствах бывших колоний западноевропейских союзников. От Бельгийского Конго до французского Индокитая появилась новая сила, охраняющая тот порядок вещей, который устраивал США.

Членство Италии, затем Греции и Турции выводило НАТО за пределы Северной Атлантики. Участие в блоке фашистского режима Салазара никак не соответствовало официальной цели союза — «защите демократии». «Союз равных» — это было бессмысленное определение, поскольку США ни в какой форме не намеревались уступать свои позиции главенствующей державы. Обещание не вооружать Западную Германию оказалось грубым обманом: прошло всего лишь несколько лет, и началось деятельное создание бундесвера.

Военное строительство

Создавая Атлантический союз, Соединенные Штаты формировали зону угрозы на самом стратегически важном для безопасности СССР направлении. Стратегическое военно-воздушное командование США находилось в самой середине процесса массового строительства бомбардировщиков. В феврале 1949 г. бомбардировщик нового типа совершил полет вокруг земли.

Американский атомный арсенал увеличился до 298 бомб к июню 1950 г., до 438 бомб в 1951 г.; 832 бомбы в 1952 г., 1161 бомба в 1953 г. К декабрю 1948 г. численность самолетов, способных нести атомные бомбы, возросла до 60, а к июню 1950 г. — до 250. К концу 1953 г. их численность достигла 1000 единиц.

15 июля 1948 г. Совет национальной безопасности принял решение о посылке двух групп бомбардировщиков B-29 — 60 самолетов (самолеты этого класса бомбили Хиросиму и Нагасаки) для размещения в Англии. Министр обороны США Дж. Форрестол в своих дневниках пишет о трех целях, которые преследовала отправка американских самолетов B-29 в Англию. Во-первых, американской общественности хотели показать, «насколько серьезно правительство оценивает текущий ход событий». Во-вторых, эта операция должна была «приучить англичан» к присутствию на их земле американских военно-воздушных сил. Третья цель — приучить и всю Западную Европу к американскому военно-воздушному присутствию.

Советские газеты не писали о бомбардировщиках B-29, но это не значит, что в Кремле и генштабе не думали о них. Советское посольство летом 1948 г. выразило официальный протест по поводу опубликованной в журнале «Ньюсуик» статьи начальника штаба командования стратегической авиации США, который открыто писал о планах атомного удара по советским городам.

Итак, первым из непосредственных последствий создания НАТО было размещение в Европе американских бомбардировщиков — носителей атомных бомб. Вторым — перевооружение Западной Германии. В кратчайший срок, за шесть недель сентября — октября 1949 г., отдел операций и планирования американской армии разработал программу перевооружения Западной Германии, а объединенный комитет начальников штабов одобрил ее. Закрепление США в Западной Европе с 1947 (провозглашение «доктрины Трумэна») до 1952 г.

(завершение «плана Маршалла» и создание интегрированной военной системы НАТО) — первостепенное по значимости мероприятие в «холодной войне». Военная зависимость от США навязывалась Западной Европе как гарантия от несуществующей «угрозы с Востока».

На заседании Совета национальной безопасности 31 января 1950 г. президент Трумэн спросил присутствующих: «Могут ли русские создать водородную бомбу?» На этот раз скепсису места не было, присутствующие закивали головами. А адмирал Сауэрс сказал: «У нас не так много времени». Трумэн: «В этом случае у нас нет выбора. Нужно быстро двинуться вперед».

Каким был советский ответ? А на острове Городомля в Калининской области советские и немецкие ученые в 1946 г. изучали Фау-1 и Фау-2. В апреле 1947 г. Сталин потребовал создать ракету, способную достичь Соединенные Штаты. «Представляете ли вы стратегическую важность машин такого типа? Они могли бы стать эффективной смирительной рубашкой для этого шумливого лавочника Гарри Трумэна. Проблема создания трансатлантических ракет является крайне важной для нас». Ракета Р-1 была принята на вооружение Советской Армии. Системы наведения новой ракеты — Р-2 была значительно точнее, а радиус действия вдвое превосходил Р-1. Примечательно, что Сталин вызвал Королева на совещание совместно с Курчатовым. В Капустинном Яре шли новые и новые испытания. Р-3 уже была рассчитана (1947 г.) на дальность 3000 км. Встал вопрос о межконтинентальной баллистической ракете.

На советской стороне шли поиски подходящего авиационного мотора, и после того как Туполев мотор Микулина удовлетворительным, был создан бомбардировщик Ту-16, развивавший скорость до 1000 км/час атомные бомбы до трех тысяч килограммов на дистанцию 5750 км.

Что касается берлинского кризиса, то Сталин вечером 2 августа 1948 г. принял послов трех великих западных стран и пытался объяснить, что ограничительные меры были предприняты для защиты экономики в советской зоне оккупации после денежной реформы в западных секторах Берлина. Советская сторона усложнила допуск в Западный Берлин с очевидной целью затормозить создание могущественного германского государства. В реальности результат оказался противоположным. Конституция Западной Германии была завершена в феврале 1949 г. и была принята в мае. Американская сторона оказала огромное позитивное воздействие на экономическое возрождение прежних врагов — Германии и Японии — чего никак не было сделано в отношении прежнего союзника — России.

В конечном счете блокада была снята 5 мая 1949 г., когда было подписано четырехстороннее соглашение по Берлину. Так окончился первый ядерный кризис. Советская противовоздушная оборона стала отдельным родом войск. А в июле-августе 1949 г. Москву посетила китайская делегация во главе с Лю Шаоци.

Летом работы над советской атомной бомбой вошли в заключительную фазу. На реке Иртыш, в 140 км от Семипалатинска был построен городок Семипалатинск-21, ныне Курчатов. «Изделие» поместили на башне высотой 30 метров. Все оборудование было изготовлено в Институте химической физики. Курчатов прибыл на место испытаний в мае. Из Москвы прибыл Берия. В 2 часа ночи бомбу выкатили к лифту. Наблюдали с двух мест: 15 км к северу и 15 км к югу.

На командном пункте Курчатов, Харитон, Берия, Щелкин, Первухин, Флеров, Завенягин заняли свои места. Курчатов отдал приказ о взрыве. Все остальные процессы шли в автоматическом режиме. Харитон закрыл дверь. Затем все вышли наружу, чтобы наблюдать за поднимающимся грибом. Вспыхнул непереносимо яркий свет. Харитон, у которого был репрессирован отец и жила в Германии мать, сказал: «Мы почувствовали облегчение, даже счастье — ведь овладев таким оружием, мы лишали возможности применить его против СССР безнаказанно».

Посетив эпицентр, Курчатов вернулся в гостиницу и от руки написал отчет. 29 октября 1949 г. Сталин подписал секретное постановление Совета Министров, награждая участников проекта. Впервые за тысячу лет Россия обеспечила свою безопасность.

3 сентября 1949 г. американский бомбардировщик Б-29, патрулируя северо-западные

подходы к СССР, на высоте 6 тыс. метров над Северным ледовитым океаном, обнаружил в пробах воздуха большую чем обычно радиацию. На следующей недели повторные пробы показали значительное увеличение радиации над всем североевропейским регионом. Не осталось сомнения в том, что советский Союз испытал атомное устройство в последних числах августа. Испытание атомного оружия было произведено гораздо раньше, чем предполагали в США. Глава ЦРУ Хилленкотер убеждал президента Трумэна, что «невероятно ранний срок» — середина 1950 г., а более реалистичский — 1953 г. Но 23 сентября 1949 г. президент Трумэн объявил, что имеется «доказательство того, что в течение последних недель в СССР произошел атомный взрыв».

Неофициального советского объявления не последовало. Почему? Курчатов разяснял это так: «Единственный путь защитить нашу страну — это наверстать упущенное время и незаметно для внешнего мира создать достаточного масштаба атомное производство. А если у нас об этом развоняют, то США так ускорят работу, что нам уж их не догнать». Стратегическое уравнение драматически изменилось.

Да, именно тогда миллионы американцев наверное подумали, что переговоры могли дать более обнадеживающие результаты. Но все решающая элита и тогда полагала, что истинные переговоры невозможны, а компромисс эфемерен. Что делать? В октябре Трумэн приказал расширить производство атомных бомб. В конце января 1950 г. президент Трумэн отдал приказ приступить к разработке и созданию «водородной сверхбомбы» и носителей к ней.

Окончился четырехлетний период американской атомной монополии. Начиная с августа 1949 г. Америка жила уже в другом мире. Отметим следующее обстоятельство. До создания Советским Союзом атомного оружия у США не было стимулов для разрешения спорных международных проблем мирным путем (противники должны были иметь в виду наличие у США последнего силового аргумента — атомного оружия). Тем самым были нарушены основы традиционной дипломатической практики. Попросту говоря, Соединенные Штаты устраивало только одно: принятие противоположной стороной американских условий. Такое ненормальное положение не могло сохраняться вечно. Превращение СССР в атомную державу означало, что с этого времени при решении мировых проблем США должны были думать о компромиссе, а не только о силовом давлении.

Создание в СССР атомного оружия оказало отрезвляющее воздействие на правящие круги США. На протяжении всего периода существования США до второй мировой войны океаны обеспечивали практическую неуязвимость Америки. До середины XX века ни разу не ставился в конкретной плоскости вопрос о возможности фронтовых действий на североамериканском континенте. Многие поколения американских политиков выросли и жили в атмосфере стратегической неуязвимости США. Безудержная экспансия первых четырех лет после окончания второй мировой войны, безнаказанность США определялись атомной монополией и неуязвимостью. После 1949 г. впервые американские политики были вынуждены привыкать к тому, что они не могут действовать безоглядно, безапелляционно, решительно отказываться учитывать интересы других государств на международной арене.

Хрущев вспоминает, что «Америка имела атомные бомбы, в то время как мы только теперь разработали их механизм и имели незначительное число готовых бомб. При Сталине мы так и не имели средств их доставки. Мы не имели бомбардировщиков большой дальности, способных достичь Соединенных Штатов, не имели мы и ракет большой дальности. Все что мы имели — ракеты малой дальности. Эта ситуация угнетала Сталина. Он понимал, что должен быть осторожен, чтобы не быть втянутым в войну».

Из сказанного, однако, не следует, что правящие круги США немедленно сделали необходимые выводы. Но уже 17 октября 1949 г. сенатор Макмагон, председатель Объединенного комитета конгресса по атомной энергии, заявил, что «существует причина опасаться того, что Советский Союз придает разработке термоядерной сверхбомбы высший приоритет. Если он получит такую бомбу раньше нас, то фатальные последствия очевидны». (Многие исследователи отказались участвовать в этом проекте, считая водородную бомбу

безусловным орудием геноцида). Нобелевские лауреаты Ферми и Раби предложили потребовать от СССР не создавать водородного оружия, если его не будут конструировать США. Но 31 января 1950 г. решение о разработке водородного оружия было принято.

К сожалению, начиная с 1949 г. в Вашингтоне возобладало представление о том, что систему взаимоотношений с Советским Союзом можно изменить в желательном для США направлении за счет ускорения технического прогресса в военной области, за счет технических новшеств, за счет разработки более передовых и сложных систем оружия. Ложная в своей основе посылка привела к невиданной гонке ядерных вооружений. Была поставлена задача создать водородное оружие. Правда, некоторые это решение признали впоследствии ошибочным. Так, советник по национальной безопасности при президенте Дж. Кеннеди М. Банди полагал, что лучшим курсом для США в 1949 г. было бы попытаться договориться о запрете на водородное оружие (что начиная с 1946 г. предлагал СССР). США пошли не по пути исключения атомного оружия (раз уж оно появилось за пределами США) из сферы международных отношений, а по пути создания невероятно дорогих и сложных систем ядерного оружия в слепой надежде на то, что для других стран технические сложности создания таких систем окажутся непреодолимыми. То, что технические решения при наличии соответствующего потенциала и желания могут быть повторены в другой стране, — это соображение было отброшено в Вашингтоне, где предпочли принимать желаемое за действительное, а не признать суровые реальности ядерного века.

При этом современные американские историки откровенно признают, что «именно Соединенные Штаты угрожали Советскому Союзу».

Ввиду того, что заморские базы стали играть более важную роль в американской стратегии, советские бомбардировщики начали ориентироваться на них. Во время встреч с советскими конструкторами в 1950 г. Сталин настаивает на создании межконтинентального турбореактивного бомбардировщика. Туполев создает бомбардировщик Ту-95 (натовское название «Медведь»), который нес 11 тонн бомб. Практически одновременно Мясисев в Филях под Москвой создает Мя-4 (натовская классификация «Бизон») с дальностью 9 тыс. км. — значительно меньше желаемых Сталиным 16 тысяч км. Вперед вышли ракеты. Р-3 уже могла нести атомную бомбу. Королев начинает разрабатывать межконтинентальную баллистическую ракету с дальностью 5-10 тысяч км. Такой — первой в мире МБР стала ракета Р-7.

Но самым важным стал проект, разработка которого началась весной 1950 г., когда группа физиков во главе с академиком Таммом переехала из Москвы в Арзамас-16. Первая советская водородная бомба была абсолютно оригинальным проектом. Летом 1953 г. на полигоне под Семипалатинском была построена 30-метровая башня, а внизу — километровая линия метро. Наблюдательный пост отодвинули на 20 км. С огромной территории убрали население. Ответственным за испытания был снова Курчатов. Берия в июне 1953 г. заменил в качестве главы проекта Малышев.

Участник событий описывает взрыв водородной бомбы 12 августа 1953 г. «Интенсивность света была такой, что пришлось надеть темные очки. Земля содрогнулась под нами, а в лицо ударил тугой, крепкий как удар хлыста, звук раскатистого взрыва. От толчка ударной волны трудно было устоять на ногах. Облако пыли поднялось на высоту до 8 км. Вершина атомного гриба достигла уровня 12 км... День сменился ночью. В воздух поднялись тысячи тонн пыли. Громада медленно уходила за горизонт».

Мощность взрыва была примерно в 20 раз больше, чем у первой советской атомной бомбы. В отличие от схожей американской бомбы «Майк» ее уже можно было транспортировать. Использованный в ней дейтерид лития американцы использовали только в 1954 г. На пленуме ЦК КПСС Завенягин сказал: «В свое время американцы создали атомную бомбу, взорвали ее. Через некоторое время при помощи наших ученых, нашей промышленности, под руководством нашего правительства мы ликвидировали эту монополию атомной бомбы США. Американцы увидели, что преимущества потеряны и по распоряжению Трумэна начали работу по водородной бомбе. Наш народ и наша страна не лыком шиты, мы тоже взяли за это дело, и, насколько можем судить, мы думаем, что не отстали от американцев... Важнейшее событие в мировой

политике».

В качестве носителя нового оружия была названа в конце 1953 г. королевская ракета Р-7. (Хрущев в мемуарах: «Мы, члены Политбюро, просто остолбенели, как бараны, уставившиеся на новые ворота»). А к делу производства стратегического оружия в эти годы подключаются компьютеры. Бомбардировщики Ту-16 теперь являлись надежными носителями нового оружия, мощность которого уже доходила до трех мегатонн. По американским оценкам в середине 1953 г. Советский Союз имел около 100 атомных бомб. Новый полигон для атомных испытаний был построен на Новой Земле. Был создан закрытый город Челябинск-70 для производства ядерного оружия. Началось массовое производство бомбардировщиков Ту-16. Ракета Р-5 с дальностью полета более 1000 км была первой, названной «стратегической». Вокруг Москвы начиная с 1954 г. создали кольцо из 3000 противоракет Р-113.

Китай

В ходе поисков оптимальной стратегии «холодной войны» преобладающей в Вашингтоне стала следующая точка зрения. Сосредоточить всю американскую мощь для поддержки чанкайшистского Китая значило бы потенциально ослабить американские позиции в Европе. При этом китайская ситуация была столь запутанной, что достижение успеха представлялось далеко не гарантированным. И предпочтение было отдано Европе. «Стоимость наших общих усилий по приостановлению и уничтожению коммунистических сил в Китае невозможно определить, — указывал Маршалл. — Но представляется ясным, что огромный масштаб задачи и возможная стоимость ее выполнения не будут соответствовать достигнутому результату». Предпочтение, отданное Европе, определило отношение к Китаю. В Европу пошли миллиарды, в Китай — миллионы. Чанкайшистскому Китаю было выделено 400 млн. долл. (столько же, сколько получили по «плану Трумэна» Греция и Турция).

Маршалл в качестве посла США при чанкайшистском режиме пробыл в Китае год — потерянный год. Как и предсказывал Маршалл, коммунисты неизбежно нанесут удар с севера. Так и случилось. В апреле 1949 г. миллионная армия вырвалась из-за Янцзы и обрушилась на южные провинции. Отныне Чан Кайши был обречен. Генерал Макартур написал в журнале «Лайф» статью под названием «Падение Китая угрожает Америке». В стране началась подлинная истерия: кто потерял Китай? 4 августа 1949 г. президент Трумэн присутствовал на инаугурации огромного тома, изданного государственным департаментом: «Отношения Соединенных Штатов с Китаем: особое внимание к периоду 1944-1949». На тысяче страниц этого тома делалась попытка объяснить причины поражения американской дипломатии в Китае. Ведь помощь Чан Кайши превысила 2 млрд. долл. только после победы над Японией. Все это были деньги и вооружение, направленные на возобладание Чан Кайши над китайскими коммунистами. «Но контроль над исходом гражданской войны в Китае не принадлежал Соединенным Штатам», — писал в предисловии Дин Ачесон. Не все были согласны с этим выводом.

Победа революции в 1949 г. и выход Китая из-под американского контроля нанесла мощный удар по позициям США в «холодной войне». Реакция правящих кругов США на это напоминала реакцию на создание в СССР атомного оружия: кто виноват, кто допустил? Имперская психология в США взошла уже на такие высоты, стала столь всеобъемлющим общенациональным явлением, что на вопрос, почему США не могут осуществлять влияние в Польше и почему они потеряли влияние в Китае, ответ был однозначным: из-за ошибок, некомпетентности, а то и злого умысла тех, кто представляет внешнеполитическое ведомство, из-за скарденности законодателей, недодавших нескольких миллиардов чанкайшистам, из-за «спячки» в Пентагоне. Атмосфера поддержки глобальной экспансии стала в США таковой, что в Вашингтоне не возникал вопрос о том, а могли ли США в принципе контролировать события в той же Польше и Китае, был ли контроль над этими странами возможен для США вообще? До конца 60-х годов, до вьетнамского фиаско, этот подход — «если постараться, то все возможно»

— господствовал в американской столице.

Численность ядерного оружия в Соединенных Штатах увеличилась с 832 единиц в 1952 г. до 1161 единицы в 1953 г., 1630 — в 1954 г и до 2280 в 1955 г. Основными носителями начиная с лета 1955 г. стали бомбардировщики Б-52.

Стратегические каноны

Вторая половина 1949 г. привела американское руководство в ступор: потеря Китая, бомба у русских, дело Алджера Хисса (обвиненного в шпионаже в пользу СССР), измена Клауса Фукса. Журнал «Лайф» опубликовал буквально паническую статью о соотношении сил между СССР и США. Советская армия — 2,6 млн. человек, американская — 0,64 млн. человек. Тридцать бронетанковых дивизий русских против одной американской. США производят 1200 новых самолетов в год, а СССР — 7000. США превосходят по военно-морским силам, но СССР более могущественен здесь, чем Германия в пике войны. США тратят на военные цели 6 процентов своего ВВП, а русские — 25 процентов.

Существенным было советское стратегическое представление. Сталин был уверен, что Германия и Япония довольно быстро восстановят свою военную мощь и система международных отношений вернется к тем, что существовали между двумя мировыми войнами. Следовательно, СССР должен стремиться к отражению мощного наступления. Скорее всего это случится лет через 20. Атомное оружие Сталин считал мощным и важным, но не меняющим все на свете.

Вскоре после провозглашения «доктрины Трумэна» Н. Новиков прибыл в Москву для обсуждения сложившегося положения, и он вспоминает. Молотов: «Президент пытается запугать нас, одним махом превратить в послушных пай-мальчиков. А мы и ус себе не дуем. На сессии Совета мы твердо гнем свою принципиальную линию».

Американская стратегическая схема. Чтобы в условиях усложнившейся международной обстановки скорректировать внешнеполитическую стратегию, президент Г. Трумэн 30 января 1950 г. потребовал от государственного департамента и министерства обороны «сделать общий обзор, осуществить общую оценку внешней и военной политики США в свете потери Китая, овладения Советами атомной энергией и перспектив создания водородной бомбы». После более чем трехмесячной аналитической работы доклад лег на стол президента. В совете национальной безопасности он получил наименование СНБ-68. Он был представлен президенту 7 апреля 1950 г. Этот важный документ американской внешнеполитической стратегии, патроном которого был Дин Ачесон, требует внимательного рассмотрения.

Преамбула не давала места гибкости. «Советский Союз, в отличие от прежних претендентов на гегемонию, воодушевлен новой фанатичной верой, противоположной нашей и желает овладеть абсолютной властью над остальным миром».

В нем перечислены четыре возможных варианта курса внешней политики США в будущем. Первый — продолжение в общих чертах политики 1945 — 1950 годов. Второй — агрессивный курс, предполагавший превентивную войну против СССР. Третий рекомендовал свертывание заокеанских баз и обязательств, возвращение в Западное полушарие, проведение политики укрепления Северной и Южной Америки, некий вариант создания обособленной «крепости Америка». Четвертый предлагал развитие военного потенциала США и союзных капиталистических стран, подключение возможностей союзников к наращиваемому американскому арсеналу.

Авторы доклада скептически относились к действиям по прежнему образу и подобию (первый вариант). С их точки зрения, он не смог препятствовать созданию атомного оружия в СССР и победе китайской революции; продолжение прежней политики низвело бы США с доминирующих позиций на второстепенные. Второй вариант — наиболее непредсказуемый по последствиям — был трудноосуществимым. Превентивная война против СССР таила большие неожиданности, особенно в условиях наличия у СССР собственного ядерного оружия. Третий

вариант был неприемлем для сторонников активного ведения «холодной войны». Сдача всех заокеанских позиций не казалась привлекательной для тех, кто всерьез рассматривал вариант ведения превентивной войны против Советского Союза, для тех, кто желал воспользоваться ослаблением западноевропейских метрополий и стремился к закреплению США в Азии и Африке. Вся логика рассуждений авторов СНБ-68 вела к выводу о приемлемости лишь четвертого варианта.

Это — курс на быстрое увеличение стратегической мощи США параллельно с укреплением военного потенциала главных союзников. В конечном счете он стал генеральным направлением американской внешней политики с 1950 г. и до конца 60-х годов. Творцы СНБ-68 выступили за долгосрочную программу американского вооружения (в ходе которой США должны были оставить СССР в «холодной войне» далеко позади), за помощь союзным державам повсюду в мире, за усилия по более жесткому контролю над мировым развитием, дабы избежать провалов, подобных китайскому. По существу этот документ впервые в практике американской внешней политики без обиняков и оговорок обосновывал полицейские функции США повсюду в мире. Именно СНБ-68 нес в себе зародыш будущих войн в Корее и Вьетнаме, двух крупнейших войн того периода, когда США попытались возглавить западный мир.

Как один из основополагающих документов послевоенной внешней политики США СНБ-68 был значительным «шагом вперед» по сравнению с «доктриной Трумэна». В нем не признавалось иных географических границ, кроме границы Восток — Запад. Самое опасное в этом документе — нарочитое изображение мира в черно-белых тонах. «Наша политика и действия должны вызвать коренные изменения в характере советской системы», — говорилось в нем. Такая примитивизация сложной, многообразной, многоплановой ситуации в мире была весьма опасна. Колоссальные ресурсы Америки ставились на защиту существующего порядка; любая перемена регионального масштаба, — будь то изменение ориентации одной из «периферийных» стран, отказ от предоставления американцам баз или просто политические колебания в правительстве какой-либо далекой страны, — воспринималась сугубо в контексте американо-советского противоборства, как победа или поражение той или иной стороны. При такой постановке вопроса любое изменение в мире могло привести в действие силы, способные стать носителями общего ядерного конфликта. Возникал соблазн все мировые перемены объяснить подрывной деятельностью врагов Америки, посягающих на ее мировое влияние. Задачей США стало ни более ни менее, как предотвращение перемен в мире. Такой курс неизбежно влек за собой приведение в действие вооруженных сил США в ситуациях, не только крайне далеких от защиты национальных американских интересов, но и вовсе не имеющих к этим интересам отношения.

В документе указывалось, что Соединенные Штаты при их богатстве могут позволить себе расходы на военные нужды в размере 20% валового национального продукта страны, то есть 50 млрд. долл. Нелегко было заставить американского налогоплательщика заплатить такую немислимую для мирного времени сумму. Документ СНБ-68 предрекал, что к 1954 г. Советский Союз создаст ядерные силы, достаточные для уничтожения США. Указывалось, что впереди Америку ждет «неограниченный период напряженности и опасности», предотвращение которых потребует от американцев осуществления «смелой и массивной программы». Лишь такое напряжение усилий могло поставить США в «политический и материальный центр, в то время как другие свободные нации будут вращаться на разных орбитах вокруг них». Такая откровенная постановка вопроса ликвидировала все идеалистические мотивы, всю риторику американской пропаганды, и поэтому президент Г. Трумэн определил документ как сугубо секретный. Позже в мемуарах он писал, что СНБ-68 «означал огромные военные усилия в мирное время. Он предусматривал удвоение или утроение бюджета, значительное увеличение налогов, введение различного рода контрольных мер. Он означал огромную перемену в нашем обычном образе действий в мирное время».

Чтобы привести в действие программы глобальной активизации и мирового контроля, зафиксированные в меморандуме СНБ-68, американской администрации срочно требовалось

обострение международной обстановки. Только в условиях кризиса можно было преодолеть оппозицию внутри страны, заставить конгресс раскошелиться, свести на нет силу антиимпериалистических элементов американского общества. Как писал американский исследователь С. Амброуз, «в июне 1950 г. президент Трумэн отчаянно нуждался в кризисе, который позволил бы доказать американскому народу, что он (президент. — А. У.) и демократическая партия вовсе не „мягки“ по отношению к коммунизму, что они готовы к распространению сдерживания на Азию, к укреплению позиции Чан Кайши на Тайване, сохранению американских баз в Японии и, главное, готовы перевооружить Америку и НАТО».

В июне 1950 г. Г. Трумэн принял решение большой важности. По существу началась реализация меморандума СНБ-68. 7-му флоту США был отдан приказ занять позицию в проливе, отделяющем Тайвань от материка. Это означало, что Соединенные Штаты при определенном повороте событий готовы принять вооруженное участие в Китае на стороне чанкайшистов.

Одновременно президент США официально дал обещание предоставить помощь контрреволюционным силам на Филиппинах и в Индокитае. Оплотом американского влияния на азиатском континенте была Южная Корея, целиком зависимая от Соединенных Штатов. Объединение Кореи было приемлемо для США только в виде перехода Северной Кореи под юрисдикцию южнокорейского режима. На выборах весной 1950 г. сторонники Ли Сын Мана получили 48 из 120 мест в южнокорейском парламенте. Тем не менее США, презрев волю южнокорейцев, полностью поддержали Ли Сын Мана — им нужен был покорный режим.

Будь администрация Г. Трумэна хоть отчасти последовательной в соблюдении буржуазно-демократических принципов, она должна была бы неизбежно прийти к выводу, что в Китае и в Корее она оказалась связанной с политически обреченными фигурами. Но в условиях значительного расширения сферы внешнего влияния, провозглашенного в меморандуме СНБ-68, имперского психоза внутри страны трезвый подход, предполагающий компромисс, с учетом всех обстоятельств стал рассматриваться как отступление, как предательство (так он маккартистами и назывался). Чувствуя твердую американскую поддержку, их сателлиты в Сеуле заняли жесткую позицию в вопросе об объединении страны. В начавшихся боевых действиях в июне 1950 г. они твердо рассчитывали на помощь Вашингтона. Для правых в США нужен был полигон силовой дипломатии. Без начала войны в Корее, утверждал один из помощников Д. Ачесона, осуществление идей СНБ-68 было бы крайне сложным. Возникшее в связи с корейской войной обострение положения на Дальнем Востоке превращало имперские планы из мечтаний экстремистов в конкретную внешнеполитическую повестку дня.

Идея глобальной вовлеченности лучше всего выражена в следующей фразе СНБ-68: США должны быть готовы «встретить любой новый вызов быстро и без колебаний». При этом географические рамки этого вызова не оговаривались, что и подразумевало его глобальность. И превращение ее в своеобразный плацдарм новой внешнеполитической стратегии Вашингтона.

На этот раз Джордж Кеннан полагал, что американская элита позабыла о достоинствах переговорного процесса. Он очень опасался невиданной гонки вооружений и милитаризации внешней политики. Попросту говоря, Кеннан уже не верил, что Советский союз представляет собой военную угрозу Западу. В дневнике он пишет: «Проще и безопаснее проигнорировать все попытки анализа процессов которыми охвачен твой противник, легче „нагрузить“ его всеми агрессивными замыслами, даже тогда, когда эти замыслы противоречат друг другу. Анализируя международные проблемы, Америка нуждается в скромности». Но в Вашингтоне это был уже не Кеннан 1946 г., когда его влияние было едва ли не безграничным.

СНБ-68 был одобрен президентом Трумэном в апреле 1950 г. Президент передал его помощнику по национальной безопасности Роберту Мэрфи. Весь следующий день тот, не пойдя на работу, читал эту директиву. Которая его напугала. «Я сидел дома и читал этот меморандум снова и снова, задавая себе вопрос, как отнесется к нему весь мир? Утверждалось, что мы должны больше расходовать на оборону и резко усилить наши военные позиции».

Корейская война

С провозглашением Китайской народной республики «холодная война» пришла в Азию. Победа коммунистов в Китае усилила антикоммунистов в США. Ачесон предвидел эту «атаку примитивов», но поделать ничего не мог. Выступая в январе 1950 г. в Национальном клубе печати, Дин Ачесон, поименовывая союзников США в зоне Тихого океана даже не назвал Корею. Последние американские войска ушли из Южной Кореи. Тумэну сообщили о наступлении войск КНР по пути в Вашингтон. Заместитель государственного секретаря Дин Раск напомнил присутствующим в Белом доме, что войска США на протяжении пяти лет оккупировали Южную Корею и должны нести за нее определенную ответственность. Если коммунисты захватят всю страну, то это будет кинжал, направленный на Японию. 29 июня президент Трумэн сказал, что «мы находимся в состоянии войны». Наступающих северокорейских войск было, по американским оценкам, 90 тысяч человек, южнокорейцев — 25 тысяч, американцев — 10 тысяч. Но уже в первой декаде июля американский главнокомандующий макартур запросил 30 тыс. американских войск. Конгресс выделил на военные нужды 48,2 млрд. долл. на следующий финансовый год.

После начала военных действий на Корейском полуострове президент США заявил о распространении действия «доктрины Трумэна» на тихоокеанскую зону. В официальном заявлении правительство Соединенных Штатов сообщило, что готово вооруженными силами «предотвратить любое распространение коммунизма» в Азии». Американское правительство объявило о расширении военной помощи своему французскому союзнику, стремившемуся подавить войну за национальное освобождение в Индокитае, о предоставлении военной помощи реакционному правительству Филиппин, боровшемуся с демократическим движением Хукбалахап. 7-й американский флот получил приказ «предотвратить любое нападение на Тайвань» (то было по существу прямым вмешательством США в гражданскую войну в Китае). Что касается войны в Корее, президент США объявил, что он «приказал воздушным и морским силам осуществить прикрытие войск (южно) корейского правительства и оказать им помощь».

Уже через два дня после приказа Г. Трумэна о бомбежке северокорейских объектов в Вашингтоне стало ясно, что «стерильные» методы абсолютно неэффективны. 30 июня 1950 г. был отдан приказ послать в Корею американские войска, расположенные на Японских островах. Началась подготовка к созданию корпуса вторжения и в самих США. При этом громогласные заявления о союзнических обязательствах, коллективизме, консультациях и т. п. оказались фикцией. Вашингтон принимал все главные решения без каких бы то ни было консультаций с союзниками и даже без их оповещения. Там, где США попытались прикрыться именем международных организаций, их лицемерие обнажилось сразу же. Американский главнокомандующий генерал Д. Макартур значился как «командующий войсками Объединенных Наций», однако он никогда не получал никаких приказов, кроме приказов Объединенного комитета начальников штабов США, и не знал никакого контроля, кроме того, который исходил из Вашингтона. Даже формальные донесения в ООН, по собственному признанию Д. Макарура, подвергались цензуре госдепартамента и министерства обороны США.

Соединенные Штаты поставили половину из воевавших против КНДР вооруженных сил (т. е. больше, чем собственная армия южнокорейского режима и контингенты западных союзников), 80% военно-морских, 90% военно-воздушных сил. Весьма беспардонное обращение США с Организацией Объединенных Наций достигло своего апогея, когда военное командование увидело возможность нанести северокорейским войскам серьезный удар. До 17 августа 1950 г. представители США в ООН говорили лишь о помощи южнокорейскому режиму. В этот же день американский представитель У. Остин открыто заявил, что США распространяют свое «политическое планирование» не только на южную, но и на северную часть Корейского полуострова. Из Вашингтона генералу Макаруру было приказано двигаться вперед до тех пор, пока, «по вашему мнению, действия сил, находящихся ныне под вашим командованием, дают основания верить в возможность успеха». Учитывая солидарность СССР и КНР с КНДР, можно

сказать, что это была санкция на действия, чреватые весьма серьезными последствиями.

Какую цель преследовали США в Корее? Трумэн заявил 4 октября 1952 г.: «Мы сражаемся в Корее для того, чтобы нам не пришлось воевать в Уичите, в Чикаго, в Новом Орлеане или в бухте Сан-Франциско». Так получал грандиозное распространение миф о тотальной «коммунистической угрозе».

Фантастичность американских умозаключений не нуждается в комментариях. Это был первый случай, когда глобальное распространение политического влияния и сопутствующих политических обязательств США вызвало необходимость в крупномасштабных военных действиях. США пошли на такой шаг, они показали готовность заплатить высокую цену за беспрецедентное расширение зоны своего влияния. В Корее же на самом деле шла гражданская война за объединение Кореи и коммунистическое прикрытие было необходимо Ким Ир Сёну для того, чтобы заручиться помощью СССР и КНР.

В конце 1950 г. китайские войска силою 260 тысяч перешли реку Ялу и вошли в Северную Корею. Война стала приобретать мировые пропорции. Государственный секретарь Ачесон сказал, что «мы не можем нанести китайцам поражение в Корее. Они могут выставить больше солдат, чем мы». В Америке задумались, а что будет, если на помощь корейцам и китайцам придут русские? «За пределами всего, о чем мы думали, стоял советский Союз. „Весьма отрезвляющее соображение“. Угроза большой войны была ближе, чем когда-либо.

Нижайшей для американцев точкой была по-видимому середина декабря 1950 г. Генерал Маршал назвал это время «нижайшей точкой». 15 марта 1951 г. американцы снова вошли в то, что осталось от Сеула.

Американское правительство не предполагало, что цена поддержки их южнокорейского сателлита будет столь огромной. Быть может, в Вашингтоне вначале верили в несложную для американцев операцию, сводящуюся по существу к массированной бомбежке. За такие ошибки США были наказаны жестоким образом. Первоначально внутри страны не вызвало массовой оппозиции вмешательство американских вооруженных сил в дела государства, столь отдаленного от американских берегов. Имперская психология, самонадеянная уверенность в праве устанавливать порядок по собственному разумению стали к началу 50-х годов характерной чертой американской национальной действительности. В век торжества идеи национального суверенитета США встали на пути революции, расплачиваясь за это жертвами в Корее, а потом во Вьетнаме.

Корейская война стала своеобразным рубежом в жизни американского общества. На волне имперского угара, считая свою победу в Корее обеспеченной, Соединенные Штаты ранней осенью 1950 г. приняли решение об укреплении своих позиций повсеместно. 12 сентября 1950 г. государственный секретарь США Д. Ачесон поразил английского и французского послов предложением создать западногерманскую армию в составе 10 дивизий». Громкие протесты двух главных союзников по НАТО были напрасны. США демонстративно послали в Европу четыре свои дивизии, подвергли союзников массированному политическому давлению с целью интеграции их сил под американским командованием. В декабре 1950 г. главнокомандующим объединенных натовских сил в Европе стал американский генерал Д. Эйзенхауэр.

Однако вопреки ожиданиям идеологов и стратегов «холодной войны» конфликт в Корее не принес быстрого успеха. Китайская сторона дала понять, что не потерпит американского военного присутствия на реке Ялу, служащей границей между КНР и КНДР. Были сделаны предложения о начале мирных переговоров. Делегация КНР прибыла в Нью-Йорк 24 ноября 1950 г. для того, чтобы дипломатическим путем предотвратить конфликт. Если бы США стремились к компромиссному решению проблемы, они не должны были упускать такую возможность. Но США не желали возвращаться к «миру равных». Вашингтон сделал ставку не на переговоры, а на силовое решение. Утром 24 ноября, генерал Макартур начал генеральное наступление против северокорейских войск.

Англия и Франция открыто выразили возмущение. Французское правительство обвинило Вашингтон в том, что Макартур «начал наступление в указанный час с целью сорвать

переговоры». Английский журнал «Нью стейтсмен» указал, что Макартур «действовал вопреки всякому здравому смыслу». Делегация КНР покинула Нью-Йорк.

Китайское руководство однозначно было поставлено перед выбором — либо отступить перед американской вседозволенностью, либо оказать помощь попавшему в беду соседу. Корейской Народно-Демократической Республике была оказана как политическая, так и военная помощь, что полностью изменило военную ситуацию. Из атакующей силы войска Макаргура превратились в отступающую на юг лавину. С тех пор больше никогда уже в Вашингтоне с официальных трибун не говорили об освобождении столиц «находящихся за железным занавесом держав». В декабре 1950 г. была продемонстрирована ограниченность американской мощи. На пресс-конференции 30 ноября 1950 г. американский президент призвал к всемирной мобилизации против коммунизма. Он заявил, что генералу Макаргуру могут быть даны полномочия использовать атомное оружие.

Предельно напуганные союзники пытались удержать США от опасного шага. Английский премьер-министр Эттли в декабре 1950 г. прибыл в Вашингтон, требуя от президента Трумэна, госсекретаря Ачесона и только что назначенного министра обороны Маршалла гарантий того, что слепая ярость, авантюризм или уязвленная гордость Вашингтона не приведут к применению американскими вооруженными силами атомного оружия. Американская сторона в переговорах с англичанами привела рассуждение, позднее названное «теорией домино». Если американцы уйдут из Кореи, уверял президент Трумэн, «тогда следующими на очереди будут Индокитай, затем Гонконг, потом Малайя». К. Эттли буквально умолял американских руководителей переключиться на более позитивную политику в Азии. Ничто не может быть опаснее, говорил он, чем отчуждение азиатских государств от Запада. На это Д. Ачесон отвечал, что «ослабление Соединенных Штатов было бы определено более опасным явлением». США стремились решить вопрос о своем влиянии в освобождавшихся от колониального ига районах отличным от западноевропейских метрополий путем, даже иногда противостоя им.

Согласно мнению Д. Ачесона, посылка американских войск в Корею «вывела рекомендации меморандума СНБ-68 из сферы теории». Эта война превратила его выводы в цифры военного бюджета, который уже в 1953 г. достиг 52,6 млрд. долл., что было значительным ростом по сравнению с 17,7 млрд. долл. в 1950 г. Расширение американской военной мощи было внушительным: значительно возросла армия; создано тактическое ядерное оружие; еще четыре армейских дивизии были развернуты в Европе (теперь их там насчитывалось шесть); был создан новый реактивный бомбардировщик Б-52; осуществлен взрыв ядерного устройства в октябре 1952 г.; в 1954 г. была испытана водородная «супербомба». Соединенные Штаты увеличили свое заокеанское присутствие — они получили базы в Южной Аравии, Марокко и договорились об их создании в фашистской Испании, начали проводить в жизнь планы по перевооружению Западной Германии. В 1951 г. США, Австралия и Новая Зеландия образовали блок АНЗЮС. Были резко расширены тайные операции ЦРУ.

Паранойя «холодной войны» заставила Соединенные Штаты ранней осенью 1950 г. принять решение об укреплении своих позиций повсеместно. 12 сентября 1950 г. государственный секретарь США Д. Ачесон поразил английского и французского послов предложением создать западногерманскую армию в составе 10 дивизий. Громкие протесты двух главных союзников по НАТО были напрасны. США демонстративно послали в Европу четыре свои дивизии, подвергли союзников массированному политическому давлению с целью интеграции их сил под американским командованием. В декабре 1950 г. главнокомандующим объединенных натовских сил в Европе стал американский генерал Д. Эйзенхауэр.

«Холодная война» пришла на грань подлинному конфликту. Согласно чрезвычайному военному плану, утвержденному Объединенным комитетом начальников штабов в октябре 1950 г., стратегические воздушные операции против СССР планировались на шестой день после начала войны. Тяжелые бомбардировщики с базы в штате Мэн сбросят 20 бомб на район Москва-Горький и вернутся в Англию; средние бомбардировщики, базируясь на Лабрадоре, нанесут удар по району Ленинграда 12 бомбами; средние бомбардировщики с английских баз

пролетят над побережьем Средиземного моря и, сбросив 52 бомбы на промышленные районы Поволжья и Донецкого бассейна, вернутся на ливийские и египетские аэродромы; средние бомбардировщики с Азорских островов сбросят 15 бомб в районе Кавказа и приземлятся в Саудовской Аравии. Бомбардировщики с Гуама доставят 15 бомб, предназначенных для Владивостока и Иркутска.

Мир встал на грань самоубийственного ядерного конфликта.

Особенностью развернутой президентом Трумэн «холодной войны», было отсутствие четких установок в отношении того, насколько далеко пойдет Америка, отстаивая свои интересы. По существу, в ходе наступления генерала Макартура на север от 38-й параллели США оказались перед выбором, либо быть последовательными в реализации своего курса, либо отступить, опасаясь катастрофических последствий. После весьма мучительных колебаний администрация Г. Трумэна решила повернуть вспять. В Корее американцев ждали жертвы, невиданных масштабов, но и они были бы невелики по сравнению с потерями, которые могли бы понести Соединенные Штаты, если бы было принято предложение генерала Макартура о переходе «к открытым действиям» против Китая и России. В качестве первоочередной задачи Макартур провозгласил «воссоединение Кореи», затем — возвращение Чан Кайши на континент. Вот его мнение: «Здесь, в Азии, коммунистические заговорщики решили сделать ставку на победу в мировом масштабе... Здесь мы ведем борьбу военными средствами, в то время как дипломаты воюют лишь при помощи слов».

Одним из первых, кто «пришел в ужас» от перевода абстрактных схем в конкретную плоскость, был политический обозреватель У. Липпман: если политика, предлагаемая Д. Макартуром, будет воплощена в жизнь, «то американское правительство ввергнет себя в фантастически сложное положение, связав вопрос о поражении красного Китая в Корее с вопросом об их выживании. Режимы не ведут переговоров о собственном выживании. Подобные вопросы решаются лишь в результате тотальной победы». На эти предложения генерал Брэдли, председатель Объединенного комитета начальников штабов, ответил, что распространение войны на Китай означало бы ведение «не той войны, не в то время, не в том месте, против не того врага». В начале апреля 1951 г. президент Трумэн отверг предложения Макартура о глобализации конфликта. Макартур был отстранен от командования американскими войсками в Корее.

В конце июня 1951 г. заместитель министра иностранных дел Яков Малик предложил начать мирные переговоры. 10 июля 1951 г. Соединенные Штаты начали переговоры по вопросу о перемирии в Корее.

Не следует недооценивать значения корейского урока для поведения США в «холодной войне». Под его воздействием определилось общее направление американской политики в мире на ближайшие годы: осуществлять продвижение в глобальных масштабах, допускать конфликты в периферийных зонах, но избегать прямого столкновения с СССР; окружить Советский Союз кольцом своих сателлитов, разместить на их территории базы и воинские контингенты; избегать прямых переговоров с СССР и КНР; игнорировать мнение союзников, укрепить американское главенство в блоках. В начале 50-х годов США приступили к созданию огромного военного потенциала как ядерных, так и обычных вооружений. Именно с тех лет началось военное строительство, ритм которого не ослабевает и в XXI в. Страна, никогда не имевшая крупной армии в мирное время, создала огромную армию и глобальную ядерную стратегию.

Колоссальная трагедия «холодной войны» подошла к самоубийственному финалу». Две противостоящие друг другу силы получили возможность ответного удара. Противоположный американскому могуществу полюс был создан отказом Советского Союза и ряд восточноевропейских стран войти в зону американского влияния, созданием Советским Союзом собственного атомного оружия, образованием КНР. Теперь США встретили противостояние одновременно на двух фронтах — западноевропейском и азиатском. При всей грандиозности американских ресурсов удержание и расширение зон влияния одновременно в Западной Европе и Китае было сверхзадачей, требовавшей невероятного напряжения сил, огромной концентрации

мощи на двух чрезвычайно удаленных друг от друга направлениях.

Чем стала Америка в ходе этих преобразований? Редактор мемуаров Дж. Форрестола У. Миллис так оценивает итоги деятельности Трумэнской администрации: она оставила после себя «колоссально раздутый военный истеблишмент, несоизмеримый ни с чем, что мы имели в мирное время... Администрация Трумэна вызвала к жизни огромную и, очевидно, навсегда созданную военную индустрию, теперь целиком зависящую от правительственных контрактов. Министерство обороны стало, бесспорно, величайшей индустриальной корпорацией в мире; огромные военные корпорации, такие как „Дженерал моторс“, „Дюпон“, лидирующие авиационные концерны заняли монопольные позиции, которые, по-видимому, подняли новые вопросы юридического и конституционного устройства государства». Принципы «изоляции» были окончательно похоронены.

«Холодная война» имела глубокие последствия для американского общества. Американский историк А. Шлезингер справедливо указал, что своими действиями во время корейской войны президент Трумэн «драматически и в опасной степени расширил сферу полномочий будущих президентов, их возможность вовлекать нацию в большие войны». Дипломатия Трумэна — Ачесона требовала от граждан готовности к жертвам во имя «высших интересов страны». Но кто мог точно определить эти интересы? Если «холодная война» была все же войной, то почему же не производилась мобилизация? Если же «холодная война» не была войной, то чем оправдывать нагнетание ненависти и страха в отношении Советского Союза? Если атеистический Советский Союз был непримиримо враждебен христианскому миру, то почему же это всполошило, скажем, не Ватикан в первую очередь?

Самую высокую цену за истерию «холодной войны», пожалуй, пришлось заплатить американской интеллигенции, для которой период маккартизма, совпавший с годами устремившегося вверх американского влияния, стал временем молчания, годами моральной и интеллектуальной деградации.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ Д. ЭЙЗЕНХАУЭРА

Глобальный риск

Период 1953 — 1960 годов был временем, когда структурно оформленное противостояние антагонистов «холодной войны» достигло стадии почти непримиримого противоборства. США наращивали военный потенциал и укрепляли уже имеющиеся структуры — НАТО, американско-японский договор. СССР крепил дисциплину организации Варшавского договора, укрепляя при этом стратегические силы страны.

Лишь опираясь на это относительное внутреннее согласие, американское руководство могло планировать те или иные международные комбинации, обеспечивающие укрепление мощи Америки. В рассматриваемый период еще только зарождалась (Уильям Уильямс, 1961) ревизионистская историческая литература, которая обретет убедительность и влияние через 10 лет, способствуя порождению сомнений в верности курса конфронтации с СССР.

Генерал Д. Эйзенхауэр баллотировался на пост президента США, опасаясь, что этот пост займет «изоляционист» — сенатор Тафт. Некогда один из столпов «великой коалиции», Д. Эйзенхауэр в качестве главнокомандующего войсками НАТО в Европе (с февраля 1951 г.) непосредственно участвовал в утверждении «холодной войны» в Европе. Он надеялся заменить подорванную западноевропейскую мощь американской на периферии, на огромных территориях западноевропейских колоний, вступивших в борьбу за независимость, ставшей частью «холодной войны». Эйзенхауэра в политике администрации Г. Трумэна не устраивала лишь расточительность, жертвы, понесенные в Корее, огромные непроизводительные материальные траты, ослаблявшие американскую метрополию. Главой государственного департамента был

назначен кумир правых республиканцев — Джон Фостер Даллес, обещавший изменить течение «холодной войны» в пользу США при меньших людских и материальных затратах. Эйзенхауэру и Даллесу претила «любая мысль о возвращении в пределы наших границ, это безусловно повело бы к катастрофе для США» (из письма Эйзенхауэра Даллесу 20 июня 1952 г.).

Во время предвыборной кампании 1952 г. Д. Эйзенхауэр неизменно вторгался в зону влияния СССР, обещая миллионам американцев восточноевропейского происхождения распространить принципы западной демократии на территорию Восточной Европы, было обещано «освобождение поработенных народов». Позитивным фактором в «холодной войне» было обещание прекратить войну в Корее, стабилизировать военный бюджет, быть более осмотрительным и избегать авантюры в далеких регионах.

В инаугурационной речи Эйзенхауэр сказал 20 января 1953 г.: «Воспринимая защиту свободы, как и саму свободу, в качестве единого и неделимого понятия, мы с одинаковым вниманием и уважением относимся ко всем континентам и народам". Новоизбранный президент спешил сообщить всему миру, что не оставит никого своим вниманием — он обещал не останавливаться на достигнутых результатах и продолжать проникновение во все новые области „политического вакуума“. Элите было определено и твердо сказано, что всякие идеи о сокращении обязательств, об определении ограниченной зоны влияния, о возвращении к концепции „крепость Америка“ являются химерой и диаметрально противоположны курсу, которым намеревался идти первый президент-республиканец после 20 лет пребывания на этом посту демократов.

На государственного секретаря Джона Фостера Даллеса глубокое впечатление произвела мысль известного английского историка А. Тойнби о том, что без наличия внешней угрозы цивилизации клонятся к упадку и умирают. Во время первого же телевизионного выступления государственный секретарь показал карту, на которой от Восточной Европы на западе до Камчатки на востоке и Вьетнама на юге очертил территорию «открытых врагов Америки». Пик «холодной войны»: «Соединенные Штаты не могут быть пассивным созерцателем того, как варвары захватывают и бесчестят колыбель нашей христианской цивилизации»,

При этом Даллес признавал: «При проведении наших программ через конгресс мы должны демонстрировать очевидность международной коммунистической угрозы. В противном случае наши программы будут урезаны». Без указаний на внешнюю угрозу, союзники «могли прийти к мнению, что опасность позади и поэтому нет необходимости продолжать тратить большие суммы на оборону... Страх делает задачу дипломатов легче». Эйзенхауэр, проводя политику «холодной войны», опасался, что основная масса американского населения считает неправомочными расходы, которые несет с собой «холодная война». При любом удобном случае президент Эйзенхауэр доказывал, что назад пути нет, что от доминирования, от лидерства не отказываются, что история не простит, если американцы упустят свой шанс на лидерство в «хаотическом» мире.

«Холодная война» требовала осознанной стратегии на ближайшие годы. С этой целью летом 1953 г. была проведена серия встреч стратегов и идеологов республиканцев в «соляриуме» Белого дома. Специально созданные группы специалистов разработали четыре варианта политики США в отношении СССР и внешнего мира в целом. Первая группа, которую возглавил Дж. Кеннан, моделировала продолжение стратегии «сдерживания» примерно в том варианте, в котором его осуществляла администрация Г. Трумэна, то есть создание военных блоков, применение силы в кризисных ситуациях уже на ранней стадии, отказ от диалога с нарочито обозначенными противниками. Вторая группа предлагала такой вариант «сдерживания», при котором Соединенные Штаты не оставляли «белых пятен», туманных неясностей и самым четким образом проводили границу своего влияния в мире с одновременным уведомлением всех, кого это интересует, что нарушение этих границ будет наказано вплоть до применения ядерного оружия.

Третья группа прорабатывала вариант «освобождения», то есть расширения пределов американского влияния за счет подрыва, ослабления и свержения правительств в Восточной

Европе и Азии. Здесь речь шла о выборе и сочетании средств психологической войны, экономических санкций, политических инициатив и прямых подрывных действий с целью вернуть вышедшие из-под влияния страны. Четвертая альтернатива, получившая минимальное внимание, предлагала переговоры с СССР, поиски путей договоренности, возможности компромисса. Группе, которая разрабатывала этот вариант, указали на то, что время в данном случае работает против Америки. США могли рассчитывать, указывал Дж. Ф. Даллес, на гарантированное преобладание над СССР в стратегической сфере лишь на протяжении ближайших двух лет. Избранная в результате сравнения проектов и предложений линия поведения США в мире получила название «Нью лук» (новый взгляд). Она представляла собой своеобразный гибрид первых трех вариантов. В конечном счете участники обсуждения в «соляриуме» пришли к подтверждению базовых принципов меморандума СНБ-68 с некоторыми модификациями.

Развивая идеи меморандума СНБ-68, администрация Эйзенхауэра определила наиболее значимые глобальные интересы США: сохранение лидирующего экономического положения США (1) и обеспечение экономических интересов американской промышленности во всем огромном внешнем мире (2). «Новый взгляд» отражал стремление сочетать два элемента: сохранение мирового контроля и проведение «более здравой» бюджетной политики. То есть мировая империя при меньших расходах. На эйзенхауэровскую концепцию «холодной войны» воздействовали, с одной стороны, традиционная политическая философия республиканской партии, а с другой — корейская война. Философия республиканизма учила, что нужно, прежде всего поддерживать порядок дома (что понималось как отход от расточительности, от неоправданно раздутых бюджетных расходов демократов). Корейская война учила, что наземные сражения в Азии отличаются от прежнего, преимущественно европейского, опыта США. В частности, роль выигрыша пространства и значение коммуникаций здесь резко отличались от хрестоматийных представлений американских военных, воспитанных на опыте двух мировых войн.

При Эйзенхауэре бюджет министерства обороны был немислимо огромным для Америки мирного времени, но все же его рост не был столь большим, как при Г. Трумэне. Он увеличился за восемь лет пребывания республиканцев в Белом доме с 40,2 млрд. долл. в 1953/54 фин. году до 47,4 млрд. долл. в 1960/61 фин. году (что означало уменьшение доли военных расходов в валовом национальном продукте с 12,8% в 1953/54 фин. году до 9,1% в 1960/61 фин. году). Доля военных расходов в общих доходах федерального правительства также уменьшилась — с 65,7% в 1953/54 фин. году до 48,5% в 1960/61 фин. году.

В то же время американский экспорт увеличился с 15 млрд. долл. в 1953 г. до 30 млрд. долл. в 1960 г.

«Холодная война» в 1950-е годы

Военный моряк Редфорд был поклонником авиации, которую считал главной ударной силой в конфликтах будущего. Став при Эйзенхауэре председателем объединенного комитета начальников штабов, адмирал внес в стратегическое видение Вашингтона убеждение в том, что относительно недорогим путем — перемещением расходов с нужд армии на нужды авиации, стратегической и авианосной, более решительной угрозой использования несомого стратегической авиацией ядерного оружия — Соединенные Штаты обеспечат эффективный рычаг воздействия на СССР в зените «холодной войны». Взгляды Редфорда соответствовали и базовым посылкам республиканизма, и опыту корейской войны. В эти годы в США главным средством доставки ядерного оружия стратегического назначения становятся бомбардировщики межконтинентального радиуса действия — Б-52.

Президент Эйзенхауэр имел в руках оружие, отличное от того, на которое мог рассчитывать президент Трумэн. Ядерный арсенал США за несколько лет был увеличен многократно, ядерное оружие 50-х годов было в тысячи раз мощнее атомных бомб второй половины 40-х годов. К 1955

г. число бомбардировщиков, способных нанести удар по СССР, достигло 1350 единиц. Боевой груз атомных бомб стандартного бомбардировщика стратегической авиации во времена Эйзенхауэра был эквивалентен по разрушительной силе совокупному объему всех боеприпасов, сброшенных союзной авиацией на Германию за вторую мировую войну.

Казалось, что создание межконтинентальных носителей ядерного оружия — стратегических бомбардировщиков может привести к изменению взгляда на смысл баз, расположенных за тысячи и десятки тысяч километров от США. Однако наряду с созданием огромного воздушного флота стратегической авиации Вашингтон не только не пришел к выводу о ненужности далеких, выдвинутых к границам СССР баз, но, напротив, интенсифицировал в 50-х годах их строительство. Очевиднее, чем прежде, стало и то, что для Вашингтона вовлечение государств в американскую зону влияния было важно само по себе, а не только как создание плацдарма для воздействия на противника. Привязывание к себе десятков других стран стало методом увеличения сферы влияния, источников сырья, рынка сбыта, места приложения капиталов.

Опасаясь, что в дальнейшем свобода действий США на мировой арене будет ограничена техническими достижениями СССР, президент Эйзенхауэр, как стало известно позднее, планировал даже превентивную ядерную войну. 8 сентября 1953 г. он писал государственному секретарю Даллесу: «В нынешних обстоятельствах мы должны были бы рассмотреть, не является ли нашей обязанностью перед грядущими поколениями начать (подчеркнуто президентом. — А. У.) войну в благоприятный, избранный нами момент».

Согласно секретному стратегическому плану Эйзенхауэра — меморандуму совета национальной безопасности 162/2, в случае конфликта с СССР или с КНР «Соединенные Штаты будут рассматривать ядерное оружие пригодным к использованию наравне с другими вооружениями». Не было в истории США периода, когда возможность обращения к атомному оружию обсуждалась бы в столь конкретной плоскости. Администрация Эйзенхауэра демонстративно послала в 1953 г. бомбардировщики — носители атомного оружия в Корею. В 1954 г. Эйзенхауэр, выступая перед лидерами конгресса, говорил, что разрабатываются планы «нанести по противнику удар всеми средствами, имеющимися в нашем распоряжении». (Весной 1954 г. американцы предложили французам применить атомную бомбу против вьетнамских войск, окруживших в Дьен-Бьен-Фу французские войска). Наиболее близко Эйзенхауэр и его окружение подходили к идее использования атомного оружия во время двух кризисов в 1954 — 1955 годах и в 1958 г. Согласно логике государственного секретаря Даллеса, в 1958 г. следовало применить атомное оружие ради сохранения за чанкайшистами островов Куэмой и Матцу.

В январе 1954 г. в связи с инцидентами на находящихся в прибрежной полосе КНР двух небольших островах Куэмой и Матцу конгресс предоставил президенту полномочия «использовать вооруженные силы Соединенных Штатов таким образом, каким президент посчитает необходимым». (409 голосами против 3). В сенате эта резолюция была принята 85 голосами против 3. Пожалуй, никогда в американской истории конгресс не вручал президенту таких полномочий, которые могли означать военные действия против великой державы — Китая, у которого был договор о взаимопомощи с СССР. Утрата этих островов якобы грозила США потерей влияния во всей западной части тихоокеанского бассейна — в Японии, на Окинаве и Филиппинах, а также якобы повлечет за собой вхождение в зону «чужеродного» влияния Южного Вьетнама, Лаоса, Камбоджи, Таиланда, Бирмы, Малайи и Индонезии. По поводу предлагаемой атомной бомбардировки островов Куэмой и Матцу госсекретарь Даллес сказал: «В случае применения ядерного оружия возникнет сильная массовая неприязнь к США в большей части мира... и даже риск всеобщей войны должен быть принят» (Даллес — Эйзенхауэру 4 сентября 1958 г.).

Президент Эйзенхауэр считал, что применение атомного оружия наилучшим образом разрешит берлинский кризис 1958 — 1959 годов. Администрация Д. Эйзенхауэра весьма отчетливо видела риск возникновения ядерной войны в случае применения американской стороной атомного оружия. Даже один из главных зачинателей «холодной войны» — Д. Ачесон

был обескуражен готовностью республиканской администрации идти на риск мирового конфликта: «Это была бы война без друзей и союзников и по вопросу, который администрация не представила своему народу и который не стоил и одной американской жизни».

Тем не менее фактом остается, что ни одна предшествующая и ни одна последующая администрация США не выражали публично такой готовности защищать свои позиции, используя столь страшное и разрушительное оружие. При этом Эйзенхауэр и его окружение видели осторожность в действиях Советской России. В высшей степени секретном документе «Базовые основы политики национальной безопасности», принятом американским руководством в начале 1955 г., говорится: «Пока Советы не уверены в своей способности нейтрализовать воздушные ядерные силы возмездия, имеющиеся у США, мало смысла предполагать, что они начнут всеобщую войну или действия, которые, с их точки зрения, подвергнут опасности политическую власть и безопасность СССР» (СНБ-5501, 7 января 1955 г.).

Важно отметить следующий аспект проблемы. До прихода к власти республиканцев в американской политической элите господствовало мнение, что у США должно быть в руках атомное оружие максимальной мощности. С созданием атомного оружия у СССР эта точка зрения некоторое время преобладала, но с приходом к власти Д. Эйзенхауэра произошел определенный поворот в американском стратегическом мышлении, определявшем ход «холодной войны».

Насколько реальна была угроза применения ядерных сил со стороны США, если в ответ противником может быть нанесен пусть не эквивалентный, но все же в высшей степени разрушительный атомный удар по территории самих Соединенных Штатов — слишком высокая цена за самоутверждение. Под воздействием этих обстоятельств в Вашингтоне были приняты решения во многих отношениях парадоксальные. С одной стороны, Вашингтон в случае возникновения конфликтной ситуации готов был прибегнуть к крайним мерам — применить ядерное оружие. С другой стороны, он хотел бы пойти на это лишь в последний момент и в самом ограниченном объеме — по возможности используя не самые крупные ядерные боезаряды. Военная политическая верхушка США приняла решение о создании атомного оружия помимо стратегического еще и менее мощного — тактического назначения. Так начался спор теоретиков американского могущества о шкале применимости ядерного оружия. Скрестились взгляды сторонников различных методов использования ядерного оружия.

Вопрос о применении ядерного оружия начиная с президентства Д. Эйзенхауэра стал предметом обсуждения политологов: Можно ли считать малое атомное оружие качественно «неотличимым» от крупных обычных зарядов? Опаснее или безопаснее прибегать к использованию тактического атомного оружия? Ставит ли его применение преграду между общим обменом ядерными ударами, или оно представляет собой мост между обычным нападением и полномасштабным ядерным ударом? Ответов на эти вопросы не существовало «в природе» поскольку было затронуто понятие безопасности, толкуемое по-разному в разных странах. По крайней мере, очень весомым общественно стало упражнение в софистике — игра «вдвоем» без участия второго партнера, то есть без переговоров, без ознакомления с жизненными интересами противостоящей стороны. Налицо факт, что при президенте Эйзенхауэре США встали на путь своего рода интеллектуальной игры с воображаемым противником, на путь рационализации заведомо иррационального: проецирования своих действий в условиях чисто гипотетических представлений о реакции противоположной стороны.

Создание и крупномасштабное развертывание тактического ядерного оружия ознаменовало тот этап эволюции стратегии, когда вера в возможность повсеместного присутствия достаточного числа американских «легионов» от Арктики до тропиков в свете корейского опыта потускнела, и было отдано предпочтение концепции замены воинских контингентов самым изощренным и страшным оружием, мощность которого подбиралась к проецируемым обстоятельствам регионального конфликта. США перешли к массовому производству тактического ядерного оружия как удобной замене крупного военного присутствия и как средства бюджетной экономии. Разделяя взгляды многих представителей правящих кругов,

президент Д. Эйзенхауэр склонялся к мысли, что миниатюризация атомного оружия, по меньшей мере, служит целям повышения удельного веса США в среде союзников (прежде всего в Европе), где основу союзных войск НАТО могло бы составить тактическое ядерное оружие, и тогда не понадобилось бы увеличение контингента американских войск.

За восемь лет пребывания Д. Эйзенхауэра у власти возрос темп ядерных изысканий, создания ядерного оружия на стратегическом и тактическом уровне. Этот опыт, однако, имел частично отрезвляющий эффект. Рассматривая скептически в октябре 1960 г. доклад Группы по изучению возможностей ведения ограниченной войны, президент Эйзенхауэр пришел к мысли о «нереалистичности» его выводов на том основании, что «мы, к сожалению, были так прикованы к ядерному оружию, что единственной практически осуществимой мерой стало использование его с самого начала, без проведения разграничительной линии между ядерным и обычным оружием». Правительство Эйзенхауэра так никогда и не определило разграничительную линию между применением обычного и ядерного оружия в ходе «холодной войны».

Блокостроительство «холодной войны»

Вторым важнейшим элементом американской «холодной войны» 1953 — 1960 г. был упор на блокостроительство. Вывод, сделанный Д. Эйзенхауэром из корейского опыта, состоял в признании более выгодным не непосредственное вмешательство вооруженных сил США для защиты своих имперских интересов, а действий с помощью союзов. Содержание одного американского солдата в течение года обходилось в 3515 долл., в то время как содержание одного пакистанского солдата стоило 485 долл., одного греческого — 424 долл. Имело ли смысл держать «дорогие» американские войска там, где их функцию могли осуществлять пакистанцы? Вашингтон стал в значительно большей, чем прежде, мере полагаться на систему союзных связей.

В меморандуме Совета национальной безопасности СНБ-162/2 открыто говорилось, что Соединенные Штаты должны «оплачивать свои чрезмерные военные расходы с помощью союзников». Соединенные Штаты нуждаются в людских и экономических ресурсах союзников. «Отсутствие союзников, или утрата их, привели бы США к изоляции и изменили бы мировое равновесие до такой степени, что поставили бы под угрозу способность Соединенных Штатов к победе в случае всеобщей войны». Государственный секретарь Даллес в программной статье, опубликованной в журнале «Форин афферс», поставил военные союзы в списке приоритетов выше стратегических ядерных сил.

Напомним, что ко времени прихода Д. Эйзенхауэра к власти существовала система военных союзов, привязавших к США сорок одну страну. Это — Договор Рио-де-Жанейро (1947 г.), Североатлантический договор (1949 г.), пакт АНЗЮС (1951 г.), договоры с Японией и Филиппинами. Президент Эйзенхауэр проявлял особый интерес к Азии. Эйзенхауэр считал, что для администрации Трумэна был характерен некий «атлантический перегиб». В этом сказалось типично республиканское обвинение в адрес администрации Г. Трумэна в «потере» Китая, в неудачной стратегии в Корее. Как объяснил своим слушателям в Миннеаполисе президент Эйзенхауэр 10 июня 1953 г., «не существует арены слишком отдаленной, чтобы ее игнорировать, не существует свободной нации слишком скромной, чтобы о ней можно было позабыть». Не должно быть упущено ни одной возможности распространить и закрепить американское влияние в мире, из орбиты этого влияния не должна быть выпущена ни одна страна, сколь бы малой она ни была. Основной упор дипломатии Эйзенхауэра — Даллеса делался на Азию. К сентябрю 1954 г. удалось сформировать региональный блок СЕАТО — Организацию Юго-Восточного договора в составе Англии, Франции, Австралии, Новой Зеландии, Пакистана, Таиланда и Филиппин. Сенат США проголосовал за вступление США в эту организацию большинством голосов — 82 против 1. Предполагалось, что СЕАТО станет «охранителем» Юго-Восточной Азии. США стали членом военного союза СЕНТО, а также подписали двусторонние договоры с Южной Кореей (1953 г.), Тайванем (1955 г.) и Ираном (1959 г.). «Холодная война» охватила огромные новые

районы. Сам факт создания мощного европейско-азиатского блока под руководством США в те годы увеличивал возможности Вашингтона для удержания под своим влиянием этого самого удаленного от него региона.

Итак, после Северной и Южной Америки, Европы и Дальнего Востока зоной «жизненных интересов» США в «холодной войне» объявлялась Азия. Создав СЕАТО, США имели крупный региональный блок, дополняющий НАТО и пакт Рио-де-Жанейро. Лишенные союзников (кроме США), обязанные всем Вашингтону, Тайвань образовал своего рода форпост. Ситуация, когда США бросили всю свою мощь на поддержку тайваньского режима, вызвала немало вопросов. В частности, президента Эйзенхауэра однажды спросили, что предприняли бы Соединенные Штаты, если бы в 1865 г. руководители Южной конфедерации и остатки ее армии переправились бы на Кубу, откуда под прикрытием британского флота осуществляли бы рейды против Флориды. Д. Эйзенхауэр отказался отвечать на вопрос, сославшись на то, что аналогия не точна.

Американская дипломатия оказывала особое давление на нейтральные страны. Напомним, что освободившиеся страны (такие как, скажем, Индия и Египет), вовсе не склонны были менять одних опекунов на других. Нейтралитет, провозглашенный этими странами как основа их внешней политики, вызвал яростное сопротивление США. Государственный секретарь Даллес объявил, что нейтральность в условиях «холодной войны» является «устаревшей концепцией», что нейтральное поведение в мире возможно «лишь в совершенно исключительных обстоятельствах», что нейтралитет «аморален и является близорукостью».

Была поставлена цель утвердиться не только в «предрасположенных» к сотрудничеству с США странах, но и в тех, чье неприятие американской опеки было активным, сопоставляя зачастую суть национальной политики. В теории все казалось гладким: Англия, Франция и другие метрополии уходят из своих разбросанных по миру колоний, а США, используя свои экономические и военные возможности, берут под свою опеку местную элиту и заручаются влиянием в этих странах. В реальной жизни все было сложнее. Самый большой урок нес в себе Вьетнам.

Вьетнам как пик «холодной войны»

В июле 1954 г. французы покинули Вьетнам и США постарались занять место старой колониальной державы. «Оставить» Вьетнам вьетнамцам — такой вариант американские стратеги даже не рассматривали, хотя даже сам президент Эйзенхауэр полагал, что в случае проведения во всей стране выборов Хо Ши Мин получит 80% голосов избирателей. В июле 1954 г. политики и военные (с одной стороны, госсекретарь Даллес, с другой — генералы Редфорд и Туайнинг) активно работали над собственными вариантами разрешения вьетнамской проблемы. Предполагались высадка войск в Хайфоне, короткий марш-бросок на Ханой и операции местного значения для подавления локальных очагов сопротивления.

Но сильны были еще трезвые силы. Сенатор Рассел возглавил оппозицию планам адмирала Редфорда в Капитолии — он поставил адмирала в тупик вопросами о возможности разрешения индокитайской проблемы за счет ударов с воздуха. Государственный секретарь Даллес на вопрос, консультировался ли он с союзниками и кто из этих союзников готов послать своих солдат в Индокитай, ответил, что подобные консультации не имели места.

Председатель начальников штабов генерал Риджуэй после падения Дьен-Бьен-Фу (7 мая 1954 г.) еще более охладил пыл сторонников тотального давления тем, что на основе изучения местных условий представил отрезвляющие данные: для достижения военной победы требовалось от полумиллиона до миллиона солдат (то есть в США следовало объявлять мобилизация в больших масштабах, чем в период корейской войны). Риджуэй ознакомил со своими выкладками министра обороны и президента. Цена, которую предстояло уплатить за контроль над Индокитаем, была велика как в экономическом, так и в военном и политическом отношении. Американское руководство тогда предпочло «списать со счетов» Северный Вьетнам и консолидировать оставшуюся под своим руководством южную часть Вьетнама. Президент

Эйзенхауэр должен был причинять во внимание обескураживающий факт: западные союзники предпочитали, чтобы США выполнили свою миссию в одиночестве, от оказания помощи они воздерживались.

На риск одностороннего вмешательства в дела Северного Вьетнама США не пошли. В отдельном протоколе, принятом под нажимом американцев, говорилось о контроле, который СЕАТО должен осуществлять над прежним Французским Индокитаем — Камбоджей, Лаосом и южной частью Вьетнама. Согласно любимой метафоре Д. Эйзенхауэра, потеря Вьетнама, Тайваня и даже еле заметных на карте Азии островов Куэмой и Матцу могла привести к возникновению «серьезной опасности» для США. По мнению Вашингтона, Япония, Южная Корея, Тайвань, Филиппины, Таиланд и Вьетнам, Индонезия, Малайя, Камбоджа, Лаос и Бирма в этом случае, «вероятно, полностью попали бы под коммунистическое влияние» (написано Даллесом и отредактировано Эйзенхауэром в 1958 г.).

Внутри страны благодаря маккартизму создался такой климат, когда выступать против «холодной войны» стало попросту невозможно. И для американских политиков стало уже немыслимым ограничивать «жизненно важные интересы» США узкими рамками Западного полушария. Идея американской ответственности за весь мир и повсеместного распространения американских интересов завладела сознанием, по крайней мере, большинства правящего класса.

В Советском Союзе убежденность в решимости США начать войну была такова, что армия под руководством маршала Жукова провела под Семипалатинском учения с применением атомного оружия. Сотни танков прошли по территории, где только-что была сброшена атомная бомба. Многие тысячи военнослужащих получили неприемлемую дозу радиации, но это не ослабило решимость войск вести оборонительные бои даже в условиях примененного ядерного оружия. Уверенность в том, что Запад готовит России огромную Хиросиму была абсолютной. Огромные средства были выделены ученым, которые под руководством академиков Курчатова и Королева создавали оружие ракетно-ядерного ответа.

Перелом в «холодной войне»

Свою дипломатическую стратегию Дж. Ф. Даллес публично назвал «балансированием на грани войны». Объяснения самого госсекретаря были таковы: «Нужно рассчитывать на мир так же, как и учитывать возможность войны. Некоторые говорят, что мы подошли к грани войны. Конечно, это так. Способность подойти к грани без вовлечения в войну является необходимым искусством... Если вы стараетесь уйти от этого, если вы не желаете подойти к грани, тогда вы проиграете. Мы должны были смотреть прямо в лицо этой опасности... Мы дошли до грани, и заглянули в лицо этой опасности». Такое внешнеполитическое поведение было возможно лишь в короткий период первой половины 50-х годов, в те годы, когда Соединенные Штаты владели монополией на ядерное оружие и на стратегические средства его доставки. Прежде всего, имеется в виду исключительно мощная стратегическая бомбардировочная авиация (равной которой в течение нескольких лет и мире не было), использующая аэродромы по всему периметру границ потенциального противника, а сами до определенной поры были неуязвимы для ответного удара. В этой ситуации можно было попытаться «заглянуть в лицо мировой катастрофе», потому что пока это была бы катастрофа преимущественно для стран, которых США считали своими врагами.

Но постепенно в мире все сильнее начали действовать иные факторы. С января 1954 г. самым популярным политическим тезисом в СССР становится «мирное сосуществование». Это произошло вскоре после американского испытания водородного заряда «Браво» мощностью 15 мегатонн на атолле Эниветок. В письме Эйзенхауэру Черчилль весьма пессимистически смотрит на перспективы биологической жизни на земле. Хрущев пишет о своем опыте: «Когда я был избран первым секретарем Центрального Комитета и узнал все, относящееся к ядерным силам, я не мог спать несколько дней. Затем я пришел к убеждению, что мы никогда не сможем использовать это оружие, а когда я понял это, то снова получил возможность спать».

Если американцы как бы развивали концепцию Фау-1 — некий вариант будущей «крылатой ракеты» — то советская военная наука пошла по пути Фау-2, стремясь вырваться из стратосферы и, пролетев огромное расстояние, возвратиться в нее. Успех в данном случае сопутствовал советской стороне и в ноябре 1957 г. межконтинентальная баллистическая ракета советского производства вывела на околоземную орбиту первый искусственный спутник земли. Теперь уязвимой для ядерного удара стала любая точка планеты. Океаны потеряли свою защитную функцию, и СССР вышел на рубеж стратегического равенства.

Если в 1946 — 1956 годах пропагандистским обоснованием внешней экспансии была борьба с предполагаемой «коммунистической угрозой», то после 1957 г. (напомним читателям, что 4 октября 1957 г. СССР вывел на околоземную орбиту первый искусственный спутник) в США стал звучать рефрен об отставании в развитии науки и техники, об опасности поражения из-за самоуспокоенности и политической слепоты. Создание в Советском Союзе в середине 1950-х годов межконтинентальных баллистических ракет подвело черту под исторической особенностью американской имперской политики — неуязвимостью территории США. С этого времени начался новый период в американском стратегическом мышлении. Браваре начала 50-х годов, легкости манипулирования ядерным оружием, мышлению, опирающемуся на возможность «массированного возмездия», был положен конец. Пока у Вашингтона — на заре ракетно-ядерной эры — отсутствовало желание договориться об ограничении производства качественно новых видов оружия. Не слышно было в США и предложений заморозить ракетно-ядерное соревнование.

И все же это был критический момент «холодной войны». Появление в Советском Союзе сил сдерживания нанесло психологическую травму американскому истеблишменту. Если внутриполитическая обстановка в стране в первой половине 50-х годов характеризовалась поисками внутреннего врага, каковым маккартисты видели любого реалиста, то во второй половине десятилетия в стране широкое хождение получают утверждения об отставании США в различных сферах. Психологически это объяснимо — США не привыкли (а в климате тех лет и не могли) признавать кого бы то ни было в мире равным себе. Нужно было пройти через немалые испытания, приобрести нелегкий исторический опыт, прежде чем сделать вывод, что мирные отношения двух сверхдержав — здравая основа, что безопасность будет больше обеспечена в случае хотя бы частичного ограничения безостановочной гонки с непредсказуемым концом.

В Америке получил значительное развитие алармизм. Так в 1959 г. начальник штаба американской армии генерал М. Тэйлор в книге «Ненадежная стратегия» обратился к соотечественникам с предостережением: «Примерно до 1964 г. Соединенные Штаты будут, вероятно, значительно отставать от русских по числу и эффективности ракет дальнего радиуса, если только не будут предприняты героические усилия». Отныне и впредь алармизм, запугивание собственного населения «необратимым отставанием» и «окнами уязвимости» стали характерными чертами внешней политики. Приписываемое Советскому Союзу число межконтинентальных баллистических ракет было намеренно преувеличено, и стратегические позиции США вовсе не ослабли едва ли не до нуля.

Правящая элита обратилась к исследовательским центрам, стремясь точнее определить параметры новой ситуации. Во множестве случаев рекомендации центров лишь нагнетали тревогу. Типичным в этом отношении был широко рекламировавшийся доклад Фонда Форда, подготовленный группой экспертов во главе с Р. Гейтером в 1959 г. «Доклад Гейтера», обсуждавшийся в самых высших сферах американского правительства (вплоть до президента), утверждал, что Советский Союз обладает 4500 реактивными бомбардировщиками, 300 подводными лодками дальнего радиуса действия, системой противовоздушной обороны. Утверждалось, что в СССР имеется потенциал расщепляющихся веществ для 1500 ядерных зарядов, и что к 1959 г. Советский Союз будет иметь 100 межконтинентальных баллистических ракет, каждая из которых будет оснащена мегатонной боеголовкой.

Главный вывод «доклада Гейтера» состоял в том, что к концу 60-х годов военные расходы СССР «вдвое превысят американские». В документе рекомендовалось: 1) резко увеличить

производство шахтных межконтинентальных баллистических ракет; 2) значительно ускорить создание стратегических ракет на подводных лодках; 3) создать ракеты среднего радиуса действия и разместить их в Европе; 4) рассредоточить базы стратегической авиации; 5) обеспечить эффективность систем раннего оповещения; 6) создать общенациональную сеть бомбоубежищ. Комиссия Гейтера оценила стоимость всей программы в 44 млрд. долл., ее осуществление должно было быть завершено через пять лет. Было положено начало стойкой иллюзии поздней «холодной войны» — якобы на дополнительные миллиарды можно «купить безопасность». Речь идет о своего рода психологической западне, в которую попали творцы стратегического оружия и теории внешней политики.

Соединенные Штаты с их армадой бомбардировщиков, базами вокруг границ СССР, мощными и разветвленными политическими союзами, крупнейшей индустриальной базой вовсе не были похожи на того обессиленного глиняного колосса, чьи дни — «если не обратиться к героическим усилиям» — сочтены. На этом «перекрестке» «холодной войны» окружение Д. Эйзенхауэра твердо придерживалось принципа, что, если бороться по всем предлагаемым направлениям, не считаясь со стоимостью новых программ, то можно перенапрячь экономику США. С точки зрения Д. Эйзенхауэра, аналитики типа Р. Гейтера и Г. Киссинджера недооценивали значение систем передового базирования, окружавших советские границы со всех сторон. Д. Эйзенхауэр вместе с Даллесом полагали, что создание национальной сети бомбоубежищ может ударить по атлантическим связям, заставит натовских союзников думать, что последствия своих внешнеполитических авантюр США попытаются пережить в бетонированных бункерах, принося в жертву союзников в Западной Европе. Американские экономисты полагали, что быстрый незапланированный рост военных расходов резко ускорит инфляцию, уменьшит кредитные возможности, заставит ввести некоторые экономические ограничения, то есть ударит по экономической жизни Америки.

Поэтому президент Эйзенхауэр прямо поддержал лишь некоторые из предлагавшихся в докладе Гейтера мер: производство межконтинентальных баллистических ракет и размещение ракет средней дальности в Западной Европе. Однако общий уровень военных расходов сохранялся в пределах 44 — 46 млрд. долл. По прошествии многих лет американские историки сошлись во мнении, что этих военных расходов для сохранения позиций США в мире было более чем достаточно. Стратегические установки республиканцев тех лет, как уже говорилось, требовали смотреть на дело «шире», и прежде всего беречь «здоровье экономического организма страны». Когда президенту Эйзенхауэру сообщили, что промышленность страны в состоянии производить в год 400 межконтинентальных баллистических ракет класса «Минитмен», он ответил: «Почему же не сойти с ума окончательно и не запланировать создание силы в 10 тысяч ракет?». (Пройдет лишь 20 лет, и в арсеналах США будет находиться именно 10 тыс. ядерных боезарядов стратегического назначения).

Д. Эйзенхауэр не поддавался наиболее паническим настроениям. Да и нужно было совсем потерять голову, чтобы поверить в отставание в условиях, когда США прямо или косвенно контролировали огромные пространства, когда американские базы плотным кольцом окружали СССР и его союзников, когда промышленный потенциал США не знал себе равных. Эйзенхауэр не пошел на крайнее увеличение военного бюджета, отверг планы значительного увеличения обычных вооруженных сил, не поддержал сторонников массового строительства бомбоубежищ. Остро ощущая ослабление значимости еще вчера казавшейся непрекаемой мощи, президент Эйзенхауэр постепенно приходил к выводу о возникающем стратегическом пате. В конечном счете, Д. Эйзенхауэр фактически объявил, что технический прогресс в стратегической сфере ведет к возникновению ситуации, в которой использование ядерного оружия немислимо — оно попросту уничтожит весь мир.

Одним из последствий этого и стало решение Д. Эйзенхауэра согласиться на встречу на высшем уровне с советскими руководителями. Это был важный поворот в эволюции американской внешней политики, ее стратегии и перспектив. Лобовое давление, продолжайся оно в дальнейшем, должно было выдвинуть вопрос о готовности двух сверхдержав встать перед

угрозой ядерной войны. Отсюда решение пойти на переговоры с теми официальными противниками США на мировой арене, переговоры с которыми были отвергнуты в конце 40-х годов. Альтернативой переговорам был лишь ядерный тупик. Женевская встреча в верхах в 1955 г. знаменовала определенное изменение в ходе «холодной войны»: после взаимоужесточения 1948 — 1954 годов стало возможным вести диалог. Женевская встреча породила так называемый «дух Женевы», говорящий о возможности более нормальных, мирных отношений двух великих держав. Альтернативой переговорам был лишь ядерный тупик.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ПИК НАПРЯЖЕНИЯ

Два явления отличают 1960-е годы от предшествующего периода: в эти годы и в СССР и в США произошел огромный прирост стратегического потенциала, причем динамика была не в пользу Америки. После унижения кубинского кризиса, когда Москве пришлось убрать с Кубы свои ракеты, Кремль объявил, что более такого унижения он не потерпит. В первой половине этого десятилетия США превосходили СССР по числу ядерных средств доставки в 10 раз, а к концу десятилетия это превосходство растаяло. Советский арсенал достиг цифры 1054 (численность межконтинентальных баллистических ракет США) примерно в 1968 г. В «холодной войне» отчетливо проявил себя новый элемент — стратегическое равенство.

Советское промышленное развитие достигло пика производительности именно в эти 1960-е годы. Рост промышленного производства уже был значительно слабее предшествующих 1950-х годов, но еще достаточно высок, чтобы Хрущев экстраполировал равенство с американским ВВП в 1980 г. В 1964 г. импульсивного Хрущева сменил на посту Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнев, менее склонный к импровизациям и неожиданным ходам в «холодной войне».

Рост численности независимых, суверенных государств объективно ослабил прежние уникальные позиции Америки. В начале 60-х годов десятки новых государств лишь «стучались в двери» ООН, а через десятилетие возникли их мощные организации — «Группа 77», движение неприсоединения и Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК). По логике противостояния соседи в Африке, Азии и Латинской Америке обращались за опекой либо к Америке, либо к России. У Москвы появилась зона влияния, значительно выходящая за пределы Восточной Европы. В то же время Советская Россия стала слабее в Азии из-за крепнущего конфликта с КНР, пиком которого были бои на о. Доманском в конце 1960-х годов.

Америка не стала слабее, напротив, она стала в абсолютном весе сильнее. Но не в относительном. Исчезли «пиковые приметы» американского всемогущества: США потеряли ядерную монополию, СССР добился к концу 60-х годов примерного стратегического паритета, а сами Соединенные Штаты после 1965 г. уже не могли говорить о помощи «всем и повсюду» — они стали постигать ту истину, что тотальный интервенционизм не только чреват опасностями, но попросту невозможен: еще одного Вьетнама Америка уже вынести не могла.

Демократы Кеннеди и Джонсона

К концу пребывания у власти администрации Д. Эйзенхауэра некоторые политики, желавшие нажить политический капитал за счет «глубоко патриотичных» предупреждений, стали утверждать, что в «холодной войне» Америка «теряет темп», что она ставит под удар свое положение лидера западного мира, что необходимы мобилизация ресурсов, новые внешнеполитические средства, правильное использование необъятных технологических возможностей США. Кеннеди стремился обрести национальную известность путем обоснования необходимости новых усилий. Вместе с Кеннеди выдвинулось целое политическое направление в демократической партии, которое утверждало, что США многое «растеряла» в 50-е годы, не

сумела подготовиться к «новым вызовам американскому могуществу». Сенатор Л. Джонсон делал упор на интенсификацию американских усилий по освоению космического пространства. Сенатор Г. Джексон утверждал, что мощь Америки зависит от количества атомных подводных лодок; сенатор С. Саймингтон стоял за увеличение числа стратегических бомбардировщиков Б-52. В конечном счете, Дж. Кеннеди выдвинул программу перевооружения на всех участках стратегической мириады.

Дж. Кеннеди постарался противопоставить эйзенхауэровскому «патерналистскому» видению мира свое — предполагающее активизацию внутренних и внешних сил для обеспечения решительного лидерства США в «холодной войне». Сорокалетний Дж. Кеннеди призвал изменить мышление страны, отойти от «сонного самолюбования» к активным инициативам. Осевая идея бесчисленных выступлений Дж. Кеннеди — мобилизация ресурсов для движения вперед: «Я начал эту кампанию (борьбы за пост президента) на том единственном основании, что американский народ испытывает недовольство нынешним ведением нашего национального курса, народ обеспокоен относительным спадом в проявлении нашей жизненной силы и падением престижа, наш народ имеет волю и силу сделать так, чтобы Соединенные Штаты начали движение вперед». Кумирами Кеннеди были президенты Вильсон, Ф. Д. Рузвельт и Трумэн, «потому что они привели нашу страну в движение, поскольку только так может Америка видеть наблюдающий за ней мир». «Мы находимся, — говорил Кеннеди (цитируя Э. Берка), — на самой видной сцене», Америке принадлежит волна будущего, ибо «это будущее и Америка — одно и то же».

Приход Дж. Кеннеди к руководству демократической партии означал ослабление того ее крыла, которое связывало свои идеалы и планы с традицией, идущей от Франклина Рузвельта и считавшей «холодную войну» исторической ошибкой. Отличительной чертой либералов группы Э. Рузвельт — Э. Стивенсон — Ч. Боулс было признание, что не имперское могущество, а выживание Америки является целью # 1 национальной политики; что в мире существует сила, более мощная, чем все секреты Пентагона, — национально-освободительное движение, способное изменить политическую картину мира; что Соединенным Штатам следует признать реалии в китайском вопросе; что не менее опасной угрозой, чем коммунизм, являются для Соединенных Штатов и сдвиги в освобождающихся от ига колониализма странах.

Противники этой группы, возглавляемые Д. Ачесоном, усматривали в ее взглядах предательство американских идеалов в жестоком мире «холодной войны». С их точки зрения, люди типа Эдлая Стивенсона предпочитали ООН Соединенным Штатам, гуманные благоглупости — национальным интересам США, «банальную идеалистическую морализацию» — здоровому чувству американизма, сомнительную благожелательность новорожденных наций — связям с сильными западноевропейскими союзниками, «мировое общественное мнение» — реальным интересам США в мире.

Правая волна идеологов «холодной войны» начала подниматься в США примерно с 1957 г. Главной отличительной чертой ее программы было требование привести американское влияние в мире в соответствие с колоссальным американским потенциалом. Эти новые стратеги глобальной вовлеченности Америки вышли из цитаделей северо-восточного истэблшмента, университетов, традиционно поставлявших лидеров правящей элиты, исследовательских центров — «фабрик мысли» Северо-Востока. Они были уверены в себе, в своей компетентности и не сомневались в своем превосходстве над консерваторами маккартистского периода, над республиканскими политиками-бизнесменами администрации Эйзенхауэра, которым приходилось туго в споре со светскими, энергичными и эрудированными представителями клана Кеннеди. Близко наблюдая «новых людей», скептически настроенный заместитель государственного секретаря Ч. Боулс позже писал: «Они ищут случая показать свои мускулы... Они полны воинственности».

Для плеяды, возглавляемой Дж. Кеннеди, неверие в способность Америки решить любую проблему и направить развитие мира в нужное русло означало измену главным американским принципам. Соображения по поводу ограниченности американских возможностей не

принимались в расчет. Это был зенит относительной мощи США (военной, экономической, политической) и внутренней стабильности метрополии, основанной на национальном консенсусе, отсутствии реальной оппозиции политике глобальной экспансии, на вере в особое предназначение Америки. Американской элите осторожное маневрирование, свойственное политике Д. Эйзенхауэра, стало казаться преступным пораженчеством. По мнению сторонников Кеннеди, правительство республиканцев внутренне не верило в возможность возобладать над противником, не верило в победу в «холодной войне». Тем самым оно (с точки зрения Кеннеди) как бы ставило предел распространению американской мощи в мире. Президент Кеннеди считал, что пассивность, свойственная республиканской администрации, может лишить США стратегической инициативы, вызвать у союзников и подопечных стран волю к самоутверждению.

В своем послании «О положении страны» 30 января 1961 г. Дж. Кеннеди указывал на чрезвычайность переживаемого периода: «Поток событий (выдвинувших Америку вперед. — А. У.) иссякает, и время перестает быть нашим союзником». Мощь Америки должна была быть использована быстро, активно, эффективно и немедленно. Поражение даже в отдельном регионе означает удар по престижу США и их влиянию повсюду. Поэтому даже при решении задач местного значения следует непременно добиваться успеха ценой привлечения всех ресурсов, находящихся в американском распоряжении.

Распространение американского влияния в мире «просвещенные интервенционисты» 60-х годов, так называли сторонников Дж. Кеннеди, поставили на новое и весьма солидное, с их точки зрения, основание. Вульгарность простого «сдерживания», выдвижение в качестве национальной задачи лишь замены западноевропейских имперских центров им претила. Их привлекала более широкая перспектива. Президент Кеннеди выразил кредо своей администрации в инаугурационной речи: «Пусть каждая нация вне зависимости от того, желает она нам добра или зла, знает, что мы заплатим любую цену, вынесем любое бремя, перенесем любые трудности, поддержим любого друга, выступим против любого врага ради обеспечения торжества свободы». Даже делая скидку на пристрастие к высокопарной риторике, следует сказать, что это было опрометчивое обещание. Ни одна страна не может вынести «любое бремя» и «заплатить любую цену».

Администрация Дж. Кеннеди хотела видеть своих соотечественников не нейтральными и самодовольными обывателями, а активными защитниками американской политики. Годы правления Эйзенхауэра порицались за самодовольство, за отсутствие чувства ответственности, за массовый уход в собственные мелкие проблемы, за безразличие к «всемирным задачам» США. С точки зрения Кеннеди, обязанность идеологов его администрации — «выработать убедительное идейное обоснование делу поддержки и укрепления нашего общества в критическое время». Поэт Роберт Фрост во время инаугурации Джона Кеннеди объявил, что наступают великие новые времена, аналогичные эпохе римского императора Августа. Даже поэт-демократ не остался безразличен к пафосу имперского блеска и желанию видеть Вашингтон «великим Римом новейшего времени». «Волнение охватило страну, — писал журналист и историк Д. Хальберштам, — волнение охватило, по меньшей мере, ряды интеллектуалов, разделявших чувство, что Америка готова к переменам, что власть будет отнята у усталых, мыслящих как представители торговой палаты людей Эйзенхауэра и передана в руки лучших и самых способных представителей нового поколения».

Двумя характерными чертами практической реализации более активной политики были: 1) концентрация власти в самом близком окружении президента (а не делегирование ее министрам, как это было, скажем, в годы Эйзенхауэра); 2) повышение значимости военного фактора в решении политических, экономических и социальных проблем эпохи. Президент Кеннеди не верил в способ правления путем долгих заседаний и принятия расплывчатых меморандумов. С его точки зрения, бюрократия могла погубить даже такую великую идею, как «американская империя». Разросшийся штат совета национальной безопасности его не удовлетворял. В начале 50-х годов в государственном департаменте служили 150 чиновников. Когда Дж. Кеннеди

пришел в Белый дом, внешнеполитическое ведомство насчитывало 20 тыс. человек. Кеннеди полагал, что главные решения эйзенхауэровского периода были приняты не в ходе многочасовых заседаний СНБ, а в ходе коротких встреч ведущих политиков в Овальном кабинете президента. Поэтому штат госдепартамента и СНБ он считал необходимым сократить. Госдепартамент лишился своего прежнего значения. Центр дискуссий и принятия политических решений бесповоротно сместился в Белый дом. Дж. Кеннеди, принимая важнейшие политические решения единолично, в то же время рассредоточил их выработку в четырех основных институтах: Белом доме, где этим занимался аппарат советника по национальной безопасности М. Банди; госдепартаменте, там был задействован традиционный штат госсекретаря Д. Раска; министерстве обороны, где готовились разработки стратегами во главе с Р. Макнамарой; объединенном комитете начальников штабов, где председательствовал генерал М. Тэйлор. (Именно эта «команда» оставалась на своих постах и при президенте Л. Джонсоне, формулируя основные политические концепции для правительства на протяжении всего восьмилетнего периода пребывания у власти демократов.)

Специальный помощник президента по проблемам национальной безопасности приобрел при Кеннеди большой вес — этому способствовало назначение на этот пост М. Банди, деятеля, выдвигавшего свой план реализации мирового лидерства США. Бывший декан Гарвардского колледжа М. Банди олицетворял веру в то, что хорошо налаженное управление политикой — хладнокровный скрупулезный анализ, учет всех действующих факторов, осведомленность, проницательность и интуиция, воображение и логика — поднимет американское лидерство в мире на неслыханную дотоле ступень. Специальный помощник президента создал свой «мини-госдепартамент», состоящий из скорых на суждение и решение экспертов, тесно связанных с министерством обороны и Центральным разведывательным управлением. Одним из наиболее видных идеологов той поры стал У. Росту. Именно он дал периоду «холодной войны» 1960-х годов популярный лозунг: «Давайте приведем эту страну в движение снова».

Дж. Кеннеди убеждал американцев, что «без Соединенных Штатов блок СЕАТО падет завтра же. Без Соединенных Штатов не будет НАТО. И постепенно Европа сползет к нейтрализму и апатии. Без усилий Соединенных Штатов по осуществлению проекта „Союз ради прогресса“, наступление враждебных сил на материк Южной Америки давно бы уже имело место. Дж. Кеннеди неустанно говорил о США как об оплоте мирового статус-кво. С его точки зрения, ослабление после второй мировой войны германского и японского центров мощи „вытолкнуло“ США на авансцену мировой истории, позволило распространить свое влияние в глобальном масштабе. С тех пор главной внешнеполитической целью США стало сохранение такого положения в мире, когда „ни одна держава и никакая комбинация держав не могли бы угрожать безопасности Соединенных Штатов. Простой центральной задачей американской внешней политики является сохранение такого положения, когда никакой блок не может овладеть достаточной силой, чтобы, в конечном счете, превзойти нас“.

Такая цель означала, что США не могут допустить возникновения силы (или комбинации сил), равной американской, что США готовы пойти на крайние меры ради удержания такого порядка в мире, каким он сложился к 1960-м годам. У. Росту подготовил в 1962 г. теоретическое обоснование американской внешней политики под названием «Базовые цели национальной безопасности»: «Крупные потери территории или ресурсов сделают более трудным для Соединенных Штатов осуществление задачи создания благоприятного для себя окружения в мире. Такие потери могут генерировать пораженчество среди правительств и народов в некоммунистическом мире или дать основание для разочарований внутри страны (тем самым увеличивая страхи, что США могут в панике начать войну); и это сделало бы более сложным поддержание баланса военной мощи между Востоком и Западом». Отсюда прямая постановка задачи: «Американским интересам отвечает такое развитие международных отношений, когда страны Евразии, Африки и Латинской Америки развиваются по линиям, в целом соответствующим нашим собственным концепциям».

Дж. Кеннеди и его советники не были удовлетворены системой блоков, созданных во

времена Д. Ачесона и Дж. Ф. Даллеса. Администрация придавала большее (чем ее предшественники) значение миллионной американской армии, обеспечивавшей влияние США за пределами страны. Она призвала дополнить военное влияние «дипломатическими усилиями, деятельностью органов информации, программами обмена всех видов, помощью в образовательном и культурном развитии, контактами с другими народами на неправительственном уровне, помощью в программировании экономического развития, технической помощью, предоставлением капитала, использованием дополнительных средств, новой политикой в отношении торговли и стабилизации цен на товары, а также множеством других мер, способных в значительной мере затронуть ориентацию людей и общественных учреждений» (из меморандума У. Росту «Базовые цели национальной безопасности»). Предлагалось особое внимание обратить на Аргентину, Бразилию, Колумбию, Венесуэлу, Индию, Филиппины, Тайвань, Египет, Пакистан, Иран и Ирак. В случае «закрепления» американских позиций в этих странах США контролировали бы территории, на которых проживало 80% населения Латинской Америки и половина населения всех развивающихся стран. (У. Росту — Дж. Кеннеди, 2 марта 1961 г.).

Важным отличием Кеннеди от Эйзенхауэра было отсутствие осторожного отношения к государственным расходам. Его экономический советник — П. Сэмюэлсон пришел к такому выводу: «Расширение государственных программ может только помочь, а не помешать здоровью нашей экономики». Другой советник президента — У. Хеллер убеждал, что США имеют «достаточно ресурсов, чтобы создать великое общество внутри страны и осуществить великие проекты за ее пределами». Президент Кеннеди в марте 1961 г. заявил конгрессу: «Наш арсенал должен быть таким, чтобы обеспечить выполнение наших обязательств и нашу безопасность; не будучи скованными спорными бюджетными потолками, мы не должны избегать дополнительных трат там, где они необходимы». (Л. Джонсон сделал последний логический шаг в этом направлении. Он говорил в июле 1964 г.: «Мы — самая богатая нация в мировой истории. Мы можем позволить себе расходовать столько, сколько необходимо... И мы именно так и будем поступать».) Итак, Америка готова была «заплатить любую цену» за возобладание в «холодной войне».

Администрация Дж. Кеннеди выдвинула несколько региональных экономических проектов, наиболее заметным среди которых был план помощи Латинской Америке «Союз ради прогресса»: помощь в размере примерно 20 млрд. долл. на период 10 лет. Для оказания воздействия на другие развивающиеся страны создавались так называемый «Корпус мира», который стал инструментом экономического и идеологического воздействия, и Агентство международного развития, располагавшее фондами для финансирования региональных проектов.

Вашингтон на этом этапе «холодной войны» полагал, что Россия и ее союзники в Европе и Азии, представляет собой долгосрочное историческое явление, едва поддающееся воздействию. Другое дело — огромный развивающийся мир, представляющий собой угрозу зоне влияния США. Кеннеди готовился встретить многочисленные конфликты в зоне развивающихся стран, где, по его мнению, решалась судьба «холодной войны». Проект меморандума Совета национальной безопасности от 18 февраля 1963 г. аргументирует необходимость «контролируемого и постепенного применения совокупной политической, военной и дипломатической мощи». Главными элементами ведения «холодной войны» при президенте Дж. Кеннеди стали ускоренное военное строительство (1), консолидация союзников (2), стремление закрепиться в развивающихся странах (3), мобилизация средств дипломатии, предполагавшая начало диалога с потенциальными противниками (4).

Военный аспект

Концепция Кеннеди предусматривала быстрое наращивание ракетно-ядерных вооружений, с тем, чтобы оставить далеко позади СССР и еще многие годы действовать, не опасаясь

стратегического вызова потенциальных противников. Стратегическое превосходство должно было стать твердым основанием всей внешней политики США. Соединенные Штаты пошли на колоссальное развитие стратегических сил. Военный бюджет был увеличен на 13% за период между 1961 и 1964 годами (с 47,4 млрд. до 53,6 млрд. долл.). Военное ведомство США получило за первую половину 60-х годов невиданные дотоле средства. К 1967 г. число межконтинентальных баллистических ракет было увеличено в пять раз (с 200 единиц, имевшихся во времена Эйзенхауэра, до 1000). При Кеннеди был построен подводный флот, состоявший из 41 атомной подводной лодки типа «Поларис», способный осуществить запуск 656 ракет стратегического назначения. 600 стратегических бомбардировщиков составили военно-воздушные силы созданной при Кеннеди стратегической триады.

Уже осенью 1961 г. американские спутники-разведчики подтвердили, что Соединенные Штаты значительно опережают СССР по числу межконтинентальных баллистических ракет. Тем не менее, исключительный по масштабам рост стратегических вооружений был начат и осуществлялся с невиданной интенсивностью. Политику администрации Кеннеди можно понять, лишь учитывая тот факт, что во время его президентства создавалась гигантская военная машина, происходил грандиозный стратегический бросок, опираясь на который этот американский президент хотел возобладать в «холодной войне».

Видели ли проводники американской имперской политики, что стратегический рывок Америки не окажется безнаказанным, что он не пройдет бесследно, что он вынудит к развитию вооружений и противостоящую сторону? К. Кейзен, сотрудник совета национальной безопасности, близкий к М. Банди, убеждал президента Кеннеди, что «отсутствие великодушия будет иметь неизбежным следствием вынесение гонки вооружений на более высокий уровень. В мире ракет и термоядерных боеголовок большой арсенал оружия не добавляет больше безопасности». Политика США заставляла тех, против кого была направлена, сделать необходимые оборонные усилия. В 1967 г. Макнамара признал, что Советский Союз не имел намерения вступать в ракетно-ядерную гонку и, с его точки зрения, удовлетворился бы соотношением сил 1960 г., когда США имели значительное превосходство.

Готовность воздействовать на процессы в Евразии, Африке и Латинской Америке предполагала более широкий выбор средств, чем эскадрильи стратегической авиации и авианосцы. Уже в 1961 г. президент Кеннеди увеличил вооруженные силы США на 300 тыс. человек, мобилизовал 158 тыс. резервистов и солдат национальной гвардии, создал шесть дивизий резерва, готовых к быстрой мобилизации. В наиболее важную зону влияния — Западную Европу были посланы дополнительно 40 тыс. американских военнослужащих. Дж. Кеннеди желал иметь полный набор средств для противостояния в «холодной войне» — от стратегических ядерных сил до эффективных тайных служб. В конечном счете Кеннеди увеличил число регулярных армейских дивизий с 11 до 16. Разрабатывалась стратегия «двух с половиной войн» — когда США могли бы вести две полномасштабные войны в Европе и Азии и одну, «половинную», в любом другом месте. Для решения последней задачи создавались специальные части, готовые вести боевые действия скрытно и в самых необычных условиях, на отдаленных рубежах «холодной войны».

В военных колледжах страны для лучшего знакомства с потенциальным противником здесь стали изучать книги Мао Цзэдуна и Че Гевары. В докладе Пентагона от июля 1962 г. говорилось о необходимости выработки «программы действий, рассчитанных на поражение коммунистов без обращения к опасностям и террору ядерной войны; программы, направленной на подавление подрывных действий там, где они уже возникли, и, что еще более важно, на предотвращение возможного их возникновения. Другими словами — это стратегия как терапии, так и профилактики». Соединенные Штаты бросали вызов всем, противостоящим в «холодной войне» силам, в том числе национально-освободительным движениям, обучая для этого специализированные группы войск.

«Холодная война» была охарактеризована Дж. Кеннеди как «борьба за первенство между двумя идеологиями: свобода вместе с богом против безжалостной, безбожной тирании». Вся

сложная система международных отношений была утрированно сведена к противоборству США с «силами зла» в лице Советского Союза. Стратегию «холодной войны» демократы двух разных поколений (Трумэна и Кеннеди) описали в сходных выражениях. Кеннеди: «Во всех пределах мира нам противостоит монолитный и не знающий жалости заговор, который направлен на распространение сферы влияния путем преимущественно подрывных действий». «Отражая коммунистическую угрозу», президент Кеннеди стремился перегруппировать американские силы, привести в систему то, что подпало под американское влияние в 40 — 50-х годах.

Кеннеди в 1961 г. полагал, что Соединенные Штаты достаточно сильны, чтобы диктовать свою волю этим государствам. Однако ход истории внес коррективы в подобное самомнение. Вехами его были Плайя-Хирон, Карибский кризис и Вьетнам. У администрации Кеннеди было желание добиться быстрого успеха в решении «кубинской проблемы». США не могли смириться с фактом существования страны, находившейся в 90 милях от их территории и не признававшей американского господства в Западном полушарии.

Дж. Кеннеди пришлось негативно отозваться об экспертах из Центрального разведывательного управления и Объединенного комитета начальников штабов, предсказывавших восстание населения против Фиделя Кастро сразу же после высадки кубинских контрреволюционеров, поддерживаемых американцами, на Плайя-Хирон в 1961 г.

Серьезным испытанием этого этапа «холодной войны» стал так называемый карибский кризис (октябрь 1962 г.). Напомним, что в ответ на размещение американских ракет средней дальности близ советских границ — в Турции, Италии и Англии (ракеты «Юпитер») Советский Союз — по согласованию с правительством Кубы — начал установку там сходных ракет. Это вызвало решительное несогласие американского руководства. В ходе этого кризиса Вашингтон показал себя готовым на ядерный конфликт.

Готовность администрации Кеннеди пойти на риск ядерной войны должна была предполагать, что установка этих ракет меняет стратегический баланс между США и СССР. Но как согласовать с этой оценкой мнение ЦРУ и Объединенного комитета начальников штабов, выраженных еще до начала карибского кризиса, что американские ракеты среднего радиуса в Турции и Италии не влияют на общий стратегический баланс? Даже тайно созданный совет — «исполнительный комитет» Совета национальной безопасности пришел к выводу, что ракеты на Кубе не меняют стратегического баланса.

Советник Кеннеди — Т. Соренсен оценивал ситуацию таким образом: «Не вызывает сомнений, что эти размещенные на Кубе ракеты, взятые сами по себе, на фоне всего советского мегатоннажа, который мог бы обрушиться на нас, не меняли стратегического баланса фактически... Но баланс мог бы существенно измениться по своей видимости; в вопросах национальной воли и мирового лидерства такие видимости влияют на реальность». Как пишет по этому поводу американский историк С. Амброуз, «...самый серьезный кризис в истории человечества разразился по вопросу о видимости. Мир подошел вплотную к тотальному уничтожению из-за вопроса о престиже».

На подобные утверждения Дж. Кеннеди отвечал, что обязан действовать — в противном случае против него будет возбужден процесс импичмента, лишения президентского поста. 22 октября 1962 г. была объявлена блокада Кубы. Все это показывает, что американская правящая элита находилась в состоянии невероятного опьянения своей мощью. То были достаточно короткие годы упоения всемогуществом. Вслед за событиями на Плайя-Хирон карибский кризис положил начало процессу определенного отрезвления, понимания, что в современном ядерном конфликте не может быть победителей и дипломатия «холодной войны» должна помнить, что ее ошибки могут иметь фатальные последствия.

Столкнувшись с угрозой ядерной катастрофы в октябре 1962 г., Кеннеди осознал, что подобная цена просто иррациональна. Дж. Кеннеди пришел к выводу, что абсолютное отстаивание превосходства повсюду может вовлечь США в ядерный самоубийственный конфликт, привести к национальной катастрофе. Для Белого дома стало очевидным, что нагнетание враждебности до степени военного конфликта не всегда служит американским

интересам — наоборот, оно может способствовать отчуждению обеспокоенных нейтралов, отходу уstraшенных подобными действиями союзников.

Исторические уроки стало давать свои результаты во всем гигантском процессе «холодной войны». Стало ясно, что «кризисное регулирование является слишком опасным делом и события могут развиваться слишком быстро». В 1963 г. была установлена прямая линия связи между Белым домом и Кремлем. В том же году Соединенные Штаты пошли на важный шаг — ограничение испытаний ядерного оружия. Договор об ограничении испытаний означал, что американская сторона увидела ту реальность, которую она прежде откровенно игнорировала: увеличение количества ядерных боезарядов не укрепляет безопасность как США, так и СССР.

Американская сторона сделала беспрецедентные шаги: поддержала вместе с Советским Союзом в ООН резолюцию, запрещающую размещение ядерного оружия в космосе, подписала соглашение о продаже СССР зерна. Особенно существенное значение имел заключенный в Москве в августе 1963 г. Договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космическом пространстве и под водой, ставивший реальную преграду на пути совершенствования ядерного оружия, оберегавший экологическую среду и в целом служивший целям взаимного доверия трех подписавших его сторон — СССР, США и Англии. Белый дом при Кеннеди в период между октябрем 1962, и ноябрем 1963 г. взял курс на то, чтобы охранять коренные американские интересы, в частности, блокированием пути к разрушительному советско-американскому конфликту, чтобы в третьих странах создать дополнительные «прокладки» между внешнеполитической деятельностью США и советскими внешнеполитическими интересами. В речах президента прозвучали идеи, означавшие, что в понимании американским руководством своих интересов появился важный новый элемент: слепая враждебность к СССР может в кризисной ситуации погубить и глобальную зону влияния, и саму Америку.

Возглавляемый Дж. Кеннеди круг политиков на рубеже 1962 — 1963 годов как бы открыл для себя усложняющийся мир, в котором прямолинейные силовые действия могут дать необратимые негативные результаты. Нужно отдать должное дальновидности Дж. Кеннеди, который, пройдя через период самоуверенности и силовой дипломатии, обрел опыт и публично усомнился в прежних аксиомах «холодной войны» в мире, где большинство населения «не являются белыми... не являются христианами... и ничего не знают о системе свободного предпринимательства или подлинном юридическом процессе». На своей последней пресс-конференции президент проявил понимание сложности осуществления опеки над огромными территориями развивающихся стран: «Эти страны бедны, они настроены националистически, они горды, они во многих случаях радикально настроены. Я не думаю, чтобы угрозы, исходящие с Капитолийского холма, принесли те результаты, на которые мы часто надеемся... Я думаю, что это очень опасный, лишенный равновесия мир. Я думаю, что мы должны сосуществовать с ним».

Одним из наиболее важных выводов из Карибского кризиса было осознание опасности распространения ядерного оружия. В начале 60-х годов ядерным оружием обладали четыре державы — СССР, США, Англия и Франция, на подходе к ядерному порогу находилась КНР. Дальнейшее распространение ядерного оружия сужало зону действия Вашингтона, с одной стороны, и грозило возможностью превращения обычных конфликтов в ядерные — с другой. США приложили в 1962 г. значительные усилия, чтобы замедлить развитие ядерных программ Англии и Франции, тех союзников, на которых Вашингтон мог оказывать давление. Дж. Кеннеди увидел еще одну особенность ядерного века: распространение ядерного оружия грозило подорвать исключительное положение самих США в этой области.

Взгляды по вопросу об отношении к распространению ядерного оружия администрации Дж. Кеннеди выразил генерал М. Тэйлор. Он писал: «Маловероятно, чтобы мы использовали ядерные силы для целей, выходящих за пределы обеспечения нашего национального выживания. Когда же наша жизнь будет поставлена на карту? Двумя определенными случаями были бы: атомная атака на континентальные Соединенные Штаты или убежденность в бесспорной неизбежности такого нападения. Третьим возможным случаем было бы крупномасштабное

наступление на Западную Европу...». Любые акции, меньшие по своей значимости, чем угроза Западной Европе, по мнению Тэйлора, не являлись достаточным основанием для ядерного выступления США. Все «малые» конфликты должны были решаться при помощи обычных вооруженных сил. По американским схемам, западноевропейским союзникам надлежало наращивать мощь обычных вооруженных сил, уступая США инициативу в области ядерных сил.

Детализированной интерпретацией новых взглядов и логическим их завершением было появление так называемой «доктрины Макнамары», впоследствии ставшей официальной доктриной США и НАТО под названием доктрины «гибкого реагирования». Суть ее заключалась в готовности Запада вести как тотальную атомную войну, так и локальные войны с применением или без применения ядерного оружия.

Против «холодной войны» выступало и отсутствие единства Запада. Так США встретили противодействие западноевропейцев по вопросам стратегии. На несовместимость американской и французской стратегических доктрин с наибольшей полнотой и ясностью указал начальник французского генерального штаба генерал Айере. Он противопоставил американской доктрине «гибкого реагирования» французскую национальную доктрину «обороны по всем азимутам». В конечном счете Соединенным Штатам не удалось овладеть контролем над атомным оружием всего западного мира.

Первая проигранная война

«Холодная война» расколола весь мир. В середине 60-х годов, ведя «холодную войну», Соединенные Штаты стали «охранять» свою безмерно растянутую зону влияния с отчаянной решимостью. Наиболее наглядным образом это проявилось у антиподов — во Вьетнаме. Америка бросила на решение вьетнамской проблемы огромные материальные силы. Численность американских войск во Вьетнаме в 1968 г. значительно превысила 500 тыс. Большинство американцев еще верило в необходимость охранять все аванпосты «холодной войны».

Почему американцы во Вьетнаме пошли на крайние меры? К началу 60-х годов американские правящие круги зашли в тупик. В подготовленном в 1962 г. для президента аналитическом документе совета национальной безопасности говорилось: «Значительные потери территории или ресурсов сделают для США более сложным осуществление цели создания того вида мирового окружения, какое они желают, породят пораженчество среди правительств и народов в некоммунистическом мире и вызовут разочарование внутри США». Америка не имела права проигрывать, не имела права отступать, что могло привести к подрыву национального самосознания американского народа и веры в США союзников — высокомерие здесь достигло своего пика. Такая посылка привела к нелепой и страшной в своей трагичности ситуации: вдали от американских берегов Соединенные Штаты сконцентрировали почти все, что могли, стремясь к самоубийственной цели — «ни за что не уступить», хотя отступление в данном случае означало лишь признание за вьетнамским народом того права, которое американцы считают первым и самым священным для себя, — права на самоопределение.

И только во второй половине 60-х годов в правящих кругах стало созревать убеждение в необходимости дифференцированно подходить к «холодной войне» — различать существенное и второстепенное, выделять действительно первостепенные по значимости для США регионы, форпосты и отделить их от зон, значение которых менее существенно. Вьетнам способствовал развитию этого процесса, как ничто иное. Сомнения охватили президента Л. Джонсона в феврале 1968 г., когда главнокомандующий американскими войсками во Вьетнаме генерал Уэстморленд в дополнение к находящейся в его распоряжении более чем полумиллионной армии запросил еще 206 тыс. солдат. Лишь с помощью семисоттысячной армии Уэстморленд обещал «усмирить» Вьетнам. Но для этого нужно было призвать на действительную службу резервистов. Возникла необходимость в мобилизации в ситуации, когда непосредственно: территории США никто не угрожал.

Годы вьетнамской войны способствовали политическому отрезвлению широких масс американского народа, еще убежденных в необходимости «холодной войны». Но отрезвление шло медленно. Большинство американского общества поддерживало войну во Вьетнаме по меньшей мере до февраля 1968 г., до национального вьетнамского праздника Тет, когда Фронт национального освобождения Южного Вьетнама широким наступлением опрокинул все надежды интервентов и их пособников. Потери, понесенные во Вьетнаме, фиаско 1968 г., потрясающие свидетельства очевидцев, журналистов и политиков, выступивших критиками вьетнамской авантюры, вызвали крах экспансионистской психологии. В умах американских стратегов началось просветление. Выступая перед комиссией по иностранным делам американского сената, Дж. Кеннан («отец» теории сдерживания) пришел к следующему выводу: «Наш престиж в глазах мира будет больше в том случае, если мы решительно и мужественно отойдем с неразумных позиций и не будем упорно преследовать экстравагантные и ничего не обещающие цели».

Даже у таких самоуверенных и хладнокровных деятелей администрации, как Р. Макнамара, война во Вьетнаме начала вызывать в 1966 — 1967 годах серьезную озабоченность. За безоговорочное продолжение войны во Вьетнаме выступали только «ястребы» типа братьев У. и Ю. Ростоу, для которых даже малое отступление в «холодной войне» казалось непозволительным. К марту 1968 г. Л. Джонсон оказался изолированным в собственной партии, в кругу прежних единомышленников, и вынужден был 30 марта 1968 г. заявить о своем выходе из политической игры, об отказе баллотироваться на президентский пост во второй раз. Ошибкой дипломатии Вашингтона была переоценка американских возможностей в мире.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ ЭРА ПЕРЕГОВОРОВ

Торможение «холодной войны»

Отчаянный рывок Кеннеди — Джонсона в 1961 — 1967 годах не дал США долговременного стратегического превосходства, СССР достиг паритета на высоком уровне. Впервые после президента Трумэна посерьезневшая Америка летом 1967 г. в Глассборо пошла на встречу с руководством СССР (Джонсон-Косыгин). Два обстоятельства подталкивали Вашингтон: гонка вооружений не дала США превосходства, а сформировала стратегический паритет; Вьетнам изолировал Америку даже в западном мире. Теперь контакты с СССР могли сделать продолжающуюся «холодную войну» менее опасной.

Делая шаги в направлении улучшения отношений с Советским Союзом, администрация Р. Никсона исходила из того, что планы периода «холодной войны» о достижении некоей «позиции силы», с которой можно будет начинать переговоры с СССР, если и имели под собой основание, то лишь на рубеже 40 — 50-х годов. В дальнейшем Запад удалялся от искомой «позиции силы». Если США и в дальнейшем будут тешить себя иллюзиями о достижении в некоем будущем абсолютно превосходящих позиций, то они лишь вынудят СССР еще более увеличить усилия по самообороне. В критической обстановке конца 60 — начала 70-х годов, когда СССР достиг состояния стратегического паритета с США, а США «завязли во Вьетнаме», американское руководство решило добиться упорядоченности в советско-американских отношениях.

И советское руководство постепенно отошло от прежнего ожесточения, принесшее вторжение в Венгрию и Чехословакию в 1956 и 1968 годах. Вот что зафиксировано в документах XXIV съезда КПСС: «Улучшение советско-американских отношений отвечало бы интересам советского и американского народов, интересам упрочения мира».

Конкретные задачи США в начавшемся диалоге с СССР, обещавшем ослабление противостояния «холодной войны», были таковы: достичь договоренности по стратегическим вооружениям,; заморозить, насколько это возможно, статус-кво в развивающемся мире. В

качестве «платы» за это американская сторона была готова — и обещала — понизить таможенные барьеры, продавая товары высокой технической сложности и продовольствие; предоставлять кредиты; признать как окончательные границы в Европе.

Администрация Р. Никсона внесла корректировку в систему стратегического планирования, направленного против Советского Союза, предпочтение «выборочного» — в пику тотальному — подходу в ведении «холодной войны». Президент Никсон критически отнесся к всемасштабному военному строительству и скорректировал доктрину «гибкого реагирования» в пользу «реалистического сдерживания». Если предшественники хотели иметь превосходство над Советским Союзом по всем параметрам, то Р. Никсон выдвинул концепцию «достаточности». Никсон: «Наша цель состоит в том, чтобы иметь уверенность, что Соединенные Штаты обладают достаточной военной мощью, чтобы защитить свои интересы и поддержать те обязательства, которые администрация сочтет существенными для интересов Соединенных Штатов во всем мире. Мне кажется, достаточность была бы лучшим термином, чем превосходство».

Такая корректировка означала более экономичный подход к военным расходам, более бережное отношение к расшатанной военными расходами экономике страны. Как и в 50-х годах США хотели сохранить за собой роль «ядерного меча» Запада, заполняя компонент обычных сил войсками союзников.

Договоры ОСВ-1 и ПРО

По прошествии полугода пребывания у власти представители администрации Р. Никсона заявили о готовности начать переговоры с СССР, и они начались 17 ноября 1969 г. в Хельсинки. После двух с половиной лет переговоров удалось найти почву для обоюдовыгодного компромисса. Обе стороны, согласно бессрочному Договору об ограничении систем противоракетной обороны (подписан в Москве 26 мая 1972 г.), отказались от дорогостоящего и дестабилизирующего строительства систем противоракетной обороны по периметру своих границ. Договор от 26 мая 1972 г. оказал важнейшее стабилизирующее влияние на советско-американский военный баланс. Впервые в послевоенный период США отказались развертывать крупную, имеющую стратегическое значение систему.

Вторым важнейшим шагом, сделанным в мае 1972 г., было заключение Договора об ограничении стратегических вооружений — ОСВ-1. СССР и США зафиксировать примерный паритет центральных стратегических систем в Договоре ОСВ-1 (1972). То был первый договор об ограничении ядерных вооружений, согласно которому ограничивалось число стационарных пусковых установок МБР и пусковых установок баллистических ракет на подводных лодках. Договором и временным соглашением (сопутствующим договору) юридически закреплялся принцип равной безопасности в области наступательных стратегических вооружений. Поистине капитальные изменения произошли в ходе «холодной войны»: США признали равными себе по силе и статусу другую державу — Советский Союз. Подписание этих важнейших соглашений позволило в середине 70-х годов добиться значительного оздоровления международной обстановки. То была дань реализму, и она сразу же оказала оздоровляющее влияние на всю систему советско-американских отношений.

Москва в 1971 г. подтвердила свою приверженность идеям мирного сосуществования как альтернативы «холодной войне»: «Мы исходим из того, что улучшение отношений между СССР и США возможно. Наша принципиальная линия в отношении капиталистических стран, в том числе США, состоит в том, чтобы последовательно и полно осуществлять на практике принципы мирного сосуществования; развивать взаимовыгодные связи, а с теми государствами, которые готовы к этому, сотрудничать на поприще укрепления мира, придавая максимально устойчивый характер взаимоотношениям с ними». Отход от политики конфронтации привел к материализации климата «разрядки»: десятки соглашений по вопросам торговли, судоходства, сельского хозяйства, транспорта, мирного использования атомной энергии и т. п. Казалось, что возникает новый мир с более обнадеживающими перспективами.

При этом Р. Никсон и Г. Киссинджер видели в политике разрядки, пользуясь определением американского историка Дж. Гэддиса, попытку «сдержать мощь и влияние Советского Союза на основе комбинации давления и соблазнов, которые должны были в случае успеха убедить русских, что в их собственных интересах быть сдерживаемыми». Администрация Никсона стремилась в своей деятельности осуществить синтез стратегической цельности эйзенхауэровского подхода с тактической гибкостью линии Кеннеди — Джонсона. Целью ее были концентрированные усилия по созданию структурно оформленной системы связей с пестрой совокупностью нескольких десятков стран, зависимых в той или иной степени от США. Причины неудач данной политики заключались в том, что Вашингтон пытался организовать зависимый от США мир в тот исторический период, когда возможности американского воздействия значительно ослабли и когда исчезли навсегда как стратегическая неуязвимость США, так и их исключительное экономическое превосходство, позволявшее им активно применять экономические рычаги воздействия в отношении союзников.

Похолодание

Уход Никсона с политической арены после уотергейтского скандала (1974) нанес удар по инициативам, противостоящим «холодной войне». В политике американской правящей элиты по отношению к СССР начинается брожение, вызванное давлением правых сил, считавших «разрядку» ложной концепцией, способствующей (а не препятствующей) крушению американских позиций в мире. А правые усиливали контрнаступление. В феврале 1974 г. сенатор Голдуотер выразил кредо противников улучшения отношений с СССР: «Мы никогда не были в худшей позиции, чем сегодня... СССР превосходит нас в каждой категории вооружений... Мы были по глупости втянуты в договор о прекращении испытаний ядерного оружия и в переговоры ОСВ... Все это поставит США в позицию слабости». С октябрьского (1973 г.) кризиса на Ближнем Востоке и объявления Организацией стран — экспортеров нефти эмбарго на поставки нефти в США начинается постепенный отход от политики улучшения советско-американских отношений таких ее первоначальных проводников, как Г. Киссинджер.

Республиканская администрация оказалась «не готовой» к распаду португальской колониальной империи, что привело к потере американских позиций в бывших португальских колониях — Анголе и Мозамбике, образованию линии так называемых «прифронтовых государств», расположенных на границах с ЮАР, готовых оказать помощь черному населению ЮАР в борьбе против режима апартеида в Южной Африке и враждебных американскому влиянию. В Западной Азии крупнейшей ошибкой администрации Р. Никсона была исключительная опора на «самый стабильный режим» — шахский Иран, которому с 1972 г. стали продаваться все виды оружия, за исключением стратегического. Ошибка этой ориентации стала очевидной для всех с падением режима шаха в 1979 г. На Среднем и Ближнем Востоке США не сумели занять более или менее прочных позиций в среде арабских стран (за исключением таких стран, как Саудовская Аравия), что осложнило реализацию американских интересов в этом районе после войны 1973 г. В Восточном Средиземноморье поддержка, оказывавшаяся американцами правительству «черных полковников» в Греции, стимулировала в 1974 г. волнения на Кипре, следствием чего были высадка на острове турецких войск и общее ухудшение греко-турецких отношений.

Полагаем, что емкую и в целом верную оценку курса республиканцев дал американский историк Дж. Гэддис: «Киссинджер стремился к философскому углублению» американского подхода к мировым делам: концентрироваться на строительстве стабильного международного порядка между сверхдержавами, а уже потом приступать к различным кризисам повсюду... Только на этом пути, думал он, могли быть достигнуты необходимая пропорция и чувство направленного движения, исчезнувшее из недавней американской внешней политики. Оказалось, что достижение перспективы требует жертвы в отношении деталей: свехупрощение является платой за более широкое видение».

События середины 70-х годов (распад португальской колониальной системы, участие левых сил в работе ряда западноевропейских правительств, невиданная активизация внешней политики развивающихся стран, сепаратизм главных партнеров США по блокам) способствовали ожесточению «холодной войны».

Демонстративные обсуждения военных планов, характерные для периода пребывания у власти президента Дж. Форда, нанесли удар по климату и идеям разрядки международной напряженности, подорвали возможность улучшения советско-американских отношений. Сторонники жесткого курса объективно отбрасывало мировое сообщество к периоду конфронтации двух лагерей. Военный бюджет США на 1975 г. знаменовал собой конец тенденции первой половины 70-х годов — сокращения американских военных расходов в реальном исчислении и положил начало новому периоду их роста. Правящие круги США отказались от схем, порожденных вьетнамским фиаско, схем «более прочной» мировой структуры.

Не способствовала нормализации советско-американских отношений выдвинутая министром обороны США Дж. Шлесинджером инициатива по перенацеливанию американских ядерных средств с гражданских объектов предполагаемого противника на военные (выступление Дж. Шлесинджера 10 января 1974 г.). В Советском Союзе эта инициатива была воспринята как попытка рационализации ядерного конфликта, стремление США быть готовыми к нанесению первого удара — ведь по ракетным шахтам и взлетным полосам имеет смысл наносить удар, когда ракеты еще не запущены, а бомбардировщики не взлетели. Принятая республиканской администрацией так называемая «доктрина Шлесинджера» говорила о том, что конфликт с СССР видится в Вашингтоне мыслимым и что там готовятся к достижению превосходства над СССР если не по количественным параметрам (Договор ОСВ-1 фиксировал количественные потолки), то по качественным показателям — ведь для поражения военных целей нужны более точные ракетно-ядерные системы.

В русле «холодной войны» были приняты в США решения о модернизации всех трех звеньев стратегической триады — о создании стратегического бомбардировщика Б-1, межконтинентальной баллистической ракеты МХ и подводной лодки типа «Трайидент». С приходом к власти президента Дж. Форда трезвые качала, характеризующие американское стратегическое планирование периода заключения Договора ОСВ-1, стали уступать место курсу, основанному на вере в возможность вырваться вперед в стратегической области, в допустимость ведения контролируемого ядерного конфликта. В июле 1975 г. в обстановке активизации правых сил, вызванной реакцией на освобождение Южного Вьетнама, Дж. Шлесинджер заявил, что США не исключают возможности применения стратегического ядерного оружия первыми. В декабре 1975 г., согласно единому интегрированному плану № 5, ядерные силы США и их союзников по НАТО были распределены для поражения 25 тыс. целей на территории СССР и его союзников по Варшавскому договору.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ ДЖ. КАРТЕРА

«Холодная война» и трехсторонность

В январе 1977 г. президентом США стал Дж. Картер. Главной ступенью для продвижения в высшие эшелоны власти послужило его участие в работе так называемой «трехсторонней комиссии». Финансировавший работу комиссии Д. Рокфеллер и непосредственный организатор, председатель «трехсторонней комиссии» З. Бжезинский нуждались в представителе американского Юга. Их выбор пал на губернатора штата Джорджия. Постепенно идеи трилатерализма, первостепенного значения для США объединения трех центров развитого капитализма — США, Западной Европы и Японии, стали собственным мировоззрением Дж.

Картера. Именно в этой комиссии он приобрел опыт, влиятельных друзей и стратегию, альтернативную киссинджеровской, которую (вместе с президентом Дж. Фордом) стала отвергать американская элита.

В ходе предвыборной кампании 1976 г. молодежавый и улыбчивый Дж. Картер как кандидат демократов развернул целую платформу новых взглядов на ведение «холодной войны», противостоявших отвлеченным и дискредитировавшим себя схемам строительства многополярного мира. сделал акцент на трилатерализме, на жизненно важном для США сплочении зоны развитого капиталистического мира, чтобы противостоять неблагоприятным тенденциям мирового развития. Претендент от демократической партии подверг критике то, что было названо им дипломатией «одинокое всадника», — линию Г. Киссинджера, ориентацию на «отвлеченные схемы». Дж. Картер утверждал, что отвергает такой способ ведения «холодной войны», когда глобальный военный баланс продолжает смещаться в сторону СССР, что излишнее увлечение развитием отношений с СССР и ведет к отчуждению основных союзников США.

Увлеченность дипломатией, полагал Дж. Картер, основанной на идее баланса сил, потенциально опасна для США. Она «разъедает» жизненно важные союзы, вызывает отчуждение наиболее близких союзников среди относительно не большого — по сравнению с развивающимся миром — региона развитых западных государств. Картер считал, что цели Америки в «холодной войне» должны быть провозглашены более определенно и более достижимо — должны быть направлены на те страны, в отношениях с которыми у США есть очевидные рычаги воздействия. «Реальполитик» Киссинджера опасна для целостности зоны, находящейся в зависимости от США, для сохранения американского влияния в мире». Он видел в восьмилетнем правлении предшественников неудачную попытку построить умозрительный мир.

Пришедшие к власти демократы принципиально не верили в возможность успеха за счет неожиданного маневрирования и рискованных комбинаций. Их кредо было сходно с следующей оценкой положения, данной госсекретарем С. Вэнсом: «Наша относительная экономическая мощь в мире неизбежно уменьшилась частично вследствие восстановления и процветания пораженных войной индустриальных стран, частично потому, что другие страны либо проделали трудный экономический подъем в мире современной экономики, либо потому, что они обладают редкими и важными естественными ресурсами. Мы тоже внесли лепту в наш относительный экономический упадок, растранив часть своего экономического капитала, позволив нашим заводам и оборудованию в ключевых отраслях стареть по мере того, как мы во все возрастающей степени стали обращаться к экономике сферы обслуживания. Мы пренебрегли фундаментальными исследованиями и разработками, как в военной, так и в гражданской сферах».

36. Бжезинский, главный идеолог администрации Картера: «Мир, в котором США диктуют свою волю большинству развитых и развивающихся стран, приходящийся на 50-е годы, неповторим». Глобальное всемогущество уже невозможно, целью Америки становится не абсолютное доминирование в нем, а «сделать мир более близким по взглядам к нам» и «предотвратить создание положения, когда Америка оказалась бы в одиночестве». Главная тенденция международного развития к концу века проявится в выходе на международную арену новых сил, радикально изменивших прежнюю европоцентристскую картину мира. 36. Бжезинский стремился определить оптимальную стратегию для Америки путем обращения к более широкой исторической панораме. Он напоминал, что если в 1900 г. среди 12 крупнейших по населению стран мира значились шесть европейских держав (Россия, Германия, Австро-Венгрия, Великобритания, Франция и Италия) и две колонии (Индия и Индонезия), то к 2000 г. среди 12 наиболее населенных стран мира развитый капитализм будет представлен лишь Соединенными Штатами и Японией.

36. Бжезинский считал главной задачей американского руководства в «холодной войне» устранение негативных для мирового капитализма последствий ослабления Западной Европы,

что помогло бы сохранить на долгое время уникальные условия, так возвысивших Соединенные Штаты после окончания второй мировой войны. Было бы исторической слепотой, полагал он, ставить во главу угла отношения США с СССР. Не отсюда исходит угроза Америке. «Угроза, перед которой стоит человечество, — это не советская угроза, а глобальная анархия». Эпицентр явлений, ослабляющих относительное могущество Америки в мире, подрывающих американскую международную систему, по мнению Дж. Картера и Зб. Бжезинского, сместился в развивающиеся страны, и главной линией мирового противодействия стала ось Север — Юг. Американская политика, направленная на сохранение влияния Америки, должна быть инициативной и энергичной. «Нет никакой возможности избежать принятия активной, широкомасштабной американской внешней политики, направленной на решение проблем, внутренне присущих возникшему деколонизованному и политически пробудившемуся миру. В то же время именно ввиду того, что американская мощь относительно уменьшилась, становится все более необходимым, чтобы Америка все более тесно сотрудничала со своими главными друзьями вопреки политически привлекательному внутреннему давлению в пользу протекционизма и односторонности», — утверждал Зб. Бжезинский.

В этом тезисе заключается сущность политической стратегии администрации Дж. Картера. У США, взятых отдельно, недостаточно сил, чтобы справиться с исторической тенденцией, уменьшающей относительную мощь США. Способ для сохранения их влияния был усмотрен администрацией Картера в объединении сил трех центров — США, Западной Европы и Японии.

В наиболее детализированном виде теоретическая основа стратегии администрации Дж. Картера представлена в документе, подготовленном для президента в апреле 1977 г. Все члены мирового сообщества были разделены на три категории по степени интереса, который они представляли для США. В первую группу вошли «ближайшие друзья в индустриальном мире». Во вторую — образовавшиеся после деколонизации государства, в третью — страны, социальная система которых противоположна западной.

Степень приоритетности внешнеполитических задач была определена по следующей шкале:

- наладить координацию развитых западных стран для выработки общего подхода к негативным для Запада явлениям международной жизни (прежде всего в вопросе выработки экономических связей Север — Юг);
- ослабить скорость распространения средств обретения могущества: замедлить процесс передачи атомных электростанций, реакторов и прочих ядерных объектов, сократить экспорт вооружений из зоны развитых государств в сферу развивающихся стран;
- ускорить решение проблемы «потенциальных вьетнамов»: вывести американские войска из Южной Кореи, добиться договоренности с правительством Панамы по вопросу о статусе Панамского канала и американского присутствия в его зоне, наметить пути ослабления конфронтации ЮАР и соседних африканских стран, попытаться добиться контроля над кризисом на Ближнем Востоке.

Дж. Картер призывал переместить американские усилия со «сверхвовлеченности» в диалог Восток — Запад на те направления, где США могут эффективнее использовать свои внешнеполитические возможности, прежде всего на сплочение развитых западных демократий, объединение сил Запада.

Политика в отношении СССР

Обозревая «холодную войну» своего времени, Дж. Картер и его ближайшее окружение стремились принизить значение советско-американских отношений. В официальном, многократно повторяемом списке внешнеполитических приоритетов демократической администрации отношения с СССР всегда находились на третьем месте — после укрепления связей с союзниками и формирования общей линии Запада в отношении развивающихся стран. Этим подчеркивался отрыв от курса предшественников — Р. Никсона и Дж. Форда, которые

якобы излишне акцентировали связи с СССР, расходовали американскую энергию на том направлении, где у США нет рычагов воздействия, убедительных козырей, эффективных дипломатических каналов. Дело отношений с СССР при президенте Картере сводилось фактически только к военному, более того, военно-стратегическому аспекту, отводя всему спектру отношений с СССР третьестепенное в своем стратегическом видении место.

Стратегическое планирование в отношении СССР осуществлялось при президенте Дж. Картере в двух плоскостях. В одной — американское правительство признало паритет и подписало Договор ОСВ-2, фиксирующий примерное равенство стратегических арсеналов двух великих держав. В другой плоскости американское руководство упорно искало пути оптимизации своей военной машины, осуществляло модернизацию своих стратегических сил.

1. Рассмотрим вначале первую, так сказать позитивную, сторону стратегии администрации Дж. Картера.

Администрация в общем и целом восприняла доктрину «гибкого реагирования» — главенствующую военную доктрину США 60 — 70-х годов с теми поправками (перенацеливание на военные объекты), которые привнес в нее в середине 70-х годов Дж. Шлесинджер. В общем, и целом стратеги периода Дж. Картера были едины в том, что существует примерное военно-стратегическое равенство и что это равенство следует сохранять. От первого своего теоретико-аналитического документа («Президентский обзорный меморандум № 10», весна 1977 г.) до последнего (послание министра обороны Г. Брауна конгрессу 19 января 1981 г.), — администрация признавала, что существует стратегический паритет, что этот паритет долговечен, что сломать его крайне сложно, если не невозможно.

Первый указанный документ, «Президентский обзорный меморандум № 10», был результатом президентского задания межведомственной группе (в рамках Совета национальной безопасности) как анализ глобального военного баланса и соотношения сил СССР — США. Его главная идея: имеет место равновесие, оно устойчиво. Согласно расчетам, представленным в меморандуме, ни одной из двух стран ни при каких обстоятельствах не удастся избежать второго, ответного удара. Обмен ядерными ударами будет означать уничтожение трех четвертей экономики каждой из сторон. Людские потери, по приводимым расчетам, составят в СССР 113 млн., в США — 140 млн.. Всеобщая ядерная война будет означать конец исторического развития для обеих стран.

Во втором упомянутом документе, послании Г. Брауна конгрессу за три дня до ухода его с поста военного министра, указывалось, что возможность достижения одной из сторон стратегического превосходства — опасная фикция, ситуация взаимного гарантированного уничтожения — сохранится на весь обозримый период. При таком подходе (базовая идея которого гласит, что от ситуации равенства никуда не уйти) создавались предпосылки договорной фиксации военно-стратегического паритета. И, хотя американская сторона приложила невиданные дипломатические усилия по включению в обсуждаемый договор односторонних преимуществ, к лету 1979 г. был достигнут компромисс, зафиксированный в Договоре ОСВ-2, подписанном советской и американской сторонами в Вене 18 июня 1979 г. Он определял количество носителей стратегического оружия для обеих сторон.

Советский Союз, идя на компромисс, каковым являлся Договор ОСВ-2, жертвовал многим. Прежде всего, он дал согласие сократить свои стратегические силы на 10%, отказался от ряда программ, находившихся на различных стадиях разработки или развертывания. Но и для Соединенных Штатов договор ставил существенные барьеры. Так, США вынуждены были ограничить себя в численности баллистических ракет с разделяемыми головными частями не более 1200 единиц), в численности крылатых ракет (не более 3000 авиационных крылатых ракет). Общее число носителей ядерного оружия фиксировалось цифрой 2250. Согласно протоколу к Договору ОСВ-2, запрещалось развертывание крылатых ракет наземного и морского базирования дальностью свыше 600 км. Обе стороны — СССР и США — заявили о том, что будут соблюдать его положения до тех пор, пока на нарушение его положений не пойдет

противостоящая сторона.

Несомненно, что подписание Договора ОСВ-2 было положительным явлением. Оно означало, что в высшем эшелоне власти США созрело убеждение: для их позиций в мире лучше взаимная американско-советская сдержанность, чем авантюрные попытки достичь стратегического превосходства. Подписание этого договора означало, что администрация Дж. Картера считала исторически необходимым найти определенные ограничения в ходе гонки стратегических вооружений, что она фактически потеряла веру в возможность силовым путем (или путем технологических прорывов) обойти СССР, поставить его перед ситуацией преобладающей мощи, заставить его корректировать свой внешнеполитический курс ввиду стратегического превосходства США. Это было позитивное явление, проникновение реализма в сферу стратегического планирования США. Договор ОСВ-2, каким он был подписан в Вене, становился отправной точкой изменения самоубийственных силовых основ во внешнеполитическом планировании обеих держав.

Однако наряду с этой положительной тенденцией во внешнеполитическом планировании, как говорилось выше, действовала и другая тенденция.

2. Примирение с идеей равенства с кем бы то ни было всегда было сложной задачей для США, где все послевоенное поколение выросло в обстановке безусловной веры в неограниченное американское превосходство во всем, не говоря уже об области технологии. Поэтому признанию реальностей в мире в целом и в американско-советских отношениях в частности сопутствовали буквально неистовые попытки выйти из «заколдованного круга», суметь получить первенство, достичь недостижимых граней, обеспечить превосходство на любом рубеже.

В годы президентства Картера эти попытки шли параллельно с признанием факта примерного равенства. В самом начале деятельности администрации Дж. Картера было принято решение о создании средств поражения космических объектов — спутников. Известно, что спутники обеспечивают информацией СССР и США, что позволило, помимо прочего, выработать соглашения ОСВ-1 и ОСВ-2, проверяемые национальными средствами. Подготовка к поражению этих критически важных контрольных устройств не могла интерпретироваться иначе, чем подготовка к созданию ситуации, когда возможен первый удар. В июне 1977 г. президент Дж. Картер принял решение о переоснащении межконтинентальных баллистических ракет «Минитмен-3» новыми многозарядными боеголовками МК-12А, что сразу значительно увеличивало стратегический потенциал США.

Эта негативная сторона политики Дж. Картера в области ядерных вооружений нашла наиболее полное выражение в определяющем цели ядерного поражения в СССР так называемом «едином интегрированном плане распределения целей» (СИОП-5Д). Согласно этому плану, число целей в СССР увеличивалось с 25 до 40 тыс. Помимо прочего, увеличение числа целей оправдывало наращивание американского ядерного арсенала. Такое оснащение военной машины США могло быть достигнуто лишь за счет значительного увеличения военных расходов. Первый годовой военный бюджет при Картере равнялся 113 млрд. долл., последний — 180 млрд. долл.

Администрацией Картера были ускорены работы над новыми стратегическими и обычными вооружениями. Наиболее существенные среди них: качественно новые по своим боевым данным ракеты подводных лодок «Трайидент-2», новые межконтинентальные баллистические ракеты МХ17. Первый же военный бюджет демократов (на 1977/78 финансовый год) знаменовал собой увеличение средств на новые стратегические системы — дополнительные 450 млн. долл. на разработку крылатых ракет и самолетов-носителей. Было запланировано создание 14 подводных лодок типа «Огайо» к 1989 г. (три лодки в два года).

Началось наращивание обычных вооружений. Идейной подготовке этого процесса послужили стратегические суждения, вынесенные в ходе выполнения задания, данного президентом Картером 20 февраля 1977 г. межведомственной группе, по анализу советско-американских отношений и существующего глобального стратегического баланса.

Принятая после обсуждения созданного группой доклада президентская директива № 18 определила рост обычных вооруженных сил США на последующие годы. Число сухопутных дивизий было увеличено с 13 до 16. Впервые почти за 20 лет произошло увеличение американского контингента в Западной Европе (на 20 тыс. человек), увеличены были и силы, расположенные в США и предназначенные для переброски в Западную Европу. Под давлением американцев было активизировано военное планирование в НАТО. На сессии совета НАТО в мае 1978 г. была принята пятнадцатилетняя программа военного роста НАТО. Речь шла, прежде всего, о примерно 100 программах общей стоимостью около 90 млрд. долл.

Подведем общий итог. С одной стороны, администрация Картера признала стабильность стратегического паритета и пошла на подписание Договора ОСВ-2, его фиксирующего. С другой стороны, наращивание обычных и ядерных вооружений не могло быть интерпретировано иначе, как стремление изменить этот паритет в свою пользу, о чем частично свидетельствовала и определенная пассивность администрации в отстаивании Договора ОСВ-2 в первые месяцы после его подписания, а затем и изъятие самого договора из сената.

В дальнейшем политическая реальность медленно, но неотвратимо, вернула советско-американским отношениям их подлинную — первостепенную значимость. Необходимость разрешения (и даже рассмотрения) основных глобальных и региональных проблем делала подобную практику малоэффективной.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ Р. РЕЙГАНА

Правый республиканизм

Из избирательной кампании 1980 г. победителем вышел Р. Рейган, который следовал за консервативной группировкой, возглавляемой сенатором-республиканцем Б. Голдуотером, считавшим уже президента Л. Джонсона «слишком мягким» в «холодной войне». Губернатор Калифорнии Рейган стал объединять вокруг себя политические силы, стоящие на правом фланге республиканской партии. Его сторонники опирались на разработки нескольких «мозговых трестов». Главные «фабрики мысли» правых — Фонд наследия, а также Американский предпринимательский институт, Гуверовский институт войны, мира и революции при Стэнфордском университете, Центр международных и стратегических исследований при Джорджтаунском университете. Неоконсерваторы с Запада нашли связи с консерваторами в столичных кругах и на Атлантическом побережье. «Консервативная тяга» способствовала выдвижению идеологически однородного состава правых дипломатов, желающих вести в «холодной войне» жесткую линию.

Годы борьбы Р. Рейгана за власть пришлось на время войны США во Вьетнаме. Он и его единомышленники никогда не соглашались с поражением Америки, не признавали ошибочности «сверхвовлеченности» США в мировые дела и активно боролись со взглядами «пораженцев». Если практики в лице Никсона, Форда и Картера и теоретики в лице Киссинджера и Бжезинского признали (в той или иной степени) поучительность вьетнамского опыта как подтверждающего «неправомочность усилий США на периферии», то группа Рейгана полагала, что о поучительности этого опыта можно говорить только в том смысле, что 700 советников в 1961 г. и 500 тыс. солдат в 1968 г. было недостаточно. Чтобы возобладать в «холодной войне», нужно было в 1961 г. сразу же обрушиться на Лаос и партизан в Южном Вьетнаме всей мощью. При этом, с их точки зрения, полезно было бы выдвинуть ультиматум тем странам, которые оказывали помощь Демократической Республике Вьетнам.

Р. Рейган был апологетом той политики Америки, которую она проводила во Вьетнаме: «Мы осуществляли во Вьетнаме благородную миссию». Он объявил, что пораженцы «не дали американским войскам добиться победы». В инаугурационной речи 20 января 1981 г. президент

Р. Рейган не преминул почтить память тех, «кто пал на рисовых полях Вьетнама». Сторонники Рейгана по принципиальным соображениям отказались признать «аксиомы» политики Никсона — Форда — Картера: факт ограниченности американских ресурсов, важность переговоров, пользу диалога с потенциальными противниками на основе равенства. «Его мир — это мир 1952 года, — писал обозреватель Х. Смит о Рейгане. — Он видит мир в черно-белых тонах».

Для сторонников Р. Рейгана исторический пессимизм был неприемлем. Отличительная черта правых республиканцев заключалась в том, что они верили в перелом указанной тенденции, в то, что падение международного веса Америки можно остановить, что можно, значительно укрепить американские позиции в мире. Для достижения этой цели, с их точки зрения, необходимы планомерные и сознательные усилия, и, прежде всего, отказ от фаталистического восприятия ослабления американской мощи.

В администрации Р. Рейгана сплотились те, кто хотел бы за счет наращивания жесткости в отношении потенциальных противников и игнорирования интересов развивающихся превозмочь в «холодной войне», возродить стратегию, основанную на увеличении военного арсенала США и силового курса на международной арене. Стратегов республиканской администрации вышла из созданного в середине 70-х годов Комитета по существующей опасности — правой организации, поставившей своей задачей достижение победы в «холодной войне», борьбу против процесса разрядки, Договоров ОСВ-1 и ОСВ-2, за новое американское самоутверждение в мире. Члены комитета заняли до 50% вакансий в высшем эшелоне администрации.

При отсутствии единственного главного «проводника» стратегического курса, шла борьба между несколькими центрами планирования — государственным департаментом (возглавляемым А. Хейгом, а затем Дж. Шульцем), министерством обороны во главе с К. Уайнбергером, советом национальной безопасности (утратившим часть своего прежнего престижа), кругом ближайших советников президента (Э. Миз, У. Кларк, М. Дивер, Д. Риган, Р. Аллен, Р. Макфарлейн). Президента устраивало это распыление прерогатив и власти.

Президент лично возглавил процесс пересмотра внешнеполитических концепций. Рейган полагал, что из-за «демагогических трюков» демократов и либералов всех мастей американская политическая система утратила свой былой ореол и стала едва ли не обличаемым злом. Р. Рейган нарочито «идеологизировал» место Америки в мире и указал развивающимся странам, что только повторение американского пути развития означает прогресс. С точки зрения консерваторов рейгановского толка, ложная самокритичность вашингтонских космополитов привела к дискредитации государственного устройства, конституционной системы США, а это нанесло удар по международному влиянию Америки. Это ослабило позиции Америки в «холодной войне».

Главное отличие

Главное отличие взглядов президента Р. Рейгана от его предшественников — Дж. Картера, Дж. Форда и Р. Никсона заключается в оценке возможностей США в мире. Предшественники придерживались «пессимистической» точки зрения: они полагали, что процесс уменьшения внешнеполитических возможностей США — объективный процесс, который можно замедлить, но не повернуть вспять. Р. Никсон и Г. Киссинджер, Дж. Картер и Зб. Бжезинский не только отмечали падение относительного веса США в мире, но и признавали неизбежность продолжения этого процесса в будущем. Рональд Рейган отказался признать эту истину.

Было организовано мощное психологическое давление на американский народ с целью изменить его восприятие мировых событий, дать власть тем деятелям, которые обещали «ликвидировать бессилие» Америки в неоконченной «холодной войне». Второй психологический прием, примененный сторонниками Р. Рейгана, — широковещательное утверждение о том, что возникла якобы опасность разрыва в уровнях стратегических вооружений. По их мнению, если позволить обстоятельствам развиваться своим путем, то возникнет «окно уязвимости» — бессилие США перед советской военной мощью. Дальнейшая

пассивность, утверждали они, приведет к быстрой потере Соединенными Штатами престижа мирового лидера, ответственной державы, покровителя своих союзников. США проиграют «холодную войну».

Были поставлены четыре крупные задачи:

1. В экономике был выдвинут ряд инициатив, получивших название «рейганомики» (мероприятия по «высвобождению» резервов американской экономики, по стимуляции американского экономического потенциала). В инаугурационной речи Р. Рейган поклялсякрепить экономическую мощь США: «Перефразируя Уинстона Черчилля, можно сказать, что я не для того дал клятву сейчас, чтобы председательствовать при распаде сильнейшей экономики мира».

2. Во внешней политике были осуществлены отход от картеровской «уважительности» к союзникам, поворот к опоре на «собственные возможности». Ради достижения американского превосходства администрация Р. Рейгана предпринимала попытки возродить ожесточение „холодной войны“, ужесточения международных отношений до степени двусторонней поляризации мира.

3. Не следует излишне полагаться на понимание, благожелательность и склонность к сотрудничеству внешних сил. Можно использовать помощь союзников, но видеть в этом лишь вспомогательный фактор: у союзников немало эгоистических интересов, и прежний опыт говорит, что в решающих испытаниях они предпочитают отсидеться в стороне (Корея, Вьетнам, Ближний Восток и т. п.). Можно идти по пути договоренностей с потенциальными противниками, но нельзя на этих договоренностях основывать глобальную политику страны.

4. Военно-политическая мощь США огромна, для ее активизации требуется ослабить сдерживающий «вьетнамский синдром». Нужно, чтобы нация поверила во всемогущество своей страны, до Вьетнама никогда не знавшей военных поражений. «Эра сомнений в себе окончена. Американцы снова желают быть первыми, — заявил президент Рейган, — мы действуем с целью восстановить уверенность в американском руководстве посредством более энергичной защиты американских идеалов и интересов». Увеличение доли военных расходов в валовом национальном продукте всего лишь на 2 — 3% позволит обновить стратегические силы и вернуть военно-морскому флоту возможности контроля над Мировым океаном, модернизировать контингент обычных сил. Соглашение на паритет с СССР означает поражение. Переговоры с Советским Союзом можно действительно вести лишь по завершении «броска» в стратегических вооружениях, что практически означало паузу в несколько лет.

Эти постулаты легли в основу курса администрации Р. Рейгана (1981-1989). Правые силы в США заявили о своей готовности еще один раз испытать «исторический шанс» Америки: полагаясь на мощь страны, попытаться возобладать в «холодной войне». Руководство США выдвинуло программу базовых стратегических целей, достижение которых должно было привести к укреплению позиций США в мире в целом — как в противоборстве с Советской Россией:

- нарушить стратегическое равновесие в мире посредством интенсивных усилий в военном строительстве; обеспечить вооруженным силам США возможность ведения продолжительного ядерного конфликта с реализацией американского преобладания на всех уровнях;
- отойти от принципов равенства в отношениях с Советским Союзом, занять положение «диктующей» стороны, сделать переговоры ареной конфронтации; постараться ослабить позиции СССР в «стратегическом уравнении»; консолидировать все имеющиеся антисоветские силы; постараться оказать давление на советскую экономику;
- восстановить гегемонию в военных союзах, укрепить единовластие США в них, добиться приобщения союзников к открытому антисоветскому курсу Вашингтона;
- содействовать дифференциации развивающихся стран, поддерживать страны, представляющие собой опору США в «третьем мире», закрепить связи с основными поставщиками сырья, активнее используя для этого продажу обычных вооружений и экономическую помощь;

- найти возможность сближения с КНР на антироссийской основе, не подрывая при этом связей с Тайванем, не ослабляя союза с Японией и «стимулируя» Китай на внутреннюю трансформацию в сторону рыночного пути развития.

«Холодная война»

Утрированная враждебность к СССР «упростила» стратегическое видение Вашингтона в годы пребывания Р. Рейгана в Белом доме. Критерием дружественности той или иной страны по отношению к США стала не степень приближенности ее строя к идеалам западной демократии, а степень антисоветизма ее политики. Р. Рейган и его окружение с января 1981 г. начали выводить на первый план анализа любой региональной ситуации фактор советско-американских отношений. Рейган утверждал, что «Советский Союз стоит за всеми происходящими беспорядками. Если бы не он, в мире не было бы конфликтов».

Американское руководство стало внедрять антагонистическое видение мира, резко противопоставлять США и СССР. Как пишет американский исследователь Р. Шиэр, «на поверхность всплыла целая клика сторонников „холодной войны“ из числа неисправимых „ястребов“ и „новых ястребов“, чьи симпатии никогда не были на стороне усилий в области контроля над вооружениями при правительствах Никсона, Форда и Картера. Члены этой группы категорически отвергли мирное сосуществование с Советским Союзом... Вместо этого они ищут возможности конфронтации». Россия и ее окружение характеризовались в необычайно мрачных даже по американским стандартам тонах.

Создание ситуации стратегического преобладания над СССР занимало центральное место в стратегии и военном строительстве администрации Р. Рейгана. Ломка стратегического паритета и достижение Соединенными Штатами военного преобладания виделись предпосылкой оказания политического давления на Россию. Предприняв значительное увеличение своего военного потенциала, республиканская администрация попыталась решить несколько задач:

- достижение превосходства по основным показателям в военной области;
- укрепление позиций американской дипломатии на двусторонних переговорах с СССР и на многосторонних форумах с целью реализации внешнеполитических целей США за счет уступок со стороны противников и за счет целенаправленного ужесточения своих позиций;
- втягивание Советского Союза в процесс гонки вооружений с целью отвлечения ресурсов в непроизводительные сферы, ослабление советской экономики, затруднение связей СССР с социалистическими и развивающимися странами, создание возможностей для экономического давления на СССР (программа наращивания американской стратегической мощи была рассчитана также на оказание воздействия на советское стратегическое строительство, ставила целью навязать СССР выгодные для США темпы и направления этого строительства, помешать принять меры по противодействию новым шагам США в области наступательных систем, усложнить для СССР выбор перспективных направлений оборонного строительства, в частности определения баланса между его стратегическими силами и силами обычного назначения);
- укрепление американских позиций на Западе за счет усиления позиций США в качестве гаранта статус-кво и защитника общих интересов Запада за счет нагнетания напряженности в международных отношениях и их милитаризации, что позволило бы перенести центр взаимоотношений в западном союзе из сферы экономико-политической в сферу военно-политическую, где США безусловно доминируют.

О поворотных моментах в разработке стратегических идей и военном строительстве лучше всего говорят принятые в Белом доме директивы о решениях по национальной безопасности (ДРНБ) # 13, # 32, # 85 и # 119.

Подписанная президентом Р. Рейганом в октябре 1981 года директива о решениях по национальной безопасности # 13 (ДРНБ # 13) поставила перед вооруженными силами США, во-первых, задачу планирования применения ядерного оружия на ранней стадии конфликта, во-вторых, задачу создания условий для преобладания над противником на любой — от

применения обычных вооруженных сил вплоть до начала ядерной войны — стадии конфликта.

Подписанная президентом в мае 1982 г. директива ДРНБ № 32 представляет собой весьма детализированное изложение поведения США в случае начала войны с СССР. Планировалось безусловное и незамедлительное применение всех видов оружия массового уничтожения, в том числе ядерного. Предусматривался быстрый переход — в случае неудачи на более ранних ступенях — к быстрой эскалации конфликта. Реакцией Пентагона на ДРНБ № 32 явился представленный уже в августе 1982 г. Совету национальной безопасности развернутый план ведения полномасштабной ядерной войны продолжительностью до шести месяцев. Таким образом, уже летом 1982 г. стратегическое планирование в Вашингтоне обрело определенную цельность: вооруженным силам США была поставлена задача не исключать возможности начала конфликта первыми, лидирования по лестнице эскалации. Этим был завершен определенный этап в стратегическом планировании США; на его исходе было решено применять имеющиеся средства неожиданно в максимальном объеме. После этого стратегическое планирование пошло по линии поиска новых участков борьбы с потенциальным противником, расширения фронта, переноса военных действий в космическое пространство.

Именно по этому пути пошло американское руководство в директиве о национальной космической политике от 4 июля 1982 г. и в принятой 25 марта 1983 г. директиве о решениях по национальной безопасности # 85. ДРНБ # 85, как и ее идейное продолжение — ДРНБ # 119 (подписана президентом 6 января 1984 г.), посвящена вопросам милитаризации космоса. Две последние директивы знаменуют собой значительный отход от линии 70-х годов, когда американским руководством было решено отказаться от системы противоракетной обороны. Р. Рейган и его окружение сочли и этот подход пораженческим, отражающим неверие в способность США безусловно контролировать внешние обстоятельства «холодной войны». Это был весьма крупный поворот в стратегическом планировании США. Перед американскими вооруженными силами была поставлена задача, во-первых, защитить территорию США из космоса, создать «космический щит», во-вторых, создать возможность «ослепления» противника, быстрого уничтожения космических коммуникаций СССР.

Темпы роста расходов на все виды вооружений были значительно увеличены и доведены до 8,5% — 10% в год. В ходе стратегического строительства Р. Рейган резко увеличил ассигнования на ядерные вооруженные силы (за период с 1980 по 1984 г. они возросли более чем в два раза, тогда как в предшествующие шесть лет, с 1975 по 1981 г. расходы на развитие стратегических вооружений увеличились на 76%, а на силы общего назначения — на 144%). В следующие пять лет — с 1981 по 1985 г. — Р. Рейганом было намечено увеличить расходы на развитие обычных вооружений в два раза, а на развитие стратегических — в 2,6 раза. За пятилетие 1981 — 1985 годов на производство новых видов стратегических вооружений израсходовано 222 млрд. долл. Эти показатели дают представление о количественной стороне новой американской попытки возобладания в «холодной войне».

Главным качественным ориентиром рейгановского военного строительства стало превращение прежней триады стратегических вооруженных сил в стратегическую систему, состоящую из пяти компонентов. К прежней триаде (межконтинентальные баллистические ракеты, баллистические ракеты подводных лодок и стратегическая авиация) были добавлены еще крылатые ракеты морского, наземного и воздушного базирования. и предназначенные для выполнения стратегических функций ракеты средней дальности.

1. Было создано новое поколение межконтинентальных баллистических ракет двух видов. Первые из них — сто ракет МХ — разворачивались в 1986 — 1990 годах. Вторые — мобильные моноблочные межконтинентальные ракеты «Миджитмен» числом от трех до пяти тысяч — к началу 90-х годов. Каждая из боеголовок ракет МХ имела десять мощных индивидуально направляемых боезарядов; изучались возможности увеличения их числа до 12 и более. Это означало прирост числа стратегических боезарядов за счет ракет МХ как минимум на 1000 единиц.

2. Осуществление программ строительства двенадцати подводных лодок-ракетоносцев

«Трайидент» с ракетными системами «Трайидент-2» говорил о главной тенденции в размещении основных стратегических сил в океанских просторах. Каждая из атомных подводных лодок типа «Трайидент» имеет 24 ракетные шахты, каждая из ракет несет четырнадцать ядерных боезарядов. Администрация Р. Рейгана внесла качественно новый момент в строительство военно-морского компонента своих стратегических сил. Он заключается в резком увеличении точности стратегических ядерных зарядов подводных лодок. На восьми первых подводных лодках типа «Трайидент» установлены ракеты С-4, гораздо более точные, чем прежние. Начиная с девятой, подводные лодки типа «Трайидент» вооружены ракетными системами «Трайидент-2» с ракетами Д-5 (дальность полета 11 тыс. км), столь же мощными и точными, как ракеты МХ.

3. Администрация Рейгана осуществила первое крупное обновление военно-воздушных стратегических сил США за последние более чем 20 лет: решение о создании флота тяжелых бомбардировщиков Б-1Б и создание наиболее усовершенствованных бомбардировщиков «Стелс». Сто тяжелых бомбардировщиков Б-1Б вооружены большим числом (до 5 тыс.) крылатых ракет.

4. Четвертым элементом стратегических сил США стала колоссальная армада крылатых ракет. Их численность была доведена до 12 тыс. единиц. Эта программа стратегического строительства практически удвоила стратегический арсенал США. Такие характеристики крылатых ракет, как исключительная точность и трудность обнаружения, придали качественно новое значение этому виду стратегических сил. В министерстве обороны США крылатые ракеты были определены как «идеально подходящие для осуществления ограниченного ядерного удара».

5. В пятый компонент стратегических сил США превратились исключительно точные ракеты средней дальности. Был намечен план между 1983 и 1988 годами в Западной Европе будет размещено 108 ракет «Першинг-2» и 464 крылатые ракеты наземного базирования. Это только начальные цифры. В дальнейшем в Европу, по уже имеющимся планам, предполагалось доставить не менее 384 ракет «Першинг-2».

Программа Р. Рейгана — это вызов в «холодной войне». Стратегия США в 80-е годы преследовала цель изменить ситуацию ракетно-ядерного паритета двух великих держав.

Программа противоспутникового оружия предполагала разработку и развертывание таких систем, которые позволили бы уничтожить находящиеся в космосе средства слежения потенциального противника, сделали бы для него невозможным наблюдение за перемещением вооруженных сил США, корректировку собственных оборонительных систем. В сентябре 1982 г. в военно-воздушных силах США было создано специализированное космическое командование. В июне 1983 г. космическое командование было создано в ВМС США. В 1984 г. начались испытания противоспутниковой системы АСАТ — качественно нового шага в космической технике. АСАТ представляет собой оружие, запускаемое с истребителя Ф-15, поднимающегося на значительную высоту. Это — двухступенчатая ракета, несущая специальную боеголовку, созданную для уничтожения спутников. К 1987 г. было создано 112 противоспутниковых боеголовок, что примерно достаточно (в случае попадания каждой из запущенных ракет) для уничтожения всех спутников слежения и оповещения, которые вращаются вокруг Земли. Помимо системы АСАТ в США начиная с 1990-х годов ведется разработка новых методов борьбы со спутниками. Наступает новая полоса, когда США начинают предпринимать попытки подвергнуть сомнению реальность гарантированного взаимного уничтожения. Администрация Р. Рейгана питала иллюзию, что США на этом пути сумеют значительно обойти СССР, поставить советские ракеты под прицел, оставляя свои средства нападения неуязвимыми.

Администрацией Р. Рейгана активно осуществлялось строительство и в сфере обычных вооружений и вооруженных сил. Численного состава вооруженных сил была увеличена более чем на 200 тыс., число армейских дивизий к 1991 г. достигло 25 (увеличение числа имеющихся на вооружении авианосных групп — с 13 до 22 — исключая резерв). Увеличилось число эскадрилий истребительной авиации ВВС с 24 до 38, увеличение на 8 тыс. самолетов. Развернуто в войсках к 1988 г. 7058 танков типа М-1 «Абрамс», что привело к увеличению общего танкового парка на

40%. В ВМС увеличено число основных боевых кораблей на 1/3, до 610 единиц (133 новых корабля, в том числе 33 подводные лодки обычного назначения, 2 атомных авианосца класса «Нимиц», 18 ракетных крейсеров, 5 эсминцев).

Следует отметить, что переговоры по ограничению стратегических вооружений были начаты лишь спустя 18 месяцев после прихода администрации Р. Рейгана к власти. Были подвергнуты сомнению содержащиеся в основе прежних переговоров по ОСВ идеи равной безопасности. Переговоры по ограничению экспорта оружия в развивающиеся страны оказались неприемлемыми для руководства Р. Рейгана, которое, в отличие от своих предшественников-демократов, не усмотрело опасности для себя в «насыщении» развивающихся стран оружием, напротив, увидело в экспорте вооружений эффективный путь расширения зоны своего влияния.

«Мог ли СССР, — пишет американский исследователь С. Браун, — поверить в искренность желаний США вести переговоры, если детали американских предложений выработывались Ю. Росту, бывшим председателем комитета по существующей опасности, помощником министра обороны Р. Перлом — многолетним врагом советско-американских договоренностей, П. Нитце — вождем враждебных ОСИ сил?». Позиция республиканской администрации привела к срыву советско-американских переговоров об ограничении и сокращении стратегических вооружений и ракетах средней дальности. Лишь в марте 1985 г. были начаты новые переговоры о ядерных и космических вооружениях. Ключевыми элементами экономической стратегии США, направленной против СССР, стали «координирование» в сторону ужесточения политики стран Запада по передаче СССР новейшей техники и технологии, имеющей «двойное применение», и аналогичная «координация» финансово-кредитной политики развитых западных стран в отношении Советского Союза с целью лишить его доступа к источникам «твердой» валюты.

К 1984 г. по инициативе республиканской администрации было ликвидировано пять важных соглашений с СССР о сотрудничестве в различных областях и одновременно снижена степень американского участия, как минимум, по четырем другим соглашениям о сотрудничестве с Россией (в области использования Мирового океана, сельского хозяйства, мирного использования атомной энергии, жилищного и других видов строительства). В результате американского подхода объем советско-американской торговли оказался на уровне 1976—1978 г. Так, в 1981 г. он составил 1,8 млрд. рублей, в 1982 — 2,2, а в 1983 г. — 1,9 млрд. рублей.

Американская сторона сохранила введенные в ходе «холодной войны» дискриминационные ограничения, которые заметно препятствовали взаимовыгодному развитию советско-американской торговли. То был своего рода «реванш» за некоторый отход предшествующих лет «холодной войны». Воинствующее противостояние заняло центральное место во внешней политике администрации Рейгана.

Стремясь оздоровить международную обстановку, вывести из тупика советско-американские переговоры, Советский Союз после 1985 г. предпринял мирное наступление, выступив с рядом важнейших инициатив, объявил об одностороннем советском моратории на вывод в космос военных объектов. С целью остановить качественное совершенствование ядерного оружия Советское правительство в августе 1985 г. выступило с заявлением о прекращении подземных испытаний ядерного оружия. Чтобы снизить потолки ядерных арсеналов СССР и США, советское руководство осенью 1985 г. предложило американской стороне сократить на 50% число боезарядов стратегического оружия, понизить их количество у каждой из стран до 6000 единиц; предложило запретить милитаризацию космоса.

***

На протяжении 80-к годов идеология «холодной войны» получила значительное распространение среди американского населения; произошла потеря политических позиций у традиционного северо-восточного истеблишмента, более умеренного в выражениях

американских устремлений. Ради изменения стратегического равновесия в свою пользу администрация Р. Рейгана увеличила долю военных расходов в ВВП США с 5,7 до 7,1%. Была осуществлена программа модернизации стратегических сил, создания новых сил стратегического назначения. США продемонстрировали готовность к силовому вмешательству в дела других стран. Р. Рейган подверг сомнению первостепенное значение, придававшееся тесным связям с Западной Европой, всегда являвшейся краеугольным камнем американской внешней политики. Основные внешнеполитические акции Вашингтона были проведены либо без уведомления западноевропейских союзников, либо вопреки их советам.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ФИНАЛ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Добровольный уход

На мировом горизонте Америке был неподвластен только коммунистический Восток, с которым Вашингтон собирался соперничать долгие десятилетия. Изумление от добровольного ухода Советского Союза сохранилось в США и ныне, два десятилетия спустя. Как оказалось, незападные цивилизации если и могли держаться, то в условиях раскола внутри Запада, союза с одной из западных сил. Совокупной же мощи Запада противостоять было трудно, если не невозможно. Изоляция от Запада действовала как самое мощное разрушительное средство. При попытках опоры на собственные силы живительный климат Запада (идеи, разумная энергия, наука, технологические новации) оказался скрытым от населения, традиции общения с Западом в XVIII-XIX вв. были забыты. В СССР произошла определенная деградация умственной жизни, наступила эра вымученных посредственностей, эра холуйства вместо лояльности, смешения всего вместо ясно очерченной цели, время серости, самодовольства, примитивного потребительства, всего того, что вело не к Западу, а в третий мир.

Внутри страны основной слабостью стало даже не репрессивное поведение правящей партии, потерявшей свою жизненную силу, внутреннюю устремленность, а утрата механизма приспособления к современному миру. Порок однопартийной системы в конечном счете стал сказываться в одеревенении ее структур, взявших на себя ни более, ни менее как цивилизационное руководство обществом. Покорные партийные «колесики и винтики» почти полностью преградили выделение наверх лучших национальных сил, постыдно занизили уровень национального самосознания, примитивизировали организацию современного общества, осложнили реализацию глубинных человеческих чаяний как в сфере социальной справедливости, так и в достижении высоких целей самореализации.

Все это дало невероятный шанс Соединенным Штатам. Американцы в конце 1980-х годов отказывались верить в свое счастье. В мемуарах президента Буша можно прочесть, с каким изумлением официальный Вашингтон воспринял нисхождение своего глобального контрапартнера на путь, который, в конечном счете, довел его до распада и бессилия. Совершаемого Горбачевым переворота политического и социального облика своей страны в Вашингтоне не ожидал никто. Формируя весной 1989 г. свою администрацию, только что избранный президент Джордж Буш-ст. потребовал экспертной оценки происходящего. Лучшие специалисты по России прибывали в резиденцию Буша в Кеннебанкпорте и излагали свою точку зрения на раскол в стане прежде монолитного противника, на ступор советской системы, на готовность хозяев Кремля жертвовать многим ради партнерства с всемогущей Америкой. Информация из Москвы, вызываемый ею культурный шок были столь велики, что многие весьма сведущие специалисты — от Адама Улама до Брента Скаукрофта — заподозрили в действиях русских фантастический блеф, феноменальный обходной маневр. Сам президент Буш несколько первых месяцев своего президентства молчал, не желая попасть впросак. То была нелепая, как видно сейчас, предосторожность. Но и понятная. Уж больно лихо все шло

по-западному на самом главном для США направлении мировой политики.

Пораженный следил президент Буш-старший за битвой двух лишенных исторического чутья партократов, в своей схватке позабывших проблемы, выходявшие за пределы их личных амбиций. История, как любил говорить В.О. Ключевский, «наказала за свое незнание». Америка получила последний ключ к мировой истории на саммитах с советскими руководителями. Этого шанса американский политический класс, вначале не поверивший в неслыханное везение, постарался не упустить.

С чего начал Горбачев свою первую встречу с вице-президентом Бушем и государственным секретарем Дж. Шульцем? Говорил ли он о национальных интересах своей страны? Оказывается, он видел свою задачу в том, чтобы «помочь всем странам». Широким жестом он пообещал американским руководителям не требовать обратно Аляску и Сан-Франциско. Зато перед приездом американской делегации улицы близ Спасо-хауса (резиденции посла США в Москве) были заасфальтированы за одну ночь (ноябрь 1985 г.). Любопытно, какими были информационные источники Горбачева об администрации Рейгана? Он и не пытался скрыть эти источники. С торжествующим видом он заявил пораженному Шульцу, что «знает все наши идеи» и произвел на свет стандартный политологический сборник «Соединенные Штаты в 1980-е гг.», созданный в стенах Гуверовского института группой консервативных специалистов, которые никогда не мечтали, что их труд будет назван ключом к идейному кредо республиканской администрации Рейгана. Горбачев толковал американским политикам о военно-промышленном комплексе США и многое другое, что Шульц, при всей его сдержанности называет в мемуарах «чушь». При первой же встрече Горбачева с Шульцем мы слышим такую браваду: «Вы думаете, что находитесь впереди нас в технологии и сможете воспользоваться своим превосходством против Советского Союза? Это иллюзии...». «Я обеспокоен, — пишет Шульц, — насколько невежественны или дезинформированы Горбачев и Шеварднадзе». Приехав первый раз в Вашингтон, Шеварднадзе не нашел ничего лучше, как обвинить правительство США в травле черных и воздвижении препятствий на пути продвижения по службе женщин. Именно в этот момент за столом напротив него по две стороны от Шульца сидели заместитель госсекретаря Роз Риджуэй и председатель КНШ темнокожий генерал Колин Пауэлл.

Важнее всего понять реакцию этих загадочных «западников». «Он Горбачев) складывал подарки у наших ног — уступка за уступкой», — пишет безо всякой благодарности тот же Шульц. Вместо слов благодарности Шульц отмечает, что эти уступки — «результат нашего (т. е. американского. — А.У.) пятилетнего давления на них». Конгрессмен Э. Марки оценил согласие СССР уничтожить свои ракеты средней дальности как «лучшее, что русские предложили нам со времен продажи Аляски». (Стоит напомнить, что и Аляска была продана так же: госсекретарь Сьюард от волнения не спал всю ночь, а посол России без всякого волнения зашел с деньгами в госдепартамент). Периодически «просыпаясь», Горбачев обиженно говорил, что «американская политика заключается в выколачивании максимума уступок», на что Шульц с улыбкой отвечал: «Я утру вам слезы».

Познакомившись ближе с Шеварднадзе и его семьей государственный секретарь Дж. Бейкер был поражен тем, что министр великого Советского Союза более всего думает о своей закавказской родине, не скрывая этого от своих важнейших контрапартнеров. «Я находился — пишет Бейкер, — в московских апартаментах советского министра иностранных дел и беседовал с энергичной и интеллигентной его женой, которая безо всякого провоцирования открыла мне, что в глубине души она всегда была грузинской националисткой». И, пишет Бейкер, я еще много раз слышал вариации этих взглядов из уст советского министра. Дж. Шульц тоже многократно обыгрывал эту тему и однажды лично исполнил популярную американскую мелодию «Джорджия у меня в думах» тронутому сопоставлением «двух Джорджий» министру.

Нащупав чувствительную струну советского министра, американский госсекретарь лично выбирал для него часы, затем кресло с символом госдепартамента. В том ли кресле сидел могущественный министр на Смоленской набережной? Нужно ли удивляться, когда советская

делегация яростно отстаивала свой вариант решения афганской проблемы, Шеварднадзе по секрету сообщает госсекретарю об уже принятом на Политбюро решении. Шутки в такой ситуации приобретали невеселый оттенок. Маршал Ахромеев после принятия решения об уничтожении ракет средней дальности пошутил: «Не придется ли нам просить убежище в нейтральной Швейцарии?»

Горбачев, хотя и жаловался многословно (американцам!) на трудности перестройки, о Швейцарии не упоминал. Когда Шульц посетил Москву 22 февраля 1988 г., Горбачев «напомнил мне, что я просил назвать дату вывода войск (из Афганистана) и они сделали это». А как вам нравится горячность Шеварднадзе 20 марта 1988 г. в Вашингтоне? «В самых сильных, эмоциональных выражениях он напомнил нам, что Советы сделали все, что мы просили». А вот что в реальности думал степенный госсекретарь Шульц, далекий от lamentаций своего советского коллеги: «Соединенные Штаты укрепили свою военную мощь и экономическое могущество, они вернули уверенность в себя; наш президент получил народный мандат на активное лидерство. Советы, по контрасту, стоят перед лицом глубоких структурных трудностей и окружены беспокойными союзниками; их дипломатия перешла в оборону».

Готовность услужить сказывалась и в мелочах. Можно ли представить смену восьми(!) блюд во время часового ланча советской и американской делегаций на берегу Байкала 1 августа 1990 г.? Западные виртуозы банкетов с такой скоростью просто не работают. Для полета в Москву Шеварднадзе предоставил американским дипломатам свой самолет. Был ли аналог на американской территории? Встретившись в первый раз с государственным секретарем Бейкером (март 1989 г.), Э. Шеварднадзе первым делом указал довольно чопорному новому главе американской дипломатии на «важность личных контактов. Они очень важны для создания атмосферы доверия, если не подлинной дружбы, которая облегчает обсуждение даже самых сложных вопросов». Как видим, два мира живут вовсе не в едином политико-эмоциональном пространстве.

Что делала американская сторона, не предлагавшая вечной дружбы? В течение большого — четырехмесячного — периода, когда формировалась позиция администрации Буша, президент решал для себя (февраль-май 1989 г.), что такое «перестройка» — временная «передышка» или «переход» — фундаментальное изменение. Перед президентом Бушем прошла череда всех известных советологов из различных идейных лагерей. И, закончив мыслительную работу, сделав свой выбор, команда Буш — Бейкер начала капитализировать новые возможности. Цинизм или реализм?

Начиная осуществление своего курса, американские руководители постарались составить собственное впечатление о своих советских партнерах. Горбачев поразил Бейкера неистребимой любовью к метафорам — то он рисовал ледокол, то яблоко, которое скоро упадет (СССР глазами американцев), то «заглядывал за горизонт». «Временами такая манера, — пишет Бейкер, — выводила меня из себя». Но самое большое удивление госсекретаря вызвало сделанное как бы между прочим заявление о том, что СССР выводит из Восточной Европы 500 единиц ядерного оружия. Внезапно. Чтобы поразить. Чтобы видели русскую щедрость без мелочного обсуждения и жалкого торга. А американец немедленно зафиксировал уступку и тут же, в Кремле, не сходя с места начал самый что ни есть торг, направленный на максимальное уменьшение советского арсенала. Никаких благодарностей, никаких «ты мне, я тебе».

И уж совсем фантастическими слышатся теперь сентенции, которые излагал советский министр иностранных дел Бейкеру: «Представим себе, что механизм сотрудничества между Восточной Европой и Советским Союзом рухнул. Это будет означать анархию. Однако двусторонние экономические отношения не могут исчезнуть в одночасье; чтобы их заменить потребуется 10 — 15 лет». Верх провидения. Внезапно (и как всегда без «малейшего торга») Шеварднадзе соглашается в Вайоминге с Бейкером и переходит на американскую позицию, состоящую в том, что запускаемые с морских кораблей крылатые не должны подпадать под действие Договора СНВ-1. В Белом доме Шеварднадзе приятно удивляет президента Буша: «Мы больше не будем слать оружие в Никарагуа». Заканчивая рыбалку в Вайоминге, Бейкер подарил

Шеварднадзе ковбойские сапоги, а член Политбюро КПСС достал свой подарок — икону с Христом, просвещающим народы. Подлинно значимые символы.

Оказывается в контактах с Бушем и Бейкером Горбачева больше всего беспокоило выражение «западные ценности». Советскому президенту было обидно, что бывают ценности, к которым он не приобщен. Идя навстречу этому предубеждению, президент Буш предложил впредь употреблять выражение «демократические ценности». Горбачев был счастлив. Именно в это время президент Буш (20 февраля 1990 г.) пишет канцлеру Колю: «У нас появились шансы выиграть эту игру, но нужно вести дело умно». Речь, разумеется, шла о воссоединении Германии.

30 мая 1990 г. президент Горбачев прибыл в Вашингтон с государственным визитом. Президент Буш произнес почти дежурные слова: «Соединенные Штаты выступают за членство Германии в НАТО. Однако, если Германия предпочтет другой выбор, мы будем его уважать.» — «Я согласен», — сказал Горбачев. Несколько его помощников были буквально шокированы тем, что являлось практическим эквивалентом согласия на вступление объединенной Германии в НАТО. На съезде КПСС Горбачев и его команда подверглись весьма жесткой критике по германскому вопросу. И тогда Буш послал Шеварднадзе проект натовской резолюции по изменению обстановки в Европе — набор мягких слов. Шеварднадзе отвечает: «Без этой декларации для нас было бы очень трудно принять решения по Германии... Если вы сравните то, что мы говорили прежде и теперь, то это как день и ночь. Действительно, как небо и земля.» — отмечает в своей книге Бейкер.

Сразу же после августовских событий 1991 г. глава американской дипломатической службы говорит президенту СССР: «Время разговоров ушло. Мы нуждаемся в действиях. У вас сейчас большие возможности для действий... Важно действовать решительно». Как вам нравится слово «мы»? В ноябре 1991 г. Горбачев решил снова назначить Шеварднадзе министром иностранных дел. Собственные аналитики доложили Бейкеру цель этого назначения — «заставить нас играть более активную роль в сохранении Союза. Нам все это уже надоело, — думает Бейкер, — потому что наша цель — защищать собственные интересы». Особенно дикой казалась задача «помочь в сохранении Союза» министру обороны Р. Чейни. «Дик хотел развала Советского Союза, он видел в Украине ключ к этому и полагал, что, если Америка поспешит с признанием, украинское руководство будет более настроено в пользу положительных отношений с нами». За пять дней до украинского референдума о независимости Шеварднадзе убеждал Бейкера, что «у центра есть мощные рычаги воздействия на республики».

Это была уже полная политическая слепота. И ее полностью разделял Горбачев, когда за день до референдума в обычной своей манере магического оптимизма убеждал президента Буша, что любой исход голосования не обязательно будет означать развал Союза. Разумеется, донесения американского посла Страуса были бесконечно далеки от этого дикого оптимизма. Американцы были безусловно поражены тем, что Ельцин сообщил о Беловежских соглашениях президенту Бушу раньше, чем Горбачеву. Но Горбачев был больше огорчен другим — тем, что госсекретарь Бейкер «слишком поспешил сказать „Советского Союза больше не существует“». Ситуация быстро меняется. Мы пытаемся навести порядок, а Соединенным Штатам кажется, что они уже все знают! Я не думаю, что это лояльно».

Сумбур в умах устроителей Содружества независимых государств вызвал у американцев шок. «Вы говорите, что предусматриваете создание центрального военного командования, — спрашивает Бейкер российского министра иностранных дел А. Козырева, — но кто будет контролировать отдельные части на отдельных территориях?» Козырев, как утверждает Бейкер, был в замешательстве. Это разозлило госсекретаря: «Мы что, должны проводить десять раундов дискуссий?» Обращаясь к Шеварднадзе, глава американской дипломатии жалуется: «Я обеспокоен тем, что члены нового Содружества не знают, что делают».

На развалинах прежней страны Шеварднадзе признается американцам: «Когда мы с Горбачевым начинали, мы полагали, что государство, в котором мы жили, не могло выстоять. Но у нас не было ни расписания действий, ни повестки дня... Нашей ошибкой было то, что мы не

действовали постепенно и не установили ясно очерченных сроков. Во-вторых, мы не понимали наших людей — этнической и национальной лояльности. Мы недооценили национализм». Президент Ельцин был обращен в будущее. Он хотел, чтобы военная система Содружества независимых государств «слилась» с НАТО: «Важной частью безопасности России является вступление в ассоциацию с единственным военным союзом в Европе». Беспрецедентным для Бейкера было то, что российский президент объяснил ему как работают системы запуска стратегических сил: «Руководители Украины, Казахстана и Белоруссии не понимают как все это работает, вот почему я говорю это вам». Через 30 минут в том же кабинете Горбачев к вящему изумлению Бейкера объявил, что «процесс еще не закончен». Это прозвучало так неубедительно, что госсекретарь стал доставать веламент и, видя взгляды Горбачева и Шеварднадзе, дал и им по таблетке. Пожалуй, это было единственное, что они могли получить от американской дипломатии.

«У нас не было никакого интереса продлевать жизнь Советского Союза, — пишет Дж. Бейкер. — Но мои встречи убедили меня, что никто и не собирается оживлять тело коммунизма, рухнувшего перед нами. У нас был явственный интерес в определении вида и поведения стран-наследников. Дипломатическое признание было самой большой „морковкой“, которую мы могли использовать и я хотел максимально укрепить этот рычаг».

А тем временем (15 декабря 1991 г.) Шеварднадзе жалуется Бейкеру, что его квартира заставлена припасами на случай грядущих нехваток. Бейкер думал в это время о том, что только «дружба, основанная на доверии, позволила Шеварднадзе и мне сделать то, что мы сделали». Он интуитивно не верил в долгожительство СНГ, но полагал, что Содружество может быть форумом разрешения локальных конфликтов. В течение нескольких дней государственный секретарь США повстречался с лидерами России, Украины, Белоруссии, Казахстана. «Во всех моих встречах на этой неделе одна тема была постоянной: интенсивное желание удовлетворить Соединенные Штаты». Они желают, говорит Бейкер по телефону президенту Бушу, «получить наше одобрение — они жаждут нашей помощи. Наша помощь может быть использована для определения направления того, что они делают». Для себя Бейкер записал, что эксперимент, начатый Марксом и Лениным, продолженный Сталиным и последователями, провалился.

Пожалуй, наиболее впечатляющим было поведение Горбачева накануне, возможно, важнейшего решения его как лидера своей страны — о воссоединении Германии. Он повез канцлера Коля в родной Ставрополь, провел по самым дорогим его сердцу улицам, вылетел вертолетом в маленькую горную резиденцию, говорил о детстве и сокровенном. Говорил ли он о будущем Европы, о будущем Организации Варшавского договора, о связях Восточной Европы с СССР? Нет. Ему, как и предшественникам, важно было «заглянуть в глаза», получить моральный кредит, удостовериться.

На западных собеседников эмоциональный натиск Востока не производил ни малейшего впечатления. Достаточно прочитать, с одной стороны мемуары государственных секретарей Шульца и Бейкера, а с другой — Горбачева и Ельцина, чтобы усомниться, об одном ли событии говорит и мучается Восток и Запад. Есть холодное удивление по поводу спешки Шеварднадзе и Горбачева, есть собственный анализ советских намерений, но нет того, чему те же Шеварднадзе и Горбачев придавали такое огромное значение: рыбалка в Вайоминге, горячие речи заполночь, обмен авторучками при подписании. Как сказал Киплинг, Запад есть Запад, а Восток есть Восток, и им не сойтись никогда.

Возьмем самую острую проблему второй половины 90-х годов — расширение НАТО на восток. Любой западный юрист, будь он на месте русских, вспомнил бы о Парижской хартии 1990 г., о твердом обещании североатлантического союза «не воспользоваться ситуацией ослабления Востока» (копенгагенская сессия Совета НАТО 1991 г.). Современные российские руководители даже не подумали вспоминать о таких тривиальностях. Но они хорошо помнят, что в ответ на самый щедрый жест Горбачева, давшего в ноябре 1990 г. обещание уничтожить десятки тысяч российских танков, Запад спустя всего четыре года решил разместить свои танки на польской границе.

В результате победы в «холодной войне» ведомый Соединенными Штатами Североатлантический союз стал доминировать на северо-западе евразийского континента. Между классическим Западом и СНГ Америка начала излучать влияние на девять прежних союзников СССР и на тринадцать бывших республик почившего Союза. В самой России опасность сепаратизма вышла на первый план, за нею следует демонтаж экономики, распад общества, деморализация народа, утрата самоидентичности. Безусловный американский триумф 1991 г. дал Вашингтону шанс — при умелой стратегии на долгие годы сохранить столь благоприятный для заокеанской республики статус кво.

Лагерь тех кто быстрее других осознал возможности предоставляемые окончанием «холодной войны» — ликующую «однополярность» возникающего мира, возглавляет, пожалуй, Чарльз Краутхаммер, который уже зимой 1991 г. озаглавил свою статью в «Форин Аффферс» эвристически: «Момент однополярности». Название изданной тогда же книги Джозефа Ная — «Обреченные (разумеется, США. — А.У.) вести за собой.» В ней мы читаем: «Лидерство самой могучей державы укрепит глобальную взаимозависимость. Если Соединенные Штаты замедлят мобилизацию своих ресурсов ради международного лидерства, полиархия может возникнуть достаточно быстро и оказать свое негативное воздействие. Управление взаимозависимостью становится главным побудительным мотивом приложения американских ресурсов и оно должно быть главным элементом новой стратегии». По мнению Ричарда Хааса Соединенные Штаты на долгое время «останутся эффективным шерифом находящегося в процессе трансформации мира».

Попытки понять

Но почему так быстро исчезла вторая в мире держава, что подкосило ее внутреннюю силу, обрекло на распад? Сложилось несколько стереотипов подхода к процессу, лишившему Америку единственного подлинного геополитического соперника.

Перенапряжение в гонке вооружений. Президенты Р. Рейган и Дж. Буш увидели искомую причину в неспособности СССР быть на равных с США в гонке стратегических вооружений. СССР не мог более расходовать на военные нужды 40 % своих исследовательских работ и до 28 % внутреннего валового продукта. Когда Рейгана спросили, о величайшем достижении его президентства, он ответил: «Я выиграл холодную войну». Во время президентских дебатов 1992 г. Буш утверждал, что «мы не согласились с мнением группы лиц, требовавших замораживания ядерной гонки. Президент Рейган сказал этой группе нет, мира можно добиться только за счет увеличения нашей мощи. И это сработало». В результате, не увидев позитивных перспектив в соперничестве с непревзойденной экономической и военной машиной США, «советским лидерам ничего не оставалось, кроме как отвергнуть коммунизм и согласиться на распад империи».

Когда президент Буш объяснял крушение Советского Союза, то он обращался прежде всего к тому тезису, что «советский коммунизм не смог соревноваться на равных с системой свободного предпринимательства... Его правителям было губительно рассказывать своему народу правду о нас... Неверно говорить, что Советский Союз проиграл холодную войну, правильнее будет сказать, что западные демократии выиграли ее». О решающем значении гонки вооружений писал министр обороны К. Уайнбергер: «Наша воля расходовать больше и укреплять арсенал вооружений произвела необходимое впечатление на умы советских лидеров ... Борьба за мир достигла своего результата».

Бывший министр обороны и глава ЦРУ Дж. Шлесинджер назвал окончание холодной войны «моментом триумфа Соединенных Штатов — триумфа предвидения, национальной решимости и твердости, проявленных на протяжении 40 лет». Сенатор Х. Вафффорд считал причиной американской победы в холодной войне решимость «конгресса и большинства американцев израсходовать триллионы долларов на системы ядерного сдерживания, огромные конвенциональные вооруженные силы, расквартированные по всему миру, и субсидирование

глобальной сети союзных государств». На национальном уровне не возникло никаких дебатов, смысл чего был ясен: именно политика Рейгана-Буша привела к крушению коммунизма. Эту идею выразил, в частности, ведущий республиканец в сенатском комитете по международным делам — сенатор Р. Лугар: «Рональд Рейган выступил за увеличение военных ассигнований и за расширение военных исследований, включая Стратегическую оборонную инициативу. Эти программы оказались основой достижения Рейганом поразительных внешнеполитических целей, таких как откат коммунизма советского образца, переговоры об уничтожении ракет среднего радиуса действия в Европе и сокрушение берлинской стены... Достижение целей Рейгана продемонстрировало неопровержимую мудрость его политики». Этому же объяснению придерживается длинный список правых, бывших деятелей рейгановской администрации, таких как К. Уайнбергер и Р. Перл, такие идеологи правых, как И. Кристол.

Слегка меняя оттенок, главный редактор «Форин Аффферс» У. Хайленд утверждал, что Горбачев поддался давлению западных военных инициатив на фоне делегитимации советской системы, дискредитированной гласностью. Как и президент Картер до него, Р. Рейган интенсифицировал западную политику в отношении СССР и добился ожидаемых результатов. Собственно говоря, такое видение является продолжением долговременного стратегического замысла Г. Трумэна: «России следует показать железный кулак». Американцы так и поступали на протяжении сорока с лишним лет. Решающее испытание пришлось на 80-е гг., когда к власти на Западе пришли более склонные к самоутверждению лидеры — М. Тэтчер (1979), Р. Рейган (1981), Г. Коль (1982). Теперь надежды Москвы на мир с Западом ослабли окончательно, и напряжение жесткого соревнования стало более ощутимым. Речь шла о победе или поражении в самой большой идеологической войне двадцатого века. К приходу Горбачева «Соединенные Штаты ясно показали Советскому Союзу свою приверженность делу соревнования — и победы в гонке вооружений. Рейган обращался с Советским Союзом как с „империей зла“ и его администрация была гораздо более убеждена в правильности своей антикоммунистической политики, чем администрации Никсона и Форда в 1970-х годах». В результате Рейган выдвинул такие дорогостоящие инициативы, как создание оборонных систем в космосе (1983) — СОИ, стоимость которой была велика даже для огромной экономики Америки. Часть советского руководства представила отставание в этой сфере чрезвычайно опасным и у американцев появился необходимый им крючок. Возможно СОИ и явилась той соломинкой, которая сокрушила спину верблюда. «Рональд Рейган выиграл холодную войну, показав свою твердость... Четыре года жесткой политики Рейгана произвели необходимое коренное изменение в сознании советского руководства».

Согласно анализу Бжезинского, Советский Союз стал подаваться когда США резко восстали против размещения ракет среднего радиуса действия СС-20, противопоставив Советскому Союзу свою программу размещения «Першингов-2». «Массивное американское военное строительство в начале 1980-х — плюс выдвижение Стратегической оборонной инициативы — шокировали Советы и привели к напряжению на их ресурсы». В Кремле, считает Бжезинский, знали, что в середине десятилетия СССР будет уже неспособен выдержать соревнование. Именно поэтому пришедший к власти в 1985 году М.С. Горбачев «с величайшим желанием ухватился за оливковую ветвь, протянутую ему администрацией Рейгана, в надежде ослабить давление гонки вооружений».

Ирония истории заключается в том, что СССР имел в космосе более софистичные чем американские системы. В августе 1993 г. администрация Клинтона не сочла нужным скрывать, что первые результаты реализации Стратегической оборонной инициативы были просто сфабрикованы. Но важен результат. Такое объяснение крушения СССР немедленно встретило контраргументы. Сами же американцы отмечают, что выход советских войск из Афганистана и Восточной Европы был осуществлен значительно позже пика рейгановских усилий в области военного строительства (пришедшихся на 1981 — 1984 гг., значительно позже того, как стало ясно, что сверхвооружение не делает советскую переговорную позицию мягче. Критики уверенно указывают на неубедительность тезиса о «переутомлении Советского Союза»,

напоминая о том, что в 80-е годы СССР был гораздо сильнее, чем в 50-е или 60-е годы, что индустриальная база Советского Союза за послевоенные десятилетия выросла многократно — и непонятно, как могла подорваться его экономика в конце 80-х годов, если она выстояла в 40-х 49). Никто ведь так и не смог доказать, что «бремя оборонных расходов в Советском Союзе значительно возросло за 1980-е годы, более и важнее того, никто еще не смог доказать связь между рейгановским военным строительством и коллапсом советской внешней политики».

По мнению американского исследователя Э. Картера, никто не может доказать, что именно действия американской администрации подвигли Советский Союз на радикальные перемены. М. Мандельбаум прямо говорит, что главная заслуга Рейгана и Буша в грандиозных переменах 1989 г. заключалась в том, что «они спокойно оставались в стороне». Ведь еще в 1989 г. Р. Пайпс, один из главных идеологов рейгановской администрации, утверждал, что «ни один ответственный политик не может питать иллюзий относительно того, что Запад обладает возможностями изменить советскую систему или поставить советскую экономику на колени». Сторонники жесткой линии на Западе были ошеломлены окончанием холодной войны именно потому, что коллапс коммунизма и распад Советского Союза имели очевидно меньшее отношение к американской политике сдерживания, чем внутренние процессы в СССР. Настоящее улучшение двусторонних отношений началось не в пике рейгановского военного строительства и неукротимого словоизвержения, а к Рейкьявику (1986), когда Вашингтон смягчил и риторику и практику: «Чудесное окончание холодной войны, — пишет Д. Ремник, — было результатом скорее сумасшедшего везения, а не итогом осуществления некоего плана».

И никто не может доказать, что у президента Рейгана была четко продуманная и последовательная стратегия. Находясь под давлением самых различных групп, республиканцы в 1981-1993 годах сделали столько поворотов, что только очень убежденный рейганист не отдаст дань скепсису. Президент Рейган несколько лет вообще саботировал встречи на высшем уровне — о каком таком прямом воздействии может идти речь? А какое различие между первой и второй администрациями Рейгана — от определения «империи зла» до отрицания правильности этого определения во время визита в Москву.

Система порочна изначально. Коммунизм погиб из-за внутренних, органически присущих ему противоречий. Как утверждает Ч. Фейрбенкс, «сама природа зверя» содержала в себе внутреннюю слабость, проявившую себя в момент напряжения. Той же точки зрения в общем и целом придерживается Зб. Бжезинский, немало писавший об искажающей действительность характере коммунистической идеологии, ее неспособности дать верное направление общественного и экономического развития в рамках современной технологии. Историк А. Шлесинджер придерживается той же точки зрения: «Учитывая внутреннюю непрактичность... Советская империя была в конечном счете обречена при любом развитии событий». А известный социолог Э. Геллнер, рассуждая в том же ключе, приходит к выводу, что СССР погиб потому, что коммунизм лишил экономику страны стимулов роста производительности, лишил ее побудительного мотива — «жалкое состояние окружающего, а не террор подорвали веру в коммунизм». Сторонники этой точки зрения отмечают тезис о военно-экономическом «перегреве» СССР как наивный и не подкрепленный фактами. Они твердо убеждены, что «Советский Союз проиграл холодную войну в гораздо большей степени потому, что его политическая система оказалась порочной, чем вследствие американского сдерживания его мощи». Для сторонников этой точки зрения правильным кажется лишь один вопрос — кто же, кроме тех, кто составлял номенклатуру, готов был поддерживать коррумпированную систему? Она сгинула в конечном счете вследствие того, что «как вид производства, социализм не является чем-то, что может быть создано лишь на волевой основе, базируясь на низкой основе прежнего развития, перед тем как капитализм проделал грязную работу».

Часть интерпретаторов отстаивает тот тезис, что виноват российский термидор середины 20-х годов, что изначальные революционеры 1917 г. были в конечном счете отодвинуты (если не уничтожены) сталинистами, ведшими дело к централизации и тоталитаризму. Им важен постулат: система либеральной рыночной экономики проявила свое превосходство над плановой

системой коммунистического хозяйствования. Не только вожди в Кремле, но и широкие массы тайно, тихо, но определенно и твердо пришли к выводу, что коммунизм не может быть успешным соперником поставившего себе на службу современную науку капитализма. Ф. Фукуяма определил триумф либерализма так: «Решающий кризис коммунизма начался тогда, когда китайское руководство признало свое отставание от остальной Азии и увидело, что централизованное социалистическое планирование обрекает Китай на отсталость и нищету». Социалистическая экономика добилась многого на ранней стадии своего становления, но в закатные десятилетия не сумела удовлетворить все более настойчиво излагаемые нужды массового потребителя — это особенно хорошо видела советская интеллигенция и население в Восточной Европе. Коммунизм был социально болен изначально и требовалось лишь время и выдержка Запада, чтобы свалить великана. Неэффективность идеологии была заложена в учении; лишь энтузиазм, помноженный на насилие, позволил коммунистическому строю держаться на плаву, но такое явление не могло существовать исторически долго.

Такое объяснение краха СССР немедленно вызывает вопрос, если коммунизм — это болезненное извращение человеческой природы, то почему (и как) он позволял Советскому Союзу в течение пятидесяти лет превосходить по темпам развития самые эффективные страны мира? Даже самые суровые критики вынуждены признать, что «советская экономика сама по себе не погрузилась в крах. Население работало, питалось, было одето, осваивало жилье — и постоянно увеличивалось». Более того, эта экономика позволила создать первый реактор, производящий электричество, первое судно на воздушной подушке, первый спутник, выход в космос, реактивную авиацию и многое другое, отнюдь не свидетельствующее о научно-технической немощи. Неизбежен вопрос, если коммунизм был смертельно болен, почему он болел так долго и не имел видимых летальных черт.

Погубила внутренняя эволюция — третья интерпретационная волна исходит из примата внутренних процессов в СССР, первостепенного значения распространения (посредством радио, телевидения, всех форм массовой коммуникации) либеральных идей, привлекательных идеологических конструктов, они подчеркивают воздействие либерального мировидения на замкнувшееся в самоизоляции общество. Критически важны те либеральные идеи, которые получили массовую поддержку. «Решающим оказалось моральное переосмысление семидесяти с лишним лет социалистического эксперимента, потрясшее нацию, а вовсе не „Звездные войны“ Рональда Рейгана. Сказался поток публикаций о правах человека в Советском Союзе, об искажениях моральных и этических принципов, которые дискредитировали систему, особенно когда эти публикации вошли в повседневную жизнь граждан посредством органов массовой информации. Именно это сфокусировало движение за перемены и побудило население голосовать против морально коррумпированной прежней элиты». Развитие многосторонних контактов создало базу для формирования в СССР слоя, заинтересованного в улучшении отношений с Западом. На неофициальном уровне представители СССР вовсе не вели холодную войну. СССР развалился не из-за слабости, а потому, что ожидал от Запада компенсации за свои шаги навстречу. Растущее чувство бессмысленности холодной войны подорвало ее сильнее, чем любые ракеты. Негосударственные организации внесли свою лепту. Экология стала могущественным фактором отношений Востока и Запада. «Внутреннее неудовлетворение играло главную роль в приходе советского лидера к убеждению идти на те меры, которые уменьшили военную мощь его страны больше, чем мощь США». Особенно эффективными исследователям кажутся критики марксизма внутри самого марксизма. Американец Р. Тарас пишет: «Сокрушило марксизм существование „двух марксизмов“ — „научного“ марксизма, признанного социалистическими государствами, и „критического“ марксизма, воспринятого всеми противниками идеологии московитов». Особую роль в этом процессе сыграли просвещенные слои общества. Изменения, начатые сверху, «получили критически важную поддержку снизу. Советская интеллигенция встретила гласность с величайшим энтузиазмом и начала увеличивать пределы допустимого».

Личность в истории. «На протяжении менее семи лет Михаил Горбачев трансформировал

мир. Он все перевернул в собственной стране... Он поверг советскую империю в Восточной Европе одной лишь силой своей воли. Он окончил холодную войну, которая доминировала в международной политике и поглощала богатства наций в течение полувека». Эту точку аргументируют такие западные контрпартнеры советских лидеров как госсекретарь Дж. Бейкер: «Окончание холодной войны стало возможным благодаря одному человеку — Михаилу Горбачеву. Происходящие ныне перемены не начались бы, если бы не он». Постулат этой школы — один человек изменил мир. Окончание холодной войны — это вовсе не история о том, как Америка изменила соотношение сил в свою пользу, а история того, как люди в Кремле потрясли базовые условия прежнего мира. «Все дело, — пишет Ч. Табер, — в предшествующих радикальным по значимости событиям убеждениях главных действующих лиц» — именно им принадлежит центральное место в исторической драме окончания противостояния Востока и Запада. Холодная война окончилась потому, что того хотел Горбачев и его окружение. Э. Картер также считает, что Горбачев сыграл определяющую роль, по меньшей мере, в четырех сферах: 1) изменение военной политики; когда Горбачев выступил в ООН в декабре 1988 г., всем стало ясно, что его намерения в этой сфере серьезны; 2) отказ от классовой борьбы как от смысла мировой истории, выдвижение на первый план «общечеловеческих ценностей», признание значимости ООН; 3) отказ от поддержки марксистских режимов в «третьем мире»; 4) изменение отношения к восточноевропейским странам, отказ от «доктрины Брежнева».

Короче всех, пожалуй, выразился американец Дж. Хаф уже в ноябре 1991 года: «Все это сделал Горбачев». Холодная война не завершилась бы без Горбачева, — пишет Дж. Турпин, — «Он ввел перестройку, которая включала в себя свободу словесного выражения, политическую реформу и экономические изменения. Он отказался от „доктрины Брежнева“, позволив странам Варшавского Пакта обрести независимость. Он отверг марксизм-ленинизм. Самое главное, он остановил гонку вооружений и ядерное противостояние». Горбачев «знал, что СССР нуждается в серьезных переменах». При этом Горбачев был готов к компромиссам и отступлениям и «ему стало трудно обдумывать фундаментальные проблемы с достаточной глубиной». Зб. Бжезинский назвал Горбачева «Великим Путаником и исторически трагической личностью». В ходе финальной стадии холодной войны президент Буш и канцлер Коль сумели переиграть незадачливого советского президента.

Дж. Райт убеждена, что холодную войну окончило ясно продемонстрированное советским руководством нежелание навязывать свою волю восточной Европе. «Почему Советский Союз пришел к этому заключению — сказать трудно». Решающим в этом отношении был визит Горбачева в Югославию в марте 1988 г. — именно тогда он ясно выразил новое мировоззрение Москвы. Еще более укрепил эту ситуацию вывод части советских войск из Восточной Европы в конце 1988 г., когда Восточная Европа явственно повернула на Запад.

Необратимая инерция. Пятая точка зрения исходит из примата международной обстановки, сделавшей прежний курс Советского Союза практически невозможным. Вот мнение советника президента Клинтона С. Зестановича: «Трудное международное окружение ранних 1980-х годов обязало советское руководство прибегнуть к переменам, но жесткая западная политика не позволила этому руководству завершить свою работу. Рейган, Тэтчер, Буш и другие западные лидеры, имевшие дело с Горбачевым... по существу дали ему орудие самоубийства. Как это часто бывает в подобных ситуациях, избранная жертва оказалась склонной принять совет, если он облечен в наиболее вежливую возможную форму. Создалась ситуация, когда жертва приходит к заключению, что его друзья, семья и коллеги будут в конечном счете лучше относиться к нему, если последуют вслед за ним. Советский коммунизм, международное окружение поздних 80-х годов представляло собой размягчающую среду, в которой, после долгих мучительных размышлений, оказалось возможным повернуть оружие против самого себя». Иначе не объяснишь крах государства, в котором рабочие не бастовали, армия демонстрировала предельную покорность, союзные республики (до поры) думали максимум о «региональном хозяйстве», село трудилось, интеллигенция писала и учила.

«Советский союз, — пишет М. Раш, — хотя и встретил трудности, вовсе не был обречен на

коллапс и, более того, не был даже в стадии кризиса. Советский Союз был жизнеспособным и наверное существовал бы еще десятилетия — может быть очень долго — но он оказался восприимчивым к негативным событиям вокруг. Жизнеспособный, но уязвимый, Советский Союз стал заложником отвернувшейся от него фортуны. То, что ослабленный организм пошел не по дороге жизни, а умер на руках у неуверенного доктора, использующего неиспытанные доселе лекарства, является, прежде всего, особым стечением обстоятельств». Для этой группы интерпретаторов потеря советским руководством веры в свое будущее, смятение и самоубийственный поиск простых решений очевидны. При этом имел место своего рода «эффект бумеранга». Оголтелая прежняя советская пропаганда настолько демонизировала образ Запада, что нормальная психика многих интеллигентов не могла отреагировать иначе, как броситься в другую крайность, теряя историческое чутье и собственно критическое восприятие действительности. Теряя здравый смысл.

Конечно же, велико число тех, кто отказывается объяснять проблему поисками заглавного фактора. Осторожные и глубокомысленные говорят об их сочетании, о сложности предмета. По мнению Дж.Л.Геддиса, тектонические сдвиги в истории не были результатом действия одной нации или группы индивидуумов. «Они были результатом, скорее, взаимодействия ряда событий, условий, политических курсов, убеждений и даже случайностей. Эти сдвиги проявляли себя на протяжении долгого времени и по разным сторонам границ. Однажды пришедшие в движение, они были неподвластны всем попыткам обратить их вспять». Главными Геддис (один из наиболее проникательных историков холодной войны) считает столкновение технологии с экологией, коллапс авторитарной альтернативы либерализму и «общемировое смягчение нравов».

Р. Дарендорф выделяет три фактора: Горбачев; «коммунизм никогда не был жизнеспособной системой»; «странная история 80-х годов, в ходе которой Запад обрел уверенность в себя». П. Кеннеди идентифицирует свои три фактора: 1) кризис легитимности советской системы; 2) кризис экономической системы и социальных структур; 3) кризис этнических и межкультурных отношений. Дж. Браун находит уже шесть факторов: 1) сорок лет замедления развития; 2) нелегитимность коммунизма; 3) потеря советской элитой убежденности в своей способности управлять страной; 4) нежелание этой элиты укреплять свою роль; 5) улучшение взаимоотношений Востока и Запада; 6) инициативы Горбачева.

Но все это интерпретации свершившегося, а для истории более всего важен тот факт, что как геополитический центр Советский Союз саморазоружился в поразительно короткий отрезок времени и Соединенные Штаты получили уникальный шанс возглавить всю систему международных отношений.

Восприятие проигравшего

Россия сделала невероятные по своей жертвенности шаги ради того, чтобы сломать барьеры, отъединяющие ее от Запада, как от лидера мирового технологического и гуманитарного прогресса. В период между 1988 и 1993 г. Запад не услышал от России «нет» ни по одному значимому вопросу международной жизни, готовность новой России к сотрудничеству с Западом стала едва ли не абсолютной. Почти в эйфории от собственного самоотвержения, без всякого осязаемого физического принуждения Россия начала фантастическое по масштабам саморазоружение, зафиксированное в Договоре по сокращению обычных вооружений (1990 г.), развале Организации Варшавского Договора и Совета экономической взаимопомощи. Москва пошла на феноменальные сокращения своих обычных вооруженных сил в Европе, полагаясь на обещание Запада, данное в Парижской хартии ноября 1990 г. «О безблоковой Европе».

Какие бы объяснения не выдвигал позднее западный мир (русские выдохлись в военной гонке; коммунизм достиг предела общественной релевантности; либерализм победил тоталитарное мышление; национализм сокрушил социальную идеологию и т. п.), практически неоспоримым фактом является то, что российская элита сделала свой выбор по собственному

(не)разумению, а не под давлением неких неумолимых объективных обстоятельств. Произошло добровольное приятие почти всем российским обществом, от левых до правых, идеи сближения с Западом и его авангардом — Соединенными Штатами. Приятие, основанное на надежде завершить дело Петра, стать частью мирового авангарда, непосредственно участвовать в информационно-технологической революции, поднять жизненный уровень, осуществить планетарную свободу передвижения, заглянуть за горизонты постиндустриального общества.

В новой России кое-кто наивно и невольно ждал от представителя самой богатой и могущественной страны сострадания к положению страны, неумело рванувшейся навстречу Западу, платя при этом большую цену и освобождая Америке место теперь уже единственной сверхдержавы. В американском восприятии России выделим два аспекта.

Первое: упрощенный взгляд на российскую политическую жизнь 1990-х годов, основанный на безусловной ориентации только на хозяина Кремля. А где великая страна, изучению которой отдал творческую жизнь автор? Мы говорим не об отвлеченных страданиях, а о смертных муках огромной страны, которая, если пользоваться выражением великого Эдмунда Берка (сказанные, конечно же, в другую эпоху и по поводу другой революции), «прошла сквозь самые страшные возможные муки из-за неожиданного полного обрыва с предшествующей традицией». По существу в России воцарилось новое издание Орвелла: стране, обществу, человеку становилось все хуже, паруса демократии за спиной Ельцина начали совсем исчезать за горизонтом, принципы народоправления попирались все гнуснее, рынок потерял всякую творческую функцию, а наши добрые западные друзья, в частности, хорошо знавший Москву Тэлбот, говорили удивительные вещи о свершившемся феноменальном прогрессе. Гладкопись милого козыревского вестернизма постепенно стала сводиться к более сложной картине.

Огромна помощь американцев, приведших больного Ельцина ко второму президентскому сроку. Причастный (или просто сведущий) русский очень хорошо помнит, кто с упорством достойным лучшего применения буквально навязывал несчастной стране Гайдара, Козырева, Чубайса, Коха и иже с ними. Кто сказал в Ванкувере в апреле 1994 г.: «Речь идет о том, чтобы помочь Ельцину совладать с превосходящими силами у него дома»? Кто после октября 1993 г. «восхитился тем, как он (Ельцин) ведет борьбу с политическими противниками»? Кто увидел в Чернобырдине «пример благоразумия и самоотверженности»? Кто категорически советовал Клинтону не разжигать ревности Ельцина и не обращаться к более широким слоям российского общества? Кто принял «танковый» способ «разделения исполнительной и законодательной властей»? Президент США и его помощники пели гимны отцу русской демократии, первому российскому президенту, тому самому, которого он, не моргнув глазом, в конце десятилетней истории Строуб Тэлбот показывает в мемуарах столь жалким («чудаковатый, безрассудный, себялюбивый старик»)?

Клинтон живо интересовался происходящим в России. (А как иначе, ведь это единственная сила на земле, способная на ядерное уничтожение любого противника). Но учтем и то, что губернатор Арканзаса знал об этой стране значительно меньше своего друга студенческих лет, профессионального советолога, долгие годы проведенного в Москве. Но даже Клинтон, повинувшись здоровому чувству реализма, вскричал: «В чем Россия нуждается, так это в проектах огромных общественных работ... Они находятся в депрессии и Ельцин должен стать их Франклином Рузвельтом»

Мудрость государственного человека заключается не в том, чтобы с бездонно холодным тщанием добывать ослабевшего партнера. Предметом гордости Тэлбота и других «ответственных за Россию» в демократической администрации является то, что Россия, при всех потугах ее часто неловких представителей, нигде — ни в Косово, ни в вопросе об экспансии НАТО, ни в попытках сохранить Договор 1972 г. по ПРО — не получила ни йоты американских уступок. Но благодаря стараниям хладнокровных новых друзей России начала исчезать та бесценная материя, которая называется любовью и уважением к Западу.

И когда Клинтон с великой серьезностью, разделяемой в данном случае и мемуаристом, говорит Ельцину: «У тебя внутри огонь настоящего демократа и настоящего реформатора...

России повезло, что ты был у нее», то возникает неловкое чувство, что это уже слишком. Наверное и далекий от рефлексивности Ельцин видимо внутренне сжался от подобных «преувеличений». При этом Тэлбот признает, что в Москве ему постоянно говорили те, кого инстинкт суицида не поглотил полностью: «Вы только подливаете нам яд и при этом говорите, что нам этот яд полезен». В Вашингтоне много переживали относительно создания российского сектора с целью спасти тысячи сербов в Косово от головорезов Тачи.

Какая внешнеполитическая стратегия виделась Клинтону и Тэлботу оптимальной? Став фактически империей (а какие еще аргументы после крушения коммунизма объясняют военное присутствие США в 45 странах мира?) Америка должна решить для себя, какой стратегией она намерена руководствоваться в мире. Что для нее значит Россия, буквально оседлавшая Евразию. Нет сомнений, что практически непредсказуемое будущее способно преподнести Вашингтону сюрпризы. Стоит ли так ослаблять Россию? Верный ли это путь для имперского гегемона в мире, где не сказали еще своего исторического слова такие гиганты как Китай? Не обернется ли ликование по поводу бесконечного ослабления России очередной «иронией истории»? В быстроменяющемся мире будущего Россия еще очень может пригодиться Америке, осознает она это или не осознает. И маниакальное ломание ей хребта может, при определенном повороте событий оказаться весьма близоруким политикой.

Но самонадеянное вмешательство в дела других стран редко дает позитивные результаты. Ставить на сикофантов, всегда знающих какая риторика ласкает слух «дяде Сэму» и игнорировать живые силы (равно как и интересы другой страны) в конечном счете контрпродуктивно. Во-вторых, если Соединенные Штаты решили взять на себя глобальную ответственность, то они просто обязаны не просто подбирать все то, что плохо лежит, а сформировать стратегическое видение, где крупнейшие державы современности могли бы найти достойное место, а не оказываться в положении презираемых сателлитов. На презентации мемуаров лучшего американского знатока России в Фонде Карнеги Тэлбота спросили: вы много пишете о том, чего добились Соединенные Штаты в России. А что получила сама Россия? Совпадают ли ее интересы с американскими, или Вашингтон действовал в ущерб Москве? Не велика ли цена, не вспомнит ли страна с такой историей как российская все то, что с улыбкой делал с ней заокеанский колосс нисколько не заботясь о производимом впечатлении?

Пресловутая «химия общения» — не более чем «потемкинская деревня» великой гармонии, которой на самом деле нет. Тэлбот указывает на причину «химии» в возлияниях, безжалостно зафиксированных на страницах книги. Здесь же фиксируется и жесткое презрение таких лиц как Уоррен Кристофер и Энтони Лейк. Сэнди Бергер говорил о «высокой бессмыслице» ельцинских речей. Клинтон успокоил своих помощников своеобразно: «Ельцин все же не безнадежный пьяница». Речь шла о пристающем к телохранителям президенте России. «Только когда два президента встречались с глазу на глаз, Ельцин расставался с позерством и тогда Клинтон мог продолжать работать над ним». Возможно, что за тысячелетнюю историю России у нее были слабые правители, но, думаю, даже над ними не «работали» иноплеменные вожди.

Но американский президент решительно считал, что «пьяный Ельцин лучше большинства непьющих альтернативных кандидатов». Вот как Тэлбот описывает поведение кремлевского владыки на публике и в узком кругу американского руководства: «Когда по обе стороны стола переговоров сидело много людей, он (Ельцин) играл роль решительного, даже не допускающего возражений лидера, который знает, чего он хочет и настаивает на том, чтобы это получить; в ходе частных бесед он становился из напористо самоуверенного внимательным и восприимчивым, уступая оболыщению и уговорам Клинтона; затем на завершающей пресс-конференции он из кожи вон лез, чтобы теми способами, которые сам придумал, излучать уверенность в себе и маскировать, насколько податливым он был за закрытыми дверями» Нам всем должно быть стыдно от этих строк.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

РОССИЯ ПОСЛЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Чудом эпохи после холодной войны то, что Россия сумела перенести коллапс, который сделал ее стратегически неуместной, без революции и реваншизма.

Ч. Краутхаммер, 2002

Россия в 1997 г., скрепя сердце, согласилась с приемом трех новых членов НАТО и вступила в Совет «Россия-НАТО», который был западными союзникам полностью проигнорирован в процессе принятия решения о первом за историю Североатлантического союза силовом действии за пределами зоны традиционной ответственности НАТО — бомбардировке Югославии весной 1999 г. Государственный секретарь М. Олбрайт объявила, что белградское правительство под давлением массовых налетов авиации Североатлантического союза сдастся на четвертый день — пойдет на условия, ведущие к отделению югославской провинции Косово. Американцы недооценили решимости югославы. На 78-й день бомбардировок, когда Белград был готов стоять и дальше, ельцинский Кремль решил оказать помощь Западу. Посланный в Белград В. С. Черномырдин, спасая США и НАТО от ситуации своего бессилия, в буквальном смысле заставил президента Милошевича (на глазах у всего мира) подписать капитуляцию перед Западом.

Но даже эта помощь не вызвала у американского руководства желания видеть в России партнера. Желание России получить под временный контроль небольшую территорию Косова (чтобы уберечь от репрессий сербское меньшинство Косовского края) было отвергнуто Вашингтоном самым энергичным образом. Узнав о движении российских войск к косовской столице Приштине, американская сторона начала недельные дебаты на Смоленской площади и в соседнем Хельсинки — ровно столько, сколько нужно было для оккупации всего Косова войсками НАТО и полной изоляции здесь небольших российских войск. Запад полностью блокировал единственную просьбу России образовать анклав вокруг исторических православных монастырей и Косова поля — что позволило бы 100-200 тысячам местных косовских сербов найти убежище и избежать насилия албанской Армии освобождения Косова.

Итоги похода на Запад

Благие мечтания, благодарность не входит ингредиентом в американскую политическую культуру. Выразило ли американское руководство благодарность за море крови Советской Армии, пролитой в течение трех лет — до 6 июня 1944 года, когда она фактически один на один сражалась с вермахтом на европейском континенте, спасая жизни миллионов американцев? Ленд-лиз оборвался в один день — в день Победы, когда Россия была уже не нужна. Названная в качестве первостепенной помощи цифра 6 миллиардов долларов так и осталась пустым обещанием, как и согласованные в Ялте 20 млрд. долларов репараций, доля репараций из индустриального Рура.

Инициированное Россией окончание «холодной войны» сберегло Западу, лишившемуся императивов гонки вооружений (по западным же оценкам), более 3 трлн. долл. Россия вывела свои войска с территории стран прежнего Варшавского договора и фактически передала в западную зону влияния Восточную Европу. Теперь, вместо того, чтобы сражаться посредством союзников друг против друга во Вьетнаме и Анголе, американские и российские вооруженные силы сотрудничают друг с другом в Боснии и Косово.

Россия потеряла не только статус сверхдержавы, но ощутила подлинный исторический регресс во всех основных областях жизнедеятельности. Лишившись прежних гарантированных рынков, она обрушила свою промышленность, прежде всего тяжелую и высокотехнологичную. Ее валовой национальный продукт опустился до 350 млрд. долл.; ВВП на душу населения — 2400 долл. в год. По оценке известного американского русолога Т. Грэма, «на заре двадцать

первого века Россия остается очень далеко от реализации надежд, широко распространенных и в России и на Западе во времена развала Советского Союза. Если в данном случае и произошел хоть какой-то „переход“, то не к рыночной демократии, а к традиционной российской форме правления — во многих отношениях далекой от современности. Россия ни коим образом не интегрировалась в западный мир — вопреки целям, поставленным российским и западными правительствами десятилетие назад. Вопрос о месте России в мире снова стоит во всей своей актуальности». Россия, полагает американец Дж. Курт, «потерпела большее поражение, чем Германия в первой мировой войне... Из центра мировых событий Россия спустилась на периферию европейского континента и она остается центральной нацией только для пустот Центральной Азии».

Россия достаточно быстро обнаружила, что коммунизм не был единственной преградой на пути сближения с Западом. Православие, коллективизм, иная трудовая этика, отсутствие организации, иной исторический опыт, отличный от западного менталитет, различие взглядов элиты и народных масс — все это и многое другое смутило даже стопроцентных западников, увидевших трудности построения рационального капитализма в «нерациональном» обществе, сложности создания свободного рынка в атмосфере вакуума власти, формирования очага трудолюбия в условиях отторжения конкурентной этики.

Россия в результате радикального социально-экономического поворота так и не достигла трех желанных для новой России высот: подключения к технотронной цивилизации, повышения жизненного уровня, свободы межгосударственного перемещения. Постепенно в общественное сознание стала проникать тщета потуг доморощенных идеологов «планетарного гуманизма», вызрело грубо-реалистическое осознание наивности самовнушенных верований, тщетности примиренческих потуг, своекорыстия внешнего мира, главенствующего мирового эгоизма, железобетона национальных интересов.

Следование за Западом в деле внедрения рыночных отношений стало ассоциироваться с потерей основных социальных завоеваний в здравоохранении, образовании и т.п. Ныне, в жестких условиях проторынка, российская интеллигенция не только нищает в буквальном смысле, но лишается того, что делало ее авангардом нации, фактором национального обновления — авторами толстых журналов, выпускаемой миллионными тиражами «Литературной газеты», бесплатно печатаемых книг. В результате она отходит от рычагов общенационального влияния. Значительная ее часть опускается на социальное дно, некоторая часть этой интеллигенции покидает страну. Только за один только 1993 год сорок тысяч ученых выехали за пределы страны. В начале двадцатого века цифра выехавших достигла уже 300 тысяч человек. Мост между Востоком и Западом стал терять самое прочное свое основание прозападную интеллигенцию. В частности, исчезает тот дух уважения американской цивилизации, без которого слом «холодной войны» растянулся бы еще на долгие десятилетия. Суровый факт: для восстановления утраченного интеллектуального потенциала понадобятся поколения.

Благодарность Запада

Что Россия получила в ответ? Конкретно следовало бы выделить следующее.

1. Вопреки косвенным обещаниям, США не оказали целенаправленной массивной помощи демократизирующемуся региону. За крахом «тоталитарных структур» в России отнюдь не последовало некоего нового варианта «плана Маршалла» — помощи Запада «самой молодой демократии», такой помощи, которую Америка оказала Западной Европе в 1948-1952 гг. Спасая демократию в Западной Европе, американцы умели быть щедрыми. «План Маршалла» — 13 млрд. долл. 1951 года=100 млрд. долл. в текущих ценах, «стоил» американцам 2% американского валового продукта. Помощь же России, спорадически и безответственно предоставляемая на неведомые цели коррумпированным прозападным политическим силам, составила всего 0,005 процента американского ВВП. Разница демонстрирует степень желания жертвовать в союзнических целях. Фактически Запад не захотел осуществить по-западному эффективную

реструктуризацию национальной российской экономики.

В прошедшее десятилетие американская помощь России концентрировалась в области ядерного разоружения, экономических реформ и гуманитарных проектов. Россия получила за последнее десятилетие XX в. 5,45 млрд. долл. в виде помощи. Основная ее доля — сокращение бывшего ядерного потенциала СССР. (И почти ничего не сделано в сфере сближения двух народов. В Америке учатся лишь 5,3 тысячи российских студентов — сравните со 100 тысячами китайцев — и лишь небольшая доля этих студентов поддерживается американским правительством. Международные обмены между двумя странами увяли). Все дело сводится к уменьшению российского стратегического потенциала, уменьшению его примерно на пять тысяч единиц.

2. Столь привлекательно выглядевшая схема недавнего прошлого — соединение американской технологии и капиталов с российскими природными ресурсами и дешевой рабочей силой — оказалась мертворожденной. На фоне сотен млрд. долл. инвестиций в коммунистический Китай скромные восемь миллиардов долл. западных инвестиций в Россию выглядят лучшим свидетельством краха экономических мечтаний российских западников. Хуже того. Ежегодный отток 15-20 млрд. долл. из России на Запад питает западную экономику за счет обескровливания российской экономики. Новая ментально-социальная особь — новые русские — не стали связующим звеном. Хуже того, их грубый реализм стал разъединяющим началом в отношениях России и Запада. Их сомнительного происхождения накопления обильно направляются за отечественные пределы в то время как инвестиции так нужны именно отечественной промышленности.

Что же касается предоставления России хотя бы малой доли гигантского американского национального рынка (такое предоставление вывело в экономические гиганты Тайвань и Южную Корею прежде и КНР ныне), то здесь не отменены даже такие символы «холодной войны» как дискриминационная поправка Джексона-Вэника. Москве не предоставлен даже стандартный статус наибольшего благоприятствования в торговле. Поход на Запад не привел Россию в НАТО, ОЭСР, МВФ, ГАТТ, новый КОКОМ и другие западные организации. Ужесточение западного и введение восточноевропейского визового барьера сделало изоляцию России такой, которая напоминает «железный занавес».

3. Несмотря на окончание военного противостояния, Америка, к удивлению московских идеалистов, расширила зону действия НАТО в восточном направлении, выйдя в 2004 г. в прибалтийских странах на российские границы. В Москве ворошат архивы. В июле 1990 года в личном письме Горбачеву президент Буш пообещал: «НАТО готово сотрудничать с вами в строительстве новой Европы». Американский президент пообещал «постепенную трансформацию НАТО». Запад по меньшей мере дважды (особенно недвусмысленно на сессии 1991 г. в Копенгагене) пообещал не воспользоваться сложившейся ситуацией ради получения геополитических преимуществ над Востоком.

Как подтвердилось довольно скоро, обещания в политике — вещь эфемерная. В январе 1994 г. президент Клинтон указал на возможность расширения НАТО за счет бывших членов Организации Варшавского договора. Американские политические реалисты преподнесли дипломатам новой России довольно жестокий урок приоритета конкретного силового анализа над «новым мышлением для нашей страны и для всего мира». Не сразу последовавшая реакция Москвы впервые за много лет никак не сложилась в гарантированное «да».

В ответ на роспуск организации Варшавского договора и вывод войска из Германии и Прибалтики, Североатлантический альянс ответил экспансией на Восток. Стоило ли крушить Организацию Варшавского договора, Совет экономической взаимопомощи, демонтировать СССР — ради того, чтобы получить польские танки развернутыми против России, а аэродромы прибалтийских государств сокращающими критическое подлетное время боевых самолетов и крылатых ракет? Забота Запада о безопасности абсолютна, забота России — претенциозная нервозность. Столь жестко американцы поставили вопрос стране, практически исчезавшей под давлением с Запада, в 1612, 1709, 1812, 1920 и 1941 годах, потерявшей в двадцатом веке треть

своего населения.

Строго говоря, речь идет не об армейской «добавке» к многомиллионному контингенту НАТО, не о современных аэродромах в часе автомобильной езды от российских границ, и даже не о контроле над территорией, послужившей трамплином для наступлений на Москву. Речь идет о неудаче курса, начатого Петром Великим и патетически продолженного демократами-западниками начиная с 1988 г. — речь идет о новой изоляции России.

4. В этом смысле не менее важен визовый барьер, которым отгородили Россию США, Великобритания, Шенгенская зона Европейского Союза. Не ради новых границ разбивался «железный занавес», не ради этого крушили берлинскую стену, чтобы воспрепятствовать российским гражданам прибывать в Калининград хотя бы так, как в пик холодной войны прибывали в Западный Берлин. Мечты о едином культурном пространстве, о возможности купить сегодня билет и быть завтра в Берлине, Париже, Лондоне споткнулись о визовые барьеры как замену «железному занавесу». Игнорирование России в новой системе европейской безопасности меняет всю парадигму благорасположения к Западу, восторжествовавшую в 1991 г. над коммунистическим изоляционизмом.

Взаимонепонимание

Под давлением суровых экономических и социальных обстоятельств рассасывается та прозападная интеллигенция, чья симпатия и любовь в отношении Америки были основой изменения антиамериканского курса при позднем Горбачеве и раннем Ельцине. Именно эта интеллигенция создавала в России гуманистический имидж Запада, именно она готова была рисковать, идти на конфликт с правительственными структурами ради защиты и сохранения связей с эталонным регионом. Именно эта, любившая Америку интеллигенция прививала студентам и читающей публике любовь к заокеанской республике, ее культуре, литературе, джазу и т. п. Именно они окружили Горбачева, их вера в солидарность демократической Америки была едва ли не беспредельной. Теперь ей не дают визы в американском посольстве, а в латышском просят предъявить свидетельства о (не)наличии судимостей и туберкулеза. И это после полувека обличения железного занавеса.

Возможно, самое главное: восприятие американской и российской элит не соответствуют друг другу; одно и то же явление трактуется по-разному. Поистине, в контакт входят две разные цивилизации, западная и восточноевропейская. Убийственное дело — историографически проследить за переговорами между Востоком и Западом. Это в блистательных книгах С. Талбота о переговорах по СНВ все логично и рационально. В реальной жизни логика и рациональность не всегда правят бал. На западных собеседников эмоциональный натиск Востока, его фантастическое жертвенное самоотречение не производит ни малейшего впечатления. Есть холодное удивление по поводу спешки Шеварднадзе и Горбачева в деле объединения Германии, уступок на советско-американских саммитах, восприятие вежливости как товарищеской преданности, наивная вера в доброго заокеанского партнера.

По ту сторону благоглупости волновали мало. Жалобы коммунистических сотоварищей-коллег вызывали лишь поднятие бровей и вежливые — столь ценимые — тривиальности. Кого в США всерьез интересовало то, что так волновало устроителей московских торжеств, посетит ли президент США Красную площадь или только Поклонную гору? Стоит лишь положить по одну сторону воспоминания М. Горбачева, Б. Ельцина, А. Добрынина, А. Чернышева, а по другую, скажем, Дж. Буша, Б. Скаукрофта, Дж. Шульца, Дж. Бейкера, Дж. Мэтлока, С. Тэлбота, описывающих одни и те же события, чтобы убедиться в рационально-эмоциональном тупике, доходящем до уровня несовместимости внутреннего мира двух сторон.

То, что было так важно одной стороне (овации толпы, обращение по именам, дружеское похлопывание, обмен авторучками и прочая тривиальность), не имело никакого значения для другой стороны, хладнокровно фиксирующей договоренности, предельно логичной в методах их

достижения, демонстрирующей неукоснительное отстаивание национальных интересов. «Новое мышление для нашей страны и для всего мира» жестоко столкнулось с хладнокровным реализмом как единственной легитимной практикой защиты национальных интересов. Самое печальное во всем этом то, что не происходит накопления опыта. Восток и не собирается изменять эмоциональному началу, на Западе и в голову не приходит подменить бюрократию застольем.

Но уже приходит новое поколение, не очарованное западными ценностями, ощутившее на себе прелесть «джунглей рынка», часто недовольное несправедливым отношением к себе и к своей стране. И будут ли новые, более жесткие и эгоцентричные интеллектуалы такими же приверженцами западных ценностей?

Да и в Америке видны серьезные перемены. На сегодняшний момент ушли в прошлое трактователи типа Дэвида Ремника, восторженные певцы ельцинской России. Вперед в Америке выдвинулись чрезвычайно критично настроенные к «безумствам реформаторов» Питер Редуэй и Дэвид Саттер. Новая волна американских аналитиков не смеет вторить восторженному самовосхвалению деятелей типа Струба Тэлбота. Все более убедительным становится вывод, что прошедшее — признает сведущий американский специалист — «было десятилетием утерянных надежд».

В условиях игнорирования нужд России в ее трудный час, в среде российского общества на массовом уровне возник вопрос: нужно ли было спасать Запад в его трудный час? Если в 1993 г. почти 74 процентов россиян, согласно опросам общественного мнения, благоприятно относились к Соединенным Штатам, то через десять лет численность придерживающихся такого мнения сократилась ниже 50 процентов опрошенных. Распространилось мнение, что западной дипломатии чувство благодарности неведомо. В западной политической философии (и даже в западном менталитете) такого понятия, видимо, нет.

В самих Соединенных Штатах распространилось мнение, что Америка попросту «покупает» российских лидеров, чтобы те восприняли буквально все — экспансию НАТО, американское влияние в Сербии и Узбекистане, помощь в Афганистане, модификацию ПРО и прочее. Видимость обращения с Россией как с великой державой — это просто незначительная плата за право воздействовать на национальные российские интересы».

Опыт не может не отрезвлять, слишком уж болезненно и очевидно падение. Россия в начале двадцать первого века почувствовала дискредитированными свои уступки и жертвы, а свою концепцию привилегированного партнерства с США — отвергнутой и дезавуированной. Осмысливая этот горький опыт, начатый горбачевским «вселюбием», Россия постепенно стала возвращаться к более национально очерченным идеалам, вынужденная — под прессом неблагоприятных обстоятельств — возвратиться к канонам трезвого национального эгоизма.

Место России

Происходящее одновременно расширение НАТО, увеличение числа членов Европейского Союза, всевластие США, кризис Организации Объединенных наций, резкое замедление интеграционных тенденций в СНГ, появление в восьми из пятнадцати бывших советских республик американских войск — во всей остроте ставит вопрос о подлинном месте России в мире после «холодной войны». Где это место?

Печальным фактом является очевидное стремление западных сил (и проявивших себя восточноевропейских ненавистников России) оттеснить гигантскую страну подальше от мировых центров, поглубже к вечной мерзлоте северо-восточной Евразии. Самовнушение? Сошлемся на мнение авторитетного и уравновешенного англичанина — Дж. Хэзлема: «Простым фактом является вытеснение России на задворки Европы, чего не может скрыть никакая казуистика».

Не будем обольщаться. С подписанием в 1990 г. в Вене Соглашения о сокращении обычных вооружений и вооруженных сил в Европе Советский Союз уничтожил колоссальное число своих

самолетов и танков — одностороннее разоружение России сломало превосходство Востока над Западом в конвенциональных вооружениях на Европейском театре. Военная организация НАТО резко превзошла и почившую Организацию Варшавского договора и Советскую (Российскую) армию по всем основным показателям. Это превосходство увеличивается еще больше с принятием в Североатлантический Союз новых государств; это превосходство станет еще большим с приемом в НАТО всех «желающих» в течение близлежащих лет.

При этом следует учитывать Россия сегодня живет за счет военных резервов СССР. Осталось лишь 37 процентов от прежде неприкасаемых запасов. 100 процентов вертолетов работают за пределами уже отработанного ресурса. Весьма реалистические прогнозы предупреждают, что через 10-20 лет РФ будет не в состоянии отразить внешнюю угрозу. Армия уже практически не может проводить полнокровные испытания, учебу и широкомасштабные маневры. В военной сфере ныне на страны НАТО приходится 45 процентов мирового ВВП, а на Россию — чуть больше 1 процента. Военные расходы НАТО составляют 46 процентов мировых — не менее, чем в десять раз больше российских.

Согласно прогнозу Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции до 2015 года», Россия к 2015 г. не сумеет «полностью интегрироваться в международную финансовую и торговую систему». Даже при самом оптимистическом варианте экономического роста в 5 процентов в год, через 15 лет объем производства российской экономики будет меньше американского в пять с лишним раз.

Помимо прочего, российское руководство как бы ожидало «премии» за крушение коммунизма, как минимум, благожелательного адаптационного периода. Как оказалось, напрасно. Во взаимном товарообмене не отменены даже такие одиозные символы «холодной войны», как поправка Джексона-Вэника, блокирующая предоставление Москве стандартного (общего для всех торгующих с США стран) статуса наибольшего благоприятствования в торговле.

С завершением противостояния в холодной войне, Запад предоставил России преимущественно займы — весьма непродуктивный вид экономической помощи для России, менее прочих дающий стимулы производству. Трудно не согласиться с выводом, что деньги были потрачены бездумно. Выросший до 150 млрд. долл. российский долг стал не связующим звеном, а раздражителем в системе отношений Россия-Запад. Сказалось различие в трудовой этике, в знании практической экономики, в менеджеристском искусстве, в восприятии экономических реалий, в мировоззрении, фактически — в психологии.

Поход на Запад не привел Россию сразу в его ряды, закрытыми оказались двери полноправного членства в НАТО и «восьмерке», ОЭСР, МВФ, ВТО, организации-наследницы КОКОМ и других западных организаций. Недопуск России в основные экономические организации Запада в условиях жесткого кризиса российской экономики и сопутствующего чувства уязвленности, приобрел характер злонамеренного манкирования российскими интересами. На Россию произвело негативное впечатление прекращение основных видов помощи, в том числе и гуманитарной.

Западные специалисты не считают нужным скрывать, что «будучи стеснена в финансах, Москва сможет иметь ракет и боеголовок даже меньше, чем ей позволяют международные соглашения». И теперь, как пишет американский эксперт по России Т. Грэм, «после десятилетия великих разочарований, приведших Россию к упадку, на Западе — и особенно в США — возникло искушение списать Россию как окончательно потерянную державу, которая уже мало значит для мира. В американской элите широко распространено чувство, что у Соединенных Штатов нет ни времени, ни энергии, ни ресурсов, необходимых для формирования хороших отношений с Россией».

Между тем Россия лучше узнала Запад. Увеличивается количество людей, побывавших в Соединенных Штатах и более адекватно воспринимающих их. Это дает им опыт свободы, но привозят они с Запада, в основном, не плоды его духовного и материального развития, а говоря словами русского философа С. Франка, «черствеющие крохи с его пиршественного стола».

Совет Америки

Лучший совет, который Запад дает современной России, заключается в следующем: хаос и разброд, потеря идентичности и массовое разочарование происходит в России не по причинам материально-экономическим, а ввиду безмерных амбиций, неумной гордыни, непропорциональных объективным возможностям ожиданий. Запад в лице его лучших представителей искренне и доброжелательно советует понять, что Россия — средних возможностей страна с отсталой индустриальной базой, не нашедшей выхода к индустрии XXI века. Нам честно, откровенно и с лучшими побуждениями советуют уняться, погасить гордыню, прийти в себя, трезво оценить собственные возможности и жить в мире с самим собой, не тревожа понапрасну душу непомерными претензиями и ожиданиями.

А почему бы и нет? Почему нужно, «против моря бед вооружась», в энный раз испытывать свою судьбу, ставить непомерные задачи, звать к недостижимым вершинам, будоражить покой современников, настаивать на более славном предназначении страны? Не лучше ли вооружиться вышеприведенным советом, который полностью согласуется с библейской моралью о смирении неумной гордыни, не лучше ли спокойно возделывать свой сад — без потуг на деятельное участие в мировых делах, без разорительных посягательств на почетное место в мировых советах, без раздражающих Запад слов о якобы имеющей место «обреченности» России быть великой державой?

Увы, дельный совет о смирении, трезвой самооценке и спасительном уходе в обыденность далек от реализма. И вовсе не из-за неких «младотурков», российских самураев, козней невзрослеющего самолюбия или частного умысла. Можно с впечатляющими цифрами и убедительными аргументами выиграть спор, показав малость и неадекватности материальных сил и ресурсов России в мире триллионных валютных потоков, глобализации рынка и информатики, в мире недостижимых высоких технологий и массового организованного производства. Совет стать средней державой едва ли осуществим по чисто психологической причине: полтора миллиона жителей России органически, по воспитанию и исходя из самооценки не согласны с участью удовлетвориться судьбой средней, второстепенной державы. При всех стараниях, практически невозможно инплантировать в национальное сознание граждан России согласие с второстепенным характером международной роли страны, согласие с ее маргинальностью.

Прочным фактом современной жизни является то, что от балтийских шхер до Берингова пролива новая-старая Россия с удивительной силой — тихо, но прочно — таит глубинное несогласие с западным историческим анализом, с логикой жестоких цифр, с предрекаемой второстепенной судьбой. И в обеих столицах и в провинции, в негромких беседах раздаются суждения, что это не в первый раз — страна распалась и исчезала в 1237, 1612, 1918 годах, она стояла на краю гибели в 1709, 1812, 1941 годах, но восставала в 1480, 1613, 1920, 1945 годах. И этот национальный код невозможно изменить, он не только живет в массовом представлении, он составляет его сущность, являясь основой национальной психологической парадигмы.

Хорошо это или плохо? Наверное плохо для ревнителей глобализации, кто делает ставку на «нормальную» страну, кто с наилучшими намерениями жаждет рекультивации, торжества нового рационализма разместившегося между Азией и Европой народа. Увы, с реальностью следует обращаться всерьез: Россия была, есть и будет такой, какой она живет в воспоминаниях, восприятии и мечтах ее народа. А населяющий ее народ, что бы ни говорили ему иностранные или доморощенные витии, считает заведомо плохим уход с международной сцены, превращение в пассивный объект мировой политики.

Наверное, хорошо, если видеть в ориентированном на более высокий уровень национальном самосознании и гордости основу гражданской жертвенности. Английский писатель Ричард Олдингтон писал о патриотизме как о «прекрасном чувстве коллективной ответственности». Уникальное ли это явление? Отнюдь. Если размышлять над судьбами

хрестоматийных фаворитов второй половины XX века (скажем, над возрождением Германии или Японии), мы не поймем секрета их общепризнанного успеха, если не усмотрим главного: даже в годину национального поражения, эти народы сохранили неколебимое самоуважение, своего рода «коллективное помешательство» в виде нестигаемой уверенности в воссоздании своего могущества, в конечном занятии почетного места в мировой семье народов. Эта вера в свою звезду стала главным основанием, без которого целенаправленный упорный труд этих народов не получил бы формы, стимула, постоянства, смысла.

Если сравнение с прежними тоталитарными агрессорами вызывает смущение, то обратимся к классическим демократиям. В главных испытаниях лидеры ведущих демократических стран всегда обращались к беспроигрышному элементу — к чувству национального самоуважения, уязвленной гордости, обиды за униженную объективным ходом событий страну. Президент Ф.Д. Рузвельт с неизменным успехом использовал формулу, что «мы, американцы — как народ — не можем, будучи вместе, потерпеть поражение». Это относилось и к Великой депрессии и ко Второй мировой войне. Уинстон Черчилль в самый мрачный для своей страны час обращался к немеркнущим примерам патриотизма королевы Елизаветы Первой, не склонившейся перед Великой Армией, к образам герцога Мальборо и адмирала Нельсона. Президент де Голль говорил о Франции как о «мадонне с фресок». Мы напоминаем умонастроение лидеров демократических стран, а не самоослепленных национал-диктаторов. В чувстве обостренного патриотизма есть жизненно важный потенциал, который с блеском использовали такие примерные интернационалисты как Вудро Вильсон и несчетный сонм борцов с национальным самоограничением.

Народы готовы вынести многое, когда их «оседают праведные знамена». И напротив, сервильность вождей ведет таких лидеров в долину национального забвения (чему пример — недавняя российская история). В этом плане смена кремлевского руководства на рубеже веков характерна именно обращением к общепонятному патриотическому чувству. То, что было благом для других стран в их трудный час, не может быть абсурдной и кокетливой претензией в трудный час России. Эта глубокая вера в свою судьбу является важнейшей предпосылкой упорного труда на долгом пути возвращения, вдохновенной творческой мысли ученых, спокойной уверенности учителей грядущих поколений, упорства создателей материальной основы национального подъема. Это та основа, на которой можно строить будущее. Если бы этой веры в себя и свою судьбу не существовало, на национальной истории России можно было бы поставить крест. Но именно на вере в себя и в свое будущее покоится могущество современных гигантов — тех держав, чьи могущество и усилия определяют ход двадцать первого века. Откровенная цель уважающих себя народов — не попасть на задворки истории, быть ее творцами. Это мироощущение в высшей степени присуще России.

Утверждать, что Россия исчерпала свой шанс в истории, что она не поддается реформированию — значит отрицать очевидное. Петр Великий триста лет назад начал процесс, в результате которого, пожалуй, никто в мире не сомневается в русском гении, в способности России адаптировать любую реальность и достичь вершин в любом из проявлений человеческого духа и таланта. На пути своего многовекового развития Россия — единственная из незападных государств Земли — никогда не была колонией Запада. Совмещая вестернизацию с модернизацией, она создала адекватную своим историческим нуждам военную систему, позволившую ей выстоять под ударами Карла XII, Наполеона и Гитлера. Двести лет назад родился Пушкин, после которого умственная жизнь России лишилась вторичности и провинциальности. Сто лет назад начался рекордный экономический выход России из патриархального состояния на высший технический уровень.

Все успешные реформаторы России отличались тем, что осознавали особенности своей страны. Две главные: коллективизм и огромные, трудно связываемые между собой пространства. Отсюда роль государства, исключительно важная во всех развитых странах, но критически необходимая в случае российского варианта реформ. Страна, никогда в своей истории не знавшая самоуправления, нуждалась и нуждается в консолидирующей силе. Здесь не место

развернутому историческому анализу, но исключительно важно подчеркнуть, что народы в своем развитии действуют так, как направляют их история и география, как диктует обобщенный итог их общественного развития, их выработанная веками общественная этика. Восточноевропейский набор традиций, обычаев, эмоционального опыта близок западному в той мере, в какой история заставила эти два региона взаимодействовать. Он отдален от Запада в той мере, в какой история Запада была принципиально иной, отличной от истории Восточной Европы. Пренебрежение этим отличием, обращение со своим народом как с некоей абстракцией создало предпосылки национальной неудачи.

И сегодня, находя свое место в новом мире, имеющем всемирного лидера, делая крутой поворот к Западу, Россия должна строить свою модернизацию не на уходе государства из социально-экономической сферы, не на безоглядном следовании в фарватере всеильной сегодня Америки, а учитывая свои этно-конфессиональные и психо-ментальные особенности. Мы — страна, которая тысячелетие шла своим собственным путем и не опускалась до состояния покорной обреченности в самые тяжелые времена. Певцы безоглядного вестернизма улетят на теплый Юг при первой же настоящей буре, но 150 миллионам россиян некуда отступить, им жить и умирать на земле, завещанной жертвенными предками. Эта земля рождала титанов ума и духа, и нет основания усомниться в ее плодородии тогда, когда смятение охватило ее — вопреки тысячелетней истории.

Никакая прозападная «гибкость» элиты не может в одночасье изменить того, что является частью национального генетического кода: никогда не быть ничьим сателлитом, идти на любые жертвы ради самостоятельного места в истории, ради свободы выбора в будущем, ради сохранения этого выбора у грядущих поколений. Медленно, но верно Москва будет освобождаться от поразительных иллюзий захвативших власть провинциальных вождей, изменивших национальной истории. Безоговорочные западники не выдержат испытаний, они уступят место более принципиальным и недвусмысленным радетелям национальных интересов.

Что влечет за собой ослабление России

Россия все же сохранила немалое из наследия СССР. Вовне — место постоянного члена Совета Безопасности ООН, свободу выбора пути, образования союзов, формирования партнерских соглашений с любыми потенциальными союзниками. Внутри — ракетно-ядерный меч, созданная величайшими усилиями оборонная промышленность, система научных исследований и всеобщего образования, медицинская самозащита и колоссальные ресурсы наших безграничных просторов.

Но если случится невероятное, и народ России перестанет верить в себя, отвернется от своей истории и от своей мировой роли, то само ослабление великой страны способно вызвать некий тектонический сдвиг мировой системы, чреватый революционными переменами. Переход России в разряд «отвергнутых» усиливает значимость восьми потенциальных опасностей, способных возникнуть перед Вашингтоном в глобальном раскладе сил.

1. Никогда не следует исключать неожиданно быстрого восстановления сил России. После фактического поражения в Первой мировой войне и после страшных опустошений Второй мировой войны Россия восстала подлинно как «птица-Феникс». При определенном идейном повороте и трансформации правящих сил жертвенная черта национального характера может проявить себя с удивительной силой. Слабость может уступить место решимости, а что касается мобилизационного развития, то исторически в нем равных России нет.

2. Потеря контроля над Евразией. После пяти войн (две в Европе и три в Азии), которые США вели в двадцатом веке, перед ними встает (словами главы Библиотеки конгресса Дж. Биллингтона), «по существу та же задача, которую решала Британия в предшествующие столетия в континентальных войнах: предотвратить авторитарную гегемонию одной державы над величайшей земной массой и хранилищем ресурсов. Подобная главенствующая империя маргинализировала бы и свела бы в конечном счете до положения вассалов государства,

развившиеся на морской периферии в Северной Европе и Северной Америке... Если Россия обратится к скрытно-фашистскому авторитарному национализму, угрожающему ее хрупкой правящей коалиции, в то время как радикальные мусульманские государства и ленинистский колосс — Китай начинают экспансию своей мощи, то тогда двумя вероятными итогами, угрожающими демократическим государствам будут распространение этнического и религиозного насилия югославского образца, либо формирование альянса авторитарных стран против малочисленного демократического мира».

Россия граничит с регионами, представляющими первостепенную стратегическую значимость для США: Западная Европа, Персидский залив, Восточная Азия, Южная Азия. Стратегическая направленность указанных регионов, равно как и внутренний региональный баланс в них зависят от процессов, происходящих в России. Резкое усиление или ослабление Москвы способно разбалансировать всю прежнюю, достаточно хрупкую систему внутренней стабильности в этих регионах. Маргинализация огромной России способна подвигнуть кремлевских руководителей на сознательные дестабилизирующие меры.

3. Совершенствование и распространение оружия массового поражения. Хотя холодная война считается оконченной, и обычные вооружения России резко ослаблены, «Россия все же обладает, — напоминают американские специалисты, — способностью нанести удар по центрам населения и инфраструктуре Северной Америки; не подчиняющиеся международным законам государства могут получить часть ее арсенала.» Грандиозный ядерный стратегический потенциал России, ее неимитируемая способность быстро мобилизовать феноменальные разрушительные средства массового поражения делают вопрос глобального выживания во многом функцией понимания условий этого выживания России.

Россия является единственной страной мира, способной физически уничтожить Соединенные Штаты Америки. Согласно подписанному в Москве в мае 2002 г. Договору о сокращении стратегических потенциалов даже через десять лет Кремль будет распоряжаться минимум 1700 единицами ядерных боезарядов стратегической доставки. (В свое время теоретик ядерного сдерживания Р. Макнамара пришел к выводу, что для уничтожения США или СССР достаточно 500 ядерных боезарядов стратегической доставки — поражение 30 процентов населения и 70 процентов промышленного потенциала). В руках Москвы сегодня и в обозримом будущем находится орудие всеокрушающего убийственного ответного удара, неотвратимого в случае решимости отчаявшихся русских.

Россия создала эту гарантию национальной самозащиты, и она может еще долго полагаться на нее. При всех поворотах переживающей сложности национальной экономики, на вооружении России оставлены в боевом составе стратегических ядерных сил три дивизии межконтинентальных баллистических ракет шахтного базирования СС-18 («Сатана») — сохраняя эти 200-тонные ракеты на боевом дежурстве до 2014 г.; и одна дивизия «тяжелых» ракет железнодорожного базирования СС-24 («Скальпель»). Ракеты СС-18 выбрасывают над районом цели до 50 боеголовок, из которых (рабочая схема) 40 могут быть ложными целями — что ставит перед американской Национальной противоракетной обороной на десятилетия вперед неразрешимые задачи. Десять боеголовок МБР имеют ядерный заряд в 1 мегатонну.

4. Характер национальной самоидентификации российского государства. Если Россия признает своими гражданами лишь тех, кто живет в ее пределах, то она явится охранительницей мирового статус кво. Но если она не откажется от опеки 25 миллионов русских, живущих в республиках, прежде входивших в СССР, то она может стать «ревизионистской» страной. У России огромные возможности в соседних экс-советских республиках, в соседних странах православно-ортодоксального ареала, родственной цивилизационной характеристики. Прежний «второй» мир содержит немалый общий советский элемент, и если бы Россия, при определенном социально политическом повороте могла воззвать к некоему подобию «социального реванша», реакция могла бы быть весьма внушительной. (В 1919 г. большевики восстановили большую Россию, переведя суть противостояния в русло социальной перемены; в пятнадцати бывших советских республиках наблюдается такое цивилизационно-экономическое падение, что призыв

к социальному равенству не мог бы остаться вовсе без ответа — учитывая и очевидную дискредитацию демократов первой волны, оказавшихся недостаточно стойкими перед мирскими соблазнами, перед возможностями обогащения).

5. На фоне глобального демографического взрыва Россия может возглавить теряющий свои позиции Юг, противостоящий «золотому миллиарду» благополучных стран индустриального Севера; заменить противостояние Восток-Запад не менее ожесточенным противодействием Север-Юг, воспользоваться ожесточением маргинализированных историей стран. Ярko проявившая себя к началу XXI века этническая ненависть проявляется на фоне постоянного увеличения значимости природных ресурсов, обладание которыми становятся оружием обездоленных. При всех неурядицах и ослаблении, Москва сохранила возможности оказания военной помощи ближним и дальним странам в масштабах, недоступных никому из потенциальных соперников (или противников) Соединенных Штатов.

Феноменальное природное богатство России всегда останется с ней. Это положение кладезя природных ресурсов смягчит политико-экономическую катастрофу 1990-х годов. Мировая индустрия — и прежде всего индустрия Запада (и США в частности) сможет найти в российском газово-нефтяном богатстве своего рода единственную альтернативу Персидскому заливу. Это богатство в критической степени важно для мировой экономики. Допуск ли недопуск к этим богатствам может стать мощным оружием, равно как и средством раскола враждебных России коалиций.

6. Даже одно лишь ослабление контрольных функций Москвы над своим арсеналом непосредственно и прямо воздействует на судьбы Америки. Несмотря на обнаружившуюся стратегическую слабость визави США, Россия продолжает быть (и будет таковой на долгие годы впереди) бесконечно сильнее своих непосредственных соседей. Она будет обладать несомненными способностями воздействовать на ситуацию в таких критически важных странах как Украина и Грузия, не говоря уже о менее самостоятельно настроенных станах так называемого «ближнего зарубежья» и Балтийского региона. Упомянем одни лишь безграничные топливные ресурсы России, ее транспортные артерии, ее, словами Дж. Ная, «софт пауэр» — возможность идейного, культурного, цивилизационного влияния, фактор 25 млн. русских, живущих в соседних странах.

7. Право вето в Совете безопасности ООН дает России критическое по важности влияние в наиболее значительной международной организации, способность противостоять Америке на уровне глобальной организованности. Никакая легитимность в проведении силовых мероприятий глобального масштаба невозможна без участия и согласия Москвы. Попытка заменить ООН Северотлантическим Союзом способно ускорить конфронтацию по линии Запад — остальной мир.

8. Союзническая стратегия Америки, ее попытки (эффективность этих попыток) осуществить союзническое строительство будут в немалой степени зависеть от предрасположенности и согласия России. Особенно это касается Западной Европы, которая так или иначе готова вывести Европейский Союз на глобальный уровень могущества. Если Вашингтон не сможет вести достаточно умелую дипломатическую игру с Москвой, это геополитическое строительство может принять крайне нежелательное для Америки направление.

Все вышесказанное так или иначе обязывает Вашингтон не упиваться своей победой в холодной войне и соответствующим поражением ее прежнего евразийского противника, а следовать более умудренным и осторожным курсом.

Общий враг

Президент Путин после незамедлительного выражения сочувствия жертвам 11 сентября, размышляя в своей сочинской резиденции, увидел в решимости жаждущей мщения послесентябрьской Америки редкий в истории шанс обрести могучего союзника. И российской

руководство решило воспользоваться этим шансом: на волне сочувствия жертвам страшного Сентября, обзревая свои сузившиеся возможности, решая задачи национальной безопасности, российское руководство решило присоединиться к американскому гиганту, провозгласившему знакомое: «Кто не с нами, тот против нас». Путин, преодолевая внутреннее сопротивление, принял решение о значительной коррекции внешнеполитического курса России, о повороте в сторону сближения с Америкой.

Прозападные силы поддержали поворот Путина. Как велики эти силы? По оценке заместителя председателя комитета по вооруженным силам Государственной Думы — от 10 до 15 процентов всей российской элиты. С точки зрения Союза правых сил (Б. Немцов), возник уникальный час вхождения России в Запад, шанс, упущенный в 1945 и 1989 г. А последний министр иностранных дел А. Бессмертных считает, что «происходящее может быть использовано в интересах России. Альтернативой союзу с Западом является создание проблем Западу посредством поддержки Ирана, Ирана, Северной Кореи и Кубы, либо ей придется отстраниться от международных дел вовсе — чего наше географическое и геополитическое положение не позволяют».

Поддержка Америки оказалась популярной в Москве: 85 процентов москвичей выразили ту точку зрения, что «нападение на США равнозначно нападению на все человечество... Русские присоединились, — пишут Т. Болтон и М. Макфол, — к Америке в час ее нужды». Не только словесные выражения соболезнования (телефонный звонок президента Путина, первого выразившего готовность помочь), но весьма конкретные действия России осенью 2001 г. привели к определенному изменению взгляда американцев и ряда их союзников на Российскую Федерацию, ее роль в мире, на ее потенциал и возможную важность для Запада в будущем.

То, что своего рода эйфория была, в этом нет сомнения. В России стали полагать, что там, где не помогли прежние шаги навстречу (согласие на объединение Германии, ликвидация превосходства СССР в обычных вооружениях над НАТО, развал Варшавского договора, запрет КПСС, вывод российских войск из Центральной и Восточной Европы), поможет общий страх и общий враг. Россия, потрясенная драматическими событиями сентября, снова пошла по проторенной Горбачевым и Ельциным дороге. Абсолютное большинство опрошенных службами общественного мнения в России выразили симпатию к подвергшейся нападению Америке. Только 6 процентов опрошенных посчитали, что «Америка понесла справедливое наказание». А 79 процентов опрошенных осудили подобную точку зрения, говоря о солидарности с американцами.

Население России страшится представить террористический акт в Нью-Йорке и Вашингтоне как «конфликт цивилизаций». Осознанно или интуитивно, но население России понимает, что межконфессиональный конфликт в стране будет непоправимой национальной катастрофой. Представляется, что это отразилось на оценке событий в США. На вопрос, (заданный 13-14 октября 2001 г.) началась ли война с международным терроризмом или война или война между христианами и мусульманами, 55 % опрошенных склонились к первому объяснению и только 26 % ко второму. В опросе 22-23 сентября виновниками террористических актов агрессивных приверженцев ислама назвали только 3 %.

Анализируя конкретную ситуацию и отвечая на вопрос, кто подготовил террористическую атаку на США, 15 % российских респондентов ответили, что приверженцы ислама, 12 % — приверженцы Бен-Ладена, 7% — арабы, 6% — афганцы, 4% — талибы, причем в представлении российских граждан талибы — это скорее дикая орда, нежели изощренный противник, обладающий достаточным интеллектом для удара такой силы по Америке. Видимо, сказалось то, что образ талибов в России начал складываться еще осенью 2000 г. во время выхода талибов к Таджикистану. Треть российского населения высказывалась о талибах крайне негативно. Российские респонденты опросов более критичны к США при высказываниях о мотивах террористов, совершивших нападение. Здесь главенствующая версия — наказание за гегемонизм, за самоуверенность и жесткую уверенность в собственной правоте. 22-23 сентября 2001 г. на вопрос о целях террористов 16 % ответили — запугивание, устрашение; 15% — месть;

11% — демонстрация уязвимости США. На вопрос «согласны ли вы назвать атаку на Америку расплатой за американскую политику» 63 % ответили — «согласны». И только 22 % не согласились. На вопрос «почему многие страны поддерживают военные действия США в Афганистане» три ответа доминировали: объединение против террористов (28%); следование за лидером (16 %); страх, стремление к безопасности (15 %).

Российское общество раскололось примерно поровну, отвечая на вопрос, правильно ли США действуют, нанося ракетно-бомбовые удары по Афганистану. 40 % респондентов ответили, что правильно, им 13-14 октября противостояли 42 %, считающие, что неправильно. На вопрос, сумеют ли США добиться своей цели наиболее общим ответом было «нескоро». Представляют интерес представления российских граждан о целях военных действий США в Афганистане.

- отомстить 29 %
- уничтожить очаг терроризма 21 %
- укрепить свое господство 14 %.

Даже на уровне обыденного сознания в России начала пробиваться мысль, что мир очень изменился, и Россия в новом раскладе сил может быть востребована. Об этом можно судить по динамике ответов на вопрос «возможно ли в текущей ситуации усиление позиций России?». 22-23 сентября 2001 г. на этот вопрос положительно ответили 30 % респондентов; 13-14 октября — 39%, а 27-28 октября — 45 %. Это был пик позитивной оценки возможности России в новом раскладе сил.

Особую статью представляет собой оценка степени дружественности Соединенных Штатов России. Здесь наблюдается та же динамика. В ответе на вопрос о влиянии событий в США на российско-американские отношения, 22-23 сентября в их улучшение поверили 35 %, а 27-28 октября уже 44 %. Очень существенно отметить вектор симпатий россиян в оценке желательности сближения России и США. В вопросе 27-28 октября 2001 года в пользу сближения высказались 69 % (!) опрошенных. 17-18 февраля 2001 года в такую возможность верили 32 %, 29-30 сентября — 38 %, 3-4 ноября — 43 %. Это то и позволило многим прийти к выводу, что у России и Америки впервые после второй мировой войны обнаружился общий враг.

Осень 2001 г. с ее трагическими событиями и настроенностью Америки «воздать должное» организаторам террора дал, помимо прочего, новый шанс американо-российским отношениям. Ответ на вопрос, что должно случиться, чтобы народы, «распри позабыв», сблизилась между собой, казался был найден. У Запада и России появился общий противник. Таким врагом в недели последовавшие за 11 сентября, стал террор, конкретным воплощением которого стал Талибан, мулла Омар и Усама бен Ладен. Вот что писал лондонский «Нью Стейтсмен»: «Враждующие лагеря и нации мира объединились против общего врага — глобального терроризма. Приоритеты американской внешней политики изменились с захватывающей дух скоростью. Озабоченность национальной ракетной обороной ушла на второй план. Как оказалось, американская безопасность лежит не в одиноком пути по высокой дороге технологии, а в высокой политике глобального союза. Старые распри с Москвой забыты по мере того, как американцы начали свою кампанию в Афганистане для своей „защиты“, потребовавшую сотрудничества с Россией. Равным образом США понимают, что они нуждаются в арабской и мусульманской поддержке и поэтому будут стремиться к реальному перемирию между Израилем и палестинцами. Во время, когда вера в Бога, класс, нацию и правительство в значительной мере исчезли, общий страх человечества оказался последним средством создания единых уз, нового сплава национальной и международной политики. Страх перед глобальным терроризмом создал почти революционную ситуацию». Это очень существенное обстоятельство, без него Кремлю было бы труднее делать столь крутой вираж в своей внешней политике. Именно на эту динамику опирался президент Путин.

В октябре-ноябре 2001 г. многим в России стало казаться, что ей предстоит стать новым стратегическим партнером Соединенных Штатов. Россия самым активным образом помогла Соединенным Штатам, она предоставила свое воздушное пространство для американских

самолетов, разведывательные данные, свои союзнические связи и лояльности и дала согласие на размещение американских военнослужащих в среднеазиатских республиках. Чтобы продемонстрировать свое благорасположение, Москва закрыла свою станцию прослушивания на Кубе (Лурдес) и военно-морскую базу во Вьетнаме (Камрань). С российского благословения американские войска вошли в крупнейшую страну Средней Азии, в Узбекистан, а затем в Таджикистан и Киргизию, обустроивая здесь для своих нужд такие первоклассные военно-воздушные базы как Манас. Вооруженные силы Соединенных Штатов разместились именно на тех базах, которые были построены Советской Армией в ходе восьмилетней истребительной войны с моджахедами Афганистана — получили базы в Узбекистане, Таджикистане и Киргизии.

Отныне Вашингтон не мог не видеть в России основной потенциальный инструмент, который мог либо вооружить Китай и мусульманский мир (начиная с Ирана), либо стать очень ценным союзником в борьбе с мировым терроризмом. В Соединенных Штатах стал ощутим новый расклад общественных предпочтений: в ноябре 2001 г., согласно опросам общественного мнения, 25 процентов американцев назвали Россию «союзником», а 45 процентов — «дружественной страной». Ситуация, в которой три четверти американцев считает Москву потенциальной союзницей, позволила лидерам Америки опробовать прежде немыслимые схемы. В конгрессе США вызрела идея фактического списания Америкой американской части долга СССР — из 5 млрд. этого долга Америке американские законодатели предлагают 3,5 млрд. перенаправить на цели выполнения «плана Нанна-Лугара» — финансирования проектов в российской ядерной технологии и техники.

Решение Москвы было обусловлено рядом геополитических, экономических и цивилизационных соображений. Выделим основания вестернизма путинского курса.

1. Главное среди этих соображений носило геополитический характер. Что лучше: стоять в одиночестве (с пустынной Сибирью) перед двумя гигантами — более чем миллиардными Китаем и столь же многочисленным мусульманским миром, или хотя бы частично полагаться на мощь самой могущественной страны мира, нежданного союзника в борьбе с исламским экстремизмом на собственно российской территории, на которого Россия может положиться и в схватке с экстремизмом в Чечне и на далекой заставе 201-й российской дивизии, стерегущей выход из кипящего Афганистана?

2. Главная текущая проблема — чеченская, фактор уязвимости перед лицом исламистского суннитского экстремизма. Борьба против мусульманского религиозного фундаментализма на Северном Кавказе (и на центральноазиатских границах), в случае присоединения к общей антитеррористической войне, получала самого мощного в мире союзника. Для окружения российского президента показалось неразумным изолироваться от американской борьбы с Аль-Каидой и Талибаном — единственным политическим режимом, признавшим мятежное правительство Чечни. Именно суннитские исламские добровольцы, связанные с Аль-Каидой возглавили чеченский поход на Дагестан и пытались распространить антироссийский джихад на весь Северный Кавказ и другие мусульманские регионы России. В Центральной Азии Талибан всячески стремился разрушить региональную стабильность близких к России режимов. Воспользоваться миром и безопасностью ради развития своего огромного потенциала? Возник редкий в истории шанс и российской руководство в определенной степени позволило себе воспользоваться этим обстоятельством. Террор в Чечне подталкивал российских политиков к поискам легитимации силовых действий; ярость Америки создавала новую обстановку вокруг вопроса о мусульманском фундаментализме.

3. Слабость России, особенно очевидная на фоне мощи США, слабость, столь ярко себя проявившая в военной сфере (а ведь в XVII-XX вв. российская армия была не слабее лучших западных); в 2003 г. годичный военный бюджет США превысит весь государственный бюджет РФ; даже турецкая армия могла позволить себе технологические новинки, недоступные российской армии, ослабленной коллапсом государства и социальной деморализацией.

4. Отчаянная нужда российской экономики в западных инвестициях.

5. Потенциал вестернизма как 300-летней исторической традиции российского развития. Газета «Интернешнл геральд трибюн» пришла к выводу, что «Путин покончил со столетиями российских колебаний между Востоком и Западом и сделал стратегический выбор в пользу того, что будущее его страны бесспорно лежит в Европе. Как он понимает, дорога к этой цели требует восстановления российской экономики, что возможно только с помощью Запада... Может быть, через 10 или 15 лет, когда российская экономика будет в рабочем порядке, Россия сможет снова бросить вызов глобальному лидерству Америки и начать осуществлять геополитическое влияние в Восточной Европе, на ближнем Востоке и в других местах. Но ныне приоритеты смещаются на внутренний фронт — улучшение благосостояния населения, приглашение иностранных инвестиций, уменьшение стоимости внешней политики, поиски стабильности для экономического роста... Мы находимся при формировании явления исторических пропорций, Россия окончательно решила стать западной страной».

Россия ищет компромисса

Россия обратилась к Америке не с пустыми руками. Вот что предложил Америке Путин в ее час нужды:

- I. обмен разведывательной информацией;
- II. открытие российского воздушного пространства для полетов американской авиации;
- III. поддержка обращения к центральноазиатским государствам с целью предоставления американским вооруженным силам необходимых военных баз;
- IV. военная поддержка Северного альянса в его борьбе против Талибана.

В Вашингтоне определенно оценили готовность России быть союзником в борьбе против терроризма. Америка нуждалась в международной поддержке и Россия, вопреки психологическому грузу предшествующих пятидесяти лет, высказала свои чувства с русской широтой и открытостью. Важен был не только психологический аспект дела. Огромная территория России соседствовала с Средним Востоком и давала значительные преимущества стороне, которая становилась союзником Российской Федерации. Помимо очевидной политической значимости, четыре обстоятельства отметили в США, повышающие стратегический вес РФ даже в сопоставлении с ближайшими для американцев — западноевропейскими союзниками:

- Россия могла влиять на ряд окружающих ее государств, таких как Узбекистан и Таджикистан, в ту или иную сторону (чего Западная Европа сделать не могла);
- Россия имела боеготовые войска (чего в данный конкретный момент в Западной Европе не было);
- Россия имела транспортные самолеты для транспортировки вооруженных сил к театру военных действий (а незначительному контингенту бундесвера и других западноевропейских армий пришлось просить их у Узбекистана и Украины);
- Россия реально и остро нуждалась в союзниках по борьбе против исламского фундаментализма на Северном Кавказе и в других местах (что для Западной Европы смотрелось как гораздо более отдаленная проблема).

Указанные обстоятельства поставили отношения России с Америкой в новую плоскость, характерную гораздо большей степенью сотрудничества. Названы были конкретные формы такого сотрудничества. В конце сентября 2001 г. представитель США на глобальных торговых переговорах Р. Зеллик охарактеризовал в Москве главные проблемы, в решении которых Вашингтон мог бы помочь неожиданному новому союзнику: прием в ВТО, отказ от дискриминационной поправки Джексона-Вэника, предоставление России статуса страны с «рыночной экономикой».

В Афганистане Россия оказала Америке значительную помощь. Именно вооруженный российским оружием Северный альянс проделал в ходе войны, двигаясь с севера на юг (Мазари-Шариф, Кабул, Кандагар) значительную долю «грязной» работы за американцев. Это

обернулось стремительным поражением Талибана в ноябре-декабре 2001 г.

Значимость России для боевых действий вооруженных сил США стала почти общепризнанной. Как оценил ситуацию английский политолог А. Ливен, «Россия совершенно очевидно является центральным элементом в определении будущего „коалиции против терроризма“ и пост-11 сентября международного порядка. Она играет ключевую роль в определении событий в Центральной Азии и Афганистане; ее разведывательные службы вносят значительный вклад в проводимую Америкой военную кампанию; она имеет очень большое собственное мусульманское население — между 1996 и 1999 годами мятежная российская республика Чечня стала важной базой международных суннитских исламистских радикалов; и если Соединенные Штаты попытаются улучшить отношения с Ираном — или усилить давление на него — политические и экономические связи России с этой страной будут для США главным фактором. Если „война с терроризмом“ заставит Соединенные Штаты вывести свои войска с Балкан, то и тогда Россия будет играть заглавную роль в оказании помощи Европейскому Союзу по поддержанию мира — или в реализации противоположного курса. Это и другие факторы увеличили значимость России».

Американцы приглушили критику Российской Армии в Чечне — критиковать Российскую армию в свете массированных бомбардировок Афганистана было сложно. «Американцы ощутили сложность различения тех, кто ведет боевые действия от тех, кто эти действия не ведет; и, что оказалось еще более важным, нежелание нести людские потери американскими регулярными войсками потребовало опоры на союзников, вовлекающей косвенно Соединенные Штаты в их жестокости. Более того, многие из американских комментаторов правого политического крыла, столь громкие в обличении российской тактики в Чечне, стали столь же громко призывать Соединенные Штаты следовать столь же крайне безжалостной тактике в Афганистане и повсюду, где началась битва с исламским фундаментализмом». Многим из американских обозревателей Чечня стала видеться неким повтором Сомали, государства, разрушенного исламским экстремизмом. Поддержать выталкивание России с Северного Кавказа стало видеться в Америке бездумным курсом.

Это испытание скрепило личную дружбу президента Путина и Дж. Буша. Взаимная теплота в российско-американских отношениях достигла «невозможного» пика в совместном заявлении президентов Путина и Буша во время встречи в Шанхае 19 ноября 2001 г.

Два подхода

Обнаружилось радикально важное обстоятельство: в сентябре 2001 г. общая угроза проявилась как для Запада, так и для страны, «сдерживать» которую и был создан Североатлантический союз — для России. Общность противника потребовала, как минимум, общего для Брюсселя и Москвы планирования — хотя бы в самых общих чертах. Все это создавало предпосылки нереальной прежде перспективы сближения Москвы с военным блоком Запада.

Посетив зимой 2001 г. штаб-квартиру НАТО в Брюсселе, президент Путин заметил, что видит в НАТО перемены, в свете которых эта организация не смотрится более старым военным альянсом, направленным против России. «Говорят, что НАТО становится скорее политической, чем военной организацией. Мы наблюдаем за этим процессом. Если дело пойдет таким образом, то все изменится значительно... Мы верим, что происходящее ведет к качественной перемене в отношениях России и Запада». Для демонстрации своей благорасположенности Россия сделала несколько недвусмысленных жестов — объявила о своем уходе с баз Камрань (Вьетнам) и Лурдес (Куба).

В результате этой эволюции Запад предпринял попытки коррекции своей союзнической стратегии. Исторически это не ново: ведь была же России важнейшим союзником Запада в двух его главных испытаниях XX века — в двух мировых войнах? Начиная с ноября 2001 г., речь зашла о возможности весьма радикальной трансформации НАТО из организации,

противостоявшей Советскому Союзу-России, в организацию новой европейской безопасности — и даже с глобальными функциями. Трудно представить себе сближение России с направленной, собственно, против нее военной организацией; но России, при определенном повороте событий, могло бы быть выгодно войти в новый — «наднатовский» альянс, хотя бы частично гарантирующий ее внутреннюю целостность и протяженные границы, хотя бы несколько страхующей опасности жизни рядом с переменчивыми и потенциально опасными соседями.

Лидером поисков более адекватного ответа на современные угрозы традиционно выступила Британия, гибкость дипломатии которой стала эталонной. (Представляется, что Лондон ищет гарантии от экономического и политического доминирования в Европе Германии. Напомним, что именно ради избежания этой угрозы Лондон выступил в 1914 и 1939 годах). Складывается впечатление, что современная британская дипломатия, надеясь сохранить свободу маневра в Европе, стремится, с одной стороны, быть наиболее лояльным союзником Вашингтона, с другой — искать новые пути приобщения к европейскому балансу сил России.

Витающие в воздухе новые идеи выразил в середине ноября 2001 г. премьер Тони Блэр. «План Блэра» предполагал трансформацию взаимоотношений России и НАТО из системы 19 плюс 1 в «систему двадцати участников», где Россия могла бы даже подписать Вашингтонский договор (возможно, без параграфа 5 — о том, что нападение на одного члена альянса равнозначно нападению на всех членов союза). В условиях глобального смещения угроз для Запада Россия могла бы войти в Североатлантическую организацию не как некая периодически консультируемая величина, а как интегральная часть новой системы безопасности в Европе. Как писала американская газета «Крисчен сайенс монитор», «вступление России в НАТО завершит процесс создания такой структуры взаимоотношений европейских государств, которая в конечном итоге принесет постоянный мир. Неопределенность же с принятием России в альянс не только будет большой прорехой в мозаике, но также может возродить традиционную российскую ксенофобию... У Запада есть второй шанс навсегда закончить „холодную войну“, покончить с разделением Европы и сделать Россию полноценным партнером НАТО в борьбе с терроризмом и в деятельности по предотвращению распространения оружия массового поражения».

Речь зашла о геополитическом сдвиге впечатляющих пропорций: Россия входит в обновленный западный союз, приобретает новых союзников и представляет собой фактор его фактической глобализации в стратегически важных по времени и месту основных событий обстоятельствах. В Москве заговорили о важнейшем после 1989-1991 гг. повороте во внешнеполитической ориентации России. Вхождение в западный военный союз России могло бы иметь главное для нее позитивное значение — блок НАТО потерял бы свою антироссийскую направленность. И это была бы уже новая НАТО, потенциально полезный партнер в реализации российских интересов.

Выдвижение инициативы Блэра вызвало на Западе борьбу двух политических проектов.

Первый, олицетворяемый британским руководством и поддерживаемый такими лидерами Запада как канцлер Шредер и президент Ширак, ориентировался на идею вовлечения Российской Федерации в стан Запада: у Москвы ослабнет соблазн воссоздавать некий «третий мир» на оси Пекин-Нью-Дели-Москва; Россия встанет лагерем защитников столь выгодного Западу статус кво в мире; пути распространения российского оружия массового поражения (биологического, химического, ядерного) будут заблокированы; североевразийская нефть и газ станут подлинной альтернативой энергетическому сырью бунтующего против Запада Ближнего Востока; проблема потенциальной реинтеграции постсоветского пространства на антизападной основе будет если не решена, то минимизирована. (В русле этого подхода генеральный секретарь НАТО лорд Робертсон высказался весьма оптимистично: «Я знаю, где место России. Оно между Испанией и Португалией»).

Второй проект представили противники введения Москвы в круг Запада. Он исходит из того, что огромная неуправляемая Россия, чреватая внутренними конфликтами, способна

дестабилизировать пространство западного ядра; по своим экономическим показателям (2,4 тыс. долл. в год на душу населения) Россия никак не соответствует общему уровню в 30 тыс. долл. в год на душу «золотого миллиарда»; Запад лишится благоприятной для него «прокладки» между североатлантическим миром и колоссальным Китаем и миллиардной мусульманской цивилизацией; НАТО возьмет на себя опасную функцию гаранта границы России с Китаем в необозримой Сибири; поток наркотиков, нелегальных иммигрантов и российского криминала захлестнет (через неуправляемую Россию) благополучный Запад.

Типично мнение Г. Киссинджера: «С принятием России в НАТО Североатлантический Союз превратится в мини-Организацию Объединенных наций, либо в антиазиатский — особенно антикитайский союз западных индустриальных демократий. Русское членство в Европейском Союзе, с другой стороны, разъединило бы два берега Атлантики. Такой шаг неизбежно подтолкнет Европу к поиску различной от американской позиции... Более тесные отношения России с Европой, чем у Европы с США (или просто сравнимые) вызовут кризис в межатлантических отношениях — вот почему Путин так обхаживает некоторых из американских союзников».

Идея трансформации НАТО, предусматривающая непосредственное членство России, рассматривалась на главном форуме Североатлантического Союза 7 декабря 2001 г. Запад не был единодушным. Великобритания, Италия, Испания в общем и целом показали свое желание видеть Россию в рядах НАТО. Франция и Германия не спешат, боясь, что традиционные дипломатические отношения, основывающиеся на столкновении-согласии между США и Евросоюзом (в котором Париж и Берлин играют первую роль) будут сотрясены вхождением неудобной России. Наибольшими противниками введения Москвы в круг НАТО стали ее недавние союзники по Организации Варшавского договора — принятие России, с их точки зрения, обесценивало их недавно приобретенное членство в главной организации Запада, девальвировало их новую идентичность. В этой ситуации критически важное значение приобретала позиция единственной оставшейся сверхдержавы — Америки. Решающим было мнение американского руководства и оно не поддержало британскую идею.

Вашингтон в конечном счете посчитал, что двум военно-стратегическим гигантам «не место в одной берлоге», что полнокровное принятие РФ в Североатлантический Союз грозит подорвать фактическое единоначалие, создаст фактор нежелательной напряженности, в определенной степени свяжет руки Вашингтону в проведении его глобальной политики. В результате идеи России как полнокровного двадцатого члена НАТО оказались похороненными.

Администрация Буша — не поддержала инициативу Блэра, сведя радикальные предложения о России как полноправном члене, к банальным благоглупостям о необходимости расширять дискуссионное сотрудничество. Британский научный журнал: «Администрация Буша, находясь под давлением сторонников жесткого курса в США, давления со стороны Пентагона Рамсфелда, со стороны восточноевропейских и балтийских государств и их лобби в Соединенных Штатах, резко отвергли предложение Тони Блэра, направленное на укрепление связей НАТО с Россией». Вопреки ожиданиям российских западников, прорыва в отношении новой, дружественной России сделано не было.

Паллиатив был найден в формировании совещательного органа «НАТО-РФ», параллельного уже имеющемуся (с 1997 г.) Комитету Россия — Североатлантический союз. Получила развитие идея «бокового приставного стула» в виде приглашения Москвы в сугубо совещательный «Совет двадцати», в рамках которого Москва могла бы обсуждать острые международные вопросы вместе с девятнадцатью членами Североатлантического союза. Вместо выражений признательности России США подтвердили дату «ноябрь 2002 г.» как время принятия решения относительно очередного расширения НАТО в восточном направлении, включая Прибалтику.

Заметим, что ничего подобного не говорилось в ноябре 2001 г., когда американские и британские специальные войска отчаянно нуждались в Афганистане в боевой поддержке. Пыл тех, кто приветствовал новое отношение к России в момент, когда стояла задача взятия Кабула и

Кандагара вооруженным русским оружием Северным Альянсом, значительно остыл. Мавр сделал свое дело, он больше не был нужен.

Нейтральные страны Западной Европы охарактеризовали ситуацию так: «В определенных вопросах НАТО хотела бы иметь Россию в качестве союзника: в борьбе против терроризма, в решении проблем нераспространения оружия массового уничтожения, в вопросах противоракетной системы тактического назначения, а также при проведении поисковых и спасательных работ на море. Предоставить России право соучастия в принятии решений, предусматриваемых статьей 5 Североатлантического договора о нападении на одного из союзников по НАТО Америка не решилась. В основополагающих вопросах, имеющих стратегическое военное значение, таких как прием в Союз трех стран Балтии, НАТО решительно внес оговорку, обеспечивающую ее тыл. Так, если кто-то из членов альянса будет возражать против решения, принятого в рамках двадчатки, Россия должна будет выходить за дверь, а решение утверждают уже только представители 19 стран. Альянс не желает ни в коем случае предоставлять России право вето.

Обходится официальным молчанием тот факт, что в 2004 г., по меньшей мере, восемь из пятнадцати советских республик — нынешних ближайших соседей России — либо вступили в НАТО (как балтийские государства), либо допустили присутствие американских войск на своей территории (Грузия, Узбекистан, Азербайджан, Киргизия, Таджикистан).

В России впервые стало расти понимание того, что она не столь уж важна и привлекательна для Запада. Общая тенденция к созданию ресурсосберегающих технологических процессов может ослабить прежнюю значимость российского энергетического сырья для Запада. Пик запоздалого отрезвления — это появление точки зрения, что Россия — одна из развивающихся стран. До сих пор Запад не показал своей заинтересованности в возникновении экономически сильной России. Опыт должен продиктовать и то, что страна, способная на величайшее самоотвержение и жертвы, едва ли согласится на положение сырьевого придатка Запада. Россия скорее предпочтет любую форму самоотвержения, найдет связи с экономически отставшим миром, может выбрать изоляцию, но никогда не согласится с судьбой второсортного экономического партнера. Наверное в интересах Запада иметь спокойную, экономически стабильную и умиротворенную Россию, восхищающуюся достижениями западной цивилизации и дружественную североатлантическому миру.

Реальность быстрого обесценения казавшегося в России в октябре-ноябре 2001 г. столь важным союза, преподала ей, как минимум, четыре урока.

1. В русле декоративной политики 28 мая 2002 г. на натовской военно-воздушной базе Пратика ди Маре (неподалеку от Рима) политическими лидерами Североатлантического союза и России было подписано соглашение, отразившее опасения Вашингтона предоставить Москве полноправное членство в Североатлантическом Союзе. Созданный новый «Совет двадцати» никоим образом не отменяет главенства в жизнедеятельности НАТО Североатлантического Совета, на котором страны НАТО обсуждают и принимают совместные решения. Россия не стала членом альянса и на нее не распространяется договор о коллективной безопасности, согласно которому все члены НАТО обязуются приходить на защиту друг друга в случае необходимости. В новом российско-натовском документе нет никаких взаимосдерживающих обязательств. Там не сказано, что НАТО должна уважать волю Москвы, или что Россия должна ограничить свободу своих решений, а значит, в зависимости от ситуации каждая сторона поведет себя согласно собственным критериям: НАТО не будет обращать внимания на Россию, и наоборот. Орган, о котором идет речь — совещательный. Если в новом совете из 20 стран не удастся достичь консенсуса в обсуждении конкретных вопросов, тогда 19 участниц НАТО оставляют за собой право убрать спорную тему с обсуждения.

Вот как оценил созданный орган известный специалист по России Дж. Кьеза: «Слишком рано говорить о том, что Россия стоит одной ногой в НАТО. На самом деле, не было решено практически ничего. Постоянный Совет уже существовал однажды, но, несмотря на название, он практически не функционировал. Документ остается очень неопределенным и не привязывает

НАТО к России, особенно в случае возникновения трений». Идея полного членства РФ в ЕС также вызвала в Брюсселе «лишь удивление... Полное членство в Европейском Союзе вещь нереальная». Хотя отмечается, что вскоре у России будет граница с расширенным ЕС в 2 тыс. км.

Решение, принятое 28 мая 2002 г. в Пратика ди Маре представляет собой поверхностный паллиатив — западный военный союз не открыл двери к полномасштабному членству Российской Федерации. Созданный новый орган («двадцатка») должен пройти проверку, подобную той, который не прошел Постоянный совет Россия-НАТО весной 1999 г. Если и этот орган окажется лишенным черт эффективного обсуждения проблем и подлинного согласования позиций между Россией и Западом, то дело сближения между ними получит суровый удар. Сближение с военным блоком Запада будет в России дискредитировано на долгое время.

2. Выйдя в мае 2002 г. из Договора 1972 г. о запрете на создание национальной системы противоракетной обороны, Вашингтон нанес удар по системе стратегической стабильности в мире. Самое поразительное в решении администрации Дж. Буша был его тайминг — время, когда решение оказалось принятым: не теряя ни дня после того, как фактические союзники России в Афганистане — бойцы Северного альянса — выполнили (за американцев) грязную и опасную работу. Когда еще не были похоронены трупы на улицах Кандагара и шли бои в афганских горах. Очевидно и стремление Америки прекратить процесс консультаций и руководствоваться собственным, односторонним подходом.

Америка ограничилась поверхностными явлениями, словесной риторикой. Президент Буш сказал, что «два бывших противника объединились как партнеры, преодолев 50 лет вражды и десятилетие неопределенности». Два вопроса интересовали американского президента в Москве в мае 2002 г.: 1) Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов. Упор американской стороной делался на последнем, остаточном элементе, оставшемся у Москвы от недавнего статуса сверхдержавы. Главный аргумент сторонников подписания ССНП: это единственный способ заставить американский ядерно-ракетный арсенал сокращаться параллельно со стареющим российским. Американская стороны открыто заявляет, что не собирается уничтожать ни носители, ни боезаряды, она желает не уничтожать снимаемые с боевого дежурства ракетные ядерные боеголовки, а складировать их. В этом смысле Московский договор 2002 г. потерял значительную долю своего смысла — ведь фактического сокращения стратегических арсеналов двух лидирующих держав не происходит. Американцы даже не скрывали снисходительного тона. Скажем, известный исследователь Ч. Краутхаммер писал, что Майский Договор о сокращении стратегических потенциалов является «уступкой русской чувствительности. Он нам ничего не стоит... ничего не стоящее великодушие. Мы имеем дело со страной, пережившей самую катастрофическую утрату могущества, произошедшую не на полях сражений».

3. В марте 2002 г. своего рода момент истины наступил на форуме стран НАТО и государств-претендентов на вступление в североатлантический союз, имевший место в Бухаресте. В условиях деятельного участия России в Антитеррористической коалиции России западный блок без особого вреда для своих интересов мог объявить мораторий на приближение военного союза к границам России. Ничего подобного не последовало. Присутствовавший заместитель государственного секретаря США Р. Армитэдж с благосклонностью высказался за вступление трех прибалтийских государств — и даже ранее не планировавшихся ранее Болгарии и Румынии.

Как писал французский журнал «Нуэль обсерватер», «Вашингтон не сделал ни малейшей уступки, требуя вступления стран Балтии в НАТО, и проникая на задний двор России — в Грузию. Эксперты Пентагона убеждены в том, что все российские уступки в регионах, прежде считавшимися жизненно важными для Москвы, имеют лишь одно объяснение: необходимость. По их мнению, русские поняли, что не в состоянии защититься от возможной угрозы с Юга и поэтому нуждаются в американском зaslоне». Говорить о некоей «деликатности» в отношении России как-то даже нелепо. «Посматривая на Россию, — писала итальянская „Стампа“, — стратеги из Пентагона создают восточноевропейскую подстраховку, — именно на Черном море

— для того достаточно реалистичного случая, если исламские союзники в этом регионе (Саудовская Аравия, Турция и др.) окажутся ненадежными или бесполезными во время более широкого кризиса, спровоцированного нападением на Багдад, что удвоило бы, к тому же, остроту израильско-палестинского конфликта... Грузия — четвертая по счету бывшая советская республика, которая была буквально оторвана от российского влияния в течение всего одного года после Киргизии, Узбекистана и Таджикистана. Азербайджан был потерян для России еще в предыдущие годы. Если прибавит к ним и три прибалтийские республики, то всего получится восемь».

4. Ситуация с главным союзником по Антитеррористической коалиции оказалась еще хуже в свете ядерного планирования администрации Буша. В пик союзнических действий эта администрация предписала своему министерству обороны разработать планы применения ядерного оружия «на случай непредвиденных обстоятельств» против семи государств, одним из которых была названа Россия. Секретный доклад Пентагона от 8 января 2002 г. попал в прессу благодаря особым связям газеты «Лос Анджелес Таймс». Он предусматривает готовность США к нанесению ядерного удара по России, Китаю, Ираку, Северной Корее, Ливии и Сирии. Для этого вооруженные силы США должны располагать «всем спектром средств сдерживания». В 56-страничном докладе говорится, что Россия не является более официальным «врагом», но указывалось, что американское ядерное оружие должно быть применено в ситуациях трех типов: против целей, неуязвимых для атак с применением неядерного оружия; в ответ на атаку с использованием ядерного, биологического и химического оружия; «в случае внезапных военных акций».

В докладе указывается опасность: Россия располагает 6 тысячами единиц оружия стратегического назначения и общим арсеналом в 10 тысяч единиц ядерного оружия; от Москвы в настоящее время ждать угрозы не следует, но «нельзя исключить», что дружественные отношения могут ухудшиться. В докладе нет детализации того, как Россия могла бы использовать свое ядерное оружие против США, но в нем есть недвусмысленное указание на то, что этот арсенал может стать недружественным и опасным для Америки. Многолетнюю ситуацию «взаимного гарантированного уничтожения» сменяет период, когда американская сверхдержава берет на вооружение принцип одностороннего гарантированного уничтожения. Секретный доклад Пентагона предусматривает возвращение США к прежней стратегии в области военного противостояния и к старому, более чем десятилетней давности определению России как потенциального противника. Хороший итог курса, начатого в 1989 г., впечатляющая благодарность за помощь в афганских ущельях 2001 г.

Этот доклад был подписан министром обороны США Рамсфелдом и в настоящее время используется Стратегическим командованием США для практических разработок. Идеологическое основание выдержано в лучших традициях времен ядерного противостояния.

Нельзя отказать американцам в понимании того, что означает подобное отношение к своим только что названным союзникам посреди крестового антитеррористического похода. Представляющий Фонд Карнеги за международный мир (Вашингтон) Дж. Циринционе: «Это как динамит. Могу себе представить, что эти страны будут говорить в ООН». Представляющий А Р. Норрис из Совета защиты природных ресурсов назвал доклад «ясным предупреждением, способным спровоцировать разработку ядерного оружия, а не отвратить от него». Анализируют немцы: «Москва неожиданно оказалась в числе государств, составляющих „ось зла"... Американские планы опасны для Путина, пошедшего прозападным курсом, который не приносит никаких положительных для него результатов. Он все больше ослабляет свои позиции по отношению к русским элитам. Так американцы все глубже продвигаются в постсоветском пространстве. Американские солдаты уже находятся в Средней Азии и на Кавказе». Как признают западные аналитические центры, „взятые вместе, эти созданные американцами препятствия сделали Путина и его твердо прозападную риторику в высшей степени уязвимой перед критикой антиамериканского характера. Риск для Запада заключается в том, что не только представители элит, но и простые русские стали видеть в его деятельности повторение опыта

Горбачева и Ельцина, которые оказывали Западу уступку за уступкой, но в ответ получили мизерно мало“.

Итак, суровая действительность оказалась холодным душем, во многом загасившим эйфорию поздней осени 2001 г.: в 2002 г. она нашла себя в списке официально обозначенных целей американского ракетно-ядерного потенциала среди таких целей Америки как Ирак, Иран, Сирия, Ливия. Эйфория октября-ноября 2001 г. иссякла очевидным образом.

Тернистый путь на Запад

Что России дал новый союз с Западом? Россия реально и жестоко понадобилась Америке на слишком короткое время. Как говорят дружественно настроенные американские специалисты, «бедой России является то, что война закончилась слишком быстро и победно». Короток оказался тот час, когда Вашингтон реально нуждался в содействии влиятельнейшей в рассматриваемом регионе державы. Наступили «геополитические будни», Америка воспользовалась войной с международным терроризмом для значительного расширения своего влияния в геополитическом сердце Евразии. Американские войска впервые разместились в середине евразийского хартленда — в Афганистане, Узбекистане, Таджикистане, Киргизии. Американские вооруженные силы возвратились на Филиппины. Они впервые высадились в Закавказье, в Грузии. Они ныне владеют большими базами в 45 странах мира, а располагаются (на той или иной основе) в 110 странах мира. Над этой империей действительно никогда не заходит солнце.

Если Россия еще думает о своей безопасности, то она не может не задавать вопрос, что американцы делают в Центральной Азии и в Закавказье? Надолго ли они пришли и каковы их планы? В конечном счете, Алма-Ата и Ташкент были построены и русскими руками, у нас долгая общая с народами данного региона история, хорошие отношения и союзнические военные обязательства. 201-я российская дивизия охраняет весь регион, все секулярные режимы Центральной Азии от мусульманского вторжения. В конце концов, Россия в ответе за наследие предшествующих поколений. Да и за судьбу будущих, которые будут соседствовать с более чем миллиардным миром ислама. Что означает приход американцев, в какой степени это позитивный фактор стабильности, а в какой он попросту подрывает позиции Российской Федерации в регионе?

Что касается экономической стороны дела, то в ходе акции на Среднем Востоке Запад снял с Пакистана и Индии санкции, простил долг важной в данной ситуации Иордании, элиминировал долги Польши. Произошло почти полуторамиллиардное списание долга Пакистана. Парижский клуб перераспределил пакистанский долг (который составляет 12 млрд. долл.) на 38 лет. Исламабаду обещан миллиард долларов в качестве компенсации пакистанских потерь в связи с событиями 11 сентября и помощь в военной сфере.

А что же Россия? Ведь, что ни говори, она, имея значительное мусульманское население, рискует, она заведомо ослабляет свои позиции на востоке. Намерены ли американцы списать хотя бы часть долгов СССР (государства, переставшего существовать), предоставить российским (скажем, металлургическим) предприятиям часть американского рынка, показать солидарность во взаимной борьбе с терроризмом? Ведь очень болезненной и не решенной финансовой проблемой «холодной войны» является долг советской эпохи западным кредиторам, составляющий 42 млрд. долл. Еще со времени развала Советского Союза обсуждается возможность прощения долга несуществующей страны или его части. Последовавшее после 11 сентября 2001 г. сближение России с Западом повысило шансы решения этой проблемы — если уж «холодная война» действительно позади. (Польша и Египет получили такое облегчение в начале 1990-х годов, а Югославия в 2001 г.). И прощение долга послужило бы — одним из многих, доступных Западу способов — стимуляцией дальнейшей дружественности Запада. Финансовое положение России и инвестиционный климат в ней действительно улучшились бы в случае хорошо структурированного соглашения об облегчении долга.

Благие мечтания. Вместо ожидавшейся экономической помощи американцы вводят тарифа на русскую сталь. В начале марта 2002 г. правительство США ввело новые тарифы (до 30 процентов), окончательно подрывающие позиции российского металлургического экспорта в США. Объявленные американцами тарифы коснутся примерно трети российской стали и обойдутся России в ближайшие три года потерей 1.2 млрд. долл. В ответ Россия ввела запрет на импорт куриного мяса, который оценивается в 600 млн. долл. и которое в Россию вывозят 38 американских штатов.

Только в одном случае начинают блестеть глаза американских партнеров России: когда речь заходит о нераспространении оружия массового поражения. Но полностью разоружиться Россия не может, даже если бы очень хотела — уж больно неадекватна компенсация за одностороннее разоружение.

Чтобы сдержать возможное распространение оружия и технологии средств массового поражения из российских арсеналов, американцы приложили всевозможные усилия, чтобы приостановить, заморозить все контакты России с Ираном в сфере (хотя бы потенциально) обеспечивающим продвижение тегеранского режима к плутониевым компонентам и ракетным технологиям.

В апреле 2002 г. Вашингтон уведомил Москву, что свертывает многие новые проекты в сфере разоружения, поскольку подвергает сомнению соблюдение Россией договоров о запрете химического и биологического оружия. Будут отменены дополнительные ассигнования на некоторые осуществляемые проекты. В телеграмме Государственного департамента США говорилось, что Соединенные Штаты не имели возможности удостовериться в том, что Россия соблюдает свои обязательства по существующим договорам и американская администрация не намерена инициировать новые инициативы или обеспечивать новые ассигнования на программы по снижению угроз от ядерного или биологического и химического оружия.

Если благодарность американцев существует, то почему она выборочная, почему не облегчается бремя советских долгов стране, которая лишила Америку и Запад в целом бремени противостояния? Которая заявила о солидарности с Америкой в ее трудный час? Даже традиционно симпатизирующие Западу «Известия» пишут по поводу американской политики к отношению России: «Все вернулось на круги своя: та же риторика, тот же надменный тон, что и до 11 сентября». Госдепартамент вновь стал позволять себе жесткую критику российских методов в Чечне (словно слепые и ковровые бомбометания в Афганистане не были жестоки в отношении гражданского населения). В интересах ли США разбудить латентную ксенофобию и направить стоицизм российского народа против сытого меньшинства человечества?

Россия: оппозиция

Прозападное перегруппирование встретило внутреннее противодействие в России. Решая проблему отношений с США, степень сближения с Западом, возможности отказа от привычной исторической суверенности в смятенной России сформировалась оппозиция.

Не все в России готовы следовать за Америкой безоговорочно. Сказывается, по меньшей мере, наличие многомиллионного мусульманского населения. Эксперт из Казани полагает: «Сценарий, которого пытался добиться Усама бен Ладен, когда проводил террористические акты в Америке, — объединить мусульманские страны против Европы и Америки. Это был бы самый худший сценарий. Но складывается такое впечатление, что сейчас Америка готова реализовать этот сценарий своими действиями в Афганистане. Хотя на уровне политических заявлений ведется борьба с международным терроризмом, а не с мусульманскими странами. Очень велики опасения, что Америка не удержится на этой очень узкой черте. Она заставит своими действиями поделиться страны на „своих и чужих“».

Так думают не только в Казани, вот мнение специалиста из Барнаула. «Если каким-то образом будут втянуты в этот конфликт другие страны, то это может привести к особо плохим последствиям, прежде всего — для нашей страны. Мы — своеобразный буфер, и у нас много

мусульман. В истории России все религии соседствовали между собой более или менее мирно, а в настоящее время возникает такая опасность. Если американцы будут решать все новые проблемы вооруженным путем, будут втянуты и другие страны, то это может плохо закончиться для России. Мы должны с особой осторожностью относиться к проблеме на Северном Кавказе, а мы волей или неволей, наверное, обижаем чувства мусульман, которые у нас в России, и они — наши россияне».

Ощутимо было опасение ринуться в ту пропасть, где Россия может остаться в одиночестве. Вот как выразил это чувство эксперт из Нижнего Новгорода: «Мы должны не как индивидуалисты выступать — ни в Европе, ни в Азии, а совместно с европейскими партнерами. К тому же у нас неплохие отношения с множеством арабских стран, и нельзя от этого отказываться ради бесперспективной дружбы с Америкой. Когда мы будем действовать и в Европе, и американцы нас будут уважать. Мы живем и в Европе, и в Азии, и здесь нам нужно укреплять сотрудничество с Китаем, Индией, странами Юго-Восточной Азии и с Европой. Это будет нашим ресурсом. Тогда у нас будут и нормальные отношения с американцами».

Приведенные мнения говорят о том, что на уровне общественности Россия не бросилась опрометью и очертя голову, она выразила свои опасения. Более того, эксперты во время опросов указали, что США не смогут добиться своей цели (63 % опрошенных), а если и добьются, то очень нескоро (27 %). Большинство российских исследователей (62 %) даже на ранней стадии операции в Афганистане и в Ираке были уверены, что США не ограничатся ракетно-бомбовыми ударами, а введут сухопутные войска. Многие при этом указывали на советский афганский опыт, и на многолетнюю ситуацию в Чечне. Эксперт из Москвы указывает на слабость дипломатического искусства американцев: «Прежде чем начать бомбить их дипломатия абсолютно почти не работала... Арабские страны есть, там у них своя организация есть — почему не собирали их вместе, почему не поговорили? Потом, есть и другие организации — ничего не делали абсолютно. В одно государство съездил помощник президента по национальной безопасности, министр обороны — и все дела. Больше ничего не делали».

Уже в октябре 2001 г. звучали предостережения относительно того, что Вашингтон проявляет неоправданный апломб, что момент раздумий в американской политике заменен инерцией. Российские исследователи вспоминали в качестве примера Югославию. Звучала и более жесткая критическая нота: «Одна из причин американской активности — желание распространить свое господство на Восток. Им надо там закрепиться. Очевидно стремление распространить свое господство в эти страны, создать свои базы, в случае лучшего исхода этой войны — и экономической опутать сеть. Это просто очень удобная причина. Вроде это действительно такая волна народного гнева, но на этой волне плывут и политики, и экономисты — все, кому выгодно».

В общем и целом отношения рядовых российских граждан к американской военной операции в Афганистане и Ираке можно охарактеризовать как сочувственное в отношении жертв сентябрьской трагедии, но достаточно скептическое (и в ряде случаев неодобрительное) в отношении американского на него ответа «по всему азимуту». Значительная часть россиян оказалась склонной подозревать США в преследовании сугубо собственных геополитических и экспансионистских интересов. Высказываются опасения относительно возможности расширения боевых операций на территории стран, соседних с Россией.

Западу нет альтернативы

Итак, сформировались два политических крыла, *pro et contra*. На прозападном фланге естественное российское сочувствие американцам в их национальной трагедии придало новую силу спору об оптимальном курсе России в отношении Америки. Обществу были предложены два практически противоположных по направленности курса.

Первый подход к проблеме отношений с Западом исходит из обыденной логики, даже из американского фольклора: «Если мы не можем побить этих парней, присоединимся к ним». Этот

лагерь предлагает завершить период перехода от «холодной войны» присоединением к лагерю победителей, покончить с двусмысленностью этого переходного периода, осознать степень экономического ослабления страны, невыгодность неопределенного положения России, пытающейся найти свой путь, будучи расположенной между тремя противонаправленными миллиардами населения Запада, Китая, мира ислама; между богатым Севером и бедным Югом, между стареющим североатлантическим миром и молодым голодным миром Южной и Юго-Западной Евразии. Модернизация страны требует ограничения активной внешней политики и нахождения своей ниши (пусть теперь уже менее престижной и влиятельной) в лагере Запада.

Этот вариант развития отношений между Россией и Соединенными Штатами видится как торжество американской русофилии и российского западничества. В политике всегда полезнее плыть вместе с лидером, а не против него. Поэтому будет проявлено стремление добиться соглашения с США хотя бы по возможному минимуму. Ведь Россию со Штатами связывает достаточно многое. Нужно вернуться к конструктивному диалогу хотя бы в ограниченных рамках: подтвердить заинтересованность в ООН, в ядерном нераспространении, сходство позиций на ряде региональных направлений.

Россия никак не реагирует, не предпринимает специальных инициатив, соглашается на все действия мирового региона-лидера, передоверяет фактически свою безопасность другим. Этот путь уже глубоко освоен в период Шеварднадзе-Козырева, он соответствует идеализму многих западников, он не требует дополнительных усилий и лишних затрат. Возможно, он соответствует менталитету части общества. По рекомендации Америки Россию приглашают в Североатлантический Союз, предоставляют права ассоциированного члена Европейского Союза, принимают в Организацию экономического сотрудничества и развития (клуб 30 наиболее развитых стран мира), приглашают на саммиты большой «восьмерки». Проблема Калининграда смягчается, визовые барьеры между Западом и Россией понижаются; формируется определенная степень таможенного взаимопонимания, позволяющего хотя бы некоторым отраслям российской промышленности занять нишу на богатом западном рынке. Осуществляется главное, чего желали отчаянные западники 1988-1993 гг.: союз западного капитала и технологии с российской рабочей силой и природными ресурсами. В результате жизненный уровень в России (ныне пятнадцатикратно более низкий, чем в США) повышается, интеллигенция пользуется западными стандартами свободы, в России впервые в текущем веке возникает чувство защищенности и (что бесценно в стране с нашим менталитетом) приобщенности к мировому прогрессу и лидерству. Сбывается мечта Петра, Сперанского, Пестеля, Чаадаева, Милюкова, Сахарова: Россия входит в мир Амстердама, и входит не как квартирант, а как полноправный союзник, участник, составная величина Большой Европы от Владивостока до Сан-Франциско. Чтобы не было мировых войн, чтобы объединился христианский мир, чтобы пятисотлетняя революция Запада, возглавляемого в двадцатом веке Соединенными Штатами, включила, наконец в себя — а не подмяла — Россию.

Стоит ли детально говорить о сложностях реализации данного проекта? Эту сложность ощутили на своих плечах все вышеупомянутые деятели русской истории — от императора Петра до академика Сахарова. Не будем говорить об особом человеческом менталитете, иной культуре, религии, традиции, цивилизации. Скажем о Западе: практически невозможно представить себе охотное приглашение России в НАТО, ОЭСР, ЕС и т.п. Этого не хочет Запад, как бы ни бились в истерике западники козыревского набора. И Шенгенские визовые правила не будут изменены ради въезда российских пролетариев умственного и физического труда — слишком велико напряжение собственного социального котла с 18 млн. безработных. И инвестиции западных фирм не польются в криминализированный мир русского полубеззакония, где коррупция чиновников на всех уровнях и отсутствие поддержки государственных структур отобьет охоту у любого западного или восточного прозелита.

Но не имеющая ясной и привлекательной идеологии, харизматических и упорных лидеров, подобия плана (а не его бюрократической замены-суррогата) реинтеграция на просторах СНГ завязнет в мелочных спорах и в обычной готовности видеть источник своих неудач не в себе, а в

соседе. Проза жизни будет заключаться в том, что НАТО, вопреки восточным lamentациям, расширится до Буга и Карпат. При этом Запад, не допуская в свой лагерь, будет все же выдавать России антиаллергены в виде займов МВФ, в виде полудопуска на раунды «восьмерки», в виде давосских шоу, фондов, льготных контактов и т.п. Восточная Европа станет зоной влияния Запада, Украина — полем довольно жесткой битвы, Прибалтика — западным бастионом. Российская тяжелая промышленность опустится на дно, но не оскудеет труба трансконтинентального газопровода и часть нефтегазодолларов смягчит евразийский пейзаж. Русская интеллигенция разорится (9\10) или уедет (1\10), властителями дум на короткий период станут специалисты по лизингу и маркетингу, а затем воцарится смягченный вариант компрадорской философии. Материально-моральные-идейные различия между двумя столицами и российской провинцией, а не мечты о сверхдержаве станут главной проблемой и темой.

Усеченная, замиренная Россия в границах 1992 г. будет постепенно терять рынки в соседних странах, международное влияние и даже исконную любовь 25 миллионов зарубежных русских, отверженных в странах своего проживания. Россия перестанет быть одним из бастионов мировой науки, она станет бедным потребителем второсортных товаров из Европейского Союза, превращаясь постепенно из субъекта в объект мировой политики. Скорее всего, очевидцы не ощутят драмы: погружение будет медленным и, возможно, смягченным западной благотворительностью. Но определенно закроется петровская глава русской истории.

Иная внешнеполитическая ориентация означает лишь отвлечение ограниченных ресурсов. С точки зрения «западников второго призыва» целесообразно придерживаться стратегии «избирательной вовлеченности» и «сосредоточивания», отказа от погони за фантомом «сверхдержавности», ориентации не на защиту прошлых позиций, а на завоевание позиций в мире будущего, на избежание конфронтации с крупнейшими странами в менее важных аспектах международной жизни, на «реалистически достижимую интеграцию с миром передовых и стабильных держав».

Прозападная часть политического спектра России фактически продолжила курс Шеварднадзе-Козырева: сближение с Западом превосходит все прочие приоритеты; следует покориться неотвратимому и попытаться найти в этом нечто позитивное для себя; оценить способность НАТО сдерживать конфликты между государствами членами, возможности НАТО стабилизировать вечно беспокойный центральноевропейский регион; по достоинству оценить наличие силы, готовой пойти на материальные и людские жертвы ради замирения конфликтов, подобных югославскому. И идти на сближение с развитыми демократиями, мощными Соединенными Штатами, богатыми цивилизованными соседями.

Суть этой позиции в том, чтобы «смирить гордыню», ослабить внешнеполитическую активность, решительно обратиться к внутреннему переустройству, оптимизировать работу внешнеполитических органов; использовать такие сильные стороны России, как нефте—газовые месторождения (у России есть шанс превратиться для индустриального Запада в альтернативу все более нестабильному Ближнему Востоку). Эта школа сближения с Западом, не видящая альтернативы этому сближению, даже если оно будет осуществляться в условиях младшего партнерства России, приходит к выводу, что у России фактически нет альтернативы стратегическому повороту в сторону сближения со стабильным Западом. В противном случае России придется пойти на новую масштабную национальную мобилизацию, что окончательно обескровит ослабевшее в 1989-1998 гг. российское государство.

Не достаточно ли России мобилизаций? Скажет ли спасибо (с пафосом выдвигают свой коронный аргумент безудержные западники) своему руководству омский рабочий, когда он снова буде привязан к проходной своего оборонного завода, будет обречен на спартанскую жизнь ради всего лишь того, чтобы никто и никогда не считал Россию младшим партнером? Радикальные западники видят лишь один — безусловно, отрицательный — ответ на свой риторический вопрос. Опытные скептики говорят: подобная ориентация будет означать еще одну жестокую мобилизацию для измученного народа, давайте пощадим не избалованный

благополучием народ, не будем посягать на высокий международный статус, согласимся с подчиненным положением в складывающейся пирамидальной картине мира, где страна уже не находится на его вершине.

Они не знают омского рабочего. Его наследственная жертвенность не знает предела. Это его национальный код, он срабатывает безукоризненно, если речь идет о правом деле, о безопасности и престиже его страны. Не стоит подвергать сомнению его патриотизм, десять столетий тому порука. И его риторический (и вполне конкретный) вопрос касается прежде всего не тяготы трехсменной суровой работы, а причины бессмысленно растраниженного национального авторитета, влияния, безопасности, чувства гордости за свое государство. Кто, как и зачем это сделал? Если это историческая ошибка, то зачем ее повторять?

Несогласие на «младшее партнерство»

Прозападную радикально-демократическую волну на удивление не беспокоит ситуация *deja vu*: то, что подобные же надежды разбились в начале 1990-х годов о западную непреклонность и эгоизм. Что обмена российского разоружения у мощного Советского Союза на сближение с Западом не произошло несмотря на безудержную жертвенность Горбачева и Ельцина (объединение Германии, роспуск ОВД, разоружение советских войск и их вывод в свои пределы) Эти неисправимые радикальные западники не осуществили союза с Западом при гораздо более благоприятных условиях, но это их не остановило в новом веке, их разоруженческое безумие и детская вера в хорошее, видимо, неукротимы.

Но высокие надежды на общее с Западом будущее довольно быстро ушли в прошлое после эйфории якобы окончательного сближения сентября-ноября 2001 г. В частности, краткосрочность и успешность операции в Афганистане сыграла против безудержных российских сторонников сближения с Западом. Вслед за военным триумфом Запад во главе с США своими действиями в декабре 2001 г. в значительной мере погасил бурнопрозападную тенденцию в ориентации, по меньшей мере, части думающей России. Может ли российское общество согласиться на положение младшего партнера в союзе с США? Может ли страна, выстоявшая в Сталинграде, дважды в XX веке спасавшая Париж, победившая в самой ожесточенной из войн, пойти на заведомую второстепенную роль в глобальном военно-политическом союзе 21 века?

Лишенный иллюзий и основанный на генетическом самоутверждении подход исходит из тех идей, которые в свое время разделяли У. Черчилль и Ш. де Голль: теряющее под собой почву, слабеющее государство не должно соглашаться с пессимистической оценкой своих возможностей. Напротив, полагал гений англосаксонского мира XX века Черчилль — «In defeat defiance» — «В поражении-вызов», таково было кредо британского политика, видевшего и высший взлет своей страны и ослабление ее потенциала после двух мировых войн. Таким же был пафос великого француза, увидевшего на протяжении своей долгой жизни сползание Франции с лидирующих позиций, закат колониального могущества Франции. В тот момент, когда де Голль в противостоянии с Вашингтоном в 1942-1945 и 1958-1968 гг. признал бы второстепенный статус своей страны, это признание стало бы подлинной фиксацией низкого статуса его страны в мировом раскладе сил. Согласиться с второстепенностью означало для них раствориться в свите блистательного лидера. Ни история, ни национальный менталитет Британии и Франции не позволили наступить на горло самоуважению. Почему Россия должна быть иной?

Самая большая по территории страна мира, населенная самым жертвенным народом, гордая победительница в величайшей из войн, вооруженная с 1949 г. ядерным оружием, гарантирующим ее неприкосновенность, показавшая совсем недавно способности своей науки и индустрии в освоении космоса, в ядерной физике, в авиации и металлургии, способна преодолеть смутное время — плоды ее растерявшейся элиты, не сумевшей совладать с деструктивным ураганом 1990-х гг.

Значительная часть российского политического спектра, критически оценивая скудные

итоги российского вестернизма, пришла к выводу о невозможности слепо следовать курсом «на Запад при любых обстоятельствах». Вопрос о приеме в НАТО прежних военных союзников СССР вызвал у политических сил России подлинные конвульсии, мучительную переоценку ценностей, потребовал обращения к реализму — на фоне болезненной для России демонстрации такого реализма со стороны Запада. Аргументы типа «вы звали демократический Запад и он пришел к вашим границам» потеряли силу. Уже вскоре обозначился практически национальный консенсус по оценке действий Запада после «холодной войны».

Плохо или хорошо, но в значительном сегменте отечественной политической жизни воцарился стереотип: мы сделали важнейшие внешнеполитические уступки, а Запад воспользовался «доверчивостью москвитов», ворвался в предполье России, начал вовлекать в свою орбиту, помимо восточной части Германии, прежних союзников России — предполагаемые ворота в благословенный Запад, и даже более того, прежние части Советского Союза. Типичная для российского мышления контрастность немедленно вызвала «патриотическую реакцию», превратила особую внешнеполитическую проблему в заложника острых политических страстей.

Создается не очень привлекательная картина весьма серьезного разочарования России в трансокеанском союзе. Может быть Россия «слишком требовательна», когда говорит о желательности помощи ее демократии, незрелому рыночному хозяйству, новым структурам, приближающимся к западным? Что же, точка зрения что «мы слишком требовательны» имеет хождение и в России. Совершенно справедливым было бы указать, что Соединенные Штаты никогда не обещали такой помощи, у американцев нет особых «моральных угрызений». В данном случае мы касаемся вопроса, который по своей сути выходит за рамки американо-российских отношений в более широкую плоскость межгосударственных и даже человеческих отношений. Богатые не обязаны помогать бедным, демократии, строго говоря, не обязаны чем-либо жертвовать в пользу соседей. И Запад вправе философски наблюдать за неудачами российских реформ. Но при этом Запад с Соединенными Штатами во главе должен принять лишь одно условие — он должен быть готов платить за последствия.

У бедных только одно оружие против безразличия богатых — они объединяются. В нашем столетии, возможно, самым убедительным случаем такого объединения был период военного поражения и практического распада России в 1917 г., когда большевики провозгласили Россию родиной всех униженных и оскорбленных, создавая угрозу Западу, которая, в конечном счете — в своем ядерном варианте — переросла все мыслимые прежние угрозы. Повторение социал-дарвинистского подхода, предоставляющего России собственной участи, сегодня возможно только при исторической амнезии Соединенных Штатов. Погребенная собственными проблемами, основная масса которых — плод незрелой модернизации — Россия опустится в окружение «третьего мира» с одним известным багажом — своей сверхвооруженностью.

Ожесточение

Очертим другую крайность: ожесточение. Если Запад не ощутит опасность ожесточения России, в мировом соотношении сил могут проявить себя новые антизападные тенденции. Мечтания российских западников рухнут окончательно. НАТО, таможенные барьеры и визовые запреты встали на пути России в западный мир. Логика западной политики фактически предполагает отторжение России в северную и северо-восточную Евразию.

Что остается России? Профессор стратегических исследований Колледжа армии США С. Бланк приходит к выводу: «Лишенная обещанной ранее зарубежной помощи, потрясенная незавершенными преобразованиями внутри, Россия, если подходить к делу реалистически, едва ли готова продолжать следовать самоубийственному рыночному романтизму. Движимая внутренними процессами, Россия отвергнет предназначенное ей „место“ в новом мировом порядке и тем самым поставит под сомнение стратегию Запада».

России придется устраивать свою судьбу собственными усилиями, мобилизуя как

оставшееся влияние в рамках СНГ, так и за счет поиска союзников вне элитного западного клуба — прежде всего в Азии, в мусульманском, индуистском и буддийско-конфуцианском мире. В этом случае Россия снова восстанавливает таможенные барьеры с целью спасения собственной промышленности. С той же целью она просто обязана будет заново выйти на рынки своих прежних советских потребителей в Средней Азии и Закавказье и, по мере возможности, в восточно-славянском мире. Прежние военные договоры с Западом потеряют силу. Парижский договор 1990 г. о сокращении обычных вооружений будет восприниматься как величайшая глупость всех веков. (Ведь Горбачев подписал его, уже загоняемый Ельциным в угол, едва ли не в состоянии стресса. И главное — подписал его в связке с Хартией о новой Европе, безблоковой, свободной, стремящейся к единству. Где эта Хартия? Почему блок НАТО существует и расширяется?) Россия восстановит способность массового выпуска стратегических ракет с разделяющимися головными частями, создаст новые закрытые города, мобилизует науку. Ростки федерализма увянут, окрепнет унитарное государство с жесткой политической инфраструктурой, что предопределит судьбу прозападной интеллигенции.

Сценарий конфронтации предполагает мобилизацию ресурсов с целью сорвать строительство очередного санитарного кордона. Стране не привыкать к очередной мобилизации — это почти естественное состояние России в двадцатом веке. Потребуется автаркия, подчеркнутая внутренняя дисциплина, плановая (по крайней мере, в оборонных отраслях) экономика, целенаправленное распределение ресурсов. Для внешнего мира наиболее важным было бы укрепление военного потенциала страны, энергичный выход на внешние рынки (в том числе и на рынки стран, обозначенных американцами изгоями). Интенсифицируются усилия по формированию военного блока стран СНГ, пусть и в ограниченном составе, осуществится координация действий стран, оказавшихся за «бортом» НАТО, причем не только из СНГ. Шанхайская «шестерка» обретет внутреннюю логику. Американцы почувствуют себя неуютно в Центральной Азии. — возобновится военное сотрудничество с потенциальными конкурентами Америки, со странами, далекими от симпатий к Западу. Россия прекратит создавать моноблоки, увеличится число ракет, оснащенных разделяющимися головными частями — мобильных, базирующихся в трех средах.

Этот курс предполагает и попытки нахождения более расположенных к сотрудничеству стран Запада, использование «германского актива» политики России, равно как и англо-французского опасения германского могущества. Активизация европейской политики не может не дать результатов, это — проторенная дорога российской дипломатии: Петр нашел союзников против шведов, Елизавета успешно участвовала в «семилетней войне». Екатерина, обеспечив благосклонность Вены, утвердилась в Новороссии. Она создала Северную лигу. Она обеспечила жизнеспособность родившихся Соединенных Штатов созданием Лиги вооруженного нейтралитета. Александр Первый и дружил с Наполеоном (Тильзит), и создал большую антифранцузскую коалицию. Весь XIX век Россия дружила с Пруссией-Германией, в XX веке поставили на Антанту против Центральных держав. С 1941 г. Советская Россия вместе с Британией и США успешно противостояла всей объединенной немцами Центральной и Западной Европе. Регион-сосед никогда не был и не является сейчас монолитом. Речь не идет о противопоставлении одних государств другим, но в политике, как и в жизни, нет статики, а происходящие изменения почти неизбежно порождают возможности. Воспользоваться ими — обязанность дипломатии России.

Главная цель этих усилий заключается в том, чтобы показать серьезность обеспокоенности страны, на чей суверенитет многократно посягали в ее истории. Пусть Запад взвесит плюсы и минусы введения в свое лоно нескольких держав, которые уже и без того находятся в западной зоне влияния. Если, скажем, Франция не считает свое членство в Североатлантическом союзе достаточной гарантией своей безопасности и параллельно развивает независимые ядерные силы, то почему Россия, двукратная спасительница Франции в нашем веке, должна положиться на судьбу, не раз ее подводившую?

Отторгнутая Западом Россия укрепит связи с жаждущими военного сотрудничества

Ираном, Ираком и Ливией, но глобально будет строить союз с Китаем, допуская товары китайской легкой промышленности на российский рынок, модернизируя тяжелую и военную промышленность своего крупнейшего соседа, чей ВВП в течение пятнадцати грядущих лет, если экстраполировать современные тенденции, превзойдет американский. Определенную склонность к координации макрополитики показала Индия, еще один гигант XXI века. Такое сближение бывшего «второго» и «третьего» миров создаст новую схему мировой поляризации при том, что больше половины мировой продукции будет производиться не в зоне Северной Атлантики, а на берегах Тихого океана.

Надо ли подчеркивать, что для России этот вариант будет означать ренационализацию промышленности, воссоздание внутренних карательных органов и формирование идеологии, базирующейся на сопротивлении эксплуатируемого Юга гегемону научно-технического прогресса — Западу. Рационализация противостояния не займет много времени, состояние национальной мобилизации и мироощущение осажденного лагеря — привычный стереотип для России двадцатого века. Запад будет отождествлен с эксплуатацией, безработицей, коррупцией, криминалом. Неоевразийство будет править бал, резко усилится тихоокеанская обращенность, ориентация на евразийскую дисциплину, а не на западный индивидуализм. Россия будет всматриваться не по дилетантски в китайский опыт, постигая суть успеха этого успешно (в отличие от России) догоняющего Запад региона. Пекин, который ныне, словами английской «Файненшл таймс», «очень глубоко озабочен новым курсом России и, в особенности, тем, что она терпимо относится к присутствию американских вооруженных сил в Средней Азии, на западном фланге Китая» , получит свободу рук в Южно-китайском море, а граница по Уссури-Амуру-Казахстану будет признана окончательной.

Японские сборочные заводы появятся во Владивостоке и Хабаровске. Фаворитом Москвы будет Сеул. Российско-китайско-японско-южнокорейские компании приступят к последней кладовой мира — Сибири. Усилятся связи с Латинской Америкой, еще одной жертвой Запада. Не вызывает сомнения, что Россия в состоянии сделать много такого, что не может не подействовать на западные державы, не может не вызвать у них новые мысли, сомнения, обеспокоенность, тревогу, недовольство, страх, желание взвесить «за» и «против» нового российского курса (и как части его, военного строительства). Ясно выраженное недовольство может быть выражено в рациональных терминах и передать суть обеспокоенности страны, отодвигаемой на обочину мирового развития.

Единовластный лидер всегда порождает фронду, стремление коллективными усилиями сдержать его сверхмощь. Это относится, во многом, к старым европейским державам, одна история которых взывает к самоутверждению. Еще очевиднее ситуация с «обиженными историей» азиатскими державами, в своей истории входившими в ранг первостепенных субъектов мировой истории. Главные среди них — Китай, Индия, Иран определенно ощущают одиночество, находясь в достаточно сложном положении и окружении. Союзные связи с Россией здесь приветствуют. Желает ли Запад видеть Россию арсеналом и дипломатическим союзником Востока?

Да, российский военный бюджет составляет всего 8 млрд. долл., но не стоит забывать, что ядерное оружие — это, в сущности, оружие бедных. Решение Вашингтона выйти из Договора по ПРО так или иначе развязывает руки России. Диапазон мер сохранения российских средств, гарантирующих национальное выживание достаточно широк. «Даже если современная НПРО продемонстрирует 90-процентную надежность в ходе полевых испытаний, это еще не будет гарантией того, что создаваемая противоракетная система будет соответствовать реальной угрозе. Творцы американской политики должны понять фундаментальные ограничения оборонительной системы (так же как это поняли их предшественники и вынуждены были осознать ограниченность противовоздушной обороны против вооруженных ядерным оружием бомбардировщиков)... невозможность защитить себя от крылатых ракет или налета бомбардировщиков, не говоря уже о более совершенных средствах доставки».

Фактом, который не следует недооценивать, является то, что наш арсенал спасения, оружие

самообороны, способность второго удара при любом повороте событий, сохранит свою действенность еще минимум на десятилетие, сохраняя. Никакая противоракетная система не сможет в грядущие 10-15 лет остановить убийственную контратаку. Как полагает, скажем, бывший военный министр США, Россия «может использовать технические и тактические контрмеры, такие как фальшивые боеголовки, глушение радаров, радиоактивное ослепление радаров — все это позволяет обойти американскую НПРО... Создать противодействие (российскому ответу) будет не просто. Эта внутренняя уязвимость воздушной и ракетной оборонительной системы является проблемой (американской стороны. — А.У.), которая никогда не будет решена». Колоссальная подъемная тяга российских ракет — прежних жидкотопливных СС-18 и СС-19, а также мобильных МБР типа «Тополь-М», позволяет установить очень большое число боезарядов вместо нынешних моноблоков.

В Соединенных Штатах полагают, что наиболее тяжелый период для российской военной промышленности пришелся на 1999-2002 гг. — только половина запрошенных средств поступила на производственные мощности. В дальнейшем наиболее благоприятный для военной промышленности сценарий выглядит таким образом :

1. Увеличение российских военных расходов с 2,6 процента валового национального продукта РФ в 1999 г. до 6-6,5 процента в 2005 г.
2. Сокращение численности вооруженных сил с 1,2 млн военнослужащих до 550 тысяч.
3. Радикальное изменение приоритетов государственного бюджета в пользу исследований и разработок, направленных на создание нового поколения вооружений и поддерживающих технологий.

В период 2010-2020 гг. произойдет качественный переход на новый тип ведения боевых действий. Разумеется, происшедшее в 1990-е годы ослабило российские позиции. Но в двух из пятнадцати критически важных сферах Россия (по оценке американцев) сохранила творческий потенциал — уникальные ядерные технологии и лазерное оружие. Чтобы сохранить статус великой военной державы, Россия должна, во-первых, приложить согласно плану на 2001-2010 гг. чрезвычайные усилия, добиваясь прорывов в остальных из 15 критически важных отраслей, сохраняя ядро научно-оборонительного потенциала. Во-вторых, необходима переориентация на эффективное оружие будущего.

Государственный заказ на период 2001-2004 гг. составит 22-24 процента военного бюджета, а расходы на научно-исследовательские проекты и разработки за этот период составят 43 процента военного бюджета.

Предположительно основные военные расходы произведут следующее.

1. Серийное производство межконтинентальной баллистической ракеты «Тополь М-2» (по натовской классификации СС-27).
2. Новая ракетная ядерная система тактического назначения радиусом действия до 400 км.
3. Миниатюрные ядерные боеголовки до 100 кг.
4. От 10 до 16 стратегических подводных лодок класса «Юрий Долгорукий», вооруженных баллистическими ракетами SS-NX-28, каждая из которых будет вооружена 16 ракетами, оснащенными мимикрированными боеголовками, имеющими от 16 до 96 боезарядами.

Перспективные военные исследования и разработки включают в себя следующее:

1. Оружие направляемой энергии.
2. Плазменное оружие, способное ионизировать атмосферу, уничтожая входящие в нее ракеты.
3. Новый радар, распознающий самолеты невидимки «стелс».
4. Нераспознаваемые радарными крылатые ракеты.
5. Противосамолетная система С-400; покрытые плазмой самолеты пятого поколения с технологией «стелс».

Осуществляя примерно указанное и участвуя в современной революции в военном производстве, Россия, как полагают некоторые американские исследователи, «обойти Соединенные Штаты, не говоря же о Китае и других потенциальных противниках, производя

новый „эффект Спутника“.

Опасность усеченного суверенитета

Тысячу лет назад, в 1095 г. византийский император Алексей Комнин, казалось, нашел верное средство защиты своей империи от терзавших его державу турок-сельджуков и арабов. Он пригласил бороться за Гроб Господень западных крестоносцев. Именно эта «помощь» более всего и подкосила могущество Византии. Вначале крестоносцы расположились на территории Сирии, которую византийцы видели своей сферой влияния. А в 1204 г. крестоносцы вошли в Константинополь, навсегда подорвав могущество великой империи. Избави Бог от друзей наших.

Желание России быть частью (хотя бы косвенно) совместной с Западом военной машины представляет собой весьма крутой исторический поворот. Во всей актуальности встал вопрос, резонна ли позиция России, решившей помочь американскому гиганту в его мировой вахте? Американцы за поддержку списывают часть долга Пакистана, снимают с него (и Индии) санкции, прощают долг важной в данной ситуации Иордании, элиминируют долги Польши. А что же Россия? Ведь, что ни говори, она, имея мусульманское население, рискует, она заведомо ослабляет свои позиции на востоке. Намерены ли американцы списать хотя бы часть российских долгов, предоставить российским (металлургическим и прочим) часть американского рынка, показать солидарность во взаимной борьбе с терроризмом?

Можно ли представить себе Россию в едином военно-политическом союзе с Западом? Разумеется, противоречия первоначально кажутся непреодолимыми. России едва ли выгодно таскать каштаны из огня конфликта, подобного афганскому, не имея подлинного права голоса в Североатлантическом Союзе. Россия желает своего рода воссоединения с Западом после обрыва тех связей, которые так много обещали Киевской Руси, и которые прервала монгольская конница в XIII в. Романовский период сближения был прерван злосчастной первой мировой войной, а затем семидесятилетним идейным противостоянием. Опыт Горбачева-Ельцина разочаровал, но осталась жива надежда. Не забудем отметить, что окончание Россией «холодной войны» сберегло Соединенным Штатам, по западным оценкам, 1,3 трлн. долл.

Шаги и действия России навстречу США имели свои последствия. Осенью 2001 г. Россия потеряла то, чем владела пять столетий после «стояния на Угре» в 1480 г. Впервые в своей истории после монгольского ига она стала младшим партнером в коалиции, а антитеррористическом союзе, ведомом Америкой.

Внутри своего общества американцы очень хорошо знают о жизненной необходимости той или иной степени социальной солидарности. Если же вовне, на мировой арене, они отойдут от солидарности со страной, стремящейся разделить общие ценности и освоить единые цивилизационные принципы, то плата за пренебрежение бедами недостаточно модернизирующейся России может оказаться для США более, чем высокой. Основы буржуазной западной цивилизации будут в очередной раз стерты внутри России, ксенофобия и социальное мщение будут править бал в стране с тысячами ядерных боеголовок. «Третий мир» получит озлобленного, решительного и готового на жертвы партнера. И тогда не трудно предсказать новое, теперь уже ядерное средневековье. В конечном счете, Запад — это менее десяти процентов населения земли, а принцип «все люди рождены равными» распространился повсеместно. Оставить Россию начала XXI в. один на один со своими проблемами недалеко видно по любым стандартам.

Созданная в довольно короткие сроки Антитеррористическая коалиция потребовала от президента Буша довольно резкого отхода от прежде демонстративно подаваемой односторонности действий. Но, чтобы наспех созданный альянс обрел устойчивые долговременные формы, требуются долговременные настойчивые усилия и создание новых форм сотрудничества государств (на основе реформированного Североатлантического Союза либо на другой организационной основе). Способны ли импровизаторы в Вашингтоне на

долговременные настойчивые и конструктивные усилия? Это открытый вопрос. Его решение потребовало бы весьма радикальных перемен в мировидении американской элиты, серьезного обращения к прежде игнорируемым проблемам.

Более полная реализация этого сценария потребовала бы жесткой политической воли; готовности населения; материальных жертв и адекватных физических ресурсов. Именно последнее делает практически невозможным активное реагирование в ответ на расширение НАТО. Предел ставит та экономическая катастрофа, которая постигла страну в течение десятилетия т.н. либеральных реформ. Валовой внутренний продукт России сократился на 55 процентов. Инвестиции в российскую экономику сократились на 73 процента. На 84 процента сократились расходы на военную промышленность. В 1990 г. ВВП России составлял 5 процентов мирового (СССР-8,5%). На долю РФ ныне приходится 20 % валового национального продукта СССР 1990 г. И чуть больше 1 процента мирового валового продукта. Действительно низкий старт.

Согласно обсуждающимся в Кремле планам «догнать» наименее экономического развитого члена Европейского Союза Португалии, советник президента по экономическим проблемам Ларионов указал, что для этого понадобится не менее 15 лет феноменального, немислимого экономического роста в 8 процентов в год. Практически это означает, что первая половина наступившего столетия не будет временем сближения основных экономических показателей Российской Федерации с «золотым миллиардом» Запада. На этом фоне следует напомнить о неуклонном лидерстве США в технологической революции и тот факт, что валовой национальный продукт современной России составляет 5 процентами валового продукта США. Две стороны все более переходят в совершенно разные весовые категории.

Борьба мнений в США

Элита США неоднозначно восприняла происшедшее в сфере российско-западных отношений, разгорелась дискуссия об оптимальных отношениях с Россией.

Противники сближения. Известный русолог М. Макфол составил реестр имеющихся противоречий: «Договор об ограничении вооружений СНВ-2, расширение НАТО, торговля с Ираном и Ираком, новый российский драконовский закон, санкционирующий деятельность лишь определенных религий. Эта старая повестка дня говорит лишь о том, что контуры нового послекоммунистического стратегического партнерства между Соединенными Штатами и Россией еще не определились. Заново звучат аргументы, что, учитывая баланс сил на международной арене, Соединенные Штаты и Россия попросту обречены быть противниками. Представители этой точки зрения полагают, что последний экономический кризис в России выдвинет к рычагам власти российских лидеров, враждебных Западу, что вынудит западный мир снова сдерживать угрозу России рынкам и демократии... Если демократия и капитализм потерпят здесь поражение, тогда умножится число спорных вопросов между Россией и Соединенными Штатами и возникнут новые угрозы американской безопасности.»

Против России в Америке «играют» три образа: страна дефолта 1998 г. неукротимой коррупции; страна растущего авторитаризма «сомнительного демократа» Путина; страна, где свободная пресса в агонии, а война в Чечне уродует моральный облик нации. Противники сближения с Россией выдвинули аргументы и геополитического характера: «Решительный поворот России в сторону Запада оживляет исламские страхи относительно „столкновения цивилизаций“; новый стратегический союз Россия, Северная Америка и Европа мог бы показаться угрожающим для многих. Мусульман пришлось бы разубеждать в том, что христианский мир объединился не против них. Африканцы и азиаты увидели бы „союз белых“. Китай усмотрел бы блокирующую их силу. Ислам, Китай и Африка могли бы увидеть в этом союз богатых против бедных. Выросла бы опасность глобальной войны с расовым оттенком». Не нуждающийся в рекомендациях Г. Киссинджер напоминает о связях России с «государствами-изгоями»: «Соединенные Штаты должны осудить поддержку Россией иранской

ядерной программы, систематические нападки на политику Америки в Персидском заливе, особенно в отношении Ирака, осудить нападки России на то, что она называет американской гегемонией».

По животрепещущим вопросам НАТО-РФ антироссийская партия полагает, что принятие России в Североатлантический Союз означало бы ненужную Америке выдачу гарантии нерушимости сибирским границам России, открытым против потенциальных китайской и исламской угроз. Членство России в НАТО означает для Запада выход на тысячекилометровые границы по Амуру и Уссури, по соседству с огромным исламским населением на юге и растущим китайским экономическим гигантом на востоке. Сближаться с Москвой вплоть до членства в общем военном блоке означает «послать американские войска — а также британские, французские и германские, умирать на берегах Амура ради сохранности Сибири».

Своего рода сигналом «поставить Россию на место» послужила статья генерала и аналитика ЦРУ У. Одома, опубликованная в американском журнале «Нэшнл интерес». Генерал Одом призвал отдать дань реализму и не церемониться с обессилевшей Россией, которой еще многие десятилетия предстоит выбираться из пропасти, в которую она сама себя бросила. Одом советует Бушу не повторять Клинтона и «толкать» Россию в сторону прогресса. Россия не великая страна, она не представляет собой серьезно действующий на мировой арене фактор. И не следует бояться ее ржавого стратегического арсенала.

Такие интерпретаторы как П. Редуэй, Р. Стаар, Р. Пайпс, Э. Лутвак все чаще обращаются к цивилизационным различиям — иначе им трудно объяснить сложности капиталистической трансформации России. Базовой идеей этой школы является тот постулат, что «целью НАТО и Атлантического союза была не просто защита Запада от Советского Союза. НАТО была также защитницей Запада от Востока, а, говоря точнее, западной цивилизации от восточной отсталости, тирании, варварства. Формирование НАТО было тесно связано и четко легитимизировано с распространением идей западной цивилизации, с распространением академических курсов, основанных на этих идеях в американских университетах». Дж. Курт, отвергая Россию по цивилизационному признаку, говорит о тесном взаимодействии «между (1) идеей Западной цивилизации, (2) жизненными интересами Соединенных Штатов и (3) членством в Атлантическом альянсе». Да, коммунизм повержен, но осталось различие между Западом и не-Западом, ключевое для определения американской стратегии различие. И ныне Россия (как, помимо прочего, свидетельствует опыт 90-х годов), вовсе не потенциальная часть Запада, а потенциальный его противник.

Влиятельно геополитическое объяснение значимости России. Представляя его, два известных знатока России — Д. Йергин и Т. Густафсон недвусмысленны в определении главной стратегической посылки Вашингтона: «Если Россия восстановит свою экономическую и политическую мощь, она станет конкурентом и соперником Соединенных Штатов; это будет не идеологическое соперничество, а соперничество великих держав». Такой теоретический постулат близок У. Одому, Колину Грью, Зб. Бжезинскому.

Вице-президент Р. Чейни, набравший известность параллельно с боевыми действиями министр обороны Д. Рамсфелд (поддерживаемый энергичным замом П. Вулфовицем) и советник по национальной безопасности К. Райс открыто выразили скептицизм относительно новоявленного союза с Россией. Советник по национальной безопасности К. Райс прежде всего заинтересована в приостановлении распространения российского влияния на страны СНГ. Ее очевидным образом интересует ослабление зависимости стран СНГ от российских энергоносителей и транспортных коридоров. В июне 2001 г. она довольно неожиданно навестила Киев как только улучшение российско-украинских отношений стало ощутимым. В этом Райс нашла убежденного союзника в министре обороны Д. Рамсфелде. Для обоих сближение Вашингтона с Москвой не представляется приоритетным. Оба полагают, что интересам США не соответствует «излишняя» степень сближения Америки с проходящей трудный участок пути своего развития Россией. Рамсфелд в настоящий момент «отвечает» за то, чтобы двери НАТО оставались для России закрытыми (на этой почве у Рамсфелда были столкновения с Пауэллом).

Особенно негативно относится к России американское разведывательное сообщество и министерство обороны. Эти ведомства ставят своей главной целью остановить поток неконтролируемого американцами русского экспортного оружия. Их главная задача — остановить распространение российских технологий в сфере оружия массового поражения. Их цель номер один на этом пути — изолировать Иран и, соответственно, оказать воздействие на российскую сторону.

В любом случае «Пентагон не считает, что угроза со стороны России исчезла полностью; здесь продолжают полагать, что следует думать о будущем исходя из возможностей данного агента мировой политики, а не его (возможно временного) нынешнего миролюбия; угроза должна оцениваться исходя из потенциала, способностей, а не из (возможно краткосрочных) намерений... Ответом должны послужить расширение НАТО и создание национальной системы противоракетной обороны». Дополнительно — постоянный крупномасштабный сбор самой широкой разведывательной информации «подобной той, которую получала американская подводная лодка слежения в случае, когда потонула подводная лодка „Курск“. Эффективным средством видится продолжение финансирования России в области сворачивания ядерных исследований и уничтожения оружия массового поражения. Очень многие американские специалисты не согласились с высказанным в марте 2001 г. намерением администрации Дж. Буша-мл. сократить эти программы.

Наибольшую опасность Соединенным Штатам представляет прямая или косвенная помощь решительным антагонистам со стороны технологически оснащенной России — она с ее расстроенным военным потенциалом (результатом многих десятилетий соперничества на глобальном уровне) в этом ряду стоит первой. Программа Нанна-Лугара не покрывает всех аспектов замороженного военно-экономического наследия Советского Союза. Химическое и биологическое оружие, «грязные» ядерные отходы, квалификация многих тысяч специалистов — все это в случае похолодания в американо-российских отношениях немедленно станет предметом обхаживания международных террористов, равно как и заинтересованных государств. Да и сама Москва, согласно циркулирующему в США мнению, в случае разочарованности попыток мирными, дипломатическими средствами пробиться в ряды Запада, может поддаться чувствам разочарованного отвергнутого партнера: «Россия тоже может обратиться за стратегическим решением к международным преступникам, ведущим необъявленную войну».

Если при Клинтоне министерство финансов излучало в отношении Москвы своего рода симпатию, то при президенте Буше министр финансов П. О'Нил намерен развивать мировую торговлю, а не потворствовать экзотическим режимам. Важно то, что американский бизнес не нашел своей ниши в российской экономике. Многонациональные корпорации уже имеют болезненный опыт ведения дел в России. Инвесторы несколько благожелательнее, но они тоже не имеют особого интереса к укреплению двусторонних отношений. Негативно сказывается на этих отношениях спад американской экономики, падение доходов, резко возросшая безработица, заставляющая американское правительство защищать свой рынок. И «простой факт жизни заключается в том, что Вашингтон не может заставить американские компании инвестировать в России».

Вышеназванная группа политиков сумела очевидным образом «отодвинуть» от руля власти менее жестко настроенного государственного секретаря К. Пауэла с тем, чтобы повернуть президента Дж. Буша-мл. в сторону большей жесткости по отношению к миру (в том числе и к России). Своего рода апофеозом давления разведывательно-военного сообщества на формирование официального курса страны является изменение военно-стратегической доктрины США, произошедшее в начале 2002 г. Государственный секретарь Колин Пауэл мог сколько угодно утверждать, что «доктрина не носит оперативного характера», а выражает, мол, только направление осмысления мировых угроз. В реальной жизни сменившая документ 1994 г. новая доктрина, выдвинутая Пентагоном в 2002 г. весьма отчетливо определяет место и знак России в американском стратегическом планировании.

Основная масса американских потенциальных инвесторов в российскую экономику колеблется, во многом ожидая правительственных сигналов.

Сторонники сближения. Как пишет Т. Грэм: «Игнорирование России — не жизнеспособный выбор. Даже сократив свои возможности, Россия остается критически важной для обеспечения безопасности и процветания Соединенных Штатов, и будет оставаться таковой в будущем». Бывший посол в СССР Дж. Мэтлок отмечает «исключительное по значимости географическое положение России, что делает ее бесценной в отражении прямых угроз американской безопасности. Размышления типа „великая“ или „невеликая“ бессмысленны. Америка попросту „нуждается в сотрудничестве с Россией для обеспечения своих фундаментальных интересов“. С точки зрения Мэтлока, Одом изображает не реальную Россию, а карикатуру на нее. Россия найдет в себе силы преодолеть период слабости. Разве может мало значить союзник, в руках которого 45 процентов мирового ядерного оружия? Западу более страшна слабая Россия, сопровождающая свой упадок ядерным распространением. „Сдерживание, изоляция и пренебрежение институциональным развитием в России является политикой, способной трансформировать русскую революцию в угрозу американской безопасности“.

Сторонники сближения также исходят из геополитических реалий, но делают противоположные по сути выводы: вне достаточного контроля США в современном мире находятся четыре «великих неизвестных» величины — конфуцианский Китай, индуистская Южная Азия, мусульманский мир (каждый из которых включает в себя более чем миллиардную массу населения) и расположенная на севере евразийского континента Россия. Последняя колеблется в выборе союзников. И она ближе цивилизационно, чем три первые величины. Следует ли стимулировать союз всех антиамериканских сил? Россия — это шанс. Она, безусловно, в упадке, но способна подняться. Интересам Америки соответствует ее интеграция не в лагере обиженных, а в лагере Запада. Развал России никоим образом не служил бы интересам Соединенных Штатов.

Идея союзнических отношений с Россией получила значительное развитие в академическом сообществе (в отличие от сообщества военных теоретиков). Выражая противоположную одомовской точку зрения, профессор из Беркли М. Малиа подчеркивает, что глобальные потрясения 11 сентября «снова вернули Россию в игру и сделали ее нашим союзником» и не следует считать поворот президента Путина «очередной потемкинской деревней». Это серьезный поворот петербуржца и залогом стабильности здесь являются тесные связи российского президента с премьером Блэром и канцлером Шредером.

Для посла Дж. Мэтлока (дипломатическое сообщество) критерий важности России заключается в способности Москвы укреплять или ослаблять безопасность Соединенных Штатов. «По этому критерию Россия может скорее помочь, чем навредить Соединенным Штатам, а в текущие дни мы нуждаемся в любой возможной помощи». Отталкивать Россию в посуровевшем для Америки мире — просто безответственно. Профессор Дж. Хаф из университета Дьюка подвергает суровой критике картину, на которой российские генералы «не имеют чувства национальной гордости, профессионализма и заботятся только о личном обогащении». Эта картина не соответствует реальности. Не все помнят, что между провозглашением США свободной страной и избранием на пост президента Дж. Вашингтона прошло много времени — гораздо больше, чем провели в состоянии хаоса русские.

Известный английский русолог — англичанин Дж. Хоскинг (Лондонский университет) называет позицию Одома нереалистической и высокомерной. Беда России — в буквальном следовании назидательным советам МВФ. Россия стала укрепляться только тогда, когда после дефолта 1998 г. перестала смотреть в рот западным партнерам. Трудно переоценить потенциал России. «Ее ресурсы обильны и они еще недостаточно мобилизованы. Россия обладает высококвалифицированной рабочей силой, ее научная и техническая база позволяет решать буквально любые задачи. Это и случится в будущем». Списывать со счетов такую державу просто недальновидно.

Профессор Колумбийского университета Р. Легвольд уверен, что Россия восстановит, по крайней мере, часть своего могущества. Сейчас Москва спасает единство российского государства, укрепляет государственный механизм, увеличивает базу своей поддержки. Главное: Россия попросту нужна Америке, оказавшейся в сложном положении. Такой же точки зрения придерживается патриарх американской русистики Дж. Кеннан, Дж. Геддис, Ч. Капчен. Т. Грэм указывает на критическую значимость России в случае осложнения американской политики в отношении КНР. «Создание стабильного баланса в Азии будет осложнено в случае ослабления позиций России в этом регионе... США непосредственно заинтересованы в укреплении позиций России на Дальнем Востоке... Если же американцы будут просто стимулировать рыночные реформы в России, то та скоро попросту уйдет с Дальнего Востока». Вторая зона совместных интересов — Центральная Азия, буфер на пути всех угроз, направляющихся из Южной Азии. «Весомое российское присутствие здесь совпадает с американскими интересами в данном регионе». И в Европе Россия, в конечном счете, станет привлекательным магнитом для американских и западноевропейских инвестиций. «Если Россия все еще останется за пределами НАТО, то возникнет необходимость в создании новой суперструктуры, включающей в себя Россию».

Чтобы избежать превращения России в изгоя мирового сообщества, в «ничейную землю» между поднимающейся Восточной Азией и Европой, американские специалисты предлагают «создать на самом высоком уровне американо-российскую группу по выработке макростратегии во главе с двумя президентами, где их доверенные полномочные представители будут начальниками оперативного штаба. Нужен механизм для того, чтобы направить обе страны в одном общем направлении... договора для этого не нужно. Нужно американо-российское сотрудничество в ряде проектов вроде раннего предупреждения о воздушном и ракетном нападении с тем, чтобы снизить зависимость от срочных процедур пуска баллистических ракет и нужна прозрачность в области средств ядерного нападения малой дальности... Следует начать выстраивать новую стратегию „гарантированного взаимного сотрудничества“ — комбинацию минимальных ядерных сил; медленно наращиваемую совместную оборону от нападения с использованием баллистических ракет; и что важнее всего, такое наделение законным статусом сотрудничества по всем направлениям, какого заслуживают настоящие союзники».

Россию следует поощрить, оказать поддержку в реконструкции своего собственного регионального формирования посредством углубления Содружества Независимых Государств. Если Россия будет исключена из заглавных образований на востоке и на западе, она начнет конструировать собственный центр силы. России следует позволить консолидировать СНГ, прежде всего экономически, а Запад может помочь в этом процессе, делясь опытом формирования Европейского союза. При этом СНГ, даже при активных усилиях интеграторов останется не более чем конфедерацией. Тогда сближение — а не расхождение — Запада с Россией будет продолжаться. Тогда, по мнению А. Рубинштейна и Н. Петро, «в будущем столетии, если демократические институты выживут в России и в западных государствах СНГ, станет возможным для всей Европы в целом постепенно избавиться от наследия биполярной системы противостояния Востока и Запада (с Центральной Европой в качестве буферной зоны) и превратиться в единую зону свободной торговли и безопасности, предусмотренную Хартией для Новой Европы... Россию не следует искусственно изолировать, она должна стать интегральной частью Европы».

Экономическая эволюция бывших советских республик оказалась ошибочной (за исключением, в некоторой степени, Эстонии). В то же время Россия, при всей ее нестабильности, проявила себя главной экономической силой, от которой зависит поступление энергии. Одно лишь это, полагают Петро и Рубинштейн, способно стимулировать реинтеграцию и делать легитимным требование Москвы, что этнические русские, живущие за пределами Российской Федерации должны рассчитывать на лучшее отношение и что Россия имеет право защищать их права. Новая демографическая перепись должна подтвердить или опровергнуть «цифру в двадцать пять миллионов русских, живущих за пределами России и тем самым сделать шаг в

разрешении споров по поводу права Москвы игнорировать суверенитет других стран и вмешиваться в их дела на стороне этих русских». Ключевую роль сыграет экономическое развитие всех стран региона. Экономическая самодостаточность будет стимулировать политическую самостоятельность, и наоборот. Россия не будет стремиться к «имперскому восстановлению», ей будет достаточно общего преобладания на прежней советской территории.

Противостоя идеологически зашоренным и геополитически настороженным идейным противникам, сторонники концепции постепенного сближения указывают как на наиболее предпочтительную альтернативу — на открытие для России дверей Европейского союза и Североатлантического союза. Включение России в НАТО способствовало бы трансформации превращению ее из организации коллективной обороны в организацию коллективной безопасности. Такое развитие событий позволит предотвратить образование новых разделительных линий, предотвратить антагонизацию невключенной в НАТО России. Сторонники этой идеи признают (ради реализма), что в настоящий момент ни ЕС, ни НАТО не готовы к включению в свои ряды кого бы то ни было за пределами Центральной Европы, опасаясь потери эффективности вследствие «размывания» сплоченности рядов. Ч. Капчен полагает, что включение России в НАТО создаст в Европе два балансирующих друг друга центра — франко-германский и Россию, более стабильную геополитическую систему, ослабляющую стремление отдельных стран к превосходству. Заглавные страны в данном случае будут отделены друг от друга значительной земной массой, своего рода буфером. «Включение России в Европу не приведет к распаду Европейского союза, но может несколько ослабить центростремительные силы... Включение России в Европу должно стать центральным пунктом текущей повестки дня, исключенные из подобных процессов страны всегда стремятся изменить геополитические основания».

Исключить Россию из основных интеграционных процессов значило бы антагонизировать ее в опасной степени. «Ревизионистские государства в развивающемся мире, особенно вооруженные средствами массового поражения и те, чьи размеры и население делают их доминирующими державами в своих регионах, могут явиться главными противниками статус кво».

Значительный отклик получило мнение председателя комитета по международным делам американского сената Байдена, который видит в качестве самой большой проблемы будущего распространение оружия массового поражения, а самым большим «распространителем» — современную Россию. В этом плане для Соединенных Штатов и для Запада в целом нет более важной задачи, чем установление рабочих отношений с Москвой. Именно здесь будет решаться американское будущее и высокомерное пренебрежение в данном случае неизбежно обратится против самих американцев. Настроенная на сотрудничество часть американского политического спектра, теряя позиции, стремится все же доказать, что в мире будущего игнорирование России принесет Америке только потери.

Сторонники использовать новую дружественность России для обоюдывыгодного сближения указывают, что «возникающее партнерство между Соединенными Штатами и Россией является самым значительным геополитическим перегруппированием со времен второй мировой войны». И американцы достаточно отчетливо представляют себе, что «многое будет зависеть от процессов как внутри России, так и в мире в целом — процессов, находящихся за пределами воздействия Соединенных Штатов. Вызов для Запада в целом и прежде всего для Соединенных Штатов заключается в более глубоком понимании происходящих в России процессов, чтобы способствовать переходу России на западный путь, чтобы ощутить вовремя возможную тщету попыток переустройства России для того, чтобы подготовиться к опасности возможного российского коллапса».

Поначалу казалось, что даже в умах самых больших противников России происходили большие перемены. Как писали сами американцы, «Буш и его команда должны теперь воздержаться от чтения лекций Путину о превосходстве политической системы Америки и, вместо этого, сконцентрировать свои усилия на том, чтобы показать преимущества интеграции с

Западом... Буш должен возглавить усилия, упрощающие эту интеграцию. Хорошим стартом было бы членство России во Всемирной торговой организации. Действуя еще смелее, Буш должен был бы определить конкретные этапы вступления России в НАТО».

В правительственных кругах США сторонниками новых союзных отношений с Россией выступил государственный департамент и министерство торговли. Принятие России как союзника встретило в американском правительстве серьезную оппозицию. Сторонником укрепления отношений с Россией и двустороннего партнерства выступил государственный секретарь Колин Пауэл. Государственный секретарь США Колин Пауэл, соглашался на создание совместного с Россией органа лежат геополитические причины, а именно, Россия стала миролюбивой: «Я не вижу причин, по которым любой будущий лидер России, страны, которой принадлежит только 55 % территории бывшего Советского Союза, найдет необходимым вернуться к агрессивной политике». Коалиция ему представляется более перспективной схемой американской внешней политики, чем одиночное плавание. Пауэл нашел весьма стойкого союзника в лице министра торговли Д. Эванса, установившего устойчивые отношения с российским министром экономического развития Г. Грефом. Сторонники вовлечения России указывают, что в новом мировом раскладе сил сегмент России уменьшился весьма значительно, но не абсолютно. Россия все же сохранила немало из наследия СССР. Вне — место постоянного члена Совета Безопасности ООН. Внутри — ракетно-ядерный меч. Это обеспечило для нее свободу выбора пути, образования союзов, формирования партнерских соглашений.

Знамение времени: в палате представителей США большинство высказалось за прекращение финансирования 24 спутников космического слежения, что фактически делает невозможным развертывание системы Национальной противоракетной обороны — роковой вопрос российско-американских противоречий. Прозвучала основательная критика односторонности в сфере стратегических вооружений со стороны как демократов, так и части республиканцев. Так, по мнению У. Перри, «ракетная оборона должна быть одним из элементов национальной политики; безоглядное же следование ей вне контактов с программами, препятствующими распространению способно ослабить, а не укрепить американскую безопасность».

Но госсекретарь Колин Пауэл, ориентирующийся на укрепление отношений с Россией, проигрывает трио Чейни-Рамсфелд-Вулфовиц битву за привлечение России к Западу. Однако весьма значительная часть американского истеблишмента продолжает утверждать, что «интеграция России критически важна для внешней политики США в целом, она должна быть ключевым элементом американской политики в отношении России, поскольку достижение самых важных целей Америки будет зависеть от согласия России участвовать в общем процессе глобализации». Звучит признание в том, что основная задача Америки не решена. Блокируя ее, Соединенные Штаты «рискуют однажды спровоцировать создание самостоятельного торгового блока от Атлантики до Тихого океана».

Безопасностью не торгуют

Америка может заблуждаться относительно конечной реакции России, получившей представление о том, как к ней относится союзник-лидер глобальной коалиции. Страны не торгуют безопасностью. Россия вынуждена будет обратиться усовершенствования своего ядерного потенциала. Гонка вооружений, замедлившаяся в треугольнике США-Россия-Китай в течение последних пятнадцати лет, неизбежно возобновится практически вне зависимости от того, каково состояние бюджета РФ и каковы технологические сложности КНР. Исследовательско-конструкторские бюро, научные лаборатории ядерных физиков, проектировщики ракетной техники снова увидят свой патриотический долг в предотвращении всего, что могло бы напомнить 22 июня 1941 г.

Возможности России еще достаточно велики — это признают даже определенные противники «слишком быстрого и безоглядного» сближения. По признанию бывшего министра

обороны США У. Перри, «все действия Соединенных Штатов по ограничению распространения ядерного оружия могут быть легко перечеркнуты Россией, если она, к примеру, решит продавать ядерную технологию, боевые системы или расщепляющиеся материалы».

В новом раскладе сил сегмент России уменьшился очень и очень значительно. Но не абсолютно. Смятение и слабость пройдут. Россия оправится. И начнет играть в ту же игру, которую ей навязывает Запад. Потому-то с таким вниманием в США следят за российско-китайским диалогом, определяют значимость ролей в колоссальной оси Москва-Пекин. (Напомним не менее чем шоковое впечатление, производимое предложениями типа сделанного в свое время премьер-министром Примаковым о сближении в пределах треугольника Россия — Китай — Индия).

Придет время и российские инвестиции (а не танки) вернутся в Восточную Европу. Этот вариант предполагает сближение со «второй Европой», с теми восточноевропейскими странами, которые очень быстро убедятся, что в «первой Европе» их не очень-то ждут, что экономическая конкуренция — вещь серьезная, что их рынки и ресурсы не вызывают восхищения на Западе. Откатная волна почти неизбежна. Конечно, она не приведет к новому СЭВу, но венгерский «Икарус» и чешскую «Шкоду» ждут только на одном, нашем рынке. Обоюдновыгодные сделки не могут не дать позитивных итогов. В конце концов, работает восточноевропейский цивилизационный фактор, связи полувека нельзя рушить с детским восторгом перед красотой крушения. У нас с Восточной Европой примерно равный технический уровень, и мы примерно на равную дистанцию отстали от ЕС. Мы можем дать энергию (газ и нефть), предоставить свой рынок. Прошлое не восстановимо, но оно и не проходит бесследно.

Китай, Индия, Иран — вот первая тройка покупателей российского оружия, держащая на плаву российскую военную промышленность и создающая особые связи.

Даже после реализации Договора о сокращении стратегических потенциалов (подписанному на американо-российском саммите 2002 года в Москве) через десять лет Кремль будет распоряжаться минимум 1700 единицами ядерных боезарядов стратегической доставки. (дополнительно складированы будут многие тысячи ядерных боезарядов, способных быстро быть возвращены в строй). Это много больше, чем нужно для уничтожения любой цивилизационной инфраструктуры, любой страны, избранной в качестве цели. С момента объявления Соединенными Штатами в декабре 2001 г. о выходе из Договора об ограничении систем противоракетной обороны. Россия пошла на модернизацию 200-тонных межконтинентальных баллистических ракет СС-18 («Сатана»), сохраняя их на боевом дежурстве до 2014 г. Ракеты данного типа выбрасывают над районом цели 50 боеголовок, что теоретически ставит перед американской системой Национальной противоракетной обороны пока — и на десятилетия вперед — неразрешимые задачи. Грандиозный ядерный стратегический потенциал России, ее способность быстро мобилизовать феноменальные разрушительные силы средств массового поражения делают вопрос глобального выживания во многом функцией понимания условий этого выживания России. Даже одно лишь ослабление контрольных функций Москвы над своим арсеналом непосредственно и прямо воздействует на судьбы Америки.

Россия приступила к созданию мощного подводного флота нового поколения (подводные стратегические лодки класса «Юрий Долгорукий», вооруженные 16 ракетами стратегического назначения с разделяющимися головными частями). Впереди испытания ракет СС-27 — мобильных МБР на твердом топливе с исключительной точностью попадания.

Восемь раз президенты Соединенных Штатов широковещательно объявляли об окончании «холодной войны». Но истина не требует широковещательности. В данном случае повтор только добавляет сомнений.

Россия и США на фоне Ирака

Опыт быстрого отчуждения Соединенных Штатов после огромной помощи России в войне против Талибана поубавил энтузиазм у тех, кто хотел за счет благорасположения Америки войти

в политико-экономическую систему Запада. Что дала России готовность помочь Соединенным Штатам в их битве за Афганистан? Появление американских войск в Центральной Азии и Грузии, ревнивое отношение к сближению Москвы с Минском и Киевом. Под вопросом оказался поставленным столь высоко ценимый Россией статус постоянного члена Совета Безопасности ООН — какой в этом статусе толк, если Соединенные Штаты пренебрегли Организацией Объединенных наций при выборе Ирака как цели и обрушились на эту страну без санкции ООН?

Реакция России на иракскую кампанию Америки весной 2003 г. весьма отличалась от той, что имела место осенью 2001 г. в случае с Афганистаном. Президент Путин назвал военную акцию США против Ирака «огромной ошибкой». Совместно с еще одним постоянным членом СБ ООН — Францией и непостоянным членом Совета Безопасности — Германией, при благожелательной к противникам вторжения в Ирак позиции КНР — Россия не поддержала американо-британскую военную акцию против Ирака.

Не может быть двух мнений: суверенитет всех независимых государств, от Британии до Ирака (по шкале приближенности к имперскому центру) претерпел ущемление. Стало более ясно, что неоконсерваторы круга Чейни-Рамсфелда-Вулфовица готовы к крупным авантюрам даже будучи практически в одиночестве на мировой арене. Имперская логика получила новое подтверждение на короткой дистанции, на дистанции одного месяца. Но в дальнейшем перед администрацией Дж. Буша-мл. встали менее легко решаемые задачи:

— Долгосрочное объединение оккупационными войсками или выбором иракского варианта Корзая практически невозможно — как и в Афганистане управлять многонациональной и многоконфессиональной страной лидер одной из этно-конфессиональных фракций не может. Отныне шииты, сунниты и курды будут жить собственной замкнутой этнической жизнью (так же, как это происходит с пуштунами, таджиками и узбеками в современном Афганистане).

— Сила, десятилетия сдерживавшая 26-миллионный Ирак, сдерживавшая на основе секулярного подхода партии Баас исламский фундаментализм, исчезла. Победили аятоллы (60 процентов населения того, что прежде было Ираком — шииты) и новый региональный лидер Иран. Ослаблены — сунниты региона (а значит, проамериканская Саудовская Аравия), баасистская Сирия и заново исламизирующаяся Турция, чья территориальная целостность на этот раз решительно поставлена под вопрос.

— Во всю силу встал главный взрывной вопрос региона — национальное самоутверждение сорока миллионов курдов, самой быстрорастущей демографически ветви средневосточного населения. Разоружить пешмергу, воюющую уже третье поколение за национальное самоопределение будет для американцев сложнее деморализованных «федаинов» Хусейна. Это приводит в крайнее состояние Турцию, готовую в данном вопросе идти наперекор самым близким западным покровителям, поскольку речь идет о собственно выживании турецкого государства в том виде как его создал Кемаль Ататюрк.

— Обида миллиардного мусульманского мира, испытавшего колоссальное унижение в долине Тигра и Евфрата — большая плата за мимолетный триумф, за флаг, закрывший голову скульптуре Саддама Хусейна в Багдаде. Словами президента Египта Мубарака, которого едва ли кто-то может назвать антизападным правителем: «Отныне возникнут тысячи бен ладенов».

Что же до России, то ее суверенитет ослаблен этой новой демонстрацией готовности Вашингтона улучшать все, что видится потенциальной угрозой геополитическому царствованию США. Конкретно символами этого ослабления является украинский батальон в Кувейте и такие договоренности как новый договор США с Узбекистаном. В двух ключевых для Москвы точках, на двух суперприоритетных направлениях российской внешней политики укрепляются режимы, более угодные имперскому правлению США в мире, более преданно смотрящие в глаза имперского покровителя. Теперь с ними, повязанными войной с Америкой, президент Буш готов иметь дело с большей степенью независимости, чем до иракской войны.

«Стратегическое партнерство» с США — лозунг, желанный прозападному крылу в Москве, но бессмысленный для правящих неоконсерваторов в Вашингтоне. И за огромную помощь в Афганистане Москва не стала ближе Вашингтону; фрондерство же в иракском кризисе заставит

американцев, так сказать, «прищуриться» в отношении России еще больше. Ясно одно: и в последующих неизбежных кризисах новый Чернобырдин в конечном счете полетит выкручивать руки очередному Милошевичу, а Примаков — новому Саддаму Хусейну, хотя подталкивать тонущую жертву — далеко от самых простых моральных норм.

Первый урок очевиден для очень многих стран: если правило невмешательства во внутренние дела (суверенности) уже не действует, то нужно найти более действенную гарантию менее оспоримого типа суверенности. Речь, естественно, идет об обладании ядерным оружием. Тип суверенности, скажем, Пакистана, завидный. Никто не посмеет «улучшать» его внутреннюю систему по понятной с 1998 г. причине. Это своего рода греческая трагедия — ты стремишься чего-то избежать, но своего типа рок влечет тебя к самому нежелательному итогу. Американцы стремятся избежать ядерной вооруженности ряда стран, но пример бомбимого и сжигаемого Ирака более убедительно, чем что-либо, говорит: не вступай в спор с США, пока они не убедятся в наличии у тебя «финального оружия».

Второй урок касается всех, кого не прельщает даже самое завидное место в новой империи. Собственно, это история и психология всего человечества на протяжении всего исторического пути: номер 2, 3, 4, 5 всегда объединялись против номера 1. Так восстанавливалось естественное равновесие сил, которое, как кажется, больше соответствует канонам демократии, свободного изъяснения, независимого развития.

Третий урок уже пытался быть извлеченным из Вьетнама, но сознательно был погашен целенаправленными усилиями всех неприемлющих итоги Вьетнама — от президента Рональда Рейгана до президента Джорджа Буша-мл. Не ставь себе задачу, которая не по силам никому. Даже такому гиганту как США принципиально не по силам задача «исправления» всего мира. Этому препятствует культура, прошлое, традиции, гордость двух сотен государств.

Американцы одержали в Ираке формальную победу. Хусейна постигла судьба бен Ладена — быть гонимым американским государством. Что касается демократического порядка — он не сможет быть установлен, так как эта проблема не решается силой. Этому противостоит культура и национальная психика. Мы видим и пример находящегося в состоянии хаоса Афганистана, а ведь ему было так много обещано. Но главная жертва — независимость и суверенитет независимых государств. Со времен Римской империи мир не знал такого посягательства на главное право независимой страны — собственного выбора пути развития. Россия стоит перед выбором: ее действия будут строго оцениваться в далекой заокеанской стране, либо мы восстановим баланс в пошатнувшемся мире. Но Россия оказалась в хорошей компании — французы и немцы на западе, а китайцы на востоке ищут ответ на тот же вопрос. В результате Россия в 2003 г. стала более отчетливо выражать свое желание сблизиться с Европейским союзом.

Два полка стратегических сил ежегодно, замена моноблоков на мирвированные боеголовки наряду с пополнением стратегического подводного флота — вот современный способ России сохранить свое стратегическое могущество. В послании президента В.В. Путина в 2003 г. предусмотрено значительное увеличение военного бюджета, то же мы видим и в бюджете 2003 г. При оснащении российских МБР кассетными боеголовками никакая система ПРО еще несколько десятилетий гарантированно не обесценит труда создателей оборонительной системы страны 1940-1980-х годов. В пределах своих границ мы вправе реформировать свой мир без оглядки. Еще несколько десятилетий.

Заключение

Все действия Соединенных Штатов по ограничению распространения ядерного оружия могут быть легко перечеркнуты Россией, если она, к примеру, решит продавать ядерную технологию, боевые системы или расщепляющиеся материалы.

У. Перри, 2002

Прошлое было прекрасно своей ясностью. Размышляя в архитектурно вычурном здании американского посольства на Манежной площади, Джордж Кеннан пришел в конце 1945 г. к выводу, что нельзя допустить попадания в руки русских трех регионов Земли: Соединенного Королевства, долины Рейна и Японских островов. Установив контроль над этими зонами, американцы методично довели дело до 1991 г. Главными вехами на этом пути были Бреттон Вудс, «план Маршалла», создание НАТО.

Как признают сейчас американские стратеги, «в условиях, когда вся Япония и большая часть Германии с середины 50-х годов находились в зоне влияния США, баланс сил был настолько против Советского Союза, что Москва имела очень малые шансы выиграть холодную войну... Теперь, оглядываясь назад, мы видим, насколько сложным было положение Москвы; Запад должен был действительно играть бездарно, чтобы с такими картами не выиграть».

В результате победы в «холодной войне» Соединенные Штаты стали доминировать на северо-западе евразийского континента. Между классическим Западом и СНГ Америка начала излучать влияние на девять прежних союзников СССР и на тринадцать бывших республик почившего Союза. В самой России опасность сепаратизма вышла на первый план, за нею угроза демонтажа экономики, распада общества, деморализации народа, утраты самоидентичности. Безусловный американский триумф 1991 г. дал Вашингтону шанс — при умелой стратегии на долгие годы сохранить столь благоприятный для заокеанской республики статус кво.

Где место России в мире после «холодной войны»? По меньшей мере, ясно, что это место уменьшилось. «Хотя Россия остается важным государством, — пишет американский генерал Одом, — она уже не способна играть ведущую роль. Она не имеет внутренне связанного правительства, которое могло бы в подлинном смысле говорить от имени страны. Ее вожди редко отражают подлинные интересы Российской Федерации или ее граждан. Большинство из них... просто желает обогатиться („а Россия будь проклята...“). В Заире Мобуту, в Нигерии Абача, как и ряд других вождей, стали богатыми несмотря на то, что их страны нищали. То, что подобная судьба уготована России, предполагает то обстоятельство, что, по последним оценкам, с 1991 года она взяла в долг 99 млрд. долл., и за это же время 103 млрд. долл. ушли из страны. Более того, олигархи и процветающие бизнесмены действуют абсолютно рационально в своих собственных интересах». Россия, по мнению западных специалистов, поражена синдромом постколониального слабого государства, общим для государств третьего мира. «Это состояние ни ненормально, ни временно; оно может продлиться десятилетия».

Россия вовсе не похожа на межвоенную веймарскую Германию — та, по меньшей мере, имела сильные государственные институты — судебная система, полиция, устоявшаяся бюрократическая система; ее население было молодым, восстановление экономики — быстрым и без иностранной помощи. Россия же — «слабое государство без практически каких-либо институтов, абсолютно обязательных для эффективной рыночной экономики: налоговая система, царство закона, установленного процесса обращения в суд и так далее. Ее население умирает молодым, и общая численность населения сокращается».

А что относительно темы нашей книги, относительно «холодной войны»? Теперь, в начале XXI в. становится ясно, что, если бы именно агрессивность Советской России являлась причиной глобальной вахты Соединенных Штатов, то, одержав победу в холодной войне, Вашингтон не упустил бы шанса снять с себя бремя. Однако уход СССР в небытие не произвел разительных перемен. США не «закрыли» НАТО, не увели легионы из Германии, Кореи, Японии, не возвратили к своему побережью флоты, контролирующие мировую акваторию, не сократили свой военный бюджет (уменьшившийся с 310 до 260 млрд. долл., он резко вырос — до 600 млрд. долл. в 2005 фин. году). Пентагон находится на автопилоте «холодной войны» за несколько лет наступившего века удвоил свой военный бюджет. Не борьба с «измом», а глобальное доминирование — вот цель США, и они не колеблются это признать. Если бы Сталин согласился стать сателлитом, то к нему относились бы не хуже чем к Франко, Салазару, Перону.

Весь период «холодной войны» Вашингтон обличал «железный занавес». Но окончилось противостояние, железный занавес рухнул с одной стороны. Но не рухнул с американской стороны. Напротив, визовой барьер в США значительно вырос. Что это? Аберрация мыслительного процесса или полувекковое лицемерие?

Американская стратегия базируется на присутствии 100 тыс. американских военнослужащих в Европе (сенатор Мойнихен: «Они стоят как римские легионы»), такого же числа в Азии (согласно т.н. «Докладу Ная», этот уровень будет поддерживаться в Азии еще как минимум 20 лет); 140 тыс. на Ближнем Востоке, 20 тыс. — в Боснии; в состоянии постоянной боевой готовности 8 авианосных групп, на патрулировании в нефтяной кладовой мира — Персидском заливе и в проливе, отделяющем Тайвань от материка; в Ираке воюют 140 тыс. американцев., контролирующих весь Средний и Ближний Восток. Страна, которая сама признает, что ей никто не угрожает, содержит огромную сеть баз в 120 странах мира и расходует на военные закупки на 76 млрд. долл. больше, чем военный бюджет любой другой державы.. Гордон Адамс — заместитель директора Лондонского Института стратегических исследований — признает, что «ни одна страна не способна иметь (военный) бюджет, вооруженные силы, технологию, военную организацию равные американским. Даже для взятых воедино европейских военных структур понадобились бы десятилетия, чтобы достичь американского уровня; гораздо большее время требуется Китаю для реструктурирования своей военной системы и для России для восстановления своего прежнего военного могущества».

Силовые возможности США трудно переоценить. В настоящий момент «Америка оказывает большее влияние на международную политику, чем какая-либо другая держава в истории». Валовой национальный продукт превысил 11 трлн. долл. Военная мощь страны превосходит совокупную военную мощь 15 следующих за ними крупнейших держав мира. Америка входит в важнейшие союзы. НАФТА обеспечивает их преобладание и растущий вес в Западном полушарии. Североатлантический Союз не имеет конкурентов на нашей планете. Американские расходы на исследования и создание новых образцов военной техники превышают 36 млрд. долл. (следующие за ними европейские члены НАТО расходуют, вместе взятые, на эти цели 11,2 млрд. долл.). Даже самые осторожные пессимисты признают, что несказанно благоприятное стечение обстоятельств гарантирует Америке как минимум двадцать лет безусловного мирового лидерства. Что будет далее не смеет предсказать ни один футуролог, но нет оснований не верить тому, что не прошедший, а наступающий век будет подлинно американским.

Противников пока не видно даже на горизонте. Страхи 1980-х гг., что Япония и Западная Европа развиваются быстрее, ушли в прошлое. «Во всех практических смыслах, — размышляет Рональд Стил, — Америка неуязвима. Ей не грозит никакое вторжение. У нее нет врагов, желающих ее крушения. Она не зависит от внешней торговли... Она кормит себя сама. Она имеет союзников и при этом не зависит от них — никогда не зависела от них даже в годы холодной войны. Соединенные Штаты распространили сеть военных баз — и созданы эти базы не ради самозащиты». «Никогда со времен древнего Рима, — пишет Чарльз Мейнс, — отдельно взятая держава не возвышалась над международным порядком, имея столь решающее превосходство». На долю США выпала феноменальная удача. Как пишет Мартин Уокер, «Соединенные Штаты обрели военное доминирование, равное совокупной океанской мощи Пакс Британники и военной мощи имперского Рима периода его расцвета».

ФИГОВЫЙ ЛИСТОК «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Что вызывает к жизни эту мощь? Американские интерпретаторы потеряли фиговый листок «холодной войны». С полным основанием американские теоретики полагают, что, «несмотря на все риторические ухищрения, широкое определение американской политики в отношении внешнего мира остается тем же, что и в прежние десятилетия». Никогда США не согласятся с положением *primus inter pares* в многополярном мире. «Нравится вам это или нет, —

констатирует Дэвид Каллео, — США будут продолжать играть роль гегемона в Европе и в Азии». Представляющий Брукингский институт Майкл О'Хэнлон полагает, что «мир слишком опасен, чтобы отстраняться от него, глобальное присутствие нельзя заменить ничем».

Лучший аналитик «холодной войны» — Дж. Л. Геддис: «Не многие историки готовы отрицать сегодня, что Соединенные Штаты были намерены доминировать на международной арене после второй мировой войны задолго до того, как Советский Союз превратился в антагониста». Консультант исследовательского центра «РЭНД корпорейшн» К. Лейн: «Советский Союз был значительно меньшим, чем это подавалось ранее, фактором в определении американской политики. На самом же деле после второй мировой войны творцы американской политики стремились создать ведомый Соединенными Штатами мир, основанный на превосходстве американской политической, военной и экономической мощи, а также на американских ценностях».

Теперь, когда угас (за ненадобностью) идеологический спор, в холодном свете современной реальности стало ясно по меньшей мере одно: начиная с выхода во внешний мир в 1942 г. США фактически никого не сдерживают, а следуют определенной и решительной стратегии которая имеет достоинства простоты и целеустремленности: мировое преобладание. Эта фраза была впервые официально употреблена в главном документе холодной войны, известном как НСК-68 (1950 г.), и с тех пор точнее других характеризует ту стратегию, для которой холодная война была лишь эпизодом. Речь идет о мировом преобладании над любыми силами (любым сочетанием этих сил) в целях контроля над международным развитием. Так что не будем предаваться самомнению: с Советским Союзом или без него Америка вышла бы на геополитические просторы и исчезновение яростно обличаемого противника ничего не изменило в сущности американского подхода к миру.

Словесное оформление стратегических усилий США после краха СССР пришло не сразу. После окончания холодной войны нашлось немало теоретиков, которых прельщают лавры нового Кеннана — стремление найти всеобъясняющую парадигму. При этом на смену теоретикам, утверждающим, что биполярность и многополярность более стабильны, пришли их идейные противники — апологеты однополярности как оптимальной международной системы. Теоретики однополярности исходят из того, что многополярная система менее стабильна, что следует воспользоваться результатом победы в «холодной войне».

Пиком стратегической определенности президента Буша-ст. стало предупреждение: «Соединенные Штаты считают своим жизненно важным интересом предотвращение доминирования на территории Евразии любой враждебной державы или группы держав». Джордж Буш пишет в мемуарах: «Мы просто обязаны вести за собой... Мы должны обеспечить предсказуемость и стабильность в международных отношениях. Ведь мы — единственная держава, имеющая необходимые ресурсы и репутацию... Если Соединенные Штаты не поведут за собой, в мире не будет руководства».

Демократы Клинтона просто не могли игнорировать тот факт, что США — крупнейший экспортер мира, больше зависящий от экспорта, чем, скажем, Япония, что заграничные филиалы американских компаний владеют большей долей мирового экспорта, чем компании на американской земле, что четверть американского ВВП зависит от мировой экономики. Придя к власти администрация Клинтона ввела термин «расширение зоны рыночной демократии». Находясь в Белом доме, президент Клинтон посчитал необходимым сравнить себя с Вудро Вильсоном, Гарри Трумэном, Теодором Рузвельтом и Франклином Рузвельтом — с теми президентами, которые олицетворяют глобальную активность американской политики. Согласно принятому Пентагоном в 1992 г. директивному документу, «Соединенные Штаты должны предотвратить стремление крупных индустриальных наций бросить вызов нашему лидерству или попытаться изменить установившийся политический или экономический порядок».

В соответствии с законом Голдуотера-Николса (1986) президент Соединенных Штатов обязан публиковать ежегодно Декларацию о стратегии национальной безопасности США.

Декларация 1995 г. имела название «Стратегия вовлечения и демократического расширения». Вторая администрация Клинтона поставила во главу угла стратегию «вовлечения и расширения». Теоретическим вкладом государственного секретаря Мэдлин Олбрайт явилось выражение: «Америка — это страна, без которой невозможно обойтись». Она же пообещала, что «мы будем сохранять наше присутствие повсюду, где есть необходимость в защите наших интересов». Два члена Объединенного комитета начальников штабов — Ч. Крул (командующий морской пехотой США) и Дж. Джонсон (командующий военно-морскими операциями) возвестили, что «Соединенные Штаты не могут позволить никакому кризису эскалировать в угрозу себе». Начальник штаба армии Д. Раймер охарактеризовал армию США как «силы быстрого реагирования для глобальной деревни». Термин «благожелательная гегемония» стал почти штампом. Обрела черты постоянной дискуссия о необходимости сохранить положение единственной сверхдержавы при помощи следующих инструментов: «Простая логика, экономические стимулы, техническая помощь, новые соглашения. обмен информацией, насилие, угроза насилия, санкции, угроза санкций — и любая комбинация вышеперечисленного.» Что же касается потенциальных конкурентов Америки, то Медлин Олбрайт считает необходимым предупредить: «Те международные лидеры, которые настаивают на том, что мир является — или должен быть — многополярным, обязаны следить за тем, чтобы их собственная роль была согласована с их ответственностью... Эффективные коалиции являются следствием, а не альтернативой лидерству США».

В Вашингтоне думают о борьбе за природные ресурсы в мире, где 60% населения Земли будут горожанами, когда 95% прироста населения в мире придется на развивающийся мир, стремящийся преодолеть отсталость, эпидемии, вспышки насилия. Ни в одной стране мира не ведется столь страстная дискуссия о «битве за будущее».

Победитель в «холодной войне»

Мир утратил баланс, в чем вторжение американо-британских войск в Ирак в 2003 г. убедило даже неисправимых скептиков. Могущественное меньшинство после победы в «холодной войне» уже не спрашивает санкции мирового сообщества для военных экспедиций. И по понятным причинам. Нет и не может быть собрана в обозримое время никакая коалиция, уравнивающая колоссальную мощь Соединенных Штатов. Отныне и на десятилетия анализ понятия «Американская империя» будет главным занятием политологов.

Долгая и богатая традиция питала подходы к стратегической линии победившей в «холодной войне» Америки, и мы постараемся проследить главные среди идейных предпосылок. Таковыми для Америки, которую мы увидели после «холодной войны» в Югославии, Афганистане и Ираке являются восемь базовых долгосрочных тенденций американской истории и развития политической мысли, окрепших в период «холодной войны».

Исключительность. Со времен отцов-основателей Америка никогда не сравнивала себя с другими государствами в твердой уверенности, что такое сравнение неправомерно по определению. Джефферсон мог быть смертельным внутривнутриполитическим противником Гамильтона, но оба они свято и безоговорочно верили в образ своей страны как библейского «Града на холме». Живущие в этом граде люди разительно отличаются от всего остального человечества своей политической и религиозной свободой. Этот град растет и однажды, согласно предсказанию Джефферсона, превратится в «империю свободы». Приведем исторически достоверный пример. 4 июля 1821 г. президент Джон Куинси Адамс обратился к американской нации как стремящейся к «установлению свободы и независимости для всех на Земле». Словеса витиеватые? Но немного найдется на планете государств, которые бы так открыто и вдохновенно готовили свое видение мира «для всех на Земле».

Односторонность. Прощаясь (как президент) с согражданами, президент Вашингтон говорит, что «подлинной политикой для Америки должно быть твердое отстояние от постоянных союзов с любыми частями чужих земель». А золотое перо Томаса Джефферсона отпечатало

запоминающуюся фразу: «Никаких обязывающих союзов с другими странами». Даже когда Соединенные Штаты начали в 1812 г. войну с Британией, они не пошли на казавшийся логичным союз с противостоявшей Британии Францией. Традиция жива во всей полновесности. В этом можно убедиться, когда президент Дж. Буш-младший говорит на заседании Совета национальной безопасности, что не стоит долго разводить дипломатию с союзниками. «На некоей точке мы можем остаться в одиночестве. Меня это устраивает. Ведь мы — Америка».

«Доктрина Монро», провозглашенная в 1823 г. запрещала создание европейскими державами новых колоний в Западном полушарии. Едва ли Америка тех лет могла бы противостоять великим европейским державам, но принцип есть принцип: Америка провозглашала «руки прочь» всякому, кто попытался бы приблизиться в окружению растущих Соединенных Штатов, и эта традиция, это отношение к Латинской Америке как к своему заднему двору сохранилось до двадцать первого века со всей своей первоизданной силой.

Экспансия. Уже в 1843 г. журналист Джон Салливан «отчеканил» популярной фразой «явное предназначение», имея в виду территориальное распространение североамериканской республики на Запад «с целью продолжения великого эксперимента свободы и федерального самоуправления». Президент Полк, в частности, видел в доктрине «очевидного предназначения» оправдание войны с Мексикой, удвоившей территорию Соединенных Штатов. Вслед за покупкой Луизианы, войной с Мексикой и выходом к Тихому океану Соединенные Штаты оказались самым растущим в мире государством, постоянно расширяющим зону своего влияния — от покупки Луизианы до нефтяных полей иракского Киркука.

Империализм. Сенатор Альберт Бевридж призвал в 1900 г. Америку услышать голос, зовущий ее к мировому могуществу. «Внутренние улучшения были главной чертой первого столетия нашего развития; владение и развитие других земель будет доминирующей чертой нашего второго столетия... Из вои расы Бог избрал американский народ как свою избранную нацию для конечного похода и возрождения мира. Это божественная миссия Америки, она принесет нам все доходы, всю славу, все возможное человеческое счастье. Мы — опекуны мирового прогресса, хранители справедливого мира... Что скажет о нас история? Скажет ли она, что мы не оправдали высочайшего доверия, оставили дикость ее собственной участи, пустыню — знойным ветрам, забыли долг, отказались от славы, впали в скептицизм и растерялись? Или что мы твердо взяли руль, направляя самую гордую, самую чистую, способную расу истории, идущую благородным путем?... Попросим же Господа отвлечь нас от любви к мамоне и комфорту, портящими нашу кровь, чтобы нам хватило мужества пролить эту кровь за флаг и имперскую судьбу». Поколение Бевриджа, Теодора Рузвельта, Лоджа объединило свои убеждения с теоретизированием Альфреда Мэхэна, требовавшего создания военных баз в Карибском бассейне, на Панамском канале, на островах Тихого океана. Эта тенденция никогда не обрывалась, менялась лишь ее интенсивность. И ныне уважаемые «Уолл-Стрит джорнэл» и «Нью-Йорк таймс» спокойно и уравновешенно обсуждают блага имперской роли Америки.

Интернационализм. Великими носителями этой тенденции были президенты Вудро Вильсон и Франклин Рузвельт. Вильсон ощутил сложность задачи переустройства мира в соответствии с американскими идеями сразу же после начала Парижской мирной конференции. Его партнеры отнюдь не разделяли пафоса мироустройства. «Президент, — писал Ллойд Джордж, — смотрел на себя как на мессию, чьей задачей было спасти бедных европейцев от их стародавнего поклонения фальшивым и злым богам». Европейские политики смотрели на американского президента не как на обладателя сверхъестественной мудрости, а как на распорядителя колоссальной мощи Соединенных Штатов. Стремясь искоренить изоляционизм в США и привязать страну к мировой политике, Вильсон сделал решающие шаги в направлении интернационального международного сотрудничества. Сенат США не поверил в то, что Лига наций может быть эффективным орудием американского воздействия на мир, потому-то в этот решающий момент Вильсон лишился внутреннего политического кредита.

Современный американский историк Т. Паттерсон полагает, что президент Франклин

Рузвельт ясно определил свои цели на основе либерального интернационализма: «Восстановление мировой экономики согласно принципам многосторонности и открытых дверей; помощь жертвам войны; предотвращение прихода к власти левых сил; обеспечение безопасности Соединенных Штатов посредством создания системы глобальной обороны; комбинация дружественного подхода к Советскому Союзу и сдерживания его. От образования Организации Объединенных Наций до основания Мирового банка, от создания заморских американских баз до займов по восстановлению, от пересмотра границ до изменения состава чужих правительств мы можем видеть, как американцы хотели реализовать свои послевоенные планы посредством применения силы... Американские планировщики надеялись создать капиталистический, демократический мировой порядок, в котором Соединенные Штаты, занимая патерналистскую позицию, стали бы моделью и доминирующей нацией в системе разделения мощи и сфер влияния».

Сдерживание. Основной смысл знаменитых телеграмм Дж. Кеннана можно выразить одной фразой: «Мы имеем дело с политической силой, фанатически приверженной идее, что не может быть найдено постоянного способа сосуществования с Соединенными Штатами». Кеннан дал «рациональное» объяснение поспешному созданию американской зоны влияния. После так называемой «длинной телеграммы» (февраль 1946 г.) Кеннана проводники экспансионистской политики получили желанное моральное и интеллектуальное оправдание своей деятельности на годы и десятилетия вперед. «Сдерживание», термин из этой телеграммы, надолго стало популярнейшим символом американской внешней политики. Чтобы «сдержать» СССР, Соединенные Штаты окружили советскую территорию базами и военными плацдармами, позади которых оставался зависимый от США мир. В это время американские (а не советские) войска находились в Париже, Лондоне, Токио, Вене, Калькутте, Франкфурте-на-Майне, Гавре, Сеуле, Иокогаме и на Гуаме.

Стремление улучшить всю планету. Герберт Гувер в начале 1920-х годов раздавал продовольствие в Поволжье, президент Франклин Рузвельт в 1944 г. создал Мировой банк и Международный валютный фонд. Трумэн выступил с «Планом Маршалла». Американцы строили «лучший Вьетнам». Президент Буш-ст. обещал странам Персидского залива «гуманитарные интервенции». А президент Билл Клинтон в 1998 г. не посрамил мелочностью подхода: «В наших силах поднять миллиарды и миллиарды людей на планете до уровня глобального среднего класса». Все это было обещано с самых высоких трибун и сделано в порыве «сделать мир безопасным для демократии» (президент Вильсон) — а не какую-то часть этого мира.

Заметим, что поколение Чейни и Рамсфелда выросло в годы обличения Мюнхена, теории «падающего один за другим домино», агрессивного активизма в отношении Ирана в 1953 г., Гватемалы в 1954 г., Кубы в 1961 г., Индокитая в 1960-е годы, Ирана в 1979 г., Гренада, Панама, Никарагуа, Африка в 1980-е годы. Это поколение «испортил» триумф в холодной войне и апология рейганизма от земли до космоса. Для них, современных неоконсерваторов у власти «доктрина Буша» — логический итог эволюции победителей в «холодной войне». «Доктрина Буша», озвученная в сентябре 2002 г. на высшем возможном форуме — в организации Объединенных наций (и получившая дополнительную аргументацию в ряде последующих установочных текстов) стала для обретших высшую власть в стране неоконсерваторов а la Рамсфелд подлинным кредо Америки на этапе ее единоверхдержавности в двадцать первом веке. Так было не всегда и мы знаем, как советники президентов удалялись в солярий или розарий, чтобы породить базовые документы. Такие как СНВ-68, такие как главные доктринальные повороты американской внешней политики за последние шестьдесят лет. Не так было в этот раз.

Главный тезис доктрины покоится на том основании, что «нам угрожают не флоты и армии, а генерирующие катастрофы технологии, попадающие в руки озлобленного меньшинства... Стратегическое соперничество ушло в прошлое. Сегодня величайшие державы мира находятся по одну сторону противостояния — объединенные общими угрозами со стороны порождаемого

террористами насилия и хаоса... Даже такие слабые государства как Афганистан могут представлять собой большую опасность нашей безопасности точно так же, как и мощные державы». «Стратегия национальной безопасности» ставит все точки над i: «Учитывая цели государств-изгоев и невозможность сдерживать традиционными методами потенциального агрессора, мы не можем позволить нашим противникам нанести удар первыми».

Американское руководство декларировало свое право на предвосхищающий удар, который обеспечит безопасность Соединенных Штатов. Не все обращают внимание на то, что в доктрине от 11 сентября 2002 г. Соединенные Штаты обращаются и к потенциальным противникам более традиционного характера. Они обязуются «сдерживать потенциальных противников от начала усовершенствования их военной машины, чтобы действенными методами отвлечь эти державы от курса на достижение равенства с Соединенными Штатами, не говоря уже о возобладании над ними».

Тень президента Вильсона, обещавшего в 1918 г. «сделать мир безопасным для демократии» немедленно поднялась над официальным Вашингтоном. И как же проявила себя американская внешняя политика в новом доктринальном оформлении? Вот главные черты нового курса: вторжение в Ирак без санкции ООН и с фальшивым обвинением в наличии у иракских вооруженных сил оружия массового поражения. У всех наблюдателей возникает общий вопрос, способны ли такие руководители, как команда Дж. Буша-мл. на трезвый отход от гегемонии в случае непредвиденных препятствий, когда очередные — Иран, КНДР и далее по списку «оси зла» — введут Вашингтон в клинч с историей, с конечностью собственных ресурсов, с неготовностью американского населения нести жертвы в условиях малоубедительного их трактования? Представьте сегодня Соединенные Штаты, периодически наносящие удары по пятимиллиардной периферии мира. Только убежденный враг Америки мог бы посоветовать ей встать на этот путь, где ей придется озираться без конца и края, тратя свои конечные ресурсы.

Не нужно даже смотреть в магический кристалл, чтобы предсказать увеличение проблем национальной безопасности США, а не ожидаемое уменьшение этих проблем. Бросим взгляд на не очень далекую историю. Как пишет Джек Снайдер из Института войны и мира Колумбийского университета, «чтобы гарантировать свои европейские владения Наполеон и Гитлер пошли маршем на Москву, чтобы быть поглощенными русской зимой. Германия кайзера Вильгельма попыталась предотвратить свое окружение союзниками посредством неограниченной подводной войны, что бросило против нее всю мощь Соединенных Штатов. Имперская Япония, завязнув в Китае и встретив нефтяное эмбарго Америки, попыталась пробиться к нефтяным месторождениям Индонезии через Пирл-Харбор. Все хотели обеспечить свою безопасность посредством экспансии, и все кончили имперским коллапсом».

История учит, что односторонние действия не спасли колоссальную Испанскую империю в семнадцатом веке, не помогли Людовику Четырнадцатому сохранить французское преобладание в Европе в начале восемнадцатого века, не укрепили мир Наполеона, не помогли кайзеру и фюреру («план Шлиффена» и «Барбаросса»). И не помогут стратегии Вильсона — Кеннана — Рамсфелда, поскольку замесившая «холодную войну» попытка геополитического контроля над пятью миллиардами неудовлетворенного населения Земли обречена изначально. Закрепляя под прикрытием «холодной войны» свою мировую гегемонию, Соединенные Штаты вышли к прямому контролю над миром. Благодарная ли эта задача, готов ли американский народ платить долларом и кровью за всевластие?

Американская республика без врагов

Поражение царя Митридата в 84 г. до н. э. никак не укрепило демократию в Риме. Пройдя под традиционной триумфальной аркой, победоносный Сулла прервал свою задумчивость такими словами: «Теперь, когда во всей вселенной у нас нет врагов, какой же будет судьба нашей республики?». Сомнения Суллы в отношении судьбы республики оправдались. Незамедлительно возникли «внутренние враги» (террористы античности), появились

проскрипции, армия вошла в столицу, и республика покатила к империи.

Триста лет Америка провозглашала свою особенность, представляя миру как исключительное государство. Теперь она сумела распространить демократию в качестве общепризнанного идеала. И потеряла идентичность исключительности. Четырехзвездный проконсул Томми Фрэнкс (даже внешне похожий на Суллу) добил последнего «официального» врага современного Рима — Митридата-Хуссейна.

Но отсутствие явственного врага уже ощущается. Социологическая теория и исторический опыт указывают, что отсутствие ясно очерченного внешнего врага порождает в метрополии внутренний разлад. Неудивительно, что окончание «холодной войны» вызвало тягу местных внутриамериканских общин к самоидентификации. Отсутствие врага ослабляет необходимость в сильном центральном правительстве, в некогда безусловном единстве. Профессор Поль Петерсен уже в 1996 г. писал, что окончание «холодной войны» сделало расплывчатыми очертания национальным интересом США, уменьшили надобность в национальных жертвах. Эгоистический интерес стал брать верх над национальной приобщенностью. Инаугурационные слова Джона Кеннеди — «Спрашивай не о том, что страна может сделать для тебя, а то, что ты можешь сделать для своей страны» стали голосом другой, героической эпохи, ныне скрывающейся за историческим поворотом. Вслед за германским экспансионизмом, японским милитаризмом и русским коммунизмом ушло в прошлое представление о противнике, как о силе, противостоящей американскому индивидуализму и свободе. И американская демократия, американское общество (со всеми его ценностями свободного гражданина и свободного рынка) оказалась в своеобразном вакууме.

Только вышедшие к первым ролям неоконсерваторы не растерялись, вот что пишет один из их главных идеологов Чарльз Краутхаммер: «Нации нуждаются во врагах». Идеальным противником для Америки был идеологически противоположно настроенный, расово и культурно совершенно иной, достаточно сильный в военном смысле противник в лице Советского Союза. Сразу же после окончания «холодной войны» в Америке начались дебаты, кто мог бы стать новым таким противником.

Проще простого было демонизировать совсем недавних союзников — Милошевича и Саддама Хуссейна (геноцид, немыслимая жестокость). Но и здесь ранжир явно не тот, особенно на фоне Гитлера, Сталина, Мао Цзэдуна. Нужно было обладать исключительно богатой фантазией, чтобы в изолированном, контролируемом с воздуха и инспекторами на земле Ираке увидеть полномасштабную угрозу Соединенным Штатам, их континентальных размеров территории, их всемирно признанным идеологическим основам. Манихейские искатели дисциплинирующей угрозы обращались к разным разностям: «государства-изгои», кибертерроризм, асимметричное ведение войны, всемирная наркомафия, ваххабизм, ядерное распространение и многое другое. Одних только террористических организаций официальные американские органы насчитали в 2003 г. тридцать шесть (среди них ведущие — Аль-Каида, Исламский джихад, Хезболла, Хамас). Государств, «спонсирующих терроризм» в том же году определили семь. В «ось зла» ввели в 2002 г. Ирак, Иран и Северную Корею, к которым государственный департамент добавил Кубу, Ливию и Сирию. Полномасштабными претендентами на угрозу Соединенным Штатам стали быстрорастущий Китай и турбулентный мусульманский мир (Ирак, Иран, Судан, Ливия, Афганистан при Талибанах).

Все эти поиски в значительной мере приостановило 11 сентября 2001 г. Осама бен Ладен как бы остановил американские метания атакой на Нью-Йорк и Вашингтон. Теперь главным врагом на первую половину XXI в. был избран воинствующий ислам. Римляне тоже сражались с восточной религией.

А сама Америка, как некогда Рим, погрязла в раздорах. Даже система подсчета голосов оказалась сомнительной, как и, скажем, доходы компании «Энрон». Положиться на солидарность союзников? Лояльность все меньше ценится в современном мире — на внешней арене на глазах у всех распадается триумвират США-ЕС-Япония. Автократия? Местный Цезарь не блещет талантами. Ну а народ — и патриции и плебеи бьются за «хлеб и зрелища»

(«медикэйд», «медикэйр» на фоне НХЛ, НБА и сто каналов кабельного телевидения). Сенат жестко критикует преторианцев (разведку). А в это время южную границу активно пересекают испаноязычные варвары (второе более низкий образовательный ценз у испаноязычных иммигрантов).

Но главное: в Америке в геометрической прогрессии растет сектор населения, в котором, люди, приехавшие в Америку, не желают стать американцами и живут в США как на своей исторической родине. Гарвардский геополитик Хантингтон пишет о растущих миллионах тех, кто «прибыв в Америку из чужих земель, не чувствуют приобщенности к новой „родной земле“». Их поведение в отношении своей новой страны контрастирует с основной массой американской публики. Футурологи указывают на воздействие экономической глобализации — «денационализация элиты будет продолжаться... Ее приверженность национальным интересам — в условиях глобальной диверсификации интересов американских компаний — будет ослабляться». И приходиться в противоречие с американскими интересами. Вот теперь то, то, что хорошо для „Дженерал моторс“ вовсе не обязательно хорошо для Соединенных Штатов. Потому что автомобили американской компании собираются где угодно — от мексиканской Тиуаны до российского Петербурга, а вовсе не в родном Дирборне, где за час сборочной работы американскому рабочему нужно платить в десять раз больше, чем его мексиканскому или российскому коллеге.

В свое время еще Адам Смит сказал, что «владелец земли по необходимости является гражданином той страны, где расположено его имение... Владелец акций является гражданином мира и вовсе не обязательно привязан к одной из стран». Сказано более двухсот лет назад, актуально в высшей степени относительно транснационального капитала. Если американская экономика застряла, то нужно вкладывать в китайскую. Дж. Хантер и Дж. Йетс оценивают ситуацию так: «Эта космополитическая элита думает о себе как о гражданах мира, имеющих американские паспорта, а не об американских гражданах, которым приходится работать в организациях глобального охвата». Ныне президентами таких традиционных американских компаний как «Алькоа», «Бестон», «Дикинсон», «Кока-Кола», «Форд», «Филип Моррис», «Проктер энд Гэмбл» являются не американцы. Все более слышны жалобы ЦРУ, что американская разведка не может положиться на сотрудничество с американскими компаниями, не видящими смысла помогать американскому правительству.

Что важнее: величие нового Рима или его внутреннее благосостояние? Нужны ли Вашингтону союзники, какие, где и для чего? Сохраняет ли свою значимость Организация Объединенных наций, или она просто сдерживает гегемона? Способны ли варвары обратиться в демократическую веру, минуя вековые цивилизационные предварительные процессы? Следует ли закупать дешевый хлеб в провинциях, или нужно беречь свободных «новых римлян» в хлебоборобном Канзасе? Вводить ли войска в Судан или советоваться с Мубараком? Не демократическая и республиканская, а партия «мультикультурализма» против партии «плавильного тигля» столкнулись между собой в отчаянной схватке в самой мощной современной державе.

Рим стоял на доблести свободного гражданина и на стратегии осмотрительного сената. А погубили его Содом и Гоморра во внутренних пределах и неконтролируемый поток пришельцев со всего света. В эти дни одна половина Америки обсуждает необходимость поправки к конституции о легальности однополых браков, а вторая — неудержимый натиск испаноязычных иммигрантов, ночь за ночью переплывающих Рио-Гранде в северном направлении, чтобы присоединиться к 38 млн. уже осевших соратников.

Перспективы

Будущее невозможно выстроить в одной плоскости, слишком сложен наш мир. Москва должна решить, что она может осуществить совместно с Вашингтоном, а чего определенно не может. Если уж не получилось стратегического партнерства в целом, то необходимо определить,

какие его отдельные элементы возможны. В целях прояснения перспектив есть смысл выделить крайние точки, зафиксировать экстремальные тенденции. Худшее, что могло бы произойти, это бездумная ссора России с Западом, легковесная потеря ею авторитета на Западе, потеря ею возможности технологического обновления при помощи Запада, потеря западных инвестиций и кредитов при том, что после включения в Североатлантический Союз Прибалтики процесс развития НАТО будет, видимо, идти своим путем, автономно, независимо от реакции Москвы.

На горизонте России появились четыре всадника Апокалипсиса: колоссальная утечка капитала из страны; нарушенный механизм государственного управления, ведущий к сепаратизму; массовая безработица; посуровевшее внешнее окружение.

1. Возможно, первая опасность — самая насущная и страшная. Год за годом корыстный слой вывозит свои капиталы за пределы страны, лишая ее стимулятора развития, обращая и без того скудный национальный капитал из средства спасения своей страны в источник процветания заграничных банков и компаний. Какое-то страна еще сможет продержаться на нефтедолларовом допинге, но наступают сроки расплаты с внешними кредиторами и несправедный многомиллиардный исток национального богатства может довести страну до комы. И уж определенно до ненависти к очередному социальному конструкту, позволяющему смертельно опасное валютное кровопускание — отток основной денежной массы.

Напомним, что в годы Великой депрессии каждый отплывающий из США лайнер означал уход из национального рынка одного миллиарда долларов. И президент Рузвельт был вынужден «заморозить» банковскую систему, ввести средства государственного регулирования, чтобы сохранить в стране доллары. В сходных обстоятельствах гордые Британия и Франция отказались выплачивать международные долги (мы говорим только о демократических странах). Самый убежденный западный демократ вне всякого сомнения закроет национальные границы, если через них — как у России сегодня вывоз капитала будет значительно больше ввоза, что ведет к неизбежному истощению финансовой системы с сопутствующим крахом социальных устоев в финале.

2. Когда Б. Франклин, Дж. Вашингтон и его соратники увидели опасность необратимой самостоятельности штатов, они поступили не совсем конституционно — созвали в Филадельфии совет 55 «мудрецов» и за закрытыми дверями написали новую конституцию, резко усилившую федеральный центр. Теперь в американском национальном пантеоне нет более славных героев — их конституции поклоняются новые и новые поколения американцев. Не меньшая чем от старой американской конфедерации опасность исходит от самодовлеющих регионов — субъектов Российской Федерации. Тем больше оснований утверждать, что созданная впопыхах конституция 1993 г. не икона.

3. Наличие безработицы в стране, кричащей о непролазном объеме предстоящих усилий по своему обустройству — нонсенс. Безработный отец семейства гарантирует деградацию семьи, что в свою очередь ведет к деградации общества. Франклин Рузвельт не моргнув глазом мобилизовал безработных на общественные работы — и Америка гордится дорогами, мостами, общественными зданиями той поры. В России — уникальной стране бездорожья неиспользование готовой трудиться рабочей силы преступно. Тем более, если столь нужны новые нефтепроводы и терминалы в Петербурге и многое, многое другое.

4. Возглавлявший комиссию по денацификации Германии американский философ Дж. Дьюи говорил о роковой опасности сочетания двух обстоятельств — краха национальной экономики и национального унижения. Это сочетание возникает в России когда на ее западных границах воздвигаются новые бастионы НАТО, когда голос страны в ООН игнорируется, когда международные финансовые институты демонстративно выдвигают условия. Россия не просит об особых и льготных условиях. Но она вправе рассчитывать на то, что ее ослаблением не воспользуются слишком легковесные в своих геополитических размышлениях политики. Но если она усомнится в дружественности проводников второй волны расширения НАТО на восток, если она ощутит вызов на каспийском море, если ее влияние в Европе будет девальвировано, тогда реализуются условия, о которых говорил великий Дьюи и она усомнится в

целесообразности дружбы с Западом.

В новом мире после Сентября 2001 г. Россия находится в сложном положении. 145-миллионная страна оказалась изолированной между миллиардными Западом, Китаем и исламским миром. Милостивая природа дала России важнейшее стратегическое сырье, критически необходимое западному индустриальному миру. На фоне второй (после 1989-1991 гг.) попытки выйти в 2001-2004 гг. на союзные с западными отношения, фактор нефти обретает едва ли не решающее значение. Встает вопрос, сможет ли Россия воспользоваться так воспользоваться своим энергетическим богатством, чтобы смягчить последствия исторического падения, открыть глаза на геополитический смысл мировой политики, осуществить реиндустриализацию, воспитать национально чувствительную элиту, обрести надежных союзников, вырастить конкурентоспособных и технологически адекватных производителей, чтобы когда-нибудь в будущем снова войти в ряды тех, кто определяет ход мирового развития?

При имеющемся раскладе сил, даже если учитывать, что россиянам не привыкать затягивать пояса, сугубо силовая реакция России едва ли сулит успех. Зато велика опасность окончательно обескровливания российской промышленности, замедления технологического роста. Если ослабевшая Россия антагонизирует самый влиятельный регион мира, будущее не влечет особых надежд. Объективные обстоятельства диктуют менее воинственное поведение, делают почти обязательной большую готовность к реализации компромиссного сценария. Но, обозревая опыт пребывания в антитеррористической коалиции, судя по отторжению России от основных западных организаций, жесткости после совместной борьбы.

* * *

Россия не одинока в своем мироощущении. В маргинализации абсолютного большинства мирового населения заключается главный парадокс современного мира: обладающие оригинальными культурными чертами большие и малые государства теряют свою специфичность. Если попытаться проанализировать состояние гордых прежних участников мировой истории, то нетрудно убедиться в общности главного аспекта их мучительного развития: Россия, Китай и Индия чрезвычайно отличаются друг от друга, но эти различия в потоке исторического развития гасит общая черта — стремление сократить дистанцию, отделяющую их от Запада. В этом смысле они (как и большинство других стран Евразии, Латинской Америки, Африки) абсолютно «неспецифичны», а единообразны — потому что подчинены (как безусловной исторической необходимости) решению двух задач: сохранить внутреннее своеобразие (в противном случае ломка структур породит революционные катаклизмы) и сократить разрыв между собой и Западом, поскольку только это может превратить их из объектов мировой истории в ее реальных субъектов. Языки, религии, установления могут быть различными, но направленность усилий одна — сто семьдесят стран Земли прилагают отчаянные усилия, чтобы войти в круг тридцати стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в круг презируемого, составляющего предмет восхищения и зависти, раболепия и ненависти. Или противостоять этому «золотому» миллиарду в новом варианте «холодной войны».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. MEMORANDUM FOR GENERAL NORSTAD. 20 September 1945. US National Security Archives. Nuclear History. Box 8.
2. JCS 1518/2. October 10, 1945. US National Archives. R.G. 218. CCS 381 (5-13-45) (Sect. 2).
3. America's Plans for War Against the Soviet Union, 1945-1950. A 15-volume set reproducing in facsimile 98 plans and studies created by the Joint Chiefs of Staff /Ed. by Steven T. Ross and David Alan Rosenberg. — Vol. 1. The Strategic Environment. — Garland Publishing, Inc. New York and London,

1990. — J.I.S. 23 October 1945. Russian Capabilities. P. 1-2.
4. Ibidem. J.I.C. 329/1. 3 December 1945. Strategic vulnerability of the U.S.S.R. to a limited air attack. P. 2.
5. Ibid., p. 12-14.
6. America's Plans for War... J.I.S. 80/7. Russians Capabilities. P. 2.
7. Ibid., p. 191-192.
8. America's Plans for War Against the Soviet Union... Vol. 11. The Limits of Nuclear Strategy. J.C.S. 1953/1. P. 280, 282.
9. Final Report on War Game «Padrone». US National Archives. RG 218. (U.S. Joint Chiefs of Staff). Geographic File. Security Classified 1948-1950. 381 USSR (3-2-46). B.P. Pt. 1.
10. Final Report on War Game «Stunner». US National Archives. RG 218 (U.S. Joint Chiefs of Staff). Geographic File. Security Classified 1948-1950. 381 USSR (3-2-46). B.P. Pt. 1. Pp. 8-11.
11. См. Betts R. Nuclear Blackmail and Nuclear Balance. — Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1987. — P. 24.
12. US National Archives. RG 218 (US Joint Chiefs of Staff). Geographic File 1948-1950. 381 United States (5-23-46). Section 5. J.I.C. 380/2. February 16, 1948. Estimate of the Intentions and Capabilities of the USSR Against the Continental United States and the Approaches thereto, 1948-1957. P. 36.
13. EUCOM. Russian Cable Number 38. SX-3422. 18 Oct. 47. Top Secret. U.S. National Archives. R.G. 84. Foreign Service Posts of the Department of State. U.S.S.R. Moscow Embassy. Top Secret
Records from the Office of the Ambassador, 1943-50. Box 1.
14. См. Matthew A. Evangelista. Stalin's Postwar Army Reappraised. //International Security, Winter 1982/1983 (Vol. 7, No 3), p. 115; Karber P. ad Combs J. The United States, NATO, and the Soviet Threat to Western Europe: Military Estimates and Policy Options, 1945-1963. //Diplomatic History, Summer 1998 (Vol. 22, No. 3), p. 404-408.
15. America's Plans for War Against the Soviet Union, 1945-1950... Vol. 5. The Limits of American Power. J.S.P.G. 496/1. 8 November 1947. «Broiler». Pp. 8-12, 44, 48, 114-117.
16. J.S.P.G. 500/2. 8 March 1948. «Bushwacker». U.S. National Archives. R.G. 218 (Joint Chiefs of Staff). Geographic File. Security Classified 1948-1950. 381. U.S.S.R. (3-2-46). Sec. 11. P. 275.
17. U.S. National Security Archives. R.G. 273. NSC 20/1. August 18, 1948. P. 50.
18. Ibid., p. 51.
19. J.I.S. 382/5. June 25, 1948. US National Archives. RG 218. Geographic File 1948-1950. 381 U.S. (5-23-46). Sec. 7.
20. The Evaluation of the Atomic Bomb as a Military Weapon. National Security Archives. Nuclear History. Box 8.
21. NSC 30. A Report to the National Security Council by the Executive Secretary on United States Policy on Atomic Warfare. September 10, 1948. P. 5. National Security Archives. Nuclear History Box 8. 1948.
22. The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order. //Ed. by Bernard Brodie. — New York: Harcourt, Brace and Company, 1946. — P. 88.
23. Ibid., p. 87.
24. America's Plans for War Against the Soviet Union, 1945-1950... Vol. 11. The Limits of Nuclear Strategy... J.C.S. 2081/1. 21 February 1950. Pp. 6-7, 11.
25. См. America's Plans for War Against the Soviet Union, 1945-1950... Vol. 5. The Limits of American Power. J.S.P.G. 496/1. 8 November 1947. «Broiler». P. 10-11; Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945-1950. — New York: Columbia University Press, 1978. — P. 323.
26. Containment... p. 332-333.
27. Poole W. The Joint Chiefs of Staff and National Policy. Vol. IV. 1950-1952. — Washington:

Office of the Chairman of the Joint Chiefs of Staff, 1998. — P. 83-86.

28. Lashmar P. *Spy Flights of the Cold War*. — Annapolis: Naval Institute Press, 1996. — P. 1-2.

29. См. Trachtenberg M. A «Wasting Asset». *American Strategy and the Shifting Nuclear Balance, 1949-1954*. // *International Security*. — Winter 1988/89 (Vol. 13, N. 3).

30. Condit K. *History of the Joint Chiefs of Staff*. Vol. VI. *The Joint Chiefs of Staff and National Policy 1955-1956*. — Washington, D.C.: Historical Division, Joint Chiefs of Staff, 1992. — P. 5-11.

31. Hoopes T. *The Devil and John Foster Dulles*. — Boston, Little, Brown, and Co, 1973. — P. 197-199; Rosenberg D. *The Origins of Overkill. Nuclear Weapons and American Strategy, 1945-1960*. // *International Security*. — Spring 1983 (Vol. 7, N. 4) — P. 27-41; Wells S. *The Origins of Massive Retaliation*. // *Political Science Quarterly*. — Spring 1981 (Vol. 96, N. 1). — P. 31-52.

32. Действительно, в 1953-1957 гг. общая численность вооруженных сил США сократилась с 3 млн. 600 тыс. до 2 млн. 800 тыс., а военные расходы — с 42 до 34,7 млрд. долл. Таким образом, администрации Эйзенхауэра удалось добиться хотя бы одной из целей стратегии «массированного возмездия», а именно сокращения военного бремени, лежавшего на американской экономике (см. Hoopes T. *Op. cit.*, p. 193; Condit K. *History of the Joint Chiefs of Staff*. Vol. VI. *The Joint Chiefs of Staff and National Policy 1955-1956*. — Washington, D.C.: Historical Division, Joint Chiefs of Staff, 1992. — P. 54).

33. Трофименко Г.А. Эволюция военно-политической стратегии США. / *Современная внешняя политика США*. В двух томах. Том первый. — М.: Наука, 1984. — С. 300.

34. *Foreign Relations of the United States, 1955-1957*. Vol. XIX. *National Security Policy*. — Washington, D.C.: G.P.O., 1990.

35. Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. — М.: ТЕПРА, 1991. — с. 38-39.

36. А. Феклисов. Подвиг Клауса Фукса. // *Военно-исторический журнал*. — N. 12, 1990. — С. 26.

37. Alperovitz G. *Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam: The Use of the Atomic Bomb and the American Confrontation with Soviet Power*. — New York: Simon and Schuster, 1965. — P. 227-231.

38. А. Антонов-Овсеенко. Атомный король. // *Смена*. N. 3. Март 1993. — С. 51.

39. Так мы делали бомбу. // *Литературная газета*. N. 23. 6.6.90. — С. 13.

40. «Известия» 24 сентября 1946 г.

41. Диалог Сталина с Мао Цзэдуном. Иван Владимирович Ковалев, личный представитель И.В. Сталина при Мао Цзэдуне отвечает на вопросы историка-китаеведа С.Н. Гончарова. // *Проблемы Дальнего Востока*. — N. 6, 1991. — С. 87-88.

42. Цит. по: Ледовский А.М. Стенограммы переговоров И.В. Сталина с Чжоу Эньлаем в августе — сентябре 1952 г. // *Новая и новейшая история*. — N. 2, 1997. — С. 75.

43. Галактионов М. Рост милитаризма в Соединенных Штатах. // *Новое время*. — # 21, 1 ноября 1946 г. — С. 6.

44. *Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945-1950* // Ed. by Etzold T. and Gaddis J. — N.Y.: Columbia University Press, 1978. — P. 316.

45. *Военно-исторический журнал*. — # 2, 1989. — С. 27-31.

46. Чуев Ф. Указ. соч., с. 100.

47. АВП РФ. Ф. 129, оп. 31, п. 200, д. 86, л. 3.

48. *Коммерсантъ-daily* 24.1.98, с. 8.

49. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9401, список 2, д. 139, л. 139; д. 169, л. 314; д. 170, л.л. 315, 317; д. 171, л.л. 510-511.

50. J.I.C. 380/2. 16 February 1948. US National Archives. RG 218 (U.S. Joint Chiefs of Staff). Geographic File 1948-1950. 381. United States (5-23-46). Sec. 5.

51. *Naval Message*. ALUSNA Vladivostok. March 14, 1946; March 15, 1946; April 13, 1946. US National Archives. RG 218 (U.S. J.C.S.). Leahy. Box 11.

52. INTEL. December 30, 1948. US National Archives. RG 84. Foreign Service Posts of the

Department of State. U.S.S.R. Moscow Embassy Top Secret Records from Office of the Ambassador, 1943-50. Box 3.

53. John J. Teal, Jr. Alaska, Fulkrum of Power.// Foreign Affairs. — Vol. 27. October 1948. — Pp. 91-93.

54. America's Plans for War Against the Soviet Union... Vol. 1. The Strategic Environment... J.I.S. 80/7. 23 October 1945. Russian Capabilities. P. 4.

55. Op-32-CNI-FN-1-S-48. 20 April 1948. P. 5. US National Archives. RG 218 (US J.C.S.). Geographic File. 381 USSR (3-2-46).

56. Ibid., p. 7-16

57. «Известия» 24 сентября 1946 г.

58. Антонов-Овсеенко А. Атомный король. //Смена. — # 3, 1991. — С. 59.

59. Ю. Харитон. Ядерное оружие СССР: пришло из Америки или создано самостоятельно? //Известия 8 декабря 1992 г., с. 3.

60. О военной идеологии американского империализма. Сборник статей. — М.: Военное издательство Военного министерства Союза ССР, 1951. — С. 16-17.

61. «The Nature of Modern Armed Combat and the Role and Place in It of the Various Branches of the Armed Forces», by General of the Army P. Kurochkin. National Security Archives. CIA. 129.

1.3(a)(4). 19 Sept. 1961. P. 4.

62. Garthoff R. Deterrence and the Revolution in Soviet Military Doctrine. — Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1990. — P. 19.

63. Н. Остроумов. В зоне ядерного удара.//Авиация и космонавтика. N. 9. 1990. — С. 36.

64. Гречко А. Торжество ленинских идей в строительстве советских вооруженных сил. /Ядерный век и война. — М.: Известия, 1964. — С. 5-8.

65. Kennan G. Memoirs 1950-1963. — New York: Pantheon Books, 1972. — P. 246.

66. Kaufmann W. The Requirements of Deterrence. /US Nuclear Strategy... p. 177.

67. McNamara R. Major National Security Problems Confronting the United States. /America's Foreign Policy. — New York: Random House, 1965. — P. 356.

68. О роли интеллектуальной элиты США в формировании концепции «гибкого реагирования» см. А.А. Кокошин, С.М. Рогов. Серые кардиналы Белого дома. — М.: Изд-во АПН, 1986. — С. 17-32.

69. Арбатов А.А. Указ. соч., с. 14-15.

70. McNamara R. Speech to NATO Council... p. 206-207.

71. Арбатов А.Г. Указ. соч., с. 15.

72. Treverton G. From No Cities to Stable Vulnerability. /US Nuclear Strategy... p. 193.

73. Dulles J. Challenge and Response in United States Policy. / America's Foreign Policy... p. 289, 287.

74. Kennedy J. Toward a Strategy of Peace. / America's Foreign Policy... pp. 325-327.

75. McNamara R. San Francisco Speech. / US Nuclear Strategy... p. 268, 270.

76. Арбатов А.Г. Указ. соч., с. 19-20.

77. Добрынин А.Ф. Указ. соч., с. 143.

78. McNamara R. San Francisco Speech. / US Nuclear Strategy... p. 272.

79. Nuclear Weapons Databook... p. 104, 118.

80. Newhouse J. Cold Dawn. The Story of SALT. — New York, Chicago, San Francisco: Holt, Rinehart and Winston, 1973. — P. 76-77.

81. Арбатов А.Г. Указ. соч., с. 24.

82. Foreign Relations of the United States, 1964-1968. Vol. XIV. The Soviet Union... p. 522.

83. Newhouse J. Op. cit., p. 79.

84. McNamara R. San Francisco Speech. / US Nuclear Strategy... p. 276-277.

85. Newhouse J. Op. cit., p. 80-81.

86. McNamara R. San Francisco Speech. / US Nuclear Strategy... p. 281.

87. Черток Б.Е. Указ. соч., с. 71-73.

88. Советская военная мощь от Сталина до Горбачева. — М.: Военный парад, 1999. — С. 223.
89. Там же, с. 224.
90. Там же.
91. Там же, с. 186, 231.
92. Там же, с. 232.
93. Там же, с. 186.
94. Там же, с. 234 — 235.
95. Ракетные комплексы РСН